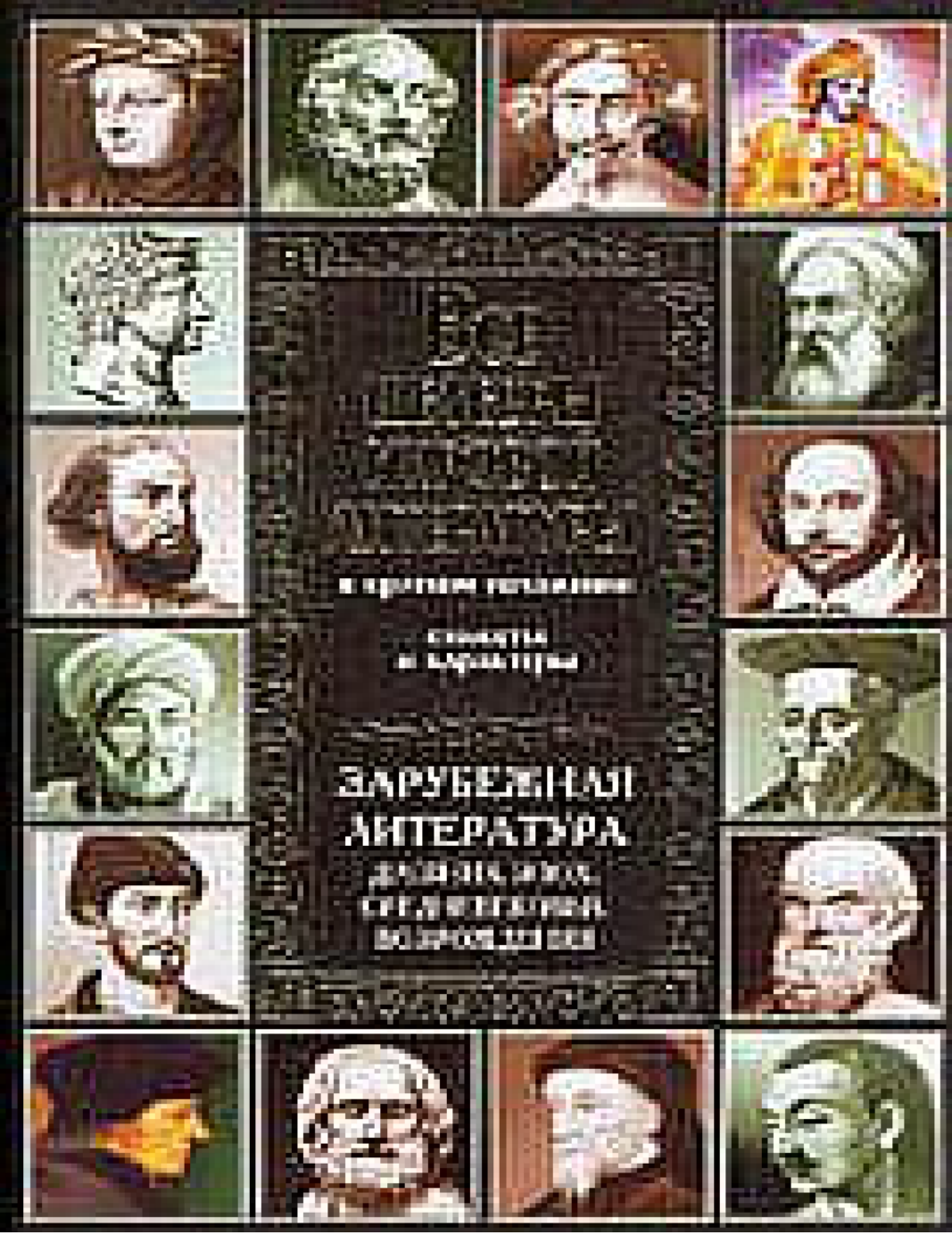
в кратком изложении
сюжеты и характеры
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгу вошли краткие пересказы наиболее значительных произведений зарубежной литературы древних эпох, средневековья и Возрождения. Издание адресовано самому широкому читательскому кругу: ученикам старших классов, абитуриентам, студентам, учителям и преподавателям, а также тем, кто просто любит литературу, кому свод пересказов поможет в поисках увлекательного чтения и в составлении личных библиотек.

- Новиков В.И., Громова Е.В., Кондахсазова Д.Р
  - К читателю
  - АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
    - Греция
      - Гомер (Homeros) [ок. 750 до н. э.]
        - Илиада (Ilias)
        - Одиссея (Odysseia)
      - Аноним [III в. до н. э.?]
        - Война мышей и лягушек (Batrachomyomachia)
      - Гесиод (Hesiodos) [ок. 700 до н. э.]
        - Феогония, или О происхождении богов (Theogonia)
      - Эсхил (Aischylos) [525–456 до н. э.]
        - Семеро против Фив (HeptaepiThebas)
        - Орестея (Oresteia)
        - Прометей прикованный (Prometheusdesmotes)
      - Софокл (Sophocles) [496–406 до н. э]
        - Антигона (Antigone)
        - Трахинянки (Trachiniai)
        - Царь Эдип (OidipousTyraimos)
        - Эдип в Колоне (Oidipouse pi Colonoi)
      - Еврипид (Euripides) [485 (или 480) — 406 до н. э.]
        - Алкестида (Alcestis)
        - Медея (Medeia)
        - Ипполит (Hippolytos)
        - Геракл (Heracles)
        - Ифигения в Тавриде (Iphigeneia en Taurois)
        - Ифигения в Авлиде (Iphigeneiahe en

- Aulidi)
- Аристофан (Aristophanes) [ок. 445–386 до н. э.]
  - Всадники (Hippes)
  - Облака (Nephelai)
  - Лисистрата (Lysistrate)
  - Лягушки (Batrachoi)
- Менандр (Menander) [324–293 до н. э.]
  - Брюзга (Dyskolos)
  - Отрезанная коса, или Остриженная (Perikeiromenae)
- Лукиан (Luldanus) [ок. 120 — ок. 180]
  - Разговоры богов (Dialogoedeorum)
  - Разговоры в царстве мертвых (Dialogoeinregionemortuum)
  - Икароменипп, иди Заоблачный полет (Ikaromenippus)
- Харитон (Charitonos) [II в. н. э.?]
  - Повесть о любви Херея и Каллирои (Та peri Chaireank ai Kalliroen)
- Лонг (Longos) [III в. до н. э.?]
  - Дафнис и Хлоя (Daphnisk ai Chloe)
- Гелиодор (Heliodorus) [III в. до н. э.]
  - Эфиопика (Aethiopica)
- Аполлоний Родосский (ApolloniosRhodios) [ок. 295 — ок. 215 до н. э.]
  - Аргонавтика (Argonautica)
- Ахилл Татий (AchilleusTatius) [II в.]
  - Левкиппа и Клитофонт (Leucippa et Klitofontus)
- Плутарх (Ploutarchos) [46-120]
  - Сравнительные жизнеописания (Bioiparalleloi) — (ок. 100–120)

- Рим
  - Тит Макций Пдавт (Titus Macci us Plautus) [ок. 250–184 дон. э.]
    - Амфитрион (Amphitruo)
    - Менехмы, или Близнецы (Menaechmi)
    - Куркудион (Cwculio)
    - Пленники (Captivi)
    - Хвастливый воин (Milesgloriosus)
  - Пубдий Терентий Афр (PubliusTerentiusAfer) [195–159 до н. э.]
    - Братья (Adelphoe)

- Свекровь (Несуга)
- Формион (Phormio)
- Самоистязатель (Heautontimorumenos)

- Пубдий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maro) [70–19 до н. э.]
  - Энеида (Aeneis)
- Публий Овидий Назон (PubliusOvidiusNaso) [43 до н. э. — 17 н. э.]
  - Метаморфозы (Metamorphoses)
- Луций Анней Сенека (Lucius Annaeus Seneca) [ок. 4 до н. э. — 65 н. э.]
  - Фиест (Thyestes)
- Луций Апулей (Lucius Apuleius) [ок. 125 — ок. 180 н. э.]
  - Метаморфозы, иди Золотой осел (Metamorphosess ive Asinus Aureus)
- Гай Арбитр Петроний (Gaius Petronius Arbiter) [? — 66]
  - Сатирикон (SatiriconusseuCena Trimalchionis)

○ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами Гянджеви [ок. 1141 — ок. 1209]
  - Хосров и Ширин
  - Лейли и Меджнун

○ АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Беовульф (Beowulf)
- Уильям Ленгленд (WillamLangland) [ок. 1330 — ок. 1400]
  - Видение о Петре Пахаре (The vision of Piers Plownan)
- Уильям Ленгленд (WillamLangland) [ок. 1330 — ок. 1400]
  - Кентерберийские рассказы (Canterbury Tales)
- Томас Мэлори (Thomas Malory) [ок. 1417–1471]
  - Смерть Артура (Le morte Darthure)
- Кристофер Марло (Christopher Marlowe) [1564–1593]
  - Трагическая история доктора Фауста (The tragical history of doctor Faustus)
  - Мальтийский еврей (The Jew of Malta)
- Уильям Шекспир (Williame Shakespeare) [1564–

1616]
- Ричард III (Richard III)
- Укрощение строптивой (The Taming of the Shrew)
- Ромео и Джульетта (Romeo and Juliet)
- Сон в летнюю ночь (A Midsummer Night Dream)
- Венецианский купец (The Merchant of Venice)
- Виндзорские насмешницы (The Merry Hives of Hindsor)
- Много шума из ничего (Much Ado About Nothing)
- Король Генрих IV, ч. 1-я (King Henry IV, part One)
- Король Генрих IV, ч. 2-я (King Henry IV, part Two)
- Двенадцатая ночь, или, Что угодно (Twelfth Night; or, What You Hill)
- Гамлет, принц Датский (Hamlet)
- Отелло (Othello)
- Король Лир (King Lear)
- Макбет (Macbeth)
- Антоний и Клеопатра (Anthony and Cleopatra)
- Буря (The Tempest)

○ АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Григор Нарекаци [вторая половина X в.]
  - Книга скорбных песнопений

○ ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Шота Руставели [1162 или 1166 — ок. 1230]
  - Витязь в тигровой шкуре

○ ИНДИЙСКАЯ (САНСКРИТСКАЯ) ЛИТЕРАТУРА
- Махабхарата (Mahabharata) [IV в. до н. э. — IV в. н. э.]
- Рамаяна (Ramayana) [III в. до н. э. — II в. н. э.]
- Хариванша (Hari-vamsa) [середина I тыс. н. э.]
- Ашвагхоша (Asvaghosa) [I–II вв.]
  - Жизнь Будды (Buddha-carita)
- Бхаса (Bhasa) [III–IV вв.?]
  - Пригрезившаяся Васавадатта (Svapna-vasavadatta)
  - Панчатантра (Pancatantra) «Пятикнижие»
- Калидаса (Kalidasa) [IV–V вв.?]

        - Облако-вестник (Megha-duta)
        - Рождение Кумары (Kumara-sambhava)
        - Шакунтала, или Узнанная [по кольцу] Шакунтала (Abhijnana-Sakuntala)
    - Шудрака (Sudraka) [IV–VII вв.]
        - Глиняная повозка (Mrccha-katika)
    - Бхарави (Bharavi) [VI в.]
        - Кирата и Арджуна (Kiratarjuniya)
    - Харша (Harsa) [первая половина VII в.]
        - Ратнавали (Ratnavali)
    - Бана (Bana) [VII в.]
        - Кадамбари (Kadambari)
    - Вишанхадатта (Visakhadatta) [VII в.?]
        - Перстень Ракшасы (Mudra-raksasa)
    - Субандху (Subandhu) [VII в.]
        - Васавадатта (Vasavadatta)
    - Магха (Magha) [вторая половина VII в.]
        - Убиение Шишупалы (Sisupala-vadha)
    - Бхавабхути (Bhavabhuti) [первая половина VIII в.]
        - Малати и Малхава (Malati-madhava)
        - Последние деяния Рамы (Uttara-rama-carita)
    - Джаядева (Jayadeva) [XII в.]
        - Воспетый Говинда (Gita-govinda)
    - Шрихарша (Sriharsa) [вторая половина XII в.]
        - Приключения нишадхца (Naisadha-carita)
- ИРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
    - Саги фантастические
        - Битва при Маг Туиред (Cath Muighe Tuireadh) (XII в.)
        - Сватовство к Этайн (Tochmarc Etaine) (ок. 1100)
    - Саги героические
        - Сага о Кухудине
- ИСЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
    - Сага об Эгиле (Egils saga Skallagrimssonar) [ок. 1220]
    - Сага о людях из Лаксдаля (Laxdoela saga) [середина XIII в.]
    - Сага о Гисли, сыне Кислого (Gisla saga Sursonnar) [середина XIII в.]
    - Сага о Гуннлауге Змеином Языке (Gunnlaugs saga Ormstungu) [ок. 1280]

- Старшая Эдда (Eddadigte) вторая половина XIII в
  - Песни о богах
  - Песни о героях
- ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - Песнь о моем Сиде (El cantar de Mio Cid)
  - Мигель де Сервантес Сааведра (Miguel de Cervantes Saavedra) [1547–1616]
    - Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha)
- ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - Данте Алигьери (Dante Alighieri) [1265–1321]
    - Божественная комедия (La Divina Commedia)
  - Джованни Боккаччо (Giovanni Boccacio) [1313–1375]
    - Фьяметта (La Fiammetta)
    - Фьезоланские нимфы (Nimfale Fiesolano)
    - Декамерон (II Decameron)
    - Ворон (Corbaccio)
  - Франко Саккетги (Franco Sacchetti) [ок. 1330–1400]
    - Триста новелл (11 Trecentonovelle) (1390-е)
  - Никколо Макиавелли (Niccolo Machiavelli) [1459–1527]
    - Мандрагора (Mandragora)
  - Джованфранческо Страпарола да Караваджо (Giovanfrancesco Straparola da Caravaggio) [ок. 1480 — после 1557]
    - Приятные ночи (Le Piacevoli Notti)
  - Лодовико Ариосто (Lodovico Ariosto) [1474–1533]
    - Комедия о сундуке (La Cassaria; другой перевод — «Шкатулка») (1508)
    - Неистовый Роланд (Orlando furioso)
  - Пьетро Аретино (Pietro Aretino) [1492–1556]
    - Комедия о придворных нравах (La Cortigiana) (1554)
    - Философ (II Filosofo)
  - Бенвенуто Чедлини (Benvenuto Cellini) [1500–1571]
    -
  - Торквато Тассо (Torquato Tasso) [1544–1595]
    - Освобожденный Иерусалим (La

- Gerusalemme Liberata)
- КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
  - Неизвестный автор
    - Яньский наследник Дань
  - Бань Гу
    - Старинные истории о ханьском У-ди — государе Воинственном
  - Чэнь Сюанью
    - Жизнеописание Жэнь
  - Ли Гунцзо [770–850]
    - Правитель Нанькэ
  - Шэнь Цзицзи [VIII в.]
    - Волшебное изголовье (Записки о случившемся в изголовье)
  - Юань Чжэнь [779–831]
    - Жизнеописание Ин-ин
  - Ли Фуянь [IX в.]
    - Гуляка и волшебник
  - Бо Синцзянь [? — 862]
    - Повесть о красавице Ли
  - Лэ Ши
    - Ян Гуйфэй
    - Пятнадцать тысяч люнет
  - Лю Фу [XI–XII вв.]
    - Из «Суждений о нравственном, у зеленых ворот»
  - Цинь Чунь [XI–XII вв.]
    - Записки о Теплом источнике
    - История про Тань Гэ (в которой описываются ее дарования и красота)
  - Гуань Ханьцин [ок. 1230 — ок. 1300]
    - Обида Доу Э
  - Ма Чжиюань [? — ум. между 1321–1324]
    - Осень в Ханьском дворце
  - Чжэн Тинъюй [? — ок. 1330]
    - Знак «терпение»
  - Неизвестный автор
    - Убить собаку, чтобы образумить мужа
  - Фэн Мэнлун
    - Путь к Заоблачным Вратам
    - Мошенник Чжао и его дружки
    - Бунт Ван Синьчжи
  - Лин Мэнчу
    - Заклятие даоса

- Сапог бога Эрлана
- Глиняная беседка
- Красотка Мо просчиталась
- Цюй Ю [1341–1427]
  - Записки о пионовом фонаре
  - Жизнеописание Девы в зеленом
  - Записки о шпильке — золотом фениксе
- Ли Чжэн [XIV–XV вв.]
  - Записки о ширме с цветами лотоса
  - Ночная прогулка по Чанъани
- У Чэнъэнь
  - Путешествие на Запад (Си ю цзи)

○ НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Вольфрам фон Эшенбах (Wolfram von Eschenbach) [ок. 1170 — ок. 1220]
  - Парцифаль (Parzival)
  - Песнь о Нибедунгах (Das Nibelungenlied)

○ НИДЕРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Эразм Роттердамский (Erasmus Roterdamus) [1469–1536]
  - Похвала Глупости (Morial Encomium [sive] Stultitial Laus)

○ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Абулькасим Фирдоуси [ок. 940 — 1020 или 1030]
  - Сказание о Сиавуше
  - Сказание о Сохрабе

○ ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Луис де Камоэнс (Luis de Camoes) [1524/1525-1580]
  - Лузиады (Os Lusiadas)

○ ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Абдаллах ибн Фарадж [XV в.]
  - Книга моего деда Коркута

○ УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Алишер Навои [1441–1501]
  - Стена Искандера

○ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
- Песнь о Роланде (Chanson de Roland)
  -
- Тристан и Изольда (Le Roman de Tristan et Iseut)
  -
- Кретьен де Труа (Chretien de Troyes)[ок. 1135 — ок. 1183]

        - Ивэйн, иди Рыцарь со львом (Yvain ou Chevalier au lion)
    - Фаблио (Fabliau)
        -
    - Роман о Розе (Roman de la Rose)
    - Роман о Лисе (Le Roman de Renart)
  - Рютбеф (Rutebeuf) [ок. 1230–1285]
    - Чудо о Теофиле (Le miracle de Theopfile)
  - Пайен из Мезьера (Paiens de Maisieres) [XIII в.]
    - Мул без узды (La Mule sanz frain)
  - Средневековые французские фарсы [XV в.]
  - Маргарита Наваррская (Marguerite de Navarre) [1492–1549]
    - Гептамерон (L'Heptameron)
  - Франсуа Рабле (Francois Rabelais) [1494–1553]
    - Гаргантюа и Пантагрюэль (Gargantua et Pantagruel)
  - Мишель Эйкем де Монтень (Michel Eyquem de Montaigne) [1533–1592]
    - Опыты (Les Essais)
  - ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
    - Неизвестный автор
        - Повесть о старике Такэтори
    - Неизвестный автор
        - Повесть о прекрасной Отикубо
    - Сэй Сёнагон [966—1017]
        - Записки у изголовья
    - Неизвестный автор
        - Великое Зерцало
    - Камо-но Тёмэй [1153–1216]
        - Записки из кельи (Ходзёки)
    - Нидзё [1253-?]
        - Непрошеная повесть
    - Неизвестный автор [XIII в.]
        - Повесть о доме Тайра (Хэйкэ моногатари)

- notes
  - 1
  - 2

Новиков В.И., Громова Е.В., Кондахсазова Д.Р

"ВСЕ ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ"

Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения: Энциклопедическое издание

К читателю

«Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры» — первый в России опыт создания свода кратких пересказов наиболее значительных произведений отечественной и зарубежной словесности.

Необходимость в книжном издании такого рода назрела с давних пор. Современная культура нуждается в систематическом и вместе с тем доходчивом описании золотого фонда мировой литературы, сложившегося к концу XX века и второго тысячелетия.

Перед вами не просто справочное издание, но и книга для чтения. Краткие пересказы, естественно, не могут заменить первоисточников, но могут дать целостное и живое представление о них. Именно к этому стремились все участники этого коллективного труда — литературоведы, переводчики, прозаики,

Том «Зарубежная литература древних эпох, средневековья и Возрождения» состоит из разделов, посвященных национальным литературам и размещенных в алфавитном порядке, за исключением античной литературы Греции и Рима, открывающей данный том. Имена авторов и названия произведений приводятся по-русски, а затем на языке оригинала, кроме тех случаев (литературы Китая и Японии, Армении и Грузии, тюрко- и персоязычные литературы), когда это сделать было невозможно по полиграфическим причинам. Греческие имена и названия, а также названия произведений древнеиндийской литературы на санскрите даны в латинской транскрипции.[1]

Каждый том настоящего издания является самостоятельной книгой, а все вместе они составляют своеобразный атлас мирового литературного пространства от древнейших времен до наших дней. Основное место здесь занимают пересказы романов, повестей, драматургических произведений и эпических поэм, менее полно представлена новеллистика. За пределами данного свода остались такие бессюжетные и не поддающиеся пересказу жанры, как лирическая поэзия, исторические и философские трактаты. Вынося в название нашего издания слово «шедевры», мы имели в виду не только высшие достижения словесного искусства, но и более обширный массив литературных произведений, сохранивших духовно-эстетическую актуальность до наших дней.

Издание адресовано самому широкому читательскому кругу: тем, кто изучает и преподает литературу, тем, ктоее просто

любит, кому свод пересказов поможет в поисках увлекательного чтения и в составлении личных библиотек.

Вл. И. Новиков, д.ф.н.

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Греция

Гомер (Homeros) [ок. 750 до н. э.]

Илиада (Ilias)

Эпическая поэма

Мифы большинства народов — это мифы прежде всего о богах. Мифы Древней Греции — исключение: в большей и лучшей части их рассказывается не о богах, а о героях. Герои — это сыновья, внуки и правнуки богов от смертных женщин; они совершали подвиги, очищали землю от чудовищ, наказывали злодеев и тешили свою силу в междоусобных войнах. Когда Земле стало от них тяжело, боги сделали так, чтобы они сами перебили друг друга в самой великой войне — Троянской: «…и у стен Илиона / Племя героев погибло — свершилася Зевсова воля».

«Илион», «Троя» — два названия одного и того же могучего города в Малой Азии, возле берега Дарданелл. По первому из этих имен великая греческая поэма о Троянской войне называется «Илиада». До нее в народе существовали только короткие устные песни о подвигах героев вроде былин или баллад. Большую поэму из них сложил легендарный слепой певец Гомер, и сложил очень искусно: выбрал только один эпизод из долгой войны и развернул его так, что в нем отразился весь героический век. Этот эпизод — «гнев Ахилла», величайшего из последнего поколения греческих героев.

Троянская война длилась десять лет. В поход на Трою собрались десятки греческих царей и вождей на сотнях кораблей с тысячами воинов: перечень их имен занимает в поэме несколько страниц. Главным вождем был сильнейший из царей — правитель города Аргос Агамемнон; с ним были брат его Менелай (ради которого и началась война), могучий Аякс, пылкий Диомед, хитроумный Одиссей, старый мудрый Нестор и другие; но самым храбрым, сильным и ловким был юный Ахилл, сын морской богини фетиды, которого сопровождал друг его Патрокл. Троянцами же правил седой царь Приам, во главе их войска стоял доблестный сын Приама Гектор, при нем брат его Парис (из-за которого и началась война) и много союзников со всей Азии. Сами боги участвовали в войне: троянцам помогал сребролукий Аполлон, а грекам — небесная царица Гера и мудрая воительница Афина. Верховный же бог, громовержец Зевс, следил за битвами с

высокого Олимпа и вершил свою волю.

Началась война так. Справлялась свадьба героя Пелея и морской богини Фетиды — последний брак между богами и смертными. (Это тот самый брак, от которого родился Ахилл.) На пиру богиня раздора бросила золотое яблоко, предназначенное «прекраснейшей». Из-за яблока заспорили трое: Гера, Афина и богиня любви Афродита. Зевс приказал рассудить их спор троянскому царевичу Парису. Каждая из богинь обещала ему свои дары: Гера обещала сделать его царем над всем миром, Афина — героем и мудрецом, Афродита — мужем красивейшей из женщин. Парис отдал яблоко Афродите. После этого Гера с Афиной и стали вечными врагами Трои. Афродита же помогла Парису обольстить и увезти в Трою красивейшую из женщин — Елену, дочь Зевса, жену царя Менелая. Когда-то к ней сватались лучшие богатыри со всей Греции и, чтобы не перессориться, сговорились так: пусть сама выберет, кого хочет, а если кто попробует отбить ее у избранника, все остальные пойдут на него войной. (Каждый надеялся, что избранником будет он.) Тогда Елена выбрала Менелая; теперь же ее отбил у Менелая Парис, и все бывшие ее женихи пошли на него войной. Только один, самый молодой, не сватался к Елене, не участвовал в общем уговоре и шел на войну только для того, чтобы блеснуть доблестью, явить силу и стяжать славу. Это был Ахилл. Так чтобы по-прежнему никто из богов не вмешивался в битву. Троянцы продолжают свой натиск, во главе их — Гектор и Сарпедон, сын Зевса, последний из сыновей Зевса на земле. Ахилл из своего шатра холодно наблюдает, как бегут греки, как подступают троянцы к самому их лагерю: вот-вот они подожгут греческие корабли. Гера с вышины тоже видит бегство греков и в отчаянии решается на обман, чтобы отвлечь суровое внимание Зевса. Она предстает перед ним в волшебном поясе Афродиты, возбуждающем любовь, Зевс вспыхивает страстью и соединяется с нею на вершине Иды; золотое облако окутывает их, а земля вокруг расцветает шафраном и гиацинтами. За любовью приходит сон, и, пока Зевс спит, греки собираются с духом и приостанавливают троянцев. Но сон недолог; Зевс пробуждается, Гера дрожит перед его гневом, а он говорит ей: «Умей терпеть: все будет по-твоему и греки победят троянцев, но не раньше, чем Ахилл усмирит гнев и выйдет в бой: так обещал я богине Фетиде».

Но Ахилл еще не готов «сложить гнев», и на помощь грекам вместо него выходит друг его Патрокл: ему больно смотреть на товарищей в беде. Ахилл дает ему своих воинов, свои доспехи, которых привыкли бояться троянцы, свою колесницу, запряженную вещими конями, умеющими говорить и прорицать.

«Отрази троянцев от лагеря, спаси корабли, — говорит Ахилл, — но не увлекайся преследованьем, не подвергай себя опасности! О, пусть бы погибли все и греки и троянцы, — мы бы с тобою одни вдвоем овладели бы Троей!» И впрямь, увидев доспехи Ахилла, троянцы дрогнули и поворотили вспять; и тогда-то Патрокл не удержался и бросился их преследовать. Навстречу ему выходит Сарпедон, сын Зевса, и Зевс, глядя с высоты, колеблется: «Не спасти ли сына?» — а недобрая Гера напоминает:

«Нет, пусть свершится судьба!» Сарпедон рушится, как горная сосна, вокруг его тела закипает бой, а Патрокл рвется дальше, к воротам Трои. «Прочь! — кричит ему Аполлон, — не суждено Трою взять ни тебе, ни даже Ахиллу». Тот не слышит; и тогда Аполлон, окутавшись тучей, ударяет его по плечам, Патрокл лишается сил, роняет щит, шлем и копье, Гектор наносит ему последний удар, и Патрокл, умирая, говорит: «Но и сам ты падешь от Ахилла!»

До Ахилла долетает весть: Патрокл погиб, в его, Ахилловых, доспехах красуется Гектор, друзья с трудом вынесли из битвы мертвое тело героя, торжествующие троянцы преследуют их по пятам. Ахилл хочет броситься в бой, но он безоружен; он выходит из шатра и кричит, и крик этот так страшен, что троянцы, содрогнувшись, отступают. Опускается ночь, и всю ночь Ахилл оплакивает друга и грозит троянцам страшным отмщеньем; а тем временем по просьбе матери его, Фетиды, хромой бог-кузнец Гефест в своей медной кузнице выковывает для Ахилла новое дивное оружие. Это панцирь, шлем, поножи и щит, а на щите изображен целый мир: солнце и звезды, земля и море, мирный город и воюющий город, в мирном городе суд и свадьба, пред воюющим городом засада и битва, а вокруг — сельщина, пахота, жатва, пастбище, виноградник, деревенский праздник и пляшущий хоровод, а посредине его — певец с лирою.

Наступает утро, Ахилл облачается в божественные доспехи и созывает греческое войско на сходку. Гнев его не угас, но теперь он обращен не на Агамемнона, а на тех, кто погубил его друга, — на троянцев и Гектора. Агамемнону он предлагает примирение, и тот с достоинством его принимает: «Зевс и Судьба ослепили меня, а сам я невинен». Брисеида возвращена Ахиллу, богатые дары внесены в его шатер, но Ахилл почти на них не смотрит: он рвется в бой, он хочет мстить.

Наступает четвертая битва. Зевс снимает запреты: пусть сами боги бьются, за кого хотят! Ратница Афина сходится в бою с неистовым Аресом, державная Гера — с лучницей Артемидой, морской Посейдон должен сойтись с Аполлоном, но тот останавливает его печальными словами: «Нам ли с тобой воевать

из-за смертного рода людского? / Листьям недолгим в дубраве подобны сыны человечьи: / Ныне цветут они в силе, а завтра лежат бездыханны. / Распри с тобой не хочу я: пускай они сами враждуют!..»

Ахилл страшен. Он схватился с Энеем, но боги вырвали Энея из его рук: Энею не судьба пасть от Ахилла, он должен пережить и Ахилла, и Трою. Разъяренный неудачей, Ахилл губит троянцев без счета, трупы их загромождают реку, речной бог Скамандр нападает на него, захлестывая валами, но огненный бог Гефест усмиряет речного.

Уцелевшие троянцы толпами бегут спасаться в город; Гектор один, во вчерашних Ахилловых доспехах, прикрывает отступление. На него налетает Ахилл, и Гектор обращается в бегство, вольное и невольное: он боится за себя, но хочет отвлечь Ахилла от других. Три раза обегают они город, а боги смотрят на них с высот. Вновь Зевс колеблется: «Не спасти ли героя?» — но Афина ему напоминает:

«Пусть свершится судьба». Вновь Зевс поднимает весы, на которых лежат два жребия — на этот раз Гекторов и Ахиллов. Чаша Ахилла взлетела ввысь, чаша Гектора наклонилась к подземному царству. И Зевс дает знак: Аполлону — покинуть Гектора, Афине — прийти на помощь Ахиллу. Афина удерживает Гектора, и он сходится с Ахиллом лицом к лицу. «Обещаю, Ахилл, — говорит Гектор, — если я тебя убью, то сниму с тебя доспехи, а тела не трону; обещай мне то же и ты». «Нет места обещаньям: за Патрокла я сам растерзаю тебя и напьюсь твоей крови!» — кричит Ахилл. Копье Гектора ударяет в Гефестов щит, но тщетно; копье Ахилла ударяет в Гекторово горло, и герой падает со словами: «Бойся мести богов: и ты ведь падешь вслед за мною». «Знаю, но прежде — ты!» — отвечает Ахилл. Он привязывает тело убитого врага к своей колеснице и гонит коней вокруг Трои, глумясь над погибшим, а на городской стене плачет о Гекторе старый Приам, плачет вдовица Андромаха и все троянцы и троянки.

Патрокл отомщен. Ахилл устраивает другу пышное погребение, убивает над его телом двенадцать троянских пленников, справляет поминки. Казалось бы, гнев его должен утихнуть, но он не утихает. Трижды в день Ахилл гонит свою колесницу с привязанным телом Гектора вокруг Патроклова кургана; труп давно бы разбился о камни, но его незримо оберегал Аполлон. Наконец вмешивается Зевс — через морскую Фетиду он объявляет Ахиллу: «Не свирепствуй сердцем! ведь и тебе уже не долго осталось жить. Будь человечен: прими выкуп и отдай Гектора для погребения». И Ахилл говорит: «Повинуюсь».

Ночью к шатру Ахилла приходит дряхлый царь Приам; с ним — повозка, полная выкупных даров. Сами боги дали ему пройти через греческий лагерь незамеченным. Он припадает к коленям Ахилла;

«Вспомни, Ахилл, о твоем отце, о Пелее! Он так же стар; может быть, и его теснят враги; но ему легче, потому что он знает, что ты жив, и надеется, что ты вернешься. Я же одинок: из всех моих сыновей надеждою мне был только Гектор — и вот его уже нет. Ради отца пожалей меня, Ахилл: вот я целую твою руку, от которой пали мои дети». «Так говоря, он печаль об отце возбудил в нем и слезы — / Оба заплакали громко, в душе о своих вспоминая: / Старец, простершись у ног Ахилла, — о Гекторе храбром, / Сам же Ахилл — то о милом отце, то о друге Патрокле».

Равное горе сближает врагов: только теперь затихает долгий гнев в Ахилловом сердце. Он принимает дары, отдает Приаму тело Гектора и обещает не тревожить троянцев, пока они не предадут своего героя земле. Рано на заре возвращается Приам с телом сына в Трою, и начинается оплакивание: плачет над Гектором старая мать, плачет вдова Андромаха, плачет Елена, из-за которой началась когда-то война. Зажигается погребальный костер, останки собирают в урну, урну опускают в могилу, над могилой насыпают курган, по герою справляют поминальный пир. «Так воителя Гектора Трои сыны погребали» — этой строчкой заканчивается «Илиада».

До конца Троянской войны оставалось еще немало событий. Троянцы, потеряв Гектора, уже не осмеливались выходить за городские стены. Но на помощь им приходили и бились с Гектором другие, все более дальние народы: из Малой Азии, из сказочной земли амазонок, из дальней Эфиопии. Самым страшным был вождь эфиопов, черный исполин Мемнон, тоже сын богини; он сразился с Ахиллом, и Ахилл его ниспроверг. Тогда-то и бросился Ахилл на приступ Трои — тогда-то и погиб он от стрелы Париса, которую направил Аполлон. Греки, потеряв Ахилла, уже не надеялись взять Трою силой — они взяли ее хитростью, заставив троянцев ввезти в город деревянного коня, в котором сидели греческие витязи. Об этом потом расскажет в своей «Энеиде» римский поэт Вергилий. Троя была стерта с лица земли, а уцелевшие греческие герои пустились в обратный путь.

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Одиссея (Odysseia)

Эпическая поэма

Троянская война была затеяна богами для того, чтобы кончилось время героев и наступил нынешний, людской, железный век. Кто не погиб у стен Трои, тот должен был погибнуть на обратном пути.

Большинство уцелевших греческих вождей поплыли на родину, как плыли на Трою — общим флотом через Эгейское море. Когда они были на полпути, морской бог Посейдон грянул бурей, корабли разметало, люди утонули в волнах и разбились о скалы. Спастись суждено было только избранным. Но и тем пришлось нелегко. Пожалуй, только старому мудрому Нестору удалось спокойно достигнуть своего царства в городе Пилосе. Одолел бурю верховный царь Агамемнон, но лишь затем, чтобы погибнуть еще более страшной смертью — в родном Аргосе его убила собственная жена и ее мститель-любовник; об этом потом напишет трагедию поэт Эсхил. Менелая с возвращенной ему Еленою занесло ветрами далеко в Египет, и он очень долго добирался до своей Спарты. Но дольше всех и труднее всех был путь хитроумного царя Одиссея, которого море носило по свету десять лет. О его судьбе и сложил Гомер свою вторую поэму: «Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, / Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, / Многих людей города посетил и обычаи видел, / Много и горя терпел на морях, о спасенье заботясь…»

«Илиада» — поэма героическая, действиеее происходит на бранном поле и в военном стане. «Одиссея» — поэма сказочная и бытовая, действиеее разворачивается, с одной стороны, в волшебных краях великанов и чудовищ, где скитался Одиссей, с другой — в его маленьком царстве на острове Итаке и в ее окрестностях, где ждали Одиссея его жена Пенелопа и его сын Телемах. Как в «Илиаде» для повествования выбран только один эпизод, «гнев Ахилла», так и в «Одиссее» — только самый конец его странствий, последние два перегона, с дальнего западного края земли до родной Итаки. Обо всем, что было раньше, Одиссей рассказывает на пиру в середине поэмы, и рассказывает очень сжато: на все эти сказочные приключения в поэме приходится страниц пятьдесят из трехсот. В «Одиссее» сказка оттеняет быт, а не наоборот, хотя читатели, и древние и современные, охотнее перечитывали и вспоминали именно сказку.

В Троянской войне Одиссей очень много сделал для греков — особенно там, где нужна была не сила, а ум. Это он догадался связать женихов Елены клятвою сообща помогать ее избраннику против любого обидчика, а без этого войско никогда не собралось бы в поход. Это он привлек в поход юного Ахилла, а без этого

победа была бы невозможна. Это он, когда в начале «Илиады» греческое войско после общей сходки едва не ринулось из-под Трои в обратный путь, сумел его остановить. Это он уговаривал Ахилла, когда тот поссорился с Агамемноном, вернуться в бой. Когда после гибели Ахилла доспехи убитого должен был получить лучший воин греческого стана, их получил Одиссей, а не Аякс. Когда Трою не удалось взять осадою, это Одиссей придумал построить деревянного коня, в котором спрятались и проникли таким образом в Трою самые храбрые греческие вожди, — и он в их числе. Богиня Афина, покровительница греков, больше всего из них любила Одиссея и помогала ему на каждом шагу. Зато бог Посейдон его ненавидел — мы скоро узнаем почему, — и это Посейдон своими бурями десять лет не давал ему добраться до родины. Десять лет под Троей, десять лет в странствиях, — и только на двадцатый год его испытаний начинается действие «Одиссеи».

Начинается оно, как и в «Илиаде», «Зевсовой волей». Боги держат совет, и Афина заступается перед Зевсом за Одиссея. Он — в плену у влюбленной в него нимфы Калипсо, на острове в самой середине широкого моря, и томится, напрасно желая «видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий». А в царстве его, на острове Итаке, все уже считают его погибшим, и окрестные вельможи требуют, чтобы царица Пенелопа избрала себе из них нового мужа, а острову — нового царя. Их больше сотни, они живут в Одиссеевом дворце, буйно пируют и пьют, разоряя Одиссеево хозяйство, и развлекаются с Одиссеевыми рабынями. Пенелопа пыталась их обмануть: она сказала, что дала обет объявить свое решение не раньше, чем соткет саван для старого Лаэрта, Одиссеева отца, который вот-вот умрет. Днем она у всех на виду ткала, а ночью тайно распускала сотканное. Но служанки выдали ее хитрость, и ей все труднее стало сопротивляться настояниям женихов. С нею сын ее Телемах, которого Одиссей оставил еще младенцем; но он молод, и с ним не считаются.

И вот к Телемаху приходит незнакомый странник, называет себя старым другом Одиссея и дает ему совет: «Снаряди корабль, обойди окрестные земли, собери вести о пропавшем Одиссее; если услышишь, что он жив, — скажешь женихам, чтобы ждали еще год; если услышишь, что мертв, — скажешь, что справишь поминки и склонишь мать к замужеству». Посоветовал и исчез — ибо в образе его являлась сама Афина. Так Телемах и поступил. Женихи противились, но Телемаху удалось уйти и сесть на корабль незамеченным — ибо и в этом ему помогла все та же Афина,

Телемах плывет на материк — сперва в Пилос к дряхлому Нестору, потом в Спарту к только что вернувшимся Менелаю и Елене. Словоохотливый Нестор рассказывает, как плыли герои из-под Трои и тонули в буре, как погиб потом в Аргосе Агамемнон и как отомстил убийце его сын Орест; но о судьбе Одиссея он ничего не знает. Гостеприимный Менелай рассказывает, как он, Менелай, заблудившись в своих странствиях, на египетском берегу подстерег вещего морского старца, тюленьего пастуха Протея, умевшего обращаться и в льва, и в вепря, и в барса, и в змея, и в воду, и в дерево; как боролся он с Протеем, и одолел его, и узнал у него обратный путь; а заодно узнал и о том, что Одиссей жив и страдает среди широкого моря на острове нимфы Калипсо. Обрадованный этою вестью, Телемах собирается воротиться на Итаку, но тут Гомер прерывает свой рассказ о нем и обращается к судьбе Одиссея.

Заступничество Афины помогло: Зевс посылает к Калипсо вестника богов Гермеса: время настало, пора отпустить Одиссея. Нимфа горюет: «Для того ли я спасла его из моря, для того ли хотела одарить его бессмертьем?» — но ослушаться не смеет. Корабля у Одиссея нет — нужно сколотить плот. Четыре дня он работает топором и буравом, на пятый — плот спущен. Семнадцать дней плывет он под парусом, правя по звездам, на восемнадцатый разражается буря. Это Посейдон, увидя ускользающего от него героя, взмел пучину четырьмя ветрами, бревна плота разлетелись, как солома. «Ах, зачем не погиб я под Троей!» — вскричал Одиссей. Помогли Одиссею две богини: добрая морская нимфа бросила ему волшебное покрывало, спасающее от потопления, а верная Афина уняла три ветра, оставив четвертый нести его вплавь к ближнему берегу. Два дня и две ночи плывет он, не смыкая глаз, а на третий волны выбрасывают его на сушу. Голый, усталый, беспомощный, он зарывается в кучу листьев и засыпает мертвым сном.

Это была земля блаженных феаков, над которыми правил добрый царь Алкиной в высоком дворце: медные стены, золотые двери, шитые ткани на лавках, спелые плоды на ветках, вечное лето над садом. У царя была юная дочь Навсикая; ночью ей явилась Афина и сказала: «Скоро тебе замуж, а одежды твои не стираны; собери служанок, возьми колесницу, ступайте к морю, выстирайте платья». Выехали, выстирали, высушили, стали играть в мяч; мяч залетел в море, девушки громко вскрикнули, крик их разбудил Одиссея. Он поднимается из кустов, страшный, покрытый морскою засохшею тиной, и молит: «Нимфа ли ты или смертная, помоги: дай мне прикрыть наготу, укажи мне дорогу к людям, и да пошлют тебе боги доброго мужа». Он омывается,

умащается, одевается, и Навсикая, любуясь, думает: «Ах, если бы дали мне боги такого мужа». Он идет в город, входит к царю Алкиною, рассказывает ему о своей беде, но себя не называет; тронутый Алкиной обещает, что феакийские корабли отвезут его, куда он ни попросит.

Одиссей сидит на Алкиноевом пиру, а мудрый слепой певец Демодок развлекает пирующих песнями. «Спой о Троянской войне!» — просит Одиссей; и Демодок поет об Одиссеевом деревянном коне и о взятии Трои. У Одиссея слезы на глазах. «Зачем ты плачешь? — говорит Алкиной. — Для того и посылают боги героям смерть, чтобы потомки пели им славу. Верно, у тебя пал под Троею кто-то из близких?» И тогда Одиссей открывается: «Я — Одиссей, сын Лаэрта, царь Итаки, маленькой, каменистой, но дорогой сердцу…» — и начинает рассказ о своих скитаниях. В рассказе этом — девять приключений.

Первое приключение — у лотофагов. Буря унесла Одиссеевы корабли из-под Трои на дальний юг, где растет лотос — волшебный плод, отведав которого, человек забывает обо всем и не хочет в жизни ничего, кроме лотоса. Лотофаги угостили лотосом Одиссеевых спутников, и те забыли о родной Итаке и отказались плыть дальше. Силою их, плачущих, отвели на корабль и пустились в путь.

Второе приключение — у киклопов. Это были чудовищные великаны с одним глазом посреди лба; они пасли овец и коз и не знали вина. Главным среди них был Полифем, сын морского Посейдона. Одиссей с дюжиной товарищей забрел в его пустую пещеру. Вечером пришел Полифем, огромный, как гора, загнал в пещеру стадо, загородил выход глыбой, спросил: «Кто вы?» — «Странники, Зевс наш хранитель, мы просим помочь нам». — «Зевса я не боюсь!» — и киклоп схватил двоих, размозжил о стену, сожрал с костями и захрапел. Утром он ушел со стадом, опять заваливши вход; и тут Одиссей придумал хитрость. Он с товарищами взял киклопову дубину, большую, как мачта, заострил, обжег на огне, припрятал; а когда злодей пришел и сожрал еще двух товарищей, то поднес ему вина, чтобы усыпить. Вино понравилось чудовищу. «Как тебя зовут?» — спросил он. «Никто!» — ответил Одиссей. «За такое угощение я тебя, Никто, съем последним!» — и хмельной киклоп захрапел. Тут Одиссей со спутниками взяли дубину, подошли, раскачали ее и вонзили в единственный великанов глаз. Ослепленный людоед взревел, сбежались другие киклопы: «Кто тебя обидел, Полифем?» — «Никто!» — «Ну, коли никто, то и шуметь нечего» — и разошлись. А чтобы выйти из пещеры, Одиссей привязал товарищей под брюхо киклоповым баранам, чтобы тот их не нащупал, и так

вместе со стадом они покинули утром пещеру. Но, уже отплывая, Одиссей не стерпел и крикнул:

«Вот тебе за обиду гостям казнь от меня, Одиссея с Итаки!» И циклоп яростно взмолился отцу своему Посейдону: «Не дай Одиссею доплыть до Итаки — а если уж так суждено, то пусть доплывет нескоро, один, на чужом корабле!» И бог услышал его молитву.

Третье приключение — на острове бога ветров Эола. Бог послал им попутный ветер, а остальные завязал в кожаный мешок и дал Одиссею: «Доплывешь — отпусти». Но когда уже виднелась Итака, усталый Одиссей заснул, а спутники его развязали мешок раньше времени; поднялся ураган, их примчало обратно к Эолу. «Значит, боги против тебя!» — гневно сказал Эол и отказался помогать ослушнику.

Четвертое приключение — у лестригонов, диких великанов-людоедов. Они сбежались к берегу и обрушили огромные скалы на Одиссеевы корабли; из двенадцати судов погибло одиннадцать, Одиссей с немногими товарищами спасся на последнем.

Пятое приключение — у волшебницы Кирки, царицы Запада, всех пришельцев обращавшей в зверей. Одиссеевым посланцам она поднесла вина, меда, сыра и муки с ядовитым зельем — и они обратились в свиней, а она загнала их в хлев. Спасся один и в ужасе рассказал об этом Одиссею; тот взял лук и пошел на помощь товарищам, ни на что не надеясь. Но Гермес, вестник богов, дал ему божье растение: корень черный, цветок белый, — и чары оказались бессильны против Одиссея. Угрожая мечом, он заставил волшебницу вернуть человечий облик его друзьям и потребовал: «Вороти нас в Итаку!» — «Спроси путь у вещего Тиресия, пророка из пророков», — сказала колдунья. «Но он же умер!» — «Спроси у мертвого!» И она рассказала, как это сделать.

Шестое приключение — самое страшное: спуск в царство мертвых. Вход в него — на краю света, в стране вечной ночи. Души мертвых в нем бесплотны, бесчувственны и бездумны, но, выпив жертвенной крови, обретают речь и разум. На пороге царства мертвых Одиссей зарезал в жертву черного барана и черную овцу; души мертвых слетелись на запах крови, но Одиссей отгонял их мечом, пока перед ним не предстал вещий Тиресий. Испив крови, он сказал:

«Беды ваши — за обиду Посейдону; спасение ваше — если не обидите еще и Солнце-Гелиоса; если же обидите — ты вернешься в Итаку, но один, на чужом корабле, и нескоро. Дом твой разоряют женихи Пенелопы; но ты их осилишь, и будет тебе долгое царство и мирная старость». После этого Одиссей

допустил к жертвенной крови и других призраков. Тень его матери рассказала, как умерла она от тоски по сыну; он хотел обнять ее, но под руками его был только пустой воздух. Агамемнон рассказал, как погиб он от своей жены: «Будь, Одиссей, осторожен, на жен полагаться опасно». Ахилл сказал ему:

«Лучше мне быть батраком на земле, чем царем между мертвых». Только Аякс не сказал ничего, не простив, что Одиссею, а не ему достались доспехи Ахилла. Издали видел Одиссей и адского судью Миноса, и вечно казнимых гордеца Тантала, хитреца Сизифа, наглеца Тития; но тут ужас охватил его, и он поспешил прочь, к белому свету.

Седьмым приключением были Сирены — хищницы, обольстительным пением заманивающие мореходов на смерть. Одиссей перехитрил их: спутникам своим он заклеил уши воском, а себя велел привязать к мачте и не отпускать, несмотря ни на что. Так они проплыли мимо, невредимые, а Одиссей еще и услышал пение, слаще которого нет.

Восьмым приключением был пролив между чудовищами Скиллой и Харибдой: Скилла — о шести головах, каждая с тремя рядами зубов, и о двенадцати лапах; Харибда — об одной гортани, но такой, что одним глотком затягивает целый корабль. Одиссей предпочел Скиллу Харибде — и был прав: она схватила с корабля и шестью ртами сожрала шестерых его товарищей, но корабль остался цел.

Девятым приключением был остров Солнца-Гелиоса, где паслись его священные стада — семь стад красных быков, семь стад белых баранов. Одиссей, памятуя завет Тиресия, взял с товарищей страшную клятву не касаться их; но дули противные ветры, корабль стоял, спутники изголодались и, когда Одиссей заснул, зарезали и съели лучших быков. Было страшно: содранные шкуры шевелились, и мясо на вертелах мычало. Солнце-Гелиос, который все видит, все слышит, все знает, взмолился Зевсу: «Накажи обидчиков, не то я сойду в подземное царство и буду светить среди мертвых». И тогда, как стихли ветры и отплыл от берега корабль, Зевс поднял бурю, грянул молнией, корабль рассыпался, спутники потонули в водовороте, а Одиссей один на обломке бревна носился по морю девять дней, пока не выбросило его на берег острова Калипсо.

Так заканчивает Одиссей свою повесть.

Царь Алкиной исполнил обещание: Одиссей взошел на феакийский корабль, погрузился в очарованный сон, а проснулся уже на туманном берегу Итаки. Здесь его встречает покровительница Афина. «Пришла пора для твоей хитрости, —

говорит она, — таись, стерегись женихов и жди сына твоего Телемаха!» Она касается его, и он делается неузнаваем: стар, лыс, нищ, с посохом и сумою. В этом виде идет он в глубь острова — просить приюта у старого доброго свинопаса Евмея. Евмею он рассказывает, будто родом он с Крита, воевал под Троей, знал Одиссея, плавал в Египет, попал в рабство, был у пиратов и еле спасся. Евмей зовет его в хижину, сажает к очагу, угощает, горюет о пропавшем без вести Одиссее, жалуется на буйных женихов, жалеет царицу Пенелопу и царевича Телемаха. На другой день приходит и сам Телемах, вернувшийся из своего странствия, — конечно, его тоже направила сюда сама Афина, Перед ним Афина возвращает Одиссею настоящий его облик, могучий и гордый. «Не бог ли ты?» — вопрошает Телемах. «Нет, я отец твой», — отвечает Одиссей, и они, обнявшись, плачут от счастья,

Близится конец. Телемах отправляется в город, во дворец; за ним бредут Евмей и Одиссей, снова в образе нищего. У дворцового порога совершается первое узнание: дряхлый Одиссеев пес, за двадцать лет не забывший голос хозяина, поднимает уши, из последних сил подползает к нему и умирает у его ног. Одиссей входит в дом, обходит горницу, просит подаяния у женихов, терпит насмешки и побои. Женихи стравливают его с другим нищим, моложе и крепче; Одиссей неожиданно для всех опрокидывает его одним ударом. Женихи хохочут: «Пусть тебе Зевс за это пошлет, чего ты желаешь!» — и не знают, что Одиссей желает им скорой погибели. Пенелопа зовет чужестранца к себе: не слышал ли он вестей об Одиссее? «Слышал, — говорит Одиссей, — он в недальнем краю и скоро прибудет». Пенелопе не верится, но она благодарна гостю. Она велит старой служанке омыть страннику перед сном его пыльные ноги, а самого его приглашает быть во дворце на завтрашнем пиру. И здесь совершается второе узнание: служанка вносит таз, прикасается к ногам гостя и чувствует на голени шрам, какой был у Одиссея после охоты на кабана в его молодые годы. Рукиее задрожали, нога выскользнула: «Ты — Одиссей!» Одиссей зажимает ей рот: «Да, это я, но молчи — иначе погубишь все дело!»

Наступает последний день. Пенелопа созывает женихов в пиршественную горницу: «Вот лук моего погибшего Одиссея; кто натянет его и пустит стрелу сквозь двенадцать колец на двенадцати секирах в ряд, тот станет моим мужем!» Один за другим сто двадцать женихов примериваются к луку — ни единый не в силах даже натянуть тетиву. Они уже хотят отложить состязание до завтра — но тут встает Одиссей в своем нищем виде: «Дайте и мне попытать: ведь и я когда-то был сильным!» Женихи негодуют, но Телемах заступается за гостя:

«Я — наследник этого лука, кому хочу — тому даю; а ты, мать, ступай к своим женским делам». Одиссей берется за лук, легко сгибает его, звенит тетивой, стрела пролетает сквозь двенадцать колец и вонзается в стену. Зевс гремит громом над домом, Одиссей выпрямляется во весь богатырский рост, рядом с ним Телемах с мечом и копьем. «Нет, не разучился я стрелять: попробую теперь другую цель!» И вторая стрела поражает самого наглого и буйного из женихов. «А, вы думали, что мертв Одиссей? нет, он жив для правды и возмездия!» Женихи хватаются за мечи, Одиссей разит их стрелами, а когда кончаются стрелы — копьями, которые подносит верный Евмей. Женихи мечутся по палате, незримая Афина помрачает их ум и отводит их удары от Одиссея, они падают один за другим. Груда мертвых тел громоздится посреди дома, верные рабы и рабыни толпятся вокруг и ликуют, видя господина.

Пенелопа ничего не слышала: Афина наслала на нее в ее тереме глубокий сон. Старая служанка бежит к ней с радостною вестью: Одиссей вернулся. Одиссей покарал женихов! Она не верит: нет, вчерашний нищий совсем не похож на Одиссея, каким он был двадцать лет назад; а женихов покарали, наверно, разгневанные боги. «Что ж, — говорит Одиссей, — если в царице такое недоброе сердце, пусть мне постелят постель одному». И тут совершается третье, главное узнание. «Хорошо, — говорит Пенелопа служанке, — вынеси гостю в его покой постель из царской спальни». — «Что ты говоришь, женщина? — восклицает Одиссей, — эту постель не сдвинуть с места, вместо ножек у нее — пень масличного дерева, я сам когда-то сколотил ее на нем и приладил». И в ответ Пенелопа плачет от радости и бросается к мужу: это была тайная, им одним ведомая примета.

Это победа, но это еще не мир. У павших женихов остались родичи, и они готовы мстить. Вооруженной толпой они идут на Одиссея, он выступает им навстречу с Телемахом и несколькими подручными. Уже гремят первые удары, проливается первая кровь, — но Зевсова воля кладет конец затевающемуся раздору. Блещет молния, ударяя в землю между бойцами, грохочет гром, является Афина с громким криком: «…Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!» — и устрашенные мстители отступают. И тогда:

«Жертвой и клятвой скрепила союз меж царем и народом / Светлая дочь громовержца, богиня Афина Паллада».

Этими словами заканчивается «Одиссея».

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Аноним [III в. до н. э.?]

Война мышей и лягушек (Batrachotyomachia)

Поэма-пародия

В жаркий летний полдень мышиный царевич Крохобор пил воду из болотца и встретил там лягушиного царя Вздуломорда. Тот обратился к нему, как у Гомера обращались к Одиссею: «Странник, ты кто? из какого ты рода? и прибыл откуда?» Слово за слово, они познакомились, лягушка посадила мышь себе на спину и повезла показывать чудеса земноводного царства. Плыли мирно, как вдруг лягушонок увидел впереди водяную змею, испугался и нырнул в воду из-под товарища. Несчастный мышонок утонул, но успел произнести страшное проклятие: «… Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной!»

И действительно, мыши, узнав о смерти своего царевича, взволновались. Царь Хлебогрыз произнес трогательную речь: «Несчастный я отец, троих я лишился сыновей: старший погиб от кошки, средний от мышеловки, а младший, любимый, погибает от лягушки! Так ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек!..» Мыши вооружаются по всем эпическим правилам, только вместо лат у них стручья, вместо копий иголки, вместо шлемов половинки ореха. Кягушки тоже: вместо щитов — капустные листья, вместо копий тростинки, вместо шлемов улиточьи раковины. «Вышли на бой всеоружно, и каждый был полон отваги…»

Зевс, как в «Илиаде», созывает богов и предлагает им помогать, кто кому хочет. Но боги осторожны. «Не люблю я ни мышей, ни лягушек, — говорит Афина, — мыши грызут мои ткани и вводят в расход на починку, а лягушки кваканьем спать не дают…» А на берегу болота уже начинается битва и уже гибнут (в безукоризненно гомеровских выражениях) первые герои: «Первым Квакун Сластолиза копьем поражает в утробу — /С грохотом страшным он пал, и взгремели на павшем доспехи. / Недругу мстя, Норолаз ударяет копьем Грязевого / Прямо в могучую грудь: отлетела от мертвого тела / Живо душа, и упавшего черная смерть осенила. / Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный, / Дрот устремивши, и тьма ему взоры навеки покрыла…»

Мыши одолевают. Особенно среди них отличается «славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба». Сам Зевс, глядя на его подвиги, говорит, «головой сокрушенно качая»: «Боги! великое диво я вижу своими глазами — / Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник!»

Зевс бросает с небес молнию — мыши и лягушки

содрогаются, но не перестают воевать. Приходится применить другое средство — против воюющих выходят раки. «Криво клешневые, выгнутоспинные, кожа — как кости», они начинают нещадно хватать и мышей и лягушек; те и другие в ужасе разбегаются, а тем временем садится солнце — «И однодневной войне волей Зевса конец наступает».

М. Л. Гаспаров

Гесиод (Hesiodos) [ок. 700 до н. э.]

Феогония, или О происхождении богов (Theogonia)

Поэма

Все знают: греческая мифология — это прежде всего очень много имен. Это для нас; а для самих греков их было еще больше. Почти в каждом городке или селе были свои местные божества; и даже про тех, которые были общими, в каждом городе рассказывали по-своему. Кто всю жизнь жил на одном месте и мало что знал о других, тех это мало беспокоило. Но кто часто переходил из города в город и из области в область, как, например, бродячие певцы, тем от этого было много неудобств. Чтобы петь, упоминая множество богов и героев, нужно было согласовать местные предания и хотя бы договориться о том, кто кому сын и кто кому муж. А чтобы лучше запомнить — изложить эти родословные складными стихами и сказать, будто эти стихи продиктованы самими Музами, богинями разума, слова и песни.

Это и сделал певец Гесиод из-под Витой Горы — Геликона, где будто бы Музы водят свои хороводы. Из этого и получилась поэма «феогония» (или «Теогония»), что по-гречески значит «О происхождении богов» — от самого начала мироздания и до тех пор, когда от бессмертных богов стали рождаться смертные герои. На тридцати страницах здесь названы и связаны друг с другом больше трехсот имен. Все они укладываются в три мифологические эпохи: когда правили древнейшие боги во главе с Ураном; когда правили старшие боги — Титаны во главе с Кроном; и когда стали править и правят младшие боги — Олимпийцы во главе с Зевсом.

Вначале был Хаос («зияние»), в котором все было слито и ничто не разделено. Потом из него родились Ночь, Земля-Гея и Подземелье-Тартар. Потом от Ночи родился День, а от Земли-Геи — Небо-Уран и Море-Понт. Небо-Уран и Гея-Земля стали первыми богами: звездное Небо лежало на широкой Земле и оплодотворяло ее. А вокруг клубились первые порождения богов

— то призрачные, то чудовищные.

От Ночи родились Смерть, Сон, Скорбь, Труд, Ложь, Месть, Казнь, а самое главное — Рок: три богини Мойры («Доли»), которые каждому человеку отмеривают жизнь и определяют несчастье и счастье. От Моря родились старший- морской бог, добрый Нерей, два его брата и две сестры, а от них — много-много чудовищ. Это Горгоны, убивающие взглядом; Гарпии, похищающие людские души; подземная Эхидна — спереди дева, сзади змея; огнедышащая Химера — «спереди лев, сзади дракон и коза серединой»; коварная Сфинкс, женщина-львица, губившая людей хитрыми загадками; трехтелый великан Герион; многоглавый адский пес Кербер и многоглавая болотная змея Гидра; крылатый конь Пегас и еще многие другие. Даже у Геи и Урана первые порождения были чудовищны: трое сторуких бойцов и трое одноглазых кузнецов — Киклопов, жители черного подземелья — Тартара.

Но главными были не они. Главными были Титаны — двенадцать сыновей и дочерей Урана и Геи. Уран боялся, что они его свергнут, и не позволял им родиться. Один за другим они вздували чрево матери-Земли, и вот ей стало невмоготу. «Из седого железа» она сковала волшебный серп и дала его детям; и когда Уран вновь захотел соединиться с ней, то самый младший и хитрый из Титанов, по имени Крон, отсек ему детородный член. С проклятием Уран отпрянул в вышину, а отрубленный член его пал в море, взбил белую пену, и из этой пены вышла на берег богиня любви и желания Афродита — «Пенная».

Началось второе царство — царство Титанов: Крона и его братьев с сестрами. Одного из них звали Океан, он породнился со старым Нереем, и от него родились все на свете ручьи и реки. Другого звали Гиперион, от него родились Солнце-Гелиос, Луна-Селена и Заря-Эос, а от Зари — ветры и звезды. Третьего звали Иапет, от него родились могучий Атлант, который стоит на западе земли и держит небо на плечах, и мудрый Прометей, который прикован к столбу на востоке земли, а за что — об этом будет речь дальше. Но главным был Крон, и владычество его было тревожным.

Крон тоже боялся, что рожденные им дети его свергнут. От сестры его Реи у него было три дочери и три сына, и каждого новорожденного он отнимал у нее и проглатывал заживо. Только младшего, по имени Зевс, она решила спасти. Крону она дала проглотить большой камень, завернутый в пеленки, а Зевса скрыла в пещере на острове Крите. Там он и вырос, а выросши, хитростью заставил Крона изрыгнуть своих братьев и сестер. Старшие боги — Титаны и младшие боги — Олимпийцы сошлись

в борьбе. «Море взревело, земля застонала и ахнуло небо». Олимпийцы освободили из Тартара бойцов — Сторуких и кузнецов — Киклопов; первые ударили в Титанов каменьями в три сотни рук, а вторые сковали Зевсу гром и молнию, и против этого Титаны выстоять не могли. Теперь их самих заточили в Тартар, в самую глубь: сколько от неба до земли, столько и от земли до Тартара. Сторукие стали на страже, а Зевс-громовержец с братьями принял власть над миром.

Началось третье царство — царство Олимпийцев. Зевс взял в удел небо с поднебесной горой Олимпом; брат его Посейдон — море, где ему подчинились и Нерей и Океан; третий брат, Аид, — подземное царство мертвых. Сестра их Гера стала женою Зевса и родила ему дикого Ареса, бога войны, хромого Гефеста, бога-кузнеца, и светлую Гебу, богиню юности. Сестра Деметра, богиня пахотной земли, родила Зевсу дочь Персефону;ее похитил Аид, и она стала подземной царицей. Третья сестра, Гестия, богиня домашнего очага, осталась девственной.

Зевсу тоже грозила опасность быть свергнутым: старые Гея и Уран предупредили его, что дочь Океана, Метида-Мудрость, должна родить дочь умнее всех и сына сильнее всех. Зевс соединился с нею, а потом проглотил ее, как когда-то Крон глотал его братьев. Дочь умнее всех родилась из головы Зевса: это была Афина, богиня разума, труда и войны. А сын сильнее всех так и остался нерожденным. От другой из дочерей Титанов у Зевса родились близнецы Аполлон и Артемида: она — охотница, он — пастух, а также целитель, а также прорицатель. От третьей у Зевса родился Гермес, сторож перекрестков, покровитель дорожных путников и торговцев. Еще от одной родились три Оры — богини порядка; еще от одной — три Хариты, богини красоты; еще от одной — девять Муз, богинь разума, слова и песни, с которых начинался этот рассказ. Гермес изобрел струнную лиру, Аполлон играет на ней, а Музы водят вокруг него хоровод.

Двое сыновей Зевса рождены были от смертных женщин, но все же взошли на Олимп и стали богами. Это Геракл, любимый его сын, который обошел всю землю, освобождаяее от злых чудовищ: это он победил и Гидру, и Гериона, и Кербера, и других. И это Дионис, который тоже обошел всю землю, творя чудеса, обучая людей сажать виноград и приготовлять вино и вразумляя их, когда пить в меру, а когда без удержу.

А откуда взялись на свете сами смертные люди, Гесиод не говорит: может быть, из скал или деревьев. Боги их сперва не любили, но им помог выжить Прометей. Люди должны были чтить богов, принося им в жертву часть своей еды. Прометей устроил хитрый дележ: зарезал быка, положил отдельно кости,

прикрытые жиром, и мясо, прикрытое желудком и кожею, и предложил Зевсу выбрать долю богам и долю людям. Зевс обманулся, выбрал кости и со зла решил не давать людям огня для приготовления мяса. Тогда Прометей сам похитил огонь на Олимпе и принес его людям в пустом тростнике. За это Зевс наказал и его и людей. Людям он сотворил, «на горе мужчинам», первую женщину, Пандору, и от женщин, как известно, пошло на свете очень много худого. А Прометея, как сказано, он приковал к столбу на востоке земли и наслал орла каждый день выклевывать у него печень. Только много веков спустя Зевс позволил Гераклу в его странствиях застрелить этого орла и освободить Прометея.

Но оказалось, что люди богам нужнее, чем боги это думали. Богам предстояла еще одна борьба — с Гигантами, младшими сынами Геи-Земли, рожденными из капель Урановой крови. И было суждено, что боги победят их, только если им поможет хотя бы один человек. Значит, нужно было родить таких могучих людей, которые могли бы помочь богам. Вот тогда-то и стали боги сходить к смертным женщинам, а богини рождать от смертных мужчин. Так родилось племя героев; лучшим из них был Геракл, он и спас богов в войне с Гигантами. А потом это племя погибло в Фиванской войне и Троянской войне. Но до этого Гесиод не дописал: рассказ его обрывается в самом начале героического века. «Феогонии», родословию богов, здесь конец.

М. Л. Гаспаров

Эсхил (Aischylos) [525–456 до н. э.]

Семеро против Фив (HeptaepiThebas)

Трагедия (467 до н. э.)

В мифической Греции были два самых сильных царства: Фивы в Средней Греции и Аргос в Южной Греции. В Фивах был когда-то царь по имени Лаий. Он получил пророчество: «Не роди сына — погубишь царство!» Лаий не послушался и родил сына по имени Эдип. Он хотел погубить младенца; но Эдип спасся, вырос на чужой стороне, а потом нечаянно убил Лаия, не зная, что это его отец, и женился на его вдове, не зная, что это его мать. Как это случилось, и как это открылось, и как за это пострадал Эдип, нам расскажет другой драматург — Софокл. Но самое страшное — гибель царства — было еще впереди.

У Эдипа от кровосмесительного брака с собственною матерью родились два сына и две дочери: Этеокл, Полиник, Антигона и Йемена. Когда Эдип отрекся от власти, сыновья отвернулись от

него, попрекая его грехом. Эдип проклял их, посулив им делить между собою власть мечом. Так и случилось. Братья договорились править попеременно, каждый по году. Но после первого же года Этеокл отказался уйти и изгнал Полиника из Фив. Полиник бежал в южное царство — в Аргос. Там он собрал себе союзников, и они всемером пошли на семивратные Фивы. В решающем бою два брата сошлись и убили друг друга: Этеокл ранил Полиника копьем, тот упал на колено, Этеокл навис над ним, и тут Полиник ударил его снизу мечом. Враги дрогнули, Фивы были на этот раз спасены. Только поколение спустя на Фивы пришли походом сыновья семерых вождей и надолго стерли Фивы с лица земли: пророчество сбылось.

Эсхил написал об этом трилогию, три трагедии: «Лаий» — о царе-виновнике, «Эдип» — о царе-грешнике и «Семеро против Фив» — об Этеокле, царе-герое, отдавшем жизнь за свой город. Сохранилась только последняя. Она по-старинному статична, на сцене почти ничего не происходит; только величаво стоит царь, приходит и уходит вестник и жалостно стенает хор.

Этеокл объявляет: враг подступает, но боги — защита Фивам; пусть же каждый исполнит свой долг. Вестник подтверждает: да, семь вождей уже поклялись на крови победить или пасть и мечут жребий, кому идти на какие ворота. Хор фиванских женщин мечется в ужасе, чует гибель и молит богов о спасении. Этеокл унимает их: война — мужское дело, а женское дело — сидеть дома и не смущать народ своим страхом.

Вновь является вестник: жребии брошены, семь вождей идут на приступ. Начинается центральная, самая знаменитая сцена: распределение ворот. Вестник пугающе описывает каждого из семерых; Этеокл спокойно отвечает и твердо отдает приказы.

«У первых ворот — герой Тидей: шлем с гривою, щит с колокольцами, на щите звездное небо с месяцем». «Не в гриве сила и не в колокольцах: как бы самого его не настигла черная ночь». И против аргосского начальника Этеокл посылает фиванского. «У вторых ворот — гигант Капаней, на щите его воин с факелом; грозит огнем спалить Фивы, не страшны ему ни люди, ни боги». «Кто богов не боится, того боги и покарают; кто дальше?» И Этеокл высылает второго вождя.

«У третьих ворот — твой тезка, Этеокл аргосский, на щите его воин с лестницей лезет на башню». «Повергнем обоих — и того, кто со щитом, и того, кто на щите». И Этеокл высылает третьего вождя.

«У четвертых ворот — силач Гиппомедонт: щит — как жернов, на щите змей Тифон пышет огнем и дымом», «У него на щите Тифон, у нас Зевс с молниями, победитель Тифона». И

Этеокл высылает четвертого вождя.

«У пятых ворот — красавец Парфенопей, на щите его чудо-Сфинкс, загадками терзавшая Фивы». «И на живую Сфинкс нашелся разгадчик, а рисованная нам и подавно нестрашна». И Этеокл высылает пятого вождя.

«У шестых ворот — мудрый Амфиарай: он пророк, он знал, что идет на смерть, но его залучили обманом; чист его щит, и знаков на нем нет». «Горько, когда праведный делит судьбу со злыми: но как предвидел он, так и сбудется». И Этеокл высылает шестого вождя.

«У седьмых ворот — сам твой брат Полиник: или сам умрет, или тебя убьет, или выгонит с бесчестьем, как ты его; а на щите его писана богиня Правды». «Горе нам от Эдипова проклятия! но не с ним святая Правда, а с Фивами. Сам пойду на него, царь на царя, брат на брата». — «Не ходи, царь, — умоляет хор, — братскую кровь грех проливать». — «Лучше смерть, чем позор», — отвечает Этеокл и уходит.

На сцене — только хор: женщины в мрачной песне предчувствуют беду, поминая и пророчество Лаию: «Царству — пасть!» — и проклятие Эдипа: «Власть — мечом делить!»; пришло время расплаты. Так и есть — входит вестник с вестью: шесть побед у шести ворот, а перед седьмыми пали оба брата, убив друг друга, — конец царскому роду фиванскому!

Начинается погребальный плач. Вносят носилки с убитыми Этеоклом и Полиником, выходят навстречу их сестры Антигона и Йемена. Сестры заводят причитания, хор им вторит. Поминают, что имя Этеокла значит «Велеславный», поминают, что имя Полиника значит «Многобранный» — по имени и судьба. «Сразил сраженный!» — «Убит убивший!» — «умыслив зло!» — «Терпя от зла!» Поют, что было у царства два царя, у сестер два брата, а не стало ни одного: так бывает, когда меч делит власть. Протяжным плачем заканчивается трагедия.

М. Л. Гаспаров

Орестея (Oresteia)

Трагедия (458 до н. э.)

Самым могучим царем в последнем поколении греческих героев был Агамемнон, правитель Аргоса. Это он начальствовал над всеми греческими войсками в Троянской войне, ссорился и мирился с Ахиллом в «Илиаде», а потом победил и разорил Трою. Но участь его оказалась ужасна, а участь сына его Ореста — еще ужаснее. Им пришлось и совершать преступления и

расплачиваться за преступления — свои и чужие.

Отец Агамемнона Атрей жестоко боролся за власть со своим братом Фиестом. В этой борьбе фиест обольстил жену Атрея, а Атрей за это убил двух маленьких детей Фиеста и накормил ни о чем не догадывающегося отца их мясом. (Про этот людоедский пир потом Сенека напишет трагедию «Фиест».) За это на Атрея и его род легло страшное проклятие. Третий же сын фиеста, по имени Эгисф, спасся и вырос на чужбине, помышляя только об одном: о мести за отца.

У Атрея было два сына: герои Троянской войны Агамемнон и Менелай. Они женились на двух сестрах: Менелай — на Елене, Агамемнон — на Клитемнестре (или Клитеместре). Когда из-за Елены началась Троянская война, греческие войска под начальством Агамемнона собрались для отплытия в гавань Авлиду. Здесь им было двусмысленное знамение: два орла растерзали беременную зайчиху. Гадатель сказал: два царя возьмут Трою, полную сокровищ, но им не миновать гнева богини Артемиды, покровительницы беременных и рожениц. И действительно, Артемида насылает на греческие корабли противные ветры, а в искупление требует себе человеческой жертвы — юной Ифигении, дочери Агамемнона и Клитемнестры. Долг вождя побеждает в Агамемноне чувства отца; он отдает Ифигению на смерть. (О том, что случилось с Ифигенией, потом напишет трагедию Еврипид.) Греки отплывают под Трою, а в Аргосе остается Климнестра, мать Ифигении, помышляя только об одном — о мести за дочь.

Двое мстителей находят друг друга: Эгисф и Клитемнестра становятся любовниками и десять лет, пока тянется война, ждут возвращения Агамемнона. Наконец Агамемнон возвращается, торжествуя, — и тут его настигает месть. Когда он омывается в бане, Клитемнестра и Эгисф накидывают на него покрывало и поражают его топором. После этого они правят в Аргосе как царь и царица. Но в живых остается маленький сын Агамемнона и Клитемнестры — Орест: чувство матери побеждает в Клитемнестре расчет мстительницы, она отсылает его в чужой край, чтобы Эгисф не погубил за отцом и сына. Орест растет в далекой Фокиде, помышляя только об одном — о мести за Агамемнона. За отца он должен убить мать; ему страшно, но вещий бог Аполлон властно ему говорит: «Это твой долг».

Орест вырос и приходит мстить. С ним его фокидский друг Пилад — имена их стали в мифе неразрывны. Они притворяются путниками, принесшими весть, сразу и печальную и радостную: будто бы Орест умер на чужбине, будто бы Эгисфу и Клитемнестре больше не грозит никакая месть. Их впускают к

царю и царице, и здесь Орест исполняет свой страшный долг: убивает сперва отчима, а потом родную мать.

Кто теперь продолжит эту цепь смертей, кто будет мстить Оресту? У Эгисфа с Клитемнестрой не осталось детей-мстителей. И тогда на Ореста ополчаются сами богини мщения, чудовищные Эриннии; они насылают на него безумие, он в отчаянии мечется по всей Греции и наконец припадает к богу Аполлону: «Ты послал меня на месть, ты и спаси меня от мести». Бог выступает против богинь: они — за древнюю веру в то, что материнское родство важнее отцовского, он — за новое убеждение, что отцовское родство важнее материнского. Кто рассудит богов? Люди. В Афинах, под присмотром богини Афины (она женщина, как Эриннии, и она мужественна, как Аполлон), собирается суд старейшин и решает: Орест прав, он должен быть очищен от греха, а Эринниям, чтобы их умилостивить, будет воздвигнуто святилище в Афинах, где их будут чтить под именем Евменид, что значит «Благие богини».

По этим мифам драматург Эсхил и написал свою трилогию «Орестея» — три продолжающие друг друга трагедии: «Агамемнон», «Хоэфоры», «Евмениды».

«Агамемнон» — самая длинная трагедия из трех. Она начинается необычно. В Аргосе, на плоской крыше царского дворца, лежит дозорный раб и смотрит на горизонт: когда падет Троя, то на ближней к ней горе зажгут костер, его увидят через море на другой горе и зажгут второй, потом третий, и так огненная весть дойдет до Аргоса: победа одержана, скоро будет домой Агамемнон. Он ждет без сна уже десять лет под зноем и холодом — и вот огонь вспыхивает, дозорный вскакивает и бежит оповестить царицу Клитемнестру, хоть и чувствует: не к добру эта весть.

Входит хор аргосских старейшин: они еще ни о чем не знают. Они вспоминают в долгой песне все бедствия войны — и коварство Париса, и измену Елены, и жертвоприношение Ифигении, и нынешнюю неправедную власть в Аргосе: зачем все это? Видно, таков мировой закон: не пострадав, не научишься. Они повторяют припев:

«Горе, горе, увы! но добру да будет победа». И молитва словно сбывается: из дворца выходит Клитемнестра и объявляет: «Добру — победа!» — Троя взята, герои возвращаются, и кто праведен — тому добрый возврат, а кто грешен — тому недобрый.

Хор откликается новой песней: в ней благодарность богам за победу и тревога за вождей-победителей. Потому что трудно быть праведным — блюсти меру: Троя пала за гордыню, теперь не впасть бы нам в гордыню самим: малое счастье верней большого.

И точно: является вестник Агамемнона, подтверждает победу, поминает десять лет мучений под Троей и рассказывает о буре на обратном пути, когда все море «расцвело трупами» — видно, много было неправедных. Но Агамемнон жив, близится и велик, как бог. Хор вновь поет, как вина родит вину, и вновь клянет зачинщицу войны — Елену, сестру Клитемнестры.

И вот наконец въезжает Агамемнон с пленниками. Он и впрямь велик, как бог: «Со мной победа: будь она со мной и здесь!» Клитемнестра, склоняясь, стелет ему пурпурный ковер. Он отшатывается: «Я человек, а пурпуром лишь бога чтут». Но она быстро его уговаривает, и Агамемнон вступает во дворец по пурпуру, а Клитемнестра входит за ним с двусмысленной молитвою: «О Зевс-Свершитель, все сверши, о чем молю!» Мера превышена: близится расплата. Хор поет о смутном предчувствии беды. И слышит неожиданный отклик: на сцене осталась пленница Агамемнона, троянская царевна Кассандра, ее полюбил когда-то Аполлон и дал ей дар пророчества, но она отвергла Аполлона, и за это ее пророчествам никто не верит. Теперь она отрывистыми криками кричит о прошлом и будущем аргосского дома: людская бойня, съеденные младенцы, сеть и топор, пьяная кровь, собственная смерть, хор Эринний и сын, казнящий мать! Хору страшно. И тут из-за сцены раздается стон Агамемнона: «О ужас! в доме собственном разит топор!.. О горе мне! другой удар: уходит жизнь». Что делать?

Во внутренних покоях дворца лежат трупы Агамемнона и Кассандры, над ними — Клитемнестра. «Я лгала, я хитрила — теперь говорю правду. Вместо тайной ненависти — открытая месть: за убитую дочь, за пленную наложницу. И мстящие Эриннии — за меня!» Хор в ужасе плачет о царе и клянет злодейку: демон мести поселился в доме, нет конца беде. Рядом с Клитемнестрой встает Эгисф: «Моя сила, моя правда, моя месть за Фиеста и его детей!» Старцы из хора идут на Эгисфа с обнаженными мечами, Эгисф кличет стражу, Клитемнестра их разнимает: «уж и так велика жатва смерти — пусть бессильные лаются, а наше дело — царствовать!» Первой трагедии — конец.

Действие второй трагедии — восемь лет спустя: Орест вырос и в сопровождении Пилада приходит мстить. Он склоняется над могилой Агамемнона и в знак верности кладет на нее отрезанную прядь своих волос. А потом прячется, потому что видит приближающийся хор.

Это хоэфоры, совершительницы возлияний, — по ним называется трагедия. Возлияния водой, вином и медом делались на могилах, чтобы почтить покойника. Клитемнестра продолжает бояться Агамемнона и мертвым, ей снятся страшные сны, поэтому

она прислала сюда с возлияниями своих рабынь во главе с Электрой, сестрой Ореста. Они любят Агамемнона, ненавидят Клитемнестру и Эгисфа, тоскуют об Оресте: «Пусть я буду не такой, как мать, — молит Электра, — и пусть вернется Орест отомстить за отца!» Но может быть, он уже вернулся? Вот на могиле прядь волос — цвет в цвет с волосами Электры; вот перед могилой отпечаток ноги — след в след с ногою Электры. Электра с хоэфорами не знает, что и думать. И тут к ним выходит Орест.

Узнание совершается быстро: конечно, сначала Электра не верит, но Орест показывает ей: «Вот мои волосы: приложи прядь к моей голове, и ты увидишь, где она отрезана; вот мой плащ — ты сама соткала его мне, когда я был еще ребенком». Брат и сестра обнимают друг друга: «Мы вместе, с нами правда, и над нами — Зевс!» Правда Зевса, веление Аполлона и воля к мести соединяют их против общей обидчицы — Клитемнестры и ее Эгисфа. Перекликаясь с хором, они молятся богам о помощи. Клитемнестре снилось, будто она родила змею и змея ужалила ее в грудь? Пусть же сбудется этот сон! Орест рассказывает Электре и хору, как проникнет он во дворец к злой царице; хор отвечает песней о злых женщинах былых времен — о женах, из ревности перебивших всех мужяин на острове Лемносе, о Скилле, ради любовника погубившей отца, об Алфее, которая, мстя за братьев, извела родного сына,

Начинается воплощение замысла: Орест и Пилад, переодетые странниками, стучатся во дворец. К ним выходит Клитемнестра. «Я проходил через Фокиду, — говорит Орест, — и мне сказали: передай в Аргос, что Орест умер; если хотят — пусть пришлют за прахом». Клитемнестра вскрикивает: ей жалко сына, она хотела спасти его от Эгисфа, но не спасла от смерти. Неузнанный Орест с Пиладом входят в дом. Нарастание трагизма перебивается эпизодом почти комическим: старая нянька Ореста плачется перед хором, как она любила его малюткой, и кормила, и поила, и стирала пеленки, а теперь он умер. «Не плачь — может быть, и не умер!» — говорит ей старшая в хоре. Час близок, хор взывает к Зевсу: «Помоги!»; к предкам: «Смените гнев на милость!»; к Оресту: «Будь тверд! если мать вскрикнет: «сын!» — ты ответь ей: «отец!»

Является Эгисф: верить или не верить вестям? Он входит во дворец, хор замирает, — и из дворца доносятся удар и стон. Выбегает Клитемнестра, за нею Орест с мечом и Пилад. Она раскрывает грудь: «Пожалей! этой грудью я тебя вскормила, у этой груди я тебя баюкала». Оресту страшно. «Пилад, что делать?» — спрашивает он. И Пилад, до этого не сказавший ни слова, говорит: «А воля Аполлона? а твои клятвы?» Больше Орест

не колеблется. «Это судьба судила мне убить мужа!» — кричит Клитемнестра. «А мне — тебя», — отвечает Орест. «Ты, сын, убьешь меня, мать?» — «Ты сама себе убийца». — «Кровь матери отомстит тебе!» — «Кровь отца страшней». Орест ведет мать в дом — на казнь. Хор в смятении поет: «Воля Аполлона — смертному закон; скоро минует зло».

Раскрывается внутренность дворца, лежат трупы Клитемнестры и Эгисфа, над ними — Орест, потрясающий кровавым покрывалом Агамемнона. Он уже чувствует безумящее приближение Эринний. Он говорит: «Аполлон велел мне, мстя за отца, убить мать; Аполлон обещал мне очистить меня от кровавого греха. Странником-просителем с масличной ветвью в руках я пойду к его алтарю; а вы будьте свидетелями моего горя». Он убегает, хор поет: «Что-то будет?» На этом кончается вторая трагедия.

Третья трагедия, «Евмениды», начинается перед храмом Аполлона в Дельфах, где середина земного круга; храм этот принадлежал сперва Гее-Земле, потом Фемиде-Справедливости, теперь Аполлону-Вещателю. У алтаря — Орест с мечом и масличной ветвью просителя; вокруг хор Эринний, дочерей Ночи, черных и чудовищных. Они спят: это Аполлон навел на них сон, чтобы вызволить Ореста. Аполлон говорит ему: «Беги, пересеки землю и море, предстань в Афины, там будет суд». «Помни обо мне!» — молит Орест. «Помню», — отвечает Аполлон. Орест убегает.

Является тень Клитемнестры. Она взывает к Эринниям: «Вот моя рана, вот моя кровь, а вы спите: где же ваше мщение?» Эриннии пробуждаются и хором клянут Аполлона: «Ты спасаешь грешника, ты рушишь вечную Правду, младшие боги попирают старших!» Аполлон принимает вызов: происходит первый, еще короткий спор. «Он убил мать!» — «А она убила мужа». — «Муж жене — не родная кровь: матереубийство страшней мужеубийства». — «Муж жене — родной по закону, сын матери — родной по природе; а закон всюду един, и в природе не святее, чем в семье и обществе. Так положил Зевс, вступив в законный брак с своею Герою». — «Что ж, ты — с молодыми богами, мы — со старыми!» И они устремляются прочь, в Афины: Эриннии — губить Ореста, Аполлон — спасать Ореста.

Действие переносится в Афины: Орест сидит перед храмом богини, обняв ее кумир, и взывает к ее суду, Эриннии хороводом вокруг него поют знаменитую «вяжущую песнь»: «Мы блюдем кровавый закон: кто пролил родную кровь — тому поплатиться своей; иначе не станет рода! Он бежать — мы за ним; он в Аид — мы за ним; вот голос старинной Правды!» Афина предстает из

храма:

«Не мне вас судить: кого осужу, тот станет врагом афинянам, а я этого не хочу; пусть же лучшие из афинян сами свершат суд, сами сделают выбор». Хор в тревоге: что решат люди? не рухнет ли древний порядок?

Выходят судьи — афинские старейшины; за ними — Афина, перед ними — с одной стороны Эриннии, с другой — Орест и его наставник Аполлон. Начинается второй, главный спор. «Ты убил мать». — «А она убила мужа». — «Муж жене — не родная кровь». — «Я такой матери — тоже не родная кровь». — «Он отрекся от родства!» — «И он прав, — вмешивается Аполлон, — отец сыну родней, чем мать: отец зачинает плод, мать лишь взращивает его в утробе. Отец и без матери может родить: вот перед вами Афина, без матери рожденная из головы Зевса!» — «Вершите суд», — говорит Афина старейшинам. Один за другим они голосуют, опуская камешки в чаши: в чашу осуждения, в чашу ˆ оправдания. Подсчитывают: голоса разделились поровну. «Тогда и я подаю мой голос, — говорит Афина, — и подаю за оправдание: милосердие выше озлобления, мужское родство выше женского». С тех пор во все века в афинском суде при равенстве голосов подсудимый считался оправданным — «голосом Афины».

Аполлон с победою, Орест с благодарностью покидают сцену. Перед Афиной остаются Эриннии. Они в неистовстве: рушатся древние устои, люди попирают родовые законы, как покарать их? Наслать ли на афинян голод, чуму, смерть? «Не нужно, — убеждает их Афина. — Милосердие выше озлобления: пошлите афинской земле плодородие, афинским семьям многодетность, афинскому государству крепость. Родовая месть цепью убийств подтачивает государство изнутри, а государство должно быть прочным, чтобы противостоять внешним врагам. Будьте милостивы к афинянам, и афиняне будут вечно чтить вас как «Благих богинь» — Евменид. А святилище ваше будет меж холмом, где стоит мой храм, и холмом, где судит вот этот суд». И хор постепенно умиротворяется, принимает новую почесть, благословляет афинскую землю: «Прочь раздоры, да не будет крови за кровь, да будет радость за радость, да сплотятся все вкруг общих дел, против общих врагов». И уже не Эринниями, а Евменидами, под водительством Афины, хор покидает сцену.

М. Л. Гаспаров

Прометей прикованный (Prometheusdesmotes)

Трагедия (450-е до н. э.?)

С титаном Прометеем, благодетелем человечества, мы уже встречались в поэме Гесиода «Феогония». Там он — умный хитрец, который устраивает дележ жертвенного бычьего мяса между людьми и богами так, чтобы лучшая часть досталась в пищу людям. А затем, когда разозленный Зевс не хочет, чтобы люди могли варить и жарить доставшееся им мясо, и отказывается дать им огонь, Прометей похищает этот огонь тайком и приносит людям в полом тростнике. За это Зевс приковывает Прометея к столбу на востоке земли и насылает орла выклевывать его печень. Только через много веков герой Геракл убьет этого орла и освободит Прометея.

Потом этот миф стали рассказывать иначе. Прометей стал величавей и возвышенней: он не хитрец и вор, а мудрый провидец. (Само имя «Прометей» значит «Промыслитель».) В начале мира, когда старшие боги, Титаны, боролись с младшими богами, Олимпийцами, он знал, что силою Олимпийцев не взять, и предложил помочь Титанам хитростью; но те, надменно полагаясь на свою силу, отказались, и тогда Прометей, видя их обреченность, перешел на сторону Олимпийцев и помог им одержать победу. Поэтому расправа Зевса со своим бывшим другом и союзником стала казаться еще более жестокой.

Мало этого, Прометею открыто и то, что будет в конце мира. Олимпийцы боятся, что как они свергли в свое время отцов-Титанов, так и их когда-нибудь свергнут новые боги, их потомки. Как это предотвратить, они не знают. Знает Прометей; затем Зевс и терзает Прометея, чтобы вызнать у него эту тайну. Но Прометей гордо молчит. Только когда Зевсов сын Геракл — еще не бог, а только труженик-герой — в благодарность за все добро, которое Прометей сделал людям, убивает терзающего орла и облегчает Прометеевы муки, то Прометей в благодарность открывает тайну, как спасти власть Зевса и всех Олимпийцев. Есть морская богиня, красавица Фетида, и Зевс добивается ее любви. Пусть он не делает этого: судьбой назначено, что у Фетиды родится сын сильнее своего отца. Если это будет сын Зевса, то он станет сильнее Зевса и свергнет его: власти Олимпийцев придет конец. И Зевс отказывается от мысли о Фетиде, а Прометея в благодарность освобождает от казни и принимает на Олимп. Фетиду же выдали замуж за смертного человека, и от этого брака у нее родился герой Ахилл, который действительно был сильнее не только своего отца, но и всех людей на свете.

Вот по этому рассказу и сделал свою трагедию о Прометее поэт Эсхил.

Действие происходит на краю земли, в дальней Скифии,

средь диких гор — может быть, это Кавказ. Два демона, Власть и Насилие, вводят на сцену Прометея; бог огня Гефест должен приковать его к горной скале. Гефесту жаль товарища, но он должен повиноваться судьбе и воле Зевса: «Ты к людям свыше меры был участливым». Руки, плечи, ноги Прометея оковывают кандалами, в грудь вбивают железный клин. Прометей безмолвен. Дело сделано, палачи уходят, Власть бросает презрительно: «Ты — Промыслитель, вот и промысли, как самому спастись!»

Только оставшись один, Прометей начинает говорить. Он обращается к небу и солнцу, земле и морю: «Взгляните, что терплю я, бог, от божьих рук!» И все это за то, что похитил для людей огонь, открыл им путь к достойной человека жизни.

Является хор нимф — Океанид. Это дочери Океана, другого титана, они услышали в своих морских далях грохот и лязг Прометеевых оков. «О, лучше бы мне томиться в Тартаре, чем корчиться здесь у всех на виду! — восклицает Прометей. — Но это не навек: силою Зевс ничего от меня не добьется и придет просить меня о своей тайне смиренно и ласково». — «За что он казнит тебя?» — «За милосердие к людям, ибо сам он немилосерден». За Океанидами входит их отец Океан: он когда-то воевал против Олимпийцев вместе с остальными Титанами, но смирился, покорился, прощен и мирно плещется по всем концам света. Пусть смирится и Прометей, не то не миновать ему еще худшей кары: Зевс мстителен! Прометей презрительно отвергает его советы: «Обо мне не заботься, позаботься о себе: как бы тебя самого не покарал Зевс за сочувствие преступнику!» Океан уходит, Океаниды поют сострадательную песню, поминая в ней и Прометеева брата Атланта, который вот так же мучится на западном конце света, поддерживая плечами медный небосвод.

Прометей рассказывает хору, сколько доброго он сделал для людей. Они были неразумны, как дети, — он дал им ум и речь. Они томились заботами — он внушил им надежды. Они жили в пещерах, пугаясь каждой ночи и каждой зимы, — он заставил их строить дома от холода, объяснил движение небесных светил в смене времен года, научил письму и счету, чтобы передавать знания потомкам. Это он указал для них руды под землей, впряг им быков в соху, сделал телеги для земных дорог и корабли для морских путей. Они умирали от болезней — он открыл им целебные травы. Они не понимали вещих знамений богов и природы — он научил их гадать и по птичьим крикам, и по жертвенному огню, и по внутренностям жертвенных животных. «Воистину был ты спасителем для людей, — говорит хор, — как же ты не спас самого себя?» «Судьба сильней меня», — отвечает Прометей. «И сильнее Зевса?» — «И сильнее Зевса». — «Какая же

судьба суждена Зевсу?» — «Не спрашивай: это моя великая тайна». Хор поет скорбную песню.

В эти воспоминания о прошлом вдруг врывается будущее. На сцену вбегает возлюбленная Зевса — царевна Ио, превращенная в корову. (На театре это был актер в рогатой маске.) Зевс обратил ее в корову, чтобы скрыть от ревности своей супруги, богини Геры. Гера догадалась об этом и потребовала корову себе в подарок, а потом наслала на нее страшного овода, который погнал несчастную по всему свету. Так попала она, измученная болью до безумия, и к Прометеевым горам. Титан, «защитник и заступник человеческий», ее жалеет; он рассказывает ей, какие дальнейшие скитания предстоят ей по Европе и Азии, сквозь зной и холод, среди дикарей и чудовищ, пока не достигнет она Египта. А в Египте родит она сына от Зевса, а потомком этого сына в двенадцатом колене будет Геракл, стрелок из лука, который придет сюда спасти Прометея — хотя бы против воли Зевса. «А если Зевс не позволит?» — «Тогда Зевс погибнет». — «Кто же его погубит?» — «Сам себя, замыслив неразумный брак». — «Какой?» — «Я не скажу ни слова более». Тут разговору конец: Ио вновь чувствует жало овода, вновь впадает в безумие и в отчаянии мчится прочь. Хор Океанид поет: «Да минет нас вожделенье богов: ужасна их любовь и опасна».

Сказано о прошлом, сказано о будущем; теперь на очереди страшное настоящее. Вот идет слуга и вестник Зевса — бог Гермес. Прометей его презирает как прихлебателя хозяев Олимпийцев. «Что сказал ты о судьбе Зевса, о неразумном браке, о грозящей гибели? Признавайся, не то горько пострадаешь!» — «Лучше страдать, чем прислужничать, как ты; а я — бессмертен, я видел падение Урана, падение Крона, увижу и падение Зевса». — «Берегись: быть тебе в подземном Тартаре, где мучатся Титаны, а потом стоять тебе здесь с раною в боку, и орел будет клевать твою печень». — «Все это я знал заранее; пусть бушуют боги, я ненавижу их!» Гермес исчезает — и действительно Прометей восклицает: «Вот и впрямь вокруг задрожала земля, / И молнии вьются, и громы гремят… / О Небо, о мать святая, Земля, / Посмотрите: страдаю безвинно!» Это конец трагедии.

М. Л. Гаспаров

Софокл (Sophocles) [496–406 до н. э]

Антигона (Antigone)

Трагедия (442 до н. э.)

В Афинах говорили: «Выше всего в жизни людской — закон, и неписаный закон — выше писаного». Неписаный закон — вечен, он дан природой, на нем держится всякое человеческое общество: он велит чтить богов, любить родных, жалеть слабых. Писаный закон — в каждом государстве свой, он установлен людьми, он не вечен, его можно издать и отменить. О том, что неписаный закон выше писаного, сочинил афинянин Софокл трагедию «Антигона».

Был в Фивах царь Эдип — мудрец, грешник и страдалец. По воле судьбы ему выпала страшная доля — не ведая, убить родного отца и жениться на родной матери. По собственной воле он казнил себя — выколол глаза, чтоб не видеть света, как не видел он своих невольных преступлений. По воле богов ему было даровано прощение и блаженная смерть, О жизни его Софокл написал трагедию «Царь Эдип», о смерти его — трагедию «Эдип в Колоне».

От кровосмесительного брака у Эдипа было два сына — Этеокл и Полигоник — и две дочери — Антигона и Исмена. Когда Эдип отрекся от власти и удалился в изгнание, править стали вдвоем Этеокл и Полиник под надзором старого Креонта, свойственника и советника Эдипа. Очень скоро братья поссорились: Этеокл изгнал Полиника, тот собрал на чужой стороне большое войско и пошел на Фивы войной. Был бой под стенами Фив, в поединке брат сошелся с братом, и оба погибли. Об этом Эсхил написал трагедию «Семеро против Фив». В концовке этой трагедии появляются и Антигона и Исмена, оплакивающие братьев. А о том, что было дальше, написал в «Антигоне» Софокл.

После гибели Этеокла и Полиника власть над Фивами принял Креонт. Первым его делом был указ: Этеокла, законного царя, павшего за отечество, похоронить с честью, а Полиника, приведшего врагов на родной город, лишить погребения и бросить на растерзание псам и стервятникам. Это было не в обычае: считалось, что душа непогребенного не может найти успокоения в загробном царстве и что мстить беззащитным мертвым — недостойно людей и неугодно богам. Но Креонт думал не о людях и не о богах, а о государстве и власти.

Но о людях и о богах, о чести и благочестии подумала слабая девушка — Антигона. Полиник ей такой же брат, как Этеокл, и она должна позаботиться, чтобы душа его нашла такое же

загробное успокоение. Указ еще не оглашен, но она уже готова его преступить. Она зовет свою сестру Исмену — с их разговора начинается трагедия. «Поможешь ли ты мне?» — «Как можно? Мы — слабые женщины, наш удел — повиновение, за непосильное нет с нас спроса: богов я чту, но против государства не пойду». — «Хорошо, я пойду одна, хотя бы на смерть, а ты оставайся, коли не боишься богов». — «Ты безумна!» — «Оставь меня одну с моим безумьем». — «Что ж, иди; все равно я тебя люблю».

Входит хор фиванских старейшин, вместо тревоги звучит ликование: ведь одержана победа, Фивы спасены, время праздновать и благодарить богов. Навстречу хору выходит Креонт и оглашает свой указ: герою — честь, злодею — срам, тело Полиника брошено на поругание, к нему приставлена стража, кто нарушит царский указ, тому смерть. И в ответ на эти торжественные слова вбегает стражник со сбивчивыми объяснениями: указ уже нарушен, кто-то присыпал труп землею — пусть символически, но погребение совершилось, стража не уследила, а ему теперь отвечать, и он в ужасе. Креонт разъярен: найти преступника или страже не сносить голов!

«Могуч человек, но дерзок! — поет хор. — Он покорил землю и море, он владеет мыслью и словом, он строит города и правит; но к добру или к худу его мощь? Кто правду чтит, тот хорош; кто в кривду впал, тот опасен». О ком он говорит: о преступнике или о Креонте?

Вдруг хор умолкает, пораженный: возвращается стражник, а за ним — пленная Антигона. «Мы смахнули с трупа землю, сели сторожить дальше, и вдруг видим: приходит царевна, плачет над телом, вновь осыпает землею, хочет совершить возлияния, — вот она!» — «Ты преступила указ?» — «Да, ибо он не от Зевса и не от вечной Правды: неписаный закон выше писаного, нарушить его — страшнее смерти; хочешь казнить — казни, воля твоя, а правда моя». — «Ты идешь против сограждан?» — «Они — со мною, только тебя боятся». — «Ты позоришь брата-героя!» — «Нет, я чту брата-мертвеца». — «Не станет другом враг и после смерти». — «Делить любовь — удел мой, не вражду». На их голоса выходит Исмена, царь осыпает иее упреками: «Ты — пособница!» — «Нет, сестре я не помогала, но умереть с ней готова». — «Не смей умирать со мной — я выбрала смерть, ты — жизнь». — «Обе они безумны, — обрывает Креонт, — под замок их, и да исполнится мой указ». — «Смерть?» — «Смерть!» Хор в ужасе поет: божьему гневу нет конца, беда за бедой — как волна за волной, конец Эдипову роду: боги тешат людей надеждами, но не дают им сбыться.

Креонту непросто было решиться обречь на казнь Антигону.

Она не только дочь его сестры — она еще и невеста его сына, будущего царя. Креонт вызывает царевича: «Твоя невеста нарушила указ; смерть — ей приговор. Правителю повиноваться должно во всем — в законном и в незаконном. Порядок — в повиновении; а падет порядок — погибнет и государство». — «Может быть, ты и прав, — возражает сын, — но почему тогда весь город ропщет и жалеет царевну? Или ты один справедлив, а весь народ, о котором ты печешься, — беззаконен?» — «Государство подвластно царю!» — восклицает Креонт. «Нет собственников над народом», — отвечает ему сын. Царь непреклонен: Антигону замуруют в подземной гробнице, пусть спасутее подземные боги, которых она так чтит, а люди ее больше не увидят, «Тогда и меня ты больше не увидишь!» И с этими словами царевич уходит. «Вот она, сила любви! — восклицает хор. — Эрот, твой стяг — знамя побед! Эрот — ловец лучших добыч! Всех покорил людей ты — и, покорив, безумишь…»

Антигону ведут на казнь. Силы ее кончились, она горько плачет, но ни о чем не жалеет. Плач Антигоны перекликается с плачем хора. «Вот вместо свадьбы мне — казнь, вместо любви мне — смерть!» — «И за то тебе вечная честь: ты сама избрала себе путь — умереть за божию правду!» — «Заживо схожу я в Аид, где отец мой Эдип и мать, победитель брат и побежденный брат, но они похоронены мертвые, а я — живая!» — «Родовой на вас грех, гордыня тебя увлекла: неписаный чтя закон, нельзя преступать и писаный». — «Если божий закон выше людских, то за что мне смерть? Зачем молиться богам, если за благочестие объявляют меня нечестивицей? Если боги за царя — искуплю вину; но если боги за меня — поплатится царь». Антигону уводят; хор в длинной песне поминает страдальцев и страдалиц былых времен, виновных и невинных, равно потерпевших от гнева богов.

Царский суд свершен — начинается божий суд. К Креонту является Тиресий, любимец богов, слепой прорицатель — тот, который предостерегал еще Эдипа. Не только народ недоволен царской расправой — гневаются и боги: огонь не хочет гореть на алтарях, вещие птицы не хотят давать знамений. Креонт не верит: «Не человеку бога осквернить!» Тиресий возвышает голос: «Ты попрал законы природы и богов: мертвого оставил без погребения, живую замкнул в могиле! Быть теперь в городе заразе, как при Эдипе, а тебе поплатиться мертвым за мертвых — лишиться сына!» Царь смущен, он впервые просит совета у хора; уступить ли? «Уступи!» — говорит хор. И царь отменяет свой приказ, велит освободить Антигону, похоронить Полиника: да, божий закон выше людского. Хор поет молитву Дионису, богу, рожденному в Фивах: помоги согражданам!

Но поздно. Вестник приносит весть: нет в живых ни Антигоны, ни женихаее. Царевну в подземной гробнице нашли повесившейся; а царский сын обнимал ее труп. Вошел Креонт, царевич бросился на отца, царь отпрянул, и тогда царевич вонзил меч себе в грудь. Труп лежит на трупе, брак их совершился в могиле. Вестника молча слушает царица — жена Креонта, мать царевича; выслушав, поворачивается и уходит; а через минуту вбегает новый вестник: царица бросилась на меч, царица убила себя, не в силах жить без сына. Креонт один на сцене оплакивает себя, своих родных и свою вину, и хор вторит ему, как вторил Антигоне: «Мудрость — высшее благо, гордыня — худший грех, спесь — спесивцу казнь, и под старость она неразумного разуму учит». Этими словами заканчивается трагедия.

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Трахинянки (Trachiniai)

Трагедия (440—430-е до н. э.)

«Трахинянки» — значит «девушки из города Трахина». Трахин («скалистый») — это маленький городок в глухой горной окраине Греции, под горой Этой, недалеко от славного ущелья Фермопил. Знаменит он только тем, что в нем прожил свои последние годы величайший из греческих героев — Геракл, сын Зевса. На горе Эте он принял добровольную смерть на костре, вознесся к небесам и стал богом. Невольной виновницей этой его мученической кончины была его жена Деянира, верная и любящая. Она — героиня этой трагедии, а хор трахинских девушек — этоее собеседницы.

Почти все греческие герои были царями в разных городах и городках, — кроме Геракла. Свою будущую божественность он отрабатывал подневольным трудом на службе у ничтожного царя из Южной Греции. Для него он совершил двенадцать подвигов, один другого тяжелее. Последним был спуск в Аид, подземное царство, за страшным трехглавым псом, сторожившим царство мертвых. Там, в Аиде, он встретил тень богатыря Мелеагра, тоже борца с чудовищами, самого могучего из старших героев. Мелеагр сказал ему: «Там, на земле, у меня осталась сестра по имени Деянира; возьмиее в жены, она достойна тебя».

Когда Геракл кончил свою подневольную службу, он пошел на край Греции свататься к Деянире. Он пришел вовремя: там текла река Ахелой, самая большая в Греции, и бог ее требовал Деяниру себе в жены. Геракл схватился с богом в борьбе, придавил его, как гора; тот обернулся змеем, Геракл стиснул ему

горло; тот обернулся быком, Геракл сломил ему рог. Ахелой покорился, спасенная Деянира досталась Гераклу, и он повез ее с собою в обратный путь.

Путь лежал еще через одну реку, а перевозчиком на той реке был дикий кентавр Несс, получеловек-полуконь. Деянира ему понравилась, и он захотел похитить ее. Но у Геракла был лук и были стрелы, отравленные черной кровью многоглавой змеи Гидры, которую он когда-то победил и изрубил. Стрела Геракла настигла кентавра, и тот понял, что пришла его смерть. Тогда, чтобы отомстить Гераклу, он сказал Деянире: «Я любил тебя, и хочу тебе сделать добро. Возьми крови из моей раны и храни ее от света и людей. Если муж твой полюбит другую, то намажь его одежду этой кровью, и любовь его вернется к тебе». Деянира так и сделала, не зная, что Нессова кровь отравлена стрелою Геракла.

Прошло время, и ей пришлось вспомнить об этой крови. Геракл гостил у знакомого царя в городе Эхалии (в двух днях пути от Трахина), и ему полюбилась царская дочь Иола. Он потребовал у царя ее себе в наложницы. Царь отказал, а царский сын насмешливо добавил: «Не к лицу ей быть за тем, кто двенадцать лет служил, как подневольный раб». Геракл рассердился и столкнул царского сына со стены — единственный раз в жизни убил врага не силой, а обманом. Боги наказали его за это — еще раз отдали в рабство на год к распутной заморской царице Омфале. Деянира ничего об этом не знала. Она жила в Трахине одна с юным сыном Гиллом и терпеливо ждала возвращения мужа.

Здесь и начинается драма Софокла.

На сцене Деянира, она полна тревоги. уходя, Геракл велел ей ждать его год и два месяца. Ему было пророчество: если погибнуть — то от мертвого; а если не погибнуть — то вернуться и обрести наконец отдых после трудов. Но вот прошли и год и два месяца, а его все нет. Неужели сбылось пророчество, и он погиб от какого-то мертвого, и уже не вернется доживать свои дни на покое рядом с ней? Хор трахинянок ободряет ее: нет, хоть во всякой жизни есть и радости и беды, но отец Зевс не оставит Геракла! Тогда Деянира зовет своего сына Гилла и просит его пойти на поиски отца. Он готов: до него уже дошел слух, что Геракл провел год в рабстве у Омфалы, а потом пошел походом на Эхалию — мстить царю-обидчику. И Гилл отправляется искать его под Эхалию.

Едва Гилл уходит, как и в самом деле слух подтверждается: от Геракла приходят вестники — сказать о победе и о близком его возвращении. Их двое, и они не безликие, как обычно в трагедиях: у каждого свой характер. Старший из них ведет с

собою группу безмолвных пленниц: да, Геракл отслужил свой год у Омфалы, а потом пошел на Эхалию, взял город, захватил пленниц и шлет их рабынями Деянире, а сам должен принести благодарственные жертвы богам и тотчас будет вслед. Деянире жаль пленниц: только что они были знатными и богатыми, а теперь — рабыни. Деянира заговаривает с одной из них, самой красивой, но та молчит. Деянира отсылает их в дом — и тут к ней подходит второй вестник. «Старший сказал тебе не всю правду. Не из мести Геракл брал Эхалию, а из любви к царевне Иоле: это с ней ты сейчас заговаривала, а она молчала». Нехотя старший вестник признает: это так. «Да, — говорит Деянира, — любовь есть бог, человек пред ней бессилен. Подожди немного: я дам тебе подарок для Геракла».

Хор поет песню во славу всевластной любви. А потом Деянира рассказывает трахинянкам о своем подарке для Геракла: это плащ, который она натерла той самой кровью Несса, чтобы вернуть себе Гераклову любовь, потому что ей обидно делить Геракла с соперницей. «Надежно ли это?» — спрашивает хор. «Я уверена, но не пробовала». — «Уверенности мало, нужен опыт». — «Сейчас будет». И она передает вестнику закрытый ларец с плащом: пусть Геракл наденет его, когда будет приносить благодарственные жертвы богам.

Хор поет радостную песню во славу возвращающегося Геракла. Но Деянира в страхе. Она натирала плащ клоком овечьей шерсти, а потом бросила этот кровавый клок наземь, — и вдруг, говорит она, он вскипел на солнце темной пеной и растекся по земле красно-бурым пятном. Не грозит ли беда? не обманул ли ее кентавр? не отрава ли это вместо приворота? И впрямь, не успевает хор ее успокоить, как стремительным шагом входит Гилл: «Ты убила Геракла, ты убила моего отца!» И он рассказывает: Геракл надел плащ, Геракл зарезал жертвенных быков, Геракл разжег костер для всесожжения, — но когда костер дохнул жаром на плащ, тот словно прилип к его телу, вгрызся болью до костей, словно огонь или змеиный яд, и Геракл упал в корчах, с криками проклиная и плащ, и ту, которая его прислала. Сейчас его несут на носилках в Трахин, но донесут ли живым?

Деянира молча слушает этот рассказ, поворачивается и скрывается в дом. Хор в ужасе поет о наставшей беде. Выбегает вестница — старая кормилица Деяниры: Деянира убила себя. В слезах обошла она дом, простилась с алтарями богов, поцеловала двери и пороги, села на брачное ложе и вонзила меч в левую грудь. Гилл в отчаянии — не успел ей помешать. Хор в двойном ужасе: смерть Деяниры в доме, смерть Геракла у ворот, что страшней?

Приближается конец. Вносят Геракла, он мечется на носилках с неистовыми криками: победитель чудовищ, самый могучий из смертных, он погибает от женщины и взывает к сыну: «Отомсти!» В промежутках между стонами Гилл объясняет ему: Деяниры уже нет, вина ее — невольная, это ее обманул когда-то злой кентавр. Теперь Гераклу ясно: пророчества сбылись, это он погибает от мертвого, а отдых, который его ждет, — это смерть. Он приказывает сыну: «Вот два последние мои завета: первый — отнеси меня на гору Эту и положи на погребальный костер; второй — ту Иолу, которую я не успел взять за себя, возьми ты, чтобы она стада матерью моих потомков». Гилл в ужасе: заживо сжечь отца, жениться на той, которая — причина смерти и Геракла и Деяниры? Но противиться Гераклу он не может. Геракла уносят; никто еще не знает, что с этого костра он вознесется к небесам и станет богом. Гилл провожает его словами:

«Никому недоступно грядущее зреть, / Но увы, настоящее горестно нам / И постыдно богам, / А всего тяжелее оно для того, / Кто пал роковою жертвой».

И хор вторит: «Разойдемся теперь и мы по домам: / Увидели мы ужасную смерть, / И много мук, небывалых мук, — / Но на все была Зевсова воля».

М. Л. Гаспаров

Царь Эдип (OidipousTyraimos)

Трагедия (429–425 до н. э.)

Это трагедия о роке и свободе: не в том свобода человека, чтобы делать то, что он хочет, а в том, чтобы принимать на себя ответственность даже за то, чего он не хотел.

В городе Фивах правили царь Лаий и царица Иокаста. От дельфийского оракула царь Лаий получил страшное предсказание: «Если ты родишь сына, то погибнешь от его руки». Поэтому, когда у него родился сын, он отнял его у матери, отдал пастуху и велел отнести на горные пастбища Киферона, а там бросить на съедение хищным зверям. Пастуху стало жалко младенца. На Кифероне он встретил пастуха со стадом из соседнего царства — Коринфского и отдал младенца ему, не сказавши, кто это такой. Тот отнес младенца к своему царю. У коринфского царя не было детей; он усыновил младенца и воспитал как своего наследника. Назвали мальчика — Эдип.

Эдип вырос сильным и умным. Он считал себя сыном коринфского царя, но до него стали доходить слухи, будто он

приемыш. Он пошел к дельфийскому оракулу спросить: чей он сын? Оракул ответил: «Чей бы ты ни был, тебе суждено убить родного отца и жениться на родной матери». Эдип был в ужасе. Он решил не возвращаться в Коринф и пошел, куда глаза глядят. На распутье он встретил колесницу, на ней ехал старик с гордой осанкой, вокруг — несколько слуг. Эдип не вовремя посторонился, старик сверху ударил его стрекалом, Эдип в ответ ударил его посохом, старик упал мертвый, началась драка, слуги были перебиты, только один убежал. Такие дорожные случаи были не редкостью; Эдип пошел дальше.

Он дошел до города Фив. Там было смятение: на скале перед городом поселилось чудовище Сфинкс, женщина с львиным телом, она задавала прохожим загадки, и кто не мог отгадать, тех растерзывала. Царь Лаий поехал искать помощи у оракула, но в дороге был кем-то убит. Эдипу Сфинкс загадала загадку: «Кто ходит утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех?» Эдип ответил: «Это человек: младенец на четвереньках, взрослый на своих двоих и старик с посохом». Побежденная верным ответом, Сфинкс бросилась со скалы в пропасть; Фивы были освобождены. Народ, ликуя, объявил мудрого Эдипа царем и дал ему в жены Лаиеву вдову Иокасту, а в помощники — брата Иокасты, Креонта.

Прошло много лет, и вдруг на Фивы обрушилось божье наказание: от моровой болезни гибли люди, падал скот, сохли хлеба. Народ обращается к Эдипу: «Ты мудр, ты спас нас однажды, спаси и теперь». Этой мольбой начинается действие трагедии Софокла: народ стоит перед дворцом, к нему выходит Эдип. «Я уже послал Креонта спросить совета у оракула; и вот он уже спешит обратно с вестью». Оракул сказал: «Эта божья кара — за убийство Лаия; найдите и накажите убийцу!» — «А почему его не искали до сих пор?» — «Все думали о Сфинкс, а не о нем». — «Хорошо, теперь об этом подумаю я». Хор народа поет молитву богам: отвратите ваш гнев от Фив, пощадите гибнущих!

Эдип объявляет свой царский указ: найти убийцу Лаия, отлучить его от огня и воды, от молений и жертв, изгнать его на чужбину, и да падет на него проклятие богов! Он не знает, что этим он проклинает самого себя, но сейчас ему об этом скажут, В Фивах живет слепой старец, прорицатель Тиресий: не укажет ли он, кто убийца? «Не заставляй меня говорить, — просит Тиресий, — не к добру это будет!» Эдип гневается: «уж не сам ли ты замешан в этом убийстве?» Тиресий вспыхивает: «Нет, коли так: убийца — ты, себя и казни!» — «уж не Креонт ли рвется к власти, уж не он ли тебя подговорил?» — «Не Креонту я служу и не тебе, а вещему богу; я слеп, ты зряч, но не видишь, в каком живешь грехе и кто твои отец и мать». — «Что это значит?» —

«Разгадывай сам: ты на это мастер». И Тиресий уходит. Хор поет испуганную песню: кто злодей? кто убийца? неужели Эдип? Нет, нельзя этому поверить!

Входит взволнованный Креонт: неужели Эдип подозревает его в измене? «Да», — говорит Эдип. «Зачем мне твое царство? Царь — невольник собственной власти; лучше быть царским помощником, как я». Они осыпают друг друга жестокими упреками. На их голоса из дворца выходит царица Иокаста — сестра Креонта, жена Эдипа. «Он хочет изгнать меня лживыми пророчествами», — говорит ей Эдип. «Не верь, — отвечает Иокаста, — все пророчества лживы: вот Лаию было предсказано погибнуть от сына, но сын наш младенцем погиб на Кифероне, а Лаия убил на распутье неведомый путник». — «На распутье? где? когда? каков был Лаий с виду?» — «По пути в Дельфы, незадолго до твоего к нам прихода, а видом был он сед, прям и, пожалуй, на тебя похож». — «О ужас! И у меня была такая встреча; не я ли был тот путник? Остался ли свидетель?» — «Да, один спасся; это старый пастух, за ним уже послано». Эдип в волнении; хор поет встревоженную песню: «Ненадежно людское величие; боги, спасите нас от гордыни!»

И тут в действии происходит поворот. На сцене появляется неожиданный человек: вестник из соседнего Коринфа. Умер коринфский царь, и коринфяне зовут Эдипа принять царство. Эдип омрачается: «Да, лживы все пророчества! Было мне предсказано убить отца, но вот — он умер своею смертью. Но еще мне было предсказано жениться на матери; и пока жива царица-мать, нет мне пути в Коринф». «Если только это тебя удерживает, — говорит вестник, — успокойся: ты им не родной сын, а приемный, я сам принес им тебя младенцем с Киферона, а мне тебя там отдал какой-то пастух». «Жена! — обращается Эдип к Иокасте, — не тот ли это пастух, который был при Лаие? Скорее! Чей я сын на самом деле, я хочу это знать!» Иокаста уже все поняла. «Не дознавайся, — молит она, — тебе же будет хуже!» Эдип ее не слышит, она уходит во дворец, мы ее уже не увидим. Хор поет песню: может быть, Эдип — сын какого-нибудь бога или нимфы, рожденный на Кифероне и подброшенный людям? так ведь бывало!

Но нет. Приводят старого пастуха. «Вот тот, кого ты мне передал во младенчестве», — говорит ему коринфский вестник. «Вот тот, кто на моих глазах убил Лаия», — думает пастух. Он сопротивляется, он не хочет говорить, но Эдип неумолим. «Чей был ребенок?» — спрашивает он. «Царя Лаия, — отвечает пастух. — И если это вправду ты, то на горе ты родился и на горе мы спасли тебя!» Теперь наконец все понял и Эдип. «Проклято

мое рождение, проклят мой грех, проклят мой брак!» — восклицает он и бросается во дворец. Хор опять поет: «Ненадежно людское величие! Нет на свете счастливых! Был Эдип мудр; был Эдип царь; а кто он теперь? Отцеубийца и кровосмеситель!»

Из дворца выбегает вестник. За невольный грех — добровольная казнь: царица Иокаста, мать и жена Эдипа, повесилась в петле, а Эдип в отчаянии, охватив ее труп, сорвал с нее золотую застежку и вонзил иглу себе в глаза, чтоб не видели они чудовищных его дел. Дворец распахивается, хор видит Эдипа с окровавленным лицом. «Как ты решился?..» — «Судьба решила!» — «Кто тебе внушил?..» — «Я сам себе судья!» Убийце Лаия — изгнание, осквернителю матери — ослепление; «о Киферон, о смертное распутье, о двубрачное ложе!». Верный Креонт, забыв обиду, просит Эдипа остаться во дворце: «Лишь ближний вправе видеть муки ближних». Эдип молит отпустить его в изгнание и прощается с детьми: «Я вас не вижу, но о вас я плачу…» Хор поет последние слова трагедии: «О сограждане фиванцы! Вот смотрите: вот Эдип! / Он, загадок разрешитель, он, могущественный царь, / Тот, на чей удел, бывало, всякий с завистью глядел!.. / Значит, каждый должен помнить о последнем нашем дне, / И назвать счастливым можно человека лишь того, / Кто до самой до кончины не изведал в жизни бед».

М. Л. Гаспаров

Эдип в Колоне (Oidipouse pi Colonoi)

Трагедия (406 до н. э.)

Колон — местечко к северу от Афин. Там была священная роща богинь Евменид, страшных блюстительниц правды — тех, о которых писал Эсхил в «Орестее». Среди этой рощи стоял алтарь в честь героя Эдипа: считалось, что этот фиванский герой здесь похоронен и охраняет эту землю. Как оказался прах фиванского героя в афинской земле — об этом рассказывали по-разному. По одному из этих рассказов и написал трагедию Софокл. Он сам был родом из Колона, и эта трагедия была в его жизни последней.

От кровосмесительного брака с матерью у Эдипа были два сына и две дочери: Этеокл и Полиник, Антигона и Исмена. Когда Эдип ослепил себя за грехи и ушел от власти, оба сына отшатнулись от него. Тогда он покинул Фивы и ушел странствовать неведомо куда. Вместе с ним ушла верная дочь Антигона — поводырем при дряхлом слепце. Ослепнув, он прозрел душою: понял, что добровольным самонаказанием искупил свою невольную вину, что боги его простили и что умрет

он не грешником, а святым. Это значит, что на его могиле будут совершать жертвы и возлияния, а его прах будет охраною той земле, где будет погребен.

Слепой Эдип и усталая Антигона выходят на сцену и присаживаются отдохнуть. «Где мы?» — спрашивает Эдип. «Это роща лавров и маслин, здесь вьется виноград и поют соловьи, а вдалеке — Афины», — отвечает Антигона. Навстречу им выходит сторож:

«Прочь отсюда, это место запретно для смертных, здесь обитают Ев-мениды, дочери Ночи и Земли». «О счастье! Здесь, под сенью Евменид, боги обещали мне блаженную смерть. Ступай, скажи афинскому царю: пусть придет сюда, пусть даст мне малое, а получит многое», — просит Эдип. «От тебя, слепого нищего?» — удивляется сторож. «Я слеп, но разумом зряч». Сторож уходит, а Эдип возносит мольбы к Евменидам и всем богам: «Исполните обещание, пошлите мне долгожданную смерть».

Появляется хор колонских жителей: они тоже сперва рассержены, видя чужеземца на святой земле, но его жалкий вид начинает внушать им сочувствие. «Кто ты?» — «Эдип», — выговаривает тот. «Отцеубийца, кровосмеситель, прочь!» — «Страшен мой грех, но неволен; не гоните меня — боги справедливы и вас за мою вину не накажут. Дайте мне дождаться вашего царя».

Но вместо царя появляется еще одна усталая женщина с дальней стороны — Исмена, вторая дочь Эдипа. У нее дурные вести. В Фивах распри, Этеокл изгнал Полиника, тот собирает в поход Семерых против Фив; боги предрекли: «Если Эдип не будет похоронен в чужой земле — Фивы устоят». И вот за Эдипом уже отправлено посольство. «Нет! — кричит Эдип. — Они отреклись от меня, они изгнали меня, пусть же теперь они погубят друг друга! А я хочу умереть здесь, в афинской земле, ей на благо, врагам ее на страх». Хор тронут. «Тогда соверши очищенье, сделай возлиянье водой и медом, умилостиви Евменид — только они могут простить или не простить убийство родича». Исмена готовит обряд, Эдип в перекличке с хором оплакивает свой грех.

Но вот и афинский царь: это Тесей, знаменитый герой и мудрый правитель. «Чего ты просишь, старец? Я готов помочь тебе — все мы равны под взором богов, сегодня ты в беде, а завтра я». — «Схорони меня здесь, не дай увести меня фивинцам, и прах мой будет стране твоей защитой». — «Вот тебе мое слово». Тесей уходит распорядиться, а хор поет хвалу Афинам, Колону и богам, их покровителям:

Афине-владычице, Посейдону-коннику, Деметре-земледелице, Дионису-виноградарю.

«Не обманите! — молит Антигона. — Вот уже идет фиванский посол с воинами». Это Креонт, свойственник Эдипа, второй в Фивах человек при Эдипе, а теперь при Этеокле. «Прости нашу вину и пожалей нашу страну: она тебе родная, а эта хоть и хороша, да не твоя». Но Эдип тверд: «Не по дружбе ты пришел, а по нужде, мне же нет нужды идти с тобою». «Будет нужда! — грозит Креонт. — Эй, схватить его дочерей: они наши фиванские подданные! А ты, старик, решай: пойдешь ли со мной или останешься здесь, без помощи, без поводыря!» Хор ропщет, девушки плачут, Эдип проклинает Креонта: «Как ты меня бросаешь одного, так и тебе на склоне лет остаться одному!» Это проклятие сбудется в трагедии «Антигона».

На помощь спешит Тесей. «Оскорбитель моего гостя — оскорбитель и мне! Не позорь свой город — отпусти девушек и ступай прочь». — «За кого заступаешься? — спорит Креонт. — За грешника, за преступника?» — «Мой грех — невольный, — со слезами отвечает Эдип, — а ты, Креонт, по своей воле грешишь, нападая на немощного и слабых!» Тесей тверд, девушки спасены, хор славит афинскую доблесть.

Но испытания Эдипа не кончены. Как его просил о помощи фиванский Креонт, так теперь к нему пришел просить о помощи изгнанник сын Полиник. Тот был нагл, этот — трогателен. Он плачет о своей беде и об Эдиповой беде — пусть несчастный поймет несчастного! Он просит прощенья, сулит Эдипу если не трон, то дворец, но Эдип его не слушает. «Вы с братом меня погубили, а сестры ваши меня спасли! Будь же им честь, а вам смерть: не взять тебе Фив, убить вам брат брата, и да будет на вас проклятие Евменид-Эринний». Антигона любит брата, она молит его распустить войско, не губить родину. «Ни я, ни брат не уступим, — отвечает Полиник. — Вижу смерть и иду на смерть, а вас, сестры, да хранят боги». Хор поет: «Жизнь коротка; смерть неотвратна; горестей в жизни больше, чем радостей. Лучшая доля — вовсе не родиться; доля вторая — скорее умереть. Труд гнетет, смуты губят; а старость средь мук — как остров средь волн».

Приближается конец. Гремит гром, блещет молния, хор взывает к Зевсу, Эдип призывает Тесея. «Пришел мой последний час: теперь я один с тобой войду в священную рощу, найду заветное место, и там упокоится мой прах. Ни дочери мои, ни граждане твои не будут его знать; лишь ты и твои наследники будете хранить эту тайну, и доколе она хранится, будет Эдипов гроб защитою Афинам от Фив. За мной! а меня ведет Гермес, низводящий души в преисподнюю». Хор, павши на колени, молится подземным богам: «Дайте Эдипу мирно сойти в ваше царство: он заслужил это муками».

И боги услышали: вестник сообщает о чудесном конце Эдипа, Он шел как зрячий, он дошел до урочного места, омылся, оделся в белое, простился с Антигоною и Исменою, и тут раздался неведомый голос:

«Иди, Эдип, не медли!» Волосы зашевелились у спутников, они повернули и пошли прочь. Когда поворачивали, Эдип и Тесей стояли рядом; когда оглянулись, там стоял один Тесей, заслоняя глаза, как от нестерпимого света. Молния ли вознесла Эдипа, вихрь ли его умчал, земля ли приняла в свое лоно — никто не знает. За вестником возвращаются сестры, оплакивая отца, за сестрами — Тесей; сестры отправляются в родные Фивы, а Тесей с хором повторяют завет Эдипа и его благословение: «Да будет оно нерушимо!»

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Еврипид (Euripides) [485 (или 480) — 406 до н. э.]

Алкестида (Alcestis)

Трагедия (438 до н. э.)

Это трагедия со счастливым концом. На драматических состязаниях в Афинах был обычай: каждый поэт представлял «трилогию», три трагедии, иногда даже подхватывающие друг друга по темам (как у Эсхила), а после них, для разрядки мрачного настроения — «сатировскую драму», где герои и действие были тоже из мифов, но хор непременно состоял из веселых сатиров, козлоногих и хвостатых спутников бога вина Диониса; соответственно и сюжет для нее выбирался веселый и сказочный. Но приспособить хор сатиров можно было не ко всякому мифу; и вот поэт Еврипид попробовал сделать заключительную драму и со сказочным сюжетом, и со счастливым концом, но без всяких сатиров. Это и была «Алкестида».

Сказочный сюжет здесь — борьба Геракла со Смертью. Греки, как и все народы, представляли когда-то, что Смерть — это чудовищный демон, который приходит к умирающему, хватает его душу и уносит в подземное царство. Всерьез в такого демона давно уже не верили и рассказывали о нем не мифы, а сказки. Например, как хитрец Сизиф захватил Смерть врасплох, заковал в оковы и долго держал в плену, так что люди на земле перестали умирать, а самому Зевсу пришлось вмешаться и навести порядок. Или как главный богатырь греческих мифов, труженик Геракл, однажды схватился со Смертью врукопашную, осилил ее и вырвал у нее душу, которую демон уже уносил в преисподнюю. Это была

душа молодой царицы Алкестиды (Алкесты), жены царя Адмета,

Дело было так. Бог Аполлон поссорился со своим отцом, громовержцем Зевсом, и был им наказан: Зевс велел ему целый год служить пастухом у смертного человека — царя Адмета. Адмет был хозяин добрый и ласковый, и Аполлон тоже отплатил ему добром. Он напоил допьяна непреклонных Мойр, богинь судьбы, отмеривающих сроки человеческой жизни, и добился для Адмета чуда: когда придет Адмету время умирать, то за него, Адмета, может умереть кто-нибудь другой, а он, Адмет, доживет свою жизнь за этого другого. Прошло время, Адмету пришла пора умирать, и он стал искать среди своих родных человека, который согласился бы принять смерть вместо него. Старый отец отказался, старая мать отказалась, и согласилась только его молодая жена — царица Алкестида. Она так его любила, что готова была отдать за него жизнь, чтобы он продолжал царствовать со славой, растил их детей и помнил о ней.

С этого и начинается трагедия Еврипида. На сцене — бог Аполлон и демон Смерти. Демон пришел за душой Алкестиды; он злорадно торжествует: похитить молодую жизнь приятнее, чем жизнь зрелого мужа. «Рано торжествуешь! — говорит ему Аполлон. — Берегись: скоро сюда придет человек, который и тебя осилит».

На сцену выходит хор местных жителей: они встревожены, они любят и доброго царя и молодую царицу, они не знают, каких богов молить, чтобы миновала смертная беда. Царская служанка рассказывает им: ничем уже не помочь, настал последний час. Алкестида приготовилась к смерти, омылась, оделась в смертный наряд, помолилась домашним богам: «Храните моего мужа и даруйте моим детям не безвременную смерть, как мне, а должную, на склоне дней!» Простилась со своим брачным ложем: «Ах, если и придет сюда другая жена, то будет она не лучше меня, а лишь счастливее!» Простилась с детьми, со слугами и с мужем: бедный Адмет, он остается жить, но мучится тоской, как будто умирает. Сейчас ее вынесут из дворца, чтобы она простилась с солнечным светом. «О горе, горе, — поет хор. — Если можешь, Аполлон, — заступись!»

Из дворца выносят Алкестиду, с ней Адмет, с ними маленькие сын и дочь. Начинается общий плач; Алкестида прощается с землей и небом, ей уже слышен плеск загробной реки. Она обращается к Ад-мету: «Вот моя последняя просьба: не бери другую жену, не бери мачеху нашим детям, будь защитником сыну, дай достойного мужа дочери!» «Не возьму другую жену, — отвечает ей Адмет, — буду носить по тебе траур до конца дней, не будет в доме моем ни радости, ни песен, а ты являйся мне хоть

во снах и встреть меня в преисподней, когда я умру! О, зачем я не Орфей, песнею вымоливший себе возлюбленную у подземного царя!» Речи Алкестиды все короче, она умолкает, она умерла. Хор поет умершей напутственную песню и сулит ей вечную славу между живыми.

Тут-то и появляется Геракл. Он идет на север, ему назначен очередной подневольный подвиг: расправиться с жестоким царем, который убивает захожих гостей и кормит их мясом своих кобылиц-людоедиц. Царь Адмет — его друг, он хотел отдохнуть и подкрепиться в его доме; но в доме грусть, печаль, траур, — может быть, лучше ему поискать другого приюта? «Нет, — говорит ему Адмет, — не думай о дурном, оставь мне мои заботы; а мои рабы тебя и накормят и уложат». «Что ты, царь, — спрашивает хор, — статочное ли дело — хороня такую жену, принимать и угощать гостей?» «А статочное ли дело, — отвечает Адмет, — своим горем обременять друзей? Добро за добро: гость всегда свят». Хор поет о великодушии царя Адмета, и как добры к нему боги, и как добр он к друзьям.

Алкестиду хоронят. В каждой трагедии есть спор — вспыхивает спор и надее телом. Проститься с мертвой выходит старый отец Адмета и говорит ей трогательные слова. Здесь Адмет теряет самообладание: «Ты не захотел умереть за меня — значит, это ты виноват в ее смерти! — кричит он. — А если бы не она, ты был бы виноват и в моей смерти! Я тебе больше не сын». «Смертный срок был — твой, — отвечает отец, — ты не захотел умирать; так не попрекай и меня, что я не хочу умирать, и стыдись жены, которую ты не пощадил». С проклятиями друг другу отец и сын расходятся.

А Геракл, ничего не зная, пирует за сценой; у греков он всегда считался не только силачом, но и обжорой. Раб жалуется зрителям: ему хочется плакать о доброй царице, а он должен с улыбкой прислуживать пришельцу. «Что ты так угрюм? — спрашивает его Геракл. — Жизнь коротка, завтрашний день неизвестен, давай радоваться, пока живы». Тут раб не выдерживает и рассказывает гостю все, как есть. Геракл потрясен — и преданностью царицы мужу, и благородством царя перед другом. «Где хоронят Алкестиду?» Слуга указывает. «Мужайся, сердце, — говорит Геракл, — я бился с живыми, теперь выхожу на саму Смерть и вызволю жену для друга хоть из преисподней».

Пока Геракла нет, на сцене — плач. Адмет страдает уже не о покойнице — о себе: «Горе для нее кончилось, началась для нее вечная слава. А я? что мне теперь жизнь, если всякий может сказать мне в лицо: вот трус, он испугался честной смерти, он предпочел позорную жизнь!» Хор грустно утешает его: такова

судьба, а с судьбой не спорят.

Возвращается Геракл, за ним — безмолвная женщина под покрывалом. Геракл пеняет Адмету: «Ты друг мне, и ты утаил от меня твое горе? стыдись! Бог тебе судья, а у меня к тебе просьба. Сейчас случилась у меня нелегкая борьба и кулачный бой, я победил, и наградой мне была вот эта женщина. Я иду на север служить мою службу, а ты, прошу, приюти ее в своем дворце: хочешь — рабыней, а хочешь — когда пройдет твоя тоска, — и новой женой». — «Не говори так: тоске моей нет конца, и на женщину эту мне больно глядеть: ростом и статью она мне напоминает Алкестиду. Не береди мне душу!» — «Я твой друг, неужели я хочу тебе дурного? Возьми ее за руку. А теперь смотри!» И Геракл сдергивает со своей спутницы покрывало. «Это Алкестида? живая? не призрак? Ты ее спас! Останься! Раздели мою радость!» — «Нет, дело ждет. А ты будь добр и праведен, соверши жертвы богам небесным и подземным, и тогда спадут с нее смертные чары, и она заговорит и снова будет твоей». — «Я счастлив!» — восклицает Адмет, простирая руки к солнцу, а хор заканчивает трагедию словами: «…Неведомы пути богов, жданное для нас несбывчиво, и невозможное для них возможно: мы это видели».

М. Л. Гаспаров

Медея (Medeia)

Трагедия (431 до н. э.)

Есть миф о герое Ясоне, вожде аргонавтов. Он был наследным царем города Иолка в Северной Греции, но власть в городе захватил его старший родственник, властный Пелий, и, чтобы вернуть ее, Ясон должен был совершить подвиг: с друзьями-богатырями на корабле «Арго» доплыть до восточного края земли и там, в стране Колхиде, добыть священное золотое руно, охраняемое драконом. Об этом плавании потом Аполлоний Родосский написал поэму «Аргонавтика».

В Колхиде правил могучий царь, сын Солнца; дочь его, царевна-волшебница Медея, полюбила Ясона, они поклялись друг Другу в верности, и она спасла его. Во-первых, она дала ему колдовские снадобья, которые помогли ему сперва выдержать испытательный подвиг — вспахать пашню на огнедышащих быках, — а потом усыпить охранителя дракона. Во-вторых, когда они отплывали из Колхиды, Медея из любви к мужу убила родного брата и разбросала куски его тела по берегу; преследовавшие их колхидяне задержались, погребая его, и не

смогли настичь беглецов. В-третьих, когда они вернулись в Иолк, Медея, чтобы спасти Ясона от коварства Пелия, предложила дочерям Пелия зарезать их старого отца, обещав после этого воскресить его юным. И они зарезали отца, но Медея отказалась от своего обещания, и дочери-отцеубийцы скрылись в изгнание. Однако получить Иолкское царство Ясону не удалось: народ возмутился против чужеземной колдуньи, и Ясон с Медеей и двумя маленькими сыновьями бежали в Коринф. Старый коринфский царь, присмотревшись, предложил ему в жены свою дочь и с нею царство, но, конечно, с тем, чтобы он развелся с колдуньей. Ясон принял предложение: может быть, он сам уже начинал бояться Медеи. Он справил новую свадьбу, а Медее царь послал приказ покинуть Коринф. На солнечной колеснице, запряженной драконами, она бежала в Афины, а детям своим велела: «Передайте вашей мачехе мой свадебный дар: шитый плащ и златотканую головную повязку». Плащ и повязка были пропитаны огненным ядом: пламя охватило и юную царевну, и старого царя, и царский дворец. Дети бросились искать спасения в храме, но коринфяне в ярости побили их камнями. Что стало с Ясоном, никто точно не знал.

Коринфянам тяжело было жить с дурной славой детоубийц и нечестивцев. Поэтому, говорит предание, они упросили афинского поэта Еврипида показать в трагедии, что не они убили Ясоновых детей, а сама Медея, их родная мать. Поверить в такой ужас было трудно, но Еврипид заставил в это поверить.

«О, если бы никогда не рушились те сосны, из которых был сколочен тот корабль, на котором отплывал Ясон…» — начинается трагедия. Это говорит старая кормилица Медеи. Ее госпожа только что узнала, что Ясон женится на царевне, но еще не знает, что царь велит ей покинуть Коринф. За сценой слышны стоны Медеи: она клянет и Ясона, и себя, и детей. «Береги детей», — говорит кормилица старому воспитателю. Хор коринфских женщин в тревоге: не накликала бы Медея худшей беды! «Ужасна царская гордыня и страсть! лучше мир и мера».

Стоны смолкли, Медея выходит к хору, говорит она твердо и мужественно. «Мой муж для меня был все — больше у меня ничего. О жалкая доля женщины! Выдают ее в чужой дом, платят за нее приданое, покупают ей хозяина; рожать ей больно, как в битве, а уйти — позор. Вы — здешние, вы не одинокие, а я — одна». Навстречу ей выступает старый коринфский царь: тотчас, на глазах у всех, пусть колдунья отправляется в изгнание! «У вы! тяжко знать больше других: от этого страх, от этого ненависть. Дай мне хоть день сроку: решить, куда мне идти». Царь дает ей день сроку. «Слепец! — говорит она ему вслед. — Не знаю, куда

уйду, но знаю, что оставлю вас мертвыми». Кого — вас? Хор поет песню о всеобщей неправде: попраны клятвы, реки текут вспять, мужчины коварнее женщин!

Входит Ясон; начинается спор. «Я спасла тебя от быков, от дракона, от Пелия — где твои клятвы? Куда мне идти? В Колхиде — прах брата; в Иолке — прах Пелия; твои друзья — мои враги. О Зевс, почему мы умеем распознавать фальшивое золото, но не фальшивого человека!» Ясон отвечает: «Спасла меня не ты, а любовь, которая двигала тобой. За спасение это я в расчете: ты не в дикой Колхиде, а в Греции, где умеют петь славу и мне и тебе. Новый брак мой — ради детей: рожденные от тебя, они неполноправны, а в новом моем доме они будут счастливы». — «Не нужно счастья ценой такой обиды!» — «О, зачем не могут люди рождаться без женщин! меньше было бы на свете зла». Хор поет песню о злой любви.

Медея сделает свое дело, но куда потом уйти? Здесь и появляется молодой афинский царь Эгей: он ходил к оракулу спросить, почему у него нет детей, а оракул ответил непонятно. «Будут у тебя дети, — говорит Медея, — если дашь мне приют в Афинах». Она знает, у Эгея родится сын на чужой стороне — герой Тесей; знает, что этот Тесей выгонит ее из Афин; знает, что потом Эгей погибнет от этого сына — бросится в море при ложной вести о его гибели; но молчит. «Пусть погибну, если позволю выгнать тебя из Афин!» — говорит Эгей, Больше Медее сейчас ничего не нужно. У Эгея будет сын, а у Ясона детей не будет — ни от новой жены, ни от нее, Медеи. «Я вырву с корнем Ясонов род!» — и пусть ужасаются потомки. Хор поет песню во славу Афин.

Медея напомнила о прошлом, заручилась будущим, — теперь ее забота — о настоящем. Первая — о муже. Она вызывает Ясона, просит прощения — «таковы уж мы, женщины!» — льстит, велит детям Обнять отца: «Есть у меня плащ и повязка, наследие Солнца, моего предка; позволь им поднести их твоей жене!» — «Конечно, и дай бог им долгой жизни!» Сердце Медеи сжимается, но она запрещает себе жалость. Хор поет: «Что-то будет!»

Вторая забота — о детях. Они отнесли подарки и вернулись; Медея в последний раз плачет над ними. «Вас я родила, вас я вскормила, вашу улыбку я вижу — неужели в последний раз? Милые руки, милые губы, царские лики — неужели я вас не пощажу? Отец украл ваше счастье, отец лишает вас матери; пожалею я вас — посмеются мои враги; не бывать этому! Гордость во мне сильна, а гнев сильнее меня; решено!» Хор поет: «О, лучше не родить детей, не вести дома, жить мыслью с Музами — разве женщины умом слабее мужчин?»

Третья забота — о разлучнице. Вбегает вестник: «Спасайся, Медея: погибли и царевна и царь от твоего яда!» — «Рассказывай, рассказывай, чем подробнее, тем слаще!» Дети вошли во дворец, все на них любуются, царевна радуется уборам, Ясон просит ее быть доброй мачехой для малюток. Она обещает, она надевает наряд, она красуется перед зеркалом; вдруг краска сбегает с лица, на губах выступает пена, пламя охватывает ей кудри, жженое мясо сжимается на костях, отравленная кровь сочится, как смола из коры. Старый отец с криком припадает к ее телу, мертвое тело обвивает его, как плющ; он сидится стряхнуть его, но мертвеет сам, и оба, обугленные, лежат, мертвы. «Да, наша жизнь — лишь тень, — заключает вестник, — и нет для людей счастья, а есть удачи и неудачи».

Теперь обратного пути нет; если Медея не убьет детей сама — их убьют другие. «Не медли, сердце: колеблется только трус. Молчите, воспоминанья: сейчас я не мать им, плакать я буду завтра». Медея уходит за сцену, хор в ужасе поет: «Солнце-предок и вышний Зевс! удержите её руку, не дайте множить убийство убийством!» Слышатся два детских стона, и все кончено.

Врывается Ясон: «Где она? на земле, в преисподней, в небе? Пусть ее растерзают, мне только бы спасти детей!» — «Поздно, Ясон», — говорит ему хор. Распахивается дворец, над дворцом — Медея на Солнцевой колеснице с мертвыми детьми на руках. «Ты львица, а не жена! — кричит Ясон. — Ты демон, которым боги меня поразили!» — «Зови, как хочешь, но я ранила твое сердце». — «И собственное!» — «Легка мне моя боль, когда вижу я твою». — «Твоя рука их убила!» — «А прежде того — твой грех». — «Так пусть казнят тебя боги!» — «Боги не слышат клятвопреступников». Медея исчезает, Ясон тщетно взывает к Зевсу. Хор кончает трагедию словами:

«Не сбывается то, что ты верным считал, / И нежданному боги находят пути — / Таково пережитое нами»,

М. Л. Гаспаров

Ипполит (Hippolytos)

Трагедия (428 до н э.)

В древних Афинах правил царь Тесей. Как у Геракла, у него было два отца — земной, царь Эгей, и небесный, бог Посейдон. Главный свой подвиг он совершил на острове Крите: убил в лабиринте чудовищного Минотавра и освободил Афины от дани ему. Помощницей ему была критская царевна Ариадна: она дала ему нить, следуя которой он вышел из лабиринта. Ариадну он

обещал взять в жены, но ее потребовал для себя бог Дионис, и за это Тесея возненавидела богиня любви Афродита.

Второй женой Тесея была воительница-амазонка; она погибла в бою, а Тесею оставила сына Ипполита. Сын амазонки, он не считался законным и воспитывался не в Афинах, а в соседнем городе Трезене. Амазонки не желали знать мужчин — Ипполит не желал знать женщин. Он называл себя служителем девственной богини-охотницы Артемиды, посвященным в подземные таинства, о которых рассказал людям певец Орфей: человек должен быть чист, и тогда за гробом он обретет блаженство. И за это его тоже возненавидела богиня любви Афродита.

Третьей женой Тесея была Федра, тоже с Крита, младшая сестра Ариадны. Тесей взял ее в жены, чтобы иметь законных детей-наследников. И здесь начинается месть Афродиты. Федра увидела своего пасынка Ипполита и влюбилась в него смертной любовью. Поначалу она одолевала свою страсть: Ипполита не было рядом, он был в Трезене. Но случилось так, что Тесей убил восставших на него родственников и должен был на год удалиться в изгнание; вместе с Федрой он переехал в тот же Трезен. Здесь любовь мачехи к пасынку вспыхнула вновь; Федра обезумела от нее, заболела, слегла, и никто не мог понять, что с царицей. Тесей уехал к оракулу; в его отсутствие и произошла трагедия.

Собственно, Еврипид написал об этом две трагедии. Первая не сохранилась. В ней Федра сама открывалась в любви Ипполиту, Ипполит в ужасе отвергал ее, и тогда Федра клеветала на Ипполита вернувшемуся Тесею: будто бы это пасынок влюбился в нее и хотел ее обесчестить. Ипполит погибал, но правда открывалась, и только тогда Федра решалась покончить с собой. Именно этот рассказ лучше всего запомнило потомство. Но афинянам он не понравился: слишком бесстыдной и злой оказывалась здесь Федра. Тогда Еврипид сочинил об Ипполите вторую трагедию — и она перед нами.

Начинается трагедия монологом Афродиты: боги карают гордецов, и она покарает гордеца Ипполита, гнушающегося любовью. Вот он, Ипполит, с песней в честь девственной Артемиды на устах: он радостен и не знает, что сегодня же на него обрушится кара. Афродита исчезает, Ипполит выходит с венком в руках и посвящает его Артемиде — «чистой от чистого». «Почему ты не чтишь и Афродиту?» — спрашивает его старый раб. «Чту, но издали: ночные боги мне не по сердцу», — отвечает Ипполит. Он уходит, а раб молится за него Афродите: «Прости его юношескую надменность: на то вы, боги, и мудры, чтобы прощать». Но Афродита не простит.

Входит хор трезенских женщин: до них дошел слух, что царица Федра больна и бредит. Отчего? Гнев богов, злая ревность, дурная весть? Навстречу им выносят Федру, мечущуюся на ложе, с нею старая кормилица. Федра бредит: «В горы бы на охоту! на цветочный Артемидин луг! на прибрежное конское ристалище» — все это Ипполитовы места. Кормилица уговаривает: «Очнись, откройся, пожалей если не себя, то детей: если умрешь — не они будут царствовать, а Ипполит». Федра вздрагивает: «Не называй этого имени!» Слово за слово: «причина болезни — любовь»; «причина любви — Ипполит»; «спасение одно — смерть». Кормилица выступает против: «Любовь — всесветный закон; противиться любви — бесплодная гордыня; а от всякой болезни есть лекарство». Федра понимает это слово буквально: может быть, кормилица знает какое-нибудь целительное зелье? Кормилица уходит; хор поет: «О, да минет меня Эрот!»

Из-за сцены — шум: Федра слышит голоса кормилицы и Ипполита. Нет, речь была не о зелье, речь была о любви Ипполита: кормилица все ему открыла — и напрасно. Вот они выходят на сцену, он в негодовании, она молит об одном: «Только ни слова никому, ты ведь поклялся!» — «Язык мой клялся, душа моя ни при чем», — отвечает Ипполит. Он произносит жестокое обличение женщин: «О если бы можно было без женщин продолжать свой род! Муж тратится на свадьбу, муж принимает свойственников, глупая жена тяжка, умная жена опасна, — я сдержу клятву молчания, но я проклинаю вас!» Он уходит; Федра в отчаянии клеймит кормилицу: «Проклятие тебе! смертью я хотела спастись от бесчестья; теперь вижу, что и смертью от него не спастись. Осталось одно, последнее средство», — и она уходит, не называя его. Это средство — возвести на Ипполита вину перед отцом. Хор поет: «Ужасен этот мир! бежать бы из него, бежать бы!»

Из-за сцены — плач: Федра в петле, Федра скончалась! На сцене — тревога: является Тесей, он в ужасе от неожиданного бедствия. Дворец распахивается, над телом Федры начинается общий плач, Но отчего она покончила с собой? В руке у нее — писчие дощечки;

Тесей читает их, и ужас его — еще больше. Оказывается, это Ипполит, преступный пасынок, посягнул на ее ложе, и она, не в силах снести бесчестья, наложила на себя руки. «Отче Посейдон! — восклицает Тесей. — Ты когда-то обещал мне исполнить три моих желания, — вот последнее из них: накажи Ипполита, пусть не переживет он этого дня!»

Появляется Ипполит; он тоже поражен видом мертвой Федры, но еще больше — упреками, которые обрушивает на него отец.

«О, почему нам не дано распознавать ложь по звуку! — кричит Тесей. — Сыновья — лживее отцов, а внуки — сыновей; скоро на земле не хватит места преступникам.» Ложь — твоя святость, ложь — твоя чистота, и вот — твоя обличительница. Прочь с глаз моих — ступай в изгнание!» — «Боги и люди знают — я всегда был чист; вот тебе моя клятва, а об иных оправданиях я молчу, — отвечает Ипполит. — Ни похоть меня не толкала к Федре-мачехе, ни тщеславие — к Федре-царице. Вижу я: неправая из дела вышла чистой, а чистого и правда не спасла. Казни меня, если хочешь». — «Нет, смерть была бы тебе милостью — ступай в изгнание!» — «Прости, Артемида, прости, Трезен, простите, Афины! не было у вас человека чище сердцем, чем я». Ипполит уходит; хор поет: «Судьба переменчива, жизнь страшна; не дай мне бог знать жестокие мировые законы!»

Проклятие сбывается: приходит вестник. Ипполит на колеснице выехал из Трезена тропой меж скал и берегом моря. «Не хочу я жить преступником, — взывал он богам, — а хочу лишь, чтобы отец мой узнал, что он не прав, а я прав, живой или мертвый». Тут море взревело, вскинулся вал выше горизонта, из вала встало чудище, как морской бык; кони шарахнулись и понесли, колесницу ударило о скалы, юношу поволокло по камням. Умирающего несут обратно во дворец. «Я отец ему, и я обесчещен им, — говорит Тесей, — пусть же он не ждет от меня ни сочувствия, ни радости».

И тут над сценой является Артемида, богиня Ипполита. «Он прав, ты не прав, — говорит она. — Не права была и Федра, но ею двигала злая Афродита. Плачь, царь; я делю с тобою твою скорбь». На носилках вносят Ипполита, он стонет и молит добить его; за чьи грехи он расплачивается? Артемида наклоняется над ним с высоты:

«Это гнев Афродиты, это она погубила Федру, а Федра Ипполита, а Ипполит оставляет безутешным Тесея: три жертвы, одна несчастнее другой. О, как жаль, что боги не платятся за судьбу людей! Будет горе и Афродите — у нее тоже есть любимец охотник Адонис, и он падет от моей, Артемидиной, стрелы. А тебе, Ипполит, будет в Трезене вечная память, и каждая девушка перед замужеством будет приносить тебе в жертву прядь волоо. Ипполит умирает, простив отца; хор заканчивает трагедию словами: «Будут литься потоками слезы о нем — / Если мужа великого рок ниспроверг — / Его смерть незабвенна навеки!»

М. Л. Гаспаров

Геракл (Heracles)

Трагедия (ок. 420 до н. э.)

Имя «Геракл» означает «Слава богини Геры». Звучало это имя иронически. Богиня Гера была небесной царицей, супругой верховного Зевса-громовержца. А Геракл был последним из земных сыновей Зевса: Зевс нисходил ко многим смертным женщинам, но после Алкмены, матери Геракла, — уже ни к кому. Геракл должен был спасти богов Олимпийцев в войне за власть над миром против восставших на них земнородных Гигантов: было пророчество, что боги победят Гигантов, только если к ним на помощь придет хотя бы один смертный человек. Таким человеком и стал Геракл. Гера должна была бы, как все боги, быть ему благодарна. Но она была законной женою Зевса, покровительницей всех законных браков, и внебрачный сын ее мужа, да еще и самый любимый, был ей ненавистен. Поэтому все сказания о земной жизни Геракла — это сказания о том, как преследовала его богиня Гера.

Главных таких сказаний было три. Во-первых, о двенадцати подвигах Геракла: Гера устроила так, чтобы могучий Геракл должен был отслужить двенадцать подневольных служб ничтожному царю Еврисфею. Во-вторых, о безумии Геракла: Гера наслала на него исступление, и он перебил из лука собственных детей, приняв их за врагов. В-третьих, о мученической смерти Геракла: Гера сделала так, чтобы жена Геракла, сама того не зная, подарила ему пропитанный ядом плащ, который так истерзал героя, что тот сам сжег себя на костре. О самосожжении Геракла Софокл написал свою трагедию «Трахинянки». А о безумии Геракла Еврипид написал трагедию «Геракл».

В разных концах Греции, как всегда, эти мифы рассказывались по-разному. В Средней Греции, в Фивах, где будто бы родился Геракл, лучше всего помнился рассказ о безумии. На юге, в Аргосе, где Геракл служил царю Еврисфею, лучше всего помнился рассказ о двенадцати подвигах. На севере, возле горы Эты, где был Гераклов погребальный костер, рассказывали о его самосожжении. А в Афинах говорили иначе: будто Геракл не сжег себя, а нашел последний приют от гнева Геры здесь, в Афинах, у своего молодого друга, афинского героя Тесея. Этот малораспространенный миф и взял Еврипид для развязки своей трагедии. А жену Геракла у него зовут не Деянира (как у Софокла), а Мегара (как называли ее в Фивах).

Небесным отцом Геракла был Зевс, а земным отцом Геракла был герой Амфитрион, муж его матери Алкмены. (Про Амфитриона, Алкмену и Зевса напишет потом комедию римлянин Плавт.) Амфитрион жил в Фивах; там родился и

Геракл, там женился он на фиванской царевне Мегаре, оттуда ушел он в Аргос служить царю Еврисфею. Двенадцать лет — двенадцать служб на чужбине; последняя — самая страшная: Геракл должен был сойти под землю и вывести оттуда чудовищного трехглавого пса, сторожившего царство мертвых. А из царства мертвых — люди знали — никогда и никто не возвращался. И Геракла сочли погибшим. Этим воспользовался соседний злой царь Лик (имя которого значит «волк»). Он захватил Фивы, убил фиванского царя, отца Мегары, а Мегару, и ее детей, и старого Амфитриона приговорил к смертной казни.

Здесь и начинается трагедия Еврипида. На сцене — Амфитрион, Мегара и трое маленьких безмолвных сыновей ее и Геракла. Они сидят перед дворцом у алтаря богов — пока они за него держатся, их не тронут, но силы их уже кончаются, а помощи ждать неоткуда. К ним приходят, опираясь на посохи, фиванские старцы, образуя хор, — но разве это помощь? Амфитрион в длинном монологе рассказывает зрителям, что здесь случилось, и кончает словами: «Только в беде познаем мы, кто друг и кто нет». Мегара в отчаянии, и все же Амфитрион ее ободряет: «Счастье и несчастье сменяются чередой: а вдруг Геракл возьмет и вернется?» Но этому не верится.

Появляется злой Лик. «Не цепляйтесь за жизнь! Геракл не вернется с того света. Геракл вовсе и не герой, а трус; он и воевал-то всегда не лицом к лицу, мечом и копьем, а издали, стрелами из лука. И кто же поверит, будто он — сын Зевса, а не твой, старик! Мой теперь верх, а вам — смерть». Амфитрион принимает вызов: «Зевсов ли он сын — спроси у павших Гигантов! Лучник в бою бывает опасней, чем латник. Фивы забыли, сколь многим они обязаны Гераклу, — тем хуже для них! А насильник за насилье поплатится». И тут встает Мегара. «Довольно: смерть страшна, но против судьбы не пойдешь. Гераклу не ожить, а злодея не вразумить. Дайте мне одеть сыновей в погребальный наряд — и ведите нас на казнь!»

Хор поет песнь во славу подвигов Геракла: как он побил каменного льва и диких кентавров, многоглавую Гидру и трехтелого великана, поймал священную лань и укротил хищных коней, победил амазонок и морского царя, поднял на плечи небо и принес на землю золотые райские яблоки, спустился в край мертвецов, а оттуда выхода нет… Мегара с Амфитрионом выводят Геракловых сыновей: «Вот они, одному он завещал Фивы, другому Аргос, третьему Эхалию, одному львиную шкуру, другому палицу, третьему лук и стрелы, а теперь им конец. Зевс, если хочешь их спасти, — спаси! Геракл, если можешь нам предстать, — явись!»

И Геракл является. Он только что вышел из царства мертвых, глаза его не привыкли к солнцу, он видит детей, жену, отца в погребальных одеждах и не верит сам себе: в чем дело? Мегара и Амфитрион, взволнованные, торопливо объясняют ему: сейчас Лик придет вести их на казнь. «Тогда — все во дворец! и когда он войдет, то будет иметь дело со мной. Я не побоялся адского пса — побоюсь ли жалкого Лика?» Хор славит молодую силу Геракла. Входит Лик, шагает во дворец, хор замирает; из-за сцены раздается стон гибнущего Лика, и хор поет победную, торжественную песню. Он не знает, что самое страшное — впереди.

Над сценой возникают две богини. Это Ирида, вестница Геры, и Лисса, дочь Ночи, божество безумия. Пока Геракл вершил двенадцать подвигов, он был под защитой Зевса, но подвиги кончены, и теперь Гера возьмет свое. Безумие нападет на Геракла, как охотник на добычу, как наездник на коня, как хмель на пьяного. Богини исчезают, на сцене только хор, он в ужасе, из-за сцены — крики, гремит музыка, дрожит земля, выбегает перепуганный вестник. Он рассказывает: сразив Лика, Геракл стал приносить очистительную жертву, но вдруг замер, глаза налились кровью, на губах выступила пена: «Это не он, не Еврисфей, а мне нужен Еврисфей, мой мучитель! Вот его дети!» И он бросается на собственных сыновей. Один прячется за колонну — Геракл поражает его стрелой. Другой бросается к нему на грудь — Геракл крушит его палицей. С третьим Мегара убегает в дальний покой — Геракл взламывает стену и разит обоих. Он оборачивается к Амфитриону и готов убить отца — но тут возникает могучая богиня Афина, покровительница Геракла, ударяет его огромным камнем, он валится и погружается в сон, и тогда лишь домочадцы связывают его и прикручивают к обломку колонны.

Внутренние покои дворца: Геракл спит у колонны, над ним — несчастный Амфитрион, вокруг — тела Мегары и детей. Амфитрион и хор оплакивают его как мертвого. Геракл медленно пробуждается, он ничего не помнит и не понимает — может быть, он снова в аду? Но вот он узнает отца, вот слышит о случившемся, ему развязывают руки, он видит свое преступление, понимает свою вину и готов казнить себя, бросившись на меч. И тут появляется Тесей.

Тесей молод, но уже славен: он освободил целый край от разбойников, он убил на Крите человека-быка Минотавра и спас свои Афины от дани этому чудовищу, он спускался в царство мертвых, чтоб добыть для друга подземную владычицу Персефону, и лишь Геракл вызволил его оттуда и вывел на белый

свет. Он услышал, что злой Лик свирепствует в Фивах, и поспешил на помощь, но появился слишком поздно. «Я должен умереть, — говорит ему Геракл. — Я навлек на Фивы гнев Геры; я затмил всю славу моих подвигов ужасом этого преступления; лучше смерть, чем жизнь под проклятием; пусть торжествует Гера!» «Не надо, — отвечает ему Тесей. — Никто не безгрешен: даже Олимпийцы в небе грешны против своего отца-Титана, Все подвластны злой судьбе, но не всякий в силах ей противостать; ты ли дрогнешь? Покинь Фивы, живи у меня в Афинах, но живи!» И Геракл уступает. «Только в беде познаем мы, кто друг и кто нет, — повторяет он. — Никогда Геракл не плакал, а теперь роняет слезу. Простите, мертвые! А вы, фиванцы, плачьте и о мертвых, и обо мне, живом: всех Гера нас в один связала узел».

И, опираясь на друга, Геракл уходит со сцены.

М. Л. Гаспаров

Ифигения в Тавриде (Iphigeneia en Taurois)

Трагедия (после 412 до н. э.?)

Тавридой древние греки называли современный Крым. Там жили тавры — скифское племя, которое чтило богиню-деву и приносило ей человеческие жертвы, которые в Греции давно уже вышли из обычая. Греки считали, что эта богиня-дева — не кто иная, как их Артемида-охотница. У них был миф, при завязке и при развязке которого стояла Артемида, и оба раза — с человеческим жертвоприношением, — правда, мнимым, несовершившимся. Завязка этого мифа была на греческом берегу, в Авлиде, а развязка — на скифском берегу, в Тавриде. А между завязкой и развязкой протянулась одна из самых кровавых и жестоких историй греческой мифологии.

У великого аргосского царя Агамемнона, главного вождя греческой рати в Троянской войне, была жена Клитемнестра и было от нее трое детей: старшая дочь Ифигения, средняя дочь Электра и младший сын Орест. Когда греческая рать отплывала в поход на Трою, богиня Артемида потребовала, чтобы Агамемнон принес ей в жертву свою дочь Ифигению. Агамемнон сделал это; как это произошло, Еврипид показал в трагедии «Ифигения в Авлиде». В последнее мгновение Артемида сжалилась над жертвой, подменила девушку на алтаре ланью, а Ифигению умчала на облаке в далекую Тавриду. Там стоял храм Артемиды, а в храме хранилось деревянное изваяние богини, будто бы упавшее с небес. При этом храме Ифигения стала жрицей.

Из людей никто не видел и не знал, что Ифигения спаслась:

все думали, что она погибла на алтаре. Мать ее Клитемнестра затаила за это смертную ненависть к мужу-детоубийце. И когда Агамемнон воротился победителем с Троянской войны, она, мстя за дочь, убила его своей рукой. После этого сын ее Орест с помощью сестры своей Электры, мстя за отца, убил родную мать. После этого богини кровной мести Эриннии, мстя за Клитемнестру, наслали на Ореста безумие и гнали его в муках по всей Греции, пока его не спасли бог Аполлон и богиня Афина. В Афинах был суд между Эринниями и Орестом, и Орест был оправдан. Обо всем этом подробно рассказал Эсхил в своей трилогии «Орестея».

Не рассказал он только об одном. Во искупление вины Орест должен был совершить подвиг: добыть в далекой Тавриде кумир Артемиды и привезти его в афинскую землю. Помощником ему был его неразлучный друг Пилад, женившийся на сестре его Электре. Как совершили Орест и Пилад свое дело и как при этом Орест нашел свою сестру Ифигению, которую считал давно погибшей, — об этом Еврипид написал трагедию «Ифигения в Тавриде».

Действие — в Тавриде перед храмом Артемиды. Ифигения выходит к зрителям и рассказывает им, кто она такая, как спаслась в Авлиде и как служит теперь Артемиде в этом скифском царстве. Служба тяжела: всех чужеземцев, каких занесет сюда море, здесь приносят в жертву Артемиде, и она, Ифигения, должна готовить их к смерти. Что с ее отцом, матерью, братом, она не знает. А сейчас ей приснился вещий сон: рухнул аргосский дворец, среди развалин стоит одна лишь колонна, и она обряжает эту колонну так, как обряжают здесь чужеземцев перед жертвой. Конечно, эта колонна — Орест; а предсмертный обряд только и может значить, что он умер. Она хочет его оплакать и уходит позвать для этого своих прислужниц.

Пока сцена пуста, на нее выходят Орест с Пиладом. Орест жив, и он в Тавриде; им назначено похитить кумир вот из этого храма, и они присматриваются, как туда проникнуть. Они сделают это ночью, а день переждут в пещере у моря, где спрятан их корабль. Туда они и направляются, а на сцену возвращается Ифигения с хором прислужниц; вместе с ними она оплакивает и Ореста, и злой рок своих предков, и свою горькую долю на чужбине.

Вестник прерывает их плач. Только что на морском берегу пастухи схватили двух чужеземцев; один из них бился в припадке и заклинал преследовательниц Эринний, а другой пытался помочь ему и защитить его от пастухов. Обоих отвели к царю, и царь приказал обычным чином принести их в жертву Артемиде:

пусть Ифигения приготовится к положенному обряду. Ифигения в смятении. Обычно эта служба при кровавой жертве в тягость ей; но сейчас, когда сон сказал ей, что Орест погиб, сердце ее ожесточилось и она почти радуется их будущей казни. О, зачем не занесло сюда виновников Троянской войны — Елену и Менелая! Хор горюет о далекой родине.

Вводят пленников. Они молоды, ей жаль их. «Как тебя зовут?» — спрашивает она Ореста. Он мрачно молчит. «Откуда ты?» — «Из Аргоса». — «Пала ли Троя? Уцелела ли виновница Елена? а Менелай? а Одиссей? а Ахилл? а Агамемнон? Как! он погиб от жены! а она от сына! а сын — жив ли Орест?» — «Жив, но в изгнанье — всюду и нигде». — «О счастье! сон мой оказался ложным». — «Да, лживы сны и лживы даже боги», — говорит Орест, думая о том, как они послали его за спасением, а привели на смерть.

«Если вы из Аргоса, то у меня к вам просьба, — говорит Ифигения. — У меня есть письмо на родину; я пощажу и отпущу одного из вас, а он пусть передаст письмо, кому я скажу». И она уходит за письмом. Орест и Пилад начинают благородный спор, кому из них остаться в живых: Орест велит спастись Пиладу, Пилад — Оресту. Орест пересиливает в споре: «Я погубил мать, неужели я должен погубить еще и друга? Живи, помни обо мне и не верь лживым богам». «Не гневи богов, — говорит ему Пилад, — смерть близка, но еще не наступила». Ифигения выносит писчие дощечки. «Кто повезет их?» — «Я, — говорит Пилад. — Но кому?» — «Оресту, — отвечает Ифигения. — Пусть он знает, что сестра его Ифигения не погибла в Авлиде, а служит Артемиде Таврической; пусть придет и спасет меня от этой тяжкой службы». Орест не верит своим ушам. «Я должен передать это письмо Оресту? — переспрашивает Пилад. — Хорошо: передаю!» — и он вручает писчие дощечки товарищу. Ифигения не верит своим глазам. «Да, я твой брат Орест! — кричит Орест. — Я помню тканное тобой покрывало, где ты изобразила затмение солнца, и прядь волос, которую ты оставила матери, и прадедовское копье, которое стояло в твоем тереме!» Ифигения бросается ему в объятия — подумать только, она чуть не стала убийцей брата! Ликующими песнями празднуют они узнание.

Сбылось нечаянное, но осталось главное: как же Оресту добыть и увезти кумир Артемиды из таврического храма? Храм под охраной, и со стражей не сладить. «Я придумала! — говорит Ифигения, — я обману царя хитростью, а для этого скажу ему правду. Я скажу, что ты, Орест, убил свою мать, а ты, Пилад, помогал ему; поэтому оба вы нечисты, и прикосновение ваше осквернило богиню. И над вами и над статуей нужно совершить

очищение — омовение в морской воде. Гак и вы, и я, и статуя выйдем к морю — к вашему кораблю». Решение принято; хор поет песню в честь Артемиды, радуясь Ифигении и завидуя ей: она вернется на родину, а им, прислужницам, еще долго тосковать на чужбине.

Ифигения выходит из храма с деревянной статуей богини в руках, навстречу ей — царь. Служение Артемиде — женское дело, царь не знает его тонкостей и послушно верит Ифигении. Очищение кумира — это таинство, пусть же стража удалится, а жители не выходят из домов, а сам царь займется окуриванием храма, чтобы у богини была чистая обитель. (Это тоже правда: богиню нужно очистить от крови человеческих жертвоприношений, а чистая обитель ей будет в афинской земле.) Царь входит в храм, Ифигения с молитвою Артемиде следует к морю, за ней ведут Ореста и Пилада. Хор поет песню в честь вещего Аполлона, наставителя Ореста: да, бывают лживы сны, но не бывают лживы боги!

Наступает развязка. Вбегает вестник, вызывает царя: пленники бежали, и с ними — жрица, и с нею — кумир богини! Они, стражники, долго стояли отворотясь, чтобы не видеть таинств, но потом обернулись и увидели у берега корабль, а на корабле беглецов; стражники бросились к ним, но было поздно; скорее на суда, чтобы перехватить преступников! Однако тут, как часто бывает в развязках у Еврипида, возникает «бог из машины»: над сценою появляется богиня Афина. «Остановись, царь: дело беглецов угодно богам; оставь их в покое и отпусти вслед им вот этих женщин из хора. А ты смелей, Орест: правь к афинской земле и там на берегу воздвигни святилище Артемиде; человеческих жертв ей больше не будет, но в память о Тавриде в главный праздник наее кумир будут брызгать кровью. А ты, Ифигения, станешь первой жрицей в этом храме, и потомки там будут чтить твою могилу. А я спешу вам вслед в мои Афины. Вей, попутный ветер!» Афина исчезает, таврический царь остается коленопреклоненным, трагедии конец.

М. Л. Гаспаров

Ифигения в Авлиде (Iphigeneiahe en Aulidi)

Трагедия (408–406 до н. э.)

Начиналась Троянская война. Троянский царевич Парис обольстил и похитил Елену, жену спартанского царя Менелая. Греки собрались на них огромным войском, во главе его встал аргосский царь Агамемнон, брат Менелая и муж Клитемнестры —

сестры Елены. Войско стояло в Авлиде — на греческом берегу, обращенном к Трое. Но отплыть оно не могло — богиня этих мест Артемида, охотница и покровительница рожениц, наслала на греков безветрие или даже противные ветры.

Почему Артемида это сделала — рассказывали по-разному. Может быть, она просто хотела защитить Трою, которой покровительствовал ее брат Аполлон. Может быть, Агамемнон, на досуге развлекаясь охотою, одной стрелою поразил лань и не в меру гордо воскликнул, что сама Артемида не ударила бы метче, — а это было оскорблением богине. А может быть, случилось знаменье: два орла схватили и растерзали беременную зайчиху, и гадатель сказал: это значит — два царя возьмут Трою, полную сокровищ, но им не миновать гнева Артемиды, покровительницы беременных и рожениц. Артемиду нужно умилостивить.

Как умилостивить Артемиду — об этом рассказ был только один. Гадатель сказал: богиня требует себе человеческой жертвы — пусть на алтаре будет зарезана родная дочь Агамемнона и Клитемнестры, красавица Ифигения. Человеческие жертвы в Греции давно уже были не в обычае; а такая жертва, чтобы отец принес в жертву дочь, была делом совсем неслыханным. И все-таки жертву принесли. За Ифигенией послали гонцов: пусть ее привезут в греческий стан, царь Агамемнон хочет выдать ее замуж за лучшего греческого героя — Ахилла. Ифигению привезли, но вместо свадьбы ее ждала смерть: ее связали, завязали ей рот, чтобы крики ее не мешали обряду, понесли к алтарю, жрец занес над нею нож… Но здесь богиня Артемида смилостивилась: она окутала алтарь облаком, бросила под нож жреца вместо девушки жертвенную лань, а Ифигению унесла по воздуху на край земли, в Тавриду, и сделала там своей жрицей. О судьбе Ифигении в Тавриде Еврипид написал другую трагедию. Но никто из греков не догадывался о случившемся: все были уверены, что Ифигения пала на алтаре. И мать Ифигении, Клитемнестра, затаила за это смертную ненависть к Агамемнону, своему мужу-детоубийце. Сколько страшных дел последовало за этим, покажет потом Эсхил в своей «Орестее».

Вот об этом жертвоприношении Ифигении и написал свою трагедию Еврипид. В ней три героя: сперва Агамемнон, потом Клитемнестра и, наконец, сама Ифигения.

Начинается действие разговором Агамемнона со своим верным стариком рабом. Ночь, тишь, безветрие, но в сердце Агамемнона нет покоя. Хорошо рабу: его дело — послушание; тяжело царю: его дело — решение. В нем борются долг вождя: повести войско к победе — и чувство отца: спасти свою дочь.

Сперва долг вождя пересилил: он послал в Аргос приказ привезти Ифигению в Авлиду — будто бы для свадьбы с Ахиллом. Теперь пересилило чувство отца: вот письмо с отменой этого приказа, пусть старик как можно скорее доставит его в Аргос к Клитемнестре, а если мать с дочерью уже выехали, пусть остановит их в дороге и вернет назад. Старик уходит в путь, Агамемнон — в свой шатер; всходит солнце. Появляется хор местных женщин: они, конечно, ни о чем не знают и в долгой песне искренне прославляют великий задуманный поход, перечисляя вождя за вождем и корабль за кораблем.

Песня хора обрывается неожиданным шумом. Раб-старик недалеко ушел: при выходе из лагеря его встретил тот, кому эта война нужнее и дороже всего, — царь Менелай; недолго думая, он отнял тайное письмо, прочитал его и теперь осыпает Агамемнона укорами: как, он изменил себе и войску, он приносит общее дело в угоду своим семейным делам — хочет сохранить дочь? Агамемнон вспыхивает: не Менелай ли затеял все это общее дело в угоду собственным семейным делам — чтобы вернуть жену? «Тщеславец! — кричит Менелай, — ты домогся командования и слишком много берешь на себя!» «Безумец! — кричит Агамемнон, — много я беру на себя, но греха на душу не возьму!» И тут — новая пугающая весть: пока братья спорили, никем не предупрежденная Клитемнестра с Ифигенией уже подъехала к лагерю, войско уже знает об этом и шумит о царевниной свадьбе. Агамемнон поникает: он видит, что одному против всех ему не выстоять. И Менелай поникает: он понимает, что конечный виновник гибели Ифигении — все-таки он. Хор поет песню с любви доброй и недоброй: недоброй была любовь Елены, вызвавшая эту войну.

Въезжают Клитемнестра и Ифигения, сходят с колесницы; почему так печально встречает их Агамемнон? «Царские заботы!» Точно ли Ифигению ожидает свадьба? «Да, ее поведут к алтарю». А где же свадебная жертва богам? «Ее я и готовлю». Агамемнон уговаривает Клитемнестру оставить дочь и вернуться в Аргос. «Нет, никогда: я — мать, и на свадьбе я — хозяйка». Клитемнестра входит в шатер, Агамемнон идет в лагерь; хор, понимая, что жертвы и войны не миновать, заглушает печаль песней о грядущем падении Трои.

За всем этим остался забыт еще один участник действия — Ахилл. Его именем воспользовались для обмана, не сказавши ему. Сейчас он как ни в чем не бывало подходит к шатру Агамемнона: долго ли ждать похода, воины ропщут! Навстречу ему выходит Клитемнестра и приветствует его как будущего зятя. Ахилл в недоумении, Клитемнестра — тоже; нет ли здесь обмана? И

старик раб раскрывает им обман: и умысел против Ифигении, и мучения Агамемнона, и его перехваченное письмо. Клитемнестра в отчаянии: она с дочерью в ловушке, все войско будет против них, одна надежда — на Ахилла, ведь он обманут так же, как они! «Да, — отвечает Ахилл, — я не потерплю, чтобы царь играл моим именем, как разбойник топором; я воин, я повинуюсь начальнику на благо дела, но отказываюсь от повиновения во имя зла; кто тронет Ифигению, будет иметь дело со мной!» Хор поет песню в честь Ахилла, поминает счастливую свадьбу его отца с морской богиней Фетидой — такую непохожую на нынешнюю кровавую свадьбу Ифигении.

Ахилл ушел к своим воинам; вместо него возвращается Агамемнон: «Алтарь готов, пора для жертвоприношенья» — и видит, что его жена и дочь уже все знают. «Ты готовишь в жертву дочь? — спрашивает Клитемнестра. — Ты будешь молиться о счастливом пути? и о счастливом возврате? ко мне, у которой ты отнимаешь невинную дочь за распутницу Елену? кее сестрам и брату, которые будут шарахаться от твоих кровавых рук? и даже не побоишься правой мести?» — «Пожалей, отец, — заклинает Ифигения, — жить так радостно, а умирать так страшно!» — «Что страшно и что не страшно, я знаю сам, — отвечает Агамемнон, — но вот в оружии стоит вся Греция, чтобы чужеземцы не позорилиее жен, и для нее мне не жаль ни своей крови, ни твоей». Он поворачивается и уходит; Ифигения жалобной песней оплакивает свою судьбу, но слова отца запали ей в душу.

Возвращается Ахилл: воины уже знают все, весь лагерь кипит и требует царевну в жертву, но он, Ахилл, будетее защищать хотя бы один против всех. «Не нужно! — выпрямляется вдруг Ифигения. — Не обнажайте мечей Друг на друга — сберегите их против чужеземцев. Если речь идет о судьбе и чести всей Греции — пусть я буду ее спасительницей! Правда сильнее смерти — я умру за правду; а мужи и жены Греции почтят меня славой». Ахилл в восхищении, Клитемнестра в отчаянии, Ифигения запевает ликующую песнь во славу кровожадной Артемиды и под эти звуки идет на смерть.

Здесь обрывается трагедия Еврипида. Дальше следовала концовка — в вышине появлялась Артемида и возвещала страждущей Клитемнестре, что дочь ее будет спасена, а под ножом погибнет лань. Потом приходил вестник и рассказывал Клитемнестре, что он видел, когда совершалось жертвоприношение: чин обряда, муки Агамемнона, последние слова Ифигении, удар жреца, облако над алтарем и ветер, вздувший наконец паруса греческих кораблей. Но эта концовка сохранилась только в поздней переделке; как откликалась на это

Клитемнестра, как зарождалась в ее сердце роковая мысль о мести мужу, мы не знаем.

М. Л. Гаспаров

Аристофан (Aristophanes) [ок. 445–386 до н. э.]

Всадники (Hippes)

Комедия (424 до н. э.)

Всадники — это не просто конники: так называлось в Афинах целое сословие — те, у кого хватало денег, чтобы держать боевого коня. Это были люди состоятельные, имели за городом небольшие поместья, жили доходом с них и хотели, чтобы Афины были мирным замкнутым сельскохозяйственным государством.

Поэт Аристофан хотел мира; поэтому-то он и сделал всадников хором своей комедии. Они выступали двумя полухориями и, чтобы было смешнее, скакали на игрушечных деревянных лошадках. А перед ними актеры разыгрывали шутовскую пародию на афинскую политическую жизнь. Хозяин государства — старик Народ, дряхлый, ленивый и выживший из ума, а его обхаживают и улещают хитрые политиканы-демагоги: кто угодливее, тот и сильнее. На сцене их четверо: двух зовут настоящими именами, Никий и Демосфен, третьего зовут Кожевник (настоящее имя ему Клеон), а четвертого зовут Колбасник (этого главного героя Аристофан выдумал сам).

Для мирной агитации время было трудное. Никий и Демосфен (не комедийные, а настоящие афинские полководцы; не путайте этого Демосфена с одноименным знаменитым оратором, который жил на сто лет позже) только что возле города Пилоса взяли в окружение большое спартанское войско, но разбить и захватить в плен его не могли. Они предлагали воспользоваться этим для заключения выгодного мира. А противник их Клеон (он и вправду был ремесленником-кожевником) требовал добить врага и продолжать войну до победы. Тогда враги Клеона предложили ему самому принять командование — в надежде, что он, никогда не воевавший, потерпит поражение и сойдет со сцены. Но случилась неожиданность: Клеон одержал при Пилосе победу, привел спартанских пленников в Афины, и после этого от него в политике уже совсем не стало проходу: кто бы ни пытался спорить с Клеоном и обличать его, тому сразу напоминали: «А Пилос? а Пилос?» — и приходилось умолкать. И вот Аристофан взял на себя немыслимую задачу: пересмеять этот «Пилос», чтобы при любом упоминании этого слова афиняне вспоминали не

Клеонову победу, а Аристофановы шутки и не гордились бы, а хохотали.

Итак, на сцене — дом хозяина Народа, а перед домом сидят и горюют два его раба-прислужника, Никий и Демосфен: были они у хозяина в милости, а теперь их оттер новый раб, негодяй кожевник, Они двое заварили славную кашу в Пилосе, а он выхватил ее у них из-под носа и поднес Народу. Тот хлебает, а кожевнику бросает все лакомые кусочки. Что делать? Посмотрим в древних предсказаниях! Война — время тревожное, суеверное, люди во множестве вспоминали (или выдумывали) старинные темные пророчества и толковали их применительно к нынешним обстоятельствам. Пока кожевник спит, украдем у него из-под подушки самое главное пророчество! Украли; там написано: «Худшее побеждается только худшим: будет в Афинах канатчик, а хуже его скотовод, а хуже его кожевник, а хуже его колбасник». Политик-канатчик и политик-скотовод уже побывали у власти; теперь стоит кожевник; надо искать колбасника.

Вот и колбасник с мясным лотком. «Ты ученый?» — «Только колотушками». — «Чему учился?» — «Красть и отпираться». — «Чем живешь?» — «И передом, и задом, и колбасами». — «О, спаситель наш! Видишь вот этот народ в театре? Хочешь над ними всеми быть правителем? Вертеть Советом, орать в собрании, пить и блудить на казенный счет? Одной ногой стоять на Азии, другой на Африке?» — «Да я низкого рода!» — «Тем лучше!» — «Да я почти неграмотен!» — «То-то и хорошо!» — «А что надо делать?» — «То же, что и с колбасами: покруче замешивай, покрепче подсаливай, польстивей подслащивай, погромче выкликивай». — «А кто поможет?» — «Всадники!» На деревянных лошадках на сцену въезжают всадники, преследуя Клеона-кожевника. «Вот твой враг: превзойди его бахвальством, и отечество — твое!»

Начинается состязание в бахвальстве, перемежаемое драками. «Ты кожевник, ты мошенник, все твои подметки — гниль!» — «А зато я целый Пилос проглотил одним глотком!» — «Но сперва набил утробу всей афинскою казной!» — «Сам колбасник, сам кишочник, сам объедки воровал!» — «Как ни сильсь, как ни дуйся, все равно перекричу!» Хор комментирует, подзуживает, поминает добрые нравы отцов и нахваливает гражданам лучшие намерения поэта Аристофана: были и раньше хорошие сочинители комедий, но один стар, другой пьян, а вот этого стоит послушать. Так полагалось во всех старинных комедиях.

Но это — присказка, главное впереди. На шум из дома заплетающейся походкой выходит старый Народ: кто из

соперников больше его любит? «Если я тебя не люблю, пусть меня раскроят на ремни!» — кричит кожевник. «А меня пусть нарубят на фарш!» — кричит колбасник. «Я хочу твоим Афинам власти над всей Грецией!» — «Чтобы ты, Народ, страдал в походах, а он наживался от каждой добычи!» — «Вспомни, Народ, от скольких заговоров я тебя спас!» — «Не верь ему, это сам он мутил воду, чтобы рыбку половить!» — «Вот тебе моя овчина греть старые кости!» — «А вот тебе подушечка под зад, который ты натер, гребя при Саламине!» — «У меня для тебя целый сундук благих пророчеств!» — «А у меня целый сарай!» Один за другим читают эти пророчества — высокопарный набор бессмысленных слов — и один за другим их толкуют самым фантастическим образом: каждый на пользу себе и во зло противнику. Конечно, у колбасника это получается гораздо интересней. Когда кончаются пророчества, в ход идут общеизвестные поговорки — и тоже с самыми неожиданными толкованиями на злобу дня. Наконец дело доходит до присловья: «Есть, кроме Пилоса, Пилос, но есть еще Пилос и третий!» (в Греции действительно было три города под таким названием), следует куча непереводимых каламбуров на слово «Пилос». И готово — цель Аристофана достигнута, уже ни один из зрителей не вспомнит этот Клеонов «Пилос» без веселого хохота. «Вот тебе, Народ, от меня похлебка!» — «А от меня каша!» — «А от меня пирог!» — «А от меня вино!» — «А от меня жаркое!» — «Ой, кожевник, погляди-ка, вон деньги несут, поживиться можно!» — «Где? где?» Кожевник бросается искать деньги, колбасник подхватывает его жаркое и подносит от себя. «Ах ты, негодяй, чужое от себя подносишь!» — «А не так ли ты и Пилос себе присвоил после Никия и Демосфена?» — «Не важно, кто зажарил, — честь поднесшему!» — провозглашает Народ. Кожевника гонят в шею, колбасника провозглашают главным советником Народа. Хор подпевает всему этому куплетами во славу Народа и в поношение такого-то развратника, и такого-то труса, и такого-то казнокрада, всех — под собственными именами.

Развязка — сказочная. Был миф о колдунье Медее, которая бросала старика в котел с зельями, и старик выходил оттуда молодым человеком. Вот так за сценою и колбасник бросает старый Народ в кипящий котел, и тот выходит оттуда молодым и цветущим. Они шествуют по сцене, и Народ величественно объявляет, как теперь хорошо будет житься хорошим людям и как поделом поплатятся дурные (и такой-то, и такой-то, и такой-то), а хор радуется, что возвращаются старые добрые времена, когда все жили привольно, мирно и сытно.

М… А. Гаспаров

Облака (Nephelai)

Комедия (423 до н. э.)

В Афинах самым знаменитым философом был Сократ. За свою философию он потом поплатился жизнью: его привлекли к суду и казнили именно за то, что он слишком многое ставил под сомнение, разлагал (будто бы) нравы и этим ослаблял государство. Но до этого было пока еще далеко: сперва его только вывели в комедии. При этом приписали ему и такое, чего он никогда не говорил и не думал и против чего сам спорил: на то и комедия.

Комедия называлась «Облака», и хор ее состоял из Облаков — развевающиеся покрывала и почему-то длинные носы. Почему «Облака»? Потому что философы раньше всего стали задумываться, из чего состоит все разнообразное множество предметов вокруг нас. Может быть, из воды, которая бывает и жидкой, и твердой, и газообразной? или из огня, который все время движется и меняется? или из какой-то «неопределенности»? Тогда почему бы не из облаков, которые каждую минуту меняют очертания? Стало быть, Облака — это и есть новые боги новых философов. К Сократу это отношения не имело: он как раз мало интересовался происхождением мироздания, а больше — человеческими поступками, хорошими и дурными. Но комедии это было все равно.

Человеческие поступки — тоже дело опасное. Отцы и деды не задумывались и не рассуждали, а смолоду твердо знали, что такое хорошо и что такое плохо. Новые философы стали рассуждать, и у них вроде бы получалось, будто логикой можно доказать, что хорошее не так уж хорошо, а плохое совсем не плохо. Вот это и беспокоило афинских граждан; вот об этом и написал Аристофан комедию «Облака».

Живет в Афинах крепкий мужик по имени Стрепсиад, а у него есть сын, молодой щеголь: тянется за знатью, увлекается скачками и разоряет отца долгами. Отцу и спать невмоготу: мысли о кредиторах грызут его, как блохи. Но дошло до него, что завелись в Афинах какие-то новые мудрецы, которые умеют доказательствами неправду сделать правдой, а правду — неправдой. Если поучиться у них, то, может быть, и удастся на суде отбиться от кредиторов? И вот на старости лет Стрепсиад отправляется учиться.

Вот дом Сократа, на нем вывеска: «Мыслильня». Ученик Сократа объясняет, какими здесь занимаются тонкими

предметами. Вот, например, разговаривал ученик с Сократом, куснула его блоха, а потом перепрыгнула и куснула Сократа. Далеко ли она прыгнула? Это как считать: человеческие прыжки мы мерим человеческими шагами, а блошиные прыжки надо мерить блошиными. Пришлось взять блоху, отпечатать ее ножки на воске, измерить ее шажок, а потом этими шажками вымерить прыжок. Или вот еще: жужжит комар гортанью или задницей? Тело его трубчатое, летает он быстро, воздух влетает в рот, а вылетает через зад, вот и получается, что задницей. А это что такое? Географическая карта: вон посмотри, этот кружок — Афины. «Нипочем не поверю: в Афинах что ни шаг, то спорщики и крючкотворы, а в кружке этом ни одного не видно».

Вот и сам Сократ: висит в гамаке над самой крышею. Зачем? Чтоб понять мироздание, нужно быть поближе к звездам. «Сократ, Сократ, заклинаю тебя богами: научи меня таким речам, чтоб долгов не платить!» — «Какими богами? у нас боги новые — Облака». — «А Зевс?» — «Зачем Зевс? В них и гром, в них и молния, а вместо Зевса их гонит Вихрь». — «Как это — гром?» — «А вот как у тебя дурной воздух в животе бурчит, так и в облаках бурчит, это и есть гром». — «А кто же наказывает грешников?» — «Да разве Зевс их наказывает? Если бы он их наказывал, несдобровать бы и такому-то, и такому-то, и такому-то, — а они ходят себе живехоньки!» — «Как же с ними быть?» — «А язык на что? Научись переспоривать — вот и сам их накажешь. Вихрь, Облака и Язык — вот наша священная троица!» Тем временем хор Облаков слетается на сцену, славит Небо, славит Афины и, как водится, рекомендует публике поэта Аристофана.

Так как же отделаться от кредиторов? «Проще простого: они тебя в суд, а ты клянись Зевсом, что ничего у них не брал; Зевса-то давно уже нету, вот тебе ничего и не будет за ложную клятву». Так что же, и впрямь с правдой можно уже не считаться? «А вот посмотри». Начинается главный спор, На сцену вносят большие корзины, в них, как боевые петухи, сидят Правда и Кривда. Вылезают и налетают друг на друга, а хор подзуживает. «Где на свете ты видел правду?» — «у всевышних богов!» — «Это у них-то, где Зевс родного отца сверг и заковал в цепи?» — «И у наших предков, которые жили чинно, смиренно, послушно, уважали стариков, побеждали врагов и вели ученые беседы». — «Мало ли что было у предков, а сейчас смирением ничего не добьешься, будь нахалом — и победишь! Иное у людей — по природе, иное — по уговору; что по природе — то выше! Пей, гуляй, блуди, природе следуй! А поймают тебя с чужой женой — говори: я — как Зевс, сплю со всеми, кто понравится!» Слово за слово, оплеуха за оплеуху, глядь — Кривда и впрямь сильнее Правды.

Стрепсиад с сыном радехоньки. Приходит кредитор: «Плати долг!» Стрепсиад ему клянется: «Видит Зевс, ни гроша я у тебя не брал!» — «ужо разразит тебя Зевс!» — «ужо защитят Облака!» Приходит второй кредитор. «Плати проценты!» — «А что такое проценты?» — «Долг лежит и прирастает с каждым месяцем: вот и плати с приростом!» — «Скажи, вот в море текут и текут реки; а оно прирастает?» — «Нет, куда же ему прирастать!» — «Тогда с какой же стати и деньгам прирастать? Ни гроша с меня не получишь!» Кредиторы с проклятиями убегают, Стрепсиад торжествует, но хор Облаков предупреждает: «Берегись, близка расплата!»

Расплата приходит с неожиданной стороны, Стрепсиад побранился с сыном: не сошлись во взглядах на стихи Еврипида. Сын, недолго думая, хватает палку и колотит отца. Отец в ужасе: «Нет такого закона — отцов колотить!» А сын приговаривает: «Захотим — возьмем и заведем! Это по уговору бить отцов нельзя, а по природе — почему нет?» Тут только старик понимает, в какую попал беду. Он взывает к Облакам: «Куда вы завлекли меня?» Облака отвечают: «А помнишь Эсхилово слово: на страданьях учимся!» Наученный горьким опытом, Стрепсиад хватает факел и бежит расправляться с Сократом — поджигать его «мыслильню». Вопли, огонь, дым, и комедии конец.

М. Л. Гаспаров

Лисистрата (Lysistrate)

Комедия (412 до н. э.)

Имя «Лисисграта» значит «Разрушительница войны». Такое имя дал Аристофан героине своей фантастической пьесы о том, как женщины своими женскими средствами добились того, чего не могли мужчины, — положили конец большой войне. Война была между Афинами и Спартой, она тянулась десять лет, это против нее выступал Аристофан еще в комедии «Всадники». Потом было несколько лет перемирия, а потом опять началась война. Аристофан уже отчаялся, что помещикам-всадникам удастся справиться с войной, и он сочиняет комедию-сказку, где мир навыворот, где женщины и умнее и сильнее мужчин, где Лисистрата и вправду разрушает войну, эту гибельную мужскую затею. Каким образом? Устроив общегреческую женскую забастовку. Комедиям полагалось быть непристойными, таков уж закон весеннего театрального праздника; в «Лисистрате» было где разыграться всем положенным непристойностям.

Всякая забастовка начинается со сговора. Лисистрата

собирает для сговора депутаток со всей Греции на площадь перед афинским акрополем. Собираются они медленно: у кого стирка, у кого стряпня, у кого дети. Лисистрата сердится: «На большое дело созываю вас, а вам хоть бы что! вот кабы кое-что другое было большое, небось сразу бы слетелись!» Наконец собрались. «Все мы соскучились о мужьях?» — «Все!» — «Все хотим, чтобы война кончилась?» — «Все!» — «На всё готовы пойти для этого?» — «На всё!» — «Так вот что нужно сделать: пока мужчины не замирятся — не спать с ними, не даваться им, не касаться их!» — «Ой!!!» — «Ах, так-то вы на всё готовы!» — «В костер прыгнем, пополам перережемся, серьги-кольца отдадим — только не это!!!» Начинаются уговоры, перекоры, убеждения. «Не устоять мужчине против женщины: хотел Менелай расправиться с Еленой — а как увидел, сам в постель к ней бросился!» — «А если схватят и заставят силою?» — «Лежи колодой, и пускай он мучится!» Наконец договорились, приносят торжественную клятву над огромным бурдюком с вином: «Не дамся я ни мужу, ни любовнику <…> Не вскину белых ног перед насильником <…> Не встану, словно львица над воротами <…> А изменю — отныне пусть мне воду пить!»

Слова сказаны, начинаются дела. Хор женщин занимает афинский акрополь. Хор мужчин — конечно, стариков, молодые ведь на войне, — идет на акрополь приступом. Старики потрясают огненными факелами, женщины грозятся ведрами с водой. «А я вот этим огоньком спалю твоих подружек!» — «А я вот этою водой залью твой огонечек!» Перебранка, схватка, вымокшие старики отбегают. «Теперь я вижу: Еврипид — мудрейший из поэтов: ведь это он сказал про баб, что тварей нет бесстыдней!» Два хора препираются песнями.

На сцену, еле передвигая ноги, бредет самый старый старик, государственный советник. Начинается главная часть всякой греческой драмы — спор. «Что вы лезете не в свое дело? — говорит советник. — Война — это дело мужское!» (Это — цитата из прощания Гектора с Андромахой в «Илиаде»). — «Нет, и женское, — отвечает Лисистрата, — мы теряем мужей на войне, мы рожаем детей для войны, нам ли не заботиться о мире и порядке!» — «Вы, бабы, затеяли править государством?» — «Мы, бабы, правим же домашними делами, и неплохо!» — «Да как же вы распутаете государственные дела?» — «А вот так же, как всякий день распутываем пряжу на прялке: повычешем негодяев, повыгладим хороших людей, понавьем добротных нитей со стороны, / И единую крепкую выпрядем нить, и великий клубок намотаем, / И, основу скрепивши, соткем из него для народа афинян рубашку».

Советник и хор, конечно, не выдерживают такой наглости, опять начинаются перебранки, потасовки, лихие песни с обеих сторон, и опять женщины выходят победительницами,

Но торжествовать рано! Женщины тоже люди, тоже скучают по мужчинам, только и смотрят, как бы разбежаться с акрополя, а Лисистрата ловит их и унимает. «Ой, у меня шерсть на лежанке осталась, повалять надо!» — «Знаем, какая у тебя шерсть: сиди!» — «Ой, у меня полотно некатаное, покатать надо!» — «Знаем, сиди!» — «Ой, сейчас рожу, сейчас рожу, сейчас рожу!» — «Врешь, вчера ты и беременна не была!» Опять уговоры, опять вразумления: «А мужчинам, вы думаете, легче? Кто кого пересидит, тот того и победит. Да вот смотрите: уже бежит один мужик, уже не вытерпел! Ну, кто тут его жена? заманивай его, разжигай его, пусть чувствует, каково без нас!» Под стеной акрополя появляется брошенный муж, зовут его Кинесий, что значит «Толкач». Всем комическим актерам полагались большие кожаные фаллосы, а у этого он сейчас прямо исполинский. «Сойди ко мне!» — «Ах, нет, нет, нет!» — «Пожалей вот его!» — «Ах, жаль, жаль, жаль!» — «Приляг со мной!» — «Замиритесь сперва». — «Может, и замиримся». — «Вот тогда, может, и прилягу». — «Клянусь тебе!» — «Ну, сейчас, только сбегаю за ковриком». — «Давай скорей!» — «Сейчас, только принесу подушечку». — «Сил уж нет!» — «Ах, ах, как же без одеяльца». — «Доведешь ты меня!» — «Погоди, принесу тебе натереться маслице». — «И без маслица можно!» — «Ужас, ужас, маслице не того сорта!» И женщина скрывается, а мужчина корчится от страсти и поет, как воет, о своих мучениях. Хор стариков ему сочувствует.

Делать нечего, нужно замиряться. Сходятся послы афинские и спартанские, фаллосы у них такой величины, что все сразу понимают друг друга без слов. Начинаются переговоры. К переговаривающимся сходит Лисистрата, напоминает о старинной дружбе и союзе, хвалит за доблести, журит за вздорную сварливость. Всем хочется поскорее и мира, и жен, и пахоты, и урожая, и детей, и выпивки, и веселья. Не торгуясь, отдают захваченное одними в обмен на захваченное другими. И, поглядывая на Лисистрату, восклицают: «какая умная!», не забывая прибавить: «какая красивая!», «какая стройная!» А на заднем плане женский хор заигрывает со стариковским хором: «Вот помиримся и снова будем жить душа с душой!» А стариковский хор отвечает: «Ах, недаром нам о бабах говорили старики: / «Жить и с ними невозможно, и без них никак нельзя!»

Мир заключен, хоры поют; «Зла не помним, зло забудем!..» Афинские и спартанские мужья расхватывают своих жен и с

песнями и плясками расходятся со сцены.

М. Л. Гаспаров

Лягушки (Batrachoi)

Комедия (405 до н. э.)

Знаменитых сочинителей трагедий в Афинах было трое: старший — Эсхил, средний — Софокл и младший — Еврипид. Эсхил был могуч и величав, Софокл ясен и гармоничен, Еврипид напряжен и парадоксален. Один раз посмотрев, афинские зрители долго не могли забыть, как его Федра терзается страстью к пасынку, а его Медея с хором ратует за права женщин. Старики смотрели и ругались, а молодые восхищались.

Эсхил умер давно, еще в середине столетия, а Софокл и Еврипид скончались полвека спустя, в 406 г., почти одновременно. Сразу пошли споры между любителями: кто из троих был лучше? И в ответ на такие споры драматург Аристофан поставил об этом комедию «Лягушки».

«Лягушки» — это значит, что хор в комедии одет лягушками и песни свои начинает квакающими строчками: «Брекекекекс, коакс, коакс! / Брекекекекс, коакс, коакс! / Болотных вод дети мы, / Затянем гимн, дружный хор, / Протяжный стон, звонкую нашу песню!»

Но лягушки эти — не простые: они живут и квакают не где-нибудь, а в адской реке Ахероне, через которую старый косматый лодочник Харон перевозит покойников на тот свет. Почему в этой комедии понадобился тот свет, Ахерон и лягушки, на то есть свои причины.

Театр в Афинах был под покровительством Диониса, бога вина и земной растительности; изображался Дионис (по крайней мере, иногда) безбородым нежным юношей. Вот этот Дионис, забеспокоившись о судьбе своего театра, подумал: «Спущусь-ка я в загробное царство и выведу-ка обратно на свет Еврипида, чтобы не совсем опустела афинская сцена!» Но как попасть на тот свет? Дионис расспрашивает об этом Геракла — ведь Геракл, богатырь в львиной шкуре, спускался туда за страшным трехглавым адским псом Кербером. «Легче легкого, — говорит Геракл, — удавись, отравись или бросься со стены». — «Слишком душно, слишком невкусно, слишком круто; покажи лучше, как сам ты шел». — «Вот загробный лодочник Харон перевезет тебя через сцену, а там сам найдешь». Но Дионис не один, при нем раб с поклажей; нельзя ли переслать ее с попутчиком? Вот как раз идет похоронная процессия. «Эй, покойничек, захвати с собою наш тючок!»

Покойничек с готовностью приподымается на носилках: «Две драхмы дашь?» — «Нипочем!» — «Эй, могильщики, несите меня дальше!» — «Ну скинь хоть полдрахмы!» Покойник негодует: «Чтоб мне вновь ожить!» Делать нечего, Дионис с Хароном гребут посуху через сцену, а раб с поклажей бежит вокруг. Дионис грести непривычен, кряхтит и ругается, а хор лягушек издевается над ним: «Брекекекекс, коакс, коакс!» Встречаются на другом конце сцены, обмениваются загробными впечатлениями: «А видел ты здешних грешников, и воров, и лжесвидетелей, и взяточников?» — «Конечно, видел, и сейчас вижу», — и актер показывает на ряды зрителей. Зрители хохочут.

Вот и дворец подземного царя Аида, у ворот сидит Эак. В мифах это величавый судья грехов человеческих, а здесь — крикливый раб-привратник. Дионис накидывает львиную шкуру, стучит. «Кто там?» — «Геракл опять пришел!» — «Ах, злодей, ах, негодяй, это ты у меня давеча увел Кербера, милую мою собачку! Постой же, вот я напущу на тебя всех адских чудищ!» Эак уходит, Дионис в ужасе; отдает рабу Гераклову шкуру, сам надевает его платье. Подходят вновь к воротам, а в них служанка подземной царицы: «Геракл, дорогой наш, хозяйка так уж о тебе помнит, такое уж тебе угощенье приготовила, иди к нам!» Раб радехонек, но Дионис его хватает за плащ, и они, переругиваясь, переодеваются опять. Возвращается Эак с адской стражей и совсем понять не может, кто тут хозяин, кто тут раб. Решают: он будет их стегать по очереди розгами, — кто первый закричит, тот, стало быть, не бог, а раб. Бьет. «Ой-ой!» — «Ага!» — «Нет, это я подумал: когда же война кончится?» — «Ой-ой!» — «Ага!» — «Нет, это у меня заноза в пятке… Ой-ой!.. Нет, это мне стихи плохие вспомнились… Ой-ой!.. Нет, это я Еврипида процитировал». — «Не разобраться мне, пусть уж бог Аид сам разбирается». И Дионис с рабом входят во дворец.

Оказывается, на том свете тоже есть свои соревнования поэтов, и до сих пор лучшим слыл Эсхил, а теперь у него эту славу оспаривает новоумерший Еврипид. Сейчас будет суд, а Дионис будет судьей; сейчас будут поэзию «локтями мерить и гирями взвешивать». Правда, Эсхил недоволен: «Моя поэзия не умерла со мной, а Еврипидова умерла и под рукой у него». Но его унимают: начинается суд. Вокруг судящихся уже новый хор — квакающие лягушки остались далеко в Ахероне. Новый хор — это души праведников: в эту пору греки считали, что те, кто ведет праведную жизнь и принял посвящение в таинства Деметры, Персефоны и Иакха, будут на том свете не бесчувственными, а блаженными. Иакх — это одно из имен самого Диониса, поэтому такой хор здесь вполне уместен.

Еврипид обвиняет Эсхила: «Пьесы у тебя скучные: герой стоит, а хор поет, герой скажет два-три слова, тут пьесе и конец. Слова у тебя старинные, громоздкие, непонятные. А у меня все ясно, все как в жизни, и люди, и мысли, и слова». Эсхил возражает: «Поэт должен учить добру и правде. Гомер тем и славен, что показывает всем примеры доблести, а какой пример могут подать твои развратные героини? Высоким мыслям подобает и высокий язык, а тонкие речи твоих героев могут научить граждан лишь не слушаться начальников».

Эсхил читает свои стихи — Еврипид придирается к каждому слову: «Вот у тебя Орест над могилою отца молит его «услышать, внять…», а ведь «услышать» и «внять» — это повторение!»

(«Чудак, — успокаивает его Дионис, — Орест ведь к мертвому обращается, а тут, сколько ни повторяй, не докличешься!») Еврипид читает свои стихи — Эсхил придирается к каждой строчке: «Все драмы у тебя начинаются родословными: «Герой Пелоп, который был мне прадедом…», «Геракл, который…», «Тот Кадм, который…», «Тот Зевс, который…». Дионис их разнимает: пусть говорят по одной строчке, а он, Дионис, с весами в руках будет судить, в какой больше весу. Еврипид произносит стих неуклюжий и громоздкий: «О, если б бег ладья остановила свой…»; Эсхил — плавный и благозвучный: «Речной поток, через луга лиющийся…» Дионис неожиданно кричит: «У Эсхила тяжелей!» — «Да почему?» — «Он своим потоком подмочил стихи, вот они и тянут больше».

Наконец стихи отложены в сторону. Дионис спрашивает у поэтов их мнение о политических делах в Афинах и опять разводит руками: «Один ответил мудро, а другой — мудрей». Кто же из двух лучше, кого вывести из преисподней? «Эсхила!» — объявляет Дионис. «А обещал меня!» — возмущается Еврипид. «Не я — язык мой обещал», — отвечает Дионис еврипидовским же стихом (из «Ипполита»). «Виноват и не стыдишься?» — «Там нет вины, где никто не видит», — отвечает Дионис другой цитатой. «Надо мною над мертвым смеешься?» — «Кто знает, жизнь и смерть не одно ль и то же?» — отвечает Дионис третьей цитатой, и Еврипид смолкает.

Дионис с Эсхилом собираются в путь, а подземный бог их напутствует: «Такому-то политику, и такому-то мироеду, и такому-то стихоплету скажи, что давно уж им пора ко мне…» Хор провожает Эсхила славословием и поэту и Афинам: чтобы им поскорей одержать победу и избавиться и от таких-то политиков, и от таких-то мироедов, и от таких-то стихоплетов.

М. Л. Гаспаров

Менандр (Menander) [324–293 до н. э.]

Брюзга (Dyskolos)

Комедия

Эта комедия в переводе имеет и другое название — «Человеконенавистник». Главный ее персонаж, крестьянин Кнемон, в конце жизни изуверился в людях и возненавидел буквально весь мир. Впрочем, брюзгою он был, вероятно, от рождения. Ибо жена бросила его именно за дурной нрав.

Живет Кнемон в деревне, в Аттике, близ Афин. Обрабатывает скудное поле и растит дочь, которую любит без памяти. Рядом живет и его пасынок Горгий, который, несмотря на дурной нрав отчима, относится к нему хорошо.

Сострат, богатый молодой человек, случайно увидавший дочь Кнемона, влюбляется в нее и предпринимает всевозможные попытки познакомиться с прекрасной скромной девушкой, а заодно — и с ее нелюдимым отцом.

В начале первого действия лесной бог Пан (его пещера-святилище находится тут же, неподалеку от дома и поля Кнемона) сообщает зрителям краткую предысторию грядущих событий. Кстати, это именно он сделал так, что Сострат влюбился в дочь нелюдимого брюзги.

Херея, приятель и приживал Сострата, советует влюбленному действовать решительно. Впрочем, оказывается, что Сострат уже послал на разведку в усадьбу Кнемона раба Пиррия, который к моменту нашего действия возвращается в панике; Кнемон прогнал его самым недвусмысленным образом, забросав землей и камнями…

На сцене появляется Кнемон, не замечая присутствующих, и говорит сам себе: «Ну, разве не был счастлив, и вдвойне притом, / Персей? Во-первых, обладая крыльями, / Он ото всех, кто землю топчет, скрыться мог. / А во-вторых, любого, кто в докуку был, / Мог в камень обратить. Вот если б мне теперь / Такой же дар! Лишь каменные статуи / Кругом стояли молча бы, куда ни глянь».

Увидев Сострата, робко стоящего неподалеку, старик произносит гневно-ироническую тираду и уходит в дом. Тем временем на сцене появляется дочь Хнемона с кувшином. Ее няня, черпая воду, уронила ведро в колодец. А к возвращению отца с поля вода должна быть нагрета.

Стоящий тут же Сострат (он ни жив ни мертв от счастья и волнения) предлагает девушке помощь: он принесет воду из источника! Предложение принято благосклонно. Знакомство

состоялось.

Присутствие Сострата обнаруживает Дав, раб Горгия. Он предупреждает хозяина: неподалеку «пасется» некий юнец, явно «положивший глаз» на сестру Горгия. А честные ли у него намерения — Неизвестно…

Входит Сострат. Горгий, не только порядочный и трудолюбивый, но и решительный юноша, сперва неправильно его оценив («Сразу видно по глазам — подлец»), решает все же побеседовать с пришельцем. И после разговора, как человек умный, понимает свою первоначальную ошибку. Вскоре оба проникаются взаимной симпатией.

Горгий честно предупреждает влюбленного, сколь трудно будет договориться с его отчимом — отцом девушки. Но, поразмыслив, решает помочь Сострату и дает ему ряд советов.

Для начала, чтобы «войти в образ», богатый юноша целый день самоотверженно отдается непривычным для него полевым работам, дабы подозрительный Кнемон решил: Сострат — бедняк, живущий собственным трудом. Это, надеются оба юноши, хоть немного примирит старика с мыслью о возможном замужестве любимой дочери.

А в святилище Пана родственники Сострата и он сам готовятся к торжественным жертвоприношениям. Шум священных приготовлений (вблизи его дома!) выводит Кнемона из себя. А когда сначала раб Гета, а затем повар Сикон стучатся к нему в дверь с просьбой одолжить кое-какую посуду, старик окончательно приходит в неистовство.

Вернувшийся с поля Сострат так изменился за день (загорел, от непривычного труда сгорбился и еле передвигает ноги), что даже рабы не узнают своего хозяина. Но, как говорится, нет худа без добра.

Возвращается с поля и Кнемон. Он ищет ведро и мотыгу (и то и другое старая служанка Симиха уронила в колодец). Между тем Сострат и Горгий уходят в святилище Пана. Они уже почти друзья.

Кнемон в гневе сам пытается спуститься в колодец, но гнилая веревка обрывается, и злобный старик падает в воду. Об этом воплем возвещает выбежавшая из дому Симиха.

Горгий понимает: настал «звездный час» Сострата! Вдвоем они вытаскивают охающего и ругающегося Кнемона из колодца.

Но именно Сострату приписывает умный и благородный Горгий ведущую роль в спасении сварливого старца. Кнемон начинает смягчаться и просит Горгия в дальнейшем взять на себя заботы о замужестве сестры.

Сострат в ответ предлагает Горгию в жены свою сестру.

Сначала честный юноша пытается отказываться: «Непозволительно, / Женив тебя на собственной сестре, твою взять в жены». Добропорядочного юношу смущает и то, что он беден, а семья Сострата — люди богатые: «Несладко мне / Чужим добром кормиться незаслуженно. / Свое нажить хочу».

Недоволен сперва перспективой второго «неравного брака» и Каллипид — отец Сострата. Но в конце концов и он дает согласие на обе свадьбы.

Сдается, наконец, и Кнемон: брюзга даже соглашается, чтобы рабы отнесли его в святилище Пана. Завершается комедия словами одного из рабов, обращенными к зрителям: «Порадуйтесь, что старика несносного / Мы одолели, щедро нам похлопайте, / И пусть Победа, дева благородная, / Подруга смеха, будет к нам всегда добра».

(… страница пропущена…)

дает возможность представить следующее: Габротонон узнает Памфилу (они встречались на том злополучном празднике Таврополий), а обиженная и обесчещенная жена Харисия узнает его перстень и понимает: виновник ее несчастья — собственный муж!

А Харисий пока знает лишь то, что его жена — мать незаконнорожденного ребенка. В то же время он понимает, что и сам далеко не безупречен и не вправе столь сурово судить Памфилу. Но тут появляется добрая Габротонон и рассказывает Харисию все, что знает. Непутевый юноша-гуляка счастлив: у них с Памфилой есть сын!

Радостью сменяется и недовольство Смикрина: он стал счастливым дедом пятимесячного внука! Все довольны и даже счастливы. Так благополучно, как и положено, завершается комедия.

Ю. В. Шанин

Отрезанная коса, или Остриженная (Perikeiromenae)

Комедия

Текст комедии сохранился лишь фрагментарно, но филологи провели его реконструкцию.

Действие происходит на улице Коринфа. На сцене — два дома. Один принадлежит командиру наемников, хилиарху Полемону, второй — родителям молодого человека Мосхиона.

Богиня Неведение рассказывает традиционный (знакомый

нам по «Третейскому суду») сюжет, но построенный по-другому.

Во время родов умирает жена афинского купца Патека. Это печальное событие совпадает с другим: на море гибнет судно Патека с товарами, купец полностью разорен. И чтобы не растить детей в нищете, Патек решает их кому-нибудь подбросить. Покинутых близнецов, мальчика и девочку, находит бедная старушка. Ей и так тяжко, годы берут свое, да еще идет бесконечная война в Коринфе…

Мальчика Мосхиона старушка отдает богатой афинянке Миринне, которая давно мечтает о сыне, а девочку Гликеру оставляет у себя. Мосхион воспитывается в доме богатой Миринны, ни в чем не зная отказа, Гликера же растет скромной и прилежной. Но полунищенское существование вынуждает приемную мать отдать красивую воспитанницу Полемону. Коринфский военачальник без ума от прекрасной любовницы.

Перед смертью старушка рассказывает Гликере, что у нее есть брат, живущий рядом. Мосхион же, не подозревающий об этом, начинает ухаживать за Гликерой. В отсутствие Полемона он ищет с ней близости и целует ее. Гликера, думая, что брат знает обо всем, не противится поцелуям. Но внезапно возвращается домой Полемон и в гневе обрубает мечом косу Гликеры (отсюда и название комедии).

После этого Полемон, разгневанный «изменой» Гликеры, в сопровождении оруженосца Сосии уезжает в деревню. А оскорбленная беспочвенными подозрениями Гликера просит соседку Миринну приютить ее у себя. Несообразительный, но крайне любопытный Дав, раб Мосхиона, решает, что мать сделала это в интересах сына-шалопая. Да и самонадеянный юноша, который то и дело хвастает своими успехами у гетер, уверен в своей неотразимости…

Полемон, гневаясь и тоскуя в деревенском уединении, посылает домой на разведку оруженосца. Но неповоротливый и сонный Сосия никаких новостей не сообщает. Посланный же вторично, он все же обнаруживает, что в доме у его хозяина произошли перемены.

Подвыпивший Полемон со своими воинами собирается в гневе штурмовать дом Миринны, где укрылась Гликера. Но появляющийся на сцене Патек (отец Гликеры и Мосхиона и по воле случая старый друг Полемона) убеждает разбушевавшегося командира со штурмом повременить. Ибо это будет противозаконно. Ведь, не будучи женатым на Гликере, тот не вправе диктовать ей свою волю: «…вещь безумная / Тобой затеяна. Куда несешься ты? / За кем? Да ведь она сама себе глава!»

Полемон рассказывает Патеку, как хорошо Гликере у него жилось, показывает ее богатые наряды. И все это любимой подарил он!

Тем временем ничего не подозревающий Мосхион ждет, что Гликера сама бросится в его объятия. А Патек, выполняя просьбу Полемона, отправляется парламентером в дом Миринны. Как раз в это время по просьбе Гликеры служанка-рабыня Дорида приносит из дома Полемона шкатулку с вещами девушки. Да, с теми самыми вещами, что были найдены при подброшенных младенцах!

Когда она задумчиво перебирает драгоценности, присутствующий тут же Патек узнает вещи покойной жены. Он рассказывает Гликере, как умерлаее мать, как он разорился и решил избавиться от детей. Девушка подтверждает, что у нее есть брат, и называет его имя.

Незаметно подкравшийся в это время Мосхион все слышит и испытывает при этом разочарование и одновременно радость — ведь он обрел сестру, которая, конечно, не может быть его любовницей…

Полемон, не находящий себе места от волнения, нетерпеливо ждет вестей. Служанка Дорида уверяет его: все кончится хорошо. Но Полемон не верит, что любимая его простит, и сам спешит к дому Миринны. Навстречу ему выходят Патек с Гликерой. Старый друг торжественно сообщает: он согласен, чтобы Полемон женился на его дочери. В приданое за ней он дает три таланта. Полемон счастлив и просит простить ему необдуманные оскорбления и прочие грехи ревности.

Мосхион и рад, и расстроен. Но отец сообщает, что и ему нашел хорошую невесту. Так, ко всеобщей радости, завершается комедия.

Ю. В. Шанин

Лукиан (Luldanus) [ок. 120 — ок. 180]

Разговоры богов (Dialogoedeorum)

Философская сатира

I. Прометей и Зевс

Прикованный к скалам Кавказа титан Прометей просит Зевса освободить его. Но нет, кара еще недостаточна: ведь Прометей не только похитил Зевесов огонь и подарил его людям, но и (самое страшное) сотворил женщину!

Поэтому тяжкие цепи и орел, ежедневно пожирающий

Прометееву печень, которая за ночь снова отрастает, — лишь прелюдия к грядущим мучениям.

Прометей предлагает в награду за освобождение открыть Зевсу грядущее. Тот, усомнившись сперва в пророческом даре титана, тут же сдается: Прометей безошибочно угадывает, что Зевс собирается на свидание с Фетидой — нереидой, одной из морских богинь. И предостерегает Зевса: если нереида родит ему сына, тот низвергнет отца с олимпийского трона. Убежденный и даже слегка растроганный этим предсказанием, Зевс отказывается от рокового свидания и приказывает богу-кузнецу Гефесту освободить Прометея.

II. Эрот и Зевс

Призванный к ответу за свои жестокие проделки, Эрот просит Зевса помиловать его, ибо он, мол, еще ребенок. «Ты ребенок?! — восклицает возмущенный Зевс. — Ведь ты, Эрот, намного старше Иалета. Оттого что у тебя нет бороды и седых волос, ты хочешь считаться ребенком, хотя ты старик, и притом негодяй!»

В наказание за многочисленные издевательства Зевс намерен связать Эрота. Ведь это по его милости он вынужден был, дабы снискать любовь женщин, превращаться в быка, орла, лебедя, сатира и не мог явиться им в своем истинном облике.

Эрот резонно возражает, что ни одна смертная не выносит вида Зевса и умирает от страха. Он предлагает Зевсу не метать молнии, не потрясать грозно эгидой и принять вид более мирный, приятный, на манер Аполлона или Диониса.

Зевс с возмущением отвергает это предложение, но и отказаться от любви земных красавиц тоже не хочет. Он требует, чтобы амурные утехи стоили ему меньших усилий. С этим условием отпускает Эрота.

III. Зевс и Гермес

Гера из ревности превратила красавицу Ио в телку и приставила к ней стражем стоглавого пастуха Аргуса. Но Зевс, влюбленный в Ио, приказывает Гермесу убить Аргуса, провести Ио через море в Египет и сделать ее там Исидой — богиней, управляющей разливами Нила и ветрами, покровительницей моряков.

IV. Зевс и Ганимед

Зевс, влюбившись в хорошенького пастушка Ганимеда, превращается в гигантского орла и похищает мальчика. Ганимед, слабо разбирающийся в олимпийской иерархии, до сих пор считал главным божеством лесного Пана и с недоверием относится к словам Зевса о его вселенской власти.

Ганимед просит поскорей вернуть его домой, на склоны горы Иды: стада остались без присмотра, отец всыплет ему за отлучку.

Зевс терпеливо объясняет, что теперь мальчик навсегда избавлен от пастушеских забот — он станет небожителем.

Ганимед недоумевает: что ему тут делать, если на небе нет стад, и с кем он будет здесь играть?! Зевс обещает ему в товарищи Эрота и сколько угодно бабок для игры. И похитил он полюбившегося мальчишку для того, чтобы они спали вместе.

Простодушный Ганимед недоумевает еще более: ведь когда он спал с отцом, тот часто сердился, что сын во сне беспокойно ворочается, и гнал того к матери — честно предупреждает мальчик. А услыхав, что Зевс собирается его обнимать ночи напролет, твердо заявляет, что ночью будет спать. Хотя и не запрещает Зевсу целовать его. И довольный Зевс велит Гермесу дать Ганимеду испить бессмертия, научить подавать кубок и привести на пир богов.

V. Гера и Зевс

Гера упрекает Зевса в чрезмерном пристрастии к Ганимеду. Своих смертных любовниц отец богов оставлял все же на Земле, а вот Ганимеда сделал небожителем. И вдобавок, принимая из рук красавца виночерпия кубок, Зевс всякий раз его целует! А разве Гефест и Гера плохо прислуживали за столом?!

Разгневанный Зевс отвечает, что ревность Геры лишь распаляет его страсть к прекрасному фригийцу. Конечно, Гера, если хочет, может на пирах по-прежнему пользоваться услугами своего чумазого сына-кузнеца. А вот ему, Зевсу, будет прислуживать только Ганимед, которого он будет теперь целовать дважды: и принимая кубок из рук мальчика, и возвращая.

VI. Гера и Зевс

Гера возмущенно жалуется Зевсу, что Иксион, взятый на небо, влюбился в нее и непрестанно вздыхает. Это оскорбляет Геру. Зевс предлагает подшутить над влюбленным: подсунуть ему облако, придав последнему облик Геры. Если же, приняв желаемое за действительное, Иксион потом начнет похваляться, что покорил супругу Зевса и овладел ею, он будет низринут в Аид и привязан к вечно вращающемуся колесу в наказание не за любовь (в этом нет ничего дурного!), а за хвастовство.

VII. Гефест и Аполлон

Гефест восхищенно рассказывает Аполлону о только что родившемся Гермесе — сыне Майи. Новорожденный не только очень красив, но и многообещающе приветлив. Аполлон сообщает в ответ, что ловкий младенец уже успел украсть трезубец Посейдона, меч Ареса, а у него, Аполлона, и стрелы. Тут и Гефест обнаруживает, что у него пропали клещи…

Гермес одарен всесторонне: в шутливой борьбе победил Эрота, подставив тому подножку, а из панциря черепахи и семи

струн смастерил кифару, да играет так, что и Аполлон ему завидует.

Прозревший Гефест отправляется к Гермесу за похищенными клещами, спрятанными в пеленках новорожденного.

VIII. Гефест и Зевс

Зевс приказывает Гефесту острым топором разрубить… ему голову. Испуганный бог-кузнец вынужден нехотя подчиниться, и на свет появляется Афина. Она не только воинственна, но и очень красива. Гефест внезапно влюбляется в нее. Но Зевс охлаждает его пыл: Афина предпочтет остаться навечно девой,

IX. Посейдон и Гермес

Посейдон пришел к Зевсу. Но Гермес не пускает его, так как Зевс только что… родил. Но на сей раз не из головы (как недавно Афину), а из бедра. Так он выносил плод одной из своих многочисленных симпатий фиванки Семелы, родив вместо нее, ибо Семела погибла. Таким образом, он является одновременно и отцом, и матерью ребенка, которого зовут Дионис.

X. Гермес и Гелиос

Гермес передает Гелиосу приказ Зевса: не выезжать на своей огненной колеснице ни завтра, ни послезавтра. Зевсу нужно продлить ночь, дабы успеть зачать с беотийкой Алкменой невиданного доселе героя: под покровом глубочайшего мрака будет изготовлен великий атлет. Затем Гермес передает приказ Селене двигаться медленно, а Сну — не выпускать людей из своих объятий, чтобы они не заметили столь долгой ночи. Дабы на свет мог явиться Геракл.

XI. Афродита и Селена

Селена признается Афродите, что влюбилась в прекрасного Эндимиона. Она регулярно спускается к нему с неба, когда Эндимион спит, расстелив на скале плащ. Селена буквально погибает от любви к юноше.

XII. Афродита и Эрот

Афродита упрекает своего сына Эрота за неслыханные проделки не только со смертными, но и с небожителями. По его воле Зевс превращается во все, во что Эроту вздумается. Селену он низводит на Землю. А Гелиос, нежась в объятьях Климены, забывает своевременно выезжать в своей огненной колеснице на небосвод. Даже почтенную Рею, мать стольких богов, Эрот заставил влюбиться в молодого фригийца Аттиса. Обезумев от любви, она впрягла в свою колесницу львов и носится по горам и лесам в поисках возлюбленного. Эрот оправдывается перед матерью: разве дурно обращать взоры людей и богов на красоту?!

XIII. Зевс, Асклепий и Геракл

На пиру богов Геракл затевает ссору с Асклепием, требуя,

чтобы тот возлежал ниже его, совершившего столько подвигов. Он пренебрежительно напоминает: Асклепия поразил Зевс своей молнией за то, что тот своим искусством оживлял людей, обреченных богами на смерть, тем самым пренебрегая и законами природы, и волей небожителей. Асклепий спокойно замечает, что это он, между прочим, привел в порядок того же Геракла, основательно обгоревшего на погребальном костре…

Зевс прекращает их перебранку, заметив: Асклепий имеет право на более высокое место, ибо умер и был взят на небо раньше Геракла.

XIV. Гермес и Аполлон

Аполлон печален. На вопрос Гермеса о причине грусти отвечает:

он случайно убил своего любимца, прекрасного Гиацинта — сына царя Эбала из Лаконии. Когда оба они были заняты метанием дисков, безответно любивший Гиацинта западный ветер Зефир из ревности подул так сильно, что брошенный Аполлоном диск изменил направление и убил юношу. В память о любимце Аполлон вырастил из капель его крови прекрасный цветок, но все равно остался безутешен. Гермес резонно возражает: «Аполлон, ты знал, что сделал любимцем смертного; так не следует жаловаться на то, что он умер».

XV. Гермес и Аполлон

Гермес и Аполлон удивлены: хромой бог-кузнец Гефест, далеко не красавец, получил в жены двух прекрасных богинь: Афродиту и Хариту. А вот они, красавцы, атлеты и музыканты, несчастливы в любви. Аполлон так и не добился взаимности Дафны, а Гиацинта самже убил диском. Правда, однажды Гермес познал ласки Афродиты и в итоге на свет явился Гермафродит…

Впрочем, любвеобильная Афродита весьма благосклонна и к Аресу, часто забывая о своем чумазом и потном супруге. Поговаривают, что Гефест готовит сети, чтобы опутать ими любовников и застигнуть их на ложе. И Аполлон признается: ради объятий Афродиты он с удовольствием согласился быть пойманным.

XVI. Гера и Латона

Снедаемые давней и взаимной неприязнью, Гера и Латона попрекают друг друга действительными и мнимыми пороками детей. На едкое замечание Латоны, что Гефест хром, Гера отвечает: зато он искусный мастер и пользуется уважением Афродиты. А вот мужеподобная Артемида — дочь Латоны, обитает в горах и по скифскому обычаю убивает чужеземцев. Что ж до Аполлона, то он хоть и считается всезнающим, но не предвидел, что убьет диском Гиацинта, и не представлял себе, что

от него убежит Лафна.

Латона отвечает, что Гера ей просто завидует: красота Артемиды и мусический дар Аполлона у всех вызывают восторг. Гера в гневе. По ее мнению, музыкальными победами Аполлон обязан не себе, а излишней благосклонности судей. Артемида же скорей безобразна, чем прекрасна. А будь она действительно девой, едва ли помогала бы роженицам. Разгневанная Латона бросает Гере: «Придет время, и я опять увижу тебя плачущей, когда Зевс оставит тебя одну, а сам сойдет на землю, превратившись в быка или лебедя».

XVII. Аполлон и Гермес

Смеющийся Гермес рассказывает Аполлону, что Гефест искусно сплетенными сетями опутал Афродиту и Ареса в миг, когда те занимались любовью. Застигнутые врасплох, обнаженные, они сгорали от стыда, когда все боги насмешливо их рассматривали. Громче всех хохотал сам Гефест. Гермес и Аполлон признаются друг другу, что готовы были бы сами очутиться в сетях Гефеста.

XVIII. Гера и Зевс

Гера говорит Зевсу, что его сын Дионис не только женоподобен до неприличия, но еще и блуждает, опьяненный, в обществе сумасшедших женщин и пляшет с ними день и ночь напролет. Он похож на кого угодно, но только не на своего отца Зевса.

Громовержец возражает: изнеженный Дионис не только овладел всей Лидией и подчинил себе фракийцев, но завоевал даже Индию, взяв в плен тамошнего царя, осмелившегося сопротивляться. И все это посреди непрестанных хороводов и пьяных плясок. А тех, кто осмелился его оскорбить, не уважая таинств, Дионис связал виноградной лозой. Или заставил мать преступника разорвать своего сына на части, как молодого оленя. Разве это не мужественные деяния, достойные сына Зевса? Гера возмущена: вино приводит к безумию и стадо причиной многих преступлений. Но Зевс резко возражает: виноваты не вино и Дионис, а сами люди, пьющие без меры, даже не смешивая вино с водой. А тот, кто пьет в меру, становится лишь веселей и любезней, никому не вредя.

XIX. Афродита и Эрот

Афродита удивленно вопрошает Эрота: почему он, легко подчиняющий себе всех богов — Зевса, Аполлона, Посейдона, даже собственную мать Рею, щадит Афину?

Эрот признается: он боится Афину — ее страшный взгляд пугает коварного малыша. Да еще этот ужасный щит с головой Медузы Горгоны. Всякий раз как Эрот пытается приблизиться,

Афина останавливает его угрозой немедленной расправы.

А вот муз, признается Эрот, он глубоко уважает и поэтому щадит. «Ну пусть их, если они так степенны. Но почему же ты не стреляешь в Артемиду?» — «Ее я совсем поймать не могу: она все бегает по горам. К тому же у нее есть пристрастие — охота». Зато брата ее Аполлона своими стрелами Эрот поражал не раз.

XX. Суд Париса

Зевс посылает Гермеса во Фракию, чтобы там Парис решил спор трех богинь: кому из них присудить яблоко с надписью «Прекраснейшей». Парис, хоть он и сын царя Приама, пасет стада на склонах Иды и, конечно, робеет, узрев представших перед ним Геру, Афродиту и Афину. Но когда Гермес растолковывает ему поручение Зевса, царевич постепенно приходит в себя и начинает восхищенно разглядывать богинь, явно не зная, которую предпочесть. Смущает его и то, что Гера — супруга Зевса, остальные же две — его дочери, В такой щекотливой ситуации особенно опасно ошибиться. Но Гермес заверяет Париса, что Зевс полностью полагается на его вкус и объективность.

Осмелевший Парис просит у Гермеса гарантий, что две отвергнутые не будут ему мстить. Затем он просит богинь раздеться и подходить к нему по очереди. Первой раздевается Гера, белокожая и волоокая. Она предлагает Парису: если он присудит награду ей, то станет господином надо всей Азией.

Афина тоже пытается подкупить судью обещанием: он будет в битвах непобедим. Парис скромно отвечает, что он — человек мирный, военные подвиги его не прельщают. Но, как и Гере, обещает судить честно, невзирая на дары.

Афродита просит осмотретьее более внимательно. Во время осмотра (который явно доставляет Парису удовольствие) она умело и ненавязчиво расхваливает его красоту. Парис, дескать, достоин лучшей участи, чем пастушья жизнь в диких горах. Зачем его красота коровам? Он мог бы найти себе достойную пару даже в Элладе. Афродита рассказывает заинтересовавшемуся судье об одной из самых красивых женщин — Елене, жене спартанского царя Менелая, дочери Леды, внучке Зевса. Парис все больше увлекается ее рассказом. Тогда Афродита предлагает ему отправиться в путешествие по Элладе и в Лакедемоне самому повидать красавицу: «Елена тебя увидит, а там уж я позабочусь о том, чтобы она влюбилась и ушла с тобой». Парису это кажется невероятным, но богиня уверяет: все будет именно так, как она обещает. Она дает в провожатые Парису своих сыновей — Гимероса и Эрота. С их общей помощью (стрелы Эрота и все остальное) задуманное свершится. Взяв с богини слово, что она не обманет, Парис (заочно уже воспылавший любовью к Елене)

присуждает яблоко Афродите.

XXI. Арес и Гермес

Арес тревожно и с явным недоверием сообщает Гермесу о похвальбе Зевса: тот, мол, спустит с неба цепь, и все боги, ухватившись за нее, не смогут стащить громовержца вниз. А вот он, если захочет, поднимет на этой цепи не только всех богов, но и землю с морем.

Арес сомневается в столь фантастическом могуществе отца богов. Тем более что недавно Посейдон, Гера и Афина, возмутившись его бесчинствами, чуть не схватили Зевса и, возможно, связали бы, если б не Фетида, которая сжалилась над ним и призвала на помощь сторукого Бриарея. Но Гермес прерывает Ареса: «Замолчи, советую я; небезопасно Тебе говорить такие вещи, а мне — их слушать».

XXII. Пан и Гермес

Гермес удивлен: Пан называет его отцом! Он возмущенно говорит, что козлоногий и рогатый Пан не может быть его сыном. Но тот напоминает, что как-то Гермес сошелся со спартанкой Пенелопой, приняв при этом облик козла.

Гермес смущенно припоминает: так оно и было. А Пан просит его не стыдиться такого сына: его уважают и любят не только дриады, нимфы и менады Диониса, но и все афиняне, которым он оказал услугу при Марафоне: вселил страх в души персов (отсюда и пошло слово «паника»). Гермес даже растроган: просит Пана подойти и обнять его. Но, добавляет он тут же, «не называй меня отцом при посторонних».

XXIII. Аполлон и Дионис

Аполлон удивлен: столь непохожие меж собой Эрот, Гермафродит и Приап — родные братья! Дионис отвечает, что тут нет ничего удивительного. А виновна в несхожести братьев не их мать Афродита, а разные отцы.

XXIV. Гермес и Майя

Утомленный и раздраженный Гермес жалуется своей матери Майе на дикие перегрузки. Он должен не только прислуживать богам на пирах, без устали разносить по земле приказания Зевса, присутствовать в палестрах, служить глашатаем в народных собраниях, а еще и не спать по ночам и водить к Плутону души умерших… Вдобавок Зевс непрестанно посылает Гермеса справляться о здравии своих многочисленных земных возлюбленных. «Я не могу больше!» — жалуется Гермес матери. Но та советует сыну смириться: «Ты еще молод и должен прислуживать отцу, сколько он ни пожелает. А теперь, раз он посылает тебя, беги поскорее в Аргос, а затем в Беотию, а то он, пожалуй, побьет тебя за медлительность: влюбленные всегда

раздражительны».

XXV. Зевс и Гелиос

Зевс в гневе. Гелиос, уступив настойчивым просьбам сына своего фаэтона, доверил ему огненную колесницу. Но самонадеянному юноше это оказалось не по силам. Неуправляемые кони понесли колесницу в сторону от привычной колеи: часть земли оказалась сожженной, а другая погибла от морозов. Чтобы предотвратить полную катастрофу, Зевсу пришлось убить Фаэтона молнией. Гелиос оправдывается: он, мол, предупреждал и наставлял сына, как должно. Но Зевс прерывает его: если Гелиос еще раз позволит себе подобное, он узнает, насколько сильней его огня жжет Зевесов перун. Фаэтона он велит похоронить на берегу Эридана, там, где он упал с колесницы. Слезы сестер, пролитые на его могиле, пусть превратятся в янтарь, а сами они сделаются осокорями.

XXVI. Аполлон и Гермес

Аполлон просит Гермеса научить его различать братьев-близнецов Кастора и Полидевка. Гермес объясняет: Полидевка, могучего кулачного бойца, узнать легко: на лице у него следы от сокрушительных ударов, «Но скажи мне еще одну вещь; отчего они не являются к нам оба вместе, но каждый из них поочередно делается то мертвецом, то богом?» Гермес объясняет и это: когда оказалось, что один из сыновей Леды должен умереть, а другой стать бессмертным, они таким образом поделили между собой бессмертие. Но Аполлон не успокаивается: сам он предсказывает будущее, Асклепий лечит, Гермес обучает гимнастике и борьбе и выполняет еще тьму важных дел. А что же делают Диоскуры? Гермес поясняет и это: Кастор и Полидевк помогают Посейдону: объезжают моря и в случае необходимости оказывают помощь терпящим бедствие морякам.

Ю. В. Шанин

Разговоры в царстве мертвых (Dialogoeinregionemortuum)

I. Диоген и Полидевк

Собравшемуся в очередной раз вернуться на землю Полидевку Диоген дает поручения. Ему надлежит передать кинику Мениппу (высмеивающему всех пустозвонных философов-спорщиков), что в царстве мертвых у него будет еще больше поводов для веселья и насмешек, ибо тут тираны, богачи и сатрапы — предельно жалки и бессильны. А всем философам он советует прекратить бессмысленные споры. Богачам Диоген велит сообщить, что не надо копить драгоценности, собирая талан за таланом, ибо скоро они отправятся под землю, где им

понадобится всего один обол, чтобы заплатить Харону за перевоз.

Зато беднякам не следует роптать на судьбу: в царстве мертвых все равны — и богачи, и неимущие. Полидевк обещает выполнить эти и другие поручения Диогена.

II. Плутон, или Против Менippа

Крез жалуется Плутону: неугомонный Менипп, философ-киник, и в подземном царстве продолжает насмехаться над богачами и владыками: «Мы все плачем, вспоминая свою земную судьбу: вот этот, Мидас, — золото, Сарданапал — великую роскошь, я, Крез, — свои несметные сокровища, а он смеется над нами и ругается, называя нас рабами и подонками…»

Менипп признается Плутону, что это так и есть: ему доставляет удовольствие высмеивать тех, кто горюет об утраченных благах земных. Плутон призывает всех прекратить раздоры. Но Менипп считает: бывшие сатрапы и богачи достойны лишь насмешки: «Прекрасно, так и надо. Плачьте, а я буду вам подпевать, повторяя: «Познай самого себя!» — это очень хороший припев к вашим стонам».

III. Менипп, Амфилох и Трофоний

Менипп возмущен: рядовые Амфилох и Трофоний после смерти удостоены храмов, и люди считают их пророками. Но герои Трофоний и Амфилох скромно отвечают, что почести легковерные люди воздают им добровольно. Что ж до пророческого дара, то будущее Трофоний готов предсказать любому, кто спустится в его Лебадейскую пещеру. А на вопрос Менippа, кто же такой герой, Трофоний отвечает: «Это существо, составленное из бога и человека». «Мне не понять, Трофоний, что ты говоришь; одно я вижу ясно: ты мертвец, и больше ничего», — заключает диалог Менипп.

IV. Гермес и Харон

Гермес напоминает Харону, что тот ему основательно задолжал: пять драхм за якорь, да еще за воск для замазывания дыр в лодке, за гвозди, за канат, которым рея крепится к мачте, и за многое другое. Харон со вздохом отвечает, что пока рассчитаться не может: «Сейчас я никак не могу, Гермес, а вот если чума какая-нибудь или война пришлет к нам много народу, тогда можно будет кое-что заработать, обсчитав мертвецов на плате за переезд». Но Гермес не хочет таким печальным путем возвращать истраченное. Он согласен повременить. Лишь замечает со вздохом, что если раньше в подземное царство попадали преимущественно люди мужественные, большей частью умершие от ран, полученных на войне, то ныне совсем не так: одного отравила жена, другой умер от обжорства, а большинство погибает из-за денежных козней. И Харон соглашается с ним.

V. Плутон и Гермес

Плутон просит Гермеса продлить жизнь девяностолетнему бездетному богачу Евкрату. А вот гоняющихся за его деньгами, желающих получить наследство Харина, Дамона и других поскорей притащить в царство мертвых. Гермес удивлен: он считает, что это несправедливо. Но Плутон говорит, что жаждущие скоропостижной смерти ближнего, прикидывающиеся его друзьями сами достойны скорой смерти. И Гермес соглашается: такую шутку выкинуть с негодяями будет только справедливо. А трудолюбивый Евкрит пусть, как Иолай, сбросит с себя бремя старости и вновь помолодеет, а ждущие его смерти юные негодяи в расцвете надежд умрут как скверные люди.

VI. Терпсион и Плутон

Терпсион жалуется Плутону: он умер на тридцатом году жизни, а девяностолетний Фукрит все еще жив! Но Плутон считает это справедливым: Фукрит никому не желал смерти, а вот Терпсион и ему подобные молодые люди льстиво ухаживают за стариками, подлизываются к ним в расчете получить наследство. Разве такое корыстолюбие не заслуживает кары?!

Терпсион же сокрушается, что много ночей не спал, алчно высчитывая возможный срок смерти Фукрита и сумму предполагаемого наследства. В итоге переутомился и сам умер первый. Плутон энергично обещает, что и другие корыстные сиделки скоро сойдут в его царство. А Фукрит пусть живет и дальше, пока не похоронит всех льстецов, охочих до чужого добра.

VII. Зенофант и Каллидемид

Каллидемид рассказывает Зенофанту, как умер из-за роковой ошибки раба. Желая поскорей отправить на тот свет старика Птеодора, он подговорил виночерпия подать хозяину чашу с отравленным вином. Но тот спутал сосуды (случайно или нет — неизвестно) и в итоге чашу с ядом осушил сам молодой отравитель. А старый Птеодор, поняв, что случилось, весело хохотал по поводу ошибки виночерпия.

VIII. Кнемон и Дамнипп

Кнемон рассказывает Дамниппу, как его одурачила судьба. Он усиленно ухаживал за бездетным богачом Гермолаем в надежде на наследство последнего. И чтобы гарантировать себе благосклонность старика, огласил завещание, где своим наследником объявил Гермолая (дабы тот из чувства признательности сделал то же самое). Но на Кнемона внезапно обрушилась балка, и старый Гермолай получил все его имущество. Так Кнемон попался в собственную ловушку.

IX. Симил и Полистрат

Девяностовосьмилетний Полистрат попал наконец в царство мертвых и рассказывает Симилу, что последние два десятка лет жил особенно хорошо. Расположения бездетного старика искали лучшие мужи города, надеясь стать его наследниками. Не отказываясь от их ухаживаний (и каждому обещая сделать наследником именно его), Полистрат их всех обманул: сделал наследником купленного недавно красавца фригийца, раба и своего любимца.

И поскольку тот внезапно стал богачом, теперь уже его расположения ищут самые знатные.

X. Харон, Гермес и разные мертвые

Харон собирается везти очередную партию мертвых и обращает их внимание на плачевное состояние своего суденышка. Он предлагает пассажирам освободиться от лишнего груза и просит Гермеса проследить за этим. Вестник богов берется за дело. По его указанию философ-киник Менипп с готовностью бросает свой жалкий мешок и палку. И Гермес сажает его на почетное место возле рулевого. Красавцу Хермолаю Гермес велит снять с себя длинные волосы, румянец и вообще всю кожу. Тирану Лампиху приказывает оставить на берегу все богатство, а заодно — спесь и надменность. Полководцу приходится бросить вооружение и трофеи. Философ-демагог вынужден расстаться не только с ложью, невежеством и охотой до пустых споров, но и с косматой бородой и бровями. А когда раздосадованный философ требует, чтобы Менипп оставил свою свободу, откровенность, благородство и смех, Гермес энергично возражает: это все — вещи легкие, их перевезти нетрудно, и они даже помогут в печальном пути. И ладья Харона отчаливает от берега.

XI. Кратет и Диоген

Кратет с иронией рассказывает Диогену о том, что двоюродные братья-богачи Мерих и Аристей, будучи сверстниками, всячески ухаживали друг за другом и каждый объявил наследником другого в надежде его пережить. В итоге же оба погибли в один и тот же час во время кораблекрушения.

А вот Кратет и Диоген не желали друг другу смерти, ибо не претендовали на скудное имущество собрата, вполне довольствуясь взаимным обменом мудрыми мыслями — самым лучшим из наследуемых богатств.

XII. Александр, Ганнибал, Минос и Сципион

Александр и Ганнибал оспаривают первенство в царстве мертвых. Минос предлагает каждому рассказать о своих деяниях. Великие полководцы перечисляют свои общеизвестные победы и завоевания, всячески при этом стараясь унизить соперника. Но когда Минос собирается вынести решение, вдруг подает голос

Сципион и напоминает, что именно он победил Ганнибала. В итоге первенство Минос присуждает Александру, второе место — Сципиону, а Ганнибал оказывается третьим.

XIII. Диоген и Александр

Диоген насмешливо замечает: Александр все ж оказался в царстве мертвых, несмотря на свое якобы божественное происхождение. Великий полководец вынужден согласиться. А пока вот уже тридцать дней его тело лежит в Вавилоне в ожидании пышных похорон в Египте, дабы он таким образом сделался одним из египетских богов. Диоген саркастически замечает, что Александр и после смерти не поумнел: верит в такую чушь. А вдобавок он еще и плачет, вспоминая земные почести и услады. Неужели его воспитатель философ Аристотель не научил своего ученика: богатство, почести и прочие дары судьбы не вечны. Александр с досадой признается, что его наставник был корыстолюбивым льстецом. Он доказывал, что богатство — тоже благо: таким образом, ему не было стыдно принимать подарки. В заключение Диоген советует Александру регулярно пить большими глотками воду из Леты: это поможет ему забыться и перестать скорбеть по Аристотелевым благам.

XIV. Филипп и Александр

Александр, встретившись на том свете с отцом, вынужден признать свое земное происхождение. Да он и раньше знал это, а поддерживал версию о своей божественной генеалогии для того, чтобы легче завоевать мир: большинство покоренных народов не решались оказывать сопротивление богу.

Филипп насмешливо замечает, что почти все, кого покорил его сын, не были достойными противниками и по храбрости, и по боевой выучке. Совсем не то что эллины, которых победил он, Филипп… Александр напоминает, что победил и скифов, и даже индийских слонов. А разве не он разрушил греческие Фивы?!

Да, Филипп слыхал об этом. Но ему смешно и грустно, что Александр перенимал нравы им же покоренных народов. Да и его хваленая храбрость не всегда была разумна. А теперь, когда люди узрели его мертвое тело, они окончательно убедились: Александр — вовсе не бог. И Филипп советует сыну расстаться с напыщенным самомнением, познать самого себя и понять, что он — простой мертвец.

XV. Ахилл и Антилох

Антилох упрекает Ахилла в том, что он — неблагороден и неразумен: заявил, что лучше служить живым в качестве поденщика у бедного пахаря, чем царствовать над всеми мертвыми. Так не пристало говорить славнейшему из героев. Тем более Ахилл добровольно избрал смерть в ореоле славы.

Ахилл оправдывается: посмертная слава на земле ему ни к чему, а среди мертвых — полное равноправие. Он утратил тут все: мертвые троянцы уже не боятся Ахилла, а греки не оказывают уважения.

Антилох утешает его: таков закон природы. И советует Ахиллу не роптать на судьбу, дабы не смешить других.

XVI. Диоген и Геракл

Диоген в своей обычной иронической манере спрашивает Геракла: как же это он, сын Зевса, тоже умер?! Великий атлет возражает:

«Настоящий Геракл обитает на небе, а я — только его призрак». Но Диоген сомневается, не вышло ли наоборот: сам Геракл — в царстве мертвых, а на небе — лишь его призрак.

Геракл разгневан такой дерзостью и готов покарать насмешника. Но Диоген резонно замечает: «Я уже раз умер, так что мне нечего бояться тебя». Тогда Геракл раздраженно поясняет: что было в нем от земного отца Амфитриона, то умерло (и это он, находящийся под землей), а то, что от Зевса, — то живет на небе с богами. И это не два Геракла, а единый в двух образах. Но Диоген не унимается: он уже видит не двух, а трех Гераклов. Настоящий Геракл живет на небе, его призрак — в царстве мертвых, а тело обратилось в прах. Еще более возмущенный этой софистикой, Геракл вопрошает: «Кто ты такой?!» И слышит в ответ: «Диогена Синопского призрак, а сам он живет вместе с лучшими среди мертвых и смеется над Гомером и всей этой высокопарной болтовней».

XVII. Менипп и Тантал

Тантал погибает от жажды, стоя на берегу озера: вода течет сквозь пальцы, и он не может даже смочить губ. На вопрос Мениппа, как он, давно умерший, может ощущать жажду, Тантал поясняет: в этом-то и заключается постигшая его кара: душа чувствует жажду, как будто она — тело.

XVIII. Менипп и Гермес

Попавший в царство мертвых философ Менипп просит Гермеса показать ему прославленных красавиц и красавцев и удивлен, узнав, что и Нарцисс, и Гиацинт, и Ахилл, и Елена, и Леда теперь — однообразные черепа и скелеты, не более. А то, что Елена была при жизни столь прекрасной, что ради нее приплыла к Трое тысяча кораблей с эллинами, вызывает у Мениппа лишь насмешливое удивление: неужто ахейцы не понимали: они сражаются за то, что столь кратковременно и скоро отцветает!

Но Гермес предлагает ему перестать философствовать и поскорей выбрать себе место среди прочих мертвецов.

XIX. Эак, Протесилай, Менелай и Парис

Предводитель фессалийцев Протесилай, первым из греков погибший при осаде Трои от руки Гектора, хочет задушить Елену (хотя в царстве теней это и невыполнимо и бессмысленно). Эаку он объясняет, что погиб именно из-за Елены. Но тут же соглашается, что во всем, пожалуй, виновен Менелай, увлекший эллинов под Трою. А Менелай (он, конечно, тоже здесь) все сваливает на Париса — гостя, коварно похитившего жену хозяина. Парис же просит Протесилая вспомнить, что оба они при жизни были страстно влюблены и поэтому должны понять друг друга. И Протесилай готов уже покарать Эрота, виновного во всем. Но Эак напоминает: «Ты забыл о своей молодой жене и, когда вы причалили к берегу Троады, спрыгнул с корабля раньше других, безрассудно подвергая себя опасности из одной лишь жажды славы, и поэтому погиб первым». И Протесилай приходит к выводу: виновны в его преждевременной гибели не Елена и не другие смертные, а богини судьбы Мойры.

XX. Менипп и Эак

Менипп просит Эака показать достопримечательности преисподней: ему хочется узреть самых знаменитых ее обитателей.

Философ поражен: все славные герои поэм Гомера превратились в прах — и Ахилл, и Агамемнон, и Одиссей, и Диомед, и многие другие. Но более всего привлекают его мудрецы — Пифагор, Сократ, Солон, Фалес, Питтак… Лишь они среди мертвецов не грустят: им всегда есть о чем поговорить.

Побеседовав с ними, Менипп не удерживается от упрека Эмпедокла в том, что тот, мол, бросился в кратер Этны из пустой жажды славы и немалой глупости. Зато Сократу он сообщает, что на земле все считают его достойным удивления и всячески почитают. А затем отправляется к Сарданапалу и Крезу, чтобы посмеяться, слушая их горестные вопли. Эак же возвращается к своим привратницким обязанностям.

XXI. Менипп и Кербер

Менипп просит Кербера рассказать, как входил в преисподнюю Сократ. И трехглавый пес вспоминает: достойно Сократ вел себя лишь в начале пути, а заглянув в расселину и завидя мрак, заплакал, как младенец, и стал горевать по своим детям. И все софистические принципы тут уж были забыты…

Лишь Диоген и он, Менипп, вели себя достойно: вступали в царство мертвых по собственной воле и даже со смехом. Все же остальные философы оказались не на высоте.

XXII. Харон и Менипп

Хромой перевозчик Харон требует с Мениппа обычную плату

за доставку на тот свет — один обол. Но тот не хочет платить. Ибо, кроме всего прочего, не имеет ни единой монеты. И предлагает заплатить Гермесу — доставившему его к пределам царства мертвых…

«Клянусь Зевсом, выгодно бы я устроился, если бы еще пришлось платить за мертвецов!» — восклицает вестник богов. А на упреки Харона, что он — один-единственный проплывший в царство мертвых даром, Менипп спокойно возражает: нет, не даром. Ведь он черпал воду из дырявой лодки, помогал грести и единственный из всех не плакал. Но Харон не успокаивается. И Менипп предлагает: «Тогда отвези меня обратно к жизни!» «Чтоб Эак поколотил меня за это?!» — ужасается Харон. И на его вопрос, кто это сидит у него в лодке, Гермес говорит: он бесплатно перевез мужа безгранично свободного, не считающегося ни с кем и ни с чем! Это Менипп!

XXIII. Протесилай, Плутон и Персефона

Протесилай, первым из греков погибший под Троей, умоляет Плутона отпустить его на землю только на один день: даже летейские воды не помогли ему забыть свою прекрасную супругу. А ведь по той же причине Эвридику отдали Орфею, отпустили и Алкестиду из милости к Гераклу. А кроме того, Протесилай надеется уговорить жену покинуть мир живых и вместе с мужем спуститься в преисподнюю: тогда у Плутона будет уже два мертвеца вместо одного!

В конце концов Плутон и Персефона соглашаются. Гермес возвращает Протесилаю прежний цветущий вид и выводит вечно влюбленного на землю. А вдогонку ему Плутон напоминает: «Не забудь, что я отпустил Тебя лишь на один день!»

XXIV. Диоген и Мавзол

Кариец Мавзол, галикарнасский тиран, и на том свете гордится своими завоеваниями, красотой и величиной гробницы (одним из семи чудес света: от нее и пошло название «мавзолей»). Но Диоген напоминает царю: теперь он лишен и завоеванных земель, и влияния. Что же до красоты, то теперь его голый череп трудно отличить от черепа Диогена. И стоит ли гордиться тем, что лежишь под более тяжелой каменной громадой, чем другие?!

«Значит, все это ни к чему? Мавзол будет равен Диогену?!» — восклицает тиран. «Нет, не равен, почтеннейший, совсем нет. Мавзол будет плакать, вспоминая земные блага, которыми он думал насладиться, а Диоген — смеяться над ним. Ибо после себя он оставил среди лучших людей славу человека, живущего жизнью более высокой, чем надгробие Мавзола, и основанной на более твердой почве».

XXV. Нирей, Терсит и Менипп

Воспетый Гомером красавец Нирей и урод, остроголовый горбун Терсит (высмеянный в «Илиаде») предстали перед Мениппом в царстве теней. Философ признает, что теперь они сравнялись внешне: их черепа и кости довольно схожи. «Значит, я здесь нисколько не красивей Терсита?» — обиженно вопрошает Нирей. Менипп отвечает: «И ты не красив, и никто вообще: в преисподней царит равенство, и здесь все друг другу подобны».

XXVI. Менипп и Хирон

Мудрый кентавр Хирон, воспитатель Асклепия, Ахилла, Тесея, Ясона и других великих, отказался от бессмертия в пользу Прометея. Он объясняет Мениппу, что предпочел умереть еще и потому, что ему надоело однообразие земной жизни: одно и то же солнце, луна, еда, постоянная смена времен года… Счастье не в том, что имеем всегда, а в том, что нам недоступно. В преисподней же Хирону по душе всеобщее равенство и что никто не ощущает голода и жажды.

Но Менипп предупреждает Хирона, что тот может впасть в противоречие с самим собой: в царстве теней тоже царит однообразие. А искать выход в третью жизнь уже бессмысленно. Задумавшемуся и даже приунывшему кентавру Менипп напоминает: умный довольствуется настоящим, рад тому, что имеет, и ничто ему не кажется невыносимым.

XXVII. Диоген, Антисфен и Кратет

Три философа — Диоген, Антисфен и Кратет — направляются ко входу в преисподнюю, дабы взглянуть на «новое пополнение». По дороге они рассказывают друг Другу о тех, кто прибыл сюда вместе с ними: все, независимо от положения в обществе и зажиточности, вели себя недостойно — плакали, жаловались, а некоторые даже пытались упираться. Таких Гермес взваливал себе на спину и нес силком. Зато все три философа вели себя достойно…

Вот они уже у входа. Диоген обращается к девяностолетнему старичку: «Отчего ты плачешь, если умер в столь преклонном возрасте?»

Оказывается, это полуслепой и хромой бездетный рыбак, почти нищий, отнюдь не купавшийся в роскоши. И тем не менее он убежден, что даже бедняцкая жизнь лучше смерти. А Диоген советует ему рассматривать смерть как лучшее лекарство против невзгод и старости.

XXVIII. Менипп и Тиресий

Менипп спрашивает прорицателя Тиресия, действительно ли тот при жизни побывал не только мужчиной, но и женщиной. Получив утвердительный ответ, он допытывается, в каком состоянии Тиресий чувствовал себя лучше. И, услышав, что в

женском, тут же приводит слова Медеи о мучительной тяжести женской доли. А на патетические напоминания Тиресия о превращении прекрасных женщин в птиц и деревья (Аэдона, Дафна и другие) Менипп скептически замечает, что поверит этому, лишь самолично услышав рассказы превратившихся. И даже общеизвестный пророческий дар Тиресия неугомонный скептик Менипп подвергает сомнению: «Ты лишь поступаешь как все прорицатели: обычай у вас — ничего не говорить понятного и здравого».

XXIX. Аянт и Агамемнон

Агамемнон упрекает Аянта: сам себя убив, обвиняешь в этом Одиссея, претендовавшего на доспехи Ахилла. Но Аянт упорствует: другие вожди отказались от этой награды, а вот Одиссей считал себя самым достойным. Это и послужило причиной неистового безумия Аянта: «Одиссея не могу перестать ненавидеть, Агамемнон, даже если бы сама Афина приказала мне это!»

XXX. Минос и Сострат

Судья подземного царства Минос распределяет кары и награды. Разбойника Сострата он приказывает бросить в огненный поток — Пирифлегетон. Но Сострат просит выслушать его: ведь все, что он совершал, было предопределено Мойрами. И Минос с этим соглашается. А услышав еще несколько примеров, приведенных Состратом, с досадой в душе приходит к выводу: Сострат не только разбойник, но и софист! И нехотя приказывает Гермесу: «Освободи его: наказание с него снимается». И уже обращаясь к Сострату: «Только смотри не учи других мертвых задавать такие вопросы!»

Ю. В. Шанин

Икароменипп, иди Заоблачный полет (Ikaromenippus)

Философская сатира

Менипп рассказывает Другу о своем необычайном путешествии, поражая собеседника точными данными о расстоянии от Земли до Луны, до Солнца и, наконец, до самого неба — обиталища богов Олимпийцев. Оказывается, Менипп лишь сегодня вернулся на Землю; он гостил у Зевса.

Друг сомневается: неужели Менипп превзошел Дедала, превратившись в ястреба или в галку?! Он иронизирует: «Как же, о величайший храбрец, ты не побоялся упасть в море и дать ему от своего имени название Мениппейского, как тот его сын — Икарийскому?»

Менипп давно интересовался всем, что касается природы мироздания: происхождением громов и молний, снега и града, сменой времен года, многообразием форм Луны и многим другим. Сперва он обратился к длиннобородым и бледным философам. Но каждый из них лишь оспаривал мнение других, утверждая противоположное, и требовал, чтобы верили только ему. Взяв с Мениппа немалые деньги за науку, они окатили его дождем первопричин, целей, атомов, пустот, материй, идей и прочего. Ступая лишь по земле, часто будучи немощными и даже близорукими, они хвастливо рассуждали о точных размерах Солнца, звезд и особенностях надлунного пространства. Сколько стадиев от Мегар до Афин, они не знают. Зато расстояния между светилами им якобы известны, измеряют толщину воздуха и глубину океана, окружность Земли и многое другое. Говоря о предметах далеко не ясных, они не довольствуются предположениями, но упорно настаивают на своей правоте, утверждая, например, что Луна обитаема, что звезды пьют воду, которую Солнце, словно на колодезной веревке, черпает из моря и поровну распределяет между ними.

Мениппа возмущает и противоречивость суждений философов, их «полное разномыслие» по вопросу о мире: одни утверждают, что он не создан и никогда не погибнет, другие признают Творца, но при этом не могут объяснить, откуда он явился. Нет согласия среди этих ученых по поводу конечности и бесконечности бытия, одни считают, что существует большое число миров, а другие — что этот мир единственный. Наконец один из них, далеко не миролюбивый человек, считает раздор отцом всего миропорядка. Так же одни полагают, что богов много, а другие — что бог един. А иные вообще отрицают существование богов, бросая мир на произвол судьбы, лишая его владыки и вождя.

Вконец потеряв терпение от этой сумятицы суждений, Менипп решает все выяснить самолично, поднявшись на небо. Поймав большого орла и ястреба, он отрезает у них по крылу и, учтя трагический опыт Дедала с непрочным воском, ремнями крепко привязывает крылья к плечам. После пробных полетов с акрополя смельчак облетел немалую часть Эллады и достиг Тайгета. С этой знаменитой горы Менипп летит на Олимп и, запасшись там самой легкой едой, взмывает в небо. Прорвавшись сквозь облака, он подлетел к Луне и присел на ней передохнуть и, подобно Зевсу, обозрел все известные ему земли от Эллады до Индии.

Земля показалась Мениппу очень маленькой — меньше Луны. И лишь пристально приглядевшись, он различил Колосса

Родосского и башни на Форосе. Воспользовавшись советом неизвестно откуда взявшегося на Луне философа Эмпедокла, он вспомнил, что одно крыло у него — орлиное! А ведь никто из живых существ не видит лучше орла! В тот же миг Менипп стал различать даже отдельных людей (так удивительно обострилось его зрение). Одни плыли по морю, вторые сражались, третьи обрабатывали землю, четвертые судились; видел женщин, животных и вообще все то, что «питает плодородная почва».

Увидел Менипп и то, как люди непрерывно грешат. Разврат, убийства, казни, грабежи происходили во дворцах ливийских, фракийских, скифских и прочих царей. «А жизнь частных лиц казалась еще смешней. Здесь я увидел Гермодора-эпикурейца, приносящего ложную клятву из-за тысячи драхм; стоика Агафокла, который обвинял перед судом одного из своих учеников за неуплату денег; оратора Клиния, крадущего чашу из храма Асклепия…» Словом, в разнообразной жизни землян смешалось и смешное, и трагическое, и хорошее, и плохое. Больше всего смеялся Менипп над теми, кто спорит о границах своих владений, ибо сверху вся Эллада представлялась ему «величиною пальца в четыре». С такой высоты люди казались Мениппу сродни муравьям — ведь и у муравьев, по-видимому, есть свои строители, солдаты, музыканты и философы. Тем более что по преданию, например, воинственных мирмидонян Зевс сотворил именно из муравьев.

Наглядевшись на все это и от всей души посмеявшись, Менипп полетел еще выше. На прощанье Луна просила заступиться за нее перед Зевсом. Земные философы-болтуны распространяют о Луне всякие небылицы, и это ей, признаться, надоело. Луне уже невозможно будет оставаться в этих местах, если он не сотрет в порошок философов и не заткнет рот этим болтунам. Пусть Зевс разрушит Стою, поразит громом Академию и прекратит бесконечные разглагольствования перипатетиков.

Поднявшись на крайнее небо, Менипп был встречен Гермесом, который незамедлительно доложил Зевсу о прибытии земного гостя. Царь богов милостиво принял его и терпеливо выслушал. А затем он направился к той части неба, откуда были лучше всего слышны молитвы и просьбы людей.

По дороге Зевс расспрашивал Мениппа о земных делах: почем теперь пшеница в Элладе, нужны ли обильные дожди, жив ли хоть кто-то из рода Фидия и задержаны ли ограбившие храм в Додоне. Наконец последовал вопрос; «А что обо мне думают люди?» «О тебе, владыка, их мнение самое благочестивое. Люди считают тебя царем богов».

Зевс, однако, сомневается: прошли времена, когда люди

почитали его и как верховного бога, и как пророка, и как целителя. А когда Аполлон основал в Дельфах прорицалище, Асклепий в Пергаме — лечебницу, во Фракии появился храм Бендиды, а в Эфесе — Артемиды, люди перебежали к новым богам, Зевсу же теперь лишь раз в пять лет приносят жертвы в Олимпии. И Менипп не решается ему возражать…

Сев на троне там, где он обычно выслушивал молитвы, Зевс стал поочередно снимать крышки с отверстий, напоминающих колодцы. Оттуда и доносились людские просьбы: «О Зевс, дай мне достигнуть царской власти!», «О Зевс, пусть произрастают лук и чеснок!», «О боги, да умрет мой отец как можно скорее!», «О Зевс, пусть я буду увенчан на Олимпийских состязаниях!»…

Мореплаватели просили о попутном ветре, земледельцы — о ниспослании дождя, сукновалы — о солнечной погоде. Зевс всех выслушивал и поступал по своему усмотрению.

Затем он снял крышку с другого колодца и стал слушать произносящих клятвы, а потом занялся предсказаниями и оракулами. После всего он дал указания ветрам и погодам: «Сегодня пусть будет дождь в Скифии, в Ливии пусть гремит гром, а в Элладе пусть идет снег. Ты, Борей, дуй в Лидии, а ты, Нот, оставайся спокоен».

После этого Менипп был приглашен на пир богов, где возлежал подле Пана и Карибантов — богов, так сказать, второразрядных. Деметра раздала им хлеб, Дионис вино, а Посейдон — рыбу. По наблюдениям Мениппа, сами высшие боги угощались лишь нектаром и амвросией. Наибольшую же радость им доставлял чад, поднимающийся от жертв.

Во время обеда Аполлон играл на кифаре, Силен плясал кордак, а музы пели из «Теогонии» Гесиода и одну из победных од Пиндара.

На следующее утро Зевс повелел всем богам прийти на собрание. Повод — прибытие на небо Мениппа. А раньше Зевс с неодобрением наблюдал за деятельностью некоторых философских школ (стоики, академики, эпикурейцы, перипатетики и другие): «Прикрываясь славным именем Добродетели, наморща лбы, длиннобородые, они гуляют по свету, скрывая свой гнусный образ жизни под пристойной внешностью».

Эти философы, развращая молодежь, способствуют падению нравов. Не заботясь о пользе государства и частных лиц, они осуждают поведение других, наиболее уважая тех, кто громче всех кричит и ругается. Презирая трудолюбивых ремесленников и земледельцев, они никогда не помогут бедному или больному. «Но всех их своей наглостью превосходят так называемые эпикурейцы. Понося нас, богов, безо всякого стеснения, они

доходят до того, что осмеливаются утверждать, будто боги нисколько не заботятся о человеческих делах…»

Все боги возмущены и просят немедленно покарать негодников-философов. Зевс согласен. Но вынужден отложить исполнение приговора: ближайшие четыре месяца священны — объявлен божий мир. Но уже в будущем году все философы будут безжалостно истреблены Зевесовой молнией. Что же касается Мениппа, то, хоть и встретили его тут благосклонно, решено крылья у него отнять, «…чтобы впредь он к нам больше не являлся и пусть Гермес сегодня же спустит его на Землю».

Так завершилось собрание богов. Менипп вернулся на Землю и поспешил в Керамик сообщить прогуливающимся там философам последние новости.

Ю. В. Шанин

Харитон (Charitonos) [II в. н. э.?]

Повесть о любви Херея и Каллирои (Ta peri Chaireank ai Kalliroen)

Роман

Действие первого из сохранившихся греческих романов относится к V в. до н. э. — времени наивысшего могущества Персидского царства, Пелопоннесского конфликта, греко-персидских войн и многих других исторических событий.

Прекрасная Каллироя, дочь знаменитого сиракузского стратега Гермократа (лицо историческое), и юный Херей полюбили друг друга. И хотя отец Каллирои был против этого брака, сторону влюбленных приняло… Народное собрание Сиракуз (необычная с современной точки зрения деталь!) и свадьба состоялась.

Но счастье молодоженов было недолгим. Интриги отвергнутых женихов (а их было немало у божественно красивой Каллирои) привели к тому, что ревнивый по природе Херей заподозрил жену в измене. Вспыхивает ссора, закончившаяся трагически. Надолго потерявшую сознание Каллирою родные принимают за умершую и хоронят заживо…

Богатым погребением соблазнился морской разбойник Ферон. Уже очнувшаяся к тому времени от глубокого обморока Каллироя (страшное пробуждение в собственной могиле!) попадает в плен к пиратам, которые отвозят ее в малоазийский город Милет и там продают в рабство. Ее господин — недавно овдовевший, знатный и богатый Дионисий («…главный человек в

Милете и во всей Ионии»).

Дионисий не только богат, но и благороден. Он страстно влюбляется в Каллирою и просит прекрасную рабыню стать его женой.

Но плененной сиракузянке противна даже мысль об этом, ибо она по-прежнему любит только Херея и к тому же ждет ребенка.

В этой критической ситуации (положение рабыни, которую хозяин хочет сделать госпожой) умная Каллироя после долгих колебаний притворно соглашается, но под разными благовидными предлогами свадьбу просит отложить…

Тем временем в Сиракузах обнаружена ограбленная гробница, в которой нет Каллирои. И на розыски ее отправляются экспедиции в Ливию, Италию, Ионию…

И вот в море задержана лодка с траурными предметами — украшениями из ограбленной гробницы. Тут же лежит полумертвый Ферон — главарь пиратов. Привезенный в Сиракузы, он под пытками признается в содеянном. Народное собрание единодушно приговаривает его к смертной казни: «За Фероном, когда его уводили, шла большая толпа народа. Распят он был перед могилой Каллирои: с креста смотрел он на море, по которому вез он пленницей дочь Гермократа…»

И тогда из Сиракуз в Милет направляется посольство во главе с Хереем — вызволять Каллирою из рабства. Достигнув берегов Ионии и сойдя с корабля, Херей приходит в храм Афродиты — виновницы и счастья его и несчастий. И тут он вдруг видит изображение Каллирои (принесенное в храм влюбленным Дионисием). Младшая жрица сообщает: Каллироя стала женой ионийского владыки и общей их госпожой.

…Внезапно многочисленный отряд варваров нападает на мирный корабль сиракузян. Почти все они погибли. Лишь Херей со своим верным другом Полихармом взяты в плен и проданы в рабство.

Все это не случайное стечение обстоятельств. Фока, преданный эконом Дионисия, увидав сиракузский корабль с посольством, сообразил, чем это грозит его хозяину. И направил сторожевой отряд на прибывшее судно.

…А Каллироя видит во сне плененного мужа. И, не в силах больше сдерживаться, рассказывает Дионисию, что у нее был супруг, который, вероятно, погиб.

В конце концов эконом Фока признается в содеянном: трупы сиракузян еще долго качались на кровавых волнах. Думая, что ее любимый тоже мертв, Каллироя горестно восклицает: «Гнусное море! В Милет привело ты Херея на смерть, а меня на продажу!»

…Деликатный и благородный Дионисий советует Каллирое

устроить Херею погребение (греки так делали для неизвестно где погибших — сооружали пустую гробницу «кенотаф»). И на высоком берегу близ гавани Милета воздвигается могила…

Но Каллироя не может прийти в себя и хоть немного успокоиться. А тем временем от ее небесной красоты мужчины даже падают в обморок. Так случилось, например, с карийским сатрапом Митридатом, который увидел Каллирою, будучи в гостях у Дионисия.

А именно к Митридату попадают в рабство Херей и Полихарм. И — новый поворот судьбы: за мнимое участие в бунте рабов им грозит распятие на кресте. Но по счастливому стечению обстоятельств верный Полихарм получает возможность поговорить с Митридатом, и Херея буквально в последнее мгновение снимают с креста…

Сатрап подтверждает то, что им уже известно: Каллироя — супруга Дионисия и у них даже родился сын. Но он (как и все остальные) не знает, что ребенок — не от ионийского владыки, а от Херея. Неизвестно это и несчастному отцу, который восклицает, обращаясь к сатрапу: «умоляю тебя, владыка, верни мне обратно мой крест. Вынуждая меня после такого сообщения жить, ты меня подвергаешь еще более жестокой пытке, чем крест!»

…Херей пишет Каллирое письмо, но попадает оно прямо в руки Дионисию. Тот не верит, что Херей жив: это, мол, коварный Митридат хочет смутить покой Каллирои ложными вестями о муже.

Но обстоятельства складываются так, что сам Артаксеркс, великий царь Персии, вызывает к себе Дионисия с Каллироей и Митридата для справедливого суда…

Итак, Дионисий с Каллироей едут в Вавилон к Артаксерксу в ставку царя. Туда же более кратким путем, через Армению, мчится Митридат.

По дороге сатрапы всех царских областей с почетом встречают и провожают Дионисия и его прекрасную спутницу, молва о непревзойденной красоте которой летит впереди нее.

Взволнованы, естественно, и персидские красавицы. И отнюдь не без оснований. Ибо и сам Артаксеркс с первого взгляда влюбляется в Каллирою…

Настает день царского суда. И Митридат выкладывает свой главный козырь — живого Херея, которого он привез с собой. И получается, что Дионисий хочет жениться на мужней жене?! Или рабыне?!

Но царь медлит с решением, откладывая судебное заседание со дня на день, так как все больше влюбляется в Каллирою. И его

главный евнух сообщает об этом сиракузянке. Но та делает вид, что не поняла, не верит в возможность подобного святотатства: при живой царице Сострате царь делает ей такое неприличное предложение?! Нет, евнух определенно что-то путает: он неправильно понял Артаксеркса.

Кстати, именно Сострате поручено царем опекать Каллирою и, благодаря мудрому и тактичному поведению последней, женщины успели даже подружиться.

…А отчаявшийся Херей уже не раз собирался покончить счеты с жизнью. Но всякий раз его спасает верный Полихарм.

Тем временем старший евнух Артаксеркса уже открыто начинает угрожать Каллирое, так и не соглашающейся ответить на чувство великого царя…

«Но все расчеты и всяческие любезные разговоры быстро изменила Судьба, нашедшая повод к развитию совершенно новых событий. Царем было получено донесение о том, что отпал от него Египет, собравший огромную военную силу…»

Войска персидского царя, срочно выступив из Вавилона, переходят Евфрат и идут навстречу египтянам. В составе персидского войска и отряд Дионисия, который хочет на поле боя заслужить благосклонность Артаксеркса.

Каллироя тоже едет в многочисленной царской свите, тогда как Херей уверен, что она осталась в Вавилоне, и разыскивает ее именно там.

Но нет предела коварству влюбленных в Каллирою мужчин. Специально подученный (и предусмотрительно оставленный в Вавилоне) человек сообщил Херею, что в награду за верную службу царь уже отдал Каллирою в жены Дионисию. Хотя такого не было, царь сам все же надеялся завоевать благосклонность сиракузской красавицы.

…А в это время Египтянин брал город за городом. И впавший в отчаяние Херей, которому была возвращена свобода, собрав отряд преданных соотечественников, переходит на египетскую сторону. В результате блистательной военной операции он овладевает неприступным до того финикийским городом Тир…

Артаксеркс решает ускорить движение своего огромного войска и, чтобы дальше двигаться налегке, всю свиту с Состратой во главе (а вместе с ней и Каллирою) оставляет в крепости на острове Арад.

А победоносный Египтянин, покоренный военными талантами Херея, назначает его наварxом, поставив во главе всего флота.

…Но военное счастье переменчиво. Персидский царь бросает в бой новые и новые войска. И все решил молниеносный удар

отряда Дионисия, который убивает Египтянина и подносит его голову Артаксерксу. В награду за это царь разрешает ему наконец стать мужем Каллирои…

А Херей тем временем разгромил персов на море. Но ни те, ни другие не знают о взаимных успехах и поражениях и каждый считает себя полным победителем.

…Наварх Херей со своим флотом осадил Арад, еще не зная, что там — его Каллироя. И Афродита наконец смилостивилась над ними: многострадальные супруги встречаются.

Всю ночь проводят они в жарких объятиях и рассказывают друг другу обо всем, что приключилось с ними за время разлуки. И Херей начинает жалеть, что изменил благородному (так он полагает) персидскому царю. Но что ж делать дальше?! И, посовещавшись с соратниками, Херей принимает оптимальное решение: плыть домой в родные Сиракузы! А царицу Сострату со всей свитой Херей с почетом (и с надежной охраной) отправляет на корабле к царю Артаксерксу с письмом, где все объясняет и за все благодарит. И Каллироя пишет слова признательности благородному Дионисию, чтобы хоть как-то его утешить.

…С берега Сиракузской гавани жители с тревогой следят за при

ближением неизвестного флота. Среди молчаливых наблюдателей — и стратег Гермократ.

На палубе флагманского корабля стоит роскошный шатер, И когда полог его наконец поднимается, стоящие на пристани вдруг видят Херея и Каллирою!

Радость уже отчаявшихся за долгие месяцы неизвестности родителей и всех сограждан беспредельна. И Народное собрание требует, чтобы Херей рассказал обо всем, что пережили они с Каллироей вместе и поодиночке. Его рассказ вызывает у присутствующих самые разноречивые чувства — и слезы, и радость. Но в итоге — радости оказывается больше…

Три сотни греческих воинов, самоотверженно сражавшихся под началом Херея, получают почетное право стать гражданами Сиракуз.

А Херей и Каллироя публично благодарят верного Полихарма за безграничную преданность и поддержку в тяжких испытаниях. Печалит лишь то, что сын их остался в Милете у Дионисия. Но все верят: со временем мальчик с почетом прибудет в Сиракузы.

Каллироя идет в храм Афродиты и, обняв ноги богини и целуя их, говорит: «Благодарю тебя, Афродита! Ты вновь дала мне узреть Херея в Сиракузах, где и девушкой увидела я его по твоей же воле. Не ропщу на тебя за испытанные мною страдания, владычица: суждены мне были они Судьбою. умоляю тебя я:

никогда меня больше не разлучай с Хереем, но даруй нам счастливо вместе жить и умереть обоим нам одновременно».

Ю. В. Шанин

Лонг (Longos) [III в. до н. э.?]

Дафнис и Хлоя (Daphnisk ai Chloe)

Роман-идиллия

Действие происходит на хорошо знакомом грекам острове Лесбосе в Эгейском море, и даже не на всем острове, а в одной только деревне на его окраине.

Жили там два пастуха, один козопас, другой овцевод, один раб, другой свободный. Однажды козопас увидел: коза его кормит подкинутого ребенка — мальчика, а при нем пеленка пурпурная, застежка золотая и ножичек с рукояткой из слоновой кости. Он его усыновил и назвал Дафнисом. Прошло немного времени, и овцевод тоже увидел: овца его кормит подкинутого ребенка — девочку, а при ней повязка, шитая золотом, золоченые туфельки и золотые браслеты. Он ее удочерил и назвал Хлоею. Они выросли, он — красавцем, она — красавицею, ему пятнадцать, ей тринадцать, он пас своих коз, она своих овец, вместе резвились, дружили, «и можно б скорее увидеть, что овцы и козы врозь пасутся, чем встретить порознь Дафниса с Хлоею».

Было лето, и случилась с Дафнисом беда: он оступился, попал в волчью яму и чуть не погиб. Хлоя кликнула соседа, молодого пастуха-волопаса, и вдвоем они вытащили Дафниса из ямы. Он не расшибся, но был весь в земле и грязи. Хлоя повела его к ручью и, пока он купался, увидела, какой он красивый, и почувствовала в себе что-то странное: «Больна я, а чем — не знаю; не ранена, а сердце болит; сижу в тени, а вся пылаю». Слова «любовь» она не знала, но, когда сосед-волопас поспорил с Дафнисом, кто красивей, и они решили, чтобы Хлоя поцеловала того, кто ей больше нравится, то Хлоя сразу поцеловала Дафниса. И после этого поцелуя Дафнис тоже почувствовал в себе что-то странное: «Дух у меня захватило, сердце выскочить хочет, тает душа, и все же опять хочу я ее поцелуя: уж не зелье ли какое было на Хлоиных губах?» Слова «любовь» он тоже не знал.

Пришла осень, настали виноградные праздники, Дафнис и Хлоя веселились вместе со всеми, и тут подошел к ним старик пастух. «Было мне видение, — сказал он, — явился мне Эрот-малютка с колчаном и луком и молвил: «Помнишь ли, как я пас тебя с твоею невестою? а теперь пасу я Дафниса и Хлою». «А кто такой Эрот?» — спрашивают подростки. «Эрот — бог любви, сильнее самого Зевса; царит он над миром, над богами, людьми и скотиною; нет от Эрота лекарства ни в питье, ни в еде, ни в заговорах, одно только средство — целоваться, обниматься и нагими, прижавшись, на земле лежать». Задумались Дафнис и

Хлоя и поняли, что странные их томления — от Эрота. Одолевши робость, стали они друг с другом целоваться, а потом и обниматься, а потом и нагими на земле лежать, но томление не проходило, а что делать дальше, они не знали.

Тут случилась беда уже с Хлоею: молодые богатые бездельники из соседнего города, повздорив с поселянами, напали на них, угнали стадо и похитили с ним красавицу пастушку. Дафнис в отчаянии взмолился к сельским богам — нимфам и Пану, и Пан напустил на похитителей свой «панический ужас»: оплел награбленное плющом, велел козам выть по-волчьи, пустил по земле огонь, а по морю шум. Испуганные злодеи тотчас возвратили добычу, воссоединившиеся влюбленные поклялись друг другу в верности — «этим стадом клянусь и козою, что вскормила меня: никогда не покину я Хлою!» — а старый пастух играл им на свирели и рассказывал, как когда-то бог Пан был влюблен в нимфу, а она от него убежала и превратилась в тростник, и тогда он из тростинок сделал вот такую свирель с неравными стволами, потому что неравной была их любовь.

Прошла осень, прошла зима, ледяная и снежная, пришла новая весна, а любовь Дафниса и Хлои продолжалась — все такая же невинная и мучительная. Тут подсмотрела за ними жена соседнего помещика, молодая и лукавая. Дафнис ей понравился, увела она его на укромную поляну и сказала ему: «Знаю я, чего не хватает вам с Хлоею; если и ты хочешь это узнать — стань моим учеником и делай все, что я скажу». И когда легли они вместе, то она и сама природа научили Дафниса всему, чему нужно. «Только помни, — сказала она на прощанье, — мне-то это в радость, а Хлое в первый раз будет и стыдно, и страшно, и больно, но ты не бойся, потому что так уж природою положено». И все-таки Дафнис побоялся сделать Хлое больно, и поэтому любовь их тянулась по-прежнему — в поцелуях, ласках, объятиях, нежной болтовне, но и только.

Наступило второе лето, и к Хлое начали свататься женихи. Дафнис в горе: он ведь раб, а они — свободные и зажиточные. Но на помощь ему пришли добрые сельские нимфы: во сне указали юноше, где найти богатый клад. Хлоины приемные родители рады, Дафнисовы тоже. И решили они: когда осенью помещик будет объезжать свое имение, просить его согласиться на свадьбу.

Наступила за летом осень, появился помещик, а при нем развратный и хитрый приживал. Красавец Дафнис ему понравился, и он выпросил его у хозяина: «Красоте покорен всякий: влюбляются даже в дерево, в реку и в дикого зверя! Вот и я люблю тело раба, но красоту — свободного!» Неужели свадьбе

не бывать? Тут старик, приемный отец Дафниса, бросился хозяину в ноги и рассказал, как нашел когда-то этого младенца в богатом уборе: может быть, на самом деле он свободнорожденный и нельзя его продавать и дарить? Помещик смотрит: «О боги, не те ли это вещи, что когда-то мы с женой оставили при сыне, которого подбросили, чтобы не дробить наследства? А теперь наши дети умерли, мы горько раскаиваемся, просим у тебя прощения, Дафнис, и зовем вновь в отцовский дом». И он забрал юношу с собою.

Теперь Дафнис богат и знатен, а Хлоя — бедная, как была: не расстроится ли свадьба, не отвергнет ли помещик такую невестку? Выручает все тот же приживал: он боится, чтоб хозяин не разгневался на него из-за Дафниса, и поэтому сам уговорил его не мешать соединению влюбленных. Девушку повели в барский дом, там — пир, на пиру — окрестные богачи, один из них увидел Хлою, увидел у нее в руках ее детскую повязку и узнал в ней свою дочь: когда-то он разорился и бросил ее от бедности, а теперь разбогател и вновь обрел свое дитя. Справляют свадьбу, на ней — все гости, и далее отвергнутые Хлоей женихи, и даже та красавица, что когда-то научила Дафниса любви. Новобрачных ведут в опочивальню, «и тогда-то узнала Хлоя, что все, чем в дубраве они занимались, были только шутки пастушьи».

Они живут долго и счастливо, детей их вскармливают козы и овцы, а нимфы, Эрот и Пан радуются, любуясь на их любовь и согласие.

М. Л. Гаспаров

Гелиодор (Heliodorus) [III в. до н. э.]

Эфиопика (Aethiopica)

Роман

Уроженец Финикии из города Эмесса (эллинизированного и преимущественно с греческим населением), Гелиодор имел духовный сан. Известно: местный синод, полагая, что «Эфиопика» развращает молодежь, потребовал от Гелиодора сжечь свою книгу публично или отказаться от священнослужения. И Гелиодор предпочел второе.

Предположительно события романа относятся к V или IV в. до н. э. Место первоначального действия — Северная Африка (Египетское побережье).

Прекрасная Хариклея и могучий красавец Теаген полюбили

друг друга и тайно обручились. Но судьба приготовила им немало тяжких испытаний. Молодым эллинам приходится бежать из Дельф, где они встретились и познакомились на Пифийских играх (священные торжества, посвященные Аполлону).

В начале романа они попадают в плен к египетским разбойникам из воинственного племени буколов (волопасов) и знакомятся со своим соотечественником — афинянином Кнемоном. Тоже пленник, он становится не только переводчиком, но и верным спутником Теагена и Хариклеи.

Кнемон тоже вынужден был покинуть родину, боясь мести безответно влюбленной в него мачехи.

Благородная красота Теагена и Хариклеи столь возвышенна, что волопасы сперва принимают их за небожителей. Предводитель разбойников Тиамид влюбляется в эллинку и, традиционно считая ее своей добычей, собирается жениться на Хариклее.

Сын мемфисского пророка Тиамид стал предводителем разбойников лишь из-за козней младшего брата, отобравшего у него право на потомственное священнослужительство.

А во время описываемых событий, как человек благородный, он сзывает народ на собрание и обращается к соратникам по разбою с просьбой отдать ему прекрасную эллинку взамен положенной части захваченных богатств: «…не из потребности в наслаждениях, а ради потомства будет у меня эта пленница — так я решил <…> Прежде всего она благородного происхождения, думается мне. Сужу об этом по найденным у нее драгоценностям и по тому, как она не поддалась постигшим ее бедам, но сохраняет то же духовное благородство, что и в прежней своей доле. Затем, я чувствую в ней душу добрую и целомудренную. Если благообразием она побеждает всех женщин, если стыдливостью взора вызывает уважение у всех, кто ее видит, разве не естественно, что она заставляет всех хорошо думать о себе? Но вот что важнее всего сказанного: она мне кажется жрицей какого-то бога, так как сбросить священные одеяния и венец она даже в несчастье считает чем-то ужасным и недозволенным. Призываю всех присутствующих судить, может ли быть чета более подходящая, чем муж из рода пророков и девушка, посвященная божеству?»

Народ одобряет его решение. А умная и дальновидная Хариклея тоже не перечит. Ведь она действительно жрица Артемиды, избранная по жребию на год. А Теаген (его она из соображений безопасности выдает за своего брата) служит Аполлону.

Хариклея лишь просит подождать со свадьбой, пока они

прибудут в город, где есть алтарь или храм Аполлона или Артемиды, чтобы там сложить с себя жречество. Тиамид и народ соглашаются с ней. Тем более что они готовятся штурмовать Мемфис, где сыграть свадьбу будет приличней и достойней, чем тут, в логове разбойников.

Но внезапно на них нападает другой, более многочисленный отряд, прельщенный не только богатой наживой: оставшийся в Мемфисе Петосирид, младший брат Тиомида, жаждет обезвредить претендента на жреческий пост, пообещав за его поимку большую награду. В неравном бою Тиамид захвачен в плен. А все, что есть на острове разбойников, предано огню.

Чудом уцелевшим Теагену и Хариклее вместе с Кнемоном удается бежать (из пещеры, где они скрывались) с болотистого острова волопасов. После очередных приключений эллины встречают благородного старца — египтянина Каласирида из Мемфиса.

В свое время, дабы не поддаться искушению (внезапно вспыхнувшая страсть к прекрасной фракиянке), Каласирид, главный пророк храма Исиды в Мемфисе, отправляется в добровольное изгнание и попадает в Элладу, в священный город Дельфы. Там он, принятый ласково и благосклонно, знакомится с эллинскими мудрецами, которые видят в нем собрата по духу и знаниям.

Один из дельфийских мудрецов Харикл поведал Каласириду, как в трудные годы он тоже скитался по разным городам и странам. Побывал и в Египте. Там, у нильских порогов, в городе Катадупы он при таинственно-романтических обстоятельствах становится приемным отцом божественно прекрасной девочки: ее доверил ему эфиопский посол, прибывший в город для переговоров с персидским сатрапом о правах на владение смарагдовыми копями: из-за них у персов с эфиопами шел давний спор…

Получил Харикл и несколько драгоценных предметов, бывших при девочке. На шелковой ленте были искусно вытканы эфиопские письмена, из коих явствовало: Хариклея — дочь эфиопского царя Ги-даспа и царицы Персинны. Долго не было у них детей. Наконец Персинна забеременела и родила… белокожую девочку. А случилось так потому, что она перед родами постоянно любовалась изображением Андромеды — мифической царевны, спасенной Персеем от морского чудовища. А именно Персея с Андромедой, наряду с другими богами и героями, эфиопы считали своими родоначальниками…

Небезосновательно опасаясь, что, увидя белое дитя, Гидасп заподозрит ее в измене, Персинна передала дочь надежному

человеку, снабдив предусмотрительно вещами, по которым ребенка можно было бы опознать.

Итак, выросшая и расцветшая в Дельфах Хариклея посвящает себя Артемиде. И лишь вспыхнувшая любовь к Теагену помогает прекрасной жрице отказаться от вечного девства. Она соглашается стать невестой. Да, пока лишь невестой, но не женой. Именно такая целомудренная любовь на уровне объятий и поцелуев — духовный стержень всего романа.

Каласириду в вещем сне Аполлон и Артемида поручают принять на себя опеку над прекрасной четой и возвратиться вместе с ними на родину: «…будь им спутником, считай их наравне со своими детьми и изведи их от египтян туда и так, как это угодно богам».

Есть и еще одна движущая пружина сюжета: Каласирид, оказывается, отец благородного жреца-разбойника Тиамида и коварного Петосирида.

Меж тем Харикл в Дельфах мечтает выдать Хариклею за своего племянника Алкамена. Но девушке противен даже вид его. Она любит лишь Теагена.

Повинуясь повелениям богов и собственному желанию, Каласирид (между прочим, именно он помог Теагену и Хариклее открыться друг другу) вместе с прекрасными обрученными бежит на корабле из Эллады в Египет…

Тиамид после жестоких испытаний и боев возвращается наконец в Мемфис, а Каласирид обнимает невольно примирившихся сыновей, старший из которых заслуженно занимает место пророка в храме Исиды…

Тем временем, победив войско персидского сатрапа Ороондата, возглавляемые Гидаспом эфиопы даруют милостивый мир побежденным, захватив несметные сокровища. А самым главным их трофеем явилась богоподобная чета: уже в который раз Теаген и Хариклея становятся пленниками. Но эфиопы смотрят на них с обожанием: красота покоряет всех независимо от образа жизни и цвета кожи. Однако рядом с прекрасным соседствует ужасное: Теаген и Хариклея должны быть принесены в жертву богам победителей.

Но девушка свято верит, что, когда состоится долгожданная встреча, родители не отрекутся от дочери даже ради священных обычаев своего народа.

…Победители и пленники — уже в эфиопской столице Мерое. Еще ничего не знающая Персинна поражена видом прекрасной эллинки: «Если бы дано было уцелеть единственный раз зачатой мною и горестно погибшей дочери, ей было бы, пожалуй, столько же лет, как и этой».

Смело восходит Хариклея на пылающий жертвенник. И огонь отступает, свидетельствуя о ее непорочности. Так же доказал свою чистоту и Теаген. И тогда против этого прекрасного и одновременно ужасного жертвоприношения восстают сначала мудрецы-гимнософисты, а затем и весь народ.

Хариклея неожиданно для всех требует суда: дозволено приносить в жертву чужестранок, но не местных уроженок! И тут же предъявляет драгоценную повязку с историей своего рождения и перстень самого Гидаспа.

Присутствующий тут же мудрец Сисимитр признается, что это он, будучи эфиопским послом в Египте, передал маленькую Хариклею эллину Хариклу. Тут слуги приносят картину, изображающую Андромеду и Персея, и все потрясены сходством реальной и мифической царевен.

Но еще не решена судьба Теагена. Он блистательно выдерживает два нежданных испытания: укрощает взбесившегося жертвенного быка и побеждает в поединке огромного и хвастливого эфиопского борца. Хариклея открывает наконец матери, что Теаген — ее муж. А Сисимитр напоминает, что и боги выражают свою волю вполне определенно: они вселили страх и смятение в стоявших перед алтарями коней и быков и тем дали понять, что всецело отвергнуты жертвы, считавшиеся совершенными. И восклицает: «Так приступим же к жертвам более чистым, отменив человеческие жертвоприношения на вечные времена!» И заключает: «А эту чету связываю законами брачными и дозволяю им соединиться узами для деторождения!»

Затем, уже полностью прозревший и смягчившийся, Гидасп возлагает на головы молодых и священные венцы — знаки жречества (раньше их носили он и Персинна). И вот заключительные слова романа: «Такое завершение получила эфиопская повесть о Теагене и Хариклее. Ее сочинил муж финикиянин из Эмесы, из рода Гелиоса, сын Теодосия Гелиодор».

Ю. В. Шанин

Аполлоний Родосский (ApolloniosRhodios) [ок. 295 — ок. 215 до н. э.]

Аргонавтика (Argonautica)

Героическая поэма

В Греции было много мифов о подвигах отдельных героев, но только четыре — о таких подвигах, на которые дружно сходились

герои из разных концов страны. Последним была Троянская война; предпоследним — поход Семерых против Фив; перед этим — Калидонская охота на исполинского вепря во главе с героем Мелеагром; а самым первым — плавание за золотым руном в далекую кавказскую Колхиду на корабле «Арго» во главе с героем Ясоном. «Аргонавты» — значит «плывущие на «Арго».

Золотое руно — это шкура священного золотого барана, ниспосланного богами с небес. У одного греческого царя были сын и дочь по имени Фрикс и Гелла, злая мачеха задумала их погубить и подговорила народ принести их в жертву богам; но возмущенные боги ниспослали им золотого барана, и он унес брата и сестру далеко за три моря. Сестра утонула в пути, по ее имени стал называться пролив, нынешние Дарданеллы. А брат достиг Колхиды на восточном краю земли, где правил могучий царь Эет, сын Солнца. Золотого барана принесли в жертву Солнцу, а шкуру его повесили на дерево в священной роще под охраной страшного дракона.

Об этом золотом руне вспомнили вот по какому случаю. В Северной Греции был город Иолк, за власть над ним спорили двое царей, злой и добрый. Злой царь сверг доброго. Добрый царь поселился в тиши и безвестности, а сына своего Ясона отдал в обучение мудрому кентавру Хирону — получеловеку-полуконю, воспитателю целой череды великих героев вплоть до Ахилла. Но боги правду видели, и Ясона взяли под свое покровительство богиня-царица Гера и богиня-мастерица Афина. Злому царю было предсказано: его погубит человек, обутый на одну ногу. И такой человек пришел — это был Ясон, Говорили, будто в пути ему встретилась старуха и попросила перенести ее через реку; он перенес ее, но одна его сандалия осталась в реке. А старуха эта была сама богиня Гера.

Ясон потребовал, чтобы царь-захватчик вернул царство законному царю и ему, Ясону-наследнику. «Хорошо, — сказал царь, — но докажи, что ты этого достоин. Фрикс, бежавший в Колхиду на златорунном баране, — наш дальний родич. Добудь из Колхиды золотое руно и доставь в наш город — тогда и царствуй!» Ясон принял вызов. Мастер Арг, руководимый самой Афиною, стал строить корабль о пятидесяти веслах, названный его именем. А Ясон кинул клич, и со всей Греции к нему стали собираться герои, готовые в плавание. Перечнем их начинается поэма.

Почти все они были сыновьями и внуками богов. Сыновьями Зевса были близнецы Диоскуры, конник Кастор и кулачный боец Полидевк. Сыном Аполлона был песнопевец Орфей, способный пением останавливать реки и вести хороводом горы. Сыновьями

Северного ветра были близнецы Бореады с крыльями за плечами. Сыном Зевса был спаситель богов и людей Геракл, величайший из героев, с юным оруженосцем Гиласом. Внуками Зевса были богатырь Пелей, отец Ахилла, и богатырь Теламон, отец Аякса. А за ними шли и Аргкорабел, и Тифий-кормчий, и Анкей-мореход, одетый в медвежью шкуру — отец спрятал его доспехи, надеясь удержать его дома. А за ними — многие-многие другие. Главным предложили стать Гераклу, но Геракл ответил: «Нас собрал Ясон — он и поведет нас». Принесли жертвы, взмолились богам, в пятьдесят плеч сдвинули корабль с берега в море, Орфей зазвенел песнею о начале неба и земли, солнца и звезд, богов и титанов, — и, вспенивая волны, корабль двигается в путь. А вслед ему смотрят боги со склонов гор, и кентавры со старым Хироном, и младенец Ахилл на руках у матери.

Путь лежал через три моря, одно другого неведомей.

Первое море было Эгейское. На нем был огненный остров Лемнос, царство преступных женщин. За неведомый грех боги наслали на жителей безумие: мужья бросили своих жен и взяли наложниц, жены перебили своих мужей и зажили женским царством, как амазонки. Незнакомый огромный корабль пугает их; надев доспехи мужей, они собираются на берегу, готовые дать отпор. Но мудрая царица говорит: «Примем мореходов радушно: мы дадим им отдых, они дадут нам детей». Безумие кончается, женщины привечают гостей, разводят их по домам — Ясона принимает сама царица, о ней еще будут сложены мифы, — и на много дней задерживаются у них аргонавты. Наконец трудолюбивый Геракл объявляет: «Делу время, потехе час!» — и поднимает всех в путь.

Второе море было Мраморное: дикие леса на берегу, дикая гора неистовой Матери Богов над лесами. Здесь у аргонавтов были три стоянки. На первой стоянке они потеряли Геракла, Юный друг его Гилас пошел за водой, склонился с сосудом над ручьем; заплескались нимфы ручья, восхищенные его красотой, старшая из них поднялась, вскинула руки ему на шею и увлекла его в воду. Геракл бросился его искать, аргонавты тщетно ждали его целую ночь, наутро Ясон приказал отплывать. Возмущенный Теламон крикнул: «Ты просто хочешь избавиться от Геракла, чтобы слава его не затмила твоей!» Начиналась ссора, но тут из волн поднял огромную косматую голову вещий бог, Морской Старик. «Вам судьба плыть дальше, — сказал он, — а Гераклу — вернуться к тем трудам и подвигам, которых не совершит никто другой».

На следующей стоянке навстречу им вышел дикий богатырь, варварский царь, сын морского Посейдона: всех проезжающих он

вызывал на кулачный бой, и никто не мог против него выстоять. От аргонавтов вышел против него Диоскур Полидевк, сын Зевса против сына Посейдона. Варвар силен, эллин ловок — жестокий бой был недолгим, царь рухнул, его люди бросились к нему, был бой, и враги разбежались, побежденные.

Проучив надменного, пришлось прийти на помощь слабому. На последней стоянке в этом море аргонавты встретились с дряхлым царем-прорицателем Финеем. За давние грехи — а какие, *уж* никто и не помнит, рассказывают по-разному, — боги наслали на него зловонных чудовищных птиц — гарпий. Едва сядет Финей за стол, налетают гарпии, набрасываются на еду, что не съедят, то изгадят, а царь иссыхает от голода. Помочь ему вышли крылатые Бореады, дети ветра: они налетают на гарпий, преследуют их по небу, изгоняют на край света — и благодарный старец дает аргонавтам мудрые советы: как плыть, где останавливаться, как спасаться от опасностей. А главная опасность уже рядом.

Третье море перед аргонавтами — Черное; вход в него — меж плавучих Синих скал. Окруженные кипящей пеной, они сшибаются и расходятся, сокрушая все, что попадает между ними. Финей велел:

«Не бросайтесь вперед: выпустите сперва птицу-горлинку — если пролетит, то и вы проплывете, если же раздавят ее скалы, то поворачивайте назад». Выпустили горлинку — она проскользнула между скал, но не совсем, скалы сшиблись и вырвали несколько белых перьев из ее хвоста. Думать было некогда, аргонавты налегли на весла, корабль летит, скалы уже сдвигаются, чтобы раздавить корму, — но тут они чувствуют мощный толчок, это сама Афина незримой рукой подтолкнула корабль, и вот он уже в Черном море, а скалы за их спиною остановились навеки и стали берегами пролива Босфор.

Здесь постигла их вторая утрата: умирает кормчий Тифий, вместо него править берется Анкей в медвежьей шкуре, лучший моряк из выживших. Он ведет корабль дальше, по совсем диковинным водам, где сам бог Аполлон шагает с острова на остров на глазах у людей, где купается Артемида-Луна, прежде чем взойти на небо. Плывут мимо берега амазонок, которые живут без мужей и вырезают себе правую грудь, чтобы легче бить из лука; мимо домов Кузнечного берега, где живут первые на земле железоделы; мимо гор Бесстыжего берега, где мужчины с женщинами сходятся, как скоты, не в домах, а на улицах, и неугодных царей заточают в темницы и морят голодом; мимо острова, над которым кружатся медные птицы, осыпая смертельные перья, и от них нужно защищаться щитами над

головой, как черепицей. И вот впереди уже видны Кавказские горы, и слышен стон распятого на них Прометея, и бьет в парус ветер от крыл терзающего титана орла — огромнее самого корабля. Это Колхида.

Путь пройден, но главное испытание впереди. Герои об этом не знают, но знают Гера и Афина и думают, как их спасти. Они идут за помощью к Афродите, богине любви: пусть ее сын Эрот внушит колхидской царевне, волшебнице Медее, страсть к Ясону, пусть она поможет возлюбленному против отца. Эрот, крылатый мальчишка с золотым луком и роковыми стрелами, в саду небесного дворца сидит на корточках и играет в бабки с приятелем, юным виночерпием Зевса: жульничает, выигрывает и злорадствует. Афродита сулит ему за услугу игрушку — чудо-мяч из золотых колец, которым играл когда-то младенец Зевс, когда скрывался на Крите от злого отца своего Крона. «Дай сразу!» — просит Эрот, а она его гладит по головке и говорит: «Сперва сделай свое дело, а уж я не забуду». И Эрот летит в Колхиду. Аргонавты уже входят во дворец царя Эета — он огромен и пышен, по углам его четыре источника — с водой, вином, молоком и маслом. Могучий царь выходит навстречу гостям, поодаль за ним — царица и царевна. Встав у порога, маленький Эрот натягивает свой лук, и стрела его без промаха попадает в сердце Медеи: «Онеменье ее охватило — / Прямо под сердцем горела стрела, и грудь волновалась, / В сладкой таяла муке душа, обо всем позабывши, / Взоры, блестя, стремились к Ясону, и нежные щеки / Против воли ее то бледнели, то снова краснели».

Ясон просит царя вернуть грекам золотое руно — если нужно, они отслужат ему службою против любого врага. «С врагами я справлюсь и один, — надменно отвечает сын Солнца. — А для тебя у меня испытание другое. Есть у меня два быка, медноногих, медногорлых, огнедышащих; есть поле, посвященное Аресу, богу войны; есть семена — драконовы зубы, из которых вырастают, как колосья, воины в медных доспехах. На заре я запрягаю быков, утром сею, вечером собираю жатву, — сделай то же, и руно будет твое». Ясон принимает вызов, хоть и понимает, что для него это смерть. И тут-то мудрый Арг говорит ему: «Проси помощи у Медеи — она волшебница, она жрица подземной Гекаты, ей ведомы тайные зелья: если она не поможет тебе, то никто не поможет».

Когда послы аргонавтов приходят к Медее, она сидит без сна в своем тереме: страшно предать отца, страшно погубить прекрасного гостя. «Стыд ее держит, а дерзкая страсть идти заставляет» навстречу возлюбленному. «Сердце в груди у нее от волнения часто стучало, / Билось, как солнечный луч,

отраженный волною, и слезы / Были в очах, и боль огнем разливалась по телу: / То говорила она про себя, что волшебное зелье / Даст, то опять, что не даст, но и жить не останется тоже».

Медея встретилась с Ясоном в храме Гекаты. Зелье ее называлось «Прометеев корень»: растет он там, где падают на землю капли крови Прометея, и когда его срезают, то земля вздрагивает, а титан на скале испускает стон. Из этого корня сделала она мазь. «Натрись ею, — сказала она, — и огонь медных быков не обожжет тебя. А когда из драконьих зубов в бороздах прорастут медные латники — возьми каменную глыбу, брось в их гущу, и они перессорятся и перебьют друг друга. Тогда возьми руно, скорее уезжай — и помни Медею». «Спасибо тебе, царевна, но уеду я не один — ты поедешь со мною и станешь моею женой», — ответил ей Ясон.

Он выполняет наказ Медеи, становится могуч и неуязвим, гнет быков под ярмо, засевает поле, не тронутый ни медью, ни огнем. Из борозд появляются воины — сперва копья, потом шлемы, потом щиты, блеск встает до небес. Он бросает в гущу их камень, большой, как жернов, четверым не поднять, — между воинами начинается побоище, а выживших он посекает сам, как жнец на жатве. Аргонавты торжествуют победу, Ясон ждет себе награду — но Медея чувствует: скорее царь перебьет гостей, чем отдаст им сокровище. Ночью бежит она к Ясону, взяв с собой только свои чудодейственные травы: «Идем за руном — только мы двое, другим нельзя!» Они входят в священный лес, на дубе сияет руно, вокруг кольцами свился бессонный дракон, змеиное тело его ходит волнами, шипенье разносится до дальних гор. Медея запевает заклинания, и волны его извивов становятся все тише, все спокойнее; Медея можжевеловой ветвью касается глаз дракона, и веки его смыкаются, пасть опускается на землю, тело вытягивается вдаль меж деревьями леса. Ясон срывает с дерева руно, блистающее, как молния, они всходят на корабль, скрытый у берега, и Ясон рубит причалы.

Начинается бегство — окольным путем, по Черному морю, по северным рекам, чтобы сбить с пути погоню. Во главе погони — брат Медеи, молодой наследник Эета; он догоняет аргонавтов, он перерезает им путь, он требует: «Руно — вам, но царевну — нам!» Тогда Медея вызывает брата на переговоры, он выходит один — и гибнет от руки Ясона, а греки громят лишенных вождя колхидян. Умирая, он брызжет кровью на одежду сестры — теперь на Ясоне и аргонавтах грех вероломного убийства. Боги гневаются: буря за бурей обрушиваются на корабль, и наконец корабль говорит пловцам человечьим голосом: «Не будет вам пути, пока не очистит вас от скверны царица-волшебница Кирка, дочь Солнца,

западная сестра восточного колхидского царя». Царь Эет правил там, где восходит Солнце, царица Кирка — там, где оно закатывается: аргонавты плывут на противоположный край света, туда, где поколение спустя побывает Одиссей. Кирка совершает очищение — приносит в жертву свинью, ее кровью смывает с убийц кровь убитого, — но помогать отказывается: не хочет ни брата гневить, ни племянника забыть.

Аргонавты блуждают по неведомым западным морям, по будущим Одиссеевым местам. Они проплывают Эоловы острова, и царь ветров Эол по просьбе Геры посылает им попутный ветер. Они подплывают к Скилле и Харибде, и морская богиня Фетида — мать Ахилла, жена аргонавта Пелея — вздымает корабль на волне и перекидывает через морскую теснину так высоко, что ни то, ни другое чудовище не может до них дотянуться. Они слышат издали чарующее пение Сирен, заманивающих моряков на утесы, — но Орфей ударяет в струны, и, заслушавшись его, аргонавты не замечают певчих хищниц. Наконец они доплывают до счастливой страны феаков — и неожиданно сталкиваются здесь со второй колхидской погоней. «Верните нам Медею!» — требуют преследователи. Мудрый феакийский царь отвечает: «Если Медея — беглая дочь Эета, то она ваша. Если Медея — законная жена Ясона, то она принадлежит мужу, и только ему». Тотчас втайне от преследователей Ясон и Медея справляют долгожданную свадьбу — в феакийской священной пещере, на ложе, сияющем золотым руном. Аргонавты уплывают дальше, а погоня остается ни с чем.

Уже совсем немного осталось до родных берегов, но тут на аргонавтов обрушивается последнее, самое тяжкое испытание. Разражается буря, девять суток она носит корабль по всем морям и забрасывает его в мертвый залив на краю пустыни у берега Африки, откуда нет выхода судам: путь загораживают мели и течения. Одолев море и привыкнув к воде, герои успели отвыкнуть от суши — даже кормчий Анкей, проведший судно сквозь все бури, не знает отсюда пути. Путь указывают боги: из волн выносится морской конь с золотой гривой и мчится через степь к неведомому берегу, а вслед за ним, взвалив корабль на плечи, бредут, шатаясь, измученные аргонавты. Двенадцать дней и ночей длится переход — здесь погибло больше героев, чем во всем пути: от голода и жажды, в стычках с кочевниками, от яда песчаных змей, от жара солнца и тяжести корабля. И вдруг на последний день после песчаного ада открывается цветущий рай: свежее озеро, зеленый сад, золотые яблоки и девы-нимфы, плачущие над мертвым огромным змеем: «Пришел сюда богатырь в львиной шкуре, змея нашего убил, яблоки наши похитил,

расколол скалу, пустил из нее ручей течь до самого моря».

Обрадовались аргонавты: видят, что, даже покинув их, Геракл спас товарищей от жажды и указал им дорогу. Сперва вдоль ручья, потом по лагуне, а потом через пролив в открытое море, и добрый морской бог подталкивает их в корму, плеща чешуйчатым хвостом.

Вот и последний перегон, вот и порог родного моря — остров Крит. Его сторожит медный великан, отгоняя корабли каменными глыбами, — но Медея подходит к борту, вперяется в великана оцепеняющим взглядом, и он замирает, отшатывается, спотыкается медной пятою о камень и рушится в море. И, запасшись на Крите свежей водой и пищей, Ясон с товарищами наконец достигают родных берегов.

Это не конец судьбы Ясона и Медеи — о том, что было с ними потом, написал страшную трагедию Еврипид. Но Аполлоний писал не об одном или двух героях — он писал об общем деле, о первом всегреческом великом походе. Аргонавты сходят на берег и расходятся по своим домам и городам — поэме «Аргонавтика» конец.

М. Л. и В. М Гаспаров

Ахилл Татий (AchilleusTatius) [II в.]

Левкиппа и Клитофонт (Leucippa et Klitofontus)

Роман

В финикийском городе Сидоне автор встречает молодого человека который рассказывает ему необычную историю своей любви.

Уроженец Тира юноша Клитофонт уже готовился к женитьбе на Кадлигоне — дочери своего же отца от второго брака. Но вот из города Византии приплывает его дядя Состратт. И Клитофонт влюбляетя в его дочь — прекрасную Левкиппу. Чувство это вскоре становится взаимным.

Клиний, двоюродный брат Клитофонта, влюблен в красивого мальчика Харикла и дарит тому великолепного коня. Но первая же верховая прогулка завершается трагедией: напуганный чем-то конь внезапно понес и свернул с дороги в лес. Потерявший власть над скакуном Харикл гибнет, сброшенный с седла. Горе Клиния и родителей Харикла беспредельно…

Сюжетная линия романа то и дело прерывается (а вернее, украшается) прекрасными иллюстрациями-вставками — древнегреческими мифами о любовных приключениях, страстях и

страданиях богов и людей, животных, птиц и даже растений, верных друг другу в своей взаимной привязанности. Оказывается, это свойственно даже рекам!

Подле знаменитой Олимпии течет поток Алфей: «Море сочетает браком и Алфея, провожая его к Аретузе. Во время Олимпийских празднеств к потоку собираются люди и бросают в него разные подарки, он же стремительно несется с ними прямо к своей возлюбленной и спешит передать ей свадебные дары».

Мать Левкиппы начинает уже что-то подозревать и чинит всяческие препятствия свиданиям влюбленных. Не одобрил бы этого, конечно, и отец Клитофонта (у него — совсем иные планы и надежды). Но взаимное чувство разгорается все сильней, и молодые влюбленные решают бежать из родного города. Есть у них и друзья-единомышленники.

«Нас было шестеро: Левкиппа, Сатир, я, Клиний и двое его рабов. Мы поехали по Сидонской дороге и прибыли в Сидон на рассвете; не останавливаясь, мы двинулись в Бейрут, рассчитывая найти там стоящий на якоре корабль. И действительно! В Бейруте мы застали корабль, который вот-вот должен был сняться с якоря. Мы даже не стали спрашивать, куда он плывет, но немедленно на него перебрались. Начинало светать, когда мы были готовы к отплытию в Александрию, великий город на Ниле».

В пути молодые люди беседуют о странностях любви и каждый горячо отстаивает свои убеждения, опираясь на личный опыт и легенды в равной степени.

Но плавание не было благополучным: поднимается страшная буря, корабль начинает тонуть вместе с десятками пассажиров и моряков. Трагедия усугубляется еще и тем, что спасательная шлюпка оказывается на всех одна…

Каким-то чудом уцепившись за обломок гибнущего судна, Левкиппа и Клитофонт все же спасаются: волна выносит их на берег близ египетского города Пелусий у восточного рукава Нила: «Счастливые, мы вступили на землю, воздавая хвалу бессмертным богам. Но не забыли оплакать Клиния и Сатира, так как сочли их погибшими».

Автор детально описывает улицы, храмы и, самое главное, — картины и скульптуры — художественные достопримечательности городов, в которых доводилось побывать его героям. Так, на стене храма в Пелусии художник Эвантей изобразил Андромеду и Персея с головой Медузы Горгоны и мучения Прометея, прикованного цепями к скале: орел клюет его печень, муки титана изображены столь реалистически, что зрители тоже проникаются этими страданиями. Но «Геракл вселяет в страдальца надежду. Он стоит и прицеливается из лука

в Прометеева палача. Приладив стрелу к тетиве, он с силой направляет вперед свое оружие, притягивая его к груди правой рукой, мышцы которой напряжены в усилии натянуть упругую тетиву. Все в нем изгибается, объединенное общей целью: лук, тетива, правая рука, стрела».

Из Пелусия наши герои плывут вниз по Нилу к Александрии. Но судьба приготовила им новое испытание: они попадают в плен к разбойникам, и Левкиппу отрывают от Клитофонта — девушку собираются принести местному богу в качестве искупительной жертвы.

Но тут бандитов обращает в бегство как нельзя более кстати подоспевший вооруженный отряд: часть пленников (среди них и Клитофонт) освобождена. Левкиппа же осталась в руках разбойников.

Стратег, оценивши верховое искусство Клитофонта, даже приглашает его к обеду. С холма, где они расположились, видны страшные приготовления в стане бандитов: Аевкиппу в священном одеянии ведут к жертвеннику, и свершается страшное заклание на глазах онемевших зрителей. Затем девушку кладут в гроб и злодеи уходят от алтаря.

Под покровом ночной темноты убитый горем Клитофонт пробирается к дорогому гробу и хочет тут же, рядом с бездыханной любимой, покончить с собой. Но в самый последний момент его останавливают вовремя подоспевшие друзья — Сатир и Менелай (с последним они подружились во время трагического плавания). Оказывается, они тоже спаслись во время кораблекрушения и… попали в плен все к тем же разбойникам. Те, чтобы испытать надежность юношей, поручают им совершить страшное: принести в жертву Левкиппу. И они решаются, надеясь на добрую судьбу. Впрочем, небезосновательно.

У них, оказывается, есть бутафорский меч, лезвие которого при легком нажатии уходит в рукоятку. При помощи этого театрального оружия друзья и «приносят в жертву» Левкиппу, которую предварительно одурманили сонным зельем.

Итак, открываеся крышка гробницы, и «поднялась из нее Левкиппа. <…> Она рванулась ко мне, мы заключили друг друга в объятья и рухнули наземь без чувств».

Счастливые друзья снова вместе. Они — в войске стратега, который ждет подкрепления, чтобы окончательно разделаться с бандитами.

Молодые люди видятся регулярно, но связь их пока чисто платоническая. Левкиппе во сне явилась Артемида и сказала: «Буду твоей заступницей. Ты останешься девственной, пока я не устрою твоего бракосочетания и мужем твоим станет не кто иной,

как Клитофонт».

В Левкиппу тем временем влюбляется стратег Хармид. Но всяческими ухищрениями и отговорками ей удается избегнуть его ухаживаний и тем более сближения с пылким воином.

И вдруг Левкиппа становится безумной. Она в бешенстве бросается на всех, и речи ее бессвязны. Вскоре выясняется, что Левкилпу опоили страшным зельем. Сделано это было по замыслу влюбившегося в нее воина (снова воин!) — форосца Хереи. Он же затем выступает в роли «спасителя» и, дав девушке противоядие и вернув ей память, приглашает затем Левкиппу и Клитофонта к себе на Форос. И там во время пира разбойники, друзья Хереи, похищают Левкиппу.

Начинается морская погоня, в которой на стороне потерпевших принимает участие и корабль городских властей. Вот-вот похитители будут настигнуты!

И тут, на глазах у преследующих, разбойники выводят Левкиппу на палубу и отсекают ей голову, а обезглавленное тело бросают в волны. Смятение и ужас на кораблях догоняющих! А тем временем пиратам удается скрыться.

«…долго я оплакивал смерть возлюбленной, потом я предалее тело погребению и вернулся в Александрию».

Прошло шесть месяцев, и горе постепенно стало притупляться: время, как известно, лучший лекарь.

И вдруг объявился Клиний! Его, оказывается, подобрал тогда в море проходящий корабль и доставил прямо в Сидон. Он рассказал, что Сострат, отец Левкиппы, дал уже согласие выдать дочь за Клитофонта. Но, увы, слишком поздно…

Узнав, что юноша — в Александрии, туда собирается приехать его отец. Однако события снова «диктует Афродита». В Клитофонта страстно влюбляется знатная и весьма эффектная эфесская матрона Мелита. Муж ее погиб во время кораблекрушения. И Мелита надеется, что не только ее красота, но и сходство несчастий позволят ей сблизиться с безутешным женихом Левкиппы. Однако Клитофонт все еще убит горем, несмотря на время и усилия друзей, и на ласки Мелиты отвечает весьма сдержанно. Матрона буквально горит от страсти, а юноша под разными предлогами отказывается стать ее супругом и уже в этом качестве разделить ложе: все ограничивается «дозволенными ласками».

И вдруг капризная судьба преподносит героям романа новый сюрприз: оказывается, Левкиппа… жива! В тот страшный день морской погони пираты, как выяснилось лишь теперь, обезглавили другую женщину, специально переодетую в тунику Левкиппы, и ее тело сбросили в море, предусмотрительно спрятав

голову.

Левкиппу же разбойники выгодно продали в рабство, и она оказалась в… имении Мелиты (но под именем Лакэны). И несчастные влюбленные встретились снова. Хотя быть вместе им пока невозможно.

Внезапно возвращается муж Мелиты — Ферсандр. Он, оказывается, тоже не погиб: и ему не суждено было утонуть в морской пучине. И Ферсандр, естественно, взбешен и оскорблен присутствием в его доме молодого и красивого тирийца.

Уверения Мелиты в том, что их отношения благородны и сугубо дружеские, не вызывают доверия и с гневом отвергаются. Клитофонт брошен в темницу. Ему предъявлены самые невероятные обвинения (в том числе — ив убийстве), и готовится суровое судебное разбирательство.

Ферсандр пока отправляется к друзьям. А коварный управляющий — надсмотрщик над рабами в имении — показывает ему Левкиппу, и оскорбленный муж тут же влюбляется в нее.

Тем временем суд под нажимом Ферсандра и его сторонников приговаривает Клитофонта к смертной казни. Но этому предшествовали события, без которых невозможен подобный роман.

Узнав, что Левкиппа — этоее рабыня Лакэна, Мелита поначалу страшно огорчается, но затем, покоренная верностью Клитофонта и тронутая бесконечными страданиями влюбленных, она пытается организовать их побег. Мелита отдает Клитофонту свою одежду, и он, неузнанный, покидает ее дом. Но — очередная неудача: по пути его хватают и разоблачают (и в прямом, и в переносном смысле).

А в Эфес в качестве теора (священного посла) прибывает в это время Состратт — отец Левкиппы. И лишь случайность мешает им в первый же день встретиться в храме Артемиды, на защиту которой надеется измученная девушка.

Преодолевая все препятствия, вопреки множеству ложных обвинений, Левкиппа доказывает свою невинность. В пещере лесного бога Пана чудесно звучит в ее честь сиринга — семиствольная тростниковая флейта, которая свидетельствует о непорочности девушки. Столь же убедительно подтверждается и благородство несчастной Мелиты. Народ, а затем и суд принимают сторону влюбленных. А посрамленный Ферсандр бежит из города.

Клитофонт вместе с дядей (Состратт обнял наконец вновь обретенную дочь!) и возлюбленной, претерпев столько приключений и испытаний, возвращается в Византии — свой

родной город. Там и сыграли они долгожданную свадьбу.

Ю. В. Шанин

Плутарх (Ploutarchos) [46-120]

Сравнительные жизнеописания (Bioiparalleloi) — (ок. 100–120)

«Сравнительные жизнеописания» — это 23 пары биографий: один грек, один римлянин, начиная с легендарных царей Тесея и Ромула и кончая Цезарем и Антонием, о которых Плутарх слышал еще от живых свидетелей. Для историков это драгоценный источник сведений; но Плутарх писал не для историков. Он хотел, чтобы на примере исторических лиц люди учились жить; поэтому он соединял их в пары по сходству характеров и поступков, а в конце каждой пары помещал сопоставление: кто в чем был лучше, а в чем хуже. Для современного читателя это самые скучные разделы, но для Плутарха они были главными. Вот как это выглядело.

Аристид и Катон Старший

Аристид (ум. ок. 467 до н. э.) был афинским государственным деятелем во время греко-персидских войн. При Марафоне он был одним из военачальников, но сам отказался от командования, передав его вождю, план которого считал лучшим. При Саламине в решающем бою против Ксеркса он отбил у персов тот островок, на котором потом был поставлен памятник в честь этого сражения. При Платее он начальствовал над всеми афинскими частями в союзной греческой армии. У него было прозвище Справедливый. Его соперником был Фемистокл; раздоры были такие, что Аристид говорил: «Лучше всего бы афинянам взять да бросить в пропасть и меня и Фемистокла». Дело дошло до остракизма, «суда черепков»: каждый писал на черепке имя того, кого считал опасным для отечества. К Аристиду подошел неграмотный мужик: «Напиши здесь за меня: Аристид». — «А ты его знаешь?» — «Нет, но надоело слышать: Справедливый да Справедливый». Аристид написал, и ему пришлось. уйти в изгнание. Однако потом, перед Саламином, он сам пришел к Фемистоклу и сказал: «Бросим раздоры, дело у нас общее: ты лучше умеешь командовать, а я буду твоим советником». После победы, отбивая у персов греческие города,

он своею обходительностью побуждал их дружить с Афинами, а не со Спартой. Из этого сложился большой морской союз; Аристид объехал все города и распределил между ними союзные взносы так справедливо, что все остались довольны. Больше всего дивились, что при этом он не брал взяток и вернулся из объезда таким же бедняком, как был. Когда он умер, то не оставил средств даже на похороны; афиняне похоронили его за государственный счет, а дочерей его выдали замуж с приданым из казны.

Катан Старший* (*234–149 до н. э.) в молодости участвовал во II Пунической войне Рима с Карфагеном, в зрелые годы воевал в Испании и против азиатского царя Антиоха в Греции, а умер накануне III Пунической войны, к которой сам упорно призывал: каждую речь он кончал словами: «А кроме того, нужно разрушить Карфаген». Он был из незнатного рода и только собственными заслугами дошел до высшей государственной должности — цензорской: в Риме это было редкостью. Катон этим гордился и в каждой речи твердил о своих заслугах; впрочем, когда его спросили, почему ему еще не воздвигли статую, он сказал: «Пусть лучше спрашивают, почему не воздвигли, чем почему воздвигли». Цензор должен был следить за общественными нравами: Катон боролся с роскошью, изгонял из Рима греческих учителей за то, что их уроки подтачивают суровые нравы предков, исключил сенатора из сената за то, что он при людях поцеловал жену. Он говорил: «Не выстоять городу, где за красную рыбу платят дороже, чем за рабочего вола». Он сам подавал пример своим суровым образом жизни: работал в поле, ел и пил то же, что его батраки, сам воспитывал сына, сам написал для него крупными буквами историю Рима, и книгу советов по сельскому хозяйству («как разбогатеть»), и многое другое. Врагов у него было много, в том числе лучший римский полководец Сципион, победитель карфагенского Ганнибала; он всех пересилил, а Сципиона обвинил в превышении власти и недопустимой любви к греческой учености, и тот удалился в свое поместье. Как Нестор, он пережил три поколения; уже в старости, отбиваясь от нападок в суде, он сказал: «Тяжело, когда жизнь прожита с одними, а оправдываться приходится перед другими».

Сопоставление. В борьбе с соперниками Катон показал себя лучше, чем Аристид. Аристиду пришлось уйти в изгнание, а Катон спорил с соперниками в судах до глубокой старости и всегда выходил победителем. При этом Аристиду серьезным соперником был один Фемистокл, человек низкого рода, а Катону приходилось пробиваться в политику, когда у власти прочно стояла знать, и все-таки он достиг цели. — В борьбе с внешними

врагами Аристид бился и при Марафоне, и при Саламине, и при Платеях, но всюду на вторых ролях, а Катон сам одерживал победы и в Испании и в Греции. Однако враги, с которыми воевал Катон, не шли ни в какое сравнение с устрашающими полчищами Ксеркса. — Аристид умер в бедности, и это нехорошо: человек должен стремиться к достатку в своем доме, тогда будет в достатке и государство. Катон же показал себя отличным хозяином, и этим он лучше. С другой стороны, не зря говорят философы: «Только боги не знают нужды; чем меньше у человека потребностей, тем ближе он к богам». В таком случае бедность, происходящая не от расточительства, а от умеренности желаний, как у Аристида, лучше, чем богатство, даже такое, как у Катона: не противоречие ли, что Катон учит богатеть, а сам похваляется умеренностью? — Аристид был скромен, его хвалили другие, Катон же гордился своими заслугами и поминал их во всех своих речах; это нехорошо. Аристид был независтлив, во время войны он честно помогал своему недоброжелателю Фемистоклу. Катон же из соперничества со Сципионом чуть не помешал его победе над Ганнибалом в Африке, а потом заставил этого великого человека уйти от дел и удалиться из Рима; это подавно нехорошо.

Агесилай и Помпей

Агесилай (399–360 до н. э.) был спартанский царь, образец древней доблести времен начинавшегося падения нравов. Он был мал, хром, быстр и неприхотлив; его звали послушать певца, певшего, как соловей, он ответил: «Я слышал настоящего соловья». В походах он жил у всех на виду, а спал в храмах: «Чего не видят люди, пусть видят боги». Солдаты любили его так, что правительство сделало ему выговор: «Они любят тебя больше, чем отечество». Его возвел на престол знаменитый полководец Лисандр, объявив его соперника незаконным сыном прежнего царя; Лисандр надеялся сам править из-за спины Агесилая, но тот быстро взял власть в собственные руки. Агесилай дважды спас Спарту. В первый раз он пошел войной на Персию и завоевал бы ее, как потом Александр, но получил приказ вернуться, потому что вся Греция восстала против Спарты. Он вернулся и ударил восставшим в тыл; война затянулась, но Спарта устояла. Во второй раз спартанцев наголову разбили фиванцы и подступили к самому городу; Агесилай с маленьким отрядом занял оборону, и фиванцы не отважились на приступ. По древнему закону воины,

бежавшие от противника, позорно лишались гражданских прав; блюдя этот закон, Спарта осталась бы без граждан. Агесилай объявил: «Пусть сегодня закон спит, а завтра проснется» — и этим вышел из положения. Для войны нужны были деньги, Агесилай поехал зарабатывать их за море: там Египет восстал против Персии, и его призвали быть вождем. В Египте ему больше всего понравился жесткий тростник: из него можно было плести еще более скромные венки, чем в Спарте. Между восставшими начался раскол, Агесилай примкнул к тем, кто больше платил: «Я воюю не за Египет, а за прибыль Спарте». Здесь он и умер; тело его набальзамировали и отвезли на родину.

Помпей (106—48 до н. э.) возвысился в I римской гражданской войне при диктаторе Сулле, был самым сильным в Риме человеком между I и II гражданскими войнами, а погиб во II гражданской войне против Цезаря. Он победил мятежников в Африке и в Испании, Спартака в Италии, пиратов по всему Средиземному морю, царя Митридата в Малой Азии, царя Тиграна в Армении, царя Аристобула в Иерусалиме и отпраздновал три триумфа над тремя частями света. Он говорил, что всякую должность получал раньше, чем ждал сам, и слагал раньше, чем ждали другие. Он был храбр и прост; в шестьдесят лет он занимался боевыми упражнениями рядом со своими рядовыми солдатами. В Афинах на арке в его честь была надпись: «Чем больше ты человек, тем больше ты бог». Но он был слишком прям, чтобы быть политиком. Сенат боялся и не доверял ему, он заключил против сената союз с политиками Крассом и Цезарем. Красе погиб, а Цезарь набрал силы, завоевал Галлию и стал грозить и сенату и Помпею, Помпеи не решился вести гражданскую войну в Италии — он собрал войска в Греции. Цезарь погнался за ним; Помпеи мог окружить его войска и выморить голодом, но предпочел дать бой. Это тогда Цезарь воскликнул: «Наконец-то я буду биться не с голодом и лишениями, а с людьми!» При Фарсале Цезарь разгромил Помпея наголову. Помпей пал духом; грек-философ сказал ему: «А ты уверен, что воспользовался бы победою лучше, чем Цезарь?» Помпей бежал на корабле за море, к египетскому царю. Александрийские вельможи рассудили, что Цезарь сильнее, и убили Помпея на берегу при высадке. Когда в Александрию прибыл Цезарь, ему поднесли голову и печать Помпея. Цезарь заплакал и приказал казнить убийц.

Сопоставление. Помпеи пришел к власти только своими заслугами, Агесилай же — не без хитрости, объявив незаконным другого наследника, Помпея поддержал Сулла, Агесилая — Лисандр, но Помпей Сулле всегда воздавал почести, Агесилай же

Лисандра неблагодарно отстранил, — во всем этом поведение Помпея было гораздо похвальнее. Однако государственную мудрость Агесилай обнаруживал больше, чем Помпей, — например, когда он по приказу прервал победоносный поход и вернулся спасать отечество или когда никто не знал, что делать с потерпевшими поражение, а он придумал, что «на один день законы спят». Победы Помпея над Митридатом и другими царями, конечно, гораздо величественнее, чем победы Агесилая над маленькими греческими ополчениями. И милость к побежденным Помпей умел проявлять лучше — пиратов расселил по городам и селам, а Тиграна сделал своим союзником; Агесилай был гораздо мстительней. Однако в главной своей войне Агесилай показал больше самообладания и больше мужества, чем Помпей. Он не побоялся попреков за то, что возвращается из Персии без победы, и не поколебался с малым войском выйти на защиту Спарты от вторгшихся врагов. А Помпей сперва покинул Рим перед малыми силами Цезаря, а потом в Греции постыдился оттягивать время и принял бой, когда это было выгодно не ему, а его противнику. Оба кончили жизнь в Египте, но Помпей туда поплыл по необходимости, Агесилай же из корысти, и Помпей пал, обманутый врагами, Агесилай же сам обманул своих друзей: здесь опять Помпей больше заслуживает сочувствия.

Демосфен и Цицерон

Демосфен (384—322 до н. э.) был величайшим афинским оратором. От природы косноязычный и слабоголосый, он упражнял себя, произнося речи с камешками во рту, или на берегу шумного моря, или всходя на гору; для этих упражнений он надолго уходил жить в пещеру, а чтобы стыдно было вернуться к людям раньше времени, обривал себе полголовы. Выступая в народном собрании, он говорил:

«Афиняне, вы будете иметь во мне советника, даже если не захотите, но никогда — льстеца, даже если захотите». Другим ораторам давали взятки, чтобы они говорили угодное взяточнику; Демосфену давали взятки, чтобы он только молчал. Его спрашивали: «Почему молчишь?» — он отвечал: «У меня лихорадка»; над ним шутили: «Золотая лихорадка!» На Грецию наступал царь Филипп Македонский, Демосфен сделал чудо — своими речами сплотил против него несговорчивые греческие

города. Филипп сумел разбить греков в бою, но мрачнел при мысли, что Демосфен одной речью мог разрушить все, чего царь достиг победами многих лет. Персидский царь считал Демосфена своим главным союзником против Филиппа и посылал ему много золота, Демосфен брал: «Он лучше всех умел хвалить доблести предков, но не умел им подражать». Враги его, поймав его на мздоимстве, отправили в изгнание; уходя, он воскликнул: «О Афина, почему ты так любишь трех самых злых животных: сову, змею и народ?» После смерти Александра Македонского Демосфен вновь поднял греков на войну против македонян, греки опять были разбиты, Демосфен спасся в храме. Македоняне приказали ему выйти, он сказал:

> «Сейчас, только напишу завещание»; достал писчие таблички, задумчиво поднес к губам грифель и упал мертвым: в грифеле он носил при себе яд. На статуе в его честь было написано: «Если бы, Демосфен, твоя сила равнялась твоему уму, вовек бы македонянам не владеть Грецией».

Цицерон (106—43 до н. э.) был величайшим римским оратором. Когда он учился красноречию в завоеванной Греции, его учитель воскликнул: «увы, последняя слава Греции переходит к римлянам!» Образцом для всех ораторов он считал Демосфена; на вопрос, какая из речей Демосфена самая лучшая, он ответил: «Самая длинная». Как когда-то Катон Старший, он из незнатного рода, только благодаря своему ораторскому таланту дошел от низших государственных должностей до самых высших. Ему приходилось выступать и защитником, и обвинителем; когда ему сказали: «Ты больше погубил людей обвинениями, чем спас защитами», он ответил: «Значит, я был больше честен, чем красноречив». Каждую должность в Риме занимали по году, а потом полагалось год управлять какой-нибудь провинцией; обычно наместники использовали это для наживы, Цицерон — никогда. В год, когда Цицерон был консулом и стоял во главе государства, был открыт заговор Катилины против Римской республики, но прямых улик против Катилины не было; однако Цицерон произнес против него такую обличительную речь, что тот бежал из Рима, а его сообщники по приказу Цицерона были казнены. Потом враги воспользовались этим, чтобы изгнать Цицерона из Рима; через год он вернулся, но влияние его ослабело, он все чаще удалялся от дел в имение и писал сочинения по философии и политике. Когда Цезарь шел к власти, у Цицерона не хватало духа бороться с ним; но когда после убийства Цезаря к власти стал рваться Антоний, Цицерон в

последний раз бросился в борьбу, и его речи против Антония славились так же, как речи Демосфена против Филиппа. Но сила была на стороне Антония; Цицерону пришлось спасаться бегством, его настигли и убили. Его отрубленную голову Антоний выставил на ораторской трибуне римского форума, и римляне были в ужасе.

Сопоставление. Кто из двух ораторов был более талантлив — об этом, говорит Плутарх, он не решается судить: это под силу лишь тому, кто одинаково владеет и латинским языком и греческим. Главным достоинством речей Демосфена считалась вескость и сила, речей Цицерона — гибкость и легкость; Демосфена враги обзывали брюзгой, Цицерона — шутником. Из этих двух крайностей, пожалуй, Де-мосфенова все же лучше. Кроме того, Демосфен если и хвалил себя, то неназойливо, Цицерон же был тщеславен до смешного. Зато Демосфен был оратор, и только оратор, а Цицерон оставил много сочинений и по философии, и по политике, и по риторике: эта разносторонность, конечно, — большое достоинство. Политическое влияние своими речами оба оказывали огромное; но Демосфен не занимал высоких постов и не прошел, так сказать, испытания властью, а Цицерон был консулом и блистательно показал себя, подавив заговор Катилины. Чем бесспорно Цицерон превосходил Демосфена, так это бескорыстием: он не брал ни взяток в провинциях, ни подарков от друзей; Демосфен же заведомо получал деньги от персидского царя и за мздоимство попал в изгнание. Зато в изгнании Демосфен вел себя лучше, чем Цицерон: он продолжал объединять греков на борьбу против Филиппа и во многом преуспел, тогда как Цицерон пал духом, праздно предавался тоске и потом долго не решался противостать тирании. Точно так же и смерть Демосфен принял достойнее. Цицерон, хоть и старик, боялся смерти и метался, спасаясь от убийц, Демосфен же сам принял яд, как подобает мужественному человеку.

Деметрий и Антоний

Деметрий Полиоркет (336–283 до н. э.) был сыном Антигона Одноглазого, самого старого и сильного из полководцев Александра Македонского. Когда после смерти Александра начались войны за власть между его полководцами, Антигон захватил Малую Азию и Сирию, а Деметрия послал отбивать

Грецию из-под власти Македонии. В голодные Афины он привез хлеб; произнося об этом речь, он сделал ошибку в языке, его поправили, он воскликнул: «За эту поправку дарю вам еще пять тысяч мер хлеба!» Его провозгласили богом, поселили в храме Афины, и он устраивал там кутежи с подругами, а с афинян брал налоги им на румяна и белила. Город Родос отказался ему подчиниться, Деметрий осадил его, но не взял, потому что боялся сжечь мастерскую художника Протогена, что была у самой городской стены. Брошенные им осадные башни были такие огромные, что родосцы, продав их на лом, на вырученные деньги воздвигли исполинскую статую — Колосс Родосский. Прозвище его Полиоркет — значит «градоборец». Но в решающей битве Антигон с Деметрием были разбиты, Антигон погиб, Деметрий бежал, ни афиняне, ни другие греки не хотели принимать его. Он захватил на несколько лет Македонское царство, но не удержал его. Македонянам претило его высокомерие: он ходил в алой одежде с золотой каймой, в пурпурных сапогах, в плаще, шитом звездами, а просителей принимал неласково: «Мне некогда». «Если некогда, то нечего быть царем!» — крикнула ему одна старушка. Потеряв Македонию, он метался по Малой Азии, войска его покидали, он попал в окружение и сдался в плен царю-сопернику. Сыну своему он переслал приказ:

«Считай меня мертвым и, что бы я тебе ни писал, — не слушайся». Сын предлагал себя в плен вместо отца — безуспешно. Через три года Деметрий умер в плену, пьянствуя и буйствуя.

Марк Антоний (82–30 до н. э.) возвысился во II римской гражданской войне, сражаясь за Цезаря против Помпея, а погиб, сражаясь за власть в III гражданской войне против Октавиана, приемного сына Цезаря. Смолоду он любил разгульную жизнь, возил в походы своих любовниц с челядью, пировал в пышных шатрах, ездил на колеснице, запряженной львами; но к народу был щедр, а с солдатами прост, и его любили, В год убийства Цезаря Антоний был консулом, но ему пришлось поделиться властью с Октавианом. Вместе они устроили резню богатых и знатных республиканцев — тогда-то и погиб Цицерон; потом вместе они разбили последних республиканцев Брута и Кассия, убивших Цезаря, Брут и Кассий покончили самоубийством. Октавиан пошел умиротворять Рим и Запад, Антоний — покорять Восток. Азиатские цари кланялись ему, горожане устраивали в честь его буйные шествия, полководцы его одерживали победы над парфянами и армянами. Египетская царица Клеопатра выступила навстречу ему с пышной свитою, как Афродита навстречу Дионису; они справили свадьбу, вместе пировали, пили, играли в кости, охотились, тратя несчетные деньги и, что

хуже, время. Когда он потребовал с народа два налога в один год, ему сказали: «Если ты бог, то сделай нам два лета и две зимы!» Он хотел стать царем в Александрии и оттуда распространить свою власть на Рим; римляне негодовали, этим воспользовался Октавиан и пошел на него войною. Они встретились в морском сражении; в разгар боя Клеопатра повернула свои корабли в бегство, Антоний бросился следом за нею, и победа осталась за Октавианом. Октавиан осадил их в Александрии; Антоний вызвал его на поединок, Октавиан ответил: «К смерти есть много путей». Тогда Антоний бросился на свой меч, а Клеопатра покончила с собою, дав себя ужалить ядовитой змее.

Сопоставление. Этих двух полководцев, хорошо начавших и дурно кончивших, мы сравним, чтобы посмотреть, как не должен себя вести хороший человек. Так, спартанцы на пирах поили допьяна раба и показывали юношам, сколь безобразен пьяный. — Власть свою Деметрий получил без труда, из отцовских рук; Антоний же шел к ней, полагаясь лишь на свои силы ~и способности; этим он внушает больше уважения. — Но Деметрий правил над македонянами, привыкшими к царской власти, Антоний же хотел римлян, привыкших к республике, подчинить своей царской власти; это гораздо хуже. Кроме того, Деметрий победы свои одерживал сам, Антоний же главную войну вел руками своих полководцев. — Оба любили роскошь и распутство, но Деметрий в любое мгновение был готов преобразиться из ленивца в бойца, Антоний же ради Клеопатры откладывал любые дела и походил на Геракла в рабстве у Омфалы. Зато Деметрий в своих развлечениях был жесток и нечестив, оскверняя блудом даже храмы, а за Антонием этого не водилось. Деметрий своею невоздержностью наносил вред другим, Антоний — себе. Деметрий потерпел поражение оттого, что войско от него отступилось, Антоний — оттого, что сам покинул свое войско: первый виноват, что внушил такую ненависть к себе, второй — что предал такую любовь к себе. — Оба умерли худой смертью, но смерть Деметрия была более постыдной: он согласился стать пленником, чтобы лишних три года пьянствовать и объедаться в неволе, Антоний же предпочел убить себя, чем отдаться в руки врагов.

М. Л. Гаспаров

Рим

Тит Макций Пдавт (Titus Macci us Plautus) [ок. 250–184 дон. э.]

Амфитрион (Amphitruo)

Комедия

Самым любимым героем греческих мифов был Геракл, могучий труженик, спасший богов от гибели, а людей — от страшных чудовищ, но не наживший себе самому ни царства, ни счастья. Греки сочиняли о нем сперва песни, потом трагедии, потом комедии. Одна из таких комедий и дошла до нас в латинской переработке Плавта.

Собственно, самого Геракла здесь на сцене еще нет. Речь идет пока лишь о его рождении. Зачать его должен сам бог Зевс от смертной женщины Алкмены. Чтобы герой-спаситель стал могучим из могучих, нужна долгая работа — поэтому Зевс приказывает Солнцу не всходить три дня, чтобы в его распоряжении была тройная ночь. Зевсу не впервые нисходить с любовью к земным женщинам, но здесь случай особенный. У Алкмены есть муж, полководец Амфитрион. Она женщина не только прекрасная, но и добродетельная: мужу она ни за что не изменит. Значит, Зевс должен явиться к ней, приняв облик ее законного мужа. Амфитриона. А чтобы этому не помешал настоящий Амфитрион, Зевс прихватывает с собой хитрого бога Гермеса, вестника богов, который по этому случаю принимает облик Амфитрионова раба по имени Сосия. Пьеса Плавта — латинская, поэтому мифологические герои переименованы на римский лад: Зевс — это Юпитер, Гермес — это Меркурий, Геракл — это Геркулес.

Пьеса начинается прологом: на сцену выходит Меркурий. «Я — Меркурий, мы с Юпитером пришли показать вам трагедию. Не хотите трагедию? Ничего, я же бог — превращу ее в комедию! Здесь, на сцене, — город Фивы, царь Амфитрион ушел в поход, а жену оставил дома. Вот Юпитер к ней и наведался, а я при нем — на страже: он в виде Амфитриона, я — в виде раба. Но как раз сейчас возвращаются из похода и настоящий Амфитрион и настоящий раб — нужно быть настороже. А вот и раб!»

Входит Сосия с фонарем в руках. Он веселый — кончилась война, одержана победа, захвачена добыча. Только ночь кругом

какая-то странная: луна и звезды не всходят, не заходят, а стоят на месте. И перед царским домом стоит кто-то странный. «Ты кто такой?» — «Я — Сосия, раб Амфитриона!» — «Врешь, это я — Сосия, раб Амфитриона!» — «Клянусь Юпитером, Сосия — это я!» — «Клянусь Меркурием, не поверит тебе Юпитер!» Слово за слово, дело доходит до драки, у Меркурия кулаки тяжелее, Сосия удаляется, ломая голову: «Я это или не я?» И вовремя: из дому как раз выходит Юпитер в образе Амфитриона, и с ним Алкмена. Он прощается, она его удерживает; он говорит: «Пора мне к войску, я ведь только на одну ночь тайно пришел домой, чтобы от меня первого ты услышала о нашей победе. Вот тебе на прощанье золотая чаша из нашей добычи, и жди меня, я скоро вернусь!» «Да уж скорей, чем ты думаешь!» — замечает про себя Меркурий.

Ночь кончается, всходит солнце, и появляются настоящий Амфитрион с настоящим Сосией. Сосия втолковывает ему, что там в доме сидит второй такой же Сосия, он с ним говорил и даже дрался; Амфитрион ничего не понимает и ругается: «Пьян ты был, и в глазах у тебя двоилось, вот и все!» У порога сидит Алкмена и грустно поет о разлуке и тоске по мужу. Как, вот и муж? «Как я рада, что ты так скоро вернулся!» — «Почему скоро? поход был долгий, я несколько месяцев тебя не видел!» — «Что ты говоришь! не ты ли только что был у меня и только что ушел?» Начинается спор: кто из них лжет или кто из них с ума сошел? И оба призывают в свидетели злополучного Сосию, а у того голова идет кругом. «Вот золотая чаша из твоей добычи, ты сам мне только что ее подарил!» — «Не может быть, это кто-то ее у меня украл!» — «Кто же?» — «Да твой любовник, развратница!» — бранится Амфитрион. Он грозит жене разводом и уходит за свидетелями, чтобы подтвердить: ночью он был не дома, а при войске.

Юпитер следит за этими ссорами со своего неба — из второго яруса театральной постройки. Ему жалко Алкмену, он спускается — конечно, опять в виде Амфитриона, — успокаивает ее: «Это все была шутка». Как только она соглашается простить его, на пороге появляется настоящий Амфитрион со свидетелем. Сперва его отгоняет Меркурий-Сосия, и Амфитрион вне себя: как, раб не пускает в дом собственного господина? Потом выходит сам Юпитер — и как в начале комедии сталкивались два Сосии, так теперь сталкиваются два Амфитриона, осыпая друг друга бранью и обвиняя в прелюбодействе. Наконец Юпитер исчезает с громом и молнией, Амфитрион падает без чувств, а у Алкмены в доме начинаются роды.

Все кончается благополучно. К несчастному Амфитриону выбегает добрая служанка — единственная, кто узнает и признает его. «Чудеса! — рассказывает она ему. — Роды были без всякой

боли, родилась сразу двойня, один — мальчик как мальчик, а другой — такой большой и тяжелый, едва в колыбель уложили. Тут откуда ни возьмись появляются две огромные змеи, ползут к колыбели, все в ужасе; а большой мальчик, даром что новорожденный, встает им навстречу, хватает их за глотки и душит насмерть». «Впрямь чудо!» — дивится пришедший в себя Амфитрион. И тут над ним в высоте является Юпитер, наконец в настоящем своем божественном виде. «Это я делил с тобою ложе Алкмены, — обращается он к Амфитриону, — старший из близнецов — мой, младший — твой, а жена твоя чиста, она думала, что я — это ты. Этот сын мой, а твой пасынок будет величайшим героем на свете — радуйся!» «Радуюсь», — отвечает Амфитрион и обращается к публике: «Похлопаем Юпитеру!»

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Менехмы, или Близнецы (Menaechmi)

Комедия

В городе Сиракузах жил купец, а у него было два мальчика-близнеца, похожих как две капли воды. Купец поехал за море и взял с собою одного из мальчиков — по имени Менехм. Там был праздник, мальчик потерялся в толпе; его подобрал другой купец — из города Эпидамна, увез к себе, усыновил, а потом подыскал ему жену и оставил все свое состояние. Второй мальчик остался в Сиракузах; в память о пропавшем его переименовали и тоже назвали Менехмом. Он вырос, отправился на поиски брата, долго ездил по всем городам и, наконец, добрался до Эпидамна. Вот тут и столкнулись два близнеца, Менехм Эпидамнский и Менехм Сиракузский, и понятно, что при этом вышло много путаниц и недоразумений. Путаница — это когда Менехма Эпидамнского принимают за Менехма Сиракузского или наоборот; недоразумение — это когда Менехма Эпидамнского принимают за Менехма Эпидамнского, но приписывают ему поступки Менехма Сиракузского, или наоборот.

На сцене — город Эпидамн, стоят два дома, в одном — жена Менехма Эпидамнского, в другом — гетера, его любовница. К зрителям выходит нахлебник Менехма Эпидамнского по кличке Столовая Щетка — потому что посади его за стол, он ни крошки не оставит, Он нахваливает своего хозяина: живет привольно, сам покушать любит и других угощает. Вот и сам хозяин выходит из дому, бранясь на ревнивую жену; он стащил у нее новый плащ и несет его в подарок любовнице. Та довольна подарком и в благодарность заказывает повару ужин на троих. «На

десятерых, — поправляет повар, — Столовая Щетка за восьмерых съест».

Менехм Эпидамнский с нахлебником уходят на площадь по делам, а с пристани является со своим рабом Менехм Сиракузский, приехавший искать брата. Конечно, и повар и гетера думают, что это Менехм Эпидамнский, и весело его приветствуют: это первая путаница. «Слушай, — говорит гетера, — снеси-ка ты этот краденый плащ в перелицовку, чтоб жена его на мне не узнала!» Менехм Сиракузский божится, что он тут ни при чем, и плащ у жены не крал, и жены-то у него нет, и вообще он здесь впервые. Но, видя, что женщину не переубедишь, а плащ можно, пожалуй, и присвоить, он решает поужинать с красавицей и подыграть ей: «Это я шутил, конечно, я и есть твой милый». Они уходят пировать, а раба Менехм отсылает в харчевню.

Тут появляется разобиженный Щетка: он уверен, что это его кормилец угостился без него, и напускается на Менехма Сиракузского с упреками. Это вторая путаница. Тот ничего не понимает и гонит его прочь. Оскорбленный нахлебник отправляется рассказать обо всем хозяйской жене. Та в ярости; оба садятся поджидать виновника. А Менехм Эпидамнский, здешний, уже тут как тут: он возвращается с площади злой, кляня себя за то, что впутался там свидетелем в судебное дело и оттого не поспел на пирушку к гетере. Жена и нахлебник набрасываются на него с упреками, жена — за похищенный плащ, нахлебник — за съеденный без него ужин. Это первое недоразумение. Он отбивается, но жена заявляет: «На порог тебя не пущу, пока не принесешь мне плащ обратно!» — и захлопывает дверь. «Не больно-то и хотелось!» — ворчит муж и решительно направляется к гетере — за утешением и за плащом. Но и тут он наталкивается на неприятность. «Что ты вздор несешь, ты же сам забрал плащ в перелицовку, не морочь мне голову!» — кричит ему гетера. Это второе недоразумение. Она тоже захлопывает перед ним дверь; и Менехм Эпидамнский уходит куда глаза глядят.

Тем временем Менехм Сиракузский с плащом в руках, не найдя в харчевне своего раба, в растерянности возвращается обратно. Жена Менехма Эпидамнского принимает его за раскаявшегося мужа, но для порядка все-таки ворчит на него. Это третья путаница. Менехм Сиракузский ничего не понимает, начинается перебранка, все свирепее и свирепее; женщина кличет на помощь своего отца. Старик хорошо знает свою дочь — «от такой сварливой жены кто угодно заведет любовницу!» Но воровать у жены — это слишком, и он тоже начинает вразумлять мнимого зятя. Это четвертая путаница. Не сошел ли он с ума, что своих не узнает? Догадливый Менехм и впрямь прикидывается

безумным — и, как Орест в трагедии, начинает кричать: «Слышу, слышу божий голос! он велит мне: возьми факел, выжги, выжги им глаза!..» Женщина прячется в дом, старик бежит за лекарем, а Менехм Сиракузский спасается, пока цел.

Возвращается Менехм Эпидамнский, а навстречу ему — тесть и врач с попреками за разыгранную сцену бешенства: это третье недоразумение. Менехм отвечает руганью. «Да он и впрямь буйный!» — восклицает лекарь и зовет на помощь четырех дюжих рабов. Менехм еле отбивается от них, как вдруг является неожиданная помощь. Раб Менехма Сиракузского, не дождавшись в харчевне своего господина, пошел его искать, а то без присмотра вечно он впутывается в неприятности! Неприятности налицо: вот какие-то парни среди бела дня вяжут вроде бы как раз его хозяина! Это уже пятая путаница. Раб бросается на подмогу к мнимому господину, вдвоем они раскидывают и разгоняют насильников; в благодарность раб просит отпустить его на волю. Отпустить на волю чужого раба Менехму Эпидамнскому ничего не стоит: «Ступай, я тебя не держу!» — И Менехм отправляется еще раз попытать счастья у гетеры.

Раб, обрадованный, бросается в харчевню собрать свои пожитки и тут же сталкивается с настоящим своим хозяином, Менехмом Сиракузским, который и не думал отпускать его на волю. Начинаются перекоры и попреки. Это четвертое недоразумение. Пока у них идет перебранка, из дома гетеры слышится такая же перебранка, и на пороге появляется после новой неудачи Менехм Эпидамнский. Тут наконец-то оба брата сталкиваются на сцене лицом к лицу. Раб в недоумении: кто же его хозяин? Это шестая, и последняя, путаница. Начинается выяснение: оба — Менехмы, оба — родом из Сиракуз, и отец один и тот же… Правда торжествует, рабу окончательно даруется свобода, Менехм Эпидамнский радостно готовится перебраться на родину, к брату, в Сиракузы, а раб объявляет публике, что по случаю отъезда распродается все добро: дом, земля, вся утварь, челядь «и законная жена — если только на такую покупщик отыщется!». На том и кончается комедия.

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Куркудион (Cwculio)

Комедия

Куркулион — значит «Хлебный червь». Это прозвище одноглазого нахлебника-приживала, хитреца и обжоры, который ведет интригу в этой комедии. Его кормилец и покровитель —

пылкий влюбленный юноша; девушка, которую этот юноша любит, принадлежит злому своднику, иее нужно как можно скорее выкупить. Денег нет, и добыть их влюбленный не умеет; вся надежда на ловкого Куркулиона. Юноша послал его в другой город — просить взаймы у своего друга, а сам тайком пробирается к своей любезной. Сводник болен, юношу встречает пьянчужка привратница, за кувшин вина готовая на что угодно. Старуха поет славу вину: «Ах, вино! ах, вино! лучший дар для меня!..» Юноша поет серенаду дверным петлям, которые сейчас распахнут дверь и выпустят к нему возлюбленную: «Эй, крюки! вам, крюки, шлю привет всей душой!..» Старый раб глядит, как целуются влюбленные, и ворчит: «Хорошо любить разумно, а безумно — ни к чему». Все ждут возвращения Куркулиона — привезет он деньги или нет?

Куркулион легок на помине — он уже бежит по сцене: «Эй, знакомые, незнакомые, прочь с дороги, прочь с пути! / Должен выслужить я службу! Кто попался, берегись, / Чтоб не сбил его я грудью, головою или ногой! / Будь царем, будь властелином, будь хоть из полиции, / Будь начальник, будь печальник, будь бездельничающий раб, — / Все слетят с моей дороги головой на улицу!..»

Его хватают, удерживают, угощают, расспрашивают. Оказывается, весь шум — попусту: денег нет, а есть надежда на хитрость. В соседнем городе Куркулион случайно встретил хвастливого воина, который, оказывается, тоже приметил ту же девушку и уже сговорился со сводником о ее покупке. Деньги для этого лежат на сохранении у менялы, который выдаст их тому, кто предъявит ему как условный знак кольцо с печаткой воина. Куркулион ввязался к воину в компанию, они отужинали, выпили, стали играть в кости, одному выпало меньше, другому больше, Куркулион счел себя в выигрыше, стащил у пьяного воина кольцо с пальца и был таков. Вот оно — за такую услугу грех не накормить его до отвала!

Начинается работа. Плотно покушав, Куркулион является к меняле с письмом, запечатанным той самою печаткой: боец, мечом рассекающий слона. В письме написано: я, мол, воин такой-то, поручаю меняле такому-то выплатить своднику столько-то и столько-то, а подателю сего письма передать выкупленную девушку. «А ты-то кто такой?» — «Я его слуга». — «А что ж он сам не явился?» — «Делом занят: ставит памятник своим подвигам — как он разгромил Персию и Сирию, Обжорию и Опиванию, Аивию и Винокурию: полмира за три недели». — «Ну, коли так, то верю, что ты от него: другой такого вздора не придумает». И, прекратив допрос, меняла выплачивает деньги своднику, а тот уходит с

Куркулионом за сцену — к девушке.

Неожиданная пауза: на пустую сцену выходит хораг, хозяин актерской труппы, и разговаривает со зрителями. Это все, что осталось от хора, когда-то занимавшего так много места в комедиях. Хораг дразнит публику: «Хотите, расскажу вам, где кого найти на форуме? У такого-то храма — лжецов, у такого-то — мотов, у колодца — нахалов, у канала — щеголей, у судилища — крючкотворов, а заодно и потаскушек…» Тем временем сводник вручает девушку Куркулиону, и тот, довольный, ведет ее к своему хозяину, предвкушая сытный обед в награду.

Вдруг появляется хвастливый воин — он проспался, хватился своего перстня, спешит к меняле — денег уже нет, спешит к своднику — девушки уже нет. «Где сыскать Куркулиона, червяка негодного?» / «Да ищи в зерне пшеничном, там найдешь хоть тысячу!» / «Где он? где он? помогите, дорогие зрители! / Кто найти его поможет — дам вознаграждение!..»

А перстень его — боец, мечом рассекающий слона, — у Куркулиона, а девушка глядит и удивляется: точно такой же перстень был у ее отца! Врывается воин, бросается к юноше: «Отдай мне мою рабыню!» — «Она свободная, — заявляет юноша, — если хочешь — пойдем в суд, только сперва скажи: это твой перстень?» — «Мой». — «А откуда он у тебя?» — «От отца». — «А как звали отца? а мать? а кормилицу?» — «Так-то». — «Братец милый! — кричит девушка, бросаясь воину на шею. Разве не было у тебя сестренки, которая в детстве потерялась?» Происходит радостное узнание: какое счастье, что боги не допустили брака брата с сестрой! Свадьба юноши и девушки предрешена; теперь нужно расправиться со сводником — как он смел торговать свободной девушкой? Тот перепуган, девушке даже жалко старика: «Пожалейте его, он не обижал меня, я как вошла, так и вышла честною!» «Ладно, — говорит воин, — пусть вернет деньги, а я, так и быть, ни в суд его не потащу, ни из катапульты им стрелять не стану». Сводник платит, на выкуп готовят пир, и Куркулион потирает брюхо, ожидая заслуженного угощения.

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Пленники (Captivi)

Комедия (200–190 до н. э.?)

«Это необычная комедия! — предупреждает актер, произносящий пролог. — В ней нет никаких непристойностей, нет ни сводника, ни распутницы, ни хвастливого воина, ни

подкидышей, ни влюбленного, похищающего возлюбленную, а только игра судьбы, тщета людских намерений и благородство совершенной доблести».

Были в Греции две соседние области, Этолия и Элида. У одного старика из Этолии было два сына, Филополем и Тиндар. Младшего, Тиндара, еще малым ребенком похитил хитрый раб и продал в Элиду. Там хозяин отдал мальчика в товарищи собственному сынишке Филократу; Филократ и Тиндар выросли друзьями. Прошло много лет, между Этолией и Элидой началась война. Старший сын этолийского старика Филополем попал в элидский плен, а Филократ и Тиндар — в этолийский плен, и купил их как раз старик отец, не зная, что один из пленников — его собственный сын. Поистине «людьми играют боги, словно мячиком!».

Действие разыгрывается в Этолии. Начинается пьеса монологом прихлебателя — без этого персонажа не смогла обойтись даже такая необычная комедия. Это прихлебатель Филополема, недавно попавшего в плен; жаль его, молодец был парень, никто от него голодным не уходил! А теперь приходится худеть и хиреть, пока старик отец не выручит сына. «Потерпи, — говорит ему старик, — вот я как раз купил двух элидских пленников, хозяина с рабом, — хозяин из знатных, может быть, за него и удастся выручить сына».

Старик знает, что один из его пленников хозяин, а другой — раб, но не знает, который — кто. А между тем знатный Филократ и раб Тиндар сговорились и поменялись одеждой и именами. Старик подзывает к себе знатного — а к нему подходит Тиндар. «Каково тебе в рабстве?» — «Что делать, судьба играет человеком: был хозяином, стал рабом. Одно скажу: если судьба воздает по справедливости, то пошлет она мне хозяина такого, каким был я сам — кроткого и не жестокого. И другое скажу: если судьба воздает по справедливости, то каково мне здесь, таково будет и твоему сыну в чужом плену». — «Хочешь вернуться на свободу?» — «Кто ж не хочет!» — «Помоги мне вернуть сына — отпущу и тебя и твоего раба и денег не возьму». — «Ау кого он в плену?» — «У такого-то». — «Это друг моего отца, отец поможет. Только сделай вот что: пошли к нему с этой вестью моего раба, а то он возьмет и не поверит». — «А если твой раб сбежит и не вернется?» — «Я ведь остаюсь у тебя в залоге: как будет отец выкупать меня, ты и спросишь с него выкуп сразу за обоих». Старик соглашается, видя, как преданы друг другу двое пленников, и отсылает в Элиду Филократа, не зная, что это не раб, а господин.

Перерыв в действии опять заполняет прихлебатель, тоскующий о сытных былых временах: все точно выродились, все

словно сговорились, ни шутки, ни услуги им не надобны, лишь бы обойти голодного обедом! Коли это у них такая стачка — впору обращаться в суд: пусть их оштрафуют на десять обедов в пользу прихлебателей!

Вдруг на сцену возвращается старик, а с ним неожиданный человек — еще один элидский пленник, приятель филократа, попросивший его о свидании с ним. Тиндар в панике: этот человек отлично знает, кто есть кто, он раскроет хозяину весь обман; «как мне жалко бедных розог, что сломают об меня!». Тиндар пытается сопротивляться. «Этот человек сумасшедший, — говорит он хозяину, — он меня зовет Тиндаром, а тебя будет звать Аяксом, не слушай его, держись от него подальше — убьет!» «Этот человек обманщик, — говорит хозяину пленник, — смолоду он раб, вся Элида это знает, а Филократ даже с виду не таков!» У старика голова идет кругом. «Каков же с виду Филократ?» — «Сухощавый, с острым носом, черноглазый, телом бел, кучерявый, чуть с рыжинкой». — «Горе! так оно и есть!» — восклицает хозяин, слыша точное описание того из пленников, которого он сам только что упустил из рук. «Видно, правду говорят: нет правдивых рабов, хороший лжет на пользу господину, а дурной во вред господину. Ну, любезный, что ты верен господину, — это, может, и похвально, а за то, что меня обманывал, — в кандалы его и в каменоломню!» Беднягу уводят, а невольный его разоблачитель горько кается, да поздно.

Тут опять врывается нахлебник — уже не унылый, а торжествующий. «Устраивай, хозяин, пир, а меня благодари, как бога! Радостные вести: пришел корабль, а на нем твой сын Филополем, и тот пленник, которого ты отослал, и еще тот раб, что когда-то давно от тебя сбежал с твоим младшим сынком на чужбину». — «Ну, коли так — Ты мой вечный гость, беру тебя в дом смотрителем за всеми припасами!» Старик бежит на пристань, нахлебник бежит в кладовую. Так и есть: вот Филополем, а вот Филократ — не воспользовался случаем бежать, а исполнил обещание и вернулся за товарищем. Видно, есть еще на свете дружба и благородство! «Ну, а ты, — обращается старик к беглому рабу, — если хочешь пощады, признавайся: что ты сделал с моим сынком?» — «Продал в рабство — отцу вот этого». — «Как? так значит, Тиндар — мой сын! А я его послал в каменоломню!» Тиндара немедленно освобождают, похитителя заковывают в его кандалы, Филополем обнимается с братом, Филократ на них любуется, и все хором обращаются к публике: «Мы комедию вам дали нравственную, зрители: / Мало есть таких комедий, нравы улучшающих! / Вот теперь и покажите, кто из вас награду дать / Добродетели желают: те пускай похлопают!»

М. Л. и В. М. Гаспаровы

Хвастливый воин (Milesgloriosus)

Комедия (ок. 205 до н. э.)

В этой комедии главное — не сюжет, а герой, «хвастливый воин». В старые времена в Греции профессиональных воинов не было, были ополченцы. А потом, когда война стала профессией, то появились лихие наемники, которые шли на службу к кому угодно, хотя бы на край света, по большей части погибали, а кто не погибал, тот возвращался на родину разбогатевший и зычно хвастался чудесами, которые он видел, и подвигами, которые он будто бы совершил. Такой враз разбогатевший хвастливый воин-грубиян стал в комедиях постоянным персонажем.

У Плавта его зовут пышным именем Пиргополиник, что значит «Башнеградопобедитель». Он сидит перед своим домом и следит, как слуги чистят его доспехи — «чтоб ярче солнца!». При нем — прихлебатель по кличке Хлебогрыз, они вдвоем считают, сколько врагов уложил Пиргополиник в своих походах: кого в Скифии, кого в Персии, всего семь тысяч, и всех за один день! А то еще в Индии он одной левой перебил слону руку, то бишь ногу, и то ударив лишь вполсилы! И вообще, какой он герой — и богатырь, и храбрец, и красавец, и как женщины его любят!

На самом же деле он мошенник, трус и развратник. Об этом сообщает публике его раб по имени Палестрион. Палестрион служил в Афинах у одного юноши, а тот любил одну девушку. Когда юноша был в отлучке, вот этот самый Пиргополиник обманом похитил эту девушку и увез сюда, в город Эфес. Палестрион помчался предупредить господина, но в пути его схватили пираты и продали в рабство этому же Пиргополинику. Впрочем, ему удалось-таки переслать весточку прежнему хозяину; тот приехал в Эфес, поселился по соседству с воином у доброго старичка и тайно видится с любимой. Вот на сцене дом воина, а вот дом старика, они рядом, и между ними умный раб легко соорудил потайной ход.

Все бы неплохо, но другой раб воина подглядел за свиданием влюбленных, и старичок сосед очень встревожен: не устроил бы буян воин ему погрома. «Ладно, — говорит Палестрион, — выдумаем, будто у его девушки была в Афинах сестра-двойняшка, вот она-то и поселилась со своим любовником у тебя, старик». Что же касается свидетеля, то его можно запутать и запугать: с него ведь и спрос, если недоглядел. В самом деле, пока соглядатай спешит с доносом, девушка, пробравшись по тайному

ходу, оказывается уже дома и обрушивается на злополучного доносчика как на клеветника; а потом, снова перебравшись к соседу, она уже показывается открыто и под видом собственной сестры милуется с юношей, а у глупого раба голова совсем идет кругом.

Старик сосед не против такого розыгрыша, так что юноше-афинянину даже неудобно: столько хлопот из-за него! «В таких делах я рад помочь, — отвечает старик, — я и сам еще падок до красавиц, а они до меня: воспитанный, остроумный, любезный — настоящий эфесец!» «А что ж до сих пор холост?» — удивляется юноша. «Свобода превыше всего!» — гордо заявляет старичок. «Что правда, то правда!» — подтверждает раб. «А как же без детей? — удивляется юноша. — Кто же о тебе заботится?» — «Что ты! — отмахивается старик, — ни один сын не будет так внимателен и обходителен, как дальние родичи, надеющиеся на мое наследство: они меня на руках носят!» — «А это и к лучшему, что ты не женат, — говорит раб. — Найди-ка ты гетеру, красивую и жадную, и выдай ее за свою жену…» — «Это еще зачем?» — удивляется старик. «Пусть она прикинется, будто по уши влюблена в Пиргополиника и будто передала мне для него вот это твое кольцо…» — предлагает юноша. «Ничего не понимаю, но верю тебе: бери, делай что хочешь», — решает старик.

Герои без труда договариваются с гетерой; раб является к Пиргополинику, передает ему кольцо, расхваливает соседку, расписывает ее любовь. Воин, конечно, верит: как в него не влюбиться? Теперь, значит, нужно только отделаться от похищенной им афинянки, чтобы новая красотка не ревновала. Пожалуй, даже хорошо, что здесь по соседству появилась ее сестра: воин решается передать ей свою любовницу с рук на руки, да еще и щедро одарить, чтобы помалкивала, а рабу Палестриону за услуги дать свободу и отправить с ними провожатым, Появляется юноша, выдавая себя за доверенное лицо матери обеих девушек; воин отдает ему свою афинянку, та изображает великое горе: ах, как тяжко ей расставаться с таким красавцем и богатырем! Юноша с подружкой, рабом и подарками благополучно уплывают в Афины.

Добродетель восторжествовала, но порок еще не наказан. Однако и этого ждать недолго. Выступает гетера и разыгрывает, как задумано, жену старика, влюбленную в Пиргополиника. Тот послушно следует на свидание с нею в соседский дом. Там на него набрасывается старик хозяин с крепкими рабами: «Как ты смеешь, окаянный, подъезжать к моей жене?» Его хватают, колотят, точат нож, чтобы выхолостить на месте; с громкими воплями воин откупается от расправы большими деньгами и,

«обмякши от побоев», удирает с позором, «Я обманут, я наказан — но, увы, заслуженно! Всех распутников бы этак: стало бы поменьше их. Ну, теперь домой! а вы нам, зрители, *I* похлопайте!» Такой моралью заканчивается комедия.

М. Л. и В. М… Гаспаровы

Пубдий Терентий Афр (PubliusTerentiusAfer) [195–159 до н. э.]

Братья (Adelphoe)

Комедия (пост. в 160 до н. э.)

Вечная тема: поздним вечером отец в тревоге поджидает дома где-то задержавшегося сына и бормочет себе под нос, что нет больших волнений, чем волнения родительские…

Старик Микион родных детей не имеет. У его же брата Демеи — двое сыновей. Одного из них, Эсхина, усыновил Микион. Воспитывает юношу в рамках разумной дозволенности и полного доверия. Демея часто упрекает его за это.

И вот как раз сын Демеи Ктесифон влюбляется в арфистку Вакхиду, которая пока является собственностью сводника Санниона.

Благородный Эсхин, умный и энергичный (правда, при случае и сам не прочь гульнуть и повеселиться), сурово приструнивает этого стяжателя: Саннион его явно побаивается. И есть основания для этого.

Более того, дабы оградить брата от слишком уж серьезных упреков, часть его грехов Эсхин принимает на себя, реально рискуя нанести ущерб своей репутации. И эта братская самоотверженность трогательна.

Сир, раб Микиона, очень предан хозяевам: выручает их и словом, и делом. Помогал он воспитывать обоих юношей. Кстати, сообразительный Сир принимает самое активное участие и в «укрощении» корыстолюбивого сводника Санниона.

И снова — традиционный сюжетный ход: в свое время Эсхин обесчестил хорошую девушку Памфилу. У той уже приближаются роды, И честный Эсхин готов принять на себя все заботы отцовства: он ни от чего не отрекается.

Но мнимые его грехи (он, как помните, часто прикрывал своего непутевого брата Ктесифона) повредили его отношениям с невестой и ее родней; Эсхину просто отказано от дома.

Все же общими усилиями родственников, друзей и преданных

слуг истина и мир будут восстановлены. Но это еще впереди.

Кстати, и в такой ситуации рабы частенько оказываются умней и человечней некоторых господ. А уж находчивей — так уж всегда!

Демея все больше убеждается, что брат его лаской и добром добивается большего, чем он — строгими ограничениями и придирками.

Благодаря дружескому содействию Эсхина и Сира легкомысленный Ктесифон весело проводит время с певичкой. Их чувства искренни и поэтому вызывают симпатию зрителей. Но это, понятно, волнует его отца Демею. Поэтому в особо критические моменты преданный Сир умело выпроваживает его подальше от места любовных свиданий сына.

Чтобы проверить надежность чувств Эсхина, его отец рассказывает о женихе-родственнике из Милета, который готов забрать Памфилу вместе с ребенком. Тем более что Эсхин в свое время легкомысленно (чтоб не сказать — непозволительно) тянул со сватовством; будущая его жена была уже на девятом месяце!

Но, видя искреннее раскаяние и даже отчаяние сына, отец его успокаивает: все уже улажено и родня невесты поверила, что он не столь уж виноват, как твердила молва. И молодая мать поверила тоже.

Уплатив двадцать мин своднику за певичку, Микион решает иееоставить в доме — веселей будет жить!

А все еще ворчащего Демею он увещевает: каждый имеет право жить так, как привык, если, конечно, это не слишком мешает окружающим.

И Демея меняется прямо на глазах! Еще недавно — суровый и надменный, он становится приветлив даже по отношению к рабам. И в порыве чувств велит слугам снести забор меж двумя домами:

пусть двор будет общий, чтобы свадьбу играть широко, сообща, и тогда невесте не придется идти в дом жениха, что в ее нынешнем положении было бы уже нелегко.

И наконец, тот же Демея предлагает Микиону даровать свободу преданнейшему рабу Сиру. А заодно — и его жене.

Ю. В. Шанин

Свекровь (Несуга)

Комедия (пост. в 160 до н. э.)

Юноша Памфил был весьма неравнодушен к гетере Вакхиде. Но под нажимом родителей, скрепя сердце, женился на соседке —

добропорядочной Филумене. Она любит молодого мужа. Но сердце того, вероятно, еще принадлежит гетере…

Непредвиденный случай: при смерти близкий родственник, и Лахет, отец Памфила, посылает сына в другой город по делам о наследстве.

В отсутствие Памфила происходит неожиданное: Филумена возвращается в дом своих родителей. Этим озадачена и огорчена ее свекровь Сострата: она успела полюбить невестку и не понимает причин ее ухода. И даже попытки увидеть Филумену тщетны: мать девушки Миринна и служанки всякий раз говорят, что Филумена больна и ее нельзя тревожить визитами.

В неведении пребывают и Лахет, и даже отец девушки Фидипп. Они соседи, находятся в добрых отношениях: все это им непонятно и неприятно. Тем более что даже Фидиппа не допускают на женскую половину дома к дочери (в гинекей).

Возвращается из поездки Памфил. Никакого наследства, кстати, он не привез: родич пока жив и, кажется, вообще раздумал умирать.

Памфил хочет повидаться с женой. И вскоре выясняется, что ее болезнь была вполне естественного характера: Филумена родила мальчика!

Но очевидная, казалось бы, радость омрачена тем, что этот ребенок — не от Памфила. Он был зачат, по крайней мере, за два месяца до свадьбы. В этом-то и крылась причина срочного переезда Филумены под надежное крыло матери, подальше от взоров и пересудов соседей.

Она признается, что на каком-то празднике ею овладел пьяный насильник. И вот теперь появилось на свет дитя…

Молодая мать очень любит своего Памфила. Тот, однако, не хочет признавать чужого ребенка. Более разумную позицию занимает старшее поколение: и Сострата и Лахет готовы принять в дом и Филумену и маленького внука. А Фидипп горько упрекает Миринну за то, что та скрывала от него домашнюю ситуацию (щадя, естественно, репутацию дочери и не желая волновать мужа).

А Лахет тут же напоминает сыну, что и тот не без греха: ну, хотя бы его недавнее увлечение гетерой… Отец-дедушка решает поговорить с Вакхидой напрямую. И оказывается, что, как только юноша женился, гетера запретила ему приходить к ней, проявив несомненное благородство. Более того, она соглашается пойти в дом Фидиппа: рассказать Филумене и Миринне, что с момента свадьбы Памфил у нее не бывал. И не только рассказывает, а и торжественно клянется, И говорит, обращаясь к Лахету: «…не желаю, чтоб твой сын / Был молвой опутан ложной и без

основания / Перед вами оказался слишком легкомысленным…»

Во время этого визита Миринна замечает на пальце гетеры кольцо И узнает его: это перстень Филумены! Перстень, сорванный с ее пальца в ту роковую ночь насильником и потом… подаренный Вакхиде.

Итак, пьяным повесой оказался сам Памфил! И родившийся мальчик — его родной сын!

«Вакхида! О Вакхида! Ты спасла меня!» — восклицает счастливый молодожен и молодой отец.

Комедия завершается сценой всеобщей радости.

Ю. В. Шанин

Формион (Phormio)

Комедия (пост. в 161 до н. э.)

Действие развивается в Афинах. Все начинается монологом раба Лава; хозяин его друга Геты, молодой Антифон женится по любви и при совсем обычных обстоятельствах. Дав идет вернуть Гете должок: тому понадобились деньги на подарок молодым. Как видим, традиция подобных даров существовала издавна: собирали «подарочные взносы» не только с родни и друзей, но даже с рабов…

Гета сообщает Даву, что в город возвращаются Демифон и Хремет, старики-братья. Один — из Киликии, другой — с Лемноса. Оба они, уезжая, поручили Гете присматривать за их сыновьями Антифоном и Федрией. Но в итоге, оказавшись неоднократно битым молодыми хозяевами за попытки их наставлять, раб вынужден был стать сообщником юношей в их любовных делах.

Федрия (сын Демифона) влюбился в арфистку Памфилу. Молодой хозяин и слуга ежедневно провожали ее в школу и обратно. Бывал с ними и Антифон.

Однажды, поджидая арфистку в цирюльне, они внезапно узнали: неподалеку случилось несчастье. У бедной девушки Фании скончалась мать, и некому ее даже похоронить как следует.

Молодые люди отправляются в этот дом. И Антифон, помогая печальной Фании, по уши в нее влюбляется. Чувство оказывается взаимным. Антифон готов жениться, хотя и опасается гнева отца…

На помощь приходит умный и всезнающий парасит (по-древнегречески «параситос» — «нахлебник») Формион. Девушка осталась сиротой. А по закону ближайший родственник должен

позаботиться о ее замужестве. И вот на срочно созванном судебном заседании объявляется, что Фания состоит в родстве с Антифоном. И юноша незамедлительно женится на ней, выполняя «родственный долг» с вполне естественным энтузиазмом. Однако радость омрачена мыслью о скором возвращении отца и дяди, которые едва ли одобрят его выбор. Да и Федрия понимает, что его любовь к рабыне-арфистке тоже не вызовет восторга родителей…

Тем временем пожилые братья — уже в гавани города. Гета и Федрия уговаривают Антифона держаться стойко и объяснить родителям: жениться его вынудило правосудие. Ну и чувство тоже. «По закону, по суду, мол», — подсказывает ему Федрия. Но малодушный Антифон трусливо покидает сцену, бросив обоим на прощанье: «Всю жизнь мою и Фанию вверяю вам!»

Появляется Демифон. Он в гневе. Да, пусть закон. Но — презреть отцовское согласие и благословение?!

На приветствие Федрии и вопрос, все ли хорошо и здоров ли он, Демифон отвечает: «Вопрос! Прекрасную тут без меня устроили вы свадебку!»

Гета и Федрия всеми возможными доводами защищают сбежавшего Антифона. Но Демифон упорствует. Да, пусть по закону. Но тот же закон предоставляет право снабдить бедную родственницу приданым и выдать ее на сторону. А так — «Какой же был смысл вводить в дом нищую?!». И Демифон требует свести его с параситом Формионом — защитником обеих женщин и косвенным виновником этих неприятных для старых братьев событий.

Но Формион спокоен и уверен, что ему все удастся сделать законно и благополучно: «…Фания останется / С Антифоном. Всю провинность я сниму и на себя / Обращу все раздраженье это стариковское».

Как видим, Формион не только умен, самоуверен, но и благороден (хотя, быть может, не всегда бескорыстно).

И Формион переходит в наступление. Он обвиняет Демифона в том, что он бросил в горе бедную родственницу, да еще и сироту. Да, ее отец, дескать, был небогат и скромен сверх меры, поэтому после его смерти никто и не вспомнил о сиротке, все от нее отвернулись. В том числе и зажиточный Демифон…

Но Демифон спокоен. Он уверен, что подобных родственников у него нет: это выдумки Формиона. Однако, желая избежать судебной тяжбы, предлагает: «Бери пять мин и уводиее с собой!»

Однако Формион и не думает сдавать позиций. Фания замужем за сыном Демифона по закону. И она еще станет утехой

в старости обоим братьям.

Три судейских советника, весьма бестолковые, нерешительно дают Демифону предельно разноречивые советы: от них толку нет.

Но плохи дела у Федрии. Сводник Дорион, не дождавшись обещанной платы за Памфилу (эта арфистка-певичка — его рабыня), пообещал отдать ее какому-то воину, если Федрия не принесет деньги. Но где ж их взять?!

И хотя Антифон пока и сам находится в довольно критической ситуации, он умоляет Гету помочь двоюродному брату, найти выход (то есть деньги!). Ибо влюбленный Федрия готов следовать за певичкой хоть на край света.

Вернувшиеся братья встречаются. Хремет удрученно признается Демифону, что он встревожен и опечален. Оказывается, на Лемносе, куда он частенько наведывался под предлогом торговых дел, у него была вторая жена. И дочь, немного моложе Федрии и, следовательно, — его сводная сестра.

Лемносская жена приехала на розыски мужа в Афины и тут, не найдя его, в горе скончалась. Где-то здесь осталась сиротой и его дочь…

Между тем неугомонный Формион по уговору с Гетой делает вид, что, если уж ничего не получится у Антифона, он сам, так и быть, готов жениться на Фании. Но, конечно, получив от стариков отступное в виде приличного приданого. Деньги эти он тут же передает своднику для выкупа из рабства возлюбленной Федрии.

Формион, оказывается, знает о лемносской жизни Хремета и потому играет наверняка. А еще не подозревающий об этом Хремет готов помочь Демифону деньгами — только бы Антифон женился так, как того хочется родителям. Взаимопонимание братьев поистине трогательно.

Антифон, конечно, в отчаянии. Но верный раб Гета его успокаивает: все уладится, все завершится ко всеобщему удовольствию.

На сцене появляется Софрона — старая кормилица Фании. Она тут же узнает Хремета (правда, на Лемносе он носил имя Стильпона) и угрожает разоблачением. Хремет умоляет ее пока не делать этого. Но его, естественно, интересует судьба несчастной дочери.

Софрона рассказывает, как после смерти хозяйки она пристроила Фанию — выдала замуж за порядочного юношу. Молодые живут как раз в том доме, возле которого они сейчас стоят.

И оказывается, что счастливый муж Антифон — родной племянник Хремета!

Хремет поручил переговоры с Фанией своей жене Навсистрате. И девушка пришлась той по душе. Узнав же о былой измене мужа, Навсистрата, конечно, дала волю чувствам, но вскоре сменила гнев на милость: соперница уже умерла, жизнь же идет своим чередом…

Хремет счастлив беспредельно: добрая судьба сама все устроила наилучшим образом. Антифон и Фания, естественно, тоже счастливы. И Демифон согласен женить сына на новоявленной племяннице (да они, собственно, уже женаты).

Тут же и повсюду поспевающий верный раб Гета: ведь в немалой степени благодаря и его усилиям все так ладно завершилось.

А Формион, оказывается, не только умен и всеведущ, но и добрый, порядочный человек: ведь на полученные от стариков деньги он выкупил для Федрии из рабства его арфистку.

Завершается комедия тем, что Формион получает приглашение на праздничный обед в дом Хремета и Навсистраты.

Ю. В. Шанин

Самоистязатель (Heautontimorumenos)

Комедия (пост. в 163 до н. э.)

Хотя писал Теренций по-латыни и для римского зрителя, его персонажи носят греческие имена и предполагается, что действие часто происходит в Элладе. Так и в данном случае.

Суровый старик Менедем так допекал сына своего Клинию за увлечение бедной соседской девушкой, что тот был вынужден сбежать из родительского дома на военную службу.

Но, несмотря на это, сын любит отца. Со временем и Менедем раскаивается. Тоскуя по сыну и мучаясь угрызениями совести, он решил изнурить себя непрерывным трудом в поле. Заодно Менедем продает большинство своих рабов (они ему теперь почти не нужны) и многое другое: к возвращению сына хочет накопить приличествующую случаю сумму.

Сосед Хремет спрашивает Менедема о причинах этих его действий и, в частности, — столь ожесточенного самоистязания тяжким трудом. Причину же своей заинтересованности делами соседа Хремет объясняет угнетенному Менедему так: «Я — человек! / Не чуждо человеческое мне ничто». Эта и многие другие фразы из комедий Теренция со временем стали крылатыми выражениями, дожив в этом качестве и до наших дней.

Клиния влюблен в бедную и честную Антифилу и, не в силах

дольше терпеть разлуку, тайком возвращается. Но не домой (он все еще страшится гнева отца), а к другу-соседу Клитофону, сыну Хремета.

А Клитофон увлечен гетерой Вакхидой (что требует значительных затрат). Родители, естественно, не знают об этой страсти непутевого сыночка.

В комедийную интригу активно вмешивается Сир — умный и смекалистый раб Хремета (он надеется на вознаграждение), Оба юноши и Сир договариваются, что приведут Вакхиду в дом Хремета, выдавая ее за ту, которой увлечен Клиния. Так и происходит. В роли же служанки Вакхиды выступает скромная Антифила. И не только она: Вакхида прибывает с целой свитой слуг и рабов. И Хремет (думая, что это — возлюбленная Клинии) безропотно кормит и поит всю ораву. Он же наконец сообщает Менедему, что сын его тайно вернулся. Радости старого отца нет предела. Ради вернувшегося сына он теперь готов на все: принять в дом не только его, но и невесту, какая бы она ни была! Менедем стал теперь кротким и уступчивым.

Тем временем на сцене появляется Состратa — мать Клитофона, жена Хремета. По ходу действия внезапно выясняется, что Антифила — родная дочь Хремета. Когда она появилась на свет (не ко времени, вероятно), раздосадованный отец велел Состратe бросить ребенка…

Антифилу воспитывала добродетельная старушка, привив ей все лучшие качества, коими должна обладать порядочная девушка. Родители радостно признают Антифилу своей дочерью. Рассеиваются и сомнения Клитофона, родной ли он сын своих родителей и будут ли они его любить по-прежнему. Ведь сын-гуляка обманным путем вверг отца в немалые расходы. Но и гетера Вакхида в конце концов оказывается не такой уж бессердечной и распущенной.

В итоге Хремет соглашается выдать вновь обретенную дочь за Клинию и дает за ней приличное приданое. Тут же, неподалеку, находит он достойную невесту и для своего непутевого сына. Счастливы Менедем и его жена, счастливы Антифила и Клиния. И звучат заключительные слова Хремета: «Согласен! Ну, прощайте! Хлопайте!»

Ю. В. Шанин

Пубдий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maro) [70–19 до н. э.]

Энеида (Aeneis)

Героическая поэма (19 до н. э.)

Когда на земле начинался век героев, то боги очень часто сходили к смертным женщинам, чтобы от них рождались богатыри. Другое дело — богини: они лишь очень редко сходили к смертным мужам, чтобы рождать от них сыновей. Так от богини Фетиды был рожден герой «Илиады» — Ахилл; так от богини Афродиты был рожден герой «Энеиды» — Эней.

Поэма начинается в самой середине пути Энея. Он плывет на запад, между Сицилией и северным берегом Африки — тем, где как раз сейчас финикийские выходцы строят город Карфаген. Здесь-то и налетает на него страшная буря, насланная Юноной: по ее просьбе бог Эол выпустил на волю все подвластные ему ветры. «Тучи внезапные небо и свет похищают у взгляда, / Мрак на волны налег, гром грянул, молнии блещут, / Неизбежимая смерть отвсюду предстала троянцам. / Стонут канаты, и вслед летят корабельщиков крики. / Холод Энея сковал, вздевает он руки к светилам: / «Трижды, четырежды тот блажен, кто под стенами Трои / Перед очами отцов в бою повстречался со смертью!..»

Энея спасает Нептун, который разгоняет ветры, разглаживает волны. Проясняется солнце, и последние семь кораблей Энея из последних сил подгребают к незнакомому берегу.

Это Африка, здесь правит молодая царица Дидона. Злой брат изгнал ее из далекой Финикии, и теперь она с товарищами по бегству строит на новом месте город Карфаген. «Счастливы те, для кого встают уже крепкие стены!» — восклицает Эней и дивится возводимому храму Юноны, расписанному картинами Троянской войны: молва о ней долетела уже и до Африки. Дидона приветливо принимает Энея и его спутников — таких же беглецов, как она сама. В честь их справляется пир, и на этом пиру Эней ведет свой знаменитый рассказ о падении Трои.

Греки за десять лет не смогли взять Трою силой и решили взять ее хитростью. С помощью Афины-Минервы они выстроили огромного деревянного коня, в полом чреве его скрыли лучших своих героев, а сами покинули лагерь и всем флотом скрылись за ближним островом. Был пущен слух: это боги перестали помогать им, и они отплыли на родину, поставив этого коня в дар Минерве — огромного, чтобы троянцы не ввезли его в ворота, потому что если конь будет у них, то они сами пойдут войною на Грецию и одержат победу. Троянцы ликуют, ломают стену, ввозят коня через пролом. Провидец Лаокоон заклинает их не делать этого — «бойтесь врагов, и дары приносящих!» — но из моря выплывают две исполинские Нептуновы змеи, набрасываются на Лаокоона и

двух его юных сыновей, душат кольцами, язвят ядом: после этого сомнений не остается ни у кого, Конь в городе, на усталых от праздника троянцев опускается ночь, греческие вожди выскальзывают из деревянного чудовища, греческие войска неслышно подплывают из-за острова — враг в городе.

Эней спал; во сне ему является Гектор: «Троя погибла, беги, ищи за морем новое место!» Эней взбегает на крышу дома — город пылает со всех концов, пламя взлетает к небу и отражается в море, крики и стоны со всех сторон. Он скликает друзей для последнего боя: «Для побежденных спасенье одно — не мечтать о спасенье!» Они бьются на узких улицах, на их глазах волокут в плен вещую царевну Кассандру, на их глазах погибает старый царь Приам — «отсечена от плеч голова, и без имени — тело». Он ищет смерти, но ему является мать-Венера: «Троя обречена, спасай отца и сына!» Отец Энея — дряхлый Анхис, сын — мальчик Асканий-Юл; с бессильным старцем на плечах, ведя бессильного ребенка за руку, Эней покидает рушащийся город. С уцелевшими троянцами он скрывается на лесистой горе, в дальнем заливе строит корабли и покидает родину. Нужно плыть, но куда?

Начинаются шесть лет скитаний. Один берег не принимает их, на другом бушует чума. На морских перепутьях свирепствуют чудовища старых мифов — Скилла с Харибдой, хищные гарпии, одноглазые киклопы. На суше — скорбные встречи: вот сочащийся кровью кустарник на могиле троянского царевича, вот вдова великого Гектора, исстрадавшаяся в плену, вот лучший троянский пророк томится на дальней чужбине, вот отставший воин самого Одиссея — брошенный своими, он прибивается к бывшим врагам. Один оракул шлет Энея на Крит, другой в Италию, третий грозит голодом: «Будете грызть собственные столы!» — четвертый велит сойти в царство мертвых и там узнать о будущем. На последней стоянке, в Сицилии, умирает дряхлый Анхис; дальше — буря, карфагенский берег, и рассказу Энея конец.

За делами людей следят боги. Юнона и Венера не любят друг друга, но здесь они подают друг другу руки: Венера не хочет для сына дальнейших испытаний, Юнона не хочет, чтобы в Италии возвысился Рим, грозящий ее Карфагену, — пусть Эней останется в Африке! Начинается любовь Дидоны и Энея, двух изгнанников, самая человечная во всей античной поэзии. Они соединяются в грозу, во время охоты, в горной пещере: молнии им вместо факелов, и стоны горных нимф вместо брачной песни. Это не к добру, потому что Энею писана иная судьба, и за этой судьбою следит Юпитер. Он посылает во сне к Энею Меркурия: «Не смей

медлить, тебя ждет Италия, а потомков твоих ждет Рим!» Эней мучительно страдает. «Боги велят — не своей тебя покидаю я волей!..» — говорит он Дидоне, но для любящей женщины это — пустые слова. Она молит: «Останься!»; потом: «Помедли!»; потом: «Побойся! если будет Рим и будет Карфаген, то будет и страшная война меж твоими и моими потомками!» Тщетно. Она видит с дворцовой башни дальние паруса Энеевых кораблей, складывает во дворце погребальный костер и, взойдя на него, бросается на меч.

Ради неведомого будущего Эней покинул Трою, покинул Карфаген, но это еще не все. Его товарищи устали от скитаний; в Сицилии, пока Эней справляет поминальные игры на могиле Анхиса, их жены зажигают Энеевы корабли, чтобы остаться здесь и никуда не плыть. Четыре корабля погибают, уставшие остаются, на трех последних Эней достигает Италии.

Здесь, близ подножья Везувия, — вход в царство мертвых, здесь ждет Энея дряхлая пророчица Сивилла. С волшебной золотою ветвью в руках сходит Эней под землю: как Одиссей спрашивал тень Тиресия о своем будущем, так Эней хочет спросить тень своего отца Анхиса о будущем своих потомков. Он переплывает Аидову реку Стикс, из-за которой людям нет возврата. Он видит напоминание о Трое — тень друга, изувеченного греками. Он видит напоминание о Карфагене — тень Дидоны с раной в груди; он заговаривает: «Против воли я твой, царица, берег покинул!..» — но она молчит. Слева от него — Тартар, там мучатся грешники: богоборцы, отцеубийцы, клятвопреступники, изменники. Справа от него — поля Блаженных, там ждет его отец Анхис. В середине — река забвенья Аета, и над нею вихрем кружатся души, которым суждено в ней очиститься и явиться на свет. Среди этих-то душ Анхис указывает сыну на героев будущего Рима: и Ромула, основателя города, и Августа, его возродителя, и законодателей, и тираноборцев, и всех, кто утвердит власть Рима над. всем миром. Каждому народу — свой дар и долг: грекам — мысль и красота, римлянам — справедливость и порядок: «Одушевленную медь пусть выкуют лучше другие, / Верю; пусть изведут живые из мрамора лики, / Будут в судах говорить прекрасней, движения неба / Циркулем определят, назовут восходящие звезды; / Твой же, римлянин, долг — полновластно народами править! / Вот искусства твои: предписывать миру законы, / Ниспроверженных щадить и ниспровергать непокорных».

Это — дальнее будущее, но на пути к нему — близкое будущее, и оно нелегкое. «Страдал ты на море — будешь страдать и на суше, — говорит Энею Сивилла, — ждет тебя новая война,

новый Ахилл и новый брак — с чужеземкой; ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее!» Начинается вторая половина поэмы, за «Одиссеей» — «Илиада».

В дне пути от Сивиллиных Аидовых мест — середина италийского берега, устье Тибра, область Лаций. Здесь живет старый мудрый царь Латин со своим народом — латинами; рядом — племя рутулов с молодым богатырем Турном, потомком греческих царей. Сюда приплывает Эней; высадившись, усталые путники ужинают, выложив овощи на плоские лепешки. Съели овощи, съели лепешки. «Вот и столов не осталось!» — шутит Юл, сын Энея. «Мы у цели! — восклицает Эней. — Сбылось пророчество: «будете грызть собственные столы». Мы не знали, куда плывем, — теперь знаем, куда приплыли». И он посылает послов к царю Латину просить мира, союза и руки его дочери Лавинии. Латин рад: лесные боги давно вещали ему, что дочь его выйдет за чужестранца и потомство их покорит весь мир. Но богиня Юнона в ярости — враг ее, троянец, одержал верх над ее силой и вот-вот воздвигнет новую Трою: «Будь же война, будь общая кровь меж тестем и зятем! <…> Если небесных богов не склоню — преисподних воздвигну!»

В Лации есть храм; когда мир — двери его заперты, когда война — раскрыты; толчком собственной руки распахивает Юнона железные двери войны. На охоте троянские охотники по ошибке затравили ручного царского оленя, теперь они латинам не гости, а враги. Царь Латин в отчаянии слагает власть; молодой Турн, сам сватавшийся к царевне Лавинии, а теперь отвергнутый, собирает могучую рать против пришельцев: тут и исполин Мезенций, и неуязвимый Мессап, и амазонка Камилла. Эней тоже ищет союзников: он плывет по Тибру туда, где на месте будущего Рима живет царь Евандр, вождь греческих поселенцев из Аркадии. На будущем форуме пасется скот, на будущем Капитолии растет терновник, в бедной хижине царь угощает гостя и дает ему в помощь четыреста бойцов во главе со своим сыном, юным Паллантом. А тем временем мать Энея, Венера, сходит в кузницу своего мужа Вулкана, чтобы тот сковал ее сыну божественно прочные доспехи, как когда-то Ахиллу. На щите Ахилла был изображен весь мир, на щите Энея — весь Рим: волчица с Ромулом и Ремом, похищение сабинянок, победа над галлами, преступный Катилина, доблестный Катон и, наконец, торжество Августа над Антонием и Клеопатрой, живо памятное читателям Вергилия. «Рад Эней на щите картинам, не зная событий, и поднимает плечом и славу, и судьбу потомков».

Но пока Эней вдалеке, Турн с италийским войском подступает к его стану: «Как пала древняя Троя, так пусть падет и

новая: за Энея — его судьба, а за меня — моя судьба!» Два друга-троянца, храбрецы и красавцы Нис и Евриал, идут на ночную вылазку сквозь вражеский стан, чтобы добраться до Энея и призвать его на помощь. В безлунном мраке бесшумными ударами пролагают они себе путь среди спящих врагов и выходят на дорогу — но здесь на рассвете застигаетих неприятельский разъезд. Евриал попадает в плен, Нис — один против трехсот — бросается ему на выручку, но гибнет, головы обоих вздеты на пики, и разъяренные италийцы идут на приступ. Турн поджигает троянские укрепления, врывается в брешь, крушит врагов десятками, Юнона вдыхает в него силу, и только воля Юпитера кладет предел его успехам. Боги взволнованы, Венера и Юнона винят друг друга в новой войне и заступаются за своих любимцев, но Юпитер мановением их останавливает: если война начата, «… пусть каждому выпадет доля / Битвенных бед и удач: для всех одинаков Юпитер. / Рок дорогу найдет».

Тем временем наконец-то возвращаются Эней с Паллантом и его отрядом; юный Асканий-Юл, сын Энея, бросается из лагеря на вылазку ему навстречу; войска соединяются, закипает общий бой, грудь в грудь, нога к ноге, как когда-то под Троей. Пылкий Паллант рвется вперед, совершает подвиг за подвигом, сходится, наконец, с непобедимым Турном — и падает от его копья. Турн срывает с него пояс и перевязь, а тело в доспехах благородно позволяет соратникам вынести из боя. Эней бросается мстить, но Юнона спасает от него Турна; Эней сходится с лютым Мезенцием, ранит его, юный сын Мезенция Лавс заслоняет собою отца, — гибнут оба, и умирающий Мезенций просит похоронить их вместе. День кончается, два войска хоронят и оплакивают своих павших. Но война продолжается, и по-прежнему первыми гибнут самые юные и цветущие: после Ниса и Евриала, после Палланта и Лавса приходит черед амазонки Камиллы. Выросшая в лесах, посвятившая себя охотнице Диане, с луком и секирою бьется она против наступающих троянцев и погибает, сраженная дротом.

Видя гибель своих бойцов, слыша скорбные рыдания старого Латина и юной Лавинии, чувствуя наступающий рок, Турн шлет гонца к Энею: «Отведи войска, и мы решим наш спор поединком». Если победит Турн — троянцы уходят искать новую землю, если Эней — троянцы основывают здесь свой город и живут в союзе с латинами. Поставлены алтари, принесены жертвы, произнесены клятвы, два строя войск стоят по две стороны поля. И опять, как в «Илиаде», вдруг перемирие обрывается. В небе является знамение: орел налетает на лебединую стаю, выхватывает из нее добычу, но белая стая обрушивается со всех сторон на орла, заставляет его бросить лебедя и обращает в бегство. «Это — наша

победа над пришельцем!» — кричит латинский гадатель и мечет свое копье в троянский строй. Войска бросаются друг на друга, начинается общая схватка, и Эней и Турн тщетно ищут друг друга в сражающихся толпах.

А с небес на них смотрит, страдая, Юнона, тоже чувствуя наступающий рок. Она обращается к Юпитеру с последней просьбой:

«Будь что будет по воле судьбы и твоей, — но не дай троянцам навязать Италии свое имя, язык и нрав! Пусть Лаций останется Лацием и латины латинами! Троя погибла — позволь, чтоб и имя Трои погибло!» И Юпитер ей отвечает: «Да будет так». Из троянцев и латинов, из рутулов, этрусков и Евандровых аркадян явится новый народ и разнесет свою славу по всему миру.

Эней и Турн нашли друг друга: «сшиблись, щит со щитом, и эфир наполняется громом». Юпитер стоит в небе и держит весы с жребиями двух героев на двух чашах. Турн ударяет мечом — меч ломается о щит, выкованный Вулканом. Эней ударяет копьем — копье пронзает Турну и щит и панцирь, он падает, раненный в бедро. Подняв руку, он говорит: «Ты победил; царевна — твоя; не прошу пощады для себя, но если есть в тебе сердце — пожалей меня для моего отца: и у тебя ведь был Анхис!» Эней останавливается с поднятым мечом — но тут взгляд его падает на пояс и перевязь Турна, которые тот снял с убитого Палланта, недолгого Энеева друга. «Нет, не уйдешь! Паллант тебе мстит!» — восклицает Эней и пронзает сердце противника; «и объятое холодом смертным / Тело покинула жизнь и со стоном к теням отлетает».

Так кончается «Энеида».

М. Л. Гаспаров

Публий Овидий Назон (PubliusOvidiusNaso) [43 до н. э. — 17 н. э.]

Метаморфозы (Metamorphoses)

Поэма (ок. 1–8 н. э.)

Слово «метаморфозы» значит «превращения». Было очень много древних мифов, которые кончались превращениями героев — в реку, в гору, в животное, в растение, в созвездие. Поэт Овидий попробовал собрать все такие мифы о превращениях, которые он знал; их оказалось больше двухсот. Он пересказал их

один за другим, подхватывая, переплетая, вставляя друг в друга; получилась длинная поэма под заглавием «Метаморфозы». Начинается она с сотворения мира — ведь когда Хаос разделился на Небо и Землю, это уже было первое в мире превращение. А кончается она буквально вчерашним днем: за год до рождения Овидия в Риме был убит Юлий Цезарь, в небе явилась большая комета, и все говорили, что это вознеслась на небеса душа Цезаря, который стал богом, — а это тоже не что иное, как превращение.

Так движется поэма от древнейших к новейшим временам. Чем древнее — тем величавее, тем космичнее описываемые превращения: мировой потоп, мировой пожар. Потоп был наказанием первым людям за их грехи — суша стала морем, прибой бил в маковки гор, рыбы плавали меж древесных ветвей, люди на утлых плотах умирали от голода. Только двое праведников спаслись на двухвершинной горе Парнасе — праотец Девкалион и жена его Пирра. Схлынула вода, открылся пустынный и безмолвный мир; со слезами они взмолились богам и услышали ответ: «Материнские кости мечите себе за спину!» С трудом они поняли: общая мать — Земля, кости ее — камни; они стали метать каменья через свои плечи, и за спиною Девкалиона из этих камней вырастали мужчины, а за спиною Пирры — женщины. Так явился на земле новый человеческий род.

А пожар был не по воле богов, а по дерзости неразумного подростка. Юный Фаэтон, сын Солнца, попросил отца: «Мне не верят, что я твой сын: дай же мне проскакать по небу в твоей золотой колеснице от востока до закатав «Будь по-твоему, — ответил отец, — но берегись: не правь ни вверх, ни вниз, держись середины, иначе быть беде!» И пришла беда: на высоте у юноши закружилась голова, дрогнула рука, кони сбились с пути, в небе шарахнулись от них и Рак и Скорпион, на земле запылали горные леса от Кавказа до Атласа, закипели реки от Рейна до Ганга, ссохлось море, треснула почва, свет пробился в черное царство Аида, — и тогда сама старая Земля, вскинув голову, взмолилась Зевсу: «Хочешь сжечь — сожги, но помилуй мир, да не будет нового Хаоса!» Зевс грянул молнией, колесница рухнула, а над останками Фаэтона написали стих: «Здесь сражен Фаэтон: дерзнув на великое, пал он».

Начинается век героев, боги сходят к смертным, смертные впадают в гордыню. Ткачиха Арахна вызывает на состязание богиню Афину, изобретательницу тканья, У Афины на ткани — олимпийские боги, Посейдон творит для людей коня, сама Афина — оливу, а по краям — наказания тех, кто посмел равняться с богами: те обращены в горы, те в птиц, те в ступени храма. А у

Арахны на ткани — как Зевс обернулся быком, чтоб похитить одну красавицу, золотым дождем для другой, лебедем для третьей, змеем для четвертой; как Посейдон превращался и в барана, и в коня, и в дельфина; как Аполлон принимал вид пастуха, а Дионис — виноградаря, и еще, и еще. Ткань Арахны не хуже, чем ткань Афины, и Афина казнит ее не за работу, а за кощунство: превращает ее в паука, который висит в углу и вечно ткет паутину. «Паук» по-гречески — «арахна».

Зевсов сын, Дионис-виноградарь, чудотворцем идет по свету и дарит людям вино. Врагов своих он наказывает: корабельщики, перевозившие его через море, решили похитить такого красавца и продать в рабство — но корабль их останавливается, пускает корни в дно, плющ обвивает мачту, с парусов повисают гроздья, а разбойники изгибаются телом, покрываются чешуей и дельфинами прыгают в море. А друзей своих он одаряет чем угодно, но не всегда они просят разумного. Жадный царь Мидас попросил: «Пусть все, чего я коснусь, становится золотом!» — и вот золотой хлеб и мясо ломают ему зубы, а золотая вода льется в горло расплавленным металлом. Простирая чудотворные руки, он молит: «Ах, избавь меня от пагубного дара!» — и Дионис с улыбкой велит: «Вымой руки в реке Пактоле». Сила уходит в воду, царь снова ест и пьет, а река Пактол с тех пор катит золотой песок.

Не только юный Дионис, но и старшие боги появляются меж людей. Сам Зевс с Гермесом в облике странников обходят людские села, но грубые хозяева гонят их от порогов. Только в одной бедной хижине приняли их старик и старуха, Филемон и Бавкида. Гости входят, пригнув головы, присаживаются на рогожу, перед ними столик с хромой ножкой, подпертой черепком, вместо скатерти его доску натирают мятой, в глиняных мисках — яйца, творог, овощи, сушеные ягоды. Вот и вино, смешанное с водой, — и вдруг хозяева видят: чудо — сколько ни пьешь, оно не убывает в чашах. Тут они догадываются, кто перед ними, и в страхе молят: «Простите нас, боги, за убогий прием». В ответ им хижина преображается, глинобитный пол становится мраморным, кровля вздымается на колоннах, стены блещут золотом, а могучий Зевс говорит: «Просите, чего хотите!» «Хотим остаться в этом вашем храме жрецом и жрицею, и как жили вместе, так и умереть вместе». Так и стало; а когда пришел срок, Филемон и Бавкида на глазах друг у друга обратились в дуб и липу, только и успев молвить друг другу «Прощай!».

А меж тем век героев идет своим чередом. Персей убивает Горгону, превращающую в камень взглядом, и когда кладет ее отсеченную голову ниц на листья, то листья обращаются в

кораллы. Ясон привозит из Колхиды Медею, и та превращает его дряхлого отца из старика в молодого. Геракл бьется за жену с речным богом Ахелоем, тот оборачивается то змеем, то быком — и все-таки побежден. Тесей входит в критский Лабиринт и убивает там чудовищного Минотавра; царевна Ариадна дала ему нить, он протянул ее за собою по путаным коридорам от входа до середины, а потом нашел по ней дорогу обратно. Эту Ариадну отнял у Тесея и сделал своею женою бог Дионис, а венчик с ее головы он вскинул в небо, и там он засветился созвездием Северной Короны.

Строителем критского Лабиринта был умелец афинянин Дедал, пленник грозного царя Миноса, сына Зевса и отца Минотавра. Дедал томился на его острове, но бежать не мог: все моря были во власти Миноса. Тогда он решил улететь по небу: «Всем владеет Минос, но воздухом он не владеет!» Собрав птичьи перья, он скрепляет их воском, вымеряет длину, выверяет изгиб крыла; а мальчик его Икар рядом то лепит комочки воска, то ловит отлетающие перышки. Вот уже готовы большие крылья для отца, маленькие для сына, и Дедал учит Икара: «Лети мне вслед, держись середины: ниже возьмешь — от брызг моря отяжелеют перья; выше возьмешь — от жара солнца размякнет воск». Они летят; рыбаки на берегах и пахари на пашнях вскидывают взгляды в небо и замирают, думая, что это вышние боги. Но опять повторяется участь Фаэтона: Икар радостно забирает ввысь, тает воск, рассыпаются перья, голыми руками он хватает воздух, и вот уже море захлестывает его губы, взывающие к отцу. С тех пор это море называется Икарийским.

Как на Крите был умельцем Дедал, так на Кипре был умельцем Пигмалион. Оба они были ваятелями: про Дедала говорили, что его статуи умели ходить, про Пигмалиона — будто его статуя ожила и стала ему женой. Это была каменная девушка по имени Галатея, такая прекрасная, что Пигмалион сам в нее влюбился: ласкал каменное тело, одевал, украшал, томился и наконец взмолился к богам:

«Дайте мне такую жену, как моя статуя!» И богиня любви Лфродита откликнулась: он касается статуи и чувствует мягкость и тепло, он целует ее, Галатея раскрывает глаза и разом видит белый свет и лицо влюбленного. Пигмалион был счастлив, но несчастны оказались его потомки. У него родился сын Кинир, а у Кинира дочь Мирра, и эта Мирра кровосмесительной любовью влюбилась в своего отца. Боги в ужасе обратилиее в дерево, из коры которого, как слезы, сочится душистая смола, до сих пор называемая миррою. А когда настало время родить, дерево треснуло, и из трещины явился младенец по имени Адонис. Он

вырос таким прекрасным, что сама Афродита взяла его себе в любовники. Но не к добру: ревнивый бог войны Арес наслал на него на охоте дикого вепря, Адонис погиб, и из крови его вырос недолговечный цветок анемон.

А еще у Пигмалиона был то ли правнук, то ли правнучка, по имени то ли Кенида, то ли Кеней. Родилась она девушкой, в нее влюбился морской Посейдон, овладел ею и сказал: «Проси у меня чего угодной Она ответила: «Чтоб никто меня больше не мог обесчестить, как ты, — хочу быть мужчиной!» Начала эти слова женским голосом, кончила мужским. А в придачу, радуясь такому желанию Кениды, бог дал ее мужскому телу неуязвимость от ран. В это время справлял многолюдную свадьбу царь племени лапифов, друг Тесея. Гостями на свадьбе были кентавры, полулюди-полулошади с соседних гор, дикие и буйные. Непривычные к вину, они опьянели и набросились на женщин, лапифы стали защищать жен, началась знаменитая битва лапифов с кентаврами, которую любили изображать греческие скульпторы. Сперва в свадебном дворце, потом под открытым небом, сперва метали друг в друга литыми чашами и алтарными головнями, потом вырванными соснами и глыбами скал. Тут-то и показал себя Кеней — ничто его не брало, камни отскакивали от него, как град от крыши, копья и мечи ломались, как о гранит. Тогда кентавры стали забрасывать его стволами деревьев: «Пусть раны заменятся грузом!» — целая гора стволов выросла над его телом и сперва колебалась, как в землетрясении, а потом утихла. И когда битва кончилась и стволы разобрали, то под ними лежала мертвая девушка Кенида,

Поэма близится к концу: про битву лалифов с кентаврами рассказывает уже старый Нестор в греческом лагере под Троей. Даже Троянская война не обходится без превращений. Пал Ахилл, и тело его вынесли из битвы двое: мощный Аякс нес его на плечах, ловкий Одиссей отражал наседающих троянцев. От Ахилла остался знаменитый доспех, кованный Гефестом: кому он достанется? Аякс говорит: «Я первый пошел на войну; я сильнейший после Ахилла; я лучший в открытом бою, а Одиссей — лишь в тайных хитростях; доспех — мне!» Одиссей говорит: «Зато лишь я собрал греков на войну; лишь я привлек самого Ахилла; лишь я удержал войско от возврата на десятый год; ум важней, чем сила; доспех — мне!» Греки присуждают доспех Одиссею, оскорбленный Аякс бросается на меч, и из крови его вырастает цветок гиацинт, на котором пятнышки складываются в буквы «AI» — скорбный крик и начало Аяксова имени.

Троя пала, Эней плывет с троянскими святынями на запад, на каждой своей стоянке он слышит рассказы о превращениях,

памятные в этих дальних краях. Он ведет войну за Лаций, потомки его правят в Альбе, и оказывается, что окрестная Италия не менее богата сказаниями о превращениях, чем Греция. Ромул основывает Рим и возносится в небеса — сам превращается в бога; семь столетий спустя Юлий Цезарь спасет Рим в гражданских войнах и тоже вознесется кометою — сам превратится в бога. А покамест преемник Ромула, Нума Помпилий, самый мудрый из древних римских царей, слушает речи Пифагора, самого мудрого из греческих философов, и Пифагор объясняет ему и читателям, что же такое превращения, о которых сплетались рассказы в столь длинной поэме.

Ничто не вечно, — говорит Пифагор, — кроме одной лишь души. Она живет, неизменная, меняя телесные оболочки, радуясь новым, забывая о прежних. Душа Пифагора жила когда-то в троянском герое Евфорбе; он, Пифагор, это помнит, а люди обычно не помнят. Из людских тел душа может перейти и в тела животных, и птиц, и опять людей; поэтому мудрый не станет питаться мясною пищей. «Словно податливый воск, что в новые лепится формы, / Не пребывает одним, не имеет единого вида, / Но остается собой, — так точно душа, оставаясь / Тою же, — так говорю! — переходит в различные плоти».

А всякая плоть, всякое тело, всякое вещество изменчиво. Все течет: сменяются мгновенья, часы, дни, времена года, возрасты человека. Земля истончается в воду, вода в воздух, воздух в огонь, и снова огонь уплотняется в грозовые тучи, тучи проливаются дождем, от дождя тучнеет земля. Горы были морем, и в них находят морские раковины, а море заливает когда-то сухие равнины; иссыхают реки и пробиваются новые, острова откалываются от материка и срастаются с материком. Троя была могуча, а нынче в прахе, Рим сейчас мал и слаб, а будет всесилен: «В мире ничто не стоит, но все обновляется вечно».

Вот об этих вечных переменах всего, что мы видим в мире, и напоминают нам старинные рассказы о превращениях — метаморфозах.

М. Л. Гаспаров

Луций Анней Сенека (Lucius Annaeus Seneca) [ок. 4 до н. э. — 65 н. э.]

Фиест (Thyestes)

Трагедия (40—50-е?)

Герои этой трагедии — два царя-злодея из города Аргоса, Атрей и Фиест. Сыном этого Атрея был знаменитый вождь греков в Троянской войне Агамемнон — тот, которого убила его жена Клитемнестра, а ее за это убилих сын Орест (и Эсхил написал об этом свою «Орестею»). Когда греки спрашивали, за что были такие ужасы, то на это отвечали: «За грехи предков». Череда этих грехов началась очень давно.

Первым грешником был Тантал, могучий царь Малой Азии. Сами боги сходили с небес пировать в его дворце. Но Тантал оказался нечестивцем: не поверил, что боги всеведущи, и решил испытать их страшным испытанием. Он зарезал своего сына Пелопа, сварил в котле и подал его мясо к столу богов. Боги вознегодовали: Пелопа они воскресили и исцелили, а Тантала низвергли в Аид и казнили «танталовыми муками» — вечным голодом и жаждой. Он стоит в реке под сенью плодовых ветвей, но не может ни есть, ни пить; когда тянется к плодам, они ускользают, когда клонится к воде, она высыхает.

Вторым грешником был тот самый Пелоп, сын Тантала. Из Малой Азии он пришел в Южную Грецию и отбил ее у злого царя, который застаплял пришельцев состязаться с ним в колесничном беге, а побежденных убивал. Пелоп победил его хитростью: подкупил царского возницу, тот вынул втулку, которой держалось колесо на оси, колесница разбилась, и царь погиб. Но ПелоП захотел скрыть свое коварство; вместо награды он столкнул царского возницу в море, и тот, падая, проклял за вероломство и Пелопа и всех его потомков.

В третьем поколении грешниками стали Атрей и фиест, сыновья Пелопа. Они стали спорить за власть над Аргосом. В Пелоповом стаде был золоторунный баран — знак царской власти; его унаследовал Атрей, но Фиест обольстил жену Атрея и похитил барана. Начались раздоры, Фиест был изгнан и жил, бедствуя, в нищете. Царство досталось Атрею, но ему этого было мало: он хотел отомстить брату за обольщение жены. Он вспомнил Танталов людоедский пир: он решил зарезать детей Фиеста и накормить Фиеста их мясом. Так он и сделал; боги ужаснулись, само Солнце свернуло с небесного пути, чтоб не видеть страшной трапезы. Об этом и написал свою кровавую трагедию Сенека.

Предчувствие ужасов начинается с первых же строк. Тень Тантала является из преисподней, ее гонит Эринния (по-латыни — «фурия»): «Ты зарезал своего сына в пищу богам — внуши теперь, чтоб твой внук зарезал сыновей другого внука в пищу отцу!» — «Отпусти меня — лучше терпеть пытку, чем быть пыткой!» — «Делай свое дело: пусть грешники под землей

радуются своим казням, пусть знают, что на земле страшнее, чем в аду!» Безликий хор поет о грехах Тантала — теперь они множатся в его потомстве.

Внушенная мысль приходит в голову Атрея: «Ничтожен царь, медлящий мстить! Почему я еще не преступен? Злодейство ждет меж братом и братом — кто первый протянет к нему руку?» «Убей фиеста», — говорит советник. «Нет: смерть — это милость: я задумал большее». — «Чемже вздумал ты погубить фиеста?» — «Самим фиестом!» — «Чем заманишь его в плен?» — «Посулю полцарства: ради власти сам придет». — «Не боишься божьей кары?» — «Пусть рухнет на меня Пелопов дом — лишь бы рухнул и на брата». Хор, глядя на это, поет: нет, царь не тот, кто богат и могуч! истинный царь — тот, кто чужд страстей и страхов, кто тверд и покоен духом.

Фиест научился этому в изгнании, но не до конца. Он снес беду, но не снес тягот. Он знает: «Нет царства больше, чем без царств довольным быть! Злодейство во дворцах живет — не в хижинах»; но в душе его страх. «Чего боишься?» — спрашивает сын. «Всего», — отвечает фиест и все-таки идет к Атрею. Атрей выходит навстречу. «Я рад видеть брата! — говорит он (и это правда). — Будь царем со мною!» «Оставь меня в ничтожестве», — отвечает Фиест, «Ты отказываешься от счастья?» — «Да, ибо знаю: счастье переменчиво». — «Не лишай меня славы поделиться властью! — говорит Атрей. — Быть у власти — случайность, отдать власть — доблесть». И Фиест уступает. Хор рад миру, но напоминает себе: радость не бывает долгой.

О злодействе, как водится, рассказывает вестник. Есть темная роща, посвященная Пелопу, где стонут стволы и бродят призраки; там у алтаря, как жертвенных животных, зарезал Атрей фиестовых сыновей — одному снес голову, другому перерезал горло, третьему пронзил сердце. Дрогнула земля, пошатнулся дворец, черная звезда скатилась с небес. «О ужас!» — восклицает хор. Нет, ужас впереди: царь рассекает тела, мясо кипит в котле и шипит на вертелах, огонь не хочет гореть под ними, дым черной тучей нависает над домом. Не ведающий беды фиест пирует с братом и дивится, что кусок не идет ему в горло, что дыбом встают умащенные волосы. Хор глядит в небо, где Солнце с полпути повернуло вспять, тьма встает с горизонта — не конец ли это света, не смешается ли мир в новом Хаосе?

Атрей торжествует: «Жаль, что тьма и что боги не видят мое дело, — но мне довольно, что его увидит Фиест! Вот он пьет последнюю чашу, где с вином смешана кровь его сыновей. Пора!» На блюде вносят отрезанные головы Фиестовых детей. «Узнаешь сыновей?» — «Узнаю брата! О, дай мне хотя бы похоронить их

тела!» — «Они уже похоронены — в тебе». — «Где мой меч, чтобы я пронзил себя?» —

«Пронзи — и пронзишь сыновей у себе». — «Чем сыновья виновны?» — «Тем, что ты — их отец». — «Где мера злодеянью?» — «Есть мера преступлению — нет меры возмездию!» — «Гряньте, боги, молниями: пусть я стану сам погребальным костром сыновьям своим!» — «Ты обольстил мою жену — ты сам первым убил бы моих детей, если бы не думал, что они — твои». — «Боги-мстители, будьте карою Атрею». — «А тебе вечной карою — твои сыновья в тебе!»

Хор безмолвствует.

М. Л. Гаспаров

Луций Апулей (Lucius Apuleius) [ок. 125 — ок. 180 н. э.]

Метаморфозы, иди Золотой осел (Metamorphosess ive Asinus Aureus)

Авантюрно-аллегорический роман

Герой романа Луций (случайно ли совпадение с именем автора?!) путешествует по Фессалии. В пути он слышит увлекательные и страшные истории о колдовских чарах, превращениях и прочих ведьмовских проделках. Луций прибывает в фессалийский город Гипату и останавливается в доме некоего Милона, который «набит деньгами, страшный богатей, но скуп донельзя и всем известен как человек преподлый и прегрязный». Во всем античном мире Фессалия славилась как родина магического искусства, и вскоре Луций убеждается в этом на собственном печальном опыте.

В доме Милона у него завязывается роман со служанкой Фотидой, которая открывает любовнику тайну своей хозяйки. Оказывается, Памфила (так зовут жену Милона) с помощью чудесной мази может превращаться, предположим, в сову. Луций страстно хочет испытать это, и Фотида в конце концов поддается на его просьбы: оказывает содействие в столь рискованном деле. Но, проникнув тайно в комнату хозяйки, она перепутала ящички, и в итоге Луций превращается не в птицу, а в осла. В этом облике и пребывает он до самого конца романа, зная лишь, что для обратного превращения ему надо отведать лепестков роз. Но различные препятствия встают на его пути всякий раз, как он видит очередной розовый куст.

Новоявленный осел становится собственностью шайки разбойников (они ограбили дом Милона), которые используют его, естественно, как вьючное животное: «Я был скорее мертв, чем жив, от тяжести такой поклажи, от крутизны высокой горы и продолжительности пути».

Не раз находящийся на краю гибели, измученный, избитый и полуголодный, Луций невольно участвует в набегах и живет в горах, в притоне разбойников. Там ежедневно и еженощно выслушивает он и запоминает (превратившись в осла, герой, к счастью, не утратил понимания человеческой речи) все новые и новые страшные истории о разбойничьих приключениях. Ну, например, — рассказ о могучем разбойнике, облачившемся в медвежью шкуру и в этом облике проникшем в дом, избранный его сотоварищами для ограбления.

Самая известная из вставных новелл романа — «Амур и Психея» — дивная сказка о младшей и прекраснейшей из трех сестер: она стала возлюбленной Амура (Купидона, Эрота) — коварного стреловержца.

Да, Психея была столь прекрасна и обворожительна, что бог любви сам полюбил ее. Перенесенная ласковым Зефиром в сказочный дворец, Психея каждую ночь принимала Эрота в свои объятия, лаская божественного возлюбленного и чувствуя, что любима им. Но при этом прекрасный Амур оставался невидимым — главное условие их любовных встреч…

Психея уговаривает Эрота разрешить ей повидаться с сестрами. И, как всегда бывает в подобных сказках, завистливые родственницы подбивают ее ослушаться мужа и попытаться его увидеть. И вот во время очередного свидания Психея, давно снедаемая любопытством, зажигает светильник и, счастливая, радостно разглядывает прекрасного супруга, спящего рядом с ней.

Но тут с фитиля лампы брызнуло горячее масло: «Почувствовав обжог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободился от объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги и, не произнеся ни слова, поднялся в воздух».

Богиня любви и красоты Венера, чувствуя в Психее соперницу, всячески преследует избранницу своего стрелоносного и капризного сына. И с чисто женской страстностью восклицает: «Так он на самом деле любит Психею, соперницу мою по самозваной красоте, похитительницу моего имени?!» А затем просит двух небожительниц — Юнону и Цереру — «найти сбежавшую летунью Психею», выдавая ее за свою рабыню.

Меж тем Психея, «переходя с места на место, днем и ночью с

беспокойством ищет своего мужа, и все сильнее желает если не ласками супруги, то хоть рабскими мольбами смягчить его гнев». На тернистом пути своем она попадает в отдаленный храм Цереры и трудолюбивой покорностью завоевывает ее благосклонность, И все ж богиня плодородия отказывается предоставить ей убежище, ибо связана с Венерой «узами старинной дружбы».

Так же отказывается приютить ее и Юнона, говорящая: «Законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам без согласия их хозяев, от этого меня удерживают». И хорошо хоть, что богини не выдали Психею разгневанной Венере.

А та между тем просит Меркурия объявить, так сказать, вселенский розыск Психеи, огласив всем людям и божествам ее приметы. Но Психея в это время и сама уже подходит к чертогам своей неукротимой и прекрасной свекрови, решив сдаться ей добровольно и робко надеясь на милосердие и понимание.

Но надежды ее напрасны. Венера жестоко насмехается над несчастной невесткой и даже избивает ее. Богиню, кроме всего, бесит уже сама мысль о перспективе стать бабушкой: она собирается помешать Психее родить дитя, зачатое от Амура: «Брак ваш был неравен, к тому же, заключенный в загородном поместье, без свидетелей, без согласия отца, он не может считаться действительным, так что родится от него незаконное дитя, если я вообще позволю тебе доносить его».

Затем Венера дает Психее три невыполнимых задания (ставшие затем «вечными сюжетами» мирового фольклора). Первое из них — разобрать несметную кучу ржи, пшеницы, мака, ячменя, проса, гороха, чечевицы и бобов — Психее помогают выполнить муравьи. Так же, с помощью добрых сил природы и местных божеств, справляется она и с остальными повинностями.

Но и Амур тем временем страдал в разлуке с любимой, которую уже простил. Он обращается к своему отцу Юпитеру с просьбой разрешить этот «неравный брак». Главный Олимпиец созвал всех богов и богинь, велел Меркурию немедленно доставить Психею на небо и, протянув ей чашу с амброзией, сказал: «Прими, Психея, стань бессмертной. Пусть никогда Купидон не отлучается из объятий твоих и да будет этот союз на веки веков!»

И была сыграна на небе свадьба, на которой весело плясали все боги и богини, и даже Венера, уже к тому времени подобревшая. «Так надлежащим образом передана была во власть Купидона Психея, и, когда пришел срок, родилась у них дочка, которую зовем мы Наслаждением».

Впрочем, Зевса можно понять: во-первых, он был не совсем

бескорыстен, ибо за согласие на этот брак попросил Амура подыскать ему на Земле очередную красавицу для любовных утех. А во-вторых, как мужчина, не лишенный вкуса, он понимал чувства сына…

Этот трогательно-трагический рассказ Луций услышал от пьяной старухи, которая вела хозяйство в пещере разбойников. Благодаря сохранившейся способности понимать людскую речь, превращенный в осла герой узнал множество и других удивительных историй, ибо почти непрерывно находился в пути, на коем попадалось ему немало искусных рассказчиков.

После множества злоключений, постоянно меняя хозяев (преимущественно — злых и лишь изредка — добрых), Луций-осел в конце концов спасается бегством и оказывается однажды на уединенном Эгейском побережье. И тут, наблюдая рождение Луны, восходящей из моря, он вдохновенно обращается к богине Селене, носящей множество имен у разных народов: «Владычица небес! Совлеки с меня образ дикого четвероногого, верни меня взорам моих близких <…> Если же гонит меня с неумолимой жестокостью какое-нибудь божество, пусть мне хоть смерть дана будет, если жить не дано!» И царственная Исида (египетское имя Селены-Луны) является Луцию и указывает путь к спасению. Не случайно именно эта богиня в античном мире всегда связывалась со всеми таинственными действами и магическими превращениями, ритуалами и мистериями, содержание коих было известно лишь посвященным. Во время священного шествия жрец, заранее предупрежденный богиней, дает несчастному возможность наконец вкусить розовых лепестков, и на глазах восхищенно-экзальтированной толпы Луций вновь обретает человеческий облик.

Приключенческий роман завершается главой, посвященной религиозным таинствам. И происходит это вполне органично и естественно (ведь речь все время идет о превращениях — в том числе и духовных!).

Пройдя через серию священных обрядов, познав десятки таинственных посвящений и в конце концов возвратившись домой, Луций вернулся и к судебной деятельности адвоката. Но, в более высоком звании, чем был ранее, и с добавлением священных обязанностей и должностей.

Ю. В. Шанин

Гай Арбитр Петроний (Gaius Petronius Arbiter) [? — 66]

Сатирикон (SatiriconusseuCena Trimalchionis)

Плутовской роман

Текст первого известного в мировой литературе авантюрного (или плутовского) романа сохранился лишь фрагментарно: отрывки 15-й, 16-й и предположительно 14-й главы. Нет начала, нет и конца, А всего, по-видимому, было 20 глав…

Главный герой (от его имени ведется повествование) — поднаторевший в риторике неуравновешенный юноша Энколпий, явно неглупый, но, увы, небезупречный человек. Он скрывается, спасаясь от кары за ограбление, убийство и, самое главное, за сексуальное святотатство, навлекшее на него гнев Приапа — очень своеобразного древнегреческого бога плодородия. (Ко времени действия романа культ этого бога пышно расцвел в Риме. В изображениях Приапа обязательны фаллические мотивы: сохранилось много его скульптурою)

Энколпий с подобными ему друзьями-параситами Аскилтом, Гитоном и Агамемноном прибыли в одну из эллинских колоний в Кампании (область древней Италии). В гостях у богатого римского всадника Ликурга они все «переплелись парочками». При этом тут в чести не только нормальная (с нашей точки зрения), но и чисто мужская любовь. Затем Энколлий и Аскилт (еще недавно бывшие «братцами») периодически меняют свои симпатии и любовные ситуации. Аскилт увлекается милым мальчиком Гитоном, а Энколпий приударяет за красоткой Трифэной…

Вскоре действие романа переносится в поместье судовладельца Лиха. И — новые любовные переплетения, в коих принимает участие и хорошенькая Дорида — жена Лиха, В итоге Энколпию и Гитону приходится срочно удирать из поместья.

По дороге лихой ритор-любовник забирается на корабль, севший на мель, и умудряется там стащить дорогую мантию со статуи Исиды и деньги рулевого. Затем возвращается в поместье к Ликургу.

…Вакханалия поклонниц Приапа — дикие «шалости» Приаповых блудниц… После многих приключений Энколпий, Гитон, Аскилт и Агамемнон попадают на пир в дом Трималхиона — разбогатевшего вольноотпущенника, дремучего неуча, мнящего себя весьма образованным. Он энергично рвется в «высший свет».

Беседы на пиру. Рассказы о гладиаторах. Хозяин важно сообщает гостям: «Теперь у меня — две библиотеки. Одна — греческая, вторая — латинская». Но тут же обнаруживается, что в его голове самым чудовищным образом перепутались известные герои и сюжеты эллинских мифов и гомеровского эпоса.

Самоуверенная заносчивость малограмотного хозяина безгранична. Он милостиво обращается к гостям и в то же время, сам вчерашний раб, неоправданно жесток со слугами. Впрочем, Трималхион отходчив…

На громадном серебряном блюде слуги вносят целого кабана, из которого внезапно вылетают дрозды. Их тут же перехватывают птицеловы и раздают гостям. Еще более грандиозная свинья начинена жареными колбасами. Тут же оказалось блюдо с пирожными: «Посреди него находился Приап из теста, держащий, по обычаю, корзину с яблоками, виноградом и другими плодами. Жадно накинулись мы на плоды, но уже новая забава усилила веселье. Ибо из всех пирожных при малейшем нажиме забили фонтаны шафрана…»

Затем три мальчика вносят изображения трех Ларов (богов-хранителей дома и семьи). Трималхион сообщает: их зовут Добытчик, Счастливчик и Наживщик. Чтобы развлечь присутствующих, Никерот, друг Трималхиона, рассказывает историю про солдата-оборотня, а сам Трималхион — про ведьму, похитившую из гроба мертвого мальчика и заменившую тело фофаном (соломенным чучелом).

Тем временем начинается вторая трапеза: дрозды, начиненные орехами с изюмом. Затем подается огромный жирный гусь, окруженный всевозможной рыбой и птицей. Но оказалось, что искуснейший повар (по имени Дедал!) все это сотворил из… свинины.

«Затем началось такое, что просто стыдно рассказывать: по какому-то неслыханному обычаю, кудрявые мальчики принесли духи в серебряных флаконах и натерли ими ноги возлежащих, предварительно опутав голени, от колена до самой пятки, цветочными гирляндами».

Повару в награду за его искусство разрешалось на некоторое время возлечь за столом вместе с гостями. При этом слуги, подавая очередные блюда, обязательно что-то напевали, независимо от наличия голоса и слуха. Танцоры, акробаты и фокусники тоже почти непрерывно развлекали гостей.

Растроганный Трималхион решил огласить… свое завещание, подробное описание будущего пышного надгробия и надпись на нем (собственного сочинения, естественно) с детальнейшим перечислением своих званий и заслуг. Еще более этим умилившись, он не может удержаться и от произнесения соответствующей речи: «Друзья! И рабы — люди: одним с нами молоком вскормлены. И не виноваты они, что участь их горька. Однако, по моей милости, скоро они напьются вольной воды, Я их всех в завещании своем на свободу отпускаю<…> Все это я

сейчас объявляю затем, чтобы челядь меня теперь любила так же, как будет любить, когда я умру».

Приключения Энколпия продолжаются. Однажды он забредает в пинакотеку (художественную галерею), где любуется картинами прославленных эллинских живописцев Апеллеса, Зевксида и других. Тут же он знакомится со старым поэтом Эвмолпом и не расстается с ним уже до самого конца повествования (верней, до известного нам конца).

Эвмолп почти непрерывно говорит стихами, за что неоднократно бывал побиваем камнями. Хотя стихи его вовсе не были плохими. А иногда — очень хорошими. Прозаическая канва «Сатирикона» нередко прерывается стихотворными вставками («Поэма о гражданской войне» и др.). Петроний был не только весьма наблюдательным и талантливым прозаиком и поэтом, но и прекрасным подражателем-пародистом: он виртуозно имитировал литературную манеру современников и знаменитых предшественников.

…Эвмолп и Энколпий беседуют об искусстве. Людям образованным есть о чем поговорить. Тем временем красавец Гитон возвращается от Аскилта с повинной к своему прежнему «братцу» Энколпию. Измену свою он объясняет страхом перед Аскилтом: «Ибо он обладал оружием такой величины, что сам человек казался лишь придатком к этому сооружению». Новый поворот судьбы: все трое оказываются на корабле Лиха. Но не всех их тут встречают одинаково радушно. Однако старый поэт восстанавливает мир. После чего развлекает своих спутников «Рассказом о безутешной вдове».

Некая матрона из Эфеса отличалась великой скромностью и супружеской верностью. И когда умер ее муж, она последовала за ним в погребальное подземелье и намеревалась там уморить себя голодом. Вдова не поддается на уговоры родных и друзей. Лишь верная служанка скрашивает в склепе ее одиночество и так же упорно голодает, Миновали пятые сутки траурных самоистязаний…

«…В это время правитель той области приказал неподалеку от подземелья, в котором вдова плакала над свежим трупом, распять нескольких разбойников. А чтобы кто-нибудь не стянул разбойничьих тел, желая предать их погребению, возле крестов поставили на стражу одного солдата, С наступлением ночи он заметил, что среди надгробных памятников откуда-то льется довольно яркий свет, услышал стоны несчастной вдовы и по любопытству, свойственному всему роду человеческому, захотел узнать, кто это и что там делается. Он немедленно спустился в склеп и, увидев там женщину замечательной красоты, точно

перед чудом каким, точно встретившись лицом к лицу с тенями загробного мира, некоторое время стоял в смущении. Затем, когда увидел наконец лежащее перед ним мертвое тело, когда рассмотрел ее слезы и исцарапанное ногтями лицо, он, конечно, понял, что это — только женщина, которая после смерти мужа не может от горя найти себе покоя. Тогда он принес в склеп свой скромный обед и принялся убеждать плачущую красавицу, чтобы она перестала понапрасну убиваться и не терзала груди своей бесполезными рыданиями».

Через некоторое время к уговорам солдата присоединяется и верная служанка. Оба убеждают вдову, что торопиться на тот свет ей пока рано. Далеко не сразу, но печальная эфесская красавица все же начинает поддаваться их увещеваниям. Сперва, изнуренная долгим постом, она соблазняется пищей и питьем. А еще через некоторое время солдату удается завоевать и сердце прекрасной вдовы.

«Они провели во взаимных объятиях не только эту ночь, в которую справили свою свадьбу, но то же самое было и на следующий, и даже на третий день. А двери в подземелье на случай, если бы к могиле пришел кто-нибудь из родственников и знакомых, разумеется, заперли, чтобы казалось, будто эта целомудреннейшая из жен умерла над телом своего мужа».

Тем временем близкие одного из распятых, воспользовавшись отсутствием охраны, сняли с креста и погребли его тело. А когда влюбленный страж обнаружил это и, трепеща от страха перед грядущим наказанием, поведал о пропаже вдове, та решила: «Я предпочитаю повесить мертвого, чем погубить живого». Согласно этому, она дала совет вытащить мужа из гроба и пригвоздить его к пустому кресту. Солдат немедленно воспользовался блестящей мыслью рассудительной женщины. А на следующий день все прохожие недоумевали, каким образом мертвый взобрался на крест».

На море поднимается буря. В пучине гибнет Лих. Остальные продолжают носиться по волнам. Причем Эвмолп и в этой критической ситуации не прекращает своих поэтических декламации. Но в конце концов несчастные спасаются и проводят беспокойную ночь в рыбацкой хижине.

А вскоре все они попадают в Кротону — один из старейших греческих городов-колоний на южном побережье Апеннинского полуострова. Это, кстати, единственная географическая точка, конкретно обозначенная в доступном нам тексте романа.

Чтобы жить безбедно и беззаботно (так уж они привыкли) и в новом городе, друзья по приключениям решают: Эвмолп выдаст себя за очень зажиточного человека, раздумывающего, кому бы

завещать все свои несметные богатства. Сказано — сделано. Это дает возможность неунывающим приятелям спокойно жить, пользуясь у горожан не только радушным приемом, но и неограниченным кредитом. Ибо многие кротонцы рассчитывали на долю в завещании Эвмолпа и наперебой старались завоевать его благосклонность.

И снова следует серия любовных не столько приключений, сколько злоключений Энколпия. Все его неприятности связаны с уже упомянутым гневом Приапа.

Но кротонцы наконец прозрели, и нет предела их справедливому гневу. Горожане энергично готовят расправу над хитрецами. Энколпию с Гитоном удается бежать из города, бросив там Эвмолпа.

Жители Кротоны поступают со старым поэтом по их древнему обычаю. Когда в городе свирепствовала какая-нибудь болезнь, одною из соотечественников граждане в течение года содержали и кормили наилучшим образом за счет общины. А затем приносили в жертву: этого «козла отпущения» сбрасывали с высокой скалы. Именно так кротонцы и поступили с Эвмолпом.

Ю. В. Шаним

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами Гянджеви [ок. 1141 — ок. 1209]

Хосров и Ширин

Из «Хамсе» («Пятерицы»). Поэма (1181)

О правдивости сего предания свидетельствуют Бисутунская скала с высеченными на ней изображениями, развалины Медаина, следы молочного ручья, страсть несчастного Фархада, молва о десятиструнном сазе Барбада…

В древнем Иране, еще не озаренном светом ислама, царствует справедливый царь Хормуз. Всевышний дарует ему сына, подобного чудесной жемчужине, выловленной из «царственного моря». Отец нарекает его Хосровом Парвизом (Парвиз — «Висящий у груди» придворных кормилиц).

Хосров растет, мужает, учится, постигает все искусства, становится красноречив. В десять лет он — непобедимый воин, меткий лучник. В четырнадцать стал вдумываться в смысл добра и зла. Наставник Бузург-Умид обучает отрока многим премудростям, открывает ему тайны земли и небес. В надежде, что столь достойному наследнику будет даровано долголетие, шах стал суровей карать преступников, всех развратников и грабителей. Страна благоденствует, но случилась беда… Однажды Хосров, уехавший в степь на охоту, делает привал на зеленом лугу. Всю ночь он пьет с друзьями, а утром опохмеляется. Конь царевича за потраву пойман жителями соседнего селения. Один из рабов Хосрова срывает в чужом винограднике несколько кистей незрелого винограда, думая, что он созрел. Шаху доносят, что Хосров творит беззакония и не страшится царя царей. Хормуз повелевает подрезать коню сухожилия, виновного раба выдать владельцу виноградника, а трон царевича передать владельцу дома, давшего приют гулякам. Ломают ноги музыканту, нарушившему ночной покой, и обрывают струны на чанге. Правосудие — одно для всех.

Кающийся Хосров надевает саван и с мечом в руках падает ниц перед отцовским троном. Седые старцы взывают о прощении. Сердце шаха тронуто. Он целует сына, прощает и назначает предводителем войска. Лик Хосрова теперь «излучает справедливость», на лице проступают «царственные черты». Во сне он видит своего великого деда Ануширвана, возвещающего, что за то, что внук смирил гордыню, он будет награжден.

Вкусивший кислого винограда без кислой мины, он получит в объятия красавицу, слаще которой мир не видел. Смирившийся с утратой коня, он добудет вороного скакуна Шабдиза. Ураган не настигнет даже пыли из-под копыт этого коня. Взамен трона, отданного крестьянину, царевич унаследует престол, подобный «золотому древу». Лишившись чангиста, Хосров обретет дивного музыканта Барбада…

Друг Хосрова Шапур, изъездивший мир от Магриба до Лахора, соперник Мани в живописи и победитель Евклида в черчении, повествует о чудесах, увиденных на берегу Дербентского моря. Там правит грозная царица Шемира, именуемая также Мехин Бану. Она повелевает Арраном вплоть до Армении, а лязг оружия ее войска слышен в Исфахане. У Мехин Бану нет мужа, но она счастлива. Цветущей весной живет в Мугани, летом — в армянских горах, осенью охотится в Абхазии, зимою царицу тянет в милую Барду. С нею живет лишь племянница. Черные очи девушки — источник живой воды, стан — серебристая пальма, косы — «два негра для сбора фиников». Шапур упоенно изображает красоту девушки, губы у которой — сама сладость, а имя ее — «Сладкая» Ширин. Семьдесят луноликих прелестниц из знатных родов служат Ширин, живущей в роскоши. Драгоценней же всех сокровищ Мехин Бану — черный, как рок, конь Шабдиз, стреноженный золотой цепью. Хосров, восхищенный рассказом друга, лишается сна, думает лишь о неведомой пери. Наконец он посылает Шапура в Армению за Ширин. Шапур мчится в армянских горах, где лазурные скалы облачены в желтые и красные одежды цветов.

Спешившись у стен старинного монастыря, он внемлет мудрому монаху, говорящему о рождении Шабдиза. Узнав у монахов, что завтра на лугу будут игры придворных красавиц, искусный живописец Шапур рисует портрет Хосрова, привязывает рисунок к дереву и исчезает. Красавицы пируют на лужайке, вдруг Ширин видит портрет и проводит в созерцании несколько часов. Девушки в испуге, что Ширин обезумела, они разрывают рисунок и уводят царевну на другой луг. На следующее утро Ширин находит новый рисунок на тропинке. Вновь утро, и снова Ширин находит портрет прекрасного юноши и вдруг замечает на рисунке и свое изображение. Подруги обещают Ширин всё узнать об изображенном красавце. В образе мага является Шапур, который говорит, что изобразил на портрете царевича Хосрова Парвиза, но в жизни царевич еще прекрасней, ведь портрет «верен признакам, но лишен души». Шапур описывает мудрость и доблесть Хосрова, пылающего страстью к Ширин, предлагает ей, оседлав Шабдиза, бежать к Хосрову и вручает ей перстень с

именем царевича. Влюбленная Ширин уговаривает Мехин Бану освободить Шабдиза от пут. Наутро, выехав с подругами на охоту, она обгоняет их и мчится на Шабдизе по дороге в шахскую столицу Медаин. Но Мехин Бану, которой приснилась будущая беда, не велит начинать погоню. В печали царица решается ждать возвращения Ширин. Между тем Ширин, устав в пути, вся покрывшись «пылью лесов и взгорий», привязала коня к дереву на безлюдной лужайке, чтобы искупаться в источнике.

У Хосрова же плохи дела. Коварный недруг, желая поссорить царевича с отцом, отчеканил дирхемы с именем Хосрова и разослал их по городам. «Старый волк затрясся перед молодым львом». Бузург-умид предлагает Хосрову на время покинуть дворец, удалиться от мут и козней. Хосров скачет по дороге в сторону Армении. Сделав стоянку на лужайке и оставив невольников поодаль, он видит коня, «украшенного, как павлин, на привязи и нежного фазана, купающегося в райском источнике». Вдруг в лунном свете обнаженная Ширин увидела Хосрова и, стыдясь, укрылась волнами своих волос. Благородный Хосров отворачивается. Юноша — в дорожном платье, но так похож на царевича с портрета. Ширин решает, что здесь — не место для объяснений. Хосров оглядывается, но Ширин уже умчалась на Шабдизе.

Отчаявшись, царевич устремляется в Армянское царство. Ширин прибывает в Медаин и показывает перстень Хосрова. Шабдиза ставят в царскую конюшню. Общаясь с прислужницами как равная, Ширин рассказывает о себе небылицы. Ей становится ясно: прекрасный юноша был сам Хосров. Печалясь и смиряясь, Ширин ссылается на волю Хосрова и приказывает зодчему воздвигнуть для нее замок в горах. Подкупленный завистницами строитель выбирает самое жаркое и гиблое место. Все же Ширин переселяется в новое жилище с несколькими служанками. Тем временем Хосров — в Армении, вельможи приходят к нему с приношениями. Наконец сама Мехин Бану по-царски принимает гостя. Хосров соглашается провести зиму в Барде. Здесь он пьет «горькое вино и горюет о Сладостной». Всеми красками сверкает пиршество. Винные кувшины, яства, цветы, гранаты и померанцы… Является Шапур и рассказывает Хосрову о том, как склонил к побегу Ширин. Хосров понимает, что девушка, купавшаяся в ручье, и была Ширин, что теперь она — в Медаине. Он вновь посылает Шапура за Ширин. Пируя с Мехин Бану, Хосров заговорил о Ширин. Узнав, что Ширин нашлась, царица дает Шапуру Гульгуна, единственного коня, способного угнаться за Шабдизом. Шапур находит Ширин в обители, которая показалась ему застенком, и увозит ее на Гульгуне. Хосров узнает

о смерти отца и, горюя, размышляет о превратностях судеб. Он восходит на трон отца. Сначала радует всех угнетенных своим правосудием, но постепенно отходит от государственных дел. Каждый день он на охоте, ни мгновенья не проходит без вина и веселья. Все же сердце влечет его к Ширин. Придворные говорят, что ее увез Шапур. О ней напоминает Шабдиз. Шах заботится о нем, вспоминая луноликую. Мехин Бану встретила Ширин ласково, без укоров. Она уже угадала «приметы любви» и в племяннице и в юном шахе. Ширин вновь среди подруг — предается прежним забавам…

Тем временем Бахрам Чубине, обладающий железной волей, описав пороки Хосрова (в том числе чрезмерную любовь к Ширин) в тайных посланиях, свергает его с трона. «Голова ценней венца» — и Хосров спасается на Шабдизе. Он бежит в Муганскую степь, где встречается с Ширин, выехавшей на охоту. Они узнают друг друга, оба проливают слезы счастья. Ширин не в силах расстаться с Хосровом. Ширин на сменных скакунах шлет весть о прибытии знатного гостя. В роскошном дворце Хосров вкушает сладость общения с Ширин. Мехин Бану решила «обезопасить хворост от огня». Ширин клятвенно обещает ей не уединяться с Хосровом, говорить с ним только при людях. Хосров и Ширин охотятся вместе, веселятся. Однажды в разгар пира лев врывается в шатер Хосрова. Шах убивает льва ударом кулака. Ширин целует руку Хосрова, он поцеловал любимую в губы… На пиру царевна и ее подруги рассказывают притчи о любви; сердце Хосрова ликует, он жаждет близости с любимой. Она видит, что «ее целомудрие вот-вот будет посрамлено», и убегает из объятий Хосрова. Бесконечно их объяснение. Ширин говорит Хосрову, что победить женщину — не проявление мужества, усмирить свой пыл — вот мужество, и призывает его вернуть себе царство. Хосров обижен на Ширин, ведь из-за любви к ней он лишился царства. Заменив венец шлемом, Хосров на Шабдизе скачет в Константинополь к румскому кесарю. Кесарь доволен такой удачей и выдает за шаха свою дочь Мариам. С бесчисленным румским войском Хосров выступает в поход и наголову разбивает Бахрама Чубине, который спасается бегством в Чин (Китай). Вновь Хосров царствует в Медаине. В его дворце — молодая Мариам, но за волос Ширин он готов отдать сотню царств, подобных богатому Хотану. Дни проходят в сожалениях и воспоминаниях, а Ширин, расставшись с Хосровом, живет «без сердца в груди». Умирает Мехин Бану, вручив Ширин ключи от сокровищниц. Правление Ширин великодушно. Подданные ликуют, узники свободны, отменены подати с крестьян и налог, взимаемый у городских ворот, благоустроены города и села. Но царица тоскует о Хосрове и

расспрашивает о нем караванщиков. Узнав об удаче Хосрова, она радуется, раздает людям драгоценности, но, услышав о Мариам, дивится непостоянству сердца… Мариам строга, она еще в Руме заставила Хосрова поклясться в верности. Ширин, печалясь, передает власть приближенному, едет в Медаин, поселяется в своем раскаленном замке и посылает весть Хосрову, но влюбленные страшатся Мариам и не могут увидеться…

Тоска по Ширин лишает Хосрова сил, и он велит явиться на пир музыканту и певцу Барбаду. Барбад исполняет тридцать песен, и за каждую песню Хосров дарит ему жемчужный халат. Хосров отваживается просить у Мариам снисхождения к Ширин, но уста Мариам горше яда. Она отвечает, что Хосрову не удастся отведать халвы, пусть довольствуется финиками! И все-таки однажды он решается послать Шапура за Ширин. Но Ширин отказывается от тайных свиданий. Красавица, живущая в «теснящей сердце» долине, пьет только молоко, овечье и кобылье, но доставлять его трудно, ибо в ущелье растет трава ядовитая, как змеиное жало, и пастухи отогнали свои стада и табуны. Служанки устают, доставляя молоко, надо бы укоротить их путь. Шапур рассказывает о зодчем Фархаде, молодом и мудром. Они учились вместе в Чине, но «кисти он бросил мне, ему же достался тесак». Фархада представили Ширин. Пробивающий горы, он сам похож на гору. Телом подобен слону, а в теле этом — сила двух слонов. Заговорила с Фархадом Ширин, а от звуков ее голоса способен лишиться чувств даже Платон. Ширин говорит о своем деле: надо от дальнего пастбища проложить к замку канал в камнях, чтобы молоко потекло сюда само по себе. Желание Ширин — повеление для Фархада. Под ударами его кирки камни становятся воском. За месяц Фархад прорубает в скалах русло и выкладывает его обтесанными камнями. Узрев работу Фархада, Ширин воздает ему хвалу, сажает выше своих приближенных, дарит дорогие серьги с камнями, но фархад кладет подарки к ногам Ширин и уходит в степь, проливая слезы.

В тоске по Ширин вечерами Фархад приходит к молочному ручью и пьет сладостное молоко. Из уст в уста переходит молва о судьбе зодчего, достигает она и ушей Хосрова. Странную радость ощутил он, узнав, что появился еще один безумно влюбленный, но возобладала ревность. Он призывает Фархада, спорит с ним, но фархад не в силах отречься от мечты о Ширин. Тогда Хосров предлагает Фархаду во славу Ширин пробить проход сквозь гранитную гору Бисутун. Фархад согласен, но при условии, что Хосров откажется от Ширин. Труд непосилен, но мастер сразу начинает работать. Первым делом высек на скале образ Ширин, изобразил Хосрова, скачущего на Шабдизе. Дробя скалы, врубаясь

в гору, фархад жертвует жизнью. Ширин навещает его у горы Бисутун, приветствует, подает ему чашу с молоком. Конь Ширин оступился в горах. Фархад несет Ширин вместе с ее конем до самого замка. И вновь возвращается к своей работе. Хосров сокрушен известием о встрече Ширин с Фархадом, ему доносят, что труд близок к завершению. Советники предлагают ему отправить к Фархаду гонца с вестью о смерти Ширин. Услышав об этом, Фархад в отчаянии подбрасывает кирку в небеса, и, падая, она разбивает ему голову. Хосров пишет Ширин письмо с выражением притворного соболезнования. Умирает Мариам. Из уважения к ее сану Хосров выдерживает полный срок траура, продолжая мечтать о несгибаемой Ширин. Чтоб «подстегнуть» ее, он решил прибегнуть к хитрости: нужно найти другую возлюбленную. Услышав о прелестях исфаханской красавицы Шакар, он отправляется в Исфахан.

Пируя с Хосровом, Шакар всякий раз дожидается его опьянения и ночью подменяет себя рабыней. Убедившись в целомудрии красавицы, Хосров женится на ней, но скоро, пресытившись, восклицает:

«Не могу я без Ширин! Сколько можно бороться с самим собой?» Во главе пышного шествия Хосров под предлогом охоты устремляется во владения Ширин. Увидев любимого, Ширин теряет сознание, но Хосров пьян, и, опасаясь его, стыдясь кривотолков, она приказывает затворить двери замка. Для Хосрова разбита парчовая палатка, выслано угощение, с крепостной стены Ширин бросает рубины под копыта Шабдиза, жемчугами осыпает голову Хосрова. Их долгий разговор, полный упреков, угроз, заносчивой гордости и любви, не приводит к миру. Ширин упрекает Хосрова: он веселился, когда Шапур работал пером, а Фархад киркой. Она горда, и вне брачных уз шах не получает желаемого. Хосров в гневе едет прочь, по дороге жалуясь Шапуру. Он унижен. Шапур призывает к терпению. Ведь и Ширин измучена. Поистине она страдает оттого, что Хосров покинул ее. Ширин бросает свой замок и в рубище раба прибывает в лагерь Хосрова. Шапур с торжеством приводит ее в пышный шатер, а сам спешит к Хосрову, который только что проснулся. Во сне он видел, что взял в руки горящий светильник. Истолковывая сон, Шапур предвещает Хосрову блаженство с Ширин.

Хосров пирует и слушает музыкантов. В шатре появляется Ширин, повелительница Хосрова, и падает к его ногам, как рабыня. Ширин и Хосров влечет друг к другу, словно магнит и железо, и все же красавица неприступна. Шах велит звездочетам вычислить благоприятный день для бракосочетания. Составляется

гороскоп. Хосров привозит Ширин в Медаин, где празднуется свадьба. Ширин предлагает Хосрову забыть вино, ведь отныне она для него — и чаша вина и виночерпий. Но он является в опочивальню пьяным до бесчувствия. Ширин посылает Хосрову престарелую родственницу, чтобы убедиться, что он способен отличить луну от тучи. Ужаснувшись, Хосров в мгновение ока трезвеет. Утром он разбужен поцелуем Ширин. Влюбленные наконец счастливы, они достигают пика желаний, а следующие ночь и день спят беспробудным сном. Красавицу Хумаюн Хосров отдает Шапуру, супругом Хумейлы стал Накиса, музыкант и знатный вельможа, Самантурк отдана Барбаду. Бузург-Умид сочетался браком с хотанской царевной. Шапур сверх того получил во владение все царство Мехин Бану. Хосров блаженствует, проводя время в объятиях Ширин. То он играет в нарды, сидя на золотом троне, то скачет на Шабдизе, то вкушает мед игры Барбада. Но жасминовая проседь уже появилась в темно-фиалковых волосах. Он задумывается о бренности сущего. Ширин, мудрая наставница, направляет Хосрова на путь справедливости и мудрости. Шах слушает притчи и поучения Бузург-Умида и раскаивается в своих деяниях. Он уже готов с легким сердцем расстаться с коварным миром. Огорчения приносит Хосрову Шируйе, его непутевый и нечестивый сын от Мариам. Хосров уединяется в храме огня, трон захватывает Шируйе, Только Ширин допускается к узнику и утешает его. Шируйе смертельно ранит отца, Хосров умирает, истекая кровью и не решаясь смутить сон Ширин, спящей рядом. Ширин пробуждается и, увидев море крови, рыдает. Обмыв тело шаха камфорой и розовой водой, облачив его, она сама облачается во все новое. Отцеубийца сватается к Ширин, но, похоронив Хосрова, она поражает себя кинжалом в гробнице любимого.

М. И. Синельников

Лейли и Меджнун

Из «Хамсе» («Пятерицы»). Поэма (1181)

В Аравии живет удачливый, гостеприимный, щедрый к беднякам властитель племени Амир. Он «славен, словно халиф», но подобен «свече без света», ибо лишен потомства. Наконец Аллах внял его молитвам и одарил прекрасным сыном. Младенец доверен кормилице, а время вливает в растущего ребенка «молоко нежности». Кейс — так назвали мальчика, что значит по-арабски «Мерило таланта», преуспевает в учении. Вместе с мальчиками учатся несколько девочек. Одна из них рано

прославилась умом, душевной чистотой, редкостной красотой. Локоны ее, словно ночь, а имя — Лейли («Ночь»). Кейс, «похитив ее сердце, погубил свою душу». Любовь детей взаимна. Соученики учат арифметику, влюбленные тем временем сочиняют словарь любви. Любовь нельзя утаить. Кейс изнемогает от любви, а те, кто на ее дороге не споткнулся, прозвали его Меджнуном — «Безумцем». Страшась пересудов, родные скрыли Лейли от Меджнуна. Рыдая, он бродит по улицам и по базару. Стеная, поет сложенные им песни. А ему вслед все кричат: «Безумец! Безумец!» С утра Меджнун уходит в пустыню, а ночью тайно пробирается к дому любимой, чтобы поцеловать запертую дверь. Однажды с несколькими верными друзьями Меджнун приходит к шатру любимой. Лейли снимает покрывало, открывая лицо. Меджнун жалуется ей на злую судьбу. От страха перед кознями соперников они глядят друг на друга отчужденно и не знают, что рок вскоре лишит их даже этого единственного взгляда.

Посоветовавшись со старейшинами племени, отец Меджнуна решил «украшение иноплеменников выкупить ценою сотни украшений». Во главе пышного каравана он торжественно едет к племени Лейли — сватать красавицу за своего сына. Но отец Лейли отвергает сватовство: Кейс знатен родом, но безумен, брак с безумцем не сулит добра. Родные и близкие увещевают Меджнуна, предлагают ему сотни прекрасных и богатых невест взамен Лейли. Но Меджнун бросает родной дом и в рубище с криком «Лейли! Лейли!» бежит по улицам, скитается в горах и в песках пустыни. Спасая сына, отец берет его с собою в хадж, надеясь, что поклонение Каабе поможет в беде, однако Меджнун молится не о своем исцелении, но лишь о счастье Лейли. Его болезнь неизлечима.

Племя Лейли, возмущенное пересудами кочевников, «суесловием», от которого красавица «словно в жару», ожесточилось. Военный вождь племени обнажает меч. Смерть грозит Меджнуну. Отец ищет его в пустыне, чтобы спасти, и находит в каких-то развалинах — больного, одержимого злым духом. Он уводит Меджнуна домой, но безумец совершает побег, устремляясь лишь к желанному Неджду, родине Лейли, В пути он слагает новые газели.

Между тем Лейли в отчаянии. Незаметно для домашних, она взбирается на крышу дома и весь день смотрит на дорогу, надеясь, что придет Меджнун. Прохожие приветствуют ее стихами любимого. На стихи она отвечает стихами, словно бы «жасмин посылает весть кипарису». Однажды, гуляя по цветущему саду, Лейли слышит чей-то голос, поющий новую газель: «Меджнун страдает, а Лейли… В каком весеннем саду она гуляет?» Подруга,

потрясенная рыданиями Лейли, обо всем рассказывает ее матери. Пытаясь спасти дочь, родители Лейли благожелательно принимают сватовство богатого юноши Ибн-Салама.

О горестях Меджнуна узнал и преисполнился состраданием к нему могущественный Науфал. Он пригласил несчастного странника к себе, обласкал, предложил помощь. Меджнун обещает взять себя в руки и терпеливо ждать. Он весел, пьет вино с новым другом и слывет мудрейшим в собрании мудрецов. Но текут дни, терпение иссякает, и Меджнун говорит Науфалу, что если он не увидится с Лейли, то расстанется с жизнью. Тогда Науфал ведет отборное войско в бой и требует Лейли у ее племени, но одержать победу в кровопролитной битве ему не удалось. Не в силах слышать сетований упавшего духом Меджнуна, Науфал вновь собирает рать и наконец побеждает. Однако и теперь отец Лейли готов предпочесть даже свое рабство и смерть дочери ее браку с сумасшедшим. И приближенные Науфала вынуждены согласиться со стариком. Науфал в печали уводит свое войско. Утративший надежду Меджнун исчезает. Он долго бродит в песках пустыни, наконец попадает к нищей старухе, которая водит его на веревке и собирает милостыню. В состоянии полного безумия Меджнун добирается до родных мест Лейли. Здесь родные нашли его и, к великому своему отчаянию, убедились в том, что им «забыты и жилища и развалины», все стерлось в памяти, кроме имени Лейли.

С огромным выкупом, с редкостными дарами из Византии, Китая и Таифа, к отцу Лейли является посланец Ибн-Салама. Сыграли свадьбу, и Ибн-Салам увез Лейли в свой дом. Но когда счастливец попытался прикоснуться к новобрачной, получил пощечину. Лейли готова убить нелюбимого мужа и умереть. Влюбленный Ибн-Салам соглашается ограничиться «лицезрениемее». Меджнун узнает о замужестве Лейли, вестник рассказывает ему также о печали и целомудрии Лейли. Меджнун в смятении. Отец несчастного мечтает найти лекарство, которое исцелило бы сына. Вглядываясь в лицо пришедшего к нему старца, Меджнун не узнает родного отца. Ведь забывший себя не сможет вспомнить других. Отец называет себя, плачет вместе с сыном и призывает его к мужеству и благоразумию, но Меджнун не внемлет ему. Отчаявшийся отец горестно прощается с обреченным безумцем. Вскоре Меджнун узнает о смерти отца от встречного, напомнившего, что «и кроме Лейли, есть близкие». День и ночь Меджнун плачет на могиле и просит прощения у «звезды, даровавшей свет». Отныне его друзьями стали дикие звери пустыни. Словно пастух со стадом, Меджнун шествует в толпе хищников и делит с ними приношения любопытных. Он

шлет свои мольбы к небесам, к чертогу Всевышнего, молится звездам. Вдруг он получает письмо от Лейли. Красавица вручила свое послание вестнику с горькими словами: «Я безумней тысячи Меджнунов». Меджнун читает послание, в котором Лейли говорит о своей жалости к мучающемуся из-за нее товарищу детских игр, заверяет в своей верности, целомудрии, оплакивает отца Меджнуна, как своего, призывает к терпению. Лейли пишет: «Не печалься, что у тебя нет друзей, разве я тебе не друг?» Торопясь, Меджнун пишет ответное письмо. Взглянула Лейли на послание Меджнуна и оросила его слезами. В письме теснятся слова любви и нетерпения, упреки и зависть к счастливцу Ибн-Саламу, который хотя бы видит лицо Лейли. «Бальзам не исцелит моей раны, — пишет Меджнун, — но, если ты здорова, нет печали».

Меджнуна в пустыне навещает его дядя Селим Амирит. Страшась обступивших племянника зверей, приветствует его издали. Он принес Меджнуну одежду и яства, но и халва и печенье достаются зверям.

Сам Меджнун питается только травами. Селим стремится угодить Меджнуну, рассказывает притчу, в которой восхваляется такой же отшельник. Обрадованный пониманием, Меджнун просит рассказать о делах друзей, справляется о здоровье матери: «Как живет та птица со сломанными крыльями?.. Я жажду видеть ее благородное лицо». Чувствуя, что добровольный изгнанник любит мать, Селим приводит ее к Меджнуну. Но и слезные жалобы матери, перевязавшей раны сына и вымывшей ему голову, бессильны. «Оставь меня с моими горестями!» — восклицает Меджнун и, упав, целует прах у ног матери. С плачем мать вернулась домой и простилась с бренным миром. Эту скорбную весть приносит ему сокрушенный Селим. Меджнун зарыдал, как струны чанга, и упал наземь, как стекло на камень. Он плачет на могилах родителей, близкие приводят его в чувство, пытаются задержать его в родном краю, но Меджнун со стонами убегает в горы. Жизнь, даже если бы она длилась тысячу лет, кажется ему мгновением, ведь «основа ее — гибель».

Словно змеиный хвост, тянется за Лейли вереница бедствий. Муж стережет ее и оплакивает свою участь. Старается приласкать Лейли, угодить ей, но она сурова и холодна. Старец, пришедший в дом, рассказывает о судьбе того, кто «кричит, словно глашатай, и бродит по оазисам», призывая любимую. Кипарисовый стан Лейли от ее рыданий стал «тростником». Отдав старцу свои жемчужные серьги, она посылает его за Меджнуном.

Странник лежит у подножия горы, его обступили звери, охраняя, словно сокровище. Увидев старца еще издали, Меджнун устремился к нему, «словно ребенок к молоку». Наконец ему

обещано свидание в пальмовой роще. «Как может убежать жаждущий от Евфрата? Как может ветер бороться с амброй?» Меджнун сидит под пальмой в условленном месте и ждет Лейли. Лейли, сопровождаемая старцем, идет, но останавливается в десяти шагах от любимого. Она не любит мужа, но неспособна на измену. Просит Меджнуна почитать стихи, Меджнун запел для Лейли. Поет о том, что она кажется ему миражом, родником, который лишь грезится путнику, измученному жаждой. Уже нет веры в земное счастье… Вновь Меджнун устремляется в пустыню, а мрачная Лейли возвращается в свой шатер. Песни о несчастной любви Меджнуна услышал изведавший возвышенное чувство благородный юноша Салам Багдадский. Салам находит Меджнуна и предлагает ему свое служение. Он жаждет услышать песни Меджнуна и просит считать себя одним из прирученных зверей. Ласково приветствуя Салама, Меджнун старается образумить его. Уставший от самого себя ни с кем не уживется, кроме зверей. Салам молит не отвергать его помощи. Меджнун снисходит к мольбам, но не в силах принять изысканное угощение. Салам утешает Меджнуна. Ведь он и сам пережил подобное чувство, но перегорел; «Когда проходит молодость, огненная печь остывает». Меджнун в ответ называет себя царем царей любви. Любовь — смысл всей его жизни, она необорима, Собеседник пристыженно умолкает. Несколько дней новые друзья странствуют вместе, но Салам не может жить без сна и хлеба, и вот он прощается с Меджнуном, отправляется в Багдад, «нагрузив память множеством касид».

Лейли подобна кладу, который стережет змей. Она притворно весела с Ибн-Саламом, но рыдает в одиночестве и, обессилев, падает наземь.

Ибн-Салам заболел. Лекарь восстановил его силы, но Ибн-Салам не слушает советов целителя. Тело, изнуренное «первой болезнью, вторая болезнь передала ветру». Душа Ибн-Салама «избавилась от мирских мучений».

Опечаленная Лейли оплакивает его, хотя и обрела желанную свободу. Но, горюя об ушедшем, в душе она вспоминает любимого. По обычаю арабов Лейли осталась одна в своем шатре, ведь теперь она должна два года сидеть дома, не показывая лица никому. Она избавилась от докучных посетителей, и, увы, теперь у нее есть законный повод для рыданий. Но оплакивает Лейли иное горе — разлуку с любимым. Она молится: «Господи, соедини меня с моим светочем, от огня страданий которого я сгораю!»

В дни листопада с листьев стекают кровавые капли, «лицо сада» желтеет. Лейли заболела. Словно бы с высокого престола упала «в колодец недуга». Она в одиночестве «наглоталась горя» и

теперь готова расстаться с душой. Лейли знает одно: Меджнун придет к ее могиле. Прощаясь с матерью, умирающая оставляет Меджнуна наее попечение.

Слезы Меджнуна над могилой Лейли неиссякаемы, словно бы ливень хлынул из темных туч. Он кружится в безумной пляске и слагает стихи о вечной разлуке, Но «скоро, скоро, скоро» Аллах соединит его с ушедшей. Еще только два или три дня прожил Меджнун так, что «смерть лучше той жизни». Он умирает, обнимая могилу возлюбленной. Его истлевшие кости долго охраняют верные волки, Племя Меджнуна узнает о его кончине. Оплакав страдальцев, арабы хоронят его рядом с Лейли и разбивают цветник вокруг могил. Сюда приходят влюбленные, здесь страждущие исцеляются от недугов и печалей.

М. И. Синельников

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беовульф (Beowulf)

Эпическая поэма (VIII–IX вв.)

В Дании некогда правил король из славного рода Скильдингов по имени Хродгар. Он был особенно удачлив в войнах с соседями и, накопив большие богатства, решил увековечить память о себе и своем правлении. Он надумал выстроить великолепную пиршественную залу для королевской дружины. Не жалел Хродгар ни сил, ни средств на постройку, и самые искусные мастера выстроили ему залу, равной которой не было на всем белом свете. Как только убранство дивной залы было завершено, Хродгар стал пировать в ней со своими воинами, и вся окрестность оглашалась звоном дорогих кубков и песнями королевских певцов. Но веселые празднества славного Хродгара длились недолго, недолго лились рекою пенистое пиво и золотистый мед, недолго звучали веселые песни… Шум застолий короля Хродгара долетал до логова страшного громадного чудовища Гренделя, обитавшего неподалеку в зловонных болотах. Грендель ненавидел людей, и их веселье возбуждало в нем злобу… И вот однажды ночью это чудовище подкралось неслышно к зале Хродгара, где после долгого буйного пира расположились на отдых беспечные воины… Грендель схватил тридцать витязей и потащил в свое логово. Наутро вопли ужаса сменили клики веселья, и никто не знал, откуда нагрянуло страшное бедствие, куда девались Хродгаровы витязи. После долгих сокрушении и догадок беспечность взяла верх над опасениями и страхами, и Хродгар со своими воинами вновь затеял пиры в дивной зале. И вновь нагрянула беда — чудовищный Грендель стал каждую ночь уносить по нескольку витязей. Скоро все уже догадались, что именно Грендель вторгается ночью в залу и похищает мирно спящих воинов, Никто не отважился вступить в единоборство с диким чудовищем. Хродгар напрасно молил богов, чтобы они помогли ему избавиться от страшной напасти. Пиршества в зале прекратились, смолкло веселье, и только Грендель изредка забирался туда по ночам в поисках добычи, сея вокруг ужас,

Слух об этом страшном бедствии дошел до земли гаутов (в Южной Швеции), где правил достославный король Хигелак. И вот самый знаменитый витязь Хигелака, богатырь Беовульф, заявляет своему повелителю, что хочет помочь королю Хродгару и вступит в борьбу с чудовищным Гренделем. Несмотря на все попытки отговорить его от задуманного, Беовульф снаряжает корабль, выбирает четырнадцать отважнейших воинов из своей дружины и

плывет к берегам Дании. Ободряемый счастливыми предзнаменованиями, Беовульф высаживается на сушу. Тотчас к пришельцам подъезжает береговой сторож, расспрашивает их о цели прибытия и торопится с докладом к королю Хродгару. Беовульф с товарищами тем временем надевают брони, разбирают оружие и по дороге, вымощенной пестрыми камнями, направляются к пиршественной зале короля Хродгара. И всякий, кто видит приплывших из-за моря воинов, дивится их крепкому сложению, причудливым шлемам, украшенным изображениями вепрей, сверкающим кольчугам и широким мечам, тяжелым копьям, которые богатыри несут с легкостью. Заморскую дружину встречает Вульфгар — один из приближенных короля Хродгара. Расспросив их, он докладывает королю — мол, прибыли важные гости, предводитель называет себя Беовульфом. Хродгару это славное имя известно, он знает, что доблестный Беовульф силою равен тридцати могучим витязям, и король велит скорее звать гостей, надеясь, что с ними пришло и избавление от великой напасти. Вульфгар передает приезжим гостям королевское приветствие и приглашение на пир.

Беовульф с дружиной, составив копья в угол, сложив щиты и мечи, в одних шлемах и бронях следуют за Вульфгаром; только два воина остаются сторожить оружие. Беовульф приветствует Хродгара поклоном и рассказывает, что вот, мол, я — родной племянник короля гаутов Хигелака, прослышав о бедствиях, которые терпят датчане от страшного Гренделя, приплыл сразиться с чудовищем. Но, решаясь на этот подвиг, Беовульф просит короля, чтобы только ему с товарищами дозволено было идти на чудовище; в случае же гибели Беовульфа — чтобы броня его (лучше которой нет на всем белом свете, ибо ковалее вещий кузнец Вилунд) была отправлена королю Хигелаку. Хродгар благодарит Беовульфа за готовность помочь и подробно ему рассказывает, как Грендель забирался в его залу и сколько витязей загубил. Затем король приглашает Беовульфа и его спутников к общему пиршеству и предлагает подкрепиться медом. По велению короля тотчас очищена для гаутов скамья за столом, слуги потчуют их медом и пивом, и певец услаждает их слух веселой песней.

Видя, с какою честью Хродгар принимает чужаков, многие из датчан начинают смотреть на них с завистью и недовольством. Один из них, по имени Унферт, осмеливается даже обратиться к Беовульфу с дерзкими речами. Он припоминает безрассудное соревнование между Беовульфом и Брекой, их попытку одолеть волны грозного моря. Тогда Брека одержал верх в состязании, почему и страшно за жизнь Беовульфа, если тот останется на ночь

в зале. Изумляя мудростью всех присутствующих, Беовульф отвечает на неразумные слова Унферта. Он объясняет, что плавание было задумано только ради защиты морских путей от чудовищ, а никакого состязания на самом деле не было. В свою очередь, желая испытать храбрость Унферта, Беовульф предлагает ему самому остаться на ночь в зале и держать оборону от Гренделя. Унферт умолкает и больше не смеет задираться, а в зале вновь воцаряются шум и веселье.

Долго бы еще продолжался пир, но король Хродгар напоминает, что гостям предстоит ночной бой, и все встают, прощаясь со смельчаками, Расставаясь, Хродгар обещает Беовульфу, что он, если избавит датчан от тяжкой беды, может требовать все, чего ни захочет, и любое желание будет тотчас исполнено. Когда ушли люди Хродгара, Беовульф приказывает запереть двери крепкими засовами. Готовясь ко сну, он снимает доспехи и остается совсем безоружным, поскольку знает, что в битве с Гренделем никакое оружие не поможет и нужно надеяться только на собственную силу. Беовульф крепко засыпает. Ровно в полночь к зале подкрадывается чудовищный Грендель, мигом выбивает тяжелые засовы и жадно набрасывается на спящих гаутов. Вот схватил он одного из них, разорвал тело несчастного и глотает добычу огромными кусками. Расправившись с первым, Грендель уже готов пожрать и другого воина. Но тут мощная рука хватает его за лапищу, да так, что раздается хруст костей. Обезумев от страха, Грендель хочет бежать, но не тут-то было, могучий Беовульф прыгает с лавки и, не выпуская лапу чудовища, бросается на него. Начинается страшный бой. Все кругом трещит и рушится, проснувшиеся воины в ужасе. Но Беовульф одерживает верх, он крепко схватил лапу Гренделя, не давая ему вывернуться. Наконец хрящи и жилы в плече чудища не выдерживают и рвутся, лапа чудовища остается в руке Беовульфа, а Грендель вырывается из залы и бежит, истекая кровью, издыхать на свои болота.

Наутро ликованию нет конца. Все датские воины во главе с унфертом почтительно молчат, пока Беовульф спокойно рассказывает о ночной битве. Все столы перевернуты, стены забрызганы кровью чудовища, а на полу валяется его страшная лапа. Благодарный король Хродгар, знаток старинных сказаний, складывает в память этой битвы песню. И начинается пир горой. Король с королевой подносят Беовульфу богатые дары — золото, драгоценное оружие и коней. Гремят заздравные песни, пиво и мед льются рекою. Наконец, отпраздновав победу, все спокойно располагаются на ночлег в дивной зале. И опять нагрянула беда. Чудовищная мать Гренделя является в полночь мстить за сына. Она врывается в залу, все спящие вскакивают с мест, от испуга не

успев даже одеться. Но и мать Гренделя перепугана таким количеством людей и, схватив одного лишь воина, мчится прочь. Утром горю нет предела — оказывается, погиб любимый советник Хродгара Эскер. Король обещает щедро наградить Беовульфа, слезно молит его погнаться за чудовищем на болота, куда до этого никто не отваживался ходить. И вот дружина во главе с Хродгаром и Беовульфом отправляется к гиблому болоту.

Спешившись, они подбираются к краю болота там, где отчетливей всего виден кровавый след. Рядом, на берегу, лежит голова бедного Эскера. Вода кишит морскими чудовищами, одного из них настигает стрела Беовульфа. Обратясь к Хродгару, Беовульф просит, если суждена ему гибель, переслать все дары королю Хигелаку. Затем, взяв древний знаменитый меч, богатырь прыгает в омут, и волны скрывают его. Целый день опускается Беовульф, и морские чудовища не могут причинить ему вреда, ибо на нем непробиваемые доспехи. Наконец богатырь достигает дна, и тотчас на него набрасывается мать Гренделя. Беовульф бьет ее мечом, но толстая чешуя не уступает обычной стали. Чудовище прыгает на Беовульфа, давит его всею своей тяжестью, и худо бы пришлось витязю, не вспомни он вовремя про огромный древний меч, выкованный еще великанами. Ловко вынырнув из-под чудовища, он хватает меч и изо всех сил рубит мать Гренделя по шее. Один удар решил дело, чудовище падает замертво к ногам Беовульфа. В качестве трофея Беовульф забирает с собою голову чудовища, хочет он взять и древний меч, но от меча осталась одна рукоять, ибо истаял он, едва закончилась битва.

Товарищи Беовульфа уже отчаялись увидеть его живым, но тут он появляется из кровавых волн. Шумно и весело уселись в тот вечер гости за стол короля Хродгара, пировали далеко за полночь и легли спать, ничего теперь уже не опасаясь. На другой день гауты стали собираться домой. Щедро одарив каждого, король Хродгар сердечно распрощался с ними. По возвращении Беовульфа повсюду ждали почет и уважение, о его подвиге слагались песни, в его честь звенели кубки. Король Хигелак одарил его лучшим из своих мечей, землями и замком в пожизненное владение.

С тех пор прошло много лет. Король Хигелак с сыном пали в битве, и на престол пришлось сесть Беовульфу. Он мудро и счастливо правил своей страной, вдруг — новое бедствие. В его владениях поселился крылатый змей, который по ночам убивал людей и сжигал дома. Некогда один человек, преследуемый врагами, схоронил огромный клад. Дракон разыскал пещеру с сокровищами и триста лет охранял их. Однажды несчастный

изгнанник случайно забрел в пещеру, но из всех сокровищ взял себе только маленький кубок, чтобы умилостивить им своего неумолимого господина. Змей заметил пропажу, но похитителя не нашел и стал мстить всем людям, опустошая владения Беовульфа. Прослышав об этом, Беовульф решает расправиться с драконом и защитить свою страну. Он уже немолод и чувствует, что кончина близка, но все-таки отправляется на змея, приказав выковать себе большой щит для обороны от драконова пламени. В проводники был взят тот самый злополучный скиталец.

Подойдя к пещере, Беовульф с дружиной видят огромный огненный поток, пересечь который невозможно. Тогда Беовульф начинает громко выкликать дракона, чтобы тот вылез наружу. Услышав человеческие голоса, дракон выползает, извергая струи страшного жара. Вид его так ужасен, что воины спасаются бегством, бросив своего владыку на волю судьбы, и лишь преданный Виглаф остается при короле, тщетно пытаясь удержать трусов. Виглаф обнажает меч и присоединяется к Беовульфу, бьющемуся с драконом. Могучая рука Беовульфа даже в старости слишком тяжела для меча, от удара по голове дракона каленый меч разлетается на куски. И пока Беовульф пытается достать запасной меч, змей наносит ему смертельную рану. Собравшись с силами, Беовульф вновь бросается на дракона и с помощью Виглафа поражает его. С трудом прислонившись к скале, зная, что умирает, Беовульф просит Виглафа вынести наружу отнятые у змея сокровища, чтобы он мог полюбоваться на них перед смертью. Когда Виглаф возвращается, Беовульф уже впал в забытье. С трудом открыв глаза, он оглядывает сокровища.

Последнее повеление Беовульфа было таким: чтобы схоронили его на берегу моря и насыпали над ним большой курган, видный издалека мореходам. Свои доспехи Беовульф завещал Виглафу и умер. Виглаф созвал струсивших воинов, отчитал их. По всем правилам они возложили тело Беовульфа на погребальный костер, а затем возвели величавый курган на берегу моря. И моряки, издали направляя свои корабли на этот холм, говорят друг другу: «Вон высоко над прибоем виднеется могила Беовульфа. Честь и слава ему!»

Т. Н. Котрелев

Уильям Ленгленд (WillamLangland) [ок. 1330 — ок. 1400]

Видение о Петре Пахаре (The vision of Piers Plownan)

Поэма (ок. 1362)

В прологе рассказывается, как автор «надел <…> грубую одежду, как будто <…> был пастухом», и пошел бродить по «широкому свету, чтобы послушать о его чудесах». Притомившись, он лег отдохнуть на Мальвернских холмах, возле ручья, и вскоре заснул. И приснился ему чудный сон. Он взглянул на восток и увидел на возвышении башню, а под ней долину, на которой стояла тюрьма. Между ними прекрасное поле, полное народа.

Здесь были люди всякого сорта: одни выполняли тяжелую работу, ходя за плугом, другие «прожорливо истребляли ими произведенное», были здесь те, кто предавался молитве и покаянию, и те, кто лелеял свою гордыню. Были торговцы, менестрели, шуты, нищие, попрошайки. Особенное негодование автора вызывали паломники и нищенствующие монахи, обманом, ложным толкованием Евангелия дурачащие своих сограждан и опустошающие их кошельки. С сарказмом описывает он продавца индульгенций, который, показывая буллу с печатями епископа, отпускал все грехи, а доверчивые люди отдавали ему кольца, золото, брошки. Пришел туда король, которого «власть общин поставила <…> на царство», и вслед за ним его советчик — Здравый смысл. Вдруг появилось полчище крыс и мышей. После дискуссии о том, как обезвредить кота, они прислушались к совету мудрой мыши оставить эту затею, ведь если бы крысы имели полную волю, они не могли бы управлять собою.

Появляется прекрасная женщина. Она дает пояснение автору обо всем, им увиденном. Башня на возвышении — обитель Правды. Тюрьма в долине — замок Заботы, в нем живет Зло, отец Лжи. Прекрасная дама поучает автора, советует ему «не верить телу», не пить, не служить злату. Прослушав все полезные советы, автор интересуется: кто же эта дама? И она отвечает; «Святая Церковь я». Тогда он упал на колени и стал просить научить его, как спасти душу. Ответ был лаконичен: служить Правде. Ибо Правда «есть сокровище, самое испытанное на земле». Правда, Совесть и Любовь.

Автор со вниманием выслушал поучения Святой Церкви. И

стал молить ее о милости — научить его распознавать Ложь. Леди ответила: «Взгляни в левую сторону и посмотри, где стоят Ложь, Лесть и их многие товарищи». И увидел он роскошно и богато одетую женщину по имени Мид («Вознаграждение, мзда, но также взятка, подкуп, мздоимство» в переводе с английского). Мид готовится к свадьбе с «порождением врага рода человеческого». Ее жених — Ложь. Свита ее состоит из судебных заседателей и приставов, шерифов, судебных курьеров и маклеров, адвокатов и прочего продажного люда.

Лесть жалует жениху и невесте право быть принцами по гордости и презирать бедность, «клеветать и хвастать, лжесвидетельствовать, издеваться, браниться и т. д.». Графство жадности — лихоимство и скупость. И все в таком же роде. За эти дары они отдадут в конце года свои души сатане.

Однако вознегодовала Теология против этого брака. И настояла, чтобы Мид отправилась в Лондон удостовериться, «захочет ли закон присудить жить им вместе». Ложь, Лесть и Коварство спешат впереди всех, чтобы в Лондоне представить дело в ложном свете. Однако Правда их обогнал и сообщил об этом деле Совести. А Совесть доложила королю.

Король разгневан, он клянется, что приказал бы повесить этих негодяев, но «пусть право, как укажет закон, падет на них всех». Страх подслушал этот разговор и предупредил Ложь, и тот бежал к странствующим монахам. Коварству дали убежище купцы, а Лжец нашел пристанище у торговцев индульгенциями. А дева Мид была приведена к королю. Король приказал предоставить ей всякие удобства, присовокупив, что сам будет разбирать ее дело. «И если она поступит согласно моему приговору, <…> я прощу ей эту вину».

К ней на поклон пришли все, кто жил в Вестминстере: шуты, менестрели, клерки и исповедник, одетый нищенствующим монахом. Все обещали ей способствовать вее деле — выйти замуж за того, за кого она хочет, вопреки «уловкам Совести». И всех Мид богато одарила.

Король объявил, что прощает Мид, и предложил вместо Лжи другого жениха — Совесть. Но Совесть отказывается от такой невесты, перечисляя ее грехи: распутство, ложь, вероломство… Мид начала плакать и просила короля дать ей слово для оправдания. Она горячо защищалась, доказывая, что нужна всем. Король благосклонно выслушал лукавую обманщицу. Но Совесть не обманута сладкими речами. Он объясняет разницу между вознаграждением за честный труд и взяткой, стяжательством, приводит библейскую историю про Сеула, который позарился на взятку, за что на него и его потомков пал гнев Божий.

Король просит Совесть привести Разум, чтобы он правил царством. Совесть отправляется в путь. Разум, узнав о приглашении, стал быстро собираться в дорогу. Он позвал Катона, своего слугу, и Тома и велел им: «Положи мое седло на Терпи, пока не придет мое время, / И подтяни его хорошенько подпругами из умных слов, / И надень на него тяжелую узду, чтобы он низко держал свою голову, / Ибо он дважды заржет, прежде чем будет там».

Разум с Совестью отправились к королю. Он встретил их ласково, посадил между собою и своим сыном, и они долго вели мудрые речи.

Пришел Мир и принес билль о насилии, разврате и разбое Неправды. Неправда убоялся обвинений и стал просить Мудрость за большие деньги устроить ему мир с Миром. Но король клянется Христом и своей короной, что Неправда тяжко поплатится за свои деяния. Неправду заковывают в железо, чтоб он семь лет не видел своих ног.

Однако Мудрость и умный просят короля простить Неправду: «Лучше, чтоб возмещение уничтожило ущерб…» Король непреклонен, пока Разум не сжалится над Неправдой, а Покорность не поручится за него, Неправда будет сидеть в колодках. Все приветствовали это решение, признали Мид великой грешницей, а Кротость — имеющей право на господство. Король же твердо решил: «Пока продолжится наша жизнь, / будем жить вместе» с Разумом и Совестью.

Автор тем временем проснулся, тихонько уселся на землю и стал читать молитвы. И снова мирно заснул под свое бормотание. И снова он увидел сон. Разум говорит проповедь перед всем королевством. Он объясняет, что «моровые язвы были посланы исключительно за грехи, / А юго-западный ветер, видимо, за Гордость». И смертный грех в день суда погубит всех.

Горячими искренними словами он увлекал своих слушателей. Он призвал людей честно и добросовестно делать свое дело и искать Святую Правду. И Гордость обещала предаться смирению. Невоздержанность поклялась «пить только с уткой воду, а обедать только один раз», Гнев чистосердечно рассказал, что из злых слов приготовлял пищу. И Покаяние сказало ему: а теперь покайся. Жадность, Леность, Объедало — все покаялись в великих грехах своих и обещали встать на путь исправления. Сила речи Разума была так велика, что тысячи людей пожелали искать Правду. «Они взывали ко Христу и его Пречистой Матери, чтобы получить милость идти с ними искать Правду».

Но среди них не было человека, который бы знал дорогу к Правде. И они блуждали, как дикие звери. И встретили они

пилигрима, что шел из Синая от Гроба Господня. И во многих местах он побывал в Вифлееме и Вавилоне.

И спросили его люди: «А знаешь ли ты святого мужа, которого люди называют Правдой?» И ответил пилигрим: «Нет, да поможет мне Бог!»

И тут выступил Петр Пахарь и сказал: «Я знаю его так же близко, как ученый знает свои книги. Совесть и Здравый смысл проводили меня к его жилищу».

И все стали просить Петра быть их проводником.

Пахарь согласился, но сначала, сказал он, мне нужно вспахать и засеять пол-акра земли у большой дороги.

«А что же мы будем делать все это время?» — спросила леди под вуалью. И Петр Пахарь всем нашел дело. Леди — зашивать мешок, женам и вдовам прясть шерсть и лен и учить этому ремеслу своих дочерей, а всем остальным — заботиться о нуждающихся и нагих. «Помогайте деятельно в работе тому, кто добывает вам пропитание», — заключил Петр.

Рыцарь горячо сочувствовал словам Петра. Петр обещал всю жизнь трудиться, а Рыцарь охранять его и Святую Церковь от всякого рода злых людей. Многие помогали Петру Пахарю в работе, но были и бездельники, которые пили пиво и распевали песни. Петр Пахарь пожаловался Рыцарю. Но они не послушали предостережения Рыцаря и все не унимались. Тогда Петр призвал Голод. Через некоторое время бездельники стали бросаться на работу «как ястребы». Но лишь только по просьбе Пахаря Голод ушел, и наступило изобилие. Бездельники и расточители вновь стали отлынивать от работы.

Правда поспешила на помощь Петру Пахарю, она купила для него и для всех, кто ему помогал пахать и сеять, индульгенцию на вечные времена. А в индульгенции было написано: «И те, кто творил добро, пойдут в жизнь вечную. А кто зло — в огонь вечный».

Священник, прочитав индульгенцию, не захотел ее признать. Священник и Петр стали ожесточенно спорить. И автор проснулся от их крика и стал размышлять над своим сном, и решил, что «*Делай добро* превосходит индульгенцию / И что *Делай добро* в день суда будет принято с почетом…».

Всех христиан автор призвал к милосердию: «Делать такие дела, пока мы здесь находимся, / Дабы после нашей смерти *Делай добро* мог объявить / В день суда, что мы делали так, как он велел».

Е. В. Морозова

Уильям Ленгленд (WillamLangland) [ок. 1330 — ок. 1400]

Кентерберийские рассказы (Canterbury Tales)

Сборник стихов и новелл (ок. 1380–1390)

Общий пролог

Весной, в апреле, когда земля просыпается от зимней спячки, со всех сторон Англии стекаются вереницы паломников в аббатство Кентербери поклониться мощам святого Фомы Бекета. Однажды в харчевне «Табард», в Соуерке, собралась довольно разношерстная компания паломников, которых объединяло одно: все они держали путь в Кентербери. Было их двадцать девять. Во время ужина многие из постояльцев успели познакомиться и разговориться. Гости были самых разных званий и рода занятий, что, впрочем, не мешало им поддерживать непринужденную беседу. Среди них был и Рыцарь, известный всему миру своей доблестью и славными подвигами, которые он совершил в многочисленных битвах, и его сын, юный Сквайр, несмотря на свои молодые годы, успевший заслужить благосклонность своей возлюбленной, добыв себе славу как верный оруженосец в дальних походах в чужие пределы, одетый в пестрый наряд. Вместе с рыцарем ехал также Иомен, носивший зеленый камзол с капюшоном и вооруженный луком с длинными зеленоперыми стрелами, хороший стрелок, бывший, видимо, лесником. Вместе с ними была Аббатиса по имени Эглантина, смотревшая за знатными послушницами, кроткая и опрятная. Каждому из сидящих за столом было приятно видеть ее чистое личико и милую улыбку. Она о чем-то беседовала с важным и толстым Монахом, который был монастырским ревизором. Страстный охотник и весельчак, он был против строгих, затворнических правил, любил покутить и держал борзых. На нем был роскошный плащ, и ехал он на гнедом коне.

Рядом с ним за столом сидел Кармелит, сборщик податей, преуспевший в своем искусстве как никто и умевший выжать последний грош даже у нищего, пообещав ему вечное блаженство на небесах. В бобровой шапке, с длинной бородой, сидел богатый Купец, почитаемый за свое умение сберегать доходы и ловко высчитывать курс. Прервав усердные занятия, верхом на заморенной кляче, в Кентербери ехал Студент, умудренный книгами и тративший на них последние деньги. Рядом с ним

восседал Юрист, непревзойденный в знании законов и в умении их обходить. Богатство и слава его быстро умножались, равно как и количество богатых клиентов, часто обращавшихся к Юристу за помощью. Неподалеку в дорогом наряде сидел веселый Франклин, бывший образцовым шерифом и собиравший пеню. Франклин любил вино и хороший стол, чем и славился в округе. Красильщик, Шапочник, Плотник, Обойщик и Ткач, одетые в солидные наряды цехового братства, все делали не спеша, с сознанием собственного достоинства и богатства. Они везли с собой Повара, мастера на все руки, чтобы тот готовил им во время долгого путешествия. За одним столом с ними сидел Шкипер. Он приехал из западного графства и был одет в грубый кафтан из парусины. Его вид выдавал в нем опытного моряка с «Маделены», знавшего все течения и подводные камни, встречавшиеся на пути корабля. В малиновом с синим плаще рядом с ним сидел Доктор медицины, сравниться с которым в искусстве врачевания не могли даже лондонские врачи. Это был умнейший человек, ни разу не опозоривший себя неаккуратностью или мотовством. С ним болтала Батская ткачиха в дорожном плаще и с пребольшущей шляпой на голове. Она была глуха, что не мешало ей быть большой мастерицей в ткацком деле.

Пережив пятерых мужей и не меньшее количество любовников, она смиренно отправилась на богомолье, была разговорчива и весела. Неподалеку за столом скромно сидел старенький Священник, лучше которого не видел свет. Он был образцовым пастырем, помогал неимущим, был кроток и милосерден в общении с нищими и безжалостно справедлив к богатым грешникам. Брат его. Пахарь, ехал вместе с ним. Он немало потрудился на полях за свою жизнь и считал долгом христианина свято слушаться заповедей и помогать людям, которые в этом нуждались. Напротив, на скамье, развалился Мельник — ражий детина, здоровый, как бык, с внушительной рыжей бородой и с бородавкой, поросшей жесткой щетиной, на носу. Кулачный боец, бабник, охальник и гуляка, он слыл отчаянным лгуном и вором. Сидевший рядом Эконом был удачлив во всех операциях, за которые брался, и умел изрядно дурачить людей. Постриженный, как священник, в синей сутане и на коне в яблоках из Норфолка в Кентербери ехал Мажордом. Умея вовремя украсть и подольститься, он был богаче своего хозяина, был скуп и неплохо разбирался в своем деле. Пристав церковного суда весь заплыл жиром, и его маленькие глазки смотрели на всех чрезвычайно хитро. Никакая кислота не вытравила бы налета вековечной грязи на его бороде и не

заглушила бы чесночную отрыжку, которую он заливал вином. Он умел быть полезным грешникам, если те платили, и вез с собой вместо щита огромный каравай ржаного хлеба. Рабски преданный ему, рядом ехал Продавец папских индульгенций. Безжизненные пряди редких, слипшихся волос окаймляли его чело, он пел и поучал писклявым голоском с амвона и вез с собой короб с индульгенциями, в продаже которых был на диво ловок.

Теперь все выше перечисленные весело сидели за накрытым всевозможной снедью столом и подкрепляли свои силы. Когда же ужин был окончен и гости стали расходиться, Хозяин таверны встал и, поблагодарив гостей за оказанную честь, осушил свой бокал. Затем он, смеясь, заметил, что путникам, должно быть, бывает иногда скучно, и предложил паломникам следующее: каждый за время долгой дороги должен будет рассказать выдуманную или взаправдашнюю историю, а кто расскажет интереснее всех, будет славно угощен на возвратном пути. В качестве судьи Хозяин предложил себя, предупредив, что тот, кто станет уклоняться от рассказа, будет сурово наказан. Паломники с радостью согласились, ибо никто скучать не хотел, а Хозяин нравился всем, даже самым угрюмым. И вот, перед тем как отправиться в дорогу, все стали тянуть жребий, кому же рассказывать первому. Жребий выпал Рыцарю, и конники, окружив его, приготовились внимательно слушать рассказ.

Рассказ Рыцаря

Некогда в Афинах правил славный владыка Тесей. Прославив себя многими победами, он наконец захватил Скифию, где жили амазонки, и женился на их повелительнице Ипполите. Когда он гордо стоял перед своей столицей, готовясь войти туда под звуки фанфар, к нему подошла процессия одетых в траур женщин. Тесей спросил у них, что случилось, и был немало разгневан, узнав, что это жены именитых фиванских воинов, тела которых гниют под солнцем, ибо новый правитель Фив, Креон, недавно захвативший этот город, не дает похоронить их, оставив на растерзание птицам. Тесей вскочил на коня и помчался со своим войском отомстить жестокому Креону, оставив в Афинах Ипполиту и ее красавицу сестру Эмилию. Войско осадило Фивы, злой Креон пал в битве, сраженный Тесеем, и справедливость была восстановлена. Среди павших воины Тесея нашли двух раненых витязей знатного рода. Тесей приказал отправить их в Афины и заточить там в башню, не согласившись взять за них выкупа. Юношей звали Арсита и Паламон. Прошло несколько лет. Однажды прекрасная Эмилия гуляла по саду, раскинувшемуся

рядом с башней, где томились несчастные узники, и пела, словно соловей. В это время Паламон глядел в сад из зарешеченного окна темницы. Вдруг он увидел прекрасную Эмилию и чуть не потерял сознание, ибо понял, что влюблен. Проснувшийся от этого вскрика Арсита подумал, что его брат болен. Паламон объяснил ему, в чем его печаль, и Арсита решил взглянуть на Эмилию. Подойдя к бойнице, он увидел ее, гуляющую между розовых кустов, и почувствовал то же, что и Паламон. Тут началась между ними страшная распря и драка. Один обвинял другого, каждый считал своим неоспоримым правом любить Эмилию, и неизвестно до чего бы дошло дело, не вспомни братья вовремя о своем положении. Осознав, что, как оно там все ни повернись, им все равно никогда не выбраться из тюрьмы, Арсита и Паламон решили положиться на судьбу.

Как раз в это время в Афины погостить прибыл знатный военачальник Перитой, добрый приятель владыки Тесея. Ранее его связывали узы святой дружбы с молодым Арситой, и, узнав, что тот томится в башне, Перитой слезно молил Тесея отпустить его. Поколебавшись, Тесей дал наконец свое согласие, но с непреложным условием, что, если Арсита еще раз появится на афинской земле, он ответит за это головой. Несчастный Арсита вынужден был бежать в Фивы, проклиная свою судьбу и завидуя Паламону, который остался в темнице и мог хоть иногда видеть Эмилию. Он не знал, что в это же время Паламон сетовал на него, уверенный, что счастье досталось его брату, а не ему, бедному узнику.

Так пролетел год-другой. Однажды, когда Арсита заснул беспокойным сном, к нему явился бог Меркурий и посоветовал не отчаиваться, а идти попытать счастья в Афины. Проснувшись, Арсита откинул сомнения и страхи и решил дерзнуть проникнуть в столицу, переодевшись бедняком и взяв с собой одного лишь приятеля. Муки сердца так исказили его черты, что никто не мог его узнать, и он был принят в услужение во дворец, назвавшись Филостратом. Он был настолько учтив и смышлен, что слава о новом слуге долетела до ушей Тесея, он приблизил Филострата, сделав его своим личным помощником и щедро одарив его. Так при дворе жил Арсита, в то время как его брат вот уже седьмой год томился в башне. Но как-то, в ночь на третье мая, друзья помогли ему бежать, и под покровом тьмы он затаился в рощице в нескольких милях от города. Паламону надеяться было не на что, разве что отправиться в Фивы и молить своих собрать войско и идти войной на Тесея. Он не знал, что в эту же рощу, где он пережидал день, прискакал, отправившись на прогулку, Арсита. Паламон слышал, как Арсита жаловался на свою судьбу,

превознося Эмилию, и, не вытерпев, выскочил на поляну. Увидев друг друга, братья решили, что только один может остаться в живых и обладать правом на сердце сестры королевы. Тут начался такой бой, что казалось, будто сцепились в смертельной схватке дикие звери.

Шум битвы привлек внимание славного Тесея, который проезжал мимо той рощи со своей свитой. Увидев окровавленных рыцарей, он узнал в них обманщика слугу и сбежавшего узника и решил покарать их смертью. Выслушав их объяснения, он уже было отдал приказ умертвить братьев, но, увидев слезы на глазах Ипполиты и Эмилии, тронутых злосчастной любовью двух юношей, сердце великодушного монарха смягчилось, и он приказал рыцарям сражаться за право жениться на прекрасной Эмилии здесь же через год, приведя с собой по сто бойцов каждый. Не было пределов ликованиям двух юношей и свиты великодушного Тесея, когда они услышали такой приговор.

Ровно через год рядом с рощей раскинулся огромный, богато изукрашенный амфитеатр, где должен был состояться поединок. С трех сторон его высились храмы, возведенные в честь Марса, Венеры и Дианы. Когда появились первые воины, амфитеатр был уже полон. Во главе сотни витязей гордо шествовал Паламон вместе с великим фракийским военачальником Ликургом, С другой стороны пришел могучий Арсита. Рядом с ним — индийский Эметрий, великий властитель, а чуть позади — сто крепких, под стать друг другу бойцов. Они вознесли молитвы богам, каждый своему покровителю, Арсита — Марсу, Паламон — Венере. Диане молилась красавица Эмилия, чтобы та послала ей в мужья того, кто любит сильней. Все получили с помощью таинственных знаков уверенность в том, что боги не оставят в беде своих подопечных. И вот состязание началось. Согласно правилам битва должна была продолжаться до тех пор, пока оба военачальника находятся внутри черты, ограничивающей ристалище. Побежденного должны были отвести к вехам, что означало его поражение. Тесей дал знак, и зазвенели скрестившиеся мечи и копья. Кровь лилась рекой, падали раненые, поднимались те, кто покрепче, и никто не мог одержать победу. Но тут Паламона, который дрался как лев, окружили сразу двадцать воинов, и свирепый Ликург не смог ему помочь. Паламона схватили за руки, за ноги и отнесли за пределы поля, к вехам. Тут битва была остановлена… Победителем вышел Арсита, несмотря на усилия покровительствующей Паламону богини любви Венеры.

Радостный Арсита галопом поскакал навстречу возлюбленной, и вдруг из-под копыт его коня из глубины ада

вырвалась мерзкая фурия. Конь со всего размаху упал на землю, придавив своего всадника. Ужасу зрителей не было предела, окровавленного Арситу с проломленной грудью срочно отнесли в палаты Тесея, который рвал на себе волосы от горя.

Проходят недели, Арсите все хуже и хуже. Эмилия не находит себе места от тоски и печали, плача дни напролет. Грудь Арситы полна гноем, раны воспалены. Чувствуя, что умирает, он призвал свою невесту и, поцеловав ее, завещал быть верной женой своему отважному брату, которому он все простил, ибо нежно любил его. После этих слов Арсита смежил очи и душа его отлетела.

Долго горевала вся столица, оплакивая славного воина, долго неутешно рыдали Паламон и Эмилия, но время, как известно, быстро залечивает раны. Арситу похоронили в той самой роще, где они встретились с Паламоном. Тесей, погоревав, призвал Паламона и сказал, что, видно, так распорядился рок, перед которым человек бессилен. Тут и сыграли пышную и веселую свадьбу Паламона и Эмилии, которые зажили счастливо, любя друг друга страстно и преданно, чтя наказ несчастного Арситы.

На этом Рыцарь закончил свой рассказ.

Рассказ Мельника

Как-то жил в Оксфорде плотник. Мастером он был на все руки и пользовался заслуженной репутацией умельца. Был он богат и пускал к себе в дом нахлебников. Среди них у него жил бедный студент, который неплохо разбирался в алхимии, помнил теоремы и частенько удивлял всех своими познаниями. За добрый нрав и приветливость все звали его Душка Николае. Плотникова жена приказала долго жить, и он, погоревав, женился снова на молодой чернобровой красавице Алисон. Она была настолько привлекательна и мила, что влюбленным в нее не было числа, и среди них конечно же оказался и наш студент. Ничего не подозревая, старый плотник был все же очень ревнив и приглядывал за своей молодой женой. Как-то раз, устроив невинную возню с Алисон, пока плотника не было дома. Душка Николае, признавшись ей в своих чувствах, умолял подарить ему хотя бы один поцелуй. Алисон, которой тоже нравился милый студент, обещала его поцеловать, но только когда представится удобный случай. Тогда-то Душка Николас и решил надуть старого плотника. Между тем по Алисон страдал еще и молодой церковный причетник Авессалом. Когда он шел по церкви, размахивая кадилом, он смотрел только на Алисон и тяжело вздыхал. Он был ловкачом и развратником и Алисон совсем не нравился, все мысли ее были обращены к Николасу.

Один раз, ночью, не вытерпев томленья, Авессалом взял гитару и решил пойти услаждать слух любимой грустными куплетами. Услыхав это мяуканье, плотник спросил у жены, что делает Авессалом под их забором, а та, презирая причетника, заявила, что такого вора она не боится. У Душки Николаса на любовном фронте дела обстояли куда как лучше. Сговорившись с Алисон, он взял запас воды и снеди на несколько дней и, запершись в своей комнате, никуда не выходил. Через два дня все забеспокоились, куда же пропал студент и не болен ли он. Плотник приказал пойти спросить его, но Николае никому не открывал. Тут уж добрый плотник совсем взволновался, ибо сердечно любил Душку Николаса, и велел выбить дверь. Он увидел сидящего на кровати Николаcf, который, не двигаясь, пристально глядел в небо. Плотник стал неистово трясти его, чтобы привести в чувство, ибо тот отказывался от еды и не промолвил ни единого слова. После эдакой встряски студент загробным голосом попросил оставить его наедине с плотником. Когда все это исполнили, Николас нагнулся к уху плотника и, взяв с него страшную клятву молчать, поведал, что в понедельник (а было воскресенье) мир ждет страшный потоп, подобно тому, какой был при Ное. Ведомый Божественным Промыслом, он, Николае, получил откровение спасти только трех человек — Плотника Джона, его жену Алисон и себя. В ужасе плотник лишился на мгновение дара речи. Студент наказал ему купить три большие бочки или бадьи и укрепить их на стропилах так, чтобы, когда начнется ливень, удобно было всплыть через заранее приготовленное отверстие в крыше. Влезть в бочки надо было каждому по отдельности, чтобы в такой страшный час никого не искушал плотский соблазн. Напуганный до смерти плотник, послушав студента и свято веря в свое спасение, помчался закупать бадьи и снедь для долгого плаванья, не сказав никому ни слова.

И вот наступила роковая ночь. Компания тихонько забралась е бочки, и плотник принялся усердно молиться, как было велено, ожидая страшного ливня, и вскоре заснул крепким сном. Тогда любовники бесшумно спустились, чтобы провести остаток ночи в Плотниковой спальне. Между тем причетник Авессалом, заметив, что плотник не появляется целый день, и думая, что он в отлучке, побрел попытать счастья под окнами Алисон. Тщательно приготовив речь, Авессалом приник к окну и стал жалобным голосом умолять Алисон подарить ему хоть один поцелуй. Тогда жена плотника, лежа в объятиях студента, решила пошутить над ним. Открыв окно и повернувшись задницей, она выставила ее перед причетником, и тот, не разобрав в темноте, поцеловал ее,

ужаснулся и вдобавок получил рамой по голове. Услышав звонкий смех Душки Николаса, Авессалом решил отомстить влюбленным. Отирая по дороге губы, он помчался к кузнецу, взяв у него раскаленный сошник. Кузнец Жервез отказать другу не посмел, и вот Авессалом уже опять у окна, с горячим сошником в руке, молит Алисон выглянуть еще разок. Тут пошутить решил уже Николае, высунулся из окна и оглушительно пукнул прямо в Авессаломов нос. Тот только этого и ждал, припечатав задницу Николаса сошником так, что слезла кожа. Душка Николае взвыл от боли и завопил: «Воды, скорей воды…» Проснувшийся от этого крика плотник подумал, что потоп уже начался, перерубил канат, на котором висела бочка, и… с оглушительным треском грохнулся вниз. На шум сбежались соседи, прибежали Николае и Элисон. Все смеялись до упаду над бедным стариком, который ждал конца света и поплатился за это сломанной ногой. Вот как хитроумный школяр сумел обмануть старого плотника и соблазнить его жену.

Рассказ Врача

Тит Ливии повествует, что некогда в Риме жил знатный рыцарь по имени Виргинии, заслуживший всеобщую любовь своей щедростью. Бог наградил его единственной дочерью, по красоте своей походившей на богиню. Когда произошла эта история, девушке было уже пятнадцать лет. Она была прекрасна, как цветок, на диво разумна и чиста помыслами. Не было человека, который не восхищался бы ею, но она не подпускала к себе наглых кавалеров и не ходила на веселые пирушки, которые устраивали ее сверстники.

Однажды дочь Виргиния пошла вместе с матерью в храм, где девушку увидел судья округа Аппий и безумно восхотел ее. Зная, что к ней не подступиться, он решил действовать обманом. Он призвал парня по имени Клавдий, отменного негодяя, и, щедро наградив его, рассказал ему все. Вместе они заключили подлый сговор, и, если все выйдет по задуманному, Клавдия ожидало хорошее вознаграждение. Предвкушая близкую победу, Аппий заседал через несколько дней в суде, когда туда вошел Клавдий и сказал, что хочет пожаловаться на некоего рыцаря по имени Виргинии, который украл у него рабыню и теперь выдает ее за свою дочь. Судья выслушал его и сказал, что без присутствия ответчика судебное дело не может быть решено. Призвали Виргиния, который, выслушав лживое обвинение, уже хотел было осадить лжеца, утверждавшего, что у него есть свидетели, как это подобает рыцарю, но нетерпеливый судья не дал ему слова и

вынес приговор, согласно которому Виргинии должен отдать Клавдию его «рабыню». Ошеломленный Виргинии пришел домой и все рассказал дочери. Затем он решил умертвить ее, чтобы избегнуть позора и надругательства. Дочь его, вся в слезах, попросила лишь дать ей время оплакать свою жизнь, поблагодарить Бога за то, что он избавил ее от позора. Затем Виргиний взял меч, отсек своей единственной дочери голову и понес этот кровавый дар в палату, где его с нетерпением ожидали судья и Клавдий. Они хотели казнить его там же, но тут народ ворвался в суд и освободил Виргиния. А похотливый судья был заточен в тюрьму, где и покончил с собой. Друг же его, Клавдий, был навсегда изгнан за пределы Рима.

Рассказ Эконома о вороне

Когда-то великий бог Феб, или иначе Апполон, жил среди людей. Он был красавец рыцарь, веселый и смелый, его разящих стрел боялся любой враг. Феб умел бесподобно играть на лире, арфе, лютне, а таким дивным голосом, как у него, не обладал никто на свете. По красоте и благородству никто не мог сравниться с великим богом. Жил Феб в просторном доме, где в красивейшей из комнат стояла золотая клетка. Там жила ворона. Таких теперь уже нет, та была ослепительно бела и пела звонким голосом, словно соловей. Феб очень ее любил, учил говорить, и вскоре ворона стала все понимать и в точности подражать человеческим голосам. В той же хоромине жила прекрасная жена Феба. Он безумно любил ее, лелеял, как редкий цветок, дарил дорогие подарки и ревновал ее к любому. Он не приглашал в свой дом гостей, боясь, что кто-нибудь может соблазнить его жену, и держалее взаперти, как птичку в золотой клетке. Но все бесполезно — сердце и все помыслы его любимой жены принадлежали другому. Как-то раз Феб надолго отлучился, и любовник тут как тут. Вместе с Фебовой прекрасной женой они утоляют свою страсть в комнате с клеткой. Ворона видела все это и, верная своему хозяину, обиделась за него. Когда Феб вернулся и подошел к клетке, ворона закаркала: «У-крал! У-крал! У-крал!..» Удивленный странной переменой голоса своей любимицы, Феб спросил у нее, что случилось. Грубыми, зловещими словами ворона рассказала ему, что, пока его не было, мерзавец любовник бесчестил здесь ложе с его женой. В ужасе отшатнулся Феб, ярость захлестнула его, он взял свой лук и, до отказа оттянув тетиву, убил свою любимую жену.

После его стал глодать червь сожалений. Он разбил музыкальные инструменты, сломал свой лук и стрелы и в

бешенстве накинулся на ворону, сказав ей с презрением: «Лживая тварь, зря я послушался твоих наветов, змеиный яд напитал твои речи, ибо убил я свою жену, которая передо мной невиновна. Из-за твоей клеветы я навеки лишился любимой супруги и услады очей. В наказанье за свое вранье ты больше не будешь белой, как жасмин, а станешь черной и уродливой, не запоешь больше, как соловей, но будешь зловеще каркать, предвещая непогоду, и перестанут любить тебя люди». И грозный бог схватил завистливую птицу, ободрал с нее белоснежные перья и набросил на нее черную монашескую рясу, отнял дар речи, а затем вышвырнул на улицу. С тех пор все вороны черны, как смоль, и громко каркают, сетуя на свою далекую прародительницу. Людям не менее важно всегда взвешивать свои слова перед тем, как сказать что-либо, чтобы не разделить печальную участь белой вороны.

Т. Н. Котрелев

Томас Мэлори (Thomas Malory) [ок. 1417–1471]

Смерть Артура (Le morte Darthure)

Роман (1469, опубл. 1485)

Король Англии Утер Пендрагон влюбляется в Игрейну, жену герцога Корнуэльского, с которым он ведет войну. Знаменитый чародей и прорицатель Мерлин обещает помочь королю завоевать Игрейну при условии, что тот отдаст ему их дитя. Герцог погибает в схватке, а бароны, желая положить конец распре, убеждают короля взять Игрейну в жены. Когда королева разрешается от бремени, младенца тайно относят Мерлину, а тот нарекает его Артуром и отдает на воспитание барону Эктору.

После смерти короля Утера, чтобы предотвратить смуту, архиепископ Кентерберийский по совету Мерлина призывает всех баронов в Лондон для избрания нового короля. Когда все сословия королевства собираются на молитву, во дворе храма чудесным образом появляется камень со стоящей на нем наковальней, под которой лежит обнаженный меч. Надпись на камне гласит, что король по праву рождения — тот, кто вытащит меч из-под наковальни. Это удается только юному Артуру, который не знает, кто его настоящие родители.

Артур становится королем, но многие считают его недостойным править страной, ибо он слишком юн и низок по рождению. Мерлин рассказывает противникам Артура тайну его рождения, доказывая им, что юноша — законный сын Утера Пендрагона, и все же некоторые бароны решают идти войной против юного короля. Но Артур побеждает всех своих противников.

В городе Карлионе Артур встречает жену короля Лота Оркнейского. Не зная, что она приходится ему сестрой со стороны его матери Игрейны, он разделяет с ней ложе, и она зачинает от него. Мерлин раскрывает юноше тайну его рождения и предрекает, что Артур и все его рыцари погибнут от руки Мордреда, сына Артура, которого он зачал со своей сестрой.

Вместо меча, который сломался в схватке с королем Пелинором, Артур получает от Владычицы Озера чудесный меч Эскалибур, что означает «руби сталь». Мерлин объясняет Артуру, что ножны от этого меча сохранят его от ранений.

Артур приказывает доставить к нему всех младенцев,

рожденных знатными дамами от знатных лордов в первый день мая, ибо Мерлин открыл ему, что в этот день родился Мордред. Всех младенцев сажают на корабль и пускают в море, корабль разбивается, и спасается только Мордред.

Рыцарь Балин Свирепый заколдованным мечом убивает Владычицу Озера за то, что она погубила его мать. Артур изгоняет Балина. Этот меч становится причиной гибели Балина и его брата Балана. Мерлин предсказывает, что теперь завладеть заколдованным мечом не сможет никто, кроме Ланселота или его сына, Галахада, и что Ланселот этим мечом убьет Гавейна, который ему дороже всех на свете.

Артур берет себе в жены Гвиневеру, дочь короля Лодегранса, от которого получает в подарок Круглый Стол, за которым могут сидеть сто пятьдесят рыцарей. Король поручает Мерлину выбрать еще пятьдесят рыцарей, ибо у него уже есть сто. Но тот нашел только сорок восемь: два места за столом остаются незанятыми. Артур повелевает своим рыцарям, чтобы они сражались только за правое дело и служили всем образцом рыцарской доблести.

Мерлин влюбляется в Ниневу, одну из дев Владычицы Озера, и так ей докучает, что она запирает его в волшебной пещере под тяжелым камнем, где он и умирает.

Сестра Артура, фея Моргана, хочет погубить брата. Она подменяет его меч, Эскалибур, и король едва не погибает в поединке с ее возлюбленным. Фея Моргана хочет, чтобы тот убил Артура и стал королем. Однако, несмотря на ее коварные планы, Артур остается жив и совершает славные подвиги.

Ко двору Артура прибывают послы из Рима с требованием дани императору Луцию. Артур решает идти на него войной. Высадившись в Нормандии, Артур убивает великана-людоеда, а затем одерживает победу над римлянами. Луций погибает. Артур вторгается в Аллеманию и в Италию и захватывает один город за другим. Римские сенаторы и кардиналы, устрашенные его победами, просят Артура короноваться, и сам папа коронует его императором. Четыре королевы, одна из которых — фея Моргана, находят под деревом спящего Ланселота. Фея Моргана насылает на него чары и увозит его в свой замок, чтобы он сам выбрал, какая из четырех дам станет его возлюбленной. Но он отвергает их, храня верность королеве Гвиневере, которую втайне от всех любит. Дочь короля Багдемагуса вызволяет Ланселота из плена, и он совершает много славных подвигов.

Ко двору Артура прибывает юноша и, не открывая своего имени, просит у него пристанища на год. Он получает прозвище Бомейн, что означает «Прекрасные руки», и живет на кухне вместе со слугами. Через год ему привозят богатое снаряжение, и Бомейн

просит короля отпустить его на защиту дамы, которую притесняет Красный Рыцарь. Ланселот посвящает Бомейна в рыцари, и тот открывает ему свое имя: он — Гарет Оркнейский, сын короля Лота и брат Гавейна, который, как и Ланселот, — один из рыцарей Круглого Стола. Бомейн совершает много славных подвигов, побеждает Красного Рыцаря и женится на леди Лионессе, — той даме, которая просила у него защиты.

Тристрама, сына короля Мелиодаса, который был владыкой страны Лион, хочет отравить его мачеха, чтобы всеми землями после смерти Мелиодаса владели ее дети. Но ей это не удается, и король, узнав обо всем, приговариваетее к сожжению. Тристрам упрашивает отца помиловать мачеху, тот уступает его просьбам, но отсылает сына на семь лет во Францию.

После возвращения из Франции Тристрам живет при дворе своего дяди, короля Марка Корнуэльского, и помогает ему в борьбе с его врагами. Король Марк посвящает его в рыцари, и Тристрам бьется с рыцарем Мархольтом, братом королевы Ирландии, чтобы избавить Корнуэлл от дани. Он убивает Мархольта и отправляется в Ирландию, ибо ему предсказали, что лишь там он сможет исцелиться от опасной раны, полученной в поединке.

Изольда Прекрасная, дочь ирландского короля Ангвисанса, исцеляет его. Но вскоре Тристрам вынужден покинуть Ирландию, так как королева узнает, что это он убил ее брата Мархольта. Прощаясь с Тристрамом, Изольда обещает ему семь лет не выходить замуж, а рыцарь клянется, что отныне только она будет дамой его сердца.

Через некоторое время король Марк посылает Тристрама в Ирландию, чтобы тот посватал за него Изольду. Тристрам и Изольда отплывают в Корнуэлл и случайно выпивают любовный напиток, который королева Ирландии хотела передать для короля Марка. Даже после свадьбы короля Марка с Изольдой между ней и Тристрамом не прекращаются любовные свидания. Король Марк узнает об этом и хочет убить Тристрама, но тому удается спастись. По совету Изольды Тристрам отправляется в Бретань, чтобы дочь короля, Изольда Белорукая, исцелила его от опасной раны. Тристрам забывает свою прежнюю возлюбленную и венчается с Изольдой Белорукой, но после свадьбы вспоминает о ней и так сокрушается, что не прикасается к своей жене, и та остается девственницей.

Изольда Прекрасная, узнав о женитьбе Тристрама, пишет ему горестные письма и призывает к себе. По пути к ней он совершает славные подвиги и спасает Артура, которого хочет погубить чародейка Аннаура, но не называет королю своего имени.

Наконец Тристрам встречает Изольду при дворе короля Марка. Обнаружив письмо влюбленного в нее Кахидина, он теряет рассудок от ревности, скитается по лесам и делит пищу с пастухами. Король Марк дает приют несчастному, но лишь потому, что не узнает его. Когда Изольда Прекрасная узнает любимого, к нему возвращается разум. Но король Марк изгоняет Тристрама из страны на десять лет, и он странствует, совершая славные подвиги.

Тристрам и Ланселот бьются на поединке, не узнав друг друга. Но когда каждый из них называет свое имя, они с радостью уступают друг Другу победу и возвращаются ко двору Артура. Король Марк преследует Тристрама, чтобы отомстить ему, но Артур заставляет их помириться, и они отбывают в Корнуэлл. Тристрам бьется с врагами короля Марка и побеждает, несмотря на то что король затаил на него злобу и по-прежнему хочет убить его. Зная о коварстве и мстительности короля Марка, Тристрам все же не скрывает своей привязанности к Изольде и делает все возможное, чтобы быть рядом с ней. Вскоре король Марк заманивает Тристрама в ловушку и держит его в заточении, пока его не освобождает Персивадь. Спасаясь от предательских планов короля Марка, Тристрам и Изольда отплывают в Англию. Ланселот привозит их в свой замок «Веселая стража», где они живут, счастливые тем, что наконец могут ни от кого не скрывать своей любви.

Ланселот отправляется на поиски приключений и встречает короля Пелеса, властителя Нездешней Страны. Рыцарь узнает от него, что он, Пелес, ведет свой род от Иосифа Аримафейского, который был тайным учеником Господа нашего, Иисуса Христа, Король показывает Ланселоту Святой Грааль — драгоценную золотую чашу, и объясняет ему, что, когда это сокровище будет утрачено, Круглый Стол надолго распадется.

Из пророчества Пелесу известно, что его дочь Элейна должна родить от Ланселота сына, Галахада, который спасет Нездешнюю Страну и достигнет Святого Грааля. Пелес просит помощи у Брузены, великой ворожеи, ибо он знает, что Ланселот любит только Гвиневеру, супругу короля Артура, и ни за что не изменит ей. Брузена подсыпает в вино Ланселоту колдовское зелье, и рыцарь проводит ночь с Элейной, принимая ее за Гвиневеру. Когда чары рассеиваются, Элейна объясняет Ланселоту, что пошла на обман лишь потому, что должна была подчиниться пророчеству, которое открыл ей отец. Ланселот прощает ее.

У Элейны рождается младенец, которого нарекают Галахад. Когда король Артур устраивает празднество, на которое приглашает всех лордов и дам Англии, Элейна в сопровождении

Брузены отправляется в замок Кмелот. Но Ланселот не обращает на нее внимания, и тогда Брузена обещает Элейне навести на него чары и устроить так, что он проведет с ней ночь. Королева Гвиневера ревнует Ланселота к прекрасной Элейне и требует, чтобы он пришел ночью к ней в спальню. Но Ланселот, бессильный против колдовства Брузены, оказывается на ложе Элейны. Королева, не зная, что ее возлюбленный околдован, приказывает Элейне покинуть двор, а Ланселота обвиняет в коварстве и измене. Ланселот от горя теряет рассудок и скитается в диких лесах два года, питаясь чем придется.

Рыцарь Блиант узнает в безумце, который набросился на него в лесу и чуть не убил, прославленного Ланселота. Он привозит его в свой замок и заботится о нем, но держит его в цепях, так как рассудок к Ланселоту не вернулся. Но после того, как однажды Ланселот, порвав их, спас Блианта от рук его врагов, тот снимает с него оковы.

Ланселот покидает замок Блианта и снова скитается по свету, он по-прежнему безумен и не помнит, кто он. Случай приводит его в замок Корбеник, где живет Элейна, которая узнает его. Король Пелес относит бесчувственного Ланселота в башню, где хранится священная чаша Святой Грааль, и рыцарь исцеляется. Он просит у короля Пелеса позволения поселиться в его краях, и тот дарит ему остров, который Ланселот называет Островом Радости. Он живет там с Элейной в окружении прекрасных юных дам и рыцарей и требует, чтобы отныне его называли Кавалер Мальфет, что означает «Рыцарь, совершивший поступок».

Ланселот устраивает на острове турнир, на который приезжают рыцари Круглого Стола. Узнав Ланселота, они умоляют его вернуться ко двору короля Артура. Артур и все рыцари рады возвращению Ланселота, и хотя все догадываются, из-за чего он впал в безумие, никто не говорит об этом прямо.

Ланселот по просьбе дамы, прибывшей ко двору Артура от короля Пелеса, едет к нему и посвящает в рыцари Галахада, но он не знает, что это его сын. Когда Галахад приезжает в замок Артура Камелот, на свободном сиденье за Круглым Столом появляется надпись: «Это место сэра Галахада, Высокородного принца». А это сиденье называлось Погибельным, ибо тот, кто садился на него, навлекал на себя несчастье.

Рыцарям Круглого Стола явлено чудо: по реке плывет камень с вонзенным в него мечом. А надпись на камне гласит, что вытащить меч сможет только лучший из рыцарей мира. На глазах всех рыцарей исполняется предсказание Мерлина: Галахад вытаскивает из камня меч, принадлежавший некогда Балину Свирепому. Королева Гвиневера, которой известно, кто отец

Галахада, рассказывает своим придворным дамам, что юноша происходит от лучших рыцарских родов мира: Ланселот, его отец, происходит в восьмом колене от Господа нашего Иисуса Христа, а Галахад — в девятом колене.

В день праздника Пятидесятницы, когда все собираются на вечернюю молитву, в зале чудесным образом появляется священная чаша Грааль, а на столе — изысканные яства и напитки. Гавейн дает клятву отправиться на подвиги во имя Святого Грааля. Все рыцари повторяют его клятву. Артур сокрушается, ибо предчувствует, что они уже никогда не соберутся вместе за Круглым Столом.

В Белом аббатстве Галахад добывает себе чудесный щит, который был сделан на тридцать втором году после Страстей Христовых. Ему рассказывают, что сам Иосиф Аримафейский своей кровью начертал на белом щите красный крест. Галахад, вооруженный чудесным мечом и щитом, совершает славные подвиги.

С Ланселотом наяву и п видениях происходят чудесные вещи. Оказавшись около старой часовни, в которую не может войти, он слышит голос, приказывающий ему удалиться от этих святых мест. Рыцарь сознает свою греховность и раскаивается, понимая, что его подвиги не угодны Богу. Он исповедуется отшельнику, и тот истолковывает ему слова, которые слышал рыцарь. Ланселот обещает отшельнику воздерживаться от общения с Гвиневерой, и тот назначает ему покаяние.

Персиваль, отправившийся, как и прочие рыцари, на поиски Святого Грааля, встречает свою тетку. Она рассказывает ему, что Круглый Стол соорудил Мерлин как знак округлости мира, и человек, избранный в братство рыцарей Круглого Стола, должен считать это величайшей честью. Она также передает Персивалю пророчество Мерлина о Галахаде, который превзойдет своего отца, Ланселота. Персиваль отправляется искать Галахада и в пути переживает много чудесных приключений. Борясь с искушениями плоти, он рассекает себе мечом бедро и дает клятву больше не грешить.

Ланселот странствует в поисках Святого Грааля и проходит через многие испытания. Он узнает от отшельника, что Галахад — его сын. Затворница истолковывает рыцарю его видения; он слаб верой, порочен душой, и гордыня не дает ему отличать мирское от божеского, поэтому теперь, когда он взыскует Грааль, Богу не угодны его бранные подвиги.

Гавейну наскучило странствовать в поисках Грааля. Отшельник, которому он и рыцарь Боре исповедуются в своих грехах, толкует Гавейну его сон: большинство рыцарей Круглого

Стола отягощены грехами, и их гордыня не дает им приблизиться к святыне, ибо многие отправились на поиски Грааля, даже не покаявшись в грехах.

Персиваль и Борс встречают Галахада, и вместе совершают славные подвиги во имя Святого Грааля. Галахад встречает своего отца, Ланселота. Они слышат голос, который предсказывает им, что они видятся в последний раз.

Ланселот попадает в чудесный замок. В одном из покоев он видит священную чашу в окружении ангелов, но некий голос воспрещает ему войти. Он пытается войти, но его как будто опаляет пламенное дыхание, и он двадцать пять дней лежит, словно мертвый. Ланселот встречает короля Пелеса, узнает от него, что Элейна умерла, и возвращается в Камелот, где находит Артура и Гвиневеру. Многие рыцари вернулись ко двору, но более половины погибли.

Галахад, Персиваль и Боре прибывают к королю Пелесу в замок Корбеник. В замке рыцарям явлены чудеса, и они становятся обладателями священной чаши Грааль и серебряного престола. В городе Саррасе Галахад становится его королем. Ему предстает Иосиф Аримафейский, из рук которого рыцарь принимает святое причастие, и вскоре умирает. В минуту его смерти с неба протягивается рука и уносит священную чашу. С тех пор никто из людей не удостаивается увидеть Святой Грааль. Персиваль уходит к отшельникам, принимает духовный чин и через два года умирает.

При дворе Артура царит радость по поводу завершения подвига во имя Святого Грааля. Аанселот, помня свое обещание отшельнику, старается избегать общества королевы. Та возмущена и повелевает ему покинуть двор. Гавейн обвиняет королеву в том, что она хотела его отравить. Ланселот вступает за нее в поединок и оправдывает королеву. На турнире Ланселот получает опасную рану и отправляется к отшельнику, чтобы тот исцелил его.

Рыцарь Мелегант захватывает в плен королеву Гвиневеру, и Ланселот освобождает ее. Он проводит с ней ночь, а Мелегант обвиняетее в измене. Ланселот бьется с Мелегантом и убивает его.

Агравейн, брат Гавейна, и Мордред, сын Артура, рассказывают Артуру о любовных свиданиях Ланселота и королевы, и он приказывает выследить их и захватить. Агравейн и двенадцать рыцарей пытаются пленить Ланселота, но он убивает их, Артур просит Гавейна отвести королеву на костер, но тот отказывается и скорбит, что она должна принять позорную смерть. Ланселот, убив многих рыцарей, спасает ее от казни,

увозит в свой замок «Веселая стража». Некоторые рыцари Артура примыкают к нему. Гавейн узнает, что Ланселот убил двоих его братьев, и дает слово отомстить убийце. Артур осаждает замок Ланселота, но папа римский повелевает им примириться. Ланселот возвращает королеву Артуру и уезжает во Францию. Следуя совету Гавейна, который хочет отомстить Ланселоту, Артур снова собирает войско и отправляется во Францию.

В отсутствие Артура его сын, Мордред, правит всей Англией. Он составляет письма, в которых говорится о смерти отца, коронуется и собирается жениться на королеве Гвиневере, но ей удается убежать. Войско Артура прибывает в Дувр, где Мордред пытается помешать рыцарям высадиться на берег. В схватке погибает Гавейн, Его дух является королю и предостерегает от сражения, но из-за нелепой случайности оно происходит. Мордред погибает, а Артур получает опасные раны. Предчувствуя близкую смерть, он велит бросить в воду свой меч Эскалибур, а сам садится в барку, где сидят прекрасные дамы и три королевы, и уплывает с ними. Наутро в часовне находят свежий могильный камень, и отшельник рассказывает, что несколько дам принесли ему мертвое тело и просили похоронить. Гвиневера, узнав о смерти Артура, постригается в монахини. Ланселот прибывает в Англию, но когда находит Гвиневеру в монастыре, тоже принимает постриг. Вскоре оба они умирают. Епископ видит во сне Ланселота в окружении ангелов, которые поднимают его к небесам. Королем Англии становится Константин, сын Кадора, и с честью правит королевством.

В. В. Рынкевич

Кристофер Марло (Christopher Marlowe) [1564–1593]

Трагическая история доктора Фауста (The tragical history of doctor Faustus)

Трагедия (1588–1589, опубл. 1604)

На сцену выходит хор и рассказывает историю Фауста: он родился в германском городе Рода, учился в Виттенберге, получил докторскую степень. «Потом, исполнен дерзким самомненьем, / Он ринулся в запретные высоты / На крыльях восковых; но тает воск — /И небо обрекло его на гибель».

Фауст в своем кабинете размышляет о том, что, как ни преуспел в земных науках, он всего лишь человек и власть его не беспредельна. Фауст разочаровался в философии. Медицина также не всесильна, она не может дать людям бессмертье, не может воскресить умерших. Юриспруденция полна противоречий, законы вздорны. Даже богословие не дает ответа на мучающие Фауста вопросы. Лишь магические книги привлекают его. «Могущественный маг подобен Богу. / Итак, свой разум, Фауст, изощряй, / Стремясь божественной достигнуть власти». Добрый ангел уговаривает Фауста не читать проклятых книг, полных соблазнов, которые навлекут на Фауста гнев Господень. Злой ангел, наоборот, подстрекает Фауста заняться магией и постичь все секреты природы: «Будь на земле, как в небесах Юпитер — / Владыкой, повелителем стихий!» Фауст мечтает заставить духов служить себе и стать всемогущим. Его друзья Корнелий и Вальдес обещают посвятить его в тайны магической науки и научить заклинать духов. На его зов является Мефистофель. Фауст хочет, чтобы Мефистофель служил ему и исполнял все его желания, но Мефистофель подчиняется одному Люциферу и может служить Фаусту только по приказу Люцифера. Фауст отрекается от Бога и признает верховным властелином Люцифера — владыку тьмы и повелителя духов. Мефистофель рассказывает Фаусту историю Люцифера: когда-то он был ангелом, но проявил гордыню и восстал на Господа, за это Бог его низринул с неба, и теперь он в аду. Те, кто вместе с ним восстали на Господа, также осуждены на адские муки. Фауст не понимает, как же сейчас Мефистофель вышел из сферы ада, но Мефистофель объясняет: «О нет, здесь ад, и я всегда в аду. / Иль думаешь, я, зревший лик Господень, / Вкушавший радость вечную в раю, / Тысячекратным адом не

терзаюсь, / Блаженство безвозвратно потеряв?» Но Фауст тверд в своем решении отринуть Бога. Он готов продать душу Люциферу за то, чтобы двадцать четыре года «жить, вкушая все блаженства» и иметь Мефистофеля своим слугой. Мефистофель отправляется к Люциферу за ответом, а Фауст тем временем мечтает о власти: он жаждет стать царем и подчинить себе весь мир.

Слуга Фауста Вагнер встречает шута и хочет, чтобы шут служил ему семь лет. Шут отказывается, но Вагнер вызывает двух дьяволов Балиола и Белчера и грозится, что, если шут откажется ему служить, дьяволы немедленно утащат его в ад. Он обещает научить шута превращаться в собаку, в кота, в мышь или крысу — во все что угодно. Но шут если уж в кого и хочет превращаться, то в маленькую резвую блошку, чтобы прыгать, где ему хочется, и щекотать смазливых бабенок под юбками.

Фауст колеблется. Добрый ангел уговаривает его бросить занятия магией, раскаяться и возвратиться к Богу. Злой ангел внушает ему мысли о богатстве и славе. Возвращается Мефистофель и говорит, что Люцифер приказал ему служить Фаусту до гроба, если Фауст кровью напишет завещание и дарственную на свою душу и тело. Фауст согласен, он вонзает нож себе в руку, но кровь стынет у него в жилах, и он не может писать. Мефистофель приносит жаровню, кровь Фауста согревается, и он пишет завещание, но тут на руке его появляется надпись «Homo, fuge» («Человек, спасайся»); Фауст не обращает на нее внимания. Чтобы развлечь Фауста, Мефистофель приводит дьяволов, которые дают Фаусту короны, богатые одежды и танцуют перед ним, затем удаляются. Фауст расспрашивает Мефистофеля про ад. Мефистофель объясняет: «Единым местом ад не ограничен, / Пределов нет ему; где мы, там ад; / И там, где ад, должны мы вечно быть». Фаусту не верится: Мефистофель разговаривает с ним, ходит по земле — и все это ад? Такой ад Фаусту не страшен. Он просит Мефистофеля дать ему в жены самую прекрасную девушку Германии. Мефистофель приводит к нему дьявола в женском обличье. Брак — это не для Фауста, Мефистофель предлагает каждое утро приводить к нему самых красивых куртизанок. Он вручает Фаусту книгу, где все написано: и как добывать богатство, и как вызывать духов, в ней описано расположение и движение планет и перечислены все растения и травы.

Фауст проклинает Мефистофеля за то, что он лишал его небесных радостей. Добрый ангел советует Фаусту раскаяться и уповать на милосердие Господне. Злой ангел говорит, что Бог не скалится над таким великим грешником, впрочем, он уверен, что Фауст и не раскается. У Фауста и правда не хватает духу

раскаяться, и он заводит с Мефистофелем спор об астрологии, но когда он спрашивает, кто создал мир, Мефистофель не отвечает и напоминает Фаусту, что он проклят. «Христос, мой искупитель! / Спаси мою страдающую душу!» — восклицает Фауст. Люцифер упрекает Фауста за то, что он нарушает слово и думает о Христе. Фауст клянется, что это больше не повторится. Люцифер показывает Фаусту семь смертных грехов в их подлинном обличье. Перед ним проходят Гордость, Алчность, Ярость, Зависть, Чревоугодие, Леность, Распутство. Фауст мечтает увидеть ад и вновь вернуться. Люцифер обещает показать ему ад, а пока дает книгу, чтобы Фауст прочел ее и научился принимать любой образ.

Хор рассказывает, что Фауст, желая познать тайны астрономии и географии, для начала отправляется в Рим, чтобы увидеть папу и принять участие в торжествах в честь святого Петра.

Фауст и Мефистофель в Риме. Мефистофель делает Фауста невидимым, и Фауст развлекается тем, что в трапезной, когда папа угощает кардинала Лотарингского, выхватывает у него из рук блюда с яствами и съедает их. Святые отцы в недоумении, папа начинает креститься, и, когда он крестится в третий раз, Фауст дает ему пощечину. Монахи предают его проклятию.

Робин, конюх постоялого двора, где остановились Фауст с Мефистофелем, крадет у Фауста книгу. Он и его друг Ралф хотят научиться по ней творить чудеса и для начала крадут кубок у трактирщика, но тут вмешивается Мефистофель, чей дух они ненароком вызвали, они возвращают кубок и обещают больше никогда не красть магические книги. В наказание за дерзость Мефистофель обещает превратить одного из них в обезьяну, а другого — в собаку.

Хор рассказывает, что, посетив дворы монархов, Фауст после долгих странствий по небу и земле вернулся домой. Слава о его учености доходит до императора Карла Пятого, и тот приглашает его к себе во дворец и окружает почетом.

Император просит Фауста показать свое искусство и вызвать духов великих людей. Он мечтает увидеть Александра Великого и просит Фауста сделать так, чтобы Александр и его супруга восстали из могилы. Фауст объясняет, что тела давно усопших особ превратились в прах и он не может показать их императору, но он вызовет духов, которые примут образы Александра Великого и его супруги, и император сможет их увидеть во цвете лет. Когда духи появляются, император, чтобы удостовериться в их подлинности, проверяет, есть ли у супруги Александра родинка на шее, и, обнаружив ее, проникается к Фаусту еще

большим уважением. Один из рыцарей сомневается в искусстве Фауста, в наказание у него на голове вырастают рога, которые исчезают только тогда, когда рыцарь обещает впредь быть почтительнее с учеными. Время, отпущенное Фаусту, подходит к концу. Он возвращается в Виттенберг.

Лошадиный барышник за сорок монет покупает у Фауста коня, но Фауст предупреждает его, чтобы он ни в коем случае не въезжал на нем в воду. Лошадиный барышник думает, что Фауст хочет утаить от него какое-нибудь редкостное качество коня, и первым делом въезжает на нем в глубокий пруд. Едва доплыв до середины пруда, барышник обнаруживает, что конь исчез, а под ним вместо коня — охапка сена. Чудом не утонув, он приходит к Фаусту, чтобы потребовать свои деньги обратно. Мефистофель говорит барышнику, что Фауст крепко спит. Барышник тащит Фауста за ногу и отрывает ее. Фауст просыпается, кричит и посылает Мефистофеля за констеблем. Барышник просит отпустить его и обещает заплатить за это еще сорок монет. Фауст доволен: нога на месте, а лишние сорок монет ему не повредят. Фауста приглашает герцог Ангальтский. Герцогиня просит достать ей среди зимы виноград, и Фауст тут же протягивает ей спелую гроздь. Все дивятся его искусству. Герцог щедро награждает Фауста. Фауст бражничает со студентами. Под конец пирушки они просят его показать им Елену Троянскую. Фауст исполняет их просьбу. Когда студенты уходят, приходит Старик, который пытается вернуть Фауста на путь спасения, но безуспешно. Фауст хочет, чтобы прекрасная Елена стала его возлюбленной. По приказу Мефистофеля Елена предстает перед Фаустом, он целует ее.

Фауст прощается со студентами: он на пороге смерти и осужден вечно гореть в аду. Студенты советуют ему вспомнить о Боге и просить его о снисхождении, но Фауст понимает, что ему нет прощения, и рассказывает студентам, как продал душу дьяволу. Близок час расплаты. Фауст просит студентов молиться за него. Студенты уходят. Фаусту осталось жить только один час. Он мечтает, чтобы полночь никогда не наступала, чтобы время остановилось, чтобы настал вечный день или хотя бы подольше не наступала полночь и он успел бы раскаяться и спастись. Но бьют часы, грохочет гром, сверкает молния, и дьяволы уводят Фауста.

Хор призывает зрителей извлечь урок из трагической судьбы Фауста и не стремиться к познанию заповедных сфер науки, которые соблазняют человека и учат его творить зло.

О. Э. Гринберг

Мальтийский еврей (The Jew of Malta)

Трагедия (1588, опубл. 1633)

В прологе Макиавелли говорит, что все считают его мертвым, но душа его перелетела через Альпы и он прибыл в Британию к друзьям. Он считает религию игрушкой и утверждает, что нет греха, а есть только глупость, что власть утверждается только силой, а закон, как у Дракона, крепок только кровью. Макиавелли приехал, чтобы играть трагедию еврея, который разбогател, живя по его принципам, и просит зрителей оценить его по заслугам и не судить слишком строго.

Варавва, мальтийский еврей, сидит в своей конторе перед грудой золота и ждет прибытия кораблей с товарами. Он размышляет вслух о том, что все ненавидят его за удачу, но чтут за богатство: «Так пусть уж лучше / Все ненавидят богача-еврея, / Чем жалкого еврея-бедняка!» Он видит в христианах только злобу, ложь да гордыню, которые не вяжутся с их учением, а те христиане, в ком есть совесть, живут в нищете. Он радуется, что евреи захватили больше богатств, чем христиане. Узнав, что к берегам Мальты подошел турецкий флот, Варавва не тревожится: ни мир, ни война его не трогают, ему важны лишь собственная жизнь, жизнь дочери да нажитое добро. Мальта давно уже платит дань туркам, и Варавва предполагает, что турки так увеличили ее, что мальтийцам нечем заплатить, поэтому турки собираются захватить город. Но Варавва принял меры предосторожности и спрятал свои сокровища, так что ему не страшен приход турок.

Сын турецкого султана Калимат и паши требуют уплаты дани за десять лет. Губернатор Мальты Фарнезе не знает, где взять столько денег, и совещается с приближенными. Они просят отсрочки, чтобы собрать деньги со всех жителей Мальты. Калимат дает им месяц отсрочки. Фарнезе решает собрать дань с евреев: каждому надлежит отдать половину своего имущества; тот, кто откажется, будет немедленно окрещен, а тот, кто откажется и отдать половину имущества и креститься, потеряет все свое добро.

Три еврея говорят, что охотно отдадут половину своего имущества, Варавва возмущен их покорностью. Он готов отдать половину своих богатств, но только если указ распространяется на всех жителей Мальты, а не на одних евреев. В наказание за строптивость Вараввы Фарнезе отдает распоряжение забрать все его добро. Варавва обзывает христиан грабителями и говорит, что его вынуждают красть, чтобы вернуть награбленное. Рыцари предлагают губернатору отдать дом Вараввы под женский

монастырь, и Фарнезе соглашается. Варавва упрекает их в жестокости и говорит, что они хотят отнять у него жизнь. Фарнезе возражает: «О нет, Варавва, пачкать руки кровью / Мы не хотим. Нам запрещает вера». Варавва проклинает подлых христиан, поступивших с ним так бесчеловечно. Другие евреи напоминают ему об Иове, но те богатства, которые утратил Иов, не идут ни в какое сравнение с тем, чего лишился Варавва. Оставшись один, Варавва смеется над доверчивыми глупцами: он человек предусмотрительный и надежно спрятал свои сокровища. Варавва успокаивает свою дочь Авигею, оскорбленную несправедливостью христианских властей. Он хранит свои богатства в тайнике, а поскольку дом отобрали под монастьгрь и ни его, ни Авигею больше туда не пускают, он велит дочери попроситься в монастырь, а ночью отодвинуть половицы и достать золото и драгоценные камни. Авигея делает вид, что поссорилась с отцом и хочет постричься в монахини. Монахи Джакомо и Бернардин просят аббатису принять Авигею в монастырь, и аббатиса уводит ее в дом. Варавва притворяется, что проклинает дочь, обратившуюся в христианство. Дворянин Матиас, влюбленный в Авигею, горюет, узнав, что Авигея ушла в монастырь. Сын Фарнезе Лодовико, наслышанный о красоте Авигеи, мечтает ее увидеть. Наступает ночь. Варавва не спит, ожидая вестей от Авигеи, Наконец она появляется. Ей удалось найти тайник, и она сбрасывает вниз мешки с сокровищами. Варавва уносит их.

На Мальту прибывает вице-адмирал Испании Мартин дель Боско. Он привез пленных турок, греков и мавров и собирается продать их на Мальте. Фарнезе не дает на это согласия: мальтийцы в союзе с турками. Но Испания имеет права на Мальту и может помочь мальтийцам избавиться от турецкого владычества. Фарнезе готов восстать против турок, если испанцы его поддержат, и решает не платить туркам дань. Он разрешает Мартину дель Боско продажу рабов.

Аодовико встречает Варавву и заговаривает с ним об алмазе, имея в виду Авигею. Варавва вслух обещает отдать ему алмаз, но сам хочет отомстить губернатору и погубить Лодовико. Матиас спрашивает Варавву, о чем тот говорил с Лодовико. Варавва успокаивает Матиаса: об алмазе, не об Авигее. Варавва покупает себе раба — Итамора — и расспрашивает его о прошлой жизни. Итамор рассказывает, сколько дурных дел он совершил. Варавва радуется, найдя в нем единомышленника: «… мы оба негодяи, / Обрезаны и христиан клянем». Варавва приводит к себе Лодовико, прося Авигею быть с ним полюбезнее. Авигея любит Матиаса, но Варавва объясняет ей, что не собирается ее неволить и выдавать насильно замуж за Лодовико, просто для его планов

необходимо, чтобы она была с ним ласкова. Матиасу он сообщает, что Фарнезе задумал женить Лодовико на Авигее. Юноши, прежде бывшие друзьями, ссорятся. Авигея хочет помирить их, но Варавва посылает два ложных вызова на поединок: один — Лодовико от имени Матиаса, другой — Матиасу от имени Лодовико. Во время поединка юноши убивают друг друга. Мать Матиаса и отец Лодовико губернатор Фарнезе клянутся отомстить тому, кто их поссорил. Итамор рассказывает Авигее про козни ее отца. Авигея, узнав, как жесток был отец к ее возлюбленному, обращается в христианство — на сей раз искренне — и снова уходит в монастырь. Узнав об этом, Варавва боится, что дочь выдаст его, и решает отравить ее. Он подсыпает в горшок с рисовой похлебкой яд и посылает его монахиням в подарок. Никому нельзя верить, даже собственной дочери, только Итамор верен ему, поэтому Варавва обещает сделать его своим наследником. Итамор относит горшок в монастырь и ставит его у потайной двери.

Месяц отсрочки прошел, и на Мальту за данью прибывает турецкий посол. Фарнезе отказывается платить, и посол грозит, что турецкие пушки превратят Мальту в пустыню. Фарнезе призывает мальтийцев зарядить пушки и готовиться к битве. Монахи Джакомо и Бернардин рассказывают о том, что монахинь постигла неведомая хворь и они при смерти. Перед смертью Авигея на исповеди рассказывает Бернардину о кознях Вараввы, но просит его сохранить тайну. Как только она испускает дух, монах спешит обвинить Варавву в злодействе. Варавва притворяется, что раскаялся, говорит, что хочет креститься, и обещает отдать все свои богатства монастырю. Бернардин и Джакомо спорят, чей монашеский орден лучше, и каждый хочет перетянуть Варавву на свою сторону. В результате монахи ссорятся, оскорбляют друг друга и дерутся, В конце концов Бернардин уходит с Итамором, а Варавва остается с Джакомо. Ночью Варавва с Итамором душат Бернардина, потом прислоняют его труп к стене. Когда приходит Джакомо, он, думая, что Бернардин стоит у стены, чтобы не впустить его в дом, ударяет его палкой. Труп падает, и Джакомо видит, что Бернардин мертв. Итамор и Варавва обвиняют Джакомо в убийстве Бернардина. Они говорят, что не стоит им креститься, раз христианские монахи убивают друг друга.

Куртизанка Белламира хочет завладеть богатствами Вараввы. Для этого она решает соблазнить Итамора и пишет ему любовное письмо. Итамор влюбляется в Белламиру и готов ради нее на все. Он пишет Варавве письмо, требуя у него триста крон и угрожая, что иначе он сознается во всех преступлениях. Слуга Белламиры

отправляется за деньгами, но приносит только десять крон. Итамор в ярости пишет Варавве новое послание, где требует уже пятьсот крон. Варавва возмущен непочтительностью Итамора и решает отомстить за предательство. Варавва дает деньги, а сам переодевается, чтобы его не узнали, и идет следом за слугой Белламиры. Итамор пьянствует с Белламирой и ее слугой. Он рассказывает им, как они с Вараввой подстроили поединок Матиаса с Лодовико. К ним подходит переодетый французом-лютнистом Варавва в широкополой шляпе. Белламире нравится, как пахнут цветы на шляпе Вараввы, и он снимает букет со шляпы и преподносит ей. Но цветы отравлены — теперь и Белламиру, и ее слугу, и Итамора ждет смерть.

Фарнезе и рыцари готовятся оборонять город от турок. К ним приходит Белламира и рассказывает, что в смерти Матиаса и Лодовико виноват Варавва и он же отравил свою дочь и монахинь. Стража приводит Варавву и Итамора. Итамор дает показания против Вараввы. Их уводят в тюрьму. Потом начальник стражи возвращается и объявляет о смерти куртизанки и ее слуги, а также Вараввы и Итамора. Стража несет Варавву как мертвого и бросает за городской стеной. Когда все уходят, он просыпается: он не умер, он просто выпил волшебный напиток — настой из мака с мандрагорой — и уснул. Кадимат с войском у стен Мальты. Варавва показывает туркам вход в город и готов служить турецкому султану. Калимат обещает назначить его губернатором Мальты. Калимат берет Фарнезе и рыцарей в плен и отдает их в распоряжение нового губернатора — Вараввы, который отправляет их всех в тюрьму. Он вызывает к себе фарнезе и спрашивает, какая награда его ждет, если он, захватив турок врасплох, вернет Мальте свободу и будет милостив к христианам. Фарнезе обещает Варавве щедрое вознаграждение и пост губернатора. Варавва освобождает Фарнезе, и тот идет собирать деньги, чтобы вечером принести их Варавве. Варавва собирается пригласить Калимата на пир и там убить его. Фарнезе договаривается с рыцарями и Мартином дель Боско, что, услышав выстрел, они бросятся к нему на помощь — только так все они смогут спастись от рабства. Когда Фарнезе приносит ему собранные сто тысяч, Варавва рассказывает, что в монастыре, куда придут турецкие войска, спрятаны пушки и бочки с порохом, которые взорвутся, обрушив на головы турок град камней. Что же касается Калимата со свитой, то, когда они взойдут на галерею, Фарнезе перерубит канат и пол галереи обрушится, а все, кто будет там в это время, провалятся в подвалы. Когда Калимат приходит на пир, Варавва приглашает его наверх, на галерею, но, прежде чем Калимат туда поднимется, раздается выстрел, и

Фарнезе перерубает канат — Варавва падает в котел, стоящий в подполе. Фарнезе показывает Калимату, какая ему была подстроена ловушка. Перед смертью Варавва признается, что хотел умертвить всех; и христиан, и язычников. Варавву никому не жаль, и он гибнет в кипящем котле. Фарнезе берет Калимата в плен. Из-за Вараввы монастырь взорван и все турецкие солдаты перебиты. Фарнезе собирается держать Калимата у себя до тех пор, пока его отец не возместит всех разрушений, причиненных Мальте. Отныне Мальта свободна и никому не покорится.

О. Э. Гринберг

Уильям Шекспир (Williame Shakespeare) [1564–1616]

Ричард III (Richard III)

Историческая хроника (1592)

Когда родился Ричард, бушевал ураган, крушивший деревья. Предвещая безвременье, кричала сова и плакал филин, выли псы, зловеще каркал ворон и стрекотали сороки. В тяжелейших родах появился на свет бесформенный комок, от которого в ужасе отшатнулась собственная мать. Младенец был горбат, кривобок, с ногами разной длины. Зато с зубами — чтобы грызть и терзать людей, как злобно скажут ему впоследствии. Он рос с клеймом урода, терпя унижения и насмешки. В лицо ему бросали слова «богомерзкий» и «безобразный», а от его вида начинали лаять собаки. Сын Плантагенета, при старших братьях он фактически был лишен надежд на престол и обречен довольствоваться ролью знатного шута. Однако он оказался наделен могучей волей, честолюбием, талантом политика и змеиным коварством. Ему довелось жить в эпоху кровавых войн, междоусобных распрей, когда шла беспощадная борьба за трон между Йорками и Ланкастерами, и в этой стихии вероломства, предательства и изощренной жестокости он быстро овладел всеми тонкостями придворных интриг. С активным участием Ричарда его старший брат Эдуард стал королем Эдуардом IV, одержав победу над Ланкастерами, Для достижения этой цели Ричард, герцог Глостер, убил вместе с братьями сподвижника Ланкастеров вельможу Уорика, прикончил наследника престола принца Эдуарда и затем в Тауэре лично заколол пленного короля Генриха VI, хладнокровно заметив над его трупом: «Сперва тебе, потом другим черед. / Пусть низок я, но ввысь мой путь ведет». Король Эдуард, который восклицал в конце предыдущей хроники: «Греми, труба! Прощайте, все невзгоды! / Счастливые нас ожидают годы!» — и не подозревал, какие дьявольские замыслы зреют в душе его родного брата.

Действие начинается через три месяца после коронования Эдуарда. Ричард презрительно говорит о том, что суровые дни борьбы сменились праздностью, развратом и скукой. Он называет свой «мирный» век тщедушным, пышным и болтливым и заявляет, что проклинает ленивые забавы. Всю мощь своей натуры он решает обратить на неуклонное продвижение к единоличной

власти. «Решился стать я подлецом…» Первые шаги к этому уже сделаны, С помощью наветов Ричард добивается того, что король перестает доверять брату Георгу, герцогу Кларенсу, и отправляет его в тюрьму — как бы для его же безопасности. Встретив Кларенса, которого под стражей ведут в Тауэр, Ричард лицемерно сочувствует ему, а сам в душе ликует. От лорда-камергера Хестингса он узнает другую радостную для него весть: король болен и врачи серьезно опасаются за его жизнь. Сказалась тяга Эдуарда к пагубным развлечениям, истощавшим «царственное тело». Итак, устранение обоих братьев становится реальностью.

Ричард тем временем приступает к почти невероятной задаче: он мечтает жениться на Анне Уорик — дочери Уорика и вдове принца Эдуарда, которых он сам же убил. Он встречает Анну, когда та в глубоком трауре сопровождает гроб короля Генриха VI, и немедля начинает прямой разговор с ней. Эта беседа поразительна как пример стремительного завоевания женского сердца единственным оружием — словом. В начале, разговора Анна ненавидит и проклинает Глостера, обзывает его колдуном, подлецом и палачом, плюет ему в лицо в ответ на вкрадчивые речи. Ричард терпит все ее оскорбления, именует Анну ангелом и святой и выдвигает в свое оправдание единственный довод: он совершил все убийства только из любви к ней. То лестью, то остроумными увертками он парирует все ее упреки. Она говорит, что даже звери испытывают жалость. Ричард соглашается, что ему жалость неведома, — стало быть, он не зверь. Она обвиняет его в убийстве мужа, который был «ласков, чист и милосерден», Ричард замечает, что в таком случае ему приличней быть на небесах. В результате он неопровержимо доказывает Анне, что причина гибели мужа — ее собственная красота. Наконец, он обнажает грудь и требует, чтобы Анна убила его, если не желает простить. Анна роняет меч, постепенно смягчается, слушает Ричарда уже без прежнего содрогания и напоследок принимает от него кольцо, давая тем самым надежду на их брак…

Когда Анна удаляется, возбужденный Ричард не может прийти в себя от легкости одержанной над ней победы: «Как! Я, убивший мужа и отца, / Я ею овладел в час горшей злобы… / Против меня был бог, и суд, и совесть, / И не было друзей, чтоб мне помочь. / Один лишь дьявол да притворный вид… / И все ж она моя… Ха-ха!» И он в очередной раз убеждается в своей безграничной способности влиять на людей и подчинять их своей воле.

Далее Ричард, не дрогнув, осуществляет свой план убийства заточенного в Тауэр Кларенса: тайно нанимает двух головорезов и подсылает их в тюрьму. Простакам-вельможам Бекингему,

Стенли, Хестингсу и другим он при этом внушает, что арест Кларенса — происки королевы Елизаветы и ее родни, с которыми сам враждует. Лишь перед смертью Кларенс узнает от убийцы, что виновник его гибели — Глостер.

Больной король Эдуард в предчувствии скорой смерти собирает придворных и просит представителей двух враждующих лагерей — окружения короля и окружения королевы — заключить мир и поклясться в дальнейшей терпимости друг к другу. Пэры обмениваются обещаниями и рукопожатиями. Не хватает лишь Глостера. Но вот появляется и он сам. Узнав о перемирии, Ричард пылко заверяет, что ненавидит вражду, что в Англии у него врагов не больше, чем у новорожденного младенца, что он просит прощения у всех благородных лордов, если кого-то невзначай обидел, и тому подобное. Радостная Елизавета обращается к королю с просьбой в честь торжественного дня немедленно освободить Кларенса. Ричард сухо возражает ей: вернуть Кларенса нельзя, ибо «все знают — благородный герцог умер!».

Наступает минута общего потрясения. Король допытывается, кто отдал приказ об умерщвлении брата, однако никто не может ему ответить. Эдуард горько сокрушается о случившемся и с трудом добирается до спальни. Ричард тихо обращает внимание Бекингема, как побледнели родные королевы, намекая, что в случившемся виновны именно они.

Не перенеся удара, король вскоре умирает. Королева Елизавета, мать короля герцогиня Йоркская, дети Кларенса — все они горько оплакивают двух умерших. Ричард присоединяется к ним со скорбными словами сочувствия. Теперь по закону трон должен наследовать одиннадцатилетний Эдуард, сын Елизаветы и покойного короля. Вельможи посылают за ним в Ледло свиту.

В этой ситуации родные королевы — дядя и сводные братья наследника — представляют для Ричарда угрозу. И он отдает приказ перехватить их по дороге за принцем и заключить под стражу в Памфретском замке. Гонец сообщает эту весть королеве, которая начинает метаться в смертном страхе за детей. Герцогиня Йоркская проклинает дни смут, когда победители, одолев врагов, немедленно вступают в бой друг с другом, «на брата брат и кровь на кровь родную…».

Придворные встречаются с маленьким принцем Уэльским. Тот ведет себя с трогательным достоинством истинного монарха. Его огорчает, что он пока не видит Елизавету, дядю по материнской линии и своего восьмилетнего брата Йорка. Ричард поясняет мальчику, что родные его матери лживы и таят в сердце яд. Глостеру, своему опекуну, принц полностью доверяет и со вздохом принимает его слова. Он спрашивает дядю, где будет

жить до коронации. Ричард отвечает, что «советовал бы» временно пожить в Тауэре, пока принц не изберет себе иное приятное жилище. Мальчик вздрагивает, но затем покорно соглашается с волей дяди. Приходит маленький Йорк — насмешливый и проницательный, который досаждает Ричарду язвительными шутками. Наконец обоих мальчиков сопровождают в Тауэр.

Ричард, Бекингем и их третий союзник Кетсби уже тайно договорились возвести на престол Глостера. Надо заручиться еще поддержкой лорда Хестингса. К нему подсылают Кетсби. Разбудив Хестингса среди ночи, тот сообщает, что их общие враги — родственники королевы — нынче будут казнены. Это приводит лорда в восторг. Однако идея коронования Ричарда в обход маленького Эдуарда вызывает у Хестингса возмущение: «…чтоб за Ричарда я голос подал, / наследника прямого обездолил, / — нет, богом я клянусь, скорей умру!» Недальновидный вельможа уверен в собственной безопасности, а между тем Ричард уготовил смерть любому, кто посмеет воспрепятствовать ему на пути к короне.

В Памфрете совершается казнь родственников королевы. А в Тауэре в это время заседает государственный совет, обязанный назначить день коронации. Сам Ричард появляется на совете с опозданием. Он уже знает, что Хестингс отказался участвовать в сговоре, и быстро распоряжается взять его под стражу и отрубить ему голову. Он заявляет даже, что не сядет обедать, пока ему не принесут голову предателя. В позднем прозрении Хестингс проклинает «кровавого Ричарда» и покорно идет на плаху.

После его ухода Ричард начинает плакать, сокрушаясь из-за людской неверности, сообщает членам совета, что Хестингс был самым скрытным и лукавым изменником, что он был вынужден решиться на столь крутую меру в интересах Англии. Лживый Бекингем с готовностью вторит этим словам.

Теперь предстоит окончательно подготовить общественное мнение, чем снова занимается Бекингем. По указанию Глостера он распространяет слухи, что принцы — незаконные дети Эдуарда, что сам его брак с Елизаветой тоже незаконен, подводит различные иные основания для воцарения на английском престоле Ричарда. Толпа горожан остается глухой к этим речам, однако мэр Лондона и другие вельможи соглашаются на то, что следует просить Ричарда стать королем.

Наступает высший момент торжества: делегация знатных горожан приходит к тирану, чтобы молить его о милости принять корону. Этот эпизод отрежиссирован Ричардом с дьявольским искусством. Он обставляет дело так, что просители находят его не где-нибудь, а в монастыре, где он в окружении святых отцов

углублен в молитвы. Узнав о делегации, он не сразу выходит к ней, а, появившись в обществе двух епископов, разыгрывает роль простодушного и далекого от земной суеты человека, который боится «ига власти» больше всего на свете и мечтает только о покое. Его ханжеские речи восхитительны в своем утонченном лицемерии. Он долго упорствует, заставляя пришедших говорить о том, как он добр, нежен сердцем и необходим для счастья Англии. Когда же, наконец, отчаявшиеся сломить его нежелание стать королем горожане удаляются, он как бы нехотя просит их вернуться. «Да будет мне щитом насилье ваше / от грязной клеветы и от бесчестья», — предусмотрительно предупреждает он.

Угодливый Бекингем спешит поздравить нового короля Англии — Ричарда III.

И после достижения заветной цели кровавая цепь не может быть разорвана. Напротив, по страшной логике вещей Ричарду требуются новые жертвы для упрочения положения — ибо он сам осознает, сколь оно непрочно и незаконно: «Мой трон — на хрупком хрустале». Он освобождается от Анны Уорик, которая недолгое время была с ним в браке — несчастливом и тягостном. Недаром сам Ричард заметил как-то, что ему неведомо присущее всем смертным чувство любви. Теперь он отдает распоряжение запереть жену и распустить слухо ее болезни. Сам он намерен, изведя Анну, жениться на дочери покойного короля Эдуарда, своего брата. Однако прежде ему надо совершить еще одно злодейство — самое чудовищное.

Ричард испытывает Бекингема, напоминая ему, что жив еще в Тауэре маленький Эдуард. Но даже этот вельможный лакей холодеет от страшного намека. Тогда король разыскивает алчного придворного Тиррела, которому поручает убить обоих принцев. Тот нанимает двух кровожадных стервецов, которые проникают по пропуску Ричарда в Тауэр и душат сонных детей, а позже сами плачут от содеянного.

Ричард с мрачным удовлетворением принимает весть о смерти принцев. Но она не приносит ему желанного покоя. Под властью кровавого тирана начинаются волнения в стране. Со стороны Франции выступает с флотом могущественный Ричмонд, соперник Ричарда в борьбе за право владеть престолом. Ричард взбешен, полон ярости и готовности дать бой всем врагам. Между тем самые надежные его сторонники уже или казнены — как Хестингс, или попали в опалу — как Бекингем, или тайно изменили ему — как ужаснувшийся от его страшной сути Стенли…

Последний, пятый акт начинается с очередной казни — на этот раз Бекингема. Несчастный признает, что верил Ричарду

больше всех и за это теперь жестоко наказан.

Дальнейшие сцены разворачиваются непосредственно на поле сражений. Здесь расположились противостоящие полки — Ричмонда и Ричарда, Предводители проводят ночь в своих шатрах. Они одновременно засыпают — и во сне им поочередно являются духи казненных тираном людей. Эдуард, Кларенс, Генрих VI, Анна Уорик, маленькие принцы, родные королевы, Хестингс и Бекингем — каждый из них перед решающим боем обращает к Ричарду свое проклятие, заканчивая его одинаковым грозным рефреном: «Меч вырони, отчайся и умри!» И те же самые духи безвинно казненных желают Ричмонду уверенности и победы.

Ричмонд просыпается, полный сил и бодрости. Его соперник пробуждается в холодном поту, терзаемый — кажется, впервые в жизни — муками совести, в адрес которой разражается злобными проклятьями. «У совести моей сто языков, / все разные рассказывают сказки, / но каждый подлецом меня зовет…» Клятвопреступник, тиран, потерявший счет убийствам, он не готов к раскаянью. Он и любит и ненавидит сам себя, но гордыня, убежденность в собственном превосходстве над всеми пересиливают прочие эмоции. В последних эпизодах Ричард являет себя как воин, а не трус. На заре он выходит к войскам и обращается к ним с блестящей, полной злого сарказма речью. Он напоминает, что бороться предстоит «со стадом плутов, беглецов, бродяг, / с бретонской сволочью и жалкой гнилью…». Призывает к решительности: «Да не смутят пустые сны наш дух: / ведь совесть — слово, созданное трусом, / чтоб сильных напугать и остеречь. / Кулак нам — совесть, / и закон нам — меч./ Сомкнитесь, смело на врага вперед, / не в рай, так в ад наш тесный строй войдет». Впервые он откровенно говорит о том, что считаться стоит только с силой, а не с нравственными понятиями или с законом. И в этом высшем цинизме он, может быть, наиболее страшен и вместе с тем притягателен.

Исход боя решает поведение Стенли, который в последний момент переходит со своими полками на сторону Ричмонда. В этом тяжелом, кровопролитном сражении сам король показывает чудеса храбрости. Когда под ним убивают коня и Кетсби предлагает спастись бегством, Ричард без колебаний отказывается. «Раб, свою жизнь поставил я и буду стоять, покуда кончится игра». Его последняя реплика полна, боевого азарта: «Коня, коня! Венец мой за коня!»

В поединке с Ричмондом он гибнет.

Ричмонд становится новым королем Англии. С его воцарением начинается правление династии Тюдоров. Война

Белой и Алой Розы, терзавшая страну тридцать лет, закончена.

В. А. Сагалова

Укрощение строптивой (The Taming of the Shrew)

Комедия (1594, опубл. 1623)

Медник Кристофер Слай засыпает пьяным сном у порога трактира. С охоты возвращается лорд с егерями и слугами и, обнаружив спящего, решает сыграть с ним шутку. Его слуги относят Слая в роскошную постель, моют в душистой воде, переодевают в дорогое платье. Когда Слай просыпается, ему говорят, что он — благородный лорд, который был охвачен безумием и проспал пятнадцать лет, причем ему снилось, что он медник. Сначала Слай настаивает, что он «разносчик по происхождению, чесальщик по образованию, медвежатник по превратностям судьбы, а по теперешнему ремеслу — медник», но постепенно позволяет убедить себя, что он действительно важная персона и женат на очаровательной леди (на самом деле это переодетый паж лорда). Лорд сердечно приглашает в свой замок бродячую актерскую труппу, посвящает ее членов в план розыгрыша, а затем просит их сыграть веселую комедию, якобы для того чтобы помочь мнимому аристократу избавиться от болезни.

Люченцио, сын богатого пизанца Винченцио, приезжает в Падую, где собирается посвятить себя занятиям философией. Его доверенный слуга Транио считает, что при всей преданности Аристотелю «Овидием нельзя пренебрегать». На площади появляется богатый падуанский дворянин Баптиста в сопровождении дочерей — старшей, вздорной и дерзкой Катарины, и младшей — тихой и кроткой Бьянки. Здесь же находятся и два жениха Бьянки: Гортензио и молодящийся старик Гремио (оба — жители Падуи). Баптиста объявляет им, что не выдаст Бьянку замуж, пока не найдет мужа для старшей дочери. Он просит помочь найти для Бьянки учителей музыки и поэзии, чтобы бедняжка не скучала в вынужденном затворничестве. Гортензио и Гремио решают временно забыть о своем соперничестве, чтобы найти мужа для Катарины. Это задача не из легких, поскольку «сам черт не сладит с нею, так зловредна» и «при всем богатстве ее отца никто не согласится жениться на ведьме из пекла». Люченцио с первого взгляда влюбляется в кроткую красавицу и решает проникнуть в ее дом под видом учителя. Транио, в свою очередь, должен изображать своего господина и посвататься к Бьянке через ее отца.

Еще один дворянин приезжает в Падую из Вероны. Это Петруччо — старый друг Гортензио. Он без обиняков признается, что приехал в Падую, «чтоб преуспеть и выгодно жениться». Гортензио в шутку предлагает ему Катарину — ведь она красива и приданое за ней дадут богатое. Петруччо тут же решает идти свататься. Предупреждения обеспокоенного друга о дурном нраве невесты, ее сварливости и упрямстве не трогают молодого веронца: «Да разве слух мой к шуму не привык? / Да разве не слыхал я львов рычанья?» Гортензио и Гремио согласны оплатить расходы Петруччо, связанные со сватовством. Все отправляются в дом Баптисты. Гортензио просит друга представить его как учителя музыки. Гремио собирается рекомендовать в качестве учителя поэзии переодетого Люченцио, который лицемерно обещает поддержать сватовство рекомендателя. Транио в костюме Люченцио также объявляет себя претендентом на руку Бьянки.

В доме Баптисты Катарина придирается к плаксивой сестре и даже колотит ее. Появившийся в компании Гортензио и всех остальных Петруччо сразу же заявляет, что жаждет увидеть Катарину, которая-де «умна, скромна, приветлива, красива и славится любезным обхожденьем». Он представляет Гортензио в качестве учителя музыки Личио, а Гремио рекомендует Люченцио как молодого ученого по имени Камбио. Петруччо уверяет Баптисту, что завоюет любовь Катарины, ведь «она строптива, но и он упрям». Его не устрашает даже то, что Катарина сломала лютню об голову мнимого учителя в ответ на невинное замечание. При первой встрече с Катариной Петруччо жестко и насмешливо парирует все ее выходки… И получает пощечину, которую вынужден стерпеть: дворянин не может ударить женщину. Все же он говорит: «Рожден я, чтобы укротить тебя / И сделать кошечкой из дикой кошки». Петруччо отправляется в Венецию за свадебными подарками, прощаясь с Катариной словами: «Целуй же, Кет, меня без опасенья! Играем свадьбу в это воскресенье!» Гремио и изображающий Люченцио Транио вступают в борьбу за руку Бьянки. Баптиста решает отдать дочь тому, кто назначит ей большее наследство после своей смерти («вдовью часть»). Транио выигрывает, но Баптиста хочет, чтобы обещания были лично подтверждены Винченцио, отцом Люченцио, который является истинным хозяином капитала.

Под ревнивым взором Гортензио Люченцио в образе ученого Камбио объясняется Бьянке в любви, якобы проводя урок латыни. Девушка не остается равнодушна к уроку. Гортензио пытается объясниться при помощи гамм, но его ухаживания отвергнуты. В воскресенье Петруччо с оскорбительным опозданием приезжает на свою свадьбу. Он восседает на заезженной кляче, у которой

хворей больше, чем волос в хвосте. Одет он в невообразимые лохмотья, которые ни за что не желает сменить на приличную одежду. Во время венчания он ведет себя как дикарь: дает пинка священнику, выплескивает вино в лицо пономарю, хватает Катарину за шею и звонко чмокает в губы. После церемонии, несмотря на просьбы тестя, Петруччо не остается на свадебный пир и сразу увозит Катарину, невзирая на ее протесты, со словами: «Теперь она имущество мое: / Мой дом, амбар, хозяйственная утварь, / Мой конь, осел, мой вол — все, что угодно».

Гремио, слуга Петруччо, является в загородный дом своего хозяина и сообщает остальным слугам, что сейчас приедут молодые. Он рассказывает о множестве неприятных приключений по пути из Падуи: лошадь Катарины оступилась, бедняжка свалилась в грязь, а муж, вместо того чтобы помочь ей, бросился лупить слугу — самого рассказчика. Причем так усердствовал, что Катарине пришлось шлепать по грязи, чтобы его оттащить. Тем временем лошади сбежали. Появившись в доме, Петруччо продолжает безобразничать: он придирается к слугам, сбрасывает на пол якобы подгоревшее мясо и всю посуду, разоряет приготовленную постель, так что измученная путешествием Катарина остается без ужина и без сна. В безумном поведении Петруччо есть, однако, своя логика: он уподобляет себя сокольничему, который лишает птицу сна и пищи, чтобы быстрей приручить ее. «Вот способ укротить строптивый нрав. / Кто знает лучший, пусть расскажет смело — /И сделает для всех благое дело».

В Падуе Гортензио становится свидетелем нежной сцены между Бьянкой и Люченцио. Он решает оставить Бьянку и жениться на богатой вдове, давно любящей его. «Отныне в женщинах ценить начну / Не красоту, а преданное сердце». Слуги Люченцио встречают на улице старого учителя из Мантуи, которого с одобрения хозяина решают представить Баптисте как Винченцио. Они морочат голову доверчивому старику, сообщая ему о начавшейся войне и приказе герцога Падуанского казнить всех захваченных мантуанцев. Транио, разыгрывая из себя Люченцио, соглашается «спасти» напуганного учителя, выдав его за своего отца, который как раз должен приехать, чтобы подтвердить брачный договор.

Тем временем бедной Катарине по-прежнему не дают ни есть, ни спать, да еще и дразнят при этом. Петруччо с бранью выгоняет из дому портного, принесшего платье, необычайно понравившееся Катарине. То же происходит с галантерейщиком, принесшим модную шляпку. Потихоньку Петруччо говорит

ремесленникам, что им заплатят за все. Наконец молодые, сопровождаемые гостившим у них Гортензио, отправляются в Падую навестить Баптисту. По дороге Петруччо продолжает привередничать: он то объявляет солнце луною и заставляет жену подтвердить его слова, угрожая иначе тут же вернуться домой, то говорит, что встреченный ими по дороге старец — прелестная девица, и предлагает Катарине эту «девицу» поцеловать. У бедняжки уже нет сил сопротивляться. Старцем оказывается не кто иной, как Винченцио, направляющийся в Падую проведать сына. Петруччо обнимает его, объясняет, что находится с ним в свойстве, т. к. Бьянка, сестра его жены, наверное уже обвенчана с Люченцио, и предлагает проводить к нужному дому, Петруччо, Катарина, Винченцио и слуги подъезжают к дому Люченцио. Старик предлагает свояку зайти в дом, чтобы вместе выпить, и стучит в дверь. Из окна высовывается учитель, уже вошедший во вкус роли, и с апломбом гонит «самозванца». Поднимается невероятная кутерьма. Слуги врут самым правдоподобным и забавным образом. Узнав, что Транио выдает себя за его сына, Винченцио в ужасе: он подозревает слугу в убийстве господина и требует заключить его вместе с пособниками в тюрьму. Вместо этого в тюрьму по требованию Баптисты волокут его самого — как обманщика. Суматоха кончается, когда на площадь выходят настоящий Люченцио и Бьянка, которые только что тайно обвенчались. Люченцио устраивает пир, во время которого Петруччо бьется об заклад на сто крон с Люченцио и Гортензио, уже женившимся на вдове, что его жена самая послушная из трех. Его поднимают на смех, однако и некогда кроткая Бьянка и влюбленная вдова отказываются прийти по просьбе мужей. Только Катарина приходит по первому же приказу Петруччо. Потрясенный Баптиста увеличивает приданое Катарины на двадцать тысяч крон — «другая дочь — приданое другое!». По приказу мужа Катарина приводит строптивых жен и читает им наставление: «Как подданный обязан государю, / Так женщина — супругу своему <…> Теперь я вижу, / Что не копьем — соломинкой мы бьемся / И только слабостью своей сильны. / Чужую роль играть мы не должны».

И. А. Быстрова

Ромео и Джульетта (Romeo and Juliet)

Трагедия (1595)

Автор предпослал своей знаменитой трагедии пролог, в котором изложил использованный им бродячий сюжет эпохи

итальянского Ренессанса: «Две равно уважаемых семьи / В Вероне, где встречают нас событья, / Ведут междоусобные бои / И не хотят унять кровопролитья. / Друг друга любят дети главарей, / Но им судьба подстраивает козни, / И гибель их у гробовых дверей / Кладет конец непримиримой розни…»

Действие трагедии охватывает пять дней одной недели, в течение которых происходит роковая череда событий.

Первый акт начинается с потасовки слуг, которые принадлежат к двум враждующим семьям — Монтекки и Капулетти. Неясно, что послужило причиной вражды, очевидно лишь, что она давняя и непримиримая, втягивающая в водоворот страстей и молодых, и старых. К слугам быстро присоединяются знатные представители двух домов, а затем и сами их главы. На залитой июльским солнцем площади закипает настоящий бой. Горожанам, уставшим от розни, с трудом удается разнять дерущихся. Наконец прибывает верховный правитель Вероны — князь, который приказывает прекратить столкновение под страхом смерти, и сердито удаляется.

На площади появляется Ромео, сын Монтекки. Он уже знает о недавней свалке, но мысли его заняты другим. Как и положено в его возрасте, он влюблен и страдает. Предмет его неразделенной страсти — некая неприступная красавица Розалина. В разговоре с приятелем Бенволио он делится своими переживаниями. Бенволио добродушно советует обратить взор на прочих девушек и посмеивается над возражениями друга.

В это время Капулетти наносит визит родственник князя граф Парис, который просит руки единственной дочери хозяев. Джульетте еще не исполнилось и четырнадцати, но отец соглашается на предложение. Парис знатен, богат, красив, и о лучшем женихе нельзя мечтать. Капулетти приглашает Париса на ежегодный бал, который они дают в этот вечер. Хозяйка отправляется в покои дочери, чтобы предупредить Джульетту о сватовстве. Втроем — Джульетта, мать и кормилица, вырастившая девочку, — они живо обсуждают новость. Джульетта пока безмятежна и послушна родительской воле.

На пышный бал-карнавал в доме Капулетти под масками проникают несколько молодых людей из вражеского лагеря — в том числе Бенволио, Меркуцио и Ромео. Все они горячи, остры на язык и ищут приключений. Особенно насмешлив и речист Меркуцио — ближайший друг Ромео. Сам Ромео охвачен на пороге дома Капулетти странной тревогой. «Добра не жду. Неведомое что-то, / Что спрятано пока еще во тьме, / Но зародится с нынешнего бала, / Безвременно укоротит мне жизнь / Виной каких-то странных обстоятельств. / Но тот, кто направляет

мой корабль, / уж поднял парус…»

В толчее бала, среди случайных фраз, которыми обмениваются хозяева, гости и слуги, взгляды Ромео и Джульетты впервые пересекаются, и, подобно ослепительной молнии, их поражает любовь.

Мир для обоих моментально преображается. Для Ромео с этого мгновенья не существует прошлых привязанностей: «Любил ли я хоть раз до этих пор? / О нет, то были ложные богини. / Я истинной красы не знал отныне…» Когда он произносит эти слова, его по голосу узнает двоюродный брат Джульетты Тибальт, немедленно хватающийся за шпагу. Хозяева упрашивают его не поднимать шум на празднике. Они замечают, что Ромео известен благородством и нет беды, даже если он побывал на балу. Уязвленный Тибальт затаивает обиду.

Ромео тем временем удается обменяться с Джульеттой несколькими репликами. Он в костюме монаха, и за капюшоном она не видит его лица. Когда девушка выскальзывает из зала на зов матери, Ромео от кормилицы узнает, что она — дочь хозяев. Через несколько минут Джульетта делает такое же открытие — через ту же кормилицу она выясняет, что Ромео — сыних заклятого врага! «Я воплощенье ненавистной силы / Некстати по незнанью полюбила».

Бенволио и Меркуцио уходят с бала, не дождавшись друга. Ромео в это время неслышно перелезает через стену и прячется в густом саду Калулетти. Чутье приводит его к балкону Джульетты, и он, замирая, слышит, как она произносит его имя. Не выдержав, юноша отзывается. Разговор двух влюбленных начинается с робких восклицаний и вопросов, а заканчивается клятвой в любви и решением немедля соединить свои судьбы. «Мне не подвластно то, чем я владею. / Моя любовь без дна, а доброта — как ширь морская. / Чем я больше трачу, тем становлюсь безбрежней и богаче» — так говорит Джульетта о поразившем ее чувстве. «Святая ночь, святая ночь… / Так непомерно счастье…» — вторит ей Ромео. С этого момента Ромео и Джульетта действуют с необычайной твердостью, отвагой и вместе с тем осторожностью, полностью подчиняясь поглотившей их любви. Из их поступков непроизвольно уходит детскость, они вдруг преображаются в умудренных высшим опытом людей.

Их поверенными становятся монах брат Лоренцо, духовник Ромео, и кормилица, наперсница Джульетты. Лоренцо соглашается тайно обвенчать их — он надеется, что союз юных Монтекки и Капулетти послужит миру между двумя семьями. В келье брата Лоренцо совершается обряд бракосочетания. Влюбленные переполнены счастьем.

Но в Вероне по-прежнему жаркое лето, и «в жилах закипает кровь от зноя». Особенно у тех, кто и без того вспыльчив как порох и ищет повода показать свою храбрость. Меркуцио коротает время на площади и спорит с Бенволио, кто из них больше любит ссоры. Когда появляется задира Тибальт с приятелями, становится ясно, что без стычки не обойтись.

Обмен едкими колкостями прерван приходом Ромео. «Отстаньте! Вот мне нужный человек, — заявляет Тибальт и продолжает: — Ромео, сущность чувств моих к тебе вся выразима в слове: ты мерзавец». Однако гордец Ромео не хватается в ответ за шпагу, он лишь говорит Тибальту, что тот заблуждается. Ведь после венчанья с Джульеттой он считает Тибальта своим родственником, почти братом! Но никто этого еще не знает. А Тибальт продолжает издевательства, пока не вмешивается взбешенный Меркуцио: «Трусливая, презренная покорность! / Я кровью должен смыть ее позор!» Они дерутся на шпагах. Ромео в ужасе от происходящего бросается между ними, и в эту минуту Тибальт из-под его руки ловко наносит удар Меркуцио, а затем быстро скрывается со своими сообщниками. Меркуцио умирает на руках у Ромео. Последние слова, которые он шепчет: «Чума возьми семейства ваши оба!»

Ромео потрясен. Он потерял лучшего друга. Мало того, он понимает, что тот погиб из-за него, что Меркуцио был предан им, Ромео, когда защищал его честь… «Благодаря тебе, Джульетта, становлюсь я слишком мягок…» — бормочет Ромео в порыве раскаянья, горечи и ярости. В этот миг на площади вновь появляется Тибальт. Обнажив шпагу, Ромео налетает на него в «огненнооком гневе». Они бьются молча и исступленно. Через несколько секунд Тибальт падает мертвым. Бенволио в страхе велит Ромео срочно бежать. Он говорит, что смерть Тибальта на поединке будет расценена как убийство и Ромео грозит казнь. Ромео уходит, подавленный всем происшедшим, а площадь заполняют возмущенные горожане. После объяснений Бенволио князь выносит приговор: отныне Ромео осужден на изгнанье — в противном случае его ждет смерть.

Джульетта узнает о страшной новости от кормилицы. Сердце ее сжимается от смертной тоски. Скорбя о гибели брата, она тем не менее непреклонна в оправдании Ромео. «Супруга ль осуждать мне? / Бедный муж, где доброе тебе услышать слово, / Когда его не скажет и жена на третьем часе брака…»

Ромео в этот миг мрачно выслушивает советы брата Лоренцо. Тот убеждает юношу скрыться, подчинившись закону, пока ему не будет даровано прощение. Он обещает регулярно посылать Ромео письма. Ромео в отчаянье, изгнанье для него — та же смерть. Он

изнывает от тоски по Джульетте. Лишь несколько часов удается провести им вместе, когда ночью он тайком пробирается в ее комнату. Трели жаворонка на рассвете извещают влюбленных, что им пора расставаться. Они никак не могут оторваться друг от друга, бледные, терзаемые предстоящей разлукой и тревожными предчувствиями. Наконец Джульетта сама уговаривает Ромео уйти, страшась за его жизнь.

Вошедшая в спальню дочери леди Калулетти застает Джульетту в слезах и объясняет это горем из-за смерти Тибальта. Известие, которое сообщает мать, заставляет Джульетту похолодеть: граф Парис торопит со свадьбой, и отец уже принял решение о венчанье на следующий день. Девушка молит родителей обождать, но те непреклонны. Или немедленная свадьба с Парисом — или «тебе тогда я больше не отец». Кормилица после ухода родителей уговаривает Джульетту не переживать: «Твой новый брак затмит своими выгодами первый…» «Аминь!» — замечает в ответ Джульетта. С этой минуты в кормилице она видит уже не друга, а врага. Остается единственный человек, кому еще может она доверять, — брат Лоренцо. «И если не поможет мне монах, / Есть средство умереть в моих руках».

«Всему конец! Надежды больше нет!» — безжизненно говорит Джульетта, когда остается наедине с монахом. В отличие от кормилицы Аоренцо не утешает ее — он понимает отчаянное положение девушки. Всем сердцем сочувствуя ей и Ромео, он предлагает единственный путь к спасению. Ей надо притвориться покорной воле отца, готовиться к свадьбе, а вечером принять чудодейственный раствор. После этого она должна погрузиться в состояние, напоминающее смерть, которое продлится ровно сорок два часа. За этот срок Джульетту погребут в фамильном склепе. Лоренцо же даст знать обо всем Ромео, тот прибудет к моменту ее пробуждения, и они смогут исчезнуть до лучшей поры… «Вот выход, если ты не оробеешь / Или не спутаешь чего-нибудь», — заключает монах, не утаивая опасности этого тайного плана. «Дай склянку мне! Не говори о страхе», — обрывает его Джульетта. Окрыленная новой надеждой, она уходит с флаконом раствора.

В доме Капулетти готовятся к свадьбе. Родители счастливы, что дочь больше не упрямится. Кормилица и мать нежно прощаются с ней перед сном. Джульетта остается одна. Перед решающим поступком ее охватывает страх. Что, если монах обманул ее? Или эликсир не подействует? Или действие будет иным, чем он обещал? Что, если она проснется раньше времени? Или еще хуже — останется жива, но потеряет рассудок от страха? И все-таки, не колеблясь, она вышивает флакон до дна.

Утром дом оглашает истошный вопль кормилицы: «Джульетта померла! Она скончалась!» Дом охватывает смятение и ужас. Сомнений быть не может — Джульетта мертва. Она лежит в постели в свадебном наряде, окоченевшая, без кровинки в лице. Парис, как все прочие, подавлен страшной вестью. Музыканты, приглашенные играть на свадьбе, еще неловко топчутся, ожидая приказов, но несчастная семья уже погружается в безутешный траур. Пришедший Лоренцо произносит слова сочувствия близким и напоминает, что покойницу пора нести на кладбище.

…«Я видел сон: ко мне жена явилась. / А я был мертв и, мертвый, наблюдал. / И вдруг от жарких губ ее я ожил…» — Ромео, который скрывается в Мантуе, еще не подозревает, каким пророческим окажется это видение. Пока он ничего не ведает о случившемся в Вероне, а лишь, сжигаемый нетерпением, ждет вестей от монаха. Вместо посыльного появляется слуга Ромео Балтазар. Юноша кидается к нему с расспросами и — о горе! — узнает ужасную весть о смерти Джульетты. Он отдает команду запрягать лошадей и обещает: «Джульетта, мы сегодня будем вместе». У местного аптекаря он требует самого страшного и скорого яда и за пятьдесят дукатов получает порошок — «в любую жидкость всыпьте, / И будь в вас силы за двадцатерых, / Один глоток уложит вас мгновенно».

В это самое время брат Лоренцо переживает не меньший ужас. К нему возвращается монах, которого Лоренцо посылал в Мантую с тайным письмом. Оказывается, роковая случайность не позволила выполнить поручение: монах был заперт в доме по случаю чумного карантина, так как его товарищ перед тем ухаживал за больными.

Последняя сцена происходит в гробнице семьи Калулетти. Здесь, рядом с Тибальтом, только что положили в усыпальнице мертвую Джульетту. Задержавшийся у гроба невесты Парис забрасывает Джульетту цветами. Услышав шорох, он прячется. Появляется Ромео со слугой. Он отдает Балтазару письмо к отцу и отсылает его, а сам ломом открывает склеп. В этот момент Парис выступает из укрытия. Он преграждает Ромео путь, грозит ему арестом и казнью. Ромео просит его уйти добром и «не искушать безумного». Парис настаивает на аресте. Начинается поединок. Паж Париса в страхе бросается за помощью. Парис гибнет от шпаги Ромео и перед смертью просит внести его в склеп к Джульетте. Ромео наконец остается один перед гробом Джульетты, Он поражен, что в гробу она выглядит как живая и так же прекрасна. Проклиная злые силы, унесшие это совершеннейшее из земных созданий, он целует Джульетту в последний раз и со словами «Пью за тебя, любовь!» выпивает яд.

Лоренцо опаздывает на какой-то миг, но он уже не в силах оживить юношу. Он поспевает как раз к пробуждению Джульетты. Увидев монаха, она немедленно спрашивает, где ее супруг, и заверяет, что все отлично помнит и чувствует себя бодрой и здоровой. Лоренцо, боясь сказать ей страшную правду, торопит ее покинуть склеп. Джульетта не слышит его слов. Увидев мертвого Ромео, она думает лишь о том, как скорее умереть самой. Она досадует, что Ромео один выпил весь яд. Зато рядом с ним лежит кинжал. Пора. Тем более что снаружи уже слышны голоса сторожей. И девушка вонзает себе в грудь кинжал.

Вошедшие в усыпальницу нашли мертвых Париса и Ромео, а рядом с ними еще теплую Джульетту. Давший волю слезам Лоренцо поведал трагическую историю влюбленных. Монтекки и Капулетти, забыв о старых распрях, протянули руки друг Другу, безутешно оплакивая мертвых детей. Решено было поставить на их могилах по золотой статуе.

Но, как верно заметил князь, все равно повесть о Ромео и Джульетте останется печальнейшей на свете…

В. А. Сагалова

Сон в летнюю ночь (A Midsummer Night Dream)

Комедия (1595)

Действие происходит в Афинах. Правитель Афин носит имя Тесея, одного из популярнейших героев античных преданий о покорении греками воинственного племени женщин — амазонок. На царице этого племени, Ипполите, и женится Тесей. Пьеса, видимо, была создана для спектакля по случаю свадьбы каких-то высокопоставленных лиц.

Идут приготовления к свадьбе герцога Тесея и царицы амазонок Ипполиты, которая должна состояться в ночь полнолуния. Ко дворцу герцога является разгневанный Эгей, отец Гермии, который обвиняет Лизандра в том, что он околдовал его дочь и коварно заставил ее полюбить его, в то время как она уже обещана Деметрию. Гермия признается в любви к Лизандру. Герцог объявляет, что по афинским законам она должна подчиниться воле отца. Он дает девушке отсрочку, но в день новолуния ей придется «или умереть / За нарушение отцовской воли, / Иль обвенчаться с тем, кого он выбрал, / Иль дать навек у алтаря Дианы / Обет безбрачья и суровой жизни». Влюбленные договариваются вместе бежать из Афин и встретиться следующей ночью в ближайшем лесу. Они открывают свой план подруге Гермии Елене, которая когда-то была возлюбленной Деметрия и

до сих пор любит его страстно. Надеясь на его благодарность, она собирается рассказать Деметрию о планах влюбленных. Тем временем компания простоватых мастеровых готовится к постановке интермедии по случаю свадьбы герцога. Режиссер, плотник Питер Пигва, выбрал подходящее произведение: «Прежалостная комедия и весьма жестокая кончина Пирама и Фисбы». Ткач Ник Основа согласен сыграть роль Пирама, как, впрочем, и большинство других ролей. Починщику раздувальных мехов Френсису Дудке дается роль Фисбы (во времена Шекспира женщины на сцену не допускались). Портной Робин Заморыш будет матерью Фисбы, а медник Том Рыло — отцом Пирама. Роль Льва поручают столяру Миляге: у него «память туга на учение», а для этой роли нужно только рычать. Пигва просит всех вызубрить роли наизусть и завтра вечером прийти в лес к герцогскому дубу на репетицию.

В лесу поблизости от Афин царь фей и эльфов Оберон и его жена царица Титания ссорятся из-за ребенка, которого Титания усыновила, а Оберон хочет забрать себе, чтобы сделать пажом. Титания отказывается подчиниться воле мужа и уходит вместе с эльфами. Оберон просит озорного эльфа Пэка (Доброго Малого Робина) принести ему маленький цветок, на который упала стрела Купидона, после того как он промахнулся «в царящую на Западе Весталку» (намек на королеву Елизавету). Если веки спящего смазать соком этого цветка, то, проснувшись, он влюбится в первое живое существо, которое увидит. Оберон хочет таким образом заставить Титанию влюбиться в какое-нибудь дикое животное и забыть о мальчике. Пэк улетает на поиски цветка, а Оберон становится невидимым свидетелем разговора между Еленой и Деметрием, который разыскивает в лесу Гермию и Лизандра и с презрением отвергает свою прежнюю возлюбленную. Когда Пэк возвращается с цветком, Оберон поручает ему разыскать Деметрия, которого описывает как «надменного повесу» в афинских одеждах, и смазать ему глаза, но так, чтобы во время пробуждения с ним рядом оказалась влюбленная в него красавица. Обнаружив спящую Титанию, Оберон выжимает сок цветка на ее веки. Лизандр и Гермия заблудились в лесу и тоже прилегли отдохнуть, по просьбе Гермии — подальше Друг от друга, поскольку «для юноши с девицей стыд людской / Не допускает близости…». Пэк, приняв Лизандра за Деметрия, капает сок ему на глаза. Появляется Елена, от которой убежал Деметрий, и остановившись отдохнуть, будит Лизандра, который тут же в нее влюбляется. Елена считает, что он насмехается над ней, и убегает, а Лизандр, бросив Гермию, устремляется за Еленой.

Рядом с местом, где спит Титания, собралась на репетицию компания мастеровых. По предложению Основы, который очень озабочен тем, чтобы, упаси Бог, не напугать дам-зрительниц, к пьесе пишут два пролога — первый о том, что Пирам вовсе не убивает себя и никакой он на самом деле не Пирам, а ткач Основа, а второй — что и Лев совсем не лев, а столяр Миляга. Шалун Пэк, который с интересом наблюдает за репетицией, заколдовывает Основу: теперь у ткача ослиная голова. Дружки, приняв Основу за оборотня, в страхе разбегаются. В это время просыпается Титания и, взглянув на Основу, говорит: «Твой образ пленяет взор <…> Тебя люблю я. Следуй же за мной!» Титания призывает четырех эльфов — Горчичное Зерно, Душистый Горошек, Паутинку и Мотылька — и приказывает им служить «своему милому». Оберон в восторге выслушивает рассказ Пэка о том, как Титания влюбилась в чудовище, но весьма недоволен, узнав, что эльф брызнул волшебным соком в глаза Лизандра, а не Деметрия. Оберон усыпляет Деметрия и исправляет ошибку Пэка, который по приказу своего властелина заманивает Елену поближе к спящему Деметрию. Едва проснувшись, Деметрий начинает клясться в любви той, которую Недавно с презрением отвергал. Елена же убеждена, что оба молодых человека, Лизандр и Деметрий, над ней издеваются: «Пустых насмешек слушать нету силы!» К тому же она считает, что Гермия с ними заодно, и горько корит подругу за коварство. Потрясенная грубыми оскорблениями Лизандра, Гермия обвиняет Елену в том, что она обмаящица и воровка, укравшая у нее сердце Лизандра. Слово за слово — и она уже пытается выцарапать Елене глаза. Молодые люди — теперь соперники, добивающиеся любви Елены, — удаляются, чтобы в поединке решить, кто из них имеет больше прав. Пэк в восторге от всей этой путаницы, но Оберон приказывает ему завести обоих дуэлянтов поглубже в лес, подражая их голосам, и сбить их с пути, «чтоб им никак друг друга не найти». Когда Лизандр в изнеможении сваливается с ног и засыпает, Пэк выжимает на его веки сок растения — противоядия любовному цветку. Елена и Деметрий также усыплены неподалеку друг от друга.

Увидев Титанию, уснувшую рядом с Основой, Оберон, который к этому времени уже заполучил понравившегося ему ребенка, жалеет ее и дотрагивается до ее глаз цветком-противоядием. Царица фей просыпается со словами: «Мой Оберон! Что может нам присниться! / Мне снилось, что влюбилась я в осла!» Пэк по приказу Оберона возвращает Основе его собственную голову. Повелители эльфов улетают. В лесу появляются охотящиеся Тесей, Ипполита и Эгей, Они находят

спящих молодых людей и будят их. Уже свободный от действия любовного зелья, но все еще ошеломленный Лизандр объясняет, что они с Гермией бежали в лес от суровости афинских законов, Деметрий же признается, что «Страсть, цель и радость глаз теперь / Не Гермия, а милая Елена». Тесей объявляет, что еще две пары будут сегодня венчаться вместе с ними и Ипполитой, после чего удаляется вместе со свитой. Проснувшийся Основа отправляется в дом Пигвы, где его с нетерпением ждут друзья. Он дает актерам последние наставления: «Фисба пусть наденет чистое белье», а Лев пусть не вздумает обрезать ногти — они должны выглядывать из-под шкуры, как когти.

Тезей дивится странному рассказу влюбленных. «Безумные, любовники, поэты — / Все из фантазий созданы одних», — говорит он. Распорядитель увеселений Филострат представляет ему список развлечений. Герцог выбирает пьесу мастеровых: «Не может никогда быть слишком плохо, / Что преданность смиренно предлагает». Под иронические комментарии зрителей Пигва читает пролог. Рыло объясняет, что он — Стена, через которую переговариваются Пирам и Фисба, и потому измазан известкой. Когда Основа-Пирам ищет щель в Стене, чтобы взглянуть на возлюбленную, Рыло услужливо растопыривает пальцы. Появляется Лев и в стихах объясняет, что он не настоящий. «Какое кроткое животное, — восхищается Тесей, — и какое рассудительное!» Самодеятельные актеры безбожно перевирают текст и говорят массу глупостей, чем изрядно потешают своих знатных зрителей. Наконец пьеса закончена. Все расходятся — уже полночь, волшебный час для влюбленных. Появляется Пэк, он и остальные эльфы сначала поют и танцуют, а потом по распоряжению Оберона и Титании разлетаются по дворцу, чтобы благословить постели новобрачных. Пэк обращается к зрителям: «Коль я не смог вас позабавить, / Легко вам будет все исправить: / Представьте, будто вы заснули / И перед вами сны мелькнули».

И. А. Быстрова

Венецианский купец (The Merchant of Venice)

Комедия (1596? опубл. 1600)

Венецианского купца Антонио томит беспричинная печаль. Его друзья, Саларино и Саланио, пытаются объяснить ее беспокойством за корабли с товарами или несчастной любовью. Но Антонио отвергает оба объяснения. В сопровождении Грациано и Лоренцо появляется родич и ближайший друг Антонио — Бассанио. Саларино и Саланио уходят. Балагур

Грациано пытается развеселить Антонио, когда же это не удается («Мир — сцена, где у каждого есть роль, — говорит Антонио, — моя — грустна»), Грациано удаляется вместе с Лоренцо. Наедине со своим другом Бассанио признается, что, ведя беспечный образ жизни, остался совершенно без средств и вынужден опять просить у Антонио денег, чтобы отправиться в Бельмонт, поместье Порции, богатой наследницы, в красоту и добродетели которой он страстно влюблен и в успехе сватовства к которой уверен. Наличных денег у Антонио нет, но он предлагает другу найти кредит на его, Антонио, имя.

Тем временем в Бельмонте Порция жалуется своей служанке Нериссе («Черненькая»), что по завещанию отца не может ни выбрать, ни отвергнуть жениха сама. Ее мужем станет тот, кто угадает, выбирая из трех ларцов — золотого, серебряного и свинцового, в каком находитсяее портрет. Нерисса начинает перечислять многочисленных женихов — Порция ядовито высмеивает каждого. Только о Бассанио, ученом и воине, когда-то навестившемее отца, она вспоминает с нежностью.

В Венеции Бассанио просит купца Шейлока ссудить ему три тысячи дукатов на три месяца под поручительство Антонио. Шейлок знает, что все состояние поручителя вверено морю. В разговоре с появившимся Антонио, которого он люто ненавидит за презрение к своему народу и к своему занятию — ростовщичеству, Шейлок напоминает о бесчисленных оскорблениях, которым Антонио подвергал его. Но поскольку сам Антонио дает взаймы без процентов, Шейлок, желая снискать его дружбу, тоже даст ему ссуду без процентов, лишь под шуточный залог — фунт мяса Антонио, который Шейлок в качестве неустойки может вырезать из любой части тела купца. Антонио в восторге от шутки и доброты ростовщика. Бассанио полон дурных предчувствий и просит не заключать сделки. Шейлок заверяет, что от подобного залога ему все равно не будет никакой пользы, а Антонио напоминает, что его суда придут задолго до срока платежа.

В дом Порции прибывает принц Марокканский, чтобы выбрать один из ларцов. Он дает, как требуют условия испытания, клятву: в случае неудачи не свататься больше ни к одной из женщин.

В Венеции слуга Шейлока Ланчелот Гоббо, беспрерывно балагуря, убеждает сам себя сбежать от хозяина. Встретив своего слепого отца, он долго разыгрывает его, затем посвящает в свое намерение наняться в слуги к Бассанио, известному своей щедростью. Бассанио соглашается принять Ланчелота на службу. Соглашается он и на просьбу Грациано взять его с собою в

Бельмонт. В доме Шейлока Ланчелот прощается с дочерью бывшего хозяина — Джессикой. Они обмениваются шутками. Джессика стыдится своего отца. Ланчелот берется тайно передать возлюбленному Джессики Аоренцо письмо с планом побега из дома. Переодевшись пажом и прихватив с собой деньги и драгоценности отца, Джессика убегает с Лоренцо при помощи его друзей — Грациано и Саларино. Бассанио и Грациано спешат отплыть с попутным ветром в Бельмонт.

В Бельмонте принц Марокканский выбирает золотую шкатулку — драгоценный перл, по его мнению, не может быть заключен в иной оправе — с надписью: «Со мной получишь то, что многие желают». Но в ней не портрет возлюбленной, а череп и назидательные стихи. Принц вынужден удалиться.

В Венеции Саларино и Саланио потешаются над яростью Шейлока, узнавшего, что дочь обокрала его и сбежала с христианином. «О дочь моя! Мои дукаты! Дочь / Сбежала с христианином! Пропали / Дукаты христианские! Где суд?» — стенает Шейлок. Одновременно они обсуждают вслух, что один из кораблей Антонио затонул в Ла-Манше.

В Бельмонт является новый претендент — принц Арагонский. Он выбирает серебряный ларец с надписью: «Со мной получишь то, чего ты заслужил». В нем изображение дурацкой рожи и насмешливые стихи. Принц уходит. Слуга сообщает о прибытии молодого венецианца и присланных им богатых подарках. Нерисса надеется, что это Бассанио.

Саларино и Саланио обсуждают новые убытки Антонио, благородством и добротой которого оба восхищаются. Когда появляется Шейлок, они сначала издеваются над его потерями, затем выражают уверенность, что, если Антонио и просрочит вексель, ростовщик не потребует его мяса: на что оно годится? В ответ Шейлок произносит:

«Он меня опозорил, <…> препятствовал моим делам, охлаждал моих друзей, разгорячал моих врагов; а какая у него для этого была причина? Та, что я жид. Да разве у жида нет глаз? <…> Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? <…> Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? <…> Вы нас учите гнусности, — я ее исполню…»

Саларино и Саларио уходят. Появляется еврей Тубал, которого Шейлок посылал на поиски дочери. Но найти ее Тубал не смог. Он только пересказывает слухи о мотовстве Джессики. Шейлок в ужасе от убытков. Узнав, что дочь обменяла перстень, подаренный ему покойной женой, на обезьяну, Шейлок шлет Джессике проклятье.

Единственно, что его утешает, — слухи об убытках Антонио, на котором он твердо намерен выместить свой гнев и горе.

В Бельмонте Порция уговаривает Бассанио помедлить с выбором, она боится потерять его в случае ошибки. Бассанио же хочет немедленно испытать судьбу. Обмениваясь остроумными репликами, молодые люди признаются друг другу в любви. Вносят ларцы. Бассанио отвергает золото и серебро — внешний блеск обманчив. Он выбирает свинцовый ларец с надписью: «Со мной ты все отдашь, рискнув всем, что имеешь» — в нем портрет Порции и стихотворное поздравление. Порция и Бассанио готовятся к свадьбе, так же как и полюбившие друг друга Нерисса и Грациано. Порция вручает жениху перстень и берет с него клятву хранить его как залог взаимной любви. Такой же подарок делает нареченному Нерисса. Появляются Лоренцо с Джессикой и посланец, который привез письмо от Антонио. Купец сообщает, что все его корабли погибли, он разорен, вексель ростовщику просрочен, Шейлок требует выплаты чудовищной неустойки. Антонио просит друга не винить себя в его несчастьях, но приехать повидаться с ним перед смертью. Порция настаивает, чтобы жених немедленно отправился на помощь Другу, предложив Шейлоку за его жизнь любые деньги. Бассанио и Грациано отправляются в Венецию.

В Венеции Шейлок упивается мыслью о мести — ведь закон на его стороне. Антонио понимает, что закон не может быть нарушен, он готов к неизбежной смерти и мечтает только о том, чтобы повидать Бассанио.

В Бельмонте Порция поручает свое поместье Лоренцо, а сама вместе со служанкой удаляется якобы в монастырь для молитвы. На самом деле она собирается в Венецию. Слугу она отправляет в Падую к своему кузену доктору права Белларио, который должен снабдить ее бумагами и мужским платьем. Ланчелот подсмеивается над Джессикой и принятием христианства. Лоренцо, Джессика и Ланчелот обмениваются шутливыми репликами, стремясь превзойти друг друга в остроумии.

Шейлок наслаждается своим триумфом в суде. Призывы дожа к милосердию, предложения Бассанио оплатить долг в двойном размере — ничто не смягчает его жестокости. В ответ на упреки он ссылается на закон и в свою очередь упрекает христиан за то, что у них существует рабство. Дож просит ввести доктора Белларио, с которым хочет посоветоваться перед вынесением решения. Бассанио и Антонио пытаются подбодрить друг друга. Каждый готов пожертвовать собой. Шейлок точит нож. Входит писец. Это переодетая Нерисса. В переданном ею письме Белларио, ссылаясь на нездоровье, рекомендует дожу для ведения

процесса своего юного, но необычайно ученого коллегу — доктора Бальтазара из Рима. Доктор — это конечно же переодетая Порция. Она сначала пытается умилостивить Шейлока, но, получив отказ, признает, что закон на стороне ростовщика. Шейлок превозносит мудрость юного судьи. Антонио прощается с другом. Бассанио в отчаянии. Он готов пожертвовать всем, даже горячо любимой супругой, лишь бы это спасло Антонио. Грациано готов к тому же. Шейлок осуждает непрочность христианских браков. Он готов приступить к своему омерзительному делу. В последний момент «судья» останавливает его, напоминая, что он должен взять только мясо купца, не пролив при этом ни капли крови, к тому же ровно фунт — ни больше ни меньше. При нарушении этих условий его ждет по закону жестокая кара, Шейлок соглашается на выплату тройной суммы долга — судья отказывает: в векселе об этом ни слова, еврей уже отказался от денег перед судом. Шейлок соглашается на выплату одного лишь долга — опять отказ. Мало того, по венецианским законам за покушение на гражданина республики Шейлок должен отдать ему половину своего достояния, вторая идет как штраф в казну, жизнь же преступника зависит от милости дожа. Шейлок отказывается просить милости. И все же ему сохраняют жизнь, а реквизицию заменяют штрафом. Великодушный Антонио отказывается от положенной ему половины с условием, что после смерти Шейлока она будет завещана Лоренцо. Однако Шейлок должен немедленно принять христианство и завещать все свое имущество дочери и зятю. Шейлок в отчаянии соглашается на все. В качестве награды мнимые судейские выманивают у своих одураченных мужей перстни.

Аунной ночью в Бельмонте Лоренцо и Джессика, готовясь к возвращению хозяев, приказывают музыкантам играть в саду.

Порция, Нерисса, их мужья, Грациано, Антонио сходятся в ночном саду. После обмена любезностями выясняется, что молодые мужья утратили дареные перстни. Жены настаивают, что залоги их любви были отданы женщинам, мужья клянутся, что это не так, оправдываются изо всех сил — все напрасно. Продолжая розыгрыш, женщины обещают разделить постель с судьей и его писцом, лишь бы вернуть свои подарки. Потом сообщают, что это уже произошло, и показывают перстни. Мужья в ужасе. Порция и Нерисса признаются в розыгрыше. Порция вручает Антонио попавшее ей в руки письмо, в котором сообщается, что все его суда целы. Нерисса передает Лоренцо и Джессике акт, которым Шейлок отказывает им все свои богатства. Все идут в дом, чтобы там узнать подробности приключений Порции и Нериссы.

И. А. Быстрова

Виндзорские насмешницы (The Merry Hives of Hindsor)

Комедия (1597, опубл. 1602)

В этой пьесе снова появляются толстый рыцарь Фальстаф и некоторые другие комедийные персонажи «Генриха IV» — судья Шеллоу, напыщенный драчун Пистоль, озорной паж Фальстафа пьяница Бардольф. Действие происходит в городе Виндзоре и носит откровенно фарсовый характер.

Перед домом Пейджа, богатого виндзорского горожанина, беседуют судья Шеллоу, его придурковатый и робкий племянник Слендер и сэр Хью Эванс, пастор, уроженец Уэльса. Судья коверкает латынь, а Эванс — английский язык. Шеллоу кипит гневом — его оскорбил сэр Джон Фальстаф. Судья хочет жаловаться на обидчика в королевский Совет, пастор уговаривает его кончить дело миром и пытается сменить тему разговора, предлагая судье устроить свадьбу племянника с дочерью Пейджа. «Это лучшая девушка на свете! — говорит он. — Семьсот фунтов стерлингов чистыми деньгами и много фамильного золота и серебра…» Шеллоу готов зайти для сватовства в дом к Пейджу, хотя там и находится сэр Джон. Пейдж приглашает джентльменов в дом. Он обменивается неуклюжими любезностями с судьей и желает примирить судью с Фальстафом. Появляется сам толстый рыцарь, как всегда в окружении прихлебателей. Они потешаются над судьей и его племянником. Радушный хозяин зовет всех обедать. Его дочь Анна заговаривает со Слендером, но тот теряется и несет сущую околесицу. Эванс посылает Симпла, слугу Слендера, с письмом к миссис Куикли, живущей в услужении у врача — француза Каюса. В письме — просьба замолвить Анне словечко за Слендера.

В гостинице «Подвязка» сэр Джон жалуется хозяину на безденежье. Он вынужден распустить «свою свиту». Хозяин испытывает ироническую симпатию к старому гуляке. Он готов взять в слуги Бардольфа, поручить ему цедить и разливать вино. Бардольф очень доволен. Пистоль и Ним балагурят со своим покровителем, но отказываются выполнить его поручение. Оно и в самом деле весьма сомнительного свойства. Фальстаф с присущим ему самомнением решил, что в него влюблены жены двух почтенных виндзорских горожан — Пейджа и Форда. Но его привлекают не сами дамы (обе уже не первой молодости), а возможность с их помощью запустить руку в кошельки их мужей. «Одна будет для меня Ост-Индией, другая Вест-Индией…» Он пишет письма обеим и приказывает Пистолю и Ниму отнести их адресатам. Но приживалы артачатся. «Как! Сводником мне стать?

Я — честный воин. / Клянусь мечом и тысячей чертей», — восклицает в свойственной ему пышной манере Пистоль. Ним также не хочет ввязываться в сомнительную затею. Фальстаф отправляет с письмами пажа и гонит обоих мошенников. Те оскорблены и решают выдать сэра Джона Пейджу и Форду. А уж те пусть сами с ним расправятся.

В доме доктора Каюса Симпл передает миссис Куикли письмо от Эванса. Бойкая служанка уверяет его, что обязательно поможет Слендеру. Неожиданно возвращается сам доктор. Симпла прячут в чулан, чтобы не прогневить вспыльчивого француза. Однако Симпл все же попадается. Каюс узнает о характере исполняемого Симплом поручения. Доктор, безбожно коверкая английский язык, требует бумагу и быстренько пишет пастору вызов на поединок. Он ведь сам имеет виды на Анну. Миссис Куикли заверяет хозяина, что девушка без ума от него. Когда Симпл и доктор уходят, к миссис Куикли является еще один посетитель. Это молодой дворянин Фентон, влюбленный в Анну. Куикли и ему обещает помочь добиться благосклонности любимой и охотно берет деньги.

Миссис Пейдж читает письмо Фальстафа. Она так возмущена распутством старого повесы, что готова внести в парламент билль об истреблении мужского пола. Ее возмущение еще увеличивается, когда появляется миссис Форд и показывает такое же точно письмо, но адресованное ей. Подруги зло вышучивают сэра Джона, его внешность и поведение. Они решают проучить жирного волокиту, а для этого подать ему кое-какие надежды и подольше водить за нос. Тем временем Пистоль и Ним рассказывают мужьям достойных дам о замыслах сэра Джона относительно их жен и кошельков. Рассудительный мистер Пейдж целиком доверяет своей подруге. Но мистер Форд ревнив, и его гложет сомнение. Появляется хозяин гостиницы в сопровождении судьи Шеллоу. Шеллоу приглашает обоих джентльменов пойти посмотреть на дуэль между доктором Каюсом и сэром Хью. Дело в том, что веселый хозяин «Подвязки» должен быть на ней секундантом. Он уже назначил для дуэли место — каждому из противников свое. Форд просит хозяина представить его Фальстафу как мистера Брука. «Под именем Брука, как под маской, я выведаю все у самого Фальстафа», — говорит он.

Миссис Куикли является к сэру Джону в гостиницу с поручением от миссис Форд. Она сообщает ветреному толстяку, что между десятью и одиннадцатью этим утром Форда не будет дома, и его жена ждет сэра Джона в гости. Когда миссис Куикли уходит, к рыцарю является новый посетитель — мистер Брук. Он угощает сэра Джона хересом и без труда узнает о назначенном

свидании. Форд в ярости и клянется мстить.

Тем временем доктор Каюс уже час ожидает в поле своего противника. Он взбешен и осыпает отсутствующего пастора бранью на чудовищно исковерканном английском языке. Появившийся хозяин «Подвязки» увлекает горячего медика к Лягушачьему болоту.

Сэр Хью на поле у болота ждет доктора. Наконец тот появляется в сопровождении хозяина и всех приглашенных на «потеху». Противники осыпают друг друга комичными упреками. Хозяин признается, что все подстроил, чтобы примирить их. Излившие гнев в брани дуэлянты согласны на мировую. Мистер Форд встречает всю компанию, когда она отправляется на обед к Анне Пейдж. Сам Пейдж обещает поддержать сватовство Слендера, но его жена склонна выдать дочь за Каюса. О Фентоне же оба и слышать не хотят: он беден, он водил компанию с беспутным принцем Гарри, он слишком знатен, наконец. Форд зазывает доктора, пастора и Пейджа к себе. Он хочет изобличить жену при свидетелях.

Фальстаф явился на свидание к миссис Форд, но долго любезничать ему не приходится: появляется миссис Пейдж и, как это было заранее договорено, предупреждает соседку, что ее муж идет сюда «со всей виндзорской стражей». Перепуганный Фальстаф соглашается, чтобы женщины запихали его в корзину и прикрыли грязным бельем. Появившийся Форд устраивает дома форменный обыск, но никого не находит. Он смущен. Окружающие осыпают его упреками. Между тем слуги, как им было заранее приказано хозяйкой, берут корзину, несут на берег Темзы и вываливают ее содержимое в грязную канаву. Миссис Форд говорит подруге: «Я сама не знаю, что мне приятнее: проучить мужа за ревность или наказать Фальстафа за распутство».

Анна Пейдж нежно беседует с Фентоном. Разговор влюбленных прерван появлением судьи и его бестолкового племянника. Последний, как всегда, несет ахинею, но Анне все же удается узнать, что славный малый сватается к ней, только чтобы угодить дяде.

Фальстаф в гостинице мечет громы и молнии, но тут миссис Куикли передает ему от миссис Форд приглашение на свидание в восемь утра, когда муж отправится на охоту. Она уходит, а явившийся «мистер Брук» узнает все о бельевой корзине и новом свидании.

Фальстаф вновь у миссис Форд, и вновь у порога появляется ревнивый муж. На этот раз он сразу бросается к корзине — там только грязное белье. В комнатах тоже никого нет. Тем временем

Фальстафа выводят, нарядив в платье тетки одной из служанок, старухи, которую ненавидит Форд. Вспыльчивый ревнивец колотит мнимую старуху палкой. Фальстаф удирает. Дамы рассказывают мужьям, как они подшутили над сэром Джоном. «Верны мужьям шалуньи и насмешницы, / А в маске благочестья ходят грешницы». Вся компания решает еще раз проучить толстяка и изобличить его публично. Для этого ему назначат ночью свидание в лесу. Фальстаф должен будет нарядиться привидением охотника Герна, а переодетые эльфами и феями молодые люди во главе с пастором напугают его и вытянут признание в недостойном рыцаря поведении. Роль царицы фей поручена Анне. Отец хочет, чтобы она надела белое платье — по нему Слендер узнает ее, похитит и обвенчается втайне от миссис Пейдж.

У миссис Пейдж свой план — дочь должна надеть зеленое платье и втайне от отца обвенчаться с доктором. Есть план и у Анны, но о нем знает только Фентон.

Миссис Куикли снова передает Фальстафу приглашение — на этот раз от обеих дам. Сэр Джон, конечно, все рассказывает «Бруку», издеваясь над «рогоносцем» Фордом. Одетый Герном, с рогами на голове он приходит к заповедному дубу. Насмешницы тоже являются туда, но после краткого обмена любезностями раздается звук охотничьих рогов. Дамы разыгрывают испуг и убегают. Появляются ряженые в костюмах эльфов, фей, хобгоблинов (английский эквивалент лешего) и сатиров. Все потешаются над струхнувшим Фальстафом:

его щиплют, прижигают факелами, щекочут. В суматохе Каюс убегает с феей в зеленом, Слендер — с феей в белом платье, а Фентон… с Анной Пейдж. Фальстафу же не удается сбежать — дорогу ему преграждают обе дамы со своими мужьями. Толстяка осыпают насмешками и оскорблениями. Он и сам понимает, что попал впросак:

«Ладно, ладно, смейтесь надо мной, издевайтесь! Ваша взяла. Бейте лежачего. Мне даже нечего ответить…» Появляются возмущенные Слендер и Каюс — их «суженые» оказались переодетыми мальчишками. Все выясняется, когда входят Фентон и Анна. Они теперь муж и жена. Примирившиеся с неизбежным родители Анны благословляют молодых. Все приглашены на свадебный пир, в том числе и пристыженный Фальстаф.

И. А. Быстрова

Много шума из ничего (Much Ado About Nothing)

Комедия (1598)

Действие происходит в городе Мессина на Сицилии. Гонец сообщает губернатору Леонато о прибытии в город после победоносного завершения войны дона Педро, принца Арагонского, со свитой. Рассказывая о сражении, посланец упоминает отличившегося на поле боя молодого знатного флорентийца Клавдио. Принц приблизил его к себе, сделал своим доверенным лицом. Племянница губернатора Беатриче расспрашивает о синьоре Бенедикте из Падуи. Замечательный молодой человек, рассказывает гонец, геройски сражался на войне, к тому же он весельчак, каких мало. Беатриче не верит — франт, вертопрах и болтун мог отличиться разве что на пирушках и забавах. Геро, дочь губернатора, просит гостя не принимать всерьез насмешки кузины, Беатриче и Бенедикт знакомы давно, при встречах они всегда пикируются, говорят друг другу колкости.

Леонато принимает у себя в доме дона Педро, его сводного брата дона Хуана, Клавдио и Бенедикта. Принц благодарит за гостеприимство, иные воспринимают подобный визит как обузу, а губернатор с радостью выказал готовность принять их на месяц. Леонато доволен, что дон Педро и дон Хуан наконец-то примирились.

Клавдио очарован Геро и признается в этом Бенедикту. Тот, называющий себя врагом женского пола, недоумевает: неужели Клавдио так не терпится связать себя узами брака! Напрасно Бенедикт издевается над чувствами друга, журит его дон Педро, придет время, и ему тоже доведется испытать муки любви. Принц вызывается помочь влюбленному: ночью, на маскараде, он от его имени откроется прекрасной Геро и потолкует с ее отцом.

Брат губернатора Антонио взволнованно сообщает Леонато, что один из слуг слышал разговор прогуливающихся по саду дона Педро и Клавдио — принц признавался, что влюблен в Геро и намерен открыться ей нынче вечером во время танцев и, заручившисьее согласием, собирается переговорить с отцом.

Дон Хуан крайне раздражен. Он вовсе не настроен поддерживать миролюбивые отношения с братом: «Лучше быть чертополохом у забора, чем розой в саду его милости. Мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги».

Борачио, приближенный дона Хуана, возвращается с великолепного ужина, устроенного губернатором в честь дона Педро. У него потрясающая новость: из подслушанного разговора он узнал о предстоящем сватовстве Клавдио, любимчика дона Педро. Дону Хуану ненавистен юный выскочка, он строит планы, как ему насолить.

В кругу семьи Беатриче прохаживается насчет дона Хуана — столь кислое у него выражение лица, что начинает мучить изжога. уж больно племянница остра на язык, сетует Леонато, трудно ей будет найти мужа. «А я не пойду замуж, пока Бог не создаст мужчину из какой-нибудь другой материи, чем земля, — парирует девушка. — Все мужчины мне братья по Адаму, а выходить за родственника я считаю грехом». Аеонато наставляет дочь, как держать ей себя с принцем, когда тот попросит у нее руки.

Во время маскарада Бенедикт, не открывая своего лица, танцует с Беатриче, а заодно выведываетее мнение о себе и выслушивает множество колкостей в свой адрес.

Дон Хуан, делая вид, что принимает Клавдио за Бенедикта, просит отвлечь дона Педро от Геро — принц потерял голову, но девушка ему не ровня. Борачио подтверждает, что слышал, как принц клялся ей в любви. Клавдио поражен вероломством друга.

Бенедикт жалуется дону Педро на несносную насмешницу Беатриче, чьи слова ранят его, словно кинжалы. Принц удивлен, что Клавдио мрачен, тот мучается от ревности, но старается не выказывать своего раздражения. Недоразумение улаживается, когда Леонато подводит к нему дочь и дает согласие на брак, устроенный его высочеством. Свадьбу назначают через неделю.

Дону Педро по душе неистощимое остроумие Беатриче, она ему кажется подходящей женой для весельчака Бенедикта. Он решает способствовать браку этой «языкатой» пары. Клавдио, Леонато и Геро вызываются ему помочь.

Борачио сообщает дону Хуану о скорой свадьбе Клавдио. Тот мечтает помешать этому, и оба вырабатывают коварный план. Уже год Борачио пользуется милостями Маргариты, камеристки Геро. Он попросит ее в неурочный час выглянуть из окна спальни ее госпожи, а дон Хуан пойдет к брату и скажет ему, что тот позорит свою честь, способствуя браку славного Клавдио с грязной распутницей, — доказательства можно увидеть в саду в ночь накануне свадьбы. И все приготовления к свадьбе рухнут. Дону Хуану затея по душе: можно обмануть принца, вывести из себя Клавдио, погубить Геро и убить Леонато. Он сулит Борачио награду в тысячу дукатов.

Спрятавшийся в беседке Бенедикт подслушивает разговор дона Педро, Клавдио и Леонато, которые нарочито громко обсуждают Беатриче — прелестна, мила, добродетельна и к тому же необычайно умна, если не считать того, что по уши влюбилась в Бенедикта. Бедняжка не решается открыть ему своих чувств, ведь если он узнает, то высмеет и измучит несчастную девушку. Бенедикт сильно взволнован услышанным. Вряд ли это розыгрыш,

поскольку в беседе участвовал Леонато, а плутовство не может скрываться под столь почтенной внешностью, да и говорили они вполне серьезно. Он чувствует, что тоже влюблен, в Беатриче много привлекательных черт, колкости и шуточки, которые она отпускает в его адрес, отнюдь не главное.

Геро подстраивает так, что оказавшаяся в беседке Беатриче слышит ее разговор с Маргаритой. Хозяйка и служанка сочувствуют несчастному Бенедикту, умирающему от любви к своенравной Беатриче. Она так влюблена в себя, надменна, оговорит каждого мужчину, найдя к чему придраться. И угораздило же беднягу увлечься этой гордячкой, а ведь ему нет равного по храбрости, уму и красоте. Беатриче осознает, как была не права, и решает вознаградить Бенедикта любовью за любовь.

Дон Педро недоумевает, отчего так грустен Бенедикт, неужели влюбился? Да разве же ветреник и шутник способен почувствовать настоящую любовь? Все радуются, что шалопай клюнул на приманку.

К дону Педро приходит дон Хуан и заявляет, что ему дороги честь брата, который устраивает свадьбу Клавдио, и репутация его друга, которого хотят обмануть. Он приглашает обоих за доказательствами ночью в сад. Клавдио ошеломлен: если он увидит своими глазами, что Геро обманывает его, то завтра в той самой церкви, где должно состояться венчание, осрамит ее при всех.

Полицейский пристав Кизил и его помощник Булава наставляют сторожей, как им нести охрану: надо быть бдительными, но не слишком уж усердствовать, и себя не перетруждать, и мерному течению жизни не мешать.

Борачио хвастается Конраду, как ловко удалось состряпать дельце. Ночью у него было свидание с Маргаритой, а укрывшиеся в саду дон Педро и Клавдио решили, что то была Геро. Предварительно дону Хуану удалось оговорить губернаторскую дочку, приписав ей тайную любовную связь, а он лишь подтвердил клевету и заработал на том тысячу дукатов. «Неужели за подлость так дорого платят?» — изумляется Конрад. «Когда богатый подлец нуждается в бедном, так бедный может заломить какую угодно цену», — хвалится Борачио. Сторожа становятся невольными свидетелями их разговора и, возмущенные тем, какие неправедные дела творятся вокруг, арестовывают обоих.

Геро готовится к свадьбе, ее удивляет, что Беатриче на себя не похожа — уныла, молчалива. Неужели их план удался и она влюбилась?

Кизил и Булава докладывают губернатору, что задержаны два отъявленных мошенника, но Леонато в день свадьбы дочери не

настроен заниматься делами, пусть арестованных допросят и пришлют ему протоколы.

В церкви происходит грандиозный скандал. Клавдио отказывается жениться на Геро, обвиняя ее в непорядочности. Дон Педро считает, что запятнал свою честь, способствуя этому браку. Ночью они стали свидетелями тайного свидания и были в замешательстве от страстных речей, которые там звучали. Оклеветанная Геро лишается чувств. Леонато не знает, что и думать, лучше умереть, чем пережить такой позор. Бенедикт догадывается, чьи это происки. Беатриче уверена, что кузину безвинно опорочили. Монах советует Леонато объявить дочь умершей, совершить похоронный обряд, соблюсти показной траур. Слух о смерти заглушит молву о девичьемее бесчестье, оклеветавшие раскаются в содеянном. Объединенные желанием доказать невинность Геро, Бенедикт и Беатриче признаются друг другу в любви.

Антонио уговаривает Леонато не поддаваться горю, но тот безутешен и только мечтает расквитаться с обидчиками. Когда дон Педро и Клавдио перед отъездом приходят проститься, он обвиняет их в подлой лжи, сведшей в могилу дочь. Антонио готов вызвать молодого человека на поединок. Дон Педро не желает ничего слушать — вина доказана. Их удивляет, что Бенедикт тоже твердит о наговоре, называет Клавдио негодяем и желает с ним драться.

Дон Педро видит, как стража ведет арестованных Конрада и Борачио, приближенных брата. Борачио признается, что был в сговоре с доном Хуаном, они оклеветали синьору Геро, а сцена в саду была подстроена. Он не может простить себе, что девушка умерла, не пережив ложного обвинения, Клавдио потрясен услышанным. Брат — воплощение коварства, негодует дон Педро, совершил подлость и скрылся. Как теперь загладить вину перед старцем? Оживить дочь вы не властны, заявляет Леонато, так огласите в Мессине, что она умерла невинною, и почтите ее надгробие. Раз уж не стал Клавдио зятем, пусть будет племянником и женится на дочери брата.

Клавдио покорно на все соглашается. На могиле Геро он горько сожалеет, что поверил коварным наветам.

Когда он является в дом Леонато, к нему подводят даму в маске и требуют от него клятвы обвенчаться с ней. Клавдио дает такую клятву, дама открывает лицо, и молодой человек столбенеет — перед ним Геро. Она была мертва, пока жило злоречье, поясняет монах и начинает приготовления к обряду венчания. Бенедикт просит обвенчать и его с Беатриче. Гонец сообщает принцу, что схвачен бежавший дон Хуан и доставлен

под стражей в Мессину. Но разбираться с ним будут завтра. Начинаются танцы.

А. М. Бурмистрова

Король Генрих IV, ч. 1-я (King Henry IV, part One)

Историческая хроника (1598)

Источником сюжета явились несколько анонимных пьес и летописи Холиншеда, с которыми, однако, Шекспир обошелся весьма вольно. Пьесы о царствовании Генриха IV составляют как бы срединную часть тетралогии, началом которой является «Ричард II», а концом — «Генрих V». Все они связаны последовательностью исторических событий и общностью некоторых персонажей. Действие пьесы разворачивается в Англии начала XV в., когда королевская власть утверждала себя в борьбе со своевольными феодалами.

Король Генрих IV собирается возглавить поход в Святую Землю, что должно стать епитимьей, церковным покаянием, за убийство Ричарда II. Но эти планы срываются, когда король узнает от графа Уэстморленда, что мятежный уэльский полководец Оуэн Глендаур нанес поражение огромной английской армии во главе с Эдмундом Мортимером, графом Марчем, который попал в плен. Генриху также сообщают, что в сражении при Холмдоне юный Гарри Перси, по прозвищу Хотспер («Горячая Шпора», т, е. «Сорвиголова»), разбил шотландцев во главе с Арчиболдом, графом Дугласом, но отказался выдать пленников королю. Вспомнив о собственном своенравном сыне, Генрих позволяет себе позавидовать графу Нортемберленду, отцу Хотспера.

Тем временем принц уэльский Хел развлекается в своем доме с сэром Фальстафом — тучным рыцарем, чью склонность к веселью и хересу не умеряют ни седины, ни пустой кошелек. Нед Пойнс, один из беспутных дружков принца, уговаривает его и сэра Фальстафа ограбить паломников и купцов. Хел противится, но Пойнс по секрету рассказывает ему, как можно при этом выставить Фальстафа трусом, каковым тот и является. Оставшись один, принц размышляет о своем поведении. Он собирается подражать солнцу, которое скрывается в тучах, чтобы появиться затем в еще большем блеске.

Отношения между королем и семейством Перси становятся еще более напряженными, когда граф Вустер, брат Нортемберленда и дядя Хотспера, напоминает, что именно дому Перси Генрих обязан короной. Хотя Хотспер утверждает, что его поступок с шотландскими пленными был неверно истолкован, он раздражает короля, отказываясь их отдать, пока король не выкупит из плена его шурина Мортимера, недавно женившегося

на дочери своего победителя. «Ужели мы / Свою казну опустошим на выкуп / Предателя? Заплатим за измену?» — спрашивает король, не обращая внимания на пылкие слова Хотспера в защиту Мортимера. «Скорее пленных шли — иль берегись!» — угрожает Генрих. После ухода короля Хотспер дает волю гневу. Отец и дядя объясняют ему: враждебность короля по отношению к Мортимеру объясняется тем, что убитый Ричард незадолго до смерти объявил Мортимера своим наследником. Когда Хотспер наконец успокаивается, Вустер предлагает поднять против короля восстание, заручившись поддержкой Мортимера, Глендаура, Дугласа и Ричарда Скрупа, архиепископа Йоркского.

Как и планировалось, Фальстаф и его дружки грабят путешественников. Принц и Пойнс при этом предусмотрительно скрываются. Надев маски, они набрасываются на грабителей в момент, когда те делят добычу. Фальстаф и его присные спасаются бегством, бросив награбленное. Позже в трактире «Кабанья голова» Фальстаф и остальные воры присоединяются к уже бражничающим там принцу Генриху и Пойнсу. Фальстаф горько упрекает принца, бросившего друга в минуту опасности, и живо описывает свои подвиги в неравной схватке, причем число поверженных им врагов возрастает с каждой фразой. В качестве доказательства собственной доблести он демонстрирует порванную куртку и штаны. Принц изобличает ложь, но Фальстаф ничуть не смущен — конечно же он узнал принца, «но вспомни про инстинкт: лев и тот не тронет принца крови. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно стал трусом. <…> Я показал себя львом, а ты показал себя чистокровным принцем». Когда король присылает придворного за своим сыном, жирный рыцарь предлагает отрепетировать объяснения, которые Хел даст разгневанному родителю. Играя роль короля, Фальстаф уличает приятелей принца, за исключением одного лишь «представительного мужчины, хотя и несколько дородного <…> его зовут Фальстаф <…> Фальстаф исполнен добродетели. Оставь его при себе, а остальных прогони…». Когда принц и его приятель меняются ролями, Хел-«король» сурово порицает «мерзкого, чудовищного совратителя молодежи — Фальстафа». Фадьстаф-«принц» очень дружелюбно отзывается о «милом Джеке Фальстафе, добром Джеке Фальстафе, преданном Джеке Фальстафе, храбром Джеке Фальстафе».

Заговорщики встречаются в Бангоре (Уэльс). Хотспер из-за своего необузданного нрава вступает в конфликт с Глендауром. Хотспер насмехается над его верой в предзнаменования, сопутствовавшие его рождению, и в сверхъестественные силы в целом. Другой предмет спора — раздел страны, которую они

намереваются захватить. Мортимер и Вустер ругают Хотспера за насмешки над Глендауром. Мортимер говорит, что его тесть «достойный человек, / Весьма начитанный и посвященный / В науки тайные». От споров их отвлекает приход дам: остроумной жены Хотспера — леди Перси, и молодой жены Мортимера, валлийки, чье неумение говорить по-английски не охлаждает пыл ее мужа.

В Лондоне король упрекает сына за беспутство. Он ставит ему в пример поведение Хотспера и свое собственное в молодости. Генрих вспоминает, что в отличие от Ричарда, который «заискивал пред мнением толпы», сам он держался в стороне от народа, оставаясь в его глазах таинственным и привлекательным. В ответ принц клянется превзойти подвиги Хотспера.

Явившись в трактир «Кабанья голова», принц находит там Фальстафа, который дразнит приятелей и бранится с хозяйкой. Принц Генрих объявляет толстяку, что он получил назначение в пехоту, остальных бражников рассылает с поручениями и уходит сам со словами: «Страна в огне. Высоко враг парит. / Ему иль нам паденье предстоит». Фальстаф в восторге от слов принца и требует себе завтрак.

В своем лагере под Шрусбери мятежники узнают, что по болезни граф Нортемберленд не примет участия в сражении. Вустер считает это потерей для дела, но Хотспер и Дуглас уверяют, что это их серьезно не ослабит. Известия о приближении королевских войск и задержке Глендаура с подмогой на две недели озадачивают Дугласа и Вустера, но Хотспер готов начать бой, как только армия короля достигнет Шрусбери. Он предвкушает поединок со своим тезкой — принцем Генрихом.

На проезжей дороге близ Ковентри капитан Фальстаф проводит смотр своему отряду. Он признает, что набрал жалкий сброд, а всех пригодных к службе освободил за взятки. Появившийся принц Генрих упрекает дружка за скверный вид его новобранцев, но толстый рыцарь отделывается балагурством и заявляет, что его подчиненные «достаточно хороши, чтобы истыкать их копьями. Пушечное мясо, пушечное мясо!».

Вустер и Вернон пытаются уговорить Хотспера не вступать в бой с армией короля, а ждать подкрепления. Дуглас и Хотспер хотят вступить в бой немедля. Прибывает посланец короля. Генрих IV хочет узнать, чем недовольны мятежники, он готов исполнить их желания и даровать прощение. Хотспер горячо упрекает монарха в коварстве и неблагодарности, но не исключает возможности компромисса. Таким образом битва отложена.

В Йорке мятежный архиепископ, предчувствуя поражение

своих союзников, отдает приказ подготовить город к обороне.

В своем лагере под Шрусбери король объявляет парламентерам мятежников Вустеру и Вернону, что помилует восставших, если они откажутся от битвы. Он хочет сохранить жизни своих подданных в обоих лагерях. Принц Генрих превозносит доблести Хотспера, но вызывает его на единоборство, чтобы малой кровью решить спор.

Вустер и Вернон скрывают от Хотспера добрые предложения короля, поскольку не верят королевским обещаниям, но передают вызов от принца. В разыгравшейся битве принц Генрих спасает жизнь отцу, скрестившему меч с Дугласом, и убивает в единоборстве Хотспера. Он произносит хвалебную речь над телом доблестного врага и тут замечает поверженного Фальстафа. Беспутный рыцарь притворился мертвецом, чтобы избежать опасности. Принц горюет о друге, но после его ухода Фальстаф встает и, заметив вернувшегося Генриха и его отважного младшего брата принца Джона Ланкастерского, сочиняет небылицу о том, что Хотспер очнулся после поединка с Генрихом и был вторично повержен им, Фальстафом. Теперь, когда бой завершился победой короля, он ждет награды и необычайных милостей. Король приговаривает плененных Вустера и Вернона к смерти за то, что их ложь стоила жизни многим рыцарям. Раненого Дугласа за его доблесть по просьбе принца Генриха освобождают без выкупа. Войска по королевскому приказу разделяются и выступают в поход, чтобы покарать остальных мятежников.

И. А. Быстрова

Король Генрих IV, ч. 2-я (King Henry IV, part Two)

Историческая хроника (1600)

После ложных сообщений о победе граф Нортемберленд наконец узнает, что его сын Хотспер убит в битве при Шрусбери и что королевская армия во главе со вторым сыном короля Джоном Ланкастером и графом Уэстморлендом движется ему навстречу. Граф решает объединить свои войска с силами мятежного архиепископа Йоркского.

В Лондоне верховный судья, встретив на улице Фальстафа, стыдит его за дурное поведение и призывает образумиться на старости лет. Толстяк, как всегда, зубоскалит, хвастается и не упускает случая напомнить судье о пощечине, которую тот получил от принца Генриха, покровителя Фальстафа.

В Йорке приближенные архиепископа взвешивают свои шансы

на победу. Их обнадеживает то, что на них движется лишь третья часть королевских войск, которую ведут принц Джон и граф Уэстморленд. Сам король и его старший сын выступили против уэльсцев Глендаура, еще одна часть королевской армии должна противостоять французам. Все же некоторые из мятежных лордов считают, что им не выстоять без помощи графа Нортемберленда.

В Лондоне миссис Куикли («Быстрая», «Вострушка» — *англ.),* владелица трактира «Кабанья голова», добивается ареста Фальстафа за долги и невыполнение обещания жениться. Фальстаф препирается с нею, с полицейскими и появившимся на улице верховным судьей, приводя в свою защиту самые неожиданные и комичные доводы. Наконец ему удается лестью выманить у вдовы Куикли не только прощение прежних долгов, но и новый заем, а также приглашение на ужин. Вернувшиеся в Лондон принц Генрих и Пойнс, узнав об этом ужине, решают переодеться слугами и прислуживать на нем, чтобы увидеть Фальстафа «в его настоящем виде». Возвращение королевской армии в столицу вызвано тяжелой болезнью Генриха IV. Его старший сын глубоко огорчен болезнью отца, но скрывает это, чтобы не прослыть лицемером.

В Уоркворте, замке графа Нортемберленда, овдовевшая леди Перси стыдит тестя за то, что из-за его притворной болезни погиб оставленный без подкрепления Хотспер. Она и жена графа настаивают, чтобы он скрылся в Шотландии, вместо того чтобы выступить на помощь архиепископу Йоркскому.

К Фальстафу, миссис Куикли и Долль Тершит («Рвущая простыни» — *англ.*), весело пирующим в трактире, присоединяются Бардольф и напыщенный прапорщик Пистоль. Принц и Пойнс, надевшие куртки слуг, становятся свидетелями волнующей сцены между Фальстафом и Долль и слышат, что, по мнению старого гуляки, принц «добрый малый, хотя и вздорный», Пойнс — павиан, которому место на виселице, и многое другое. Когда возмущенный Генрих собирается оттаскать Фальстафа за уши, тот узнает своего покровителя и тут же объясняет, что «говорил о нем дурно при падших созданиях, чтобы эти падшие создания не вздумали его полюбить. <…> Я поступал как заботливый друг и верноподданный». Веселье внезапно заканчивается, поскольку принца и Фальстафа призывают к оружию, чтобы выступить против северных мятежников. Фальстаф все же ухитряется улизнуть и, вернувшись в трактир, требует Долль к себе в спальню.

В Вестминстерском дворце измученный король размышляет о бессонных ночах — уделе всякого монарха — и вспоминает, что убитый Ричард II предвидел разрыв между ним и домом Перси.

Стремясь поднять настроение короля, граф Уорик умаляет мощь восставших и сообщает о смерти Оуэна Глендаура, непокорного хозяина Уэльса.

В Глостершире Фальстаф, набирая рекрутов, встречает друга своей юности — судью Шеллоу («Пустой» — *англ.)*. Побеседовав с рекрутами, он за взятку освобождает годных к службе и оставляет неприспособленных — Мозгляка, Тень и Бородавку. Фальстаф отправляется в поход с твердым намерением на обратном пути обобрать старого приятеля.

В Йоркширском лесу архиепископ Йоркский сообщает своим соратникам, что Нортемберленд покинул их и, не собрав войска, бежал в Шотландию. Граф Уэстморленд пытается примирить мятежных лордов с королем и убеждает их заключить мир с принцем Джоном. Лорда Маубрея одолевают дурные предчувствия, но архиепископ убеждает его, что король жаждет спокойствия в королевстве любой ценой. На встрече с мятежниками принц обещает, что все их требования будут выполнены, и пьет за их здоровье. Заговорщики распускают войска, и вероломный принц арестовывает их за измену. Он приказывает преследовать разрозненные войска мятежников и расправиться с ними.

Король находится в Иерусалимской палате Вестминстера. Он уговаривает своих младших сыновей сохранять добрые отношения с принцем Генрихом, от милостей которого они будут зависеть в будущем. Он сетует на беспутство наследника. Граф Уорик пытается найти оправдания для Генриха, но короля они не убеждают. Граф Уэстморленд приносит известие, что принц Джон подавил мятеж. Второй посланец также докладывает о победе — Йоркширский шериф разбил войска Нортемберленда и шотландцев. Однако от радостных вестей королю становится плохо. Его относят в постель. Пока король спит, в его комнату входит принц Генрих. Решив, что отец уже мертв, Генрих надевает корону и уходит. Очнувшийся король узнает, что принц заходил к нему, и, не обнаружив короны, с горечью обвиняет сына: «Вся жизнь твоя доказывала ясно, / Что ты меня не любишь, и хотел ты, / Чтоб в смертный час я в этом убедился». Принц спешит объяснить свой поступок. Он уверяет отца, что счел его мертвым и взял корону лишь во исполнение долга. Тронутый красноречием сына, король подзывает его к своему изголовью. Он вспоминает окольные пути, которыми шел к власти, и, хотя считает положение сына более прочным, предупреждает его против раздоров внутри страны: «Веди войну в чужих краях, мой Генри, / Чтоб головы горячие занять…» Узнав, что ему стало плохо в Иерусалимской падате, король вспоминает пророчество,

согласно которому он должен окончить жизнь в Иерусалиме. Король всегда считал, что имеется в виду Святая Земля. Теперь же он понимает истинный смысл предсказания и просит вновь отнести его в ту же палату: «Там, в Иерусалиме, небу дух предам».

В Вестминстере молодой король уверяет братьев, что им нечего беспокоиться о своей судьбе во время его правления. Верховный судья, некогда заключивший Генриха в темницу за оскорбление своего сана, прощен и приближен за свою твердость и бесстрашие. Генрих говорит: «В гроб с отцом сошло мое беспутство».

Фальстаф, узнав о воцарении своего покровителя, спешит в Лондон. Во время коронации он становится на видном месте. Он ждет необычайных почестей от старого дружка и обещает поделиться ими со своими присными, в том числе и с Шеллоу, которому успел изрядно задолжать. Но вышедший к народу Генрих на фамильярное обращение Фальстафа отвечает: «Старик, с тобой я незнаком. Покайся! / Седины вовсе не к лицу шутам». Король изгоняет бывших дружков, пообещав им дать средства к жизни, чтобы «нужда на зло вас не толкала». Фальстаф уверен, что суровость Генриха притворна, но появившийся верховный судья приказывает арестовать его вместе с друзьями и заключить в тюрьму. Принц Джон говорит судье: «Мне по душе поступок государя; / Намерен прежних спутников своих / Он обеспечить, но их всех изгнал / И не вернет, пока не убедится / В их скромном и разумном поведенье». Принц уверен, что в течение года король «огонь и меч пошлет во Францию».

И. А. Быстрова

Двенадцатая ночь, или, Что угодно (Twelfth Night; or, What You Hill)

Комедия (1600, опубл. 1623)

Действие комедии происходит в сказочной для англичан шекспировского времени стране — Иллирии.

Герцог Иллирии Орсино влюблен в юную графиню Оливию, но она в трауре после смерти брата и даже не принимает посланцев герцога. Равнодушие Оливии только разжигает страсть герцога. Орсино принимает на службу молодого человека по имени Цезарио, красоту, преданность и тонкость чувств которого успевает оценить всего за несколько дней. Его-то он и посылает к Оливии рассказать о своей любви. В действительности Цезарио — девушка по имени Виола. Она плыла на корабле вместе с любимым братом-близнецом Себастьяном и после

кораблекрушения случайно оказалась в Иллирии. Виола надеется, чтоее брат тоже спасся. Девушка переодевается в мужскую одежду и поступает на службу к герцогу, в которого сразу же влюбляется. За спиной герцога она говорит: «Мне нелегко жену тебе добыть; / Ведь я сама хотела б ею быть!»

Затянувшийся траур Оливии совсем не нравится ее дяде — сэру Тоби Белчу, весельчаку и гуляке. Камеристка Оливии Мария передает сэру Тоби, что ее госпожа очень недовольна кутежами и попойками дяди, а также его собутыльником сэром Эндрю Эгьючиком — богатым и глупым рыцарем, которому сэр Тоби морочит голову, обещая выдать за него племянницу, а тем временем беспардонно пользуясь его кошельком. Сэр Эндрю, обиженный пренебрежением Оливии, хочет уехать, но сэр Тоби, льстец и балагур, уговаривает его остаться еще на месяц.

Когда у дома графини появляется Виола, ее с большим трудом пропускают к Оливии. Несмотря на красноречие и остроумие, ей не удается добиться успеха своей миссии — Оливия отдает должное достоинствам герцога (он «несомненно, молод, благороден, / богат, любим народом, щедр, учен»), но не люби! его. Зато юный посланец достигает совершенно неожиданного для себя результата — графиня очарована им и придумывает уловку, чтобы заставить его принять в дар от нее перстень.

Брат Виолы Себастьян появляется в Иллирии в сопровождении капитана Антонио, спасшего ему жизнь. Себастьян горюет о сестре, которая, по его мнению, погибла. Он хочет искать счастья при дворе герцога. Капитану больно расставаться с благородным юношей, к которому он успел искренне привязаться, но делать нечего — в Иллирии ему появляться опасно. Все же он тайно следует за Себастьяном, чтобы защитить его в случае нужды.

В доме Оливии сэр Тоби и сэр Эндрю в компании шута Фесте пьют вино и горланят песни. Мария пытается дружески урезонить их. Вслед за ней появляется дворецкий Оливии — чванливый зануда

Мальволио. Он безуспешно старается прекратить пирушку. Когда дворецкий уходит, Мария всячески высмеивает этого «надутого осла», который «лопается от самодовольства», и клянется его одурачить. Она собирается написать ему любовное послание от имени Оливии и выставить на всеобщее посмешище.

Во дворце герцога шут Фесте сначала поет ему печальную песню о неразделенной любви, а потом пытается развеселить шутками. Орсино упивается своей любовью к Оливии, предыдущие неудачи его не обескураживают. Он убеждает Виолу

опять отправиться к графине. Герцог высмеивает утверждение мнимого юноши, что какая-то женщина может быть влюблена в него так же сильно, как он в Оливию:

«Грудь женщины не вынесет биения / Такой могучей страсти, как моя». Он остается глух ко всем намекам влюбленной Виолы.

Сэра Тоби и его сообщников просто распирает то от смеха, то от злости, когда они подслушивают, как Мальволио рассуждает о возможности брака со своей госпожой, о том, как он приструнит сэра Тоби, став в доме хозяином. Однако самая потеха начинается, когда дворецкий находит письмо, написанное Марией, подделавшей почерк Оливии. Мальволио быстро убеждает себя, что он-то и есть тот «безыменный возлюбленный», которому оно адресовано. Он решает неукоснительно следовать инструкциям, данным в письме и придуманным Марией специально в расчете на то, чтобы враг веселой компании вел себя и выглядел самым дурацким образом. Сэр Тоби в восторге от выдумки Марии, да и от нее самой: «За таким остроумнейшим дьяволенком хоть в самый Тартар».

В саду Оливии Виола и Фесте обмениваются остротами. «Он хорошо играет дурака. / Такую роль глупец не одолеет», — говорит Виола о шуте. Затем Виола говорит с вышедшей в сад Оливией, которая уже не скрывает своего страстного увлечения «юношей». Сэр Эндрю оскорблен тем, что в его присутствии графиня любезничала с герцогским слугой, и сэр Тоби убеждает его вызвать нахального юнца на поединок. Правда, сэр Тоби уверен, что у обоих не хватит мужества сразиться.

Антонио на городской улице встречается с Себастьяном и объясняет ему, что не может открыто сопровождать его, так как он участвовал в морском бою с галерами герцога и одержал верх — «меня узнают / И, уж поверьте, спуску не дадут». Себастьян хочет побродить по городу. Он уславливается с капитаном о встрече через час в лучшей гостинице. На прощание Антонио уговаривает друга принять его кошелек на случай неожиданных расходов.

Мальволио, глупо улыбающийся и безвкусно одетый (все по плану Марии), игриво цитирует Оливии пассажи из якобы ее послания. Оливия убеждена, что дворецкий спятил. Она поручает сэру Тоби позаботиться о нем, что тот и делает, только на свой лад: он сначала насмехается над несчастным спесивцем, а потом запихивает его в чулан. Затем принимается за сэра Эндрю и «Цезарио». Каждому он потихоньку говорит, что его противник свиреп и искусен в фехтовании, но избежать поединка невозможно. Наконец бледные от страха «дуэлянты» обнажают шпаги — и тут вмешивается проходящий мимо Антонио. Он

закрывает собой Виолу, приняв ее за Себастьяна, и начинает драться с сэром Тоби, разъяренным тем, что его проделка не удалась. Появляются приставы. Они арестовывают Антонио по приказу герцога. Тот вынужден подчиниться, но просит у Виолы вернуть кошелек — деньги ему теперь понадобятся. Он возмущен тем, что человек, для которого он столько сделал, не узнает его и не хочет говорить ни о каких деньгах, хотя и благодарит за заступничество. Капитана уводят. Виола, понявшая, что ее спутали с Себастьяном, радуется спасению брата.

На улице сэр Эндрю набрасывается на своего противника, в робости которого недавно убедился, и дает ему пощечину, но… это не кроткая Виола, а отважный Себастьян. Трусоватый рыцарь крепко побит. Сэр Тоби пытается вступиться за него — Себастьян обнажает шпагу. Появившаяся Оливия останавливает драку и гонит дядю. «Цезарио, прошу вас, не сердитесь», — говорит она Себастьяну. Она ведет его в дом и предлагает обручиться. Себастьян растерян, но соглашается, красавица сразу очаровала его. Он хотел бы посоветоваться с Антонио, но тот куда-то пропал, в гостинице его нет. Тем временем шут, притворившись священником, долго разыгрывает сидящего в темном чулане Мальволио. Наконец, сжалившись, соглашается принести ему свечу и письменные принадлежности.

Перед домом Оливии герцог и Виола ожидают беседы с графиней. В это время приставы приводят Антонио, которого Виола называет «спасителем», а Орсино — «прославленным пиратом». Антонио горько укоряет Виолу в неблагодарности, хитрости и лицемерии. Из дома появляется Оливия. Она отвергает герцога, а «Цезарио» упрекает в неверности. Священник подтверждает, что два часа назад обвенчал графиню с герцогским любимцем. Орсино потрясен. Напрасно Виола говорит, что он стал ей «жизнью, светом», что он ей «милей всех женщин в мире этом», бедняжке никто не верит. Тут из сада появляются избитые сэр Тоби и сэр Эндрю с жалобами на герцогского придворного Цезарио, за ними с извинениями — Себастьян (незадачливая парочка опять нарвалась на мужчину). Себастьян видит Антонио и бросается к нему. И капитан, и герцог потрясены сходством близнецов. Они в полном недоумении. Брат и сестра узнают друг друга. Орсино, поняв, что тот, кто был ему так дорог в образе юноши, на самом деле влюбленная в него девушка, полностью примиряется с потерей Оливии, которую готов теперь считать сестрою. Ему не терпится увидеть Виолу в женском наряде: «… передо мной предстанет дева, — / Моей души любовь и королева». Шут приносит письмо Мальволио. Странности дворецкого получают объяснение, но Марию не наказывают за

злую шутку — она теперь леди, сэр Тоби в благодарность за ее проделки женился на ней. Оскорбленный Мальволио покидает дом — единственный мрачный персонаж уходит со сцены. Герцог приказывает «догнать его и к мировой склонить». Пьеса заканчивается шутливо-меланхолической песенкой, которую поет Фесте.

И. А. Быстрова

Гамлет, принц Датский (Hamlet)

Трагедия (1603)

Площадь перед замком в Эльсиноре, На страже Марцелл и Бернард, датские офицеры. К ним позднее присоединяется Горацио, ученый друг Гамлета, принца Датского. Он пришел удостовериться в рассказе о ночном появлении призрака, схожего с датским королем, недавно умершим. Горацио склонен считать это фантазией. Полночь. И грозный призрак в полном военном облачении появляется. Горацио потрясен, он пытается с ним заговорить. Горацио, размышляя над увиденным, считает появление призрака знаком «каких-то смут для государства». Он решает рассказать о ночном видении принцу Гамлету, прервавшему ученье в Виттенберге в связи с внезапной кончиной отца. Скорбь Гамлета усугубляет то, что мать вскорости после смерти отца вышла замуж за его брата. Она, «башмаков не износив, в которых шла за гробом», бросилась в объятия человека недостойного, «плотный сгусток мяса». Душа Гамлета содрогнулась: «Каким докучным, тусклым и ненужным, / Мне кажется, все, что ни есть на свете! О мерзость!»

Горацио поведал Гамлету о ночном призраке. Гамлет не колеблется: «Дух Гамлета в оружье! Дело плохо; / Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь! / Терпи, душа; изоблачится зло, / Хотя б от глаз в подземный мрак ушло».

Призрак отца Гамлета поведал о страшном злодеянии.

Когда король мирно отдыхал в саду, его брат влил ему в ухо смертельный сок белены. «Так я во сне от братственной руки / Утратил жизнь, венец и королеву». Призрак просит Гамлета отомстить за него. «Прощай, прощай. И помни обо мне» — с этими словами призрак удаляется.

Мир перевернулся для Гамлета… Он клянется отомстить за отца. Он просит друзей хранить в тайне эту встречу и не удивляться странности его поведения.

Тем временем ближний вельможа короля Полоний отправляет своего сына Лаэрта на учебу в Париж. Тот дает свои

братские наставления сестре Офелии, и мы узнаем о чувстве Гамлета, от которого Лаэрт остерегает Офелию: «Он в подданстве у своего рожденья; / Он сам себе не режет свой кусок, / Как прочие; от выбора его / Зависят жизнь и здравье всей державы».

Его слова подтверждает и отец — Полоний. Он запрещает ей проводить время с Гамлетом. Офелия рассказывает отцу, что к ней приходил принц Гамлет и был он как будто не в себе. Взяв ее за руку, «он издал вздох столь скорбный и глубокий, / Как если бы вся грудь его разбилась и гасла жизнь». Полоний решает, что странное поведение Гамлета в последние дни объясняется тем, что он «безумен от любви». Он собирается рассказать об этом королю.

Король, совесть которого отягощена убийством, обеспокоен поведением Гамлета. Что кроется за ним — сумасшествие? Или что иное? Он призывает Розенкранца и Гильдестерна, в прошлом друзей Гамлета, и просит их выведать у принца его тайну. За это он обещает «монаршью милость». Приходит Полоний и высказывает предположение, что безумство Гамлета вызвано любовью. В подтверждение своих слов он показывает письмо Гамлета, взятое им у Офелии. Полоний обещает послать дочь на галерею, где часто гуляет Гамлет, чтобы удостовериться в его чувствах.

Розенкранц и Гильдестерн безуспешно пытаются выведать тайну принца Гамлета. Гамлет понимает, что они подосланы королем.

Гамлет узнает, что приехали актеры, столичные трагики, которые ему так нравились прежде, и ему приходит в голову мысль: использовать актеров для того, чтобы убедиться в виновности короля. Он договаривается с актерами, что они будут играть пьесу о гибели Приама, а он туда вставит два-три стиха своего сочинения. Актеры согласны. Гамлет просит первого актера прочесть монолог об убиении Приама. Актер читает блистательно. Гамлет взволнован. Поручая актеров заботам Полония, он в одиночестве размышляет. Он должен знать точно о преступлении: «Зрелище — петля, чтоб заарканить совесть короля».

Король расспрашивает Розенкранца и Гильдестерна об успехах их миссии. Они признаются, что не сумели ничего выведать: «Расспрашивать себя он не дает / И с хитростью безумства ускользает…»

Они же докладывают королю, что приехали бродячие актеры, и Гамлет приглашает на представление короля и королеву.

Гамлет прогуливается в одиночестве и произносит, размышляя, свой знаменитый монолог: «Быть или не быть —

таков вопрос…» Почему мы так держимся за жизнь? В которой «глумленье века, гнет сильного, насмешка гордеца». И сам отвечает на свой вопрос: «Страх чего-то после смерти — / Безвестный край, откуда нет возврата / Земным скитальцам» — смущает волю.

Полоний подсылает Офелию к Гамлету. Гамлет быстро понимает, что их разговор подслушивают и что Офелия пришла по наущению короля и отца. И он разыгрывает роль сумасшедшего, дает ей совет идти в монастырь. Прямодушная Офелия убита речами Гамлета: «О, что за гордый ум сражен! Вельможи, / Бойца, ученого — взор, меч, язык; / Цвет и надежда радостной державы, / Чекан изящества, зерцало вкуса, / Пример примерных — пал, пал до конца!» Король же удостоверяется, что не любовь причина расстройства принца.

Гамлет просит Горацио наблюдать за королем во время спектакля. Начинается представление. Гамлет по ходу пьесы ее комментирует. Сцену отравления он сопровождает словами: «Он отравляет его в саду ради его державы. / Его зовут Гонзаго <…> Сейчас вы увидите, как убийца снискивает любовь Гонзаговой жены».

Во время этой сцены король не выдержал. Он встал. Начался переполох. Полоний потребовал прекратить игру. Все уходят. Остаются Гамлет и Горацио. Они убеждены в преступлении короля — он выдал себя с головой.

Возвращаются Розенкранц и Гильдестерн. Они объясняют, как огорчен король и как недоумевает королева по поводу поведения Гамлета. Гамлет берет флейту и предлагает Гильдестерну сыграть на ней. Гильдестерн отказывается: «Я не владею этим искусством». Гамлет говорит с гневом: «Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете? На мне вы готовы играть, вам кажется, что мои лады вы знаете…»

Полоний зовет Гамлета к матери — королеве.

Короля мучит страх, терзает нечистая совесть. «О, мерзок грех мой, к небу он смердит!» Но он уже совершил преступление, «грудь его чернее смерти». Он встает на колени, пытаясь молиться.

В это время проходит Гамлет — он идет в покои матери. Но он не хочет убивать презренного короля во время молитвы. «Назад, мой меч, узнай страшней обхват».

Полоний прячется за ковром в покоях королевы, чтобы подслушать разговор Гамлета с матерью.

Гамлет полон негодования. Боль, терзающая его сердце, делает дерзким его язык. Королева пугается и вскрикивает. Полоний обнаруживает себя за ковром, Гамлет с криком «Крыса,

крыса», пронзает его шпагой, думая, что это король. Королева умоляет Гамлета о пощаде: «Ты мне глаза направил прямо в душу, /Ив ней я вижу столько черных пятен, / Что их ничем не вывести…»

Появляется призрак… Он требует пощадить королеву.

Королева не видит и не слышит призрака, ей кажется, что Гамлет разговаривает с пустотой. Он похож на безумца.

Королева рассказывает королю о том, что в припадке безумия Гамлет убил Полония. «Он плачется о том, что совершил». Король решает немедленно отправить Гамлета в Англию в сопровождении Розенкранца и Гильдестерна, которым будет вручено тайное письмо Британцу об умерщвлении Гамлета. Полония он решает тайно похоронить, чтобы избежать слухов.

Гамлет и его друзья-предатели спешат на корабль. Они встречают вооруженных солдат. Гамлет расспрашивает их, чье войско и куда идет. Оказывается, это войско Норвежца, которое идет воевать с Польшей за клочок земли, который «за пять дукатов» жалко взять в аренду. Гамлет поражается тому, что люди не могут «уладить спор об этом пустяке».

Этот случай для него — повод к глубоким рассуждениям о том, что его мучит, а мучит его собственная нерешительность. Принц Фортинбрас «ради прихоти и вздорной славы» посылает на смерть двадцать тысяч, «как в постель», так как задета его честь. «Так как же я, — восклицает Гамлет, — я, чей отец убит, / чья мать в позоре» и живу, твердя «так надо сделать». «О мысль моя, отныне ты должна кровавой быть, иль прах тебе цена».

Узнав о гибели отца, тайком, из Парижа возвращается Лаэрт. Его ждет и другая беда: Офелия под бременем горя — смерти отца от руки Гамлета — сошла с ума. Лаэрт жаждет мести. Вооруженный, он врывается в покои короля. Король называет Гамлета виновником всех несчастий Ааэрта. В это время гонец приносит королю письмо, в котором Гамлет сообщает о своем возвращении. Король в недоумении, он понимает, что что-то произошло. Но тут же у него созревает новый гнусный план, в который он вовлекает вспыльчивого, недалекого Ааэрта.

Он предлагает устроить поединок между Лаэртом и Гамлетом. А чтоб убийство состоялось наверняка, конец шпаги Лаэрта смазать смертельным ядом. Лаэрт согласен.

Королева со скорбью сообщает о гибели Офелии. Она «старалась по ветвям развесить свои венки, коварный сук сломался, она упала в рыдающий поток».

…Двое могильщиков роют могилу. И пробрасываются шуточками.

Появляются Гамлет и Горацио. О тщете всего живого

рассуждает Гамлет. «Александр (Македонский. — Е. Ш.) умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля; из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?»

Приближается похоронная процессия. Король, королева, Лаэрт, двор. Хоронят Офелию. Лаэрт прыгает в могилу и просит закопать его вместе с сестрой, фальшивой ноты не выносит Гамлет. Они схватываются с Лаэртом. «Ее любил я; сорок тысяч братьев / всем множеством своей любви со мною не уравнялись бы» — в этих знаменитых словах Гамлета подлинное, глубокое чувство.

Король их разнимает. Его не устраивает непредсказуемый поединок. Он напоминает Лаэрту: «Будь терпелив и помни о вчерашнем; / Мы двинем дело к быстрому концу».

Горацио и Гамлет одни. Гамлет рассказывает Горацио, что ему удалось прочесть письмо короля. В нем содержалась просьба немедленно казнить Гамлета. Провидение хранило принца, и, воспользовавшись печаткой отца, он подменил письмо, в котором написал:

«Подателей немедля умертвить». И с этим посланием Розенкранц и Гильдестерн плывут навстречу своей гибели. На корабль напали разбойники, Гамлет попал в плен и был доставлен в Данию. Теперь он готов к мщению.

Появляется Озрик — приближенный короля — и сообщает о том, что король побился об заклад, что Гамлет победит Лаэрта в поединке. Гамлет соглашается на поединок, но на сердце у него тяжесть, оно предчувствует ловушку.

Перед поединком он просит извинения у Лаэрта: «Мой поступок, задевший вашу честь, природу, чувство, / — Я это заявляю, — был безумным».

Король приготовил для верности еще одну западню — он поставил кубок с отравленным вином, чтоб дать его Гамлету, когда тот захочет пить. Лаэрт ранит Гамлета, они меняются рапирами, Гамлет ранит Лаэрта. Королева выпивает отравленное вино за победу Гамлета. Король не сумел ее остановить. Королева умирает, но успевает сказать: «О, Гамлет мой, — питье! Я отравилась». Лаэрт признается Гамлету в предательстве: «Король, король виновен…»

Гамлет отравленным клинком поражает короля, И сам умирает. Горацио хочет допить отравленное вино, чтобы последовать за принцем. Но умирающий Гамлет просит: «Дыши в суровом мире, чтоб мою / Поведать повесть».

Горацио сообщает Фортинбрасу и английским послам о произошедшей трагедии.

Фортинбрас дает распоряжение: «Пусть Гамлета поднимут на помост, как воина…»

Е. С. Шипова

Отелло (Othello)

Трагедия (1604)

Венеция. У дома сенатора Брабанцио венецианский дворянин Родриго, безответно влюбленный в дочь сенатора Дездемону, упрекает своего дружка Яго за то, что тот принял чин поручика от Огелло, родовитого мавра, генерала на венецианской службе. Яго оправдывается: он и сам ненавидит своевольного африканца за то, что тот в обход Яго, профессионального военного, назначил своим заместителем (лейтенантом) Кассио, ученого-математика, который к тому же моложе Яго годами. Яго намерен отомстить и Огелло и Кассио. Закончив препирательства, приятели поднимают крик и будят Брабанцио. Они сообщают старику, что его единственная дочь Дездемона бежала с Огелло. Сенатор в отчаянии, он уверен, что его дитя стало жертвой колдовства. Яго уходит, а Брабанцио и Родриго отправляются за караульными, чтобы с их помощью арестовать похитителя.

С фальшивым дружелюбием Яго спешит предупредить Огелло, только что обвенчавшегося с Дездемоной, что его новоиспеченный тесть в ярости и вот-вот заявится сюда. Благородный мавр не желает скрываться: «…Я не таюсь. / Меня оправдывают имя, званье / И совесть». Появляется Кассио: дож срочно требует к себе прославленного генерала. Входит Брабанцио в сопровождении стражи, он хочет арестовать своего обидчика. Огелло останавливает готовую вспыхнуть стычку и с мягким юмором отвечает тестю. Выясняется, что Брабанцио тоже должен присутствовать на чрезвычайном совете у главы республики — дожа.

В зале совета переполох. То и дело появляются гонцы с противоречивыми известиями. Ясно одно: турецкий флот идет к Кипру; чтобы овладеть им. Вошедшему Огелло дож объявляет о срочном назначении: «храброго мавра» отправляют воевать против турок. Однако Брабанцио обвиняет генерала в том, что он привлек Дездемону силой колдовских чар, и она кинулась «на грудь страшилища чернее сажи, / Вселяющего страх, а не любовь». Отелло просит послать за Дездемоной и выслушать ее, а тем временем излагает историю своей женитьбы: бывая в доме Брабанцио, Отелло по его просьбе рассказывал о своей полной приключений и горестей жизни. Юную дочь сенатора поразила

сила духа этого уже немолодого и совсем не красивого человека, она плакала над его рассказами и первой призналась в любви. «Я ей своим бесстрашьем полюбился, / Она же мне — сочувствием своим». Вошедшая вслед за служителями дожа Дездемона кротко, но твердо отвечает на вопросы отца: «…я отныне / Послушна мавру, мужу моему». Брабанцио смиряется и желает молодым счастья. Дездемона просит разрешить ей отправиться вслед за мужем на Кипр. Дож не возражает, и Отелло поручает Дездемону попечению Яго и его жены Эмилии. Они должны отплыть на Кипр вместе с ней. Молодые удаляются. Родриго в отчаянии, он собирается утопиться. «Попробуй только это сделать, — говорит ему Яго, — и я навсегда раздружусь с тобою». С цинизмом, не лишенным остроумия, Яго призывает Родриго не поддаваться чувствам. Все еще переменится — мавр и очаровательная венецианка не пара, Родриго еще насладится возлюбленной, месть Яго совершится именно таким образом. «Набей потуже кошелек» — эти слова коварный поручик повторяет много раз. Обнадеженный Родриго уходит, а мнимый друг смеется над ним: «…мне этот дурень служит кошельком и даровой забавой…» Мавр тоже простодушен и доверчив, так не шепнуть ли ему, что Дездемона слишком приветлива с Кассио, а тот ведь и красив, и манеры у него отличные, ну чем не соблазнитель?

Жители Кипра ликуют: сильнейший шторм разбил турецкие галеры. Но этот же шторм разметал по морю идущие на помощь венецианские суда, так что Дездемона сходит на берег раньше своего мужа. Пока его корабль не пристал, офицеры развлекают ее болтовней. Яго подвергает осмеянию всех женщин: «Все вы в гостях — картинки, / Трещотки дома, кошки — у плиты, / Сварливые невинности с когтями, / Чертовки в мученическом венце». И это еще самое мягкое! Дездемона возмущается его казарменным юмором, но Кассио заступается за сослуживца: Яго — солдат, «он режет напрямоту». Появляется Отелло. Встреча супругов необычайно нежна. Перед отходом ко сну генерал поручает Кассио и Яго проверить караулы. Яго предлагает выпить «за черного Отелло» и, хотя Кассио плохо переносит вино и пытается отказаться от выпивки, все же подпаивает его. Теперь лейтенанту море по колено, и Родриго, подученный Яго, легко провоцирует его на ссору. Один из офицеров пытается их разнять, но Кассио хватается за меч и ранит незадачливого миротворца. Яго с помощью Родриго поднимает тревогу. Бьет набат. Появившийся Отелло выясняет у «честного Яго» подробности драки, заявляет, что Яго выгораживает своего друга Кассио по доброте души, и отстраняет лейтенанта от должности. Кассио протрезвел и сгорает от стыда. Яго «от любящего сердца» дает

ему совет: искать примирения с Отелло через его жену, ведь она так великодушна. Кассио с благодарностями уходит. Он не помнит, кто его напоил, спровоцировал на драку и оклеветал перед товарищами. Яго в восторге — теперь Дездемона просьбами за Кассио сама поможет очернить свое доброе имя, и он погубит всех своих врагов, используя их лучшие качества.

Дездемона обещает Кассио свое заступничество. Они оба тронуты добротой Яго, который так искренне переживает чужую беду. Тем временем «добряк» уже начал потихоньку вливать яд в генеральские уши. Отелло сначала даже не понимает, почему его уговаривают не ревновать, потом начинает сомневаться и, наконец, просит Яго («Этот малый кристальной честности…») следить за Дездемоной. Он расстроен, вошедшая жена решает, что дело в усталости и головной боли. Она пытается повязать голову мавра платком, но тот отстраняется, и платок падает наземь. Его поднимает компаньонка Дездемоны Эмилия. Она хочет порадовать мужа — тот давно просил ее украсть платок, семейную реликвию, перешедшую к Отелло от матери и подаренную им Дездемоне в день свадьбы. Яго хвалит жену, но не говорит ей, зачем ему понадобился платок, только велит помалкивать.

Измученный ревностью мавр не может поверить в измену любимой жены, но уже не в силах избавиться от подозрений. Он требует от Яго прямых доказательств своего несчастья и угрожает ему страшной расплатой за клевету. Яго разыгрывает оскорбленную честность, но «из дружбы» готов предоставить косвенные доказательства: он сам слышал, как во сне Кассио проболтался о своей близости с женой генерала, видел, как тот утирался платком Дездемоны, да-да, тем самым платком. Доверчивому мавру этого довольно. Он на коленях приносит обет мщения. Яго тоже бросается на колени. Он клянется помочь оскорбленному Отелло. Генерал дает ему три дня на убийство Кассио. Яго согласен, но лицемерно просит пощадить Дездемону. Отелло назначает его своим лейтенантом.

Дездемона снова просит мужа простить Кассио, но тот ничего не слушает и требует показать дареный платок, обладающий магическими свойствами хранить красоту владелицы и любовь ее избранника. Поняв, что платка у жены нет, он в ярости уходит.

Кассио находит дома платок с красивым узором и дает его своей подружке Бианке, чтобы она скопировала вышивку, пока не нашелся владелец.

Яго, делая вид, что успокаивает Отелло, ухитряется довести мавра до обморока. Затем он уговаривает генерала спрятаться и наблюдать за его разговором с Кассио. Говорить они будут,

конечно, о Дездемоне. На самом же деле он расспрашивает молодого человека о Бианке. Кассио со смехом рассказывает об этой ветреной девице, Отелло же в своем укрытии не слышит половины слов и уверен, что смеются над ним и его женой. На беду, является сама Бианка и бросает драгоценный платок в лицо возлюбленному, ведь это наверняка подарок какой-то шлюхи! Кассио убегает успокаивать ревнивую прелестницу, а Яго продолжает распалять чувства одураченного мавра. Он советует задушить неверную в постели. Отелло соглашается. Внезапно прибывает посланник сената. Это родственник Дездемоны Лодовико. Он привез приказ: генерала отзывают с Кипра, власть он должен передать Кассио. Дездемона не может сдержать радости. Но Отелло понимает ее по-своему. Он оскорбляет жену и ударяет ее. Окружающие поражены.

В разговоре с глазу на глаз Дездемона клянется мужу в своей невинности, но тот лишь убеждается в ее лживости. Отелло вне себя от горя. После ужина в честь Лодовико он идет проводить почетного гостя. Жене мавр приказывает отпустить Эмилию и лечь в постель. Та рада — муж, кажется, стал мягче, но все же Дездемону мучит непонятная тоска. Ей все время вспоминается слышанная в детстве печальная песня про иву и несчастная девушка, певшая ее перед смертью. Эмилия пытается успокоить госпожу своей нехитрой житейской мудростью. Она считает, что лучше бы Дездемоне и вовсе не встречаться в жизни с Отелло. Но та любит мужа и не могла бы ему изменить даже за «все сокровища вселенной».

По наущению Яго Родриго пытается убить Кассио, возвращающегося ночью от Бианки. Панцирь спасает Кассио жизнь, он даже ранит Родриго, но Яго, напав из засады, успевает искалечить Кассио и прикончить Родриго. На улице появляются люди, и Яго старается направить подозрения на преданную Бианку, которая прибежала и причитает над Кассио, при этом он произносит массу ханжеских сентенций.

…Отелло целует уснувшую Дездемону. Он знает, что сойдет с ума, убив возлюбленную, но не видит другого выхода. Дездемона просыпается. «Ты перед сном молилась, Дездемона?». Несчастная не в состоянии ни доказать свою невинность, ни убедить мужа сжалиться. Он душит Дездемону, а потом, чтобы сократить ее мучения, закалывает кинжалом. Вбежавшая Эмилия (она сначала не видит тела хозяйки) сообщает генералу о ранении Кассио. Смертельно раненная Дездемона успевает крикнуть Эмилии, что умирает безвинно, но отказывается назвать убийцу. Отелло признается Эмилии сам: Дездемона убита за неверность, коварство и лживость, а разоблачил ее измену муж Эмилии и

друг Отелло «верный Яго». Эмилия зовет людей: «Мавр убил свою жену!» Она все поняла. В присутствии вошедших офицеров, а также и самого Яго она разоблачает его и объясняет Отелло историю с платком. Отелло в ужасе: «Как терпит небо? Какой неописуемый злодей!» — и пытается заколоть Яго. Но Яго убивает жену и убегает. Отчаянию Отелло нет предела, он называет себя «низким убийцей», а Дездемону «девочкой с несчастной звездой». Когда вводят арестованного Яго, Отелло его ранит и после объяснения с Кассио закалывается сам. Перед своей смертью он говорит, что «был… ревнив, но в буре чувств впал в бешенство…» и «собственной рукой поднял и выбросил жемчужину». Все отдают должное мужеству генерала и величию его души. Кассио остается правителем Кипра. Ему приказано судить Яго и предать мучительной смерти.

И. А. Быстрова

Король Лир (King Lear)

Трагедия (1606, опубл. 1607)

Место действия — Британия. Время действия — XI в. Могущественный король Лир, почувствовав приближение старости, решает переложить бремя власти на плечи трех дочерей: Гонерильи, Реганы и Корделии, поделив между ними свое царство. Король хочет услышать от дочерей, как они его любят, «чтоб при разделе могли мы нашу щедрость проявить».

Первой выступает Гонерилья. Рассыпая лесть, она говорит, что любит отца, «как не любили дети / Доныне никогда своих отцов». Ей вторит сладкоречивая Регана: «Не знаю радостей других, помимо / Моей большой любви к вам, государь!» И хотя фальшь этих слов режет ухо, Лир внимает им благосклонно. Очередь младшей, любимой Корделии. Она скромна и правдива и не умеет публично клясться в чувствах. «Я вас люблю как долг велит, / Не больше и не меньше». Лир не верит ушам: «Корделия, опомнись и исправь ответ, чтоб после не жалеть». Но Корделия не может лучше выразить свои чувства: «Вы дали жизнь мне, добрый государь, / Растили и любили. В благодарность / Я тем же вам плачу». Лир в бешенстве: «Так молода и так черства душою?» — «Так молода, милорд, и прямодушна», — отвечает Корделия.

В слепой ярости король отдает все царство сестрам Корделии, ей в приданое оставляя лишь ее прямоту. Себе он выделяет сто человек охраны и право жить по месяцу у каждой из дочерей.

Граф Кент, друг и приближенный короля, предостерегает его от столь поспешного решения, умоляет отменить его: «Любовь

Корделии не меньше их <…> Гремит лишь то, что пусто изнутри…» Но Лир уже закусил удила- Кент противоречит королю, называет его взбалмошным стариком — значит, он должен покинуть королевство. Кент отвечает с достоинством и сожалением: «Раз дома нет узды твоей гордыне, / То ссылка здесь, а воля на чужбине».

Один из претендентов на руку Корделии — герцог Бургундский — отказывается от нее, ставшей бесприданницей. Второй претендент — король Франции — потрясен поведением Лира, а еще более герцога Бургундского. Вся вина Корделии «в пугливой целомудренности чувств, стыдящихся огласки». «Мечта и драгоценный клад, / Будь королевой Франции прекрасной…» — говорит он Корделии. Они удаляются. На прощание Корделия обращается к сестрам: «Я ваши свойства знаю, / Но, вас щадя, не буду называть. / Смотрите за отцом, Его с тревогой / Вверяю вашей показной любви».

Граф Глостер, служивший Лиру много лет, огорчен и озадачен тем, что Лир «внезапно, под влиянием минуты» принял столь ответственное решение. Он и не подозревает, что вокруг него самого плетет интригу Эдмунд, его незаконнорожденный сын. Эдмунд задумал очернить своего брата Эдгара в глазах отца, чтобы завладеть его частью наследства. Он, подделав почерк Эдгара, пишет письмо, в котором якобы Эдгар замышляет убить отца, и подстраивает все так, чтобы отец прочел это письмо. Эдгара, в свою очередь, он уверяет, что отец замышляет против него что-то недоброе, Эдгар предполагает, что его кто-то оклеветал. Эдмунд сам себя легко ранит, а представляет дело так, будто он пытался задержать Эдгара, покушавшегося на отца. Эдмунд доволен — он ловко оплел двух честных людей клеветой: «Отец поверил, и поверил брат. / Так честен он, что выше подозрений. / Их простодушием легко играть». Его происки удались: граф Глостер, поверив в виновность Эдгара, распорядился найти его и схватить. Эдгар вынужден бежать.

Первый месяц Лир живет у Гонерильи. Она только и ищет повод показать отцу, кто теперь хозяин. Узнав, что Лир прибилее шута, Гонерилья решает «приструнить» отца. «Сам отдал власть, а хочет управлять / По-прежнему! Нет, старики — как дети, / И требуется строгости урок».

Лиру, поощряемые хозяйкой, откровенно грубят слуги Гонерильи. Когда король хочет поговорить об этом с дочерью, она уклоняется от встречи с отцом. Шут горько высмеивает короля: «Ты обкорнал свой ум с обеих сторон / И ничего не оставил в середке».

Приходит Гонерилья, речь ее груба и дерзка. Она требует,

чтобы Лир распустил половину своей свиты, оставив малое число людей, которые не будут «забываться и буйствовать». Лир сражен. Он думает, что его гнев подействует на дочь: «Ненасытный коршун, / Ты лжешь! Телохранители мои / Испытанный народ высоких качеств…» Герцог Альбанский, муж Гонерильи, пытается заступиться за Лира, не находя в его поведении того, что могло вызвать столь унизительное решение. Но ни гнев отца, ни заступничество мужа не трогают жестокосердую.

Переодетый Кент не покинул Лира, он пришел наниматься к нему в услужение. Он считает своим долгом быть рядом с королем, который, это очевидно, в беде. Лир отправляет Кента с письмом к Регане. Но одновременно Гонерилья шлет к сестре своего гонца.

Лир еще надеется — у него есть вторая дочь. У нее он найдет понимание, ведь он дал им все — «и жизнь, и государство». Он велит седлать коней и в сердцах бросает Гонерилье: «Я расскажу ей про тебя. Она / Ногтями исцарапает, волчица, / Лицо тебе! Не думай, я верну / Себе всю мощь, / Которой я лишился, / Как ты вообразила…»

Перед замком Глостера, куда приехала Регана с мужем, чтоб решить споры с королем, столкнулись два гонца: Кент — короля Лира, и Освальд — Гонерильи. В Освальде Кент узнает придворного Гонерильи, которого он оттузил за непочтительность Лиру. Освальд поднимает крик. На шум выходят Регана и ее муж, герцог Корнуэльский. Они приказывают надеть на Кента колодки. Кент разгневан унижением Лира: «Да будь я даже / Псом вашего отца, а не послом, / Не нужно бы со мной так обращаться». Граф Глостер безуспешно пытается вступиться за Кента.

Но Регане нужно унизить отца, чтоб знал, у кого нынче власть. Она ведь из того же теста, что и сестра. Это хорошо понимает Кент, он предвидит, что ждет Лира у Реганы: «Попал ты из дождя да под капель…»

Лир застает своего посла в колодках. Кто посмел! Ведь это хуже убийства. «Ваш зять и ваша дочь», — говорит Кент. Лир не хочет верить, но понимает, что это правда. «Меня задушит этот приступ боли! / Тоска моя, не мучь меня, отхлынь! / Не подступай с такою силой к сердцу!» Шут комментирует ситуацию: «Отец в лохмотьях на детей / Наводит слепоту. / Богач отец всегда милей и на ином счету».

Лир хочет поговорить с дочерью. Но она устала с дороги, не может его принять. Лир кричит, негодует, бушует, хочет взломать дверь…

Наконец Регана и герцог Корнуэльский выходят. Король

пытается рассказать, как выгнала его Гонерилья, но Регана, не слушая, предлагает ему вернуться к сестре и попросить у нее прощения. Не успел Лир опомниться от нового унижения, как появляется Гонерилья. Сестры наперебой сражают отца своей жестокостью. Одна предлагает уменьшить свиту наполовину, другая — до двадцати пяти человек, и, наконец, обе решают: ни одного не нужно.

Лир раздавлен: «Не ссылайтесь на то, что нужно. Нищие и те / В нужде имеют что-нибудь в избытке. / Сведи к необходимости всю жизнь, / И человек сравняется с животным…».

Его слова, кажется, способны из камня выжать слезы, но не из дочерей короля… И он начинает осознавать, как был несправедлив с Корделией.

Надвигается буря. Воет ветер. Дочери бросают отца на произвол стихий. Они замыкают ворота, оставляя Лира на улице, «…ему наука на будущее время». Этих слов Реганы Лир уже не слышит.

Степь. Бушует буря. С неба низвергаются потоки воды. Кент в степи в поисках короля сталкивается с придворным из его свиты. Он доверяется ему и рассказывает, что между герцогами Корнуэльским и Альбанским «мира нет», что во Франции известно о жестоком обращении «со старым нашим добрым королем». Кент просит придворного поспешить к Корделии и сообщить ей «о короле, / О страшной роковой беде его», а в доказательство, что посланнику можно доверять, он, Кент, дает свое кольцо, которое узнает Корделия.

Лир бредет с шутом, одолевая ветер. Лир, не в силах справиться с душевной мукой, обращается к стихиям: «Вой, вихрь, вовсю! Жги молния! Лей ливень! / Вихрь, гром и ливень, вы не дочки мне, / Я вас не упрекаю в бессердечье. / Я царств вам не дарил, не звал детьми, ничем не обязал. Так да свершится / Вся ваша злая воля надо мной». На склоне лет он лишился своих иллюзий, их крах жжет ему сердце.

Кент выходит навстречу Лиру. Он уговаривает Лира укрыться в шалаше, где уже прячется бедный Том-Эдгар, прикинувшийся сумасшедшим. Том занимает Лира беседой. Граф Глостер не может бросить своего старого повелителя в беде. Жестокосердие сестер ему мерзко. Он получил известие, что в стране чужое войско. Пока придет помощь, надо укрыть Лира. Он рассказывает о своих планах Эдмунду. И тот решает еще раз воспользоваться доверчивостью Глостера, чтобы избавиться и от него. Он донесет на него герцогу. «Старик пропал, я выдвинусь вперед. / Он пожил — и довольно, мой черед».

Глостер, не подозревая о предательстве Эдмунда, ищет Лира.

Он набредает на шалаш, где укрылись гонимые. Он зовет Лира в пристанище, где есть «огонь и пища». Лир не хочет расставаться с нищим философом Томом. Том следует за ним на ферму при замке, где прячет их отец. Глостер ненадолго уходит в замок. Лир в порыве безумия устраивает суд над дочерьми, предлагая Кенту, шуту и Эдгару быть свидетелями, присяжными. Он требует, чтобы Регане вскрыли грудь, чтоб посмотреть, не каменное ли там сердце… Наконец Лира удается уложить отдыхать. Возвращается Глостер, он просит путников быстрее ехать в Дувр, так как он «заговор против короля подслушал».

Герцог Корнуэльский узнает о высадке французских войск. Он посылает с этим известием к герцогу Альбанскому Гонерилью с Эдмундом. Освальд, шпионивший за Глостером, сообщает, что тот помог бежать королю и его приверженцам в Дувр. Герцог приказывает схватить Глостера. Его схватывают, связывают, издеваются над ним. Регана спрашивает графа, зачем он короля отправил в Дувр, вопреки приказу. «Затем, чтоб не видать, / Как вырвешь ты у старика глаза / Когтями хищницы, как клык кабаний / Вонзит твоя свирепая сестра / В помазанника тело». Но он уверен, что увидит, «как гром испепелит таких детей». При этих словах герцог Корнуэл вырывает у беспомощного старика глаз. Слуга графа, не в силах выносить зрелища глумления над стариком, обнажает меч и смертельно ранит герцога Корнуэльского, но и сам получает ранение. Слуга хочет немного утешить Глостера и призывает его оставшимся глазом взглянуть, как он отмщен. Герцог Корнуэльский перед смертью в припадке злобы вырывает второй глаз. Глостер призывает сына Эдмунда к отмщению и узнает, что это он предал отца. Он понимает, что Эдгар был оклеветан. Ослепленного, убитого горем Глостера выталкивают на улицу. Регана провожает его словами: «Гоните в шею! / Носом пусть найдет дорогу в Дувр».

Глостера провожает старый слуга. Граф просит оставить его, чтоб не навлекать на себя гнев. На вопрос, как же он найдет дорогу, Глостер с горечью отвечает: «Нет у меня пути, / И глаз не надо мне. Я оступался, / когда был зряч. <…> Бедный мой Эдгар, несчастная мишень / слепого гнева / отца обманутого…» Эдгар это слышит. Он вызывается стать поводырем слепого. Глостер просит отвести его на утес «большой, нависший круто над пучиной», чтобы свести счеты с жизнью.

Во дворец герцога Альбанского возвращается Гонерилья с Эдмундом, она удивлена, что «миротворец-муж» ее не встретил. Освальд рассказывает о странной реакции герцога на его рассказ о высадке войск, измене Глостера: «Что неприятно, то его смешит, / Что радовать должно бы, то печалит». Гонерилья, назвав мужа

«трусом и ничтожеством» отсылает Эдмунда обратно к Корнуэлу — предводительствовать войсками. Прощаясь, они клянутся друг Другу в любви.

Герцог Альбанский, узнав, как бесчеловечно поступили сестры со своим царственным отцом, встречает Гонерилью с презрением: «Не стоишь пыли ты, / Которой зря тебя осыпал ветер… Все корень знает свой, а если нет, / То гибнет, как сухая ветвь без соков». Но та, что скрывает «лик звериный под обличьем женским», глуха к словам мужа: «Довольно! Жалкий вздор!» Герцог Альбанский продолжает взывать к ее совести: «Что сделали, что натворили вы, / Не дочери, а сущие тигрицы. / Отца в годах, которого стопы / Медведь бы стад лизать благоговейно, / До сумасшествия довели! / Уродство сатаны / Ничто пред злобной женщины уродством…» Его прерывает гонец, который сообщает о смерти Корнуэла от руки слуги, вставшего на защиту Глостера. Герцог потрясен новым зверством сестер и Корнуэла. Он клянется отблагодарить Глостера за верность Лиру. Гонерилья же озабочена: сестра — вдова, и с ней Эдмунд остался. Это грозит ее собственным планам.

Эдгар ведет отца. Граф, думая, что перед ним край утеса, бросается и падает на том же месте. Приходит в себя. Эдгар убеждает его, что тот спрыгнул с утеса и чудом остался жив. Глостер отныне покоряется судьбе, покамест она сама не скажет: «уходи». Появляется Освальд, ему поручено убрать старика Глостера. Эдгар сражается с ним, убивает, а в кармане «льстеца раболепного злобной госпожи» находит письмо Гонерильи Эдмунду, в котором она предлагает убить мужа, чтобы самому занять его место.

В лесу они встречают Лира, причудливо убранного полевыми цветами. Его оставил разум. Речь его — смесь «бессмыслицы и смысла». Появившийся придворный зовет Лира, но Лир убегает.

Корделия, узнав о несчастьях отца, жестокосердии сестер, спешит к нему на помощь. Французский лагерь. Лир в постели. Врачи погрузили его в спасительный сон. Корделия молит богов «впавшему в младенчество отцу» вернуть ум. Лира во сне снова одевают в царское облачение. И вот он пробуждается. Видит плачущую Корделию. Он встает перед ней на колени и говорит: «Не будь со мной строга. / Прости. / Забудь. Я стар и безрассуден».

Эдмунд и Регана — во главе британского войска. Регана выпытывает у Эдмунда, нет ли у него любовной связи с сестрой. Он клянется в любви Регане, Входят с барабанным боем герцог Альбанский и Гонерилья. Гонерилья, видя сестру-соперницу рядом с Эдмундом, решает отравить ее. Герцог предлагает созвать

совет для того, чтобы составить план наступленья. Его находит переодетый Эдгар и вручает ему найденное у Освальда письмо Гонерильи. И просит его: в случае победы «пусть глашатай <…> К вам вызовет меня трубой». Герцог читает письмо и узнает об измене.

Французы побеждены. Эдмунд, вырвавшийся вперед со своим войском, берет в плен короля Лира и Корделию. Лир счастлив, что вновь обрел Корделию. Отныне они неразлучны. Эдмунд велит отвести их в тюрьму. Лира не страшит заточение: «Мы в каменной тюрьме переживем / Все лжеученья, всех великих мира, / Все смены их, прилив их и отлив<…> Как птицы в клетке будем петь. Ты станешь под мое благословенье, / Я на колени стану пред тобой, моля прощенье».

Эдмунд отдает тайный приказ умертвить их обоих.

Входит герцог Альбанский с войском, он требует выдать ему короля и Корделию, чтобы распорядиться их судьбой «в согласье с честью и благоразумием». Эдмунд отвечает герцогу, что Лир и Корделия взяты в плен и отправлены в тюрьму, но выдать их отказывается. Герцог Альбанский, прервав непристойную перебранку сестер из-за Эдмунда, обвиняет всех троих в государственной измене. Он показывает Гонерильеее письмо Эдмунду и объявляет, что, если никто не явится на зов трубы, он сам сразится с Эдмундом. На третий зов трубы выходит на поединок Эдгар. Герцог просит его открыть свое имя, но он говорит, что покуда оно «загрязнено клеветой». Братья сражаются. Эдгар смертельно ранит Эдмунда и открывает ему, кто мститель. Эдмунд понимает: «Колесо судьбы свершило / Свой оборот. Я здесь и побежден». Эдгар рассказывает герцогу Альбанскому о том, что разделял скитанья с отцом. Но перед этим поединком ему открылся и просил благословить. Во время его рассказа приходит придворный и докладывает, что Гонерилья закололась, перед этим отравив сестру. Эдмунд, умирая, сообщает о своем тайном приказе и просит всех поторопиться. Но поздно, злодейство совершилось. Входит Лир, неся мертвую Корделию. Столысо горя он вынес, а с потерей Корделии не может смириться. «Мою бедняжку удавили! / Нет, не дышит! / Коню, собаке, крысе можно жить, / Но не тебе. Тебя навек не стало…» Лир умирает. Эдгар пытается звать короля. Кент останавливает его: «Не мучь. Оставь в покое дух его. / Пусть он отходит. / Кем надо быть, чтобы вздергивать опять / Его на дыбу жизни для мучений?»

«Какой тоской душа не сражена, / Быть стойким заставляют времена» — заключительным аккордом звучат слова герцога Альбанского.

Е. С. Шипова

Макбет (Macbeth)

Трагедия (1606, опубл. 1623)

Место действия — Англия и Шотландия. Время действия — XI в. В военном лагере близ Форреса шотландский король Дункан выслушивает радостные известия: родич короля, отважный Макбет, разгромил войска бунтовщика Макдональда, а его самого убил в единоборстве. Сразу же после победы шотландская армия подверглась новому нападению — король Норвегии и его союзник, изменивший Дункану кавдорский тан (титул крупного феодала в Шотландии), двинули против нее свежие силы. И вновь Макбет и Банко, второй королевский полководец, одерживают верх над врагами. Норвежцы вынуждены заплатить огромную контрибуцию, изменник же взят в плен. Дункан приказывает казнить его, а титул передать храбрецу Макбету.

В степи под раскаты громы три ведьмы хвастают друг перед другом совершенными мерзостями. Появляются направляющиеся в Форрес Макбет и Банко. Вещуньи их ожидали. Они трижды приветствуют Макбета — как гламисского тана (это его наследственный титул), затем как тана кавдорского и, наконец, как будущего короля. Банко не пугается зловещих старух, он просит предсказать судьбу и ему. Ведьмы трижды возглашают хвалу Банко — он не король, но предок королей — и исчезают. Честный Банко нисколько не смущен предсказанием, ведьмы, по его мнению, всего лишь «пузыри земли». Появляются королевские посланцы, они торопят полководцев предстать перед Дунканом и поздравляют Макбета с новым титулом — тана кавдорского. Предсказания ведьм начинают сбываться. Банко советует Макбету не придавать этому значения: духи зла заманивают людей в свои сети подобием правды. Однако Макбет уже мечтает о троне, хотя мысль об открывающем к нему путь убийстве великодушного Дункана внушает ему омерзение и страх.

В Форресе Дункан со слезами радости приветствует своих военачальников. Он дарует своему старшему сыну Малькольму титул принца Комберлендского и объявляет его своим преемником на престоле. Остальные тоже будут осыпаны почестями. Чтобы особо отличить Макбета, король остановится на ночь в его замке. Макбет разъярен — между ним и троном появилась еще одна ступень. Честолюбивый тан уже готов пойти на преступление.

В замке Макбета его жена читает письмо от мужа. Она в

восторге от предсказанной ему судьбы. Да, Макбет достоин любых почестей и честолюбия ему не занимать, вот только не хватает готовности пойти на преступление ради власти. Но ведь он страшится не самого зла, а только необходимости совершить его собственной рукой. Что ж, она готова внушить мужу недостающую решимость! Когда опередивший королевский кортеж Макбет появляется в замке, жена тут же объявляет ему: Дункана следует убить в ту единственную ночь, которую он проведет у них в гостях. Когда в замке появляется король, у нее уже готов план убийства.

Макбет стыдится убить осыпавшего его милостями короля под своим кровом и боится возмездия за столь неслыханное злодеяние, однако жажда власти не оставляет его. Жена упрекает его в трусости. Неудачи быть не может: король устал, он быстро уснет, а его постельничих она опоит вином с сонным зельем. Дункана следует заколоть их оружием, это отведет подозрение от истинных виновников.

Пир завершен. Дункан, осыпав домашних Макбета подарками, удаляется в спальню. Макбет проникает туда вслед за ним и совершает убийство, но заметать его следы приходится леди Макбет. Сам тан слишком потрясен. Безжалостная женщина смеется над неуместной чувствительностью мужа, В ворота замка стучат. Это Макдуф, один из знатнейших вельмож Шотландии. Король приказал ему явиться чуть свет. Макбет уже успел переодеться в ночное платье и с видом любезного хозяина провожает Макдуфа к королевским покоям. Картина, которую тот, войдя, видит, ужасна — Дункан зарезан, а хмельные слуги перемазаны кровью господина. Якобы в припадке праведного гнева Макбет убивает не успевших прийти в себя постельничих. Их вина ни у кого не вызывает сомнения, кроме сыновей убитого, Малькольма и Дональбайна. Юноши решают бежать из этого осиного гнезда, замка Макбета. Но побег заставляет даже благородного Макдуфа заподозрить их в причастности к смерти отца. Новым королем избирают Макбета.

В королевском дворце в Форресе Макбет и леди Макбет (на них обоих королевские одежды) рассыпаются в любезностях перед Банко. Сегодня вечером они дают ужин, и главный гость на нем — Банко. Жаль, что он должен уехать по спешному делу, и дай Бог, если успеет вернуться к пиршеству. Как бы невзначай Макбет выясняет, что сын Банко будет сопровождать отца в поездке. Банко уходит. Макбет сознает, что смелый и в то же время рассудительный Банко — самый опасный для него человек. Но хуже то, что, если верить ведьмам (а ведь пока их предсказания сбывались!), бездетный Макбет запятнал себя гнусным

преступлением, из-за которого теперь ненавистен сам себе, чтобы после него царствовали внуки Банко! Нет, он будет бороться с судьбой! Макбет уже послал за убийцами. Это двое отчаявшихся неудачников. Король объясняет им, что Банко — виновник всех их несчастий, и простаки готовы отомстить, даже если им придется умереть. Макбет требует, чтобы они убили и Флинса, сына Банко. «Кто начал злом, для прочности итога / Все снова призывает зло в подмогу».

В парке дворца убийцы подстерегли Банко и Флинса, направляющихся на ужин к Макбету. Набросившись одновременно, они одолевают полководца, но Банко успевает предупредить сына. Мальчик спасается, чтобы отомстить за отца.

Макбет радушно рассаживает за столом своих приближенных, вот уже налита круговая чаша. Внезапно является один из убийц, но его новости не слишком радуют короля. «Змея убита, а змееныш жив», — говорит Макбет и снова поворачивается к гостям. Но что это? Королевское место за столом занято, на нем сидит окровавленный Банко! Призрак видим только для Макбета, и гости не понимают, к кому их повелитель обращается с гневными речами. Леди Макбет спешит объяснить странности мужа болезнью. Все расходятся, а успокоившийся Макбет говорит жене, что подозревает Макдуфа в измене: тот не явился на королевский пир, к тому же доносчики (а их король содержит во всех домах под видом слуг) сообщают о его «холодных чувствах». Наутро Макбет собирается к трем ведьмам, чтобы глубже заглянуть в будущее, но что бы они ни предрекли, он не отступит, для него уже любые средства хороши.

Макбет в пещере ведьм. Он требует ответа у высших духов, которых могут для него вызвать омерзительные старухи. И вот духи являются. Первый предупреждает: «Макдуфа берегись». Второй призрак обещает Макбету, что никто из рожденных женщиной не одолеет его в бою. Третий говорит, что Макбет не будет побежден, пока не пойдет приступом на королевский замок Дунсинан Бирнамский лес. Макбет в восторге от предсказаний — ему некого и нечего бояться. Но он хочет узнать, будет ли царствовать род Банко. Звучит музыка. Перед Макбетом проходят чередой восемь королей, восьмой держит в руке зеркало, в котором отражается бесконечная череда венценосцев в двойной короне и с тройным скипетром (это намек на короля Англии, Шотландии и Ирландии — Иакова I Стюарта, чьим предком как раз и был полулегендарный Банко). Сам Банко идет последним и с торжеством показывает Макбету пальцем на своих правнуков. Вдруг все — призраки, ведьмы — исчезают. В пещеру входит один из лордов и сообщает, что Макдуф бежал в Англию, где уже

нашел убежище старший сын Дункана.

В своем замке леди Макдуф узнает о бегстве мужа. Она растеряна, но все же пытается шутить с сыном. Мальчик смышлен не по годам, однако шутки получаются невеселые. Неожиданно явившийся простолюдин предупреждает леди Макдуф: ей надо скорее бежать вместе с детьми. Бедная женщина не успевает воспользоваться советом — убийцы уже в дверях. Малыш пытается вступиться за честь отца и жизнь матери, но негодяи походя закалывают его и бросаются за пытающейся убежать леди Макдуф.

Тем временем в Англии Макдуф пытается уговорить Малькольма выступить против тирана Макбета и спасти страдающую Шотландию. Но принц не соглашается, ведь владычество Макбета покажется просто раем по сравнению с его царствованием, так он от природы порочен — сластолюбив, жаден, жесток. Макдуф в отчаянии — ничто теперь не спасет несчастную родину. Малькольм спешит его утешить — подозревая ловушку, он испытывал Макдуфа. На самом деле его качества совсем не таковы, он готов выступить против узурпатора, а король Англии дает ему большое войско, которое поведет английский полководец Сивард, дядя принца. Входит лорд Росс, брат леди Макдуф. Он приносит страшные вести: Шотландия стала могилой своих детей, тирания нестерпима. Шотландцы готовы восстать. Макдуф узнаёт о гибели всей своей семьи. Даже его слуг вырезали приспешники Макбета. Благородный тан жаждет мести.

Глубокой ночью в Дунсинане придворная дама беседует с врачом. Ее беспокоит странная болезнь королевы, что-то вроде лунатизма. Но вот появляется сама леди Макбет со свечой в руке. Она трет руки, как бы желая отмыть с них кровь, которая никак не отмывается. Смысл ее речей темен и пугающ. Врач признается в бессилии своей науки — королеве нужен духовник.

Английские войска уже под Дунсинаном. К ним присоединяются восставшие против Макбета шотландские лорды.

В Дунсинане Макбет выслушивает известия о приближении неприятеля, но чего ему бояться? Разве его враги не рождены женщинами? Или выступил в поход Бирнамский лес?

А в Бирнамском лесу принц Малькольм отдает приказ своим солдатам: пусть каждый срубит ветку и несет перед собой. Это позволит скрыть от защитников замка численность нападающих. Замок — последняя твердыня Макбета, страна больше не признает тирана.

Макбет уже так очерствел душой, что неожиданная весть о смерти жены вызывает у него лишь досаду — не вовремя! Но вот

является гонец со странной и страшной вестью — Бирнамский лес двинулся на замок. Макбет в ярости — он верил в двусмысленные предсказания! Но если ему суждена гибель, он погибнет как воин, в бою. Макбет приказывает трубить сбор войскам.

В гуще разыгравшегося сражения Макбет встречает молодого Сиварда, сына английского военачальника. Юноша не страшится своего грозного противника, смело вступает с ним в поединок и гибнет. Макдуф же еще не обнажил меч, он не собирается «рубить крестьян наемных», его враг — только сам Макбет. И вот они встречаются. Макбет хочет избежать схватки с Макдуфом, впрочем, он не боится его, как и всякого рожденного женщиной. И тут Макбет узнаёт, что Макдуф не был рожден. Его до срока вырезали из материнской утробы. Ярость и отчаяние Макбета безграничны. Но сдаваться он не собирается. Враги бьются насмерть.

Войска законного наследника Малькольма одержали верх. Под развернутыми знаменами слушает он донесения своих приближенных. Сивард-отец узнает о гибели сына, но когда ему говорят, что юноша погиб от раны спереди — в лоб, утешается. Лучшей смерти желать нельзя. Входит Макдуф, неся голову Макбета. Все вслед за ним приветствуют Малькольма криками: «Да здравствует шотландский король!» Играют трубы. Новый повелитель объявляет, что специально, чтобы наградить своих сторонников, он впервые в Шотландии вводит графский титул. Теперь следует заняться неотложными делами: вернуть на родину бежавших от тирании Макбета и примерно наказать его клевретов. Но первым делом следует направиться в замок Скон, чтобы в нем по старинному обычаю короноваться.

И. А. Быстрова

Антоний и Клеопатра (Anthony and Cleopatra)

Трагедия (1607)

В Александрии триумвир Марк Антоний опутан шелковыми сетями египетской царицы Клеопатры и предается любви и разгулу. Сторонники Антония ворчат: «Один из главных трех столпов вселенной / На положенье бабьего шута». Все же Антоний решает покинуть Египет, узнав, что его жена Фульвия, поднявшая мятеж против второго триумвира, Октавия Цезаря, умерла и что Секст Помпей, сын Помпея Великого, бросил Цезарю вызов. Узнав об этом решении, царица осыпает Антония упреками и насмешками, но он неколебим. Тогда Клеопатра смиряется: «Тебя отсюда отзывает честь. / Пожалуйста, будь глух к моим

причудам». Антоний смягчен и нежно прощается с любимой.

В Риме двое триумвиров. Цезарь и Лепид, обсуждают поведение Антония. Лепид старается напомнить о достоинствах отсутствующего соправителя, но расчетливый и холодный Цезарь не находит для него оправданий. Он озабочен дурными известиями, приходящими со всех концов, и хочет, чтобы Антоний, «позабыв разврат и кутежи», вспомнил свою былую доблесть.

Покинутая Клеопатра не находит себе места во дворце. Она бранит служанок, недостаточно, поее мнению, восхищающихся Антонием, вспоминает ласковые прозвища, которые он давал ей. Ежедневно она шлет гонцов к любимому и радуется каждой вести от него.

Помпей в окружении соратников выражает надежду, что очарованный Клеопатрой Антоний никогда не явится на помощь союзникам. Однако ему сообщают, что Антоний вот-вот въедет в Рим. Помпей огорчен: Антоний «как военный <…> вдвое больше двух своих друзей».

В доме Лепида Цезарь обвиняет Антония в оскорблении его гонцов и в том, что он подбивал Фульвию к войне с ним. Лепид и приближенные обоих триумвиров тщетно пытаются примирить их, пока Агриппе, военачальнику Цезаря, не приходит счастливая мысль: женить овдовевшего Антония на сестре Цезаря Октавии: «Родство вам даст уверенность друг в друге». Антоний согласен: «Я с этим предложеньем и во сне / Не стал бы долго мешкать. Руку, Цезарь!» Он вместе с Цезарем отправляется к Октавии. Агриппа и Меценат расспрашивают приближенного Антония, циничного насмешника и прославленного рубаку Энобарба о жизни в Египте и о царице этой страны. Энобарб с юмором говорит о разгуле, которому предавался вместе со своим вождем, и восхищенно отзывается о Клеопатре: «Ее разнообразью нет конца. / Пред ней бессильны возраст и привычка, / Другие пресыщают, а она / Все время будит новые желанья. / Она сумела возвести разгул / На высоту служенья…» Меценат все-таки находит нужным отметить и достоинства Октавии. Агриппа приглашает Энобарба, пока он в Риме, жить в его доме.

Египетский прорицатель уговаривает Антония покинуть Рим. Он чувствует: демон-хранитель его господина «удачлив и велик, / Но лишь вдали от Цезарева духа…». Антоний и сам это понимает: «В Египет! Я женюсь для тишины, / Но счастье для меня лишь на Востоке».

В Александрии Клеопатра предается радостным воспоминаниям о жизни с Антонием. Входит гонец. Клеопатра, узнав, что Антоний здоров, готова осыпать его жемчугом, но,

услышав о женитьбе Антония, едва не убивает вестника.

Молодой Помпей соглашается примириться с триумвирами на их условиях из уважения к Антонию. Мир решено отметить пирами. Первый — на галере Помпея. Когда вожди уходят, приближенный Помпея Менас говорит Энобарбу: «Сегодня Помпей просмеет свое счастье». Энобарб соглашается с ним. Они оба считают, что брак Антония не приведет к долгому миру с Цезарем и не будет прочен: каждый был бы рад такой жене, как Октавия, со святым, тихим и спокойным характером, только не Антоний. «Ему снова захочется египетского блюда». И тогда та, что сближает Антония и Цезаря, будет виновницей их ссоры.

На пиру, когда все уже упились и веселье в полном разгаре, Менас предлагает Помпею потихоньку выйти в море и там перерезать глотки трем его врагам. Так Помпей станет повелителем вселенной. «Ты лучше б это сам без спросу сделал», — отвечает Помпей. Он мог бы одобрить усердие приближенного, но не пойдет на подлость сам. Рассудительный трезвенник Цезарь хочет прекратить пирушку. На прощанье Антоний и Энобарб заставляют всех танцевать. Последнюю чашу Помпей и Антоний договариваются выпить на берегу.

В Риме Цезарь сердечно прощается с сестрой и Антонием, уезжающими в Афины. Военачальники обоих триумвиров насмешливо комментируют сцену проводов.

В Александрии Клеопатра расспрашивает гонца о внешности жены Антония. Наученный горьким опытом гонец всячески принижает достоинства Октавии — и удостаивается похвалы.

Антоний провожает жену в Рим. Он перечисляет обиды, причиненные ему Цезарем, и просит Октавию быть посредницей в примирении. Энобарб и оруженосец Антония, Эрос, обсуждают новости:

Помпей убит, Лепид, которым Цезарь воспользовался против Помпея, обвинен Цезарем же в измене и арестован. «Теперь весь мир как две собачьих пасти. / Чем только ни корми их, все равно / Одна сожрет другую». Антоний в бешенстве. Война с Цезарем — дело решенное.

В Риме Цезарь с полководцами обдумывает вызывающие поступки Антония и свои ответные меры. Появившаяся Октавия пытается оправдать мужа, но брат говорит ей, что Антоний бросил ее ради Клеопатры и вербует сторонников для войны.

Цезарь молниеносно перебрасывает войска в Грецию. Антоний наперекор советам Энобарба, командующего сухопутными силами Канидия и даже простого легионера, с которым он дружески беседует, решает сразиться на море. Клеопатра также участвует в походе, по поводу чего Канидий

замечает: «Нашего вождя / На помочах чужие руки водят. / Мы все тут слуги женские». В разгар морского боя корабли Клеопатры повернули назад и умчались, а «Антоний бросил нерешенный бой / И кинулся как селезень за уткой». Канидий с армией вынужден сдаться.

Антоний в Александрии. Он подавлен и советует приближенным перейти к Цезарю и хочет щедро одаритьих на прощание. Он упрекает Клеопатру за свое унижение. Царица, рыдая, просит прощения — и прощена. «При виде слез твоих перестает / Тревожить остальное». К Цезарю, который уже в Египте, Антоний посылает учителя своих детей — больше некого. Его просьбы скромны — разрешить ему жить в Египте или даже «скоротать свой век в Афинах». Клеопатра же просит оставить египетскую корону для своего потомства. Цезарь отказывает в просьбе Антонию, а Клеопатре передает, что пойдет ей навстречу, если она изгонит Антония или казнит его. Он посылает Тирея переманить царицу на свою сторону любыми посулами. «Нет стойких женщин даже в дни удач, / А в горе и весталка ненадежна».

Антоний, узнав об ответе Цезаря, вновь посылает к нему учителя, на этот раз с вызовом на поединок. Слыша это, Энобарб говорит: «О Цезарь, ты не только разгромил / Войска Антония, но и рассудок», Входит Тирей. Клеопатра охотно выслушивает его посулы и даже дает руку для поцелуя. Это видит Антоний и в ярости приказывает сечь посланца. Он зло корит Клеопатру за распутство. Как она могла подать руку, «священную <…> как царская присяга», проходимцу! Но Клеопатра клянется в любви, и Антоний верит. Он готов вступить с Цезарем в бой и выиграть его, а пока хочет устроить пир, чтобы развеселить приунывших сторонников. Энобарб с грустью наблюдает, как близкие люди и разум покидают его начальника. Он тоже готов оставить его.

Антоний дружески беседует со слугами, благодаря их за верность. Часовые перед дворцом слышат доносящиеся из-под земли звуки гобоев. Это дурной признак — покровитель Антония бог Геркулес оставляет его. Перед сражением Антоний узнает об измене Энобарба. Он приказывает отправить ему оставленное имущество и письмо с пожеланием удачи. Энобарб сломлен собственной низостью и великодушием Антония. Он отказывается от участия в битве и к исходу дня умирает с именем преданного им вождя на устах. Битва развивается успешно для Антония, но на второй день сражения измена египетского флота вырывает победу из его рук. Антоний уверен, что Клеопатра продала его сопернику. Увидев царицу, он набрасывается на нее с яростными обличениями и так пугает, что по совету прислужницы Клеопатра

запирается в гробнице и посылает сказать Антонию, что она покончила с собой. Теперь Антонию незачем жить. Он просит Эроса заколоть его. Но верный оруженосец закалывается сам. Тогда Антоний бросается на свой меч. Посланный от царицы опаздывает. Смертельно раненный Антоний приказывает телохранителям отнести себя к Клеопатре. Он утешает пораженных горем солдат. Умирая, Антоний говорит Клеопатре о своей любви и советует искать защиты у Цезаря. Царица безутешна и собирается, похоронив возлюбленного, последовать его примеру.

Цезарь в своем лагере узнает о смерти Антония. Первое его побуждение — в искренних и горестных словах воздать должное бывшему соратнику. Но с обычной рассудочностью он тут же обращается к делам. Соратник Цезаря Прокулей послан к Клеопатре с великодушными заверениями и приказом во что бы то ни стало удержать царицу от самоубийства. Но другой приближенный Цезаря, Долабелла, открывает истинные планы Прокулея горюющей о возлюбленном царице. Она должна будет пленницей участвовать в триумфе победителя. Входит Цезарь. Клеопатра становится перед ним на колени и показывает список своих сокровищ. Ее казначей уличает бывшую повелительницу во лжи: список далеко не полон. Цезарь притворно утешает царицу и обещает оставить ей все имущество. По его уходе Клеопатра приказывает служанкам пышно одеть ее. Она' вспоминает первую встречу с Антонием. Сейчас она вновь спешит к нему. По приказу царицы в покои вводят некоего поселянина. Он принес корзину с фигами, а в корзине — двух ядовитых змей. Клеопатра целует верных служанок и прикладывает змею к груди со словами: «Ну, разбойница моя, / Разрежь своими острыми зубами / Тугой житейский узел». Другую змею она прикладывает к руке. «Антоний! <…> Что медлить мне…» Обе служительницы кончают с собой таким же образом. Возвратившийся Цезарь приказывает похоронить царицу рядом с Антонием, «…судьбы жертв /.В потомстве будят то же уваженье, / Как победители».

И. А. Быстрова

Буря (The Tempest)

Романтическая трагикомедия (1611, опубл. 1623)

Действие пьесы происходит на уединенном острове, куда все вымышленные действующие лица перенесены из разных стран.

Корабль в море. Буря. Гром и молния. Команда судна пытается спасти его, но знатные пассажиры — неаполитанский

король Алонзо, его брат Себастьян и сын Фердинанд, герцог Миланский Антонио и сопровождающие короля вельможи отвлекают моряков от работы. Боцман отправляет пассажиров по каютам в самых нелицеприятных выражениях. Когда старый добродетельный советник короля Гонзало пытается прикрикнуть на него, моряк отвечает: «Этим ревущим валам нет дела до королей! Марш по каютам!» Однако усилия команды ни к чему не приводят — под жалобные вопли одних и проклятия других корабль идет ко дну. Это зрелище разрывает сердце пятнадцатилетней Миранды, дочери могучего волшебника Просперо. Они с отцом живут на острове, о берега которого разбивается несчастное судно. Миранда молит отца использовать свое искусство и усмирить море. Просперо успокаивает дочь: «Я силою искусства своего / Устроил так, что все остались живы». Мнимое кораблекрушение наколдовано магом, чтобы устроить судьбу любимой дочери. Впервые он решается рассказать Миранде историю их появления на острове. Двенадцать лет назад Просперо, в то время герцог Миланский, был свергнут с престола родным братом Антонио при поддержке неаполитанского короля Алонзо, которому узурпатор обязался платить дань. Умертвить Просперо сразу злодеи, однако, не решились: герцог был любим народом. Его вместе с дочерью посадили на негодное судно и бросили в открытом море. Спаслись они только благодаря Гонзало — сострадательный вельможа снабдил их припасами, а главное, говорит волшебник, «он мне позволил / С собою захватить те фолианты, / Что я превыше герцогства ценю». Эти книги — источник магической мощи Просперо. После вынужденного плавания герцог с дочерью попали на остров, который был уже населен: на нем жил омерзительный Калибан, сын злой колдуньи Сикораксы, изгнанной за многочисленные злодейства из Алжира, и дух воздуха Ариэль. Ведьма пыталась заставить Ариэля служить себе, но он «был слишком чист, чтоб выполнять / Ее приказы скотские и злые». За это Сикоракса зажала Ариэля в расщепленной сосне, где он мучился много лет без надежды на освобождение, так как старая колдунья умерла. Просперо освободил прекрасного и могущественного духа, но обязал в благодарность служить себе, пообещав свободу в будущем. Калибан же стал рабом Просперо, выполняющим всю черную работу.

Сначала маг пытался «цивилизовать» уродливого дикаря, научил говорить, но победить его низменную натуру не смог. Отец погружает Миранду в волшебный сон. Появляется Ариэль. Это он разбил неаполитанский флот, возвращавшийся из Туниса, где король праздновал свадьбу дочери с тунисским царем. Это он

пригнал королевский корабль к острову и разыграл кораблекрушение, запер команду в трюме и усыпил, а знатных пассажиров раскидал по берегу. Принц Фердинанд оставлен один в пустынном месте. Просперо приказывает Ариэлю обернуться морскою нимфой, причем видимой только самому волшебнику, и сладким пением заманить Фердинанда к пещере, в которой живут отец и дочь. Затем Просперо зовет Калибана. Калибан, считающий, что он «этот остров получил по праву / От матери», а волшебник его ограбил, грубит своему господину, а тот в ответ осыпает его упреками и страшными угрозами. Злой урод вынужден подчиниться. Появляется невидимый Ариэль, он поет, ему вторят духи. Влекомый волшебной музыкой, за Ариэлем следует Фердинанд. Миранда в восторге: «Что это? Дух? О Боже, / Как он прекрасен!» Фердинанд, в свою очередь увидев Миранду, принимает ее за богиню, так красива и мила дочь Просперо. Он объявляет, что он король неаполитанский, поскольку его отец только что погиб в волнах, а Миранду он хочет сделать королевой Неаполя. Просперо доволен взаимной склонностью молодых людей. «Они, / — говорит он, — друг другом очарованы. Но должно / Препятствия создать для их любви, / Чтоб легкостью ее не обесценить». Старик напускает на себя суровость и обвиняет принца в самозванстве. Несмотря на трогательные мольбы дочери, он побеждает сопротивляющегося Фердинанда с помощью колдовства и обращает в рабство. Фердинанд, однако, доволен: «Из моей тюрьмы хотя бы мельком / Увидеть эту девушку смогу». Миранда утешает его. Маг хвалит своего помощника Ариэля и обещает ему скорую свободу, пока же дает новые инструкции.

На другой стороне острова Алонзо оплакивает своего сына. Гонзало неуклюже пытается утешить короля. Антонио и Себастьян вышучивают престарелого царедворца. Они винят Алонзо в произошедших несчастьях. Под звуки торжественной музыки появляется невидимый Ариэль. Он навевает на короля и вельмож волшебный сон, но два злодея — Себастьян и узурпатор Антонио — остаются бодрствовать. Антонио подбивает Себастьяна на братоубийство, тот обещает ему награду за помощь. Мечи уже обнажены, но вмешивается, как всегда под музыку, Ариэль: он будит Гонзало, а тот всех остальных. Бессовестной парочке удается как-то вывернуться.

Калибан встречает в лесу шута Тринкуло и королевского дворецкого пьянчужку Стефано. Последний тут же угощает урода вином из спасенной бутылки. Калибан счастлив, он объявляет Стефано своим богом.

Фердинанд, обращенный Просперо в рабство, перетаскивает бревна. Миранда стремится помочь ему. Между молодыми

людьми происходит нежное объяснение. Растроганный Просперо незаметно наблюдает за ними.

Калибан предлагает Стефано убить Просперо и завладеть островом. Вся компания наливается. Они и на трезвую голову не ахти какие умники, а тут еще Ариэль принимается их дурачить и сбивать с толку.

Перед королем и его свитой под странную музыку появляется накрытый стол, но, когда они хотят приступить к еде, все исчезает, под громовые раскаты появляется Ариэль в образе гарпии. Он упрекает присутствующих за совершенное против Просперо злодеяние и, пугая ужасными муками, призывает к покаянию. Алонзо, его брат и Антонио сходят с ума.

Просперо объявляет Фердинанду, что все его муки — лишь испытание любви, которое он с честью выдержал. Просперо обещает дочь в жены принцу, а пока, чтобы отвлечь молодых людей от нескромных мыслей, приказывает Ариэлю и другим духам разыграть перед ними аллегорическое представление, естественно, с пением и танцами. По окончании призрачного спектакля названый тесть говорит принцу: «Мы созданы из вещества того же, / Что наши сны. И сном окружена / Вся наша маленькая жизнь».

Ведомые Калибаном, входят Стефано и Тринкуло. Напрасно дикарь призывает их к решительным действиям — жадные европейцы предпочитают стянуть с веревки специально на этот случай вывешенные Ариэлем яркие тряпки. Появляются духи в образе гончих псов, невидимые Просперо и Ариэль науськивают их на незадачливых воришек. Те с воплями убегают.

Ариэль рассказывает Просперо о муках преступных безумцев. Он испытывает к ним жалость. Просперо также не чужд сострадания — он хотел только привести злодеев к раскаянию: «Хотя обижен ими я жестоко, / Но благородный разум гасит гнев / И милосердие сильнее мести». Он приказывает привести к себе короля и его свиту. Ариэль исчезает. Оставшись один, Просперо говорит о своем решении оставить магию, сломать свой жезл и утопить волшебные книги. Под торжественную музыку появляются Алонзо и его свита. Просперо совершает свое последнее волшебство — он снимает чары безумия со своих обидчиков и предстает перед ними во всем величии и с герцогскими регалиями. Алонзо просит у него прощения. Себастьяну и Антонио Просперо обещает молчать об их преступном умысле против короля. Они напуганы всеведением мага. Просперо обнимает Гонзало и воздает ему хвалу. Ариэль не без грусти отпущен на волю и улетает с веселой песней. Просперо утешает короля, показав ему сына — тот жив и здоров, они с

Мирандой играют в пещере в шахматы и нежно беседуют. Миранда, увидев вновь прибывших, восхищена: «О чудо! / Какое множество прекрасных лиц! / Как род людской красив! И как хорош / Тот новый мир, где есть такие люди!» Свадьба решена. Глубокомысленный Гонзало провозглашает «Не для того ль был изгнан из Милана / Миланский герцог, чтоб его потомки / В Неаполе царили? О, ликуйте!» Являются моряки с чудом спасенного корабля. Он готов к отплытию. Ариэль приводит расколдованных Калибана, Стефано и Тринкуло. Все потешаются над ними. Просперо прощает воришек с условием, что они приберут пещеру. Кадибан полон раскаяния: «Исполню все. Прощенье заслужу / И стану впредь умней. Тройной осел! / Дрянного пьяницу считал я богом!» Просперо приглашает всех провести ночь в его пещере, с тем чтобы утром отплыть в Неаполь «на бракосочетание детей». Оттуда он собирается возвратиться в Милан, «чтоб на досуге размышлять о смерти». Он просит Ариэля сослужить последнюю службу — наколдовать попутный ветер, и прощается с ним. В эпилоге Просперо обращается к зрителям: «Все грешны, все прощенья ждут, / Да будет милостив ваш суд».

И. А. Быстрова

АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Григор Нарекаци [вторая половина X в.]

Книга скорбных песнопений

Лирико-мистическая поэма (ок. 1002)

Вардапет Григор, ученый монах Нарекского монастыря, поэт и мистик, автор толкования библейской «Песни песней», а также гимнографических сочинений и похвальных слов Кресту, Деве Марии и святым, в «Книге скорбных песнопений» смиренно обращается к Богу «…вместе с угнетенными — и с укрепившимися, вместе с оступившимися — и с поднявшимися, вместе с отверженными — и с воспринятыми». В книге 95 глав, каждая из которых охарактеризована как «Слово к Богу из глубин сердца». Нарекаци предназначает свое поэтическое творение, вдохновленное глубочайшей христианской верой всем: «…рабам и невольникам, знатным и высокородным, средним и вельможам, крестьянам и господам, мужчинам и женщинам».

Поэт, «кающийся» и бичующий себя «грешник» — это человек с высокими идеалами, ратующий за совершенствование личности, несущий бремя ответственности за род человеческий, которому присуще беспокойство и множество противоречий.

О чем скорбит поэт? О своей духовной слабости, о бессилии перед мирской суетой.

Он ощущает себя связанным с человечеством круговой порукой вины и совести и просит у Бога прощения не для одного себя, но вместе с собою — для всех людей.

Обращаясь к Богу с молитвой и раскрывая перед Ним тайники сердца, поэт черпает вдохновение в устремленности своей души к ее создателю и неустанно испрашивает у Творца помощи в написании книги: «Даруй же, о попечитель, <…> горящий уголь невещественной силы слова твоего устам моим говорящим, дабы стали они причиною очищения всех орудий чувств, распределенных во мне».

Однако Нарекаци сознает, что он со своим поэтическим даром является лишь совершенным инструментом в руках Творца, исполнителем Его божественной воли.

Поэтому его мольбы проникнуты смирением: «Не отнимай у меня, злополучного, дарованные тобой милости, не возбраняй дуновение благословеннейшего Духа твоего, <…> не лишай меня искусства всесилия, чтобы язык мог нужное сказать».

Но христианское смирение поэта отнюдь не означает для

него принижения своих творческих способностей и своего таланта, источник которого — Бог и Творец всего сущего.

В «Памятной записи», которой завершается книга, Нарекаци говорит о том, что он, «иерей и чернец Григор, последний среди сочинителей и младший среди наставников, <…> заложил основы, соорудил, воздвиг на них и сочинил эту полезную книгу, соединив созвездие глав в единое дивное творение».

Владыка всего сотворенного милостив к своим созданиям: «Коль и согрешат — все ж они твои, поелику числятся в твоих списках». Причисляя себя к грешникам, Нарекаци никого не осуждает.

Все человеческое служит поэту напоминанием о Боге, даже если человек погружен в хаос мирской жизни и в заботах о земном не помышляет о небесном: «Во всем, что хоть единожды отразилось в чувствах у нас — будь то приятно или неприятно, <…> и даже на подмостках зрелищных, а также в многолюдных сборищах простонародья, или же в плясках, неугодных воле твоей, о Всемогущий, Ты не позабыт».

Ощущая в душе нескончаемую борьбу противоборствующих стремлений и страстей, которые увлекают в бездну сомнения, греха и отчаяния, поэт не перестает надеяться на целительное действие благодати Божьей и милосердие Творца.

Сетуя на то, что его душа, вопреки тому, что он принял постриг, еще не совсем умерла для мира и не сделалась подлинно живой для Бога, Нарекаци прибегает к заступничеству благой матери Иисуса и молит ее об избавлении от душевных и плотских скорбей.

Поэт не устает обвинять себя в том, что «раскрыл объятия любви к миру, а к Тебе не лицом, а спиной повернулся <…> и в доме молитвы окружил себя заботами жизни земной».

Мучимый телесными недугами, которые, как он убежден, являются неизбежным и законным воздаянием за духовную немощность и маловерие, поэт ощущает свои душу и тело как ристалище непримиримой борьбы.

Он описывает свое помраченное и болезненное состояние как жестокую схватку: «…все множество частиц, что составляют мое естество, как враги вступили друг с другом в бой, им, одержимым страхом сомнений, повсюду мерещится угроза».

Однако само сознание собственной греховности становится для страждущего источником надежды: искреннее покаяние не будет отвергнуто, все грехи кающегося отпустит Владыка благостынь, Христос-Царь, ибо милости Его «превосходят меру возможностей мыслей человеческих».

Размышляя о «божественном залоге в Никее определенного

символа веры» и осуждая ересь тондракитов, этих «новых манихейцев», Нарекаци воспевает Церковь, которая «превыше человека, как жезл победный выше избранника Моисея».

Церковь Христова, строящаяся повелением Творца, спасет от погибели «не только множество бессловесных сонмов звериных и малое число людей, но вместе с земными соберет к себе и жителей вышних».

Церковь — это не дом из земного вещества, а «тело небесное из света Божьего».

Без нее невозможно ни монаху, ни мирянину идти по пути совершенства. Того же, кто дерзновенно станет считать ее «неким вымыслом вещественным, либо хитростью людскою», Отец-Вседержитель «отринет от лица своего через посредство слова, единосущного с Ним».

В. В. Рынкевич

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Шота Руставели [1162 или 1166 — ок. 1230]

Витязь в тигровой шкуре

Поэма (1205–1207)

Некогда в Аравии правил славный царь Ростеван, и была у него единственная дочь — прекрасная Тинатин. Предчувствуя близкую старость, повелел Ростеван еще при жизни своей возвести дочь на престол, о чем и сообщил визирям. Те благосклонно приняли решение мудрого владыки, ведь «Хоть царем девица будет — и ее создал творец. <…> Львенок львенком остается, будь то самка иль самец». В день восшествия Тинатин на престол Ростеван и его верный спаспет (военачальник) и воспитанник Автандил, давно страстно влюбленный в Тинатин, сговорились наутро следующего дня устроить охоту и посостязаться в искусстве стрельбы из лука.

Выехав на состязание (в котором, на радость Ростевану, победителем оказался его воспитанник), царь заметил вдалеке одинокую фигуру всадника, облаченного в тигровую шкуру, и послал за ним гонца. Но посланец возвратился к Ростевану ни с чем, витязь не откликнулся на призыв славного царя. Разгневанный Ростеван велит двенадцати воинам взять незнакомца в полон, но, завидев отряд, рыцарь, словно очнувшись, смахнул слезы с глаз и разметал вознамерившихся было пленить его воинов плетью. Такаяже участь постигла и следующий отряд, посланный в погоню. Затем за таинственным незнакомцем поскакал сам Ростеван с верным Автандилом, но, заметив приближение государя, чужестранец хлестнул коня и «как бес исчез в пространстве» столь же внезапно, как и явился.

Ростеван уединился в своих покоях, не желая видеть никого, кроме возлюбленной дочери. Тинатин советует отцу послать надежных людей искать витязя по миру и разузнать, «человек ли он или дьявол». Полетели гонцы в четыре конца света, исходили полземли, но того, кто знал страдальца, так и не встретили.

Тинатин на радость Автандилу призывает его в свои чертоги и велит во имя его любви к ней три года искать по всей земле таинственного незнакомца, и, если он исполнит ее наказ, она станет его женой. Отправляясь на поиски витязя в тигровой шкуре, Автандил в письме почтительно прощается с Ростеваном и оставляет вместо себя охранять от врагов царство своего друга и

приближенного Шермадина.

И вот «Всю Аравию проехав за четыре перехода», «По лицу земли скитаясь, бесприютен и убог, / Посетил он за три года каждый малый уголок». Так и не сумев напасть на след загадочного витязя, «одичав в сердечной муке», решил было Автандил повернуть назад своего коня, как увидел вдруг шестерых утомленных и израненных путников, которые поведали ему о том, что повстречали на охоте витязя, погруженного в раздумья и облаченного в тигровую шкуру. Витязь тот оказал им достойное сопротивление и «умчался горделивый, как светило из светил».

Два дня и две ночи преследовал Автандил витязя, пока, наконец, тот не переехал горную речку, а Автандил, взобравшись на дерево и укрывшись в его кроне, не стал свидетелем тому, как навстречу рыцарю вышла из чащи леса девушка (звали ее Асмат), и, обнявшись, они долго рыдали над ручьем, горюя о том, что так и не удалось им доселе найти некую прекрасную деву. Наутро эта сцена повторилась, и, распростившись с Асмат, витязь продолжил свой скорбный путь.

Автандил, заговорив с Асмат, пытается выведать у нее тайну столь странного поведения рыцаря. Долго не решается она поделиться с Автандилом своею печалью, наконец рассказывает, что загадочного рыцаря зовут Тариэл, что она — его рабыня. В это время раздается стук копыт — это возвращается Тариэл. Автандил укрывается в пещере, а Асмат рассказывает Тариэлу о нежданном госте, и Тариэл и Автандил, два миджнура (то есть влюбленные, те, кто посвятил свою жизнь служению возлюбленной), радостно приветствуют друг друга и становятся побратимами. Автандил первым рассказывает свою историю о любви к Тинатин, прекрасной обладательнице аравийского престола, и о том, что это по ее воле три года скитался он в пустыне в поисках Тариэла. В ответ Тариэл рассказывает ему свою повесть.

…Некогда в Индостане было семь царей, шесть из которых почитали своим владыкой Фарсадана — щедрого и мудрого правителя. Отец Тариэла, славный Саридан, «гроза врагов, / Управлял своим уделом, супостатов поборов». Но, добившись почестей и славы, стал томиться одиночеством и тоже по доброй воле отдал свои владения Фарсадану. Но благородный Фарсадан отказался от щедрого дара и оставил Саридана единовластным правителем своего удела, приблизил его к себе и почитал, как брата. При царском же дворе воспитывался в неге и почитании и сам Тариэл. Тем временем у царской четы родилась красавица дочь — Нестан- Дареджан. Когда Тариэлу было пятнадцать лет,

Саридан скончался, и Фарсадан с царицею передали ему «сан отцовский — полководца всей страны».

Красавица Нестан-Дареджан же тем временем подросла и пленила жгучей страстью сердце отважного Тариэла. Как-то раз в разгар пиршества Нестан-Дареджан прислала к Тариэлу свою рабыню Асмат с посланием, которое гласило: «Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью? / Не приятней ли миджнуру слава, купленная кровью?» Нестан предлагала Тариэлу объявить войну хатавам (необходимо отметить, что действие в поэме происходит как в реальных, так и в вымышленных странах), заслужить в «столкновении кровавом» почет и славу — и тогда она отдаст Тариэлу руку и сердце.

Тариэл выступает в поход на хатавов и возвращается к Фарсадану с победой, разбив полчища хатавского хана Рамаза. Наутро после возвращения к терзаемому любовной мукой герою приходит за советом царственная чета, которой невдомек были чувства, испытываемые юношей к их дочери: кому отдать в жены единственную дочь и наследницу престола? Оказалось, что шах 'Хорезма прочит в мужья Нестан-Дареджан своего сына, и Фарсадан с царицей благосклонно воспринимают его сватовство. Асмат является за Тариэлом, чтобы препроводить его в чертоги Нестан-Дареджан. Та упрекает Тариэла во лжи, говорит, что она обманулась, назвав себя его возлюбленной, ведь ее против воли отдают «за царевича чужого», а он лишь соглашается с решением ее отца. Но Тариэл разубеждает Нестан-Дареджан, он уверен, что ему одному суждено стать ее супругом и правителем Индостана. Нестан велит Тариэлу убить нежеланного гостя, дабы их страна вовек не досталась врагу, и самому взойти на престол.

Выполнив наказ возлюбленной, герой обращается к Фарсадану: «Твой престол теперь за мною остается по уставу», фарсадан разгневан, он уверен в том, что это его сестра, колдунья Давар, надоумила влюбленных на столь коварный поступок, и грозится расправиться с нею. Давар напускается на царевну с великой бранью, и в это время в покоях возникают «два раба, по виду каджи» (сказочные персонажи грузинского фольклора), вталкивают Нестан в ковчег и уносят к морю. Давар в горе закалывает себя мечом. В тот же день Тариэл с пятьюдесятью воинами отправляется на поиски возлюбленной. Но тщетно — нигде не удалось ему отыскать даже следов прекрасной царевны.

Как-то раз в своих скитаниях повстречал Тариэл отважного Нурадин-Фридона, государя Мульгазанзара, воюющего против своего дяди, стремящегося расколоть страну. Рыцари, «заключив союз сердечный», дают друг другу обет вечной дружбы. Тариэл помогает Фридону победить врага и восстановить в его царстве

мир и спокойствие. В одном из разговоров Фридон поведал Тариэлу о том, что однажды, прогуливаясь берегом моря, довелось ему увидеть странную ладью, из которой, когда та причалила к берегу, вышла дева несравненной красоты. Тариэл конечно же узнал в ней свою возлюбленную, рассказал Фридону свою печальную повесть, и Фридон тотчас отправил мореходов «по различным дальним странам» с наказом отыскать пленницу. Но «понапрасну мореходы исходили край земли, / Никаких следов царевны эти люди не нашли».

Тариэл, простившись с побратимом и получив от того в подарок вороного коня, вновь отправился на поиски, но, отчаявшись отыскать возлюбленную, нашел приют в уединенной пещере, у которой и повстречал его, облаченного в тигровую шкуру, Автандил («Образ пламенной тигрицы сходен с девою моей, / Потому мне шкура тигра из одежд всего милей»).

Автандил решает вернуться к Тинатин, рассказать ей обо всем, а затем вновь присоединиться к Тариэлу и помочь ему в поисках.

…С великой радостью встретили Автандила при дворе мудрого Ростевана, а Тинатин, «словно райское алоэ над долиною Евфрата <…> ждала на троне, изукрашенном богато». Хоть и тяжела была Автандилу новая разлука с возлюбленной, хоть и противился Ростеван

его отъезду, но слово, данное другу, гнало его прочь от родных, и Автандил во второй раз, уже тайно, уезжает из Аравии, наказав верному Шермадину свято исполнять его обязанности военачальника. Уезжая, Автандил оставляет Ростевану завещание, своеобразный гимн любви и дружбе.

Подъехав к покинутой им пещере, в которой укрывался Тариэл, Автандил застает там одну лишь Асмат — не выдержав душевных мук, Тариэл один отправился на поиски Нестан-Дареджан.

Во второй раз настигнув друга, Автандил находит его в крайней степени отчаянья, с трудом удалось ему вернуть к жизни израненного в схватке со львом и тигрицей Тариэла. Друзья возвращаются в пещеру, и Автандил решает отправиться в Мульгазанзар к Фридону, дабы подробнее расспросить его о том, при каких обстоятельствах довелось ему увидеть солнцеликую Нестан.

На семидесятый день прибыл Автандил во владения Фридона. «Под охраной двух дозорных к нам явилась та девица, — поведал ему с почестями встретивший его Фридон. — Оба были словно сажа, только дева — светлолица. / Взял я меч, коня пришпорил, чтоб со стражами сразиться, / Но неведомая

лодка скрылась в море, точно птица».

Вновь трогается в путь славный Автандил, «много встречных за сто суток расспросил он по базарам, / Но о деве не услышал, лишь потратил время даром», покуда не встретил караван торговцев из Багдада, предводителем которого был почтенный старец Усам. Автандил помог Усаму одолеть морских разбойников, грабящих их караван, Усам предложил ему в благодарность все свои товары, но Автандил попросил лишь простое платье и возможность укрыться от чужих взоров, «притворившись старшиною» купеческого каравана.

Так, под видом простого купца, прибыл Автандил в приморский дивный город Гуланшаро, в котором «цветы благоухают и не вянут никогда». Автандил разложил под деревьями свой товар, и подошел к нему садовник именитого купца Усена и поведал о том, что хозяин его нынче в отъезде, но «здесь Фатьма-хатун при доме, госпожа его супруга, / Весела она, любезна, любит гостя в час досуга». Познав о том, что в их город прибыл именитый торговец, к тому же «словно месяц семидневный, он красивее платана», Фатьма тотчас велела препроводить торговца во дворец. «По летам немолодая, но красивая собою» Фатьма влюбилась в Автандила. «Пламя крепло, возрастало, / Обнаруживалась тайна, как хозяйка ни скрывала», и вот, во время одного из свиданий, когда Автандил с Фатьмою «целовались за беседою совместной», распахнулась дверь алькова и на пороге появился грозный воин, посуливший Фатьме за ее распутство великую кару. «Всех детей своих от страха загрызешь ты, как волчица!» — бросил он ей в лицо и удалился. В отчаянье залилась Фатьма слезами, горько казня себя, и умолила Автандила убить Чачнагира (так звали воина) и снять у него с пальца подаренный ею перстень. Исполнил Автандил просьбу Фатьмы, а та рассказала ему о своей встрече с Нестан- Дареджан.

Как-то на празднике у царицы Фатьма зашла в беседку, что была возведена на скале, и, отворив окно и посмотрев на море, увидела, как к берегу пристала ладья, из нее в сопровождении двух чернокожих вышла девушка, красота которой затмевала солнце. Фатьма повелела рабам выкупить у стражей деву, а «если торг не состоится», умертвить их. Так оно и случилось. Фатьма укрыла «солнцеокую Нестан в потайных покоях, но девушка продолжала денно и нощно лить слезы и ничего о себе не рассказывала. Наконец Фатьма решилась открыться мужу, который с великой радостью принял незнакомку, но Нестан оставалась по-прежнему молчалива и «уста свои, как розы, над жемчужинами сжала». В один из дней Усен отправился на пир к царю, которому был «друг-приятель» и, желая воздать ему за его

благосклонность, посулил в невестки «деву, сходную с чинаром». Фатьма же тотчас усадила Нестан на быстроногого коня и отослала прочь. Поселилась в сердце Фатьмы печаль об участи прекрасноликой незнакомки. Как-то раз, проходя мимо харчевни, Фатьма услышала рассказ раба великого царя, повелителя Каджети (страны злых духов — каджей), о том, что после кончины его хозяина править страной стала сестра царя Дулардухт, что она «величава, как скала» и на попечении у нее осталось два царевича. Раб этот оказался в отряде воинов, которые промышляли разбоем. В одну из ночей, скитаясь по степи, они увидели всадника, лицо которого «в тумане, точно молния, сверкало». Признав в нем деву, воины тотчас пленили ее — «не прислушалась девица ни к мольбам, ни к уговорам <…> Только сумрачно молчала пред разбойничьим дозором, / И людей она, как аспид, обливала гневным взором».

В тот же день Фатьма послала в Каджети двух рабов с поручением отыскать Нестан-Дареджан. В три дня воротились рабы с известием, что Нестан уже помолвлена с царевичем Каджети, что Дулардухт собирается ехать за море на похороны своей сестры и что колдунов и чародеев она берет с собой, «ибо путь ее опасен, а враги готовы к бою». Но крепость каджей неприступна, она расположена на вершине отвесной скалы, и «десять тысяч лучших стражей охраняют укрепленье».

Так открылось Автандилу местопребывание Нестан. В ту ночь Фатьма «на ложе счастье полное вкусила, / Хоть, по правде, неохотны были ласки Автандила», томимого по Тинатин. Наутро Автандил поведал Фатьме историю о том, «как одетый в шкуру тигра терпит горя изобилье», и попросил послать к Нестан-Дареджан одного из своих колдунов. Вскоре колдун воротился с наказом от Нестан не ходить Тариэлу в поход на Каджети, ибо она «умрет двойною смертью, коль умрет он в день сраженья».

Призвав к себе рабов Фридона и щедро одарив их, Автандил велел им ехать к их повелителю и просить собрать войско и выступить на Каджети, сам же пересек море на попутной галере и поспешил с доброй вестью к Тариэлу. Не было предела счастью витязя и его верной Асмат.

Втроем друзья «в край Фридона степью двинулись глухою» и вскоре благополучно прибыли ко двору правителя Мульгазанзара. Посовещавшись, Тариэл, Автандил и Фридон решили немедля, до возвращения Дулардухт, выступить в поход на крепость, что «цепью скал непроходимых от врагов ограждена». С отрядом в триста человек день и ночь спешили витязи, «не давая спать дружине».

«Поле битвы побратимы поделили меж собою. / Каждый воин

в их отряде уподобился герою». В одночасье были побеждены защитники грозной крепости. Тариэл же, сметая все на своем пути, кинулся к своей возлюбленной, и «разойтись была не в силах эта пара светлолица. / Розы губ, припав друг к другу, не могли разъединиться».

Навьючив на три тысячи мулов и верблюдов богатую добычу, витязи вместе с прекрасной царевной отправились к Фатьме, чтобы отблагодарить ее. Все добытое в каджетском бою преподнесли они в дар правителю Гуланшаро, который с великими почестями встретил гостей и также одарил их богатыми подарками. Затем герои отправились в царство Фридона, «и тогда великий праздник наступил в Мульгазанзаре. <…> Восемь дней, играя свадьбу, веселилась вся страна. <…> Били бубны и кимвалы, арфы пели дотемна». На пиру Тариэл вызвался ехать вместе с Автандилом в Аравию и быть его сватом: «Где словами, где мечами все устроим мы дела там. / Не женив тебя на деве, не хочу я быть женатым!» «Ни меч, ни красноречье не помогут в том краю, / Где послал мне Бог царицу солнцеликую мою!» — отвечал Автандил и напомнил Тариэлу о том, что пришла пора овладеть ему индийским престолом, и в день, «когда осуществятся эти <…> замышленья», он вернется в Аравию. Но Тариэл непреклонен в решении помочь Другу. К нему присоединяется и доблестный Фридон, и вот уже «львы, покинув края Фридона, шли в веселье небывалом» и в некий день достигли аравийской стороны.

Тариэл послал к Ростевану гонца с посланием, и Ростеван с многочисленною свитою выехал навстречу славным витязям и прекрасной Нестан-Дареджан.

Тариэл просит Ростевана быть милостивым к Автандилу, который некогда без его благословения уехал на поиски витязя в тигровой шкуре. Ростеван с радостью прощает своего военачальника, даруя ему в жены дочь, а вместе с нею и аравийский престол. «Указав на Автандила, царь сказал своей дружине: «Вот вам царь. По воле Божьей он царит в моей твердыне». Следует свадьба Автандила и Тинатин.

Тем временем на горизонте появляется караван в черных траурных одеждах. Расспросив верховода, герои узнают о том, что царь индов Фарсадан, «милой дочери лишившись», не вынес горя и умер, а к Индостану подошли хатавы, «обступили ратью дикой», и предводительствует ими хая Рамаз, «что с царем Египта не вступает в пререканье».

«Тариэл, услышав это, медлить более не стал, / И трехдневную дорогу он за сутки проскакал». Побратимы конечно же отправились вместе с ним и в одночасье одолели несметную

хатавскую рать. Мать-царица соединила руки Тариэла и Нестан-Дареджан, и «на высоком царском троне Тариэл воссел с женою». «Семь престолов Индостана, все отцовские владенья / получили там супруги, утолив свои стремленья. / Наконец они, страдальцы, позабыли про мученья: / Только тот оценит радость, кто познает огорченья».

Так стали править в своих странах три доблестных рыцаря-побратима: Тариэл в Индостане, Автандил в Аравии и Фридон в Мульгазанзаре, и «милосердные дела их всюду сыпались, как снег».

Д. Р. Кондахсазова

ИНДИЙСКАЯ (САНСКРИТСКАЯ) ЛИТЕРАТУРА

Автор пересказов *П. А. Гринцер*

Махабхарата (Mahabharata) [IV в. до н. э. — IV в. н. э.]

«Великая [битва] бхаратов» — древнеиндийский эпос, состоящий приблизительно из ста тысяч двустиший-шлок, разделенных на 18 книг, и включающий в себя множество вставных эпизодов (мифов, легенд, притч, поучений и т. д.), так или иначе связанных с главным повествованием

В городе Хастинапур, столице страны бхаратов, царствовал могущественный государь Панду. По проклятию некоего мудреца, случайно пораженного его стрелой, он не мог зачать детей, и потому первая его жена, Кунти, владевшая божественным заклинанием, вызвала одного за другим бога справедливости Дхарму — и родила от него Юдхиштхиру, бога ветра Ваю — и родила от него Бхиму, или Бхимасену, царя богов Индру — и родила Арджуну. Затем она передала заклинание второй жене Панду Мадри, которая от небесных братьев Ашвинов (Диоскуров) родила близнецов Накулу и Сахадеву. Все пять сыновей считались по закону детьми Панду и именовались пандавами.

Вскоре после рождения сыновей Панду умер, и царем в Хастинапуре стал его слепой брат Дхритараштра. У Дхритараштры и его супруги Гандхари были одна дочь и сто сыновей, которые по одному из своих предков именовались кауравами, и среди них царь особенно отличал и любил своего первенца Дурьодхану.

Долгое время пандавы и кауравы вместе воспитываются при дворе Дхритараштры и стяжают великую славу своими познаниями в науках, искусствах и особенно военном деле. Когда они достигают совершеннолетия, их наставник Дрона устраивает при большом стечении народа воинские состязания, на которых и пандавы, и кауравы обнаруживают несравненное мастерство в стрельбе из лука, поединках на мечах, палицах и копьях, управлении боевыми слонами и колесницами. Наиболее успешно сражается Арджуна, и лишь один из участников состязаний не уступает ему в ловкости и силе — безвестный воин по имени Карна, который впоследствии оказывается сыном Кунти от бога солнца Сурьи, рожденным ею еще до брака с Панду. Пандавы, не зная происхождения Карны, осыпают его насмешками, которых он никогда им уже не сможет простить, а Дурьодхана, наоборот, делает его своим другом и отдает ему во владение царство Ангу. Вскоре после этого между пандавами и завидующими им кауравами постепенно разгорается вражда, тем более что

наследником царства бхаратов по обычаю должен стать не претендующий на него каурав Дурьодхана, а старший из пандавов — Юдхиштхира.

Дурьодхане удается убедить своего отца на время выслать пандавов в город Варанавата, находящийся на севере царства. Там для братьев выстроен смоляной дом, который Дурьодхана приказывает поджечь, чтобы все они сгорели заживо. Однако мудрый Юдхиштхира разгадал злодейский замысел, и пандавы вместе со своей матерью Кунти тайным ходом выбираются из западни, а в доме сгорают случайно забредшие туда нищенка с пятью ее сыновьями. Обнаружив их останки и приняв их за пандавов, жители Варанаваты со скорбью, а Дурьодхана с братьями себе на радость утвердились в мысли, что сыновья Панду погибли.

Между тем, выбравшись из смоляного дома, пандавы уходят в лес и живут там неузнанными под видом брахманов-отшельников, ибо опасаются новых козней Дурьодханы. В это время пандавы совершают многие славные подвиги; в частности, храбрый Бхима убивает ракшасу-людоеда Хидимбу, покусившегося на жизнь братьев, а также другое чудовище — ракшасу Бану, требовавшего от жителей небольшого города Экачакра ежедневных человеческих жертв. Однажды пандавы узнают, что царь панчалов Друпада назначил сваямвару — выбор жениха невестой — для своей дочери красавицы Драупади. Пандавы идут в столицу панчалов Кампилью, куда уже собралось, чтобы поспорить за руку Драупади, множество царей и царевичей. Друпада предложил женихам-соискателям послать в цель пять стрел из чудесного божественного лука, но никто из них не смог даже натянуть его тетиву. И только Арджуна с честью выдержал испытание, после чего, по слову Кунти, Драупади стала общей женой всех пятерых братьев. Пандавы раскрыли Друпаде свои имена; и о том, что их соперники живы, тут же узнали кауравы в Хастинапуре. Дхритараштра, несмотря на возражения Дурьодханы и Карны, пригласил пандавов в Хастинапуру и отдал им во владение западную часть своего царства, где они выстроили для себя новую столицу — город Индрапрастха.

Много лет Юдхиштхира и его братья счастливо, в довольстве и почете жили в Индралрастхе. Они предприняли военные походы на север, юг, запад и восток Индии и покорили многие царства и земли. Но вместе с ростом их могущества и славы росли зависть и ненависть к ним кауравов. Дурьодхана посылает Юдхиштхире вызов на игру в кости, от которой тот по правилам чести не вправе был уклониться. В противники ему Дурьодхана выбирает своего дядю Шакуни, искуснейшего игрока и не менее искусного

обманщика. Юдхиштхира очень быстро проигрывает Шакуни все свои богатства, земли, скот, воинов, слуг и даже собственных братьев. Тогда он ставит на кон самого себя — и проигрывает, ставит последнее, что у него осталось, прекрасную Драупади, — и проигрывает снова. Кауравы начинают глумиться над братьями, ставшими по условиям игры их рабами, и особенно постыдным унижениям подвергают Драупади. Тут Бхима произносит обет смертельной мести, а когда зловещим словам обета вторит предвещающий беду вой шакала и слышатся другие грозные предзнаменования, устрашенный Дхритараштра освобождает Драупади от рабства и предлагает выбрать ей три дара. Драупади просит одного — свободы для своих мужей, но Дхритараштра вместе со свободой возвращает им и царство, и все остальное, что было ими утрачено.

Однако едва лишь палдавы вернулись в Индрапрастху, Дурьодхана вновь вызывает Юдхиштхиру на злосчастную игру. По условиям новой игры — а Юдхиштхира опять ее проиграл — он должен вместе с братьями на двенадцать лет уйти в изгнание и по истечении этого срока еще один год неузнанным прожить в какой-либо стране.

Пандавы выполнили все эти условия: двенадцать лет, преодолевая нужду и многие опасности, они прожили в лесу, а тринадцатый год в качестве простых слуг провели при дворе царя матсьев Вираты. В конце этого года на страну матсьев напали кауравы. Войско матсьев во главе с Арджуной отразило этот набег, по подвигам военачальника кауравы узнали Арджуну, но срок изгнания рке истек, и пандавы могли не скрывать далее свои имена.

Пандавы предложили Дхритараштре вернуть им их владения, и тот вначале был склонен согласиться с их требованием. Но властолюбивый и коварный Дурьодхана сумел переубедить отца, и теперь война между пандавами и кауравами стала неизбежной.

К Курукшетре, или полю Куру, на котором суждено было состояться великой битве, стягиваются несметные полчища воинов, тысячи колесниц, боевых слонов и коней. На стороне кауравов, по долгу подданных Дхритараштры, сражаются их двоюродный дед мудрый Бхишма и наставник царевичей Дрона, друг и союзник Дурьодханы Карна, супруг дочери Дхритараштры Джаядратха, сын Дроны Ашваттхаман, цари Шалья, Шакуни, Критаварман и другие могучие и отважные воины. Сторону пандавов принимают цари Друпада и Вирата, сын Друпады Дхриштадьюмна, сын Арджуны Абхиманью, но особо важную роль в битве играет вождь рода ядавов Кришна — земное воплощение бога Вишну, который по обету сам не имеет права сражаться, но

становится главным советником пандавов.

Перед самым началом боя Арджуна, объезжая войска на колеснице, возничим которой был Кришна, видит в лагере противников своих учителей, родичей и друзей и в ужасе перед братоубийственной битвой роняет оружие, восклицая: «Не буду сражаться!» Тогда Кришна произносит ему свое наставление, получившее название «Бхагавад-гита» («Песнь Божественного») и ставшее священным текстом индуизма. Прибегая к религиозным, философским, этическим и психологическим доводам, он убеждает Арджуну исполнить свой воинский долг, провозглашая, что не плоды дела — дурными они кажутся или добрыми, — но только само дело, о конечном смысле которого смертному судить не дано, должно быть единственной заботой человека. Арджуна признает правоту учителя и присоединяется к войску пандавов.

Битва на поле Куру длится восемнадцать дней. В многочисленных боях и поединках один за другим гибнут все вожди кауравов: и Бхишма, и Дрона, и Карна, и Шалья, все сыновья Дхритараштры, а в последний день битвы от руки Бхимы старший среди них — Дурьодхана. Победа пандавов кажется безоговорочной, от бесчисленного войска кауравов остаются в живых лишь трое: сын Дроны Ашваттхаман, Крипа и Критаварман. Но ночью этим трем воинам удается пробраться в спящий лагерь пандавов и истребить всех своих врагов за исключением пяти братьев-пандавов и Кришны. Такой ужасной оказалась цена победы.

На поле, усеянном трупами воинов, появляются мать кауравов Гандхари, другие матери, жены и сестры погибших и горько их оплакивают. Происходит примирение пандавов с Дхритараштрой, после которого опечаленный Юдхиштхира решает провести остаток своей жизни отшельником в лесу. Однако братьям удается убедить его исполнить свой наследственный долг государя и короноваться в Хастинапуре. Спустя некоторое время Юдхиштхира совершает великое царское жертвоприношение, его войско под водительством Арджуны покоряет всю землю, и он мудро и справедливо царствует, повсюду утверждая мир и согласие.

Проходит время. Престарелый царь Дхритараштра, Гандхари и мать пандавов Кунти, избравшие для себя участь отшельников, погибают в лесном пожаре. Умирает Кришна, которого ранил в пятку — единственное уязвимое место на теле Кришны — некий охотник, приняв его за оленя. Узнав об этих новых горестных событиях, Юдхиштхира наконец осуществляет давнее намерение и, назначив своим преемником на троне внука Арджуны Парикшита, вместе с братьями и Драупади покидает царство и

уходит подвижником в Гималаи. Один за другим не выдерживают тяжкого пути и умирают Драупади, Сахадева, Накула, Арджуна и Бхима. У священной горы Меру оставшегося единственным в живых Юдхиштхиру встречает царь богов Индра и с почетом провожает на небо. Однако там Юдхиштхира не видит своих братьев и, узнав, что они мучаются в преисподней, отказывается от небесного блаженства; он желает разделить их участь, просит и его отвести в преисподнюю. В преисподней заканчивается последнее испытание пандавов: мрак преисподней рассеивается — он оказывается иллюзией-майей, а Юдхиштхире, так же как его жене, братьям и другим благородным и храбрым воинам, отныне предстоит вечное пребывание на небе среди богов и полубогов.

Рамаяна (Ramayana) [III в. до н. э. — II в. н. э.]

«Деяния Рамы» — древнеиндийский эпос, состоящий из 7 книг и приблизительно 24 тысяч двустиший-шлок; приписывается легендарному мудрецу Вальмики (Vabmiki)

Некогда владыкой царства демонов-рахшасов на острове Ланка был десятиголовый Равана. Он получил от бога Брахмы дар неуязвимости, благодаря которому никто, кроме человека, не мог его убить, и потому безнаказанно унижал и преследовал небесных богов. Ради уничтожения Раваны бог Вишну принимает решение родиться на земле в качестве простого смертного. Как раз в это время бездетный царь Айодхьи Дашаратха совершает великое жертвоприношение, дабы обрести наследника. Вишну входит в лоно старшей его жены Каушальи, и та рожает земное воплощение (аватару) Вишну — Раму. Вторая жена Дашаратхи, Кайкейи, одновременно рожает другого сына — Бхарату, а третья, Сумира, — Лакшману и Шатругхну.

Уже юношей стяжав себе славу многими воинскими и благочестивыми подвигами, Рама направляется в страну Видеху, царь которой, Джанака, приглашает на состязание женихов, претендующих на руку его дочери прекрасной Ситы. В свое время Джанака, вспахивая священное поле, нашел Ситу в его борозде, удочерил и воспитал ее, а теперь предназначает в жены тому, кто согнет чудесный лук, дарованный ему богом Шивой. Сотни царей и царевичей тщетно пытаются это сделать, но только Раме удается не просто согнуть лук, а разломить его надвое. Джанака торжественно празднует свадьбу Рамы и Ситы, и супруги долгие годы в счастье и согласии живут в Айодхье в семье Дашаратхи.

Но вот Дашаратха решает провозгласить Раму своим наследником. Узнав об этом, вторая жена Дашаратхи Кайкейи, подстрекаемая своей служанкой — злобной горбуньей Мантхарой, напоминает царю, что однажды он поклялся выполнить два любые ее желания. Теперь она эти желания высказывает: на четырнадцать лет изгнать из Айодхьи Раму и помазать наследником ее собственного сына Бхарату. Тщетно Дашаратха умоляет Кайкейи отказаться от ее требований. И тогда Рама, настаивая, чтобы отец остался верным данному им слову, сам удаляется в лесное изгнание, и за ним добровольно следуют Сита и преданный ему брат Лакшмана. Не в силах вынести разлуку с любимым сыном, царь Дашаратха умирает. На трон должен взойти Бхарата, но благородный царевич, полагая, что

царство по праву принадлежит не ему, а Раме, отправляется в лес и настойчиво убеждает брата вернуться в Айодхью. Рама отвергает настояния Бхараты, оставаясь верным сыновнему долгу. Бхарата вынужден возвратиться в столицу один, однако в знак того, что не считает себя полноправным правителем, водружает на трон сандалии Рамы.

Между тем Рама, Лакшмана и Сита поселяются в выстроенной ими хижине в лесу Дандаке, где Рама, оберегая покой святых отшельников, истребляет досаждающих им чудовищ и демонов. Однажды к хижине Рамы является сестра Раваны безобразная Шурпанакха. Влюбившись в Раму, она из ревности пытается проглотить Ситу, и разгневанный Дакшмана обрубает ей мечом нос и уши. В унижении и ярости Шурпанакха подстрекает напасть на братьев огромное войско ракшасов во главе со свирепым Кхарой. Однако ливнем неотразимых стрел Рама уничтожает и Кхару, и всех его воинов. Тогда Шурпанакха обращается за помощью к Раване. Она призывает его не только отомстить за Кхару, но, соблазнив его красотой Ситы, похитить ее у Рамы и взять себе в жены. На волшебной колеснице Равана летит из Ланки в лес Дандаку и приказывает одному из своих подданных, демону Мариче, превратиться в золотого оленя и отвлечь Раму и Лакшману подальше от их жилья. Когда Рама и Лакшмана по просьбе Ситы углубляются вслед за оленем в лес, Равана насильно сажает Ситу в свою колесницу и переносит ее по воздуху на Ланку. Ему пытается преградить путь царь коршунов Джатаюс, но Равана смертельно ранит его, отрубив крылья и ноги, На Ланке Равана предлагает Сите богатства, почет и власть, если только она согласится стать его женою, а когда Сита с презрением отвергает все его притязания, заключает ее под стражу и грозит наказать смертью заее строптивость.

Не найдя Ситу в хижине, Рама с Лакшманой в великой скорби отправляются на ее поиски. От умирающего коршуна Джатаюса они слышат, кто был ее похититель, но не знают, куда он с нею скрылся. Вскоре они встречают царя обезьян Сугриву, лишенного трона его братом Валином, и мудрого советника Сугривы обезьяну Ханумана, сына бога ветра Вайю. Сугрива просит Раму возвратить ему царство, а взамен обещает помощь в розысках Ситы. После того как Рама убивает Валина и вновь возводит Сугриву на трон, тот рассылает во все стороны света своих лазутчиков, поручая им отыскать следы Ситы. Удается это сделать посланным на юг обезьянам во главе с Хануманом. От коршуна Сампати, брата погибшего Джатаюса, Хануман узнает, что Сита находится в плену на Ланке. Оттолкнувшись от горы Махендры, Хануман попадает на остров, а там, уменьшившись до

размера кошки и обегав всю столицу Раваны, наконец находит Ситу в роще, среди деревьев ашоки, под охраной свирепых женщин-ракшасов. Хануману удается тайком встретиться с Ситой, передать послание Рамы и утешить ее надеждой на скорое освобождение. Затем Хануман возвращается к Раме и рассказывает ему о своих приключениях.

С несметным войском обезьян и их союзников медведей Рама выступает в поход на Ланку. Услышав об этом, Равана собирает в своем дворце военный совет, на котором брат Раваны Вибхишана во избежание гибели царства ракшасов требует вернуть Ситу Раме. Равана отвергает его требование, и тогда Вибхишана переходит на сторону Рамы, чье войско уже разбило лагерь на берегу океана напротив Ланки.

По указаниям Налы, сына небесного строителя Вишвакармана, обезьяны сооружают мост через океан. Они заполняют океан скалами, деревьями, камнями, по которым войско Рамы переправляется на остров. Там, у стен столицы Раваны, начинается жестокая битва. Раме и его верным соратникам Лакшмане, Хануману, племяннику Сугривы Ангаде, царю медведей Джамбавану и другим отважным воинам противостоят полчища ракшасов с военачальниками Раваны Ваджрадамштрой, Акампаной, Прахастой, Кумбхакарной. Среди них оказывается особенно опасным сведущий в искусстве магии сын Раваны Индраджит. Так, ему удается, став невидимым, смертельно ранить своими стрелами-змеями Раму и Лакшману. Однако по совету Джамбавана Хануман летит далеко на север и приносит на поле боя вершину горы Кайласы, поросшую целебными травами, которыми излечивает царственных братьев. Один за другим вожди ракшасов падают убитыми; от руки Лакшманы гибнет казавшийся неуязвимым Индраджит. И тогда на поле битвы появляется сам Равана, который вступает в решающий поединок с Рамой. По ходу этого поединка Рама отсекает поочередно все десять голов Раваны, но всякий раз они вырастают снова. И лишь тогда, когда Рама поражает Равану в сердце стрелой, дарованной ему Брахмой, Равана умирает.

Смерть Раваны означает конец сражения и полное поражение ракшасов. Рама провозглашает добродетельного Вибхишану царем Ланки, а затем приказывает привести Ситу. И тут в присутствии тысяч свидетелей, обезьян, медведей и ракшасов он высказывает ей подозрение в супружеской неверности и отказывается принять снова в качестве жены. Сита прибегает к божественному суду: она просит Лакшману соорудить для нее погребальный костер, входит в его пламя, но пламя щадит ее, а поднявшийся из костра бог огня Агни подтверждает ее

невиновность. Рама объясняет, что и сам не сомневался в Сите, но лишь хотел убедить в безупречности ее поведения своих воинов. После примирения с Ситой Рама торжественно возвращается в Айодхью, где Бхарата с радостью уступает ему место на троне.

На этом, однако, не закончились злоключения Рамы и Ситы. Однажды Раме доносят, что его подданные не верят в добронравие Ситы и ропщут, видя в ней развращающий пример для собственных жен. Рама, как это ему ни тяжело, вынужден подчиниться воле народа и приказывает Лакшмане отвести Ситу в лес к отшельникам. Сита с глубокой горечью, но стойко принимает новый удар судьбы, и ее берет под свое покровительство мудрец-подвижник Вальмики.

В его обители у Ситы рождаются два сына от Рамы — Куша и Лава. Вальмики воспитывает их, а когда они вырастают, обучает их сочиненной им поэме о деяниях Рамы, той самой «Рамаяне», которая и стала впоследствии знаменитой. Во время одного из царских жертвоприношений Куша и Лава читают эту поэму в присутствии Рамы. По многим признакам Рама узнает своих сыновей, расспрашивает, где их мать, и посылает за Вальмики и Ситой. Вальмики в свою очередь подтверждает невиновность Ситы, но Рама еще раз хочет, чтобы Сита доказала свою чистоту своей жизни всему народу. И тогда Сита в качестве последнего свидетельства просит Землю заключитьее в свои материнские объятия. Земля разверзается перед нею и принимает в свое лоно. По словам бога Брахмы, теперь только на небесах суждено Раме и Сите вновь обрести друг друга.

Хариванша (Hari-vamsa) [середина I тыс. н. э.]

«Род Хари» — древнеиндийская эпическая поэма в Э книгах, считающаяся приложением к «Махабхарате». Первая и третья книги поэмы излагают важнейшие индуистские мифы о творении, происхождении богов и демонов, легендарных царях Солнечной и Лунной династий, земных воплощениях ради спасения мира (аватарах) бога Вишну, или Хари (букв. «Коричневый», возможно «Избавитель»), в обликах вепря, человека-льва и карлика и т. д., а вторая книга рассказывает о самом чтимом воплощении Вишну-Хари в качестве Кришны

В городе Матхуре царствует жестокий демон-асура Канса. Ему предсказана смерь от руки восьмого сына его двоюродной сестры Деваки, жены царя ядавов Васудевы, и потому он заключает Деваки и Васудеву в темницу, а первых их шестерых сыновей убивает, едва они родились. Седьмой сын, Баларама, был спасен богиней сна Нидрой, которая еще до появления его на свет перенесла зачатый плод в чрево другой жены Васудевы — Рохини, а восьмой, Кришна, сразу же после рождения был тайно отдан на воспитание пастуху Нанде и его жене Яшоде. Вскоре и Баларама попадает в семью Нанды, и оба брата растут среди пастухов и пастушек в солнечном лесу Вриндаване на берегах полноводной реки Ямуны.

Уже в юности Кришна совершает беспримерные подвиги. Он силой заставляет царя змей Калию, отравляющего воды Ямуны, покинуть реку; убивает асуру Дхендуку, преследующего и запугивающего пастухов; пронзает злобного демона-быка Аришту его собственным рогом; во время грозового ливня, ниспосланного богом Индрой, вырывает из земли гору Говардхану и в течение семи дней держитее в виде зонта над пастухами и стадами их коров.

Подвиги Кришны, а еще больше его красота, веселый нрав, искусность в танцах и игре на свирели привлекают к нему сердца молодых пастушек, и в лесу Вриндаване то и дело раздаются их радостные возгласы, когда Кришна затевает с ними разного рода игры и ведет хороводы, слышатся их страстные признания, когда он предается с ними любви, и их горестные жалобы, когда он их покидает.

Узнав о деяниях и подвигах Кришны, Канса понимает, что сын Деваки остался жив, и зазывает Кришну и Балараму на кулачные состязания в Матхуру. Против братьев он выставляет

противниками могучих демонов-асуров, но Кришна и Баларама всех их легко побеждают, повергая на землю сокрушительными ударами. Когда же раздосадованный Канса приказывает изгнать Кришну и всех пастухов из своего царства, Кришна, словно разъяренный лев, бросается на Кансу, выволакивает его на арену и убивает. За смерть Кансы пытается отомстить его тесть Джарасандха. Он собирает бесчисленное войско, которое осаждает Матхуру, но вскоре оказывается наголову разбитым войском ядавов во главе с Кришной.

Вскоре в Матхуру приходит весть, что царь Видарбхи Бхишмака собирается выдать замуж свою дочь Рукмини за царя чеди Шишу-палу. Между тем Кришна и Рукмини давно уже втайне любят друг друга, и в назначенный Бхишмакой день свадьбы Кришна увозит невесту на колеснице. Шишупала, Джарасандха, брат Рукмини Рукман преследуют Кришну, пытаясь возвратить Рукмини, но Кришна и Баларама обращают их в бегство. Свадьба Кришны и Рукмини празднуется в недавно выстроенной Кришной новой столице ядавов — Двараке. От Рукмини Кришна имеет десятерых сыновей, а позже шестнадцать тысяч других жен рожают ему еще много тысяч детей.:

Долгие годы Кришна счастливо проживает в Двараке и продолжает истреблять демонов-асуров, осуществляя тем самым свою божественную миссию на земле. Среди убитых им демонов самыми могущественными были Нарака. укравший серьги у матери богов Адити, и Никумбха, обладавший магическим даром перевоплощения. Кришна готов уничтожить также тысячерукого царя асуров Бану, но тому покровительствует бог Шива, который приходит на помощь Бане и сам вступает с Кришной в поединок. Поединок прекращает верховный бог Брахма, он появляется на поле боя и открывает великую истину, что Шива и Кришна, воплощение Вишну, в конечном счете единосущны.

Ашвагхоша (Asvaghosa) [I–II вв.]

Жизнь Будды (Buddha-carita)

Поэма в 28 песнях, от санскритского оригинала которой сохранились лишь первые тринадцать с половиной, а остальные дошли в тибетском. и китайском переложениях

У царя Шуддходаны из рода шакьев, живущего в городе Капилавасту в предгорье Гималаев, рождается сын Сиддхартха. Рождение его необыкновенно: дабы не доставлять мучения своей матери Майе, он появляется из ее правого бока, и тело его украшено счастливыми знаками, по которым мудрецы предсказывают, что он станет спасителем мира и учредителем нового закона жизни и смерти. Безмятежно, в ничем не омраченном благополучии, протекают в царском дворце детство и юность Сиддхартхи. В положенное время он женится на красавице Яшодхаре, от которой имеет любимого сына Рахулу. Но однажды Сиддхартха выезжает из дворца на колеснице и встречает сначала дряхлого старика, затем раздутого от водянки больного и, наконец, мертвеца, которого несут на кладбище. Зрелище смерти и страданий переворачивает все мировосприятие царевича. Окружающая его красота кажется ему безобразием, власть, сила, богатство представляются тленом. Он задумывается над смыслом жизни, и поиск конечной истины существования становится его единственной целью. Сиддхартха покидает Капилавасту и отправляется в долгое странствование. Он встречается с брахманами, излагающими ему свою веру и учения; шесть лет проводит в лесу с подвижниками, изнуряющими себя аскезой; царь Магадхи Бимбисара предлагает ему свое царство, чтобы он смог воплотить на земле идеал справедливости, — но ни традиционные мудрствования, ни умерщвление плоти, ни безграничная власть не кажутся ему способными разрешить загадку бессмысленности жизни. В окрестностях города Гайя под деревом Бодхи Сиддхартха погружается в глубокое размышление. Демон-искуситель Мара безуспешно пытается смутить его плотскими искушениями, воинство Мары швыряет в него камни, копья, дротики, стрелы, но Сиддхартха даже не замечает их, оставаясь недвижным и бесстрастным в своем созерцании. И здесь, под деревом Бодхи, на него нисходит просветление: из Бодхисаттвы, человека, которому суждено быть Буддой, он становится таковым — Буддой, или Пробужденным, Просветленным.

Будда направляется в Бенарес и там произносит свою первую проповедь, в которой учит, что есть страдание, есть причина страдания — жизнь и есть путь к прекращению страдания — отказ от хотения, избавление от желаний и страстей, освобождение от мирских уз — путь отрешенности и духовного равновесия. Странствуя по городам и весям Индии, Будда вновь и вновь повторяет это учение, привлекая к себе множество учеников, объединяя тысячи людей в своей общине. Враг Будды Девадатта пытается его погубить: он сбрасывает на него с горы огромный камень, но тот раскалывается и не касается его тела; натравливает на него дикого разъяренного слона, но тот смиренно и преданно припадает к стопам Будды. Будда поднимается на небо и обращает в свою веру даже богов, а затем, завершив свою миссию, устанавливает предел своей жизни — три месяца. Он приходит в город Кушинагару на крайнем севере Индии, произносит там свое последнее наставление и, навсегда прерывая для себя бесконечную цепь рождений и смертей, погружается в нирвану — состояние полного покоя, бестелесного созерцательно бытия. Кости Будды, оставшиеся после погребального костра, его ученики делят на восемь частей. Семь уносят цари, явившиеся из дальних пределов земли, а восьмая в золотом кувшине вечно хранится в Кушинагаре в воздвигнутом в честь Будды храме.

Бхаса (Bhasa) [III–IV вв.?]

Пригрезившаяся Васавадатта (Svapna-vasavadatta)

Пьеса в стихах и прозе

Царь Удаяна, владыка страны ватсов, потерпел поражение в битве и утратил половину царства Его мудрый министр Яугандхараяна понимает, что возвратить потерянное можно лишь с помощью могущесвенного царя Магадхи Даршаки. Для этого Удаяне нужно вступить с ним в родственный союз — жениться на сестре царя Даршаки Падмавати. Но Удаяна так сильно любит свою'супругу Васавадатту, что никогда не согласится на новый брак. И тогда Яугандхараяна прибегает к хитрости: он поджигает женские покои дворца Удаяны, распускает слух о гибели при пожаре Васавадатты, а сам, переодевшись, скрывается вместе с нею в Магадхе.

Там при посещении царевной Падмавати лесной обители отшельников Яугандхараяна представляет ей Васавадатту под именем Авантики как свою сестру, чей муж уехал на чужбину, и просит Падмавати принять ее на время под свое покровительство. Когда вскоре после этого в Раджагриху, столицу Магадхи, прибывает в качестве царского гостя Удаяна, Васавадатта-Авантика уже стала любимой служанкой и подругой Падмавати. Покоренный достоинствами Удаяны, царь Даршака предлагает ему в жены Падмавати. И хотя Удаяна все еще безутешно скорбит по Васавадатте, волею обстоятельств он вынужден согласиться на этот брак.

Как ни привязана Васавадатга к Падмавати, ее мучит чувство бессильной ревности. Но однажды она и Падмавати случайно слышат в дворцовом парке беседу Удаяны с его другом брахманом Васантакой. Удаяна признается Васантаке, что он «всецело предан Падмавати за красоту ее, за ум, за нежность <… > но сердцем — нет! Оно, как прежде, принадлежит Васавадатте». Для Васавадатты слова эти служат утешением и хоть какой-то наградой за страдания, а Падмавати, хотя поначалу ей горько их слышать, отдает должное благородству Удаяны и его верности памяти погибшей супруги. Спустя несколько дней, разыскивая Падмавати, Васавадатга застает Удаяну спящим в одном из павильонов парка. Приняв в темноте его за Падмавати, она присаживается к нему на постель, и вдруг Удаяна в полудреме заговаривает с нею, протягивает к ней руки, просит

простить его. Васавадатта быстро уходит, а Удаяна остается в неведении, видел ли он сон, и тогда «счастьем было бы не просыпаться», или грезил наяву, и тогда «пусть бы вечно длилась такая греза!».

В союзе с Даршакой Удаяна побеждает врагов и возвращает себе царство. На торжественный праздник победы прибывают посланцы отца и матери Васавадатты. Кормилица Васавадатты вручает царю на память о ней ее портрет, и тут, к своему удивлению, Падмавати узнает на этом портрете свою служанку Авантику. Внезапно появляется переодетый Яугандхараяна и просит Падмавати вернуть ему ранее оставленную на ее попечение сестру. Уже предчувствуя, кем окажется ее служанка, Падмавати сама вызывается ее привести, а когда та приходит, то сначала кормилица, а затем, не веря своим глазам, Удаяна узнают в мнимой Авантике чудесно воскресшую Васавадатту. Яугандхараяне приходится рассказать присутствующим, почему он задумал и как осуществил свой хитроумный план. Он просит прощения у Удаяны, получает его и предрекает своему государю долгое царствование в любви и согласии с двумя прекрасными супругами-царицами — Васавадаттой и Падмавати.

Панчатантра (Pancatantra) «Пятикнижие»

«Пятикнижие» — всемирно известное собрание индийских сказок, басен, рассказов и притч. Вставные рассказы «Панчатантры» (около 100 в разных версиях), проникшие в литературу и фольклор многих народов, объединены рамочными историями, имеющими ту или иную дидактическую установку

У царя Амарашакти было три глупых и ленивых сына. Чтобы пробудить их разум, царь призвал мудреца Вишнушармана, и тот взялся за шесть месяцев обучить царевичей науке правильного поведения. С этой целью он сочинил пять книг, которые поочередно поведал своим ученикам.

Книга первая: «Разъединение друзей»

Некий купец оставляет в лесу умирающего быка Сандживаку. От родниковой воды и сочной травы бык постепенно окреп, и вскоре его могучий рев начинает пугать царя лесных зверей льва Пингалаку. Советники Пингалаки шакалы Даманака и Каратака разыскивают быка и заключают между ним и львом союз. Со временем дружба Сандживаки и Пингалаки становится настолько крепкой и близкой, что царь начинает пренебрегать прежним своим окружением. Тогда оставшиеся не у дел шакалы их ссорят. Они клевещут льву на быка, обвиняя Сандживаку в том, что он

задумал захватить царскую власть, а быка, в свою очередь, предостерегают, что Пингалака хочет полакомиться его мясом. Обманутые шакалами, Пингалака и Сандживака нападают друг на друга, и лев убивает быка.

Книга вторая: «Приобретение друзей»

Голуби попадают в сеть, расставленную охотником, но им удается взлететь вместе с сетью и прилететь к норе мыши Хираньи, которая разгрызает сеть и освобождает голубей. Все это видит ворон Лагхупа-танака и, восхищенный умом и ловкостью мыши, вступает с нею в дружбу. В стране между тем наступает засуха, и ворон, посадив Хиранью на спину, перелетает с ней к озеру, где живет друг мыши черепаха Мантхарака. Вскоре, убежав от охотника, к ним присоединяется лань Читранга, и все четверо, искренне привязавшись друг к другу, добывают совместно пишу и проводят время в мудрых беседах. Однажды, однако, лань запуталась в силках, а когда Хиранья ее освободила, в руки охотника попадает медлительная черепаха, не успевшая скрыться вместе с друзьями. Тогда лань притворяется мертвой, ворон, чтобы у охотника не было сомнений в ее смерти, делает вид, что выклевывает ей глаза, но едва тот, бросив черепаху, спешит за легкой добычей, четверо друзей убегают и отныне живут безмятежно и счастливо.

Книга третья: «О воронах и совах»

На большом баньяновом дереве живут вороны, а неподалеку в горной пещере-крепости несчетное множество сов. Более сильные и жестокие совы постоянно убивают воронов, и те собираются на совет, на котором один из министров вороньего царя по имени Стхирадживин предлагает прибегнуть к военной хитрости. Он изображает ссору со своим царем, после которой вороны, обмазав его кровью, бросают у подножия дерева. Совы принимают якобы израненного своими сородичами Стхирадживина как перебежчика и селят в гнезде у входа в пещеру. Стхирадживин потихоньку наполняет свое гнездо древесными ветвями, а затем извещает воронов, что они могут прилететь и поджечь гнездо вместе с пещерой. Те так и делают и таким образом расправляются со своими врагами, которые гибнут в огне.

Книга четвертая: «Утрата приобретенного»

Около моря растет пальма, на которой живет обезьяна Рактамукха. Она знакомится с дельфином Викараламукхой, который ежедневно подплывает к дереву и дружески беседует с обезьяной. Это вызывает ревность жены дельфина, и она требует,

чтобы муж принес ей на обед сердце обезьяны. Как ни тяжко это дельфину, он по слабости характера вынужден подчиниться требованию жены. Чтобы добыть сердце обезьяны, Викараламукха приглашает ее к себе домой и плывет с нею на спине по бездонному морю. Понимая, что обезьяне теперь никуда не деться, он признается ей в своем замысле. Сохранив присутствие духа, Ракатамукха восклицает: «Что же ты мне не сказал раньше? Тогда бы я не оставила свое сердце в дупле дерева». Глупый дельфин возвращается к берегу, обезьяна прыгает на пальму и тем самым спасает свою жизнь.

Книга пятая: «Безрассудные поступки»

Некий отшельник дарит четверым беднякам-брахманам четыре светильника и обещает, что, если они отправятся в Гималайские горы, каждый из них там, где упадет его светильник, отыщет клад. У первого брахмана светильник падает на клад из меди, у второго — на клад из серебра, у третьего — на клад из золота, и он предлагает четвертому остаться с ним и разделить это золото поровну. Но тот в надежде, что ему, наверное, достанутся более дорогие, чем золото, алмазы, идет дальше и вскоре встречается с человеком, на голове которого вертится острое колесо, обагряя его кровью. Колесо это тотчас перескакивает на голову четвертого брахмана, и теперь, как объясняет избавившийся от страданий незнакомец, оно останется на брахмане до тех пор, пока не придет еще один чересчур алчный искатель богатства.

Калидаса (Kalidasa) [IV–V вв.?]

Облако-вестник (Megha-duta)

Лирическая поэма

Некий якша, полубог из свиты бога богатства и владыки северных гор Куберы, сосланный своим господином за какую-то провинность далеко на юг, на исходе лета, когда все, кто оказался вне дома, особенно тоскуют по своим близким, видит в знойном небе одинокое облако. Он решает передать с ним послание любви и утешения своей жене, ждущей его в столице Куберы — Алаке. Обращаясь к облаку с просьбой стать его вестником, якша описывает путь, по которому оно сможет достичь Алаки, и в каждой рисуемой им картине ландшафта, гор, рек и городов Индии так или иначе отражены любовь, тоска и упования самого якши. По словам изгнанника, облаку (в санскрите это слово мужского рода) в стране Дашарне предстоит «испить в поцелуе» воды реки Ветравати, «похожей на хмурящуюся деву»; в горах Виндхья, «заслышав его гром, в страхе прильнут к груди истомленных желанием супругов» их жены; облако напоит свежей, живительной влагой «исхудавшую от зноя, как женщина в разлуке» реку Нирвиндхью; в городе Удджайини оно вспышкой молнии озарит путь девушкам, спешащим в ночном мраке на свидание с возлюбленными; в стране Мальве отразится, будто улыбка, в мелькании белых рыбок на глади реки Гамбхиры; насладится видом Ганги, которая, струясь по голове бога Шивы и лаская руками-волнами его волосы, заставляет страдать от ревности жену Шивы Парвати.

В конце пути облако достигнет горы Кайласы в Гималаях и увидит Алаку, «возлежащую на склоне этой горы, как дева в объятиях любовника». Красавицы Алаки, по словам якши, сиянием своих лиц соперничают с молниями, которыми блистает облако, их украшения похожи на опоясывающую облако радугу, пение жителей и звон их тамбуринов — на раскаты грома, а башни и верхние террасы города, подобно облаку, парят высоко в воздухе. Там, невдалеке от дворца Куберы, облако заметит домик самого якши, но при всей своей красоте теперь, без хозяина, он покажется столь же мрачным, как увядшие на заходе солнца дневные лотосы. Якша просит облако осторожной вспышкой молнии заглянуть в дом и отыскать там его любимую, поблекшую, верно, как лиана ненастной осенью, скорбящую, как

одинокая утка-чакравака в разлуке с супругом. Если она спит, пусть облако хоть на часть ночи умерит свое громыхание: быть может, ей снится сладостный миг свидания с мужем. И только наутро, освеживее ласковым ветерком и живительными каплями дождя, облако должно передать ей послание якши.

В самом послании якша извещает жену, что он жив, жалуется, что повсюду ему мерещится образ любимой: «стан ее — в гибких лианах, взгляд — в глазах боязливой лани, прелесть лица — в луне, волосы, украшенные цветами, — в ярких хвостах павлинов, брови — в волнах реки», — но полного ее подобия он не находит нигде. Излив свою тоску и печаль, вспомнив счастливые дни их близости, якша ободряет жену своей уверенностью, что скоро уже они свидятся, ибо срок проклятия Куберы истекает. Надеясь, что его послание послужит для любимой утешением, он умоляет облако, передав его, поскорее вернуться обратно и принести с собой весть о жене, с которой мысленно он никогда не расстается, подобно тому как облако не разлучается со своей подругой — молнией.

Рождение Кумары (Kumara-sambhava)

Поэма, оставшаяся, как полагают, неоконченной и дополненная позднее

Могучий демон Тарака, которому за совершенные им аскетические подвиги Брахма в свое время даровал необоримую силу, устрашает и унижает небесных богов, так что даже их царь Индра вынужден платить ему дань. Боги молят Брахму о помощи, но тот ничем не может облегчить их участь и только предрекает, что вскоре у Шивы родится сын, который единственный способен сокрушить Тараку. Однако у Шивы еще нет жены, и боги предназначают ему в супруги дочь царя гор Хималая Парвати, при рождении которой землю осыпал цветочный дождь, предвещающий благо всему миру, озаряющую своим ликом все стороны света, совмещающую в себе все что ни есть прекрасного на земле и на небе.

Чтобы снискать любовь Шивы, Парвати отправляется в его обитель на горе Кайласе, где Шива предается суровому подвижничеству. Добиваясь его расположения, Парвати преданно заботится о нем, но, погруженный в глубокое самосозерцание, Шива даже не замечает ее усилий, бесстрастен и равнодушен к ее красоте и услужливости. Тогда на помощь ей приходит бог любви Кама, вооруженный луком с цветочными стрелами. С его приходом в покрытых снегом горах расцветает весна, и только

обитель Шивы чужда ликованию природы, а сам бог по-прежнему остается неподвижным, безмолвным, глухим и к весенней прелести, и к обращенным к нему словам любви. Кама пытается пронзить своею стрелой сердце Шивы и растопить его холод. Но Шива мгновенно сжигает его пламенем своего третьего глаза. Возлюбленная Камы Рати горько рыдает над горсткой пепла, оставшейся от ее супруга. Она готова покончить с собою, разведя погребальный костер, и только голос с неба, возвещающий ей, что Кама возродится, как только Шива обретет счастье любви, удерживает ее от исполнения своего намерения.

После сожжения Камы удрученная безуспешностью своих стараний Парвати возвращается в отчий дом. Сетуя на бессилие своей красоты, она надеется, что только умерщвление плоти поможет ей достичь поставленной цели. Переодевшись в грубое платье из лыка, питаясь только лучами луны и дождевой водой, она предается, подобно Шиве, жестокой аскезе. Спустя какое-то время к ней приходит молодой отшельник и пытается отговорить от изнуряющего ее подвижничества, которого недостоин, по его словам, жестокий, отталкивающий своим равнодушием и безобразием Шива. Парвати в негодовании отвечает страстной хвалой Шиве, единственному, кому принадлежат ее сердце и помыслы. Незнакомец исчезает, и вместо него появляется сам Шива, великий бог, который принял облик молодого отшельника, чтобы испытать глубину чувств Парвати. Убедившись в ее преданности, Шива готов теперь стать ей любящим супругом и слугою.

Он посылает сватами к отцу Парвати Хималаю семерых божественных мудрецов — риши. Тот назначает свадьбу на четвертый день после их прибытия, и к ней радостно готовятся жених и невеста. В свадебной церемонии принимают участие Брахма, Вишну, Индра, бог солнца Сурья, ее оглашают чудесным пением небесные певцы — гандхарвы, украшают чарующим танцем небесные девы — апсары. Шива и Парвати восходят на золотой трон, богиня счастья и красоты Лакшми осеняет их небесным лотосом, богиня мудрости и красноречия Сарасвати произносит искусно составленное благословение.

Медовый месяц Парвати и Шива проводят во дворце царя Хималая, затем отправляются на гору Кайласу и, наконец, уединяются в чудесном лесу Гандхамадане. Терпеливо и нежно обучает Шива застенчивую Парвати искусству любовной ласки, и в любовных утехах для них как одна-единственная ночь проходят сто пятьдесят времен года, или двадцать пять лет. Плодом их великой любви и должно стать рождение Кумары, бога войны, известного также под именами Сканды и Карттикеи.

Шакунтала, или Узнанная [по кольцу] Шакунтала (Abhijnana-Sakuntala)

Пьеса в стихах и прозе

Могущественный царь Душьянта попадает во время охоты в мирную лесную обитель отшельников и встречает там трех юных девушек, поливающих цветы и деревья. В одну из них, Шакунталу, он влюбляется с первого взгляда. Выдавая себя за царского слугу, Душьянта расспрашивает, кто она такая, ибо опасается, что, будучи иного, чем он, происхождения, она по закону касты не сможет ему принадлежать. Однако от подруг Шакунталы он узнает, что она тоже дочь царя Вишвамитры и божественной девы Менаки, которая оставила ее на попечение главы обители мудреца Канвы. В свою очередь, когда на обитель нападают демоны-ракшасы и Душьянте приходится ее защищать, выясняется, что и он не царский слуга, а сам великий царь.

Шакунтала пленена мужеством, благородством и учтивым поведением Душьянты не менее, чем он — ее красотой и скромностью. Но некоторое время влюбленные не решаются открыть друг Другу свои чувства. И только однажды, когда царь случайно подслушивает беседу Шакунталы со своими подругами, в которой она признается, что днем и ночью ее сжигает страстная любовь к Душьянте, царь делает ей ответное признание и клянется, что, хотя во дворце его много красавиц, «лишь две составят славу его рода: опоясанная морями земля и Шакунтала».

Приемного отца Шакунталы Канвы не было в это время в обители: он ушел в дальнее паломничество. Поэтому Душьянта и его возлюбленная заключают брачный союз по обряду гандхарвов, который не требует согласия родителей и свадебной церемонии. Вскоре после этого, призванный неотложными царскими делами, Душьянта ненадолго, как он надеется, уезжает к себе в столицу. И как раз в его отсутствие обитель посещает мудрец Дурвасас. Погруженная в мысли о Душьянте, Шакунтала его не замечает, и гневливый мудрец проклинает ее за невольное негостеприимство, обрекая на то, что тот, кого она любит, не вспомнит ее, «как пьяный не помнит ранее сказанных слов». Подруги просят Дурвасаса смягчить его проклятие, которого Шакунтала, к счастью, даже не слышала, и, умилостивленный ими, он обещает, что проклятие потеряет силу, когда царь увидит кольцо, подаренное им Шакунтале.

Между тем в обитель возвращается отец Канва. Он благословляет брак своей приемной дочери, которая, по его словам, уже ждет ребенка, несущего благо всему миру, и, дав ей

мудрые наставления, отсылает с двумя своими учениками к супругу-царю. Шакунтала приезжает в величественный, поражающий своим великолепием царский дворец, так не похожий на скромную ее обитель. И здесь Душьянта, околдованный проклятием Дурвасаса, не узнает ее и отсылает прочь. Шакунтала пытается показать ему подаренное им самим кольцо, но обнаруживает, что кольца нет — она потеряла его в дороге, и царь окончательно ее отвергает. В отчаянии Шакунтала молит землю раскрыться и поглотить ее, и тогда в блеске молний нисходит с небес ее мать Менака и уносит ее с собой.

Спустя некоторое время дворцовая стража приводит рыбака, заподозренного в краже драгоценного перстня. Оказывается, что этот перстень — кольцо Шакунталы, которое рыбак нашел в брюхе пойманной им рыбы. Как только Душьянта увидел кольцо, память к нему вернулась. Любовь, угрызения совести, скорбь разлуки терзают его: «Мое сердце спало, когда в него стучалась газелеокая, а теперь оно пробудилось, чтобы изведать муки раскаяния!» Все усилия придворных утешить или развлечь царя оказываются тщетными, и пробуждает Душьянту от безнадежной печали лишь прибытие Матали, возничего царя богов Индры.

Матали призывает Душьянту помочь небожителям в их борьбе с могучими демонами-асурами. Царь поднимается в небо вместе с Матали, совершает множество воинских подвигов и после победы над демонами, заслужив благодарность Индры, опускается на воздушной колеснице на вершину горы Хемакуты в обитель прародителя богов святого мудреца Кашьяпы. Вблизи обители Душьянта встречает мальчика, играющего со львенком. По его поведению и облику царь догадывается, что перед ним его собственный сын. И тут же появляется Шакунтала, которая, как выясняется, все это время жила в обители Кашьяпы и там родила царевича. Душьянта падает в ноги Шакунталы, молит ее о прощении и получает его. Кашьяпа рассказывает любящим супругам о проклятии, заставившем их безвинно страдать, благословляет их сына Бхарату и предрекает ему власть над всем миром. На колеснице Индры Душьянта, Шакунтала и Бхарата возвращаются в столицу царства.

Шудрака (Sudraka) [IV–VII вв.]

Глиняная повозка (Mrccha-katika)

Пьеса в стихах и прозе

Поздно вечером на улице города Удджайини Самстханака, невежественный, грубый и трусливый шурин царя Палаки, преследует богатую гетеру красавицу Васантасену. Воспользовавшись темнотой, Васантасена ускользает от него через незапертую калитку во двор одного из домов. По случайности оказалось, что это дом благородного брахмана Чарудатты, в которого Васантасена влюбилась, встретив незадолго перед тем в храме бога Камы. Из-за своей щедрости и великодушия Чарудатта стал бедняком, и Васантасена, желая ему помочь, оставляет ему на хранение свои драгоценности, на которые якобы покушается Самстханака.

На следующий день Васантасена признается своей служанке Маданике в любви к Чарудатте. Во время их разговора в дом врывается бывший массажист Чарудатты, ставший игроком после разорения своего хозяина. За ним гонится хозяин игорного дома, которому массажист задолжал десять золотых. Васантасена платит за него этот долг, и благодарный массажист решает бросить игру и уйти в буддийские монахи.

Между тем Чарудатта поручает хранить шкатулку с драгоценностями Васантасены своему другу брахману Майтрее. Но Майтрея ночью засыпает, и вор Шарвилака, по всем правилам воровского искусства сделав подкоп под домом, выкрадывает шкатулку. Чарудатта в отчаянии, что обманул доверие Васантасены, в которую тоже влюбился, и тогда жена Чарудатты Дхута отдает ему свое жемчужное ожерелье, чтобы он расплатился с гетерой. Как ни смущен Чарудатта, он вынужден взять ожерелье и посылает с ним Майтрею в дом Васантасены. Но еще до него туда приходит Шарвилака и приносит украденную шкатулку с драгоценностями, чтобы выкупить у Васантасены свою возлюбленную — служанку Маданику. Васантасена отпускает Маданику без всякого выкупа, и когда Шарвилака узнает от нее, что, сам того не ведая, ограбил благородного Чарудатту, то, раскаиваясь, отказывается от своего ремесла, оставляет шкатулку у гетеры, а сам присоединяется к заговорщикам, недовольным тираническим правлением царя Палаки.

Вслед за Шарвилакой в дом Васантасены является Майтрея и

приносит взамен пропавших драгоценностей жемчужное ожерелье Дхуты. Растроганная Васантасена спешит к Чарудатте и, сославшись на то, что проиграла ожерелье в кости, вновь вручает ему шкатулку с драгоценностями. Под предлогом непогоды она остается в доме Чарудатты на ночь, а наутро возвращает Дхутеее ожерелье. Та отказывается его принять, и тогда Васантасена ссыпает свои драгоценности в глиняную повозку сына Чарудатты — его единственную незатейливую игрушку.

Вскоре случаются новые недоразумения. Уезжая на свидание с Чарудаттой в городской парк, Васантасена по ошибке садится в повозку Самстханаки; в ее же повозке прячется племянник царя Палаки Арьяка, сбежавший из тюрьмы, в которую его заточил Палака. Вследствие такой путаницы Чарудатта вместо Васантасены встречает Арьяку и освобождает его от оков, а Самстханака у себя в повозке обнаруживает Васантасену и снова донимает ее своими домогательствами. Презрительно отвергнутый Васантасеной, Самстханака ее душит и, сочтя мертвой, прячет под охапкой листьев. Однако проходящий мимо массажист, ставший буддийским монахом, находит Васантасену, приводит в чувство и вместе с нею на время скрывается.

Между дем Самстханака обвиняет в суде Чарудатту в убийстве Васантасены. Случайное стечение обстоятельств тоже против него: мать Васантасены сообщает, что ее дочь поехала на свидание с ним, а у Майтреи, друга Чарудатты, отыскивают драгоценности, принадлежащие гетере. И хотя никто не верит в виновность Чарудатты, трусливые судьи по требованию царя Палаки приговаривают его быть посаженным на кол. Однако когда палачи готовы уже приступить к казни, приходит живая Васантасена и рассказывает, что произошло на самом деле. Вслед за нею появляется Шарвилака и объявляет, что Палака убит, а на трон возведен благородный Арьяка. Арьяка назначает Чарудатту на высокий государственный пост и разрешает Васантасене стать его второй женой. Приводят сбежавшего было Самстханаку, но великодушный Чарудатта отпускает его на свободу и воздает благодарность судьбе, которая, «хотя и играет с людьми без разбору», в конце концов вознаграждает добродетель и благочестие.

Бхарави (Bharavi) [VI в.]

Кирата и Арджуна (Kiratarjuniya)

Поэма на один из сюжетов «Махабхараты»

Во время пребывания братьев-пандавов в двенадцатилетнем лесном изгнании их общая жена Драупади однажды упрекнула старшего среди братьев — Юдхиштхиру в бездействии, нерешительности, потворстве обидчикам-кауравам и призвала немедленно на них напасть. С Драупади согласился второй брат — Бхима, однако Юдхиштхира отвергает их упреки и настаивает — во имя добродетели и верности данному слову — на соблюдении договора с кауравами. Пришедший в гости к пандавам мудрец Двайпаяна поддерживает Юдхиштхиру, но предупреждает, что, когда срок изгнания истечет, пандавов ожидает не мир, а битва, и к ней заранее нужно готовиться. Он советует третьему из братьев — Арджуне стать подвижником, чтобы заручиться помощью царя богов Индры и получить от него необоримое оружие.

Некий якша, горный дух-полубог, отводит Арджуну в Гималаи и указывает ему на сияющую, как золото, гору Индракилу, где Арджуна начинает вершить свой подвижнический подвиг. Индра доволен самоотверженностью Арджуны, но решает подвергнуть его дополнительному испытанию. Он посылает на Индракилу небесных певцов — гандхарвов, божественных дев — апсар, богинь шести сезонов года, принявших облик прекрасных женщин. Вокруг Арджуны постоянно звучит волнующая, сладкозвучная музыка, нагие апсары купаются на его глазах в ручье, осыпают его благоуханными цветами, пытаются смутить его страстными призывами и ласками. Но Арджуна не поддается соблазнам и сохраняет невозмутимость. Тогда Индра прибегает к иной хитрости. Переодетый старцем-отшельником, он появляется перед Арджуной и, восхваляя его за твердость духа, убеждает оставаться подвижником и отказаться от планов мести врагам. Арджуна отвечает, что думает он о мести не ради мести и не ради себя и своей обиды, но только ради исполнения возложенного на него долга искоренения зла в этом мире, Индра доволен ответом Арджуны, одобряет его намерения и советует теперь умилостивить аскезой грозного бога-аскета Шиву.

Арджуна еще более истово предается подвижничеству. Оно настолько пугающе для живущих поблизости демонов, что один

из них, Мука, приняв вид вепря, пытается его прервать, нападая на Арджуну. Арджуна пускает в Муку стрелу из лука, и одновременно другую смертоносную стрелу направляет в демона Шива, явившийся туда же в облике кираты — горца-охотника. Между Арджуной и Шивой вспыхивает ссора из-за права на убитого вепря. Ганы, свита Шивы, тоже переодетые охотниками, со всех сторон бросаются на Арджуну, но Арджуна разгоняет их своими стрелами. Тогда сам Шива вызывает Арджуну на поединок. Арджуна мечет в Шиву копья, дротики, стрелы, но они пролетают мимо; пытается поразить его мечом, но Шива расщепляет меч надвое; бросает в него камни и деревья; вступает с ним в рукопашную схватку, однако никак не может одолеть своего божественного противника. И только когда Шива поднимается в воздух, а Арджуна хватает его за ногу, тем самым невольно оказываясь в роли припадающего к ногам просителя, великий бог прекращает поединок и, удовлетворенный мужеством Арджуны, открывает ему свое истинное имя.

Арджуна произносит в честь Шивы хвалебный гимн и просит дать ему средства для победы над врагами. В ответ Шива дарит ему свой магический лук, обучает владению им, а затем и другие боги во главе с Индрой дарят Арджуне свое оружие. Благословив Арджуну на предстоящие воинские подвиги, Шива удаляется вместе с остальными богами, а Арджуна возвращается к своим братьям и Драупади.

Харша (Harsa) [первая половина VII в.]

Ратнавали (Ratnavali)

Пьеса в стихах и прозе

Буря разбила корабль, на котором плыла дочь царя Ланки (Цейлона) Ратнавали, предназначенная в жены царю ватсов Удаяне. Ухватившись за доску, Ратнавали спаслась, и, найденную на берегу, ее под именем Сагарики (от санскритского «сагара» — «океан») отдали на попечение первой супруге Удаяны царице Васавадатте.

На торжественном празднике в честь бога любви Камы, который происходит при дворе Удаяны, Сагарика впервые встречается с царем и влюбляется в него, видя в нем истинное воплощение Камы. Уединившись в банановой роще, она рисует портрет любимого, и за этим занятием ее застает ее подруга, служанка царицы Сусамгата. Сусамгата сразу догадывается о чувствах Сагарики и рядом с портретом Удаяны дорисовывает на рисовальной дощечке ее собственный портрет. В это время во дворце поднимается суматоха из-за сбежавшей из клетки разъяренной обезьяны, и подруги прячутся в роще, в испуге забыв рисовальную дощечку. Ее находят Удаяна и его шут брахман Васантака. Царь не может сдержать своего восхищения, любуясь портретом Сагарики, а когда подруги возвращаются, чтобы забрать рисунок, пылко объясняется Сагарике в любви и, к великой своей радости, слышит от нее ответное признание.

Едва Сагарика уходит, как появляется Васавадатта и в свою очередь находит рисовальную дощечку, выроненную Васантакой. Брахман неуклюже пытается объяснить сходство портретов с Удаяной и Сагарикой простой случайностью, но царица догадывается о том, что произошло, и удаляется, охваченная ревностью. Она устанавливает постоянное наблюдение за Удаяной и Сагарикой, так что Васантаке и Сусамгате приходится всячески изощряться, чтобы устроить новое свидание влюбленных. Дабы слуги ничего не заподозрили, они решают переодеть Сагарику в платье Васавадатты. Однако царица своевременно узнает об этом и является на свидание первой. Приняв свою супругу за переодетую Сагарику, царь обращается к ней со словами любви, и Васавадатта, уличив его в измене и осыпав гневными упреками, быстро уходит. Спустя некоторое время она, впрочем, начинает раскаиваться, что обошлась с

Удаяной слишком сурово, и возвращается, чтобы помириться с ним. Однако на сей раз застает мужа обнимающим Сагарику: он только что вынул ее из петли, так как она хотела покончить счеты с жизнью, узнав о гневе Васавадатты. Теперь уже Васавадатта и думать не хочет о примирении; оскорбленная, она повелевает заключить Сагарику под стражу.

Между тем ко двору Удаяны прибывает посол от царя Ланки и извещает Удаяну, что его повелитель отправил к царю ватсов свою дочь Ратнавали, которая исчезла после кораблекрушения. Одновременно во дворце дает представление приглашенный великий маг. Он создает иллюзию появления во дворцовой зале богов Шивы, Вишну, Брахмы и Индры, полубогов — гандхарвов и сиддхов. Вдруг вспыхивает пожар. Удаяна бросается во внутренние покои дворца и на руках выносит оттуда Сагарику. Оказывается, внезапный пожар — тоже иллюзия мага, но, ко всеобщему удивлению, посол с Ланки узнает в вынесенной из пожара Сагарике свою царевну — Ратнавали. Мудрый министр Удаяны Яугандхараяна объясняет присутствующим, что происшедшие события: исчезновение Ратнавали, появление ее во дворце под именем Сагарики, возникшее у Удаяны и Сагарики-Ратнавали страстное влечение друг к другу, — все это плоды его замысла заключить между царем ватсов и царевной Ланки брак по любви — брак, который, по предсказанию святых мудрецов, обеспечит Удаяне власть над всем миром. Теперь для такого брака не осталось никаких препятствий.

Бана (Bana) [VII в.]

Кадамбари (Kadambari)

Роман в прозе, оставшийся недописанным и законченный, по преданию, сыном Баны — Бхушаной

К царю Шудраке приходит девушка из касты неприкасаемых (чандалов) и дарит ему говорящего попугая. По просьбе Шудраки попугай рассказывает, что, будучи птенцом, он едва спасся от горцев-охотников и нашел убежище в обители мудреца-провидца Джамбади. Джамбали поведал попугаю о его прошлых рождениях, за грехи которых он страдает в птичьем облике.

Некогда в городе Удджайини правил царь Тарапида, долго не имевший детей. Однажды он увидел во сне, как в рот его жены Виласавати входит полный месяц, и, когда после этого чудесного знамения у него родился сын, он назвал его Чандрапидой («Увенчанный месяцем»). Одновременно у министра Тарапиды Шуканасы тоже рождается сын — Вайшампаяна, и с раннего детства он становится ближайшим другом Чандрапиды. Когда Чандрапида вырос, Тарапида помазал его в наследники царства, и Чандрапида вместе с Вайшампаяной во главе могучего войска отправляется в поход на завоевание мира. После успешного завершения похода на обратном пути в Удджайини Чандрапида, оторвавшись от свиты, заблудился в лесу и невдалеке от горы Кайласа на берегу озера Аччхода увидел скорбящую девушку, занятую суровым подвижничеством. Эта девушка по имени Махашвета, дочь одного из царей полубогов-гандхарвов, рассказывает, что однажды во время прогулки встретила двух юных отшельников: Пундарику, сына богини Лакшми и мудреца Шветакету, и его друга Капинджалу. Махашвета и Пундарика с первого взгляда полюбили друг друга, полюбили настолько сильно, что, когда Махашвете пришлось вернуться к себе во дворец, Пундарика умер, не вынеся даже краткой разлуки с нею. Махашвета в отчаянии пытается покончить с собой, но с неба спускается некий божественный муж, утешает ее обещанием предстоящего свидания с возлюбленным, а тело Пундарики уносит с собою на небо. Вслед за Пундарикой и его похитителем устремляется в небо Капинджала; Махашвета же остается жить отшельницей на берегу Аччходы.

Махашвета знакомит Чандрапиду со своей подругой, тоже царевной гандхарвов, Кадамбари. Чандрапида и Кадамбари

влюбляются друг в друга не менее пылко, чем Пундарика и Махашвета. Вскоре и им приходится расстаться, так как Чандралида по требованию отца на время должен возвратиться в Удджайини. Он уезжает, оставив во главе войска Вайшампаяну, а тот на несколько дней задерживается у Аччходы, где встречает Махашвету, к которой чувствует непреодолимое влечение. Тоскующая по Пундарике и разгневанная настойчивым преследованием Вайшампаяны, Махашвета проклинает его, предрекая, что в будущем рождении он станет попугаем. И тут же, как только она произнесла проклятие, юноша умирает.

Когда к Аччходе возвращается Чандрапида и узнает о печальной участи друга, он сам падает бездыханным на землю. Кадамбари в отчаянии ищет смерти, но снова внезапно звучит божественный голос, который повелевает ей отказаться от своего намерения и оставаться у тела Чандралиды до его предстоящего воскрешения. Вскоре к Кадамбари и Махашвете спускается с неба Капинджала. Он узнал, что тело Пундарики унес на небо не кто иной, как бог луны Чандра. Чандра поведал ему, что своими лучами однажды доставил Пундарике, и так страдающему из-за любви к Махашвете, новые мучения, и тот проклял его за бессердечие: обрек на земное рождение, в котором бог луны должен испытать те же, что и Пундарика, любовные муки. На проклятие Чандра ответил проклятием, по которому и Пундарика в новом рождении разделит с богом луны его страдания. Вследствие взаимных проклятий Чандра родился на земле как Чандрапида, а затем как Шудрака; Пундарика же — сначала как Вайшампаяна, а затем в облике попугая, который и поведал царю Шудраке историю своих былых рождений.

Благодаря подвижничеству отца Пундарики Шветакету срок произнесенных Чандрой, Пундарикой и Махашветой проклятий подходит к концу. Однажды Кадамбари, повинуясь внезапному порыву, обнимает тело Чандрапиды. Прикосновение любимой возвращает царевича к жизни; тут же с небес спускается Пундарика и попадает в объятия Махашветы. На следующий день Чандрапида и Кадамбари, Пундарика и Махашвета празднуют в столице гандхарвов свои свадьбы. С тех пор влюбленные уже не разлучаются, однако Чандра-Чандрапида часть своей жизни (светлую половину лунных месяцев) проводит на небе в качестве бога луны, а другую часть (их темную половину) на земле как царь Удджайини.

Вишанхадатта (Visakhadatta) [VII в.?]

Перстень Ракшасы (Mudra-raksasa)

Пьеса в стихах и прозе, основанная на исторических событиях IV в. до н. э.

Прославленный знаток искусства политики Чанакья, или Каугилья, сверг в Паталипутре, столице страны Магадхи, последнего царя из династии Нандов и после его убийства возвел на трон своего ученика Чандрагупту Маурью. Однако верному министру Нанды Ракшасе удалось бежать, заключить союз с могущественным правителем Горной Страны Малаякету и несколькими другими царями и осадить Паталипутру с войском, далеко превосходящим силы Чандрагупты. В этих условиях Чанакья начинает осуществлять хитроумный план, целью которого является не только победа над врагами, но и привлечение на свою сторону Ракшасы, известного своей мудростью и честностью.

Чанакья узнает, что в Паталипутре, в доме купца Чанданадасы, скрываются жена и сын Ракшасы, и приказывает арестовать Чанданадасу. При этом в его руки попадает перстень Ракшасы, которым Чанакья запечатывает составленное им подложное письмо. С этим письмом в числе других своих сторонников, якобы им преследуемых и перебежавших поэтому к Ракшасе, он засылает в лагерь противника своего слугу Сиддхартхаку. Одновременно Чанакья разыгрывает ссору с Чандрагуптой, не исполняя его пожеланий и приказов, и Чандрагупта публично отстраняет его от должности, принимая на одного себя правление царством.

Когда слух об этом доходит до Ракшасы, он советует Малаякету и другим царям немедленно напасть на Чандрагупту, лишившегося своего главного министра. Но тут происходит несколько событий, заранее предусмотренных Чанакьей. Подосланный им в качестве лазутчика нищенствующий монах Дживасиддхи обманывает Малаякету, утверждая, что его отец Парватака был убит не Чанакьей, а Ракша-сой, и зароняет в его душе первые семена недоверия к своему советнику. А затем Сиддхартхака дает себя задержать страже Малаякету, и у него находят письмо, в котором Ракшаса предлагает свои услуги Чандрагупте и обещает помощь пяти царей — союзников Малаякету, якобы вступивших с ним в сговор. Убежденный в

подлинности письма, поскольку оно запечатано перстнем-печаткой Ракшасы, Малаякету решает, что Ракшаса хочет перебежать к Чандрагупте, надеясь занять место опального Чанакьи, изгоняет его из лагеря, а царей-изменников приказывает казнить. Напуганные этим приказом, тотчас же покидают Малаякету другие его соратники, и Чанакье не составляет труда разбить оставленные своими военачальниками войска противника, а самого Малаякету захватить в плен.

Ракшаса, потерпев поражение, тем не менее возвращается в Паталипутру, чтобы — пусть даже ценой собственной жизни — спасти свою семью и своего друга Чанданадасу, приговоренного к смерти. Явившись на место казни, он отдает себя в руки палачам вместо Чанданадасы. Однако туда же вскоре приходит Чанакья, останавливает казнь и раскрывает Ракшасе весь свой план победы над врагами Чандрагупты, так блистательно им осуществленный. Ракшаса восхищен мудростью и прозорливостью Чанакьи, а Чанакья — благородством и верностью долгу Ракшасы. Ракшаса просит Чанакью сохранить Малаякету жизнь и возвратить ему наследственные владения. Чаканья охотно соглашается, и по его предложению Ракшаса переходит на службу к Чандрагупте. Теперь, когда Чанакья и Ракшаса объединяют свои усилия, успех и процветание царства Чандрагупты и его потомков в Магадхе надолго обеспечены.

Субандху (Subandhu) [VII в.]

Васавадатта (Vasavadatta)

Роман

Царевич Кандарпакету, сын царя Чинтамани, видит во сне незнакомую девушку и страстно в нее влюбляется. Вместе со своим другом Макарандой он отправляется на ее поиски. Однажды ночью, оказавшись в окрестностях гор Виндхья, он случайно подслушивает разговор двух птиц. Одна из них, майна, упрекает другую, своего возлюбленного попугая, в долгой отлучке и высказывает подозрение, что он изменял ей с другой майной, с которой теперь вернулся в лес. Попугай в оправдание рассказывает, что он побывал в городе Паталипутре, где царь Шрингарашекхара, желая выдать свою дочь Васавадатту замуж, устроил для нее сваямвару — свадебный обряд выбора жениха невестой. На сваямвару собралось множество царственных соискателей, но Васавадатта всех их отвергла. Дело в том, что накануне сваямвары она тоже видела 'bo сне прекрасного царевича, которого сразу же полюбила и только за него решила выйти замуж. Узнав, что зовут этого царевича Кандарпакету, она послала на его розыски свою домашнюю майну Тамалику. Желая помочь Тамалике в ее нелегком задании, попугай прилетел с ней в горы Виндхья.

Услышав рассказ попугая, Кандарпакету вмешивается в разговор птиц, знакомится с Тамаликой, и та передает ему устное послание Васавадатты, в котором царевна просит его поскорее свидеться с нею. Кандарпакету и Макаранда направляются в Паталипутру и проникают во дворец Васавадатты. Там они узнают, что царь Шрингарашекхара, не считаясь с желанием дочери, непременно хочет выдать ее за царя духов воздуха — видьядхаров. Тогда Кандарпакету решает бежать с Васавадаттой, и волшебный конь Маноджива переносит их из Паталипутры обратно в горы Виндхья, где влюбленные проводят ночь.

Проснувшись на рассвете, Кандарпакету, к своему ужасу, обнаруживает, что Васавадатта исчезла. После долгих бесплодных поисков Кандарпакету приходит на берег океана и в отчаянии хочет броситься в его воды. В последний момент его удерживает от самоубийства божественный голос, обещающий ему скорую встречу с возлюбленной. В течение нескольких месяцев Кандарпакету бродит по прибрежным лесам, поддерживая жизнь

одними плодами и кореньями, пока однажды в начале осени не наталкивается на каменное изваяние, похожее на его любимую. В любовной тоске Кандарпакету касается изваяния рукой, и оно становится живой Васавадаттой.

На расспросы Кандарпакету Васавадатта рассказывает, что в утро их разлуки она пошла собрать им для еды плоды деревьев. Углубившись в лес, она неожиданно повстречалась с расположившимся лагерем войском, и за нею погнался его предводитель. Но тут же появилось еще одно войско — горцев-киратов, и его вождь тоже стад преследовать Васавадатту. Оба военачальника, а вслед за ними и их воины, ради обладания Васавадаттой вступили в сражение и полностью истребили друг друга. Однако еще по ходу битвы они безжалостно опустошили обитель отшельников, находящуюся поблизости, и святой глава этой обители, сочтя Васавадатту виновницей случившегося, проклял ее, обратив в каменное изваяние. Срок проклятия должен был кончиться — как и случилось на самом деле, — когда изваяния коснется будущий супруг царевны.

После долгожданной и счастливой встречи Кандарпакету и Васавадатта направляются в столицу царства Кандарпакету. Там их уже ждет Макаранда, и оба царя-отца, Чинтамани и Шрингарашекхара, торжественно празднуют свадьбу сына и дочери, отныне навсегда избавившихся от всех тревог и бедствий.

Магха (Magha) [вторая половина VII в.]

Убиение Шишупалы (Sisupala-vadha)

Поэма, заимствующая один из сюжетов «Махабхараты»

В Двараку, столицу рода ядавов, является божественный мудрец Нарада и передает Кришне, вождю ядавов и земному воплощению бога Вишну, послание от царя богов Индры с просьбой расправиться с царем страны Чеди Шишупалой, который своими злыми деяниями и замыслами угрожает богам и людям. Брат Кришны пылкий Бадарама предлагает немедленно напасть на Шишупалу. Но мудрый советник ядавов Уддхава, знаток искусства политики, советует Кришне быть сдержанным и подождать подходящего повода для начала войны. Такой повод в конце концов представляется, когда Кришна получает приглашение посетить только что выстроенную столицу пандавов Индрапрастху, где должна состояться коронация старшего среди братьев-пандавов Юдхиштхиры.

Во главе большого войска Кришна выступает из Двараки в Индрапрастху. Его сопровождают вассальные цари и царицы, возлежащие в роскошных паланкинах, придворные на лошадях и ослах, множество гетер, танцовщиц, музыкантов и простых горожан. Войско проходит по берегу океана, ласкающего волнами прекрасную Двараку, словно свою невесту, и у подножия горы Райватака, по одну сторону которой садится солнце, а по другую восходит месяц, делая ее похожей на слона, со спины которого свисают два блестящих колокольчика, останавливается на отдых. И когда солнце погружается в океан, воины и придворные, знатные женщины и простолюдинки, словно бы подражая ему, совершают вечернее омовение. Наступает ночь, которая стала для всех, кто был в лагере ядавов, ночью любовных утех и утонченных страстных наслаждений.

Наутро войско переправляется через реку Ямуна, и вскоре улицы Индралрастхи заполняет восторженная толпа женщин, вышедших полюбоваться красотой и величием Кришны. Во дворце его почтительно приветствуют пандавы, а затем наступает время торжественной коронации Юдхиштхиры, на которой присутствуют цари из всех пределов земли, в числе их и царь Шишупала. После коронации каждому из гостей положено поднести почетный дар. Первый и самый лучший дар дед пандалов — справедливый и мудрый Бхишма предлагает

поднести Кришне. Однако как раз на этот дар спесиво претендует Шишупала. Он обвиняет Кришну в тысяче грехов и преступлений, среди которых называет, в частности, похищение Кришной его невесты Рукмини, осыпает вождя ядавов дерзкими оскорблениями и, наконец, посылает ему и его войску вызов на битву. Теперь Кришна получает моральное право выполнить просьбу Индры: не он, а Шишупала оказался зачинщиком ссоры. В последующем сражении ядавы одерживают победу над армией чеди, а Кришна в завершение сражения сносит своим боевым диском голову Шишупале.

Бхавабхути (Bhavabhuti) [первая половина VIII в.]

Малати и Малхава (Malati-madhava)

Пьеса в стихах и прозе

Бхуривасу, министр царя города Падмавати, и Деварата, министр страны Видарбхи, как только у Бхуривасу родилась дочь Малати, а у Девараты — сын Мадхава, сговорились их обручить. Но царь Падмавати твердо решил выдать замуж Малати за своего любимца — придворного Нандану. Воспрепятствовать этому браку берется давняя подруга Бхуривасу и Девараты мудрая буддийская монахиня Камандаки. Она приглашает Мадхаву в Падмавати и во время весеннего празднества устраивает встречу Малати и Мадхавы, во время которой они влюбляются друг в друга и обмениваются своими портретами и клятвами вечной верности. Кроме того, Камандаки для осуществления своих планов привлекает на сторону влюбленных сестру Нанданы Мадаянтику. На Мадаянтику нападает вырвавшийся из клетки тигр, но ее спасает друг Мадхавы Макаранда и завоевывает своим мужествомее сердце.

Не считаясь с просьбами Бхуривасу, Малати и Мадаянтики, царь объявляет о помолвке Малати и Нанданы. В отчаянии Мадхава идет на кладбище, готовый заручиться поддержкой кладбищенских демонов, лишь бы расстроить готовящийся брак. Но как раз тогда, когда он появляется на кладбище, туда прилетает йогинл Капалакундада с похищенной ею Малати, чтобы наставник йогини чародей Агхорагханта принес красивейшую девушку города в жертву кровавой богине Чамдунде, или Дурге, и обрел неодолимую магическую силу. Мадхава бросается на защиту Малати, убивает Агхорагханту, а Капалакундала в бессильной злобе клянется отомстить ему и его возлюбленной.

Тем временем идут приготовления к свадьбе Малати и Нанданы. Во время свадебной процессии Малати заходит в храм помолиться богам, и здесь Камандаки переодевает ее, надевает ее венчальный наряд на Макаранду, который в ходе дальнейшей церемонии подменяет невесту. Сама же Камандаки укрывает Мадхаву и Малати в своей обители. Когда Нандана, оставшись наедине с мнимой Малати, пытается овладеть ею, он неожиданно наталкивается на решительный отпор и, раздосадованный и

униженный, отказывается от непослушной невесты. Успешно выполнив свою миссию, Макаранда вместе с принявшей участие в обмане Мадаянтикой бегут в обитель Камандаки и присоединяются к Малати и Мадхаве.

Однако испытания для влюбленных еще не кончаются. Мадхаве и Макаранде приходится сразиться с городской стражей, преследующей беглецов. А во время схватки прилетает Капалакундада и похищает Малати, намереваясь предать ее жестокой смерти в отместку за гибель Агхорагханты. Мадхава, узнав о похищении Малати, в отчаянии готов броситься в реку. Намерены покончить счеты с жизнью и все его друзья и даже Камандаки, чей план внезапно расстроился. Но тут появляется ученица и подруга Камандаки Саудамини, владеющая великими тайнами йоги. Своим искусством она избавляет Малати от плена и смерти и возвращает ее Мадхаве. Одновременно она оглашает послание царя, в котором тот с согласия Нанданы дозволяет вступить в брак Малати и Мадхаве, Мадаянтике и Макаранде. Радостное ликование сменяет у участников событий недавние страх и уныние.

Последние деяния Рамы (Uttara-rama-carita)

Пьеса в стихах и прозе, основанная на содержании последней книги «Рамаяны»

Освободив Ситу из заточения на Ланке и убив ее похитителя царя демонов Равану, Рама вместе с женой возвращается в Айодхью, где теперь безмятежно и счастливо протекают дни их жизни. В один из таких дней Сита и Рама осматривают картинную галерею, на многих полотнах которой запечатлена их былая судьба. Печальные события прошлого чередуются на картинах с радостными, слезы на глазах супругов сменяются улыбкой, пока утомленная вновь пережитыми волнениями Сита не засыпает на руках растроганного Рамы. И как раз в этот момент появляется царский слуга Дурмукха, который сообщает о недовольстве среди народа, порицающего Раму за то, что он принял обратно жену, запятнавшую свою честь пребыванием в доме царя демонов. Долг любящего супруга, уверенного в чистоте и верности Ситы, требует от Рамы презреть ложные подозрения, но долг государя, идеалом которого является Рама, повелевает ему изгнать Ситу, возбудившую ропот подданых. И Рама — как это ему ни горько — вынужден приказать своему брату Лакшмане увезти Ситу в лес.

Проходит двенадцать лет. Из рассказа лесной нимфы Васанти

мы узнаем, что Сита ушла в изгнание беременной и вскоре родила двух близнецов Кушу и Лаву, которых воспитал в своей обители мудрец Вальмики; что ее взяли под свое покровительство богини Земли и реки Ганги, а речные и лесные нимфы стали ее подругами; и что при всем том ее постоянно терзают и обида на Раму, и тоска по нему. Между тем в лес Дандаку, где живет Сита, дабы покарать некоего вероотступника, который мог бы для других послужить дурным примером, приходит Рама. Окрестности Дандаки знакомы ему по давнему изгнанию в лес вместе с Ситой и пробуждают у него мучительные воспоминания. Такими же, как прежде, кажутся Раме дальние горы, с которых, как и тогда, доносятся крики попугаев; все те же поросшие кустарником холмы, где скачут резвые лани; так же ласково что-то шепчут шуршанием тростника берега реки. Но раньше рядом с ним была Сита, и царь с грустью замечает, что потускнела не только его жизнь — бег времени иссушил уже русло реки, поредели пышные кроны деревьев, пугливыми и настороженными выглядят птицы и звери. Рама изливает свою скорбь в горьких сетованиях, которые слышит, склонившись над Рамой, невидимая для него Сита. Она убеждается в том, что Рама, так же как и она, тяжко страдает, лишь прикосновением своей руки дважды спасает его от глубокого обморока, и постепенно негодование сменяется у нее жалостью, обида — любовью. Еще до предстоящего примирения с Рамой она признается себе, что «жало постыдного изгнания» вырвано из ее сердца.

Спустя некоторое время живущие в лесу отшельниками отец Ситы Джанака и мать Рамы Каушалья встречают мальчика, который удивительно похож на Ситу. Этот мальчик действительно один из сыновей Ситы и Рамы — Лава. Вслед за Лавой появляется сын Лакшманы Чандракету, сопровождающий священного коня, который по обычаю царского жертвоприношения — ашвамедхи должен в течение года бродить, где ему вздумается, обозначая границы царских владений. Лава дерзко пытается преградить путь коню, и Чандракету, хотя и испытывает безотчетную родственную симпатию к незнакомцу, вступает с ним в поединок. Поединок прерывает оказавшийся неподалеку Рама. В волнении вглядывается Рама в черты Лавы, напоминающие ему Ситу и его самого в юности. Он расспрашивает его, кто он, откуда пришел и кто его мать, и Лава отводит Раму в обитель Вальмики, чтобы тот ответил на все его расспросы.

Вальмики предлагает Раме, а также Лакшмане, родичам Рамы и его подданным посмотреть сочиненную им пьесу о жизни Рамы. Роли в ней играют боги и полубоги, и по ходу пьесы, в которой

прошлое все время переплетается с настоящим, непреложно утверждаются невиновность и чистота Ситы, верность Рамы царскому и супружескому долгу, глубина и нерушимость их взаимной любви. Убежденный божественным представлением народ восторженно славит Ситу, и наконец-то происходит ее полное и окончательное примирение с Рамой.

Джаядева (Jayadeva) [XII в.]

Воспетый Говинда (Gita-govinda)

Эротико-аллегорическая поэма в честь Кришны — Говинды («Пастуха»), земного воплощения бога Вишну

В цветущую весеннюю пору в лесу Вриндаване на берегу Ямуны возлюбленная Кришны Радха томится в разлуке с любимым. Подруга рассказывает, что Кришна водит веселые хороводы с прелестными пастушками, «обнимает одну, целует другую, улыбается третьей, преследует робкую, чарует чарующую». Радха жалуется на измену Кришны и на свою судьбу: ей горько смотреть на расцветшие побеги ашоки, слушать мелодичное жужжание пчел в листве манговых деревьев, даже легкий ветерок с реки доставляет ей одни мучения. Она просит подругу помочь ей свидеться с Кришной, притушить снедающий ее жар страсти.

Тем временем Кришна оставляет красавиц пастушек и, вспоминая о Радхе, мучается раскаянием. Он мысленно рисует себе черты ее прекрасного облика и жаждет снова вкусить ее любви. Приходит подруга Радхи и описывает Кришне ее ревность и терзания: Радхе кажется горьким аромат сандаловых деревьев, ядом — сладкий ветер с гор Малая, ее обжигают прохладные лучи месяца, и, не в силах вынести одиночества, она думает только о Кришне. Кришна просит подругу привести к нему Радху. Та, уговаривая ее пойти, уверяет ее, что Кришна так же печален, как и она: то издает он тяжкие вздохи, то ищет ее, глядя с надеждой по сторонам, то в отчаянии падает на цветочное ложе, то на долгое время лишается дыхания. Однако Радха в таком изнеможении от мук ревности и страсти, что идти к Кришне просто не может. И подруга возвращается к Кришне, чтобы рассказать ему о бессилии Радхи сладить с собою.

Наступает ночь, и, не встретившись с Кришной, Радха тоскует еще больше. Ей мнится, что лживый и безжалостный Кришна по-прежнему предается наслаждениям с пастушками, и она молит ветер с гор Малая унести ее жизнь, бога любви Каму — поглотить ее дыхание, воды реки Ямуны — принять ее сожженное страстью тело. Наутро, однако, Радха вдруг видит Кришну перед собой, ласково склонившимся над нею. Она еще полна негодования и гонит его прочь, укоряя, что глаза его воспалены от бессонной ночи любви с пастушками, уста потемнели от сурьмы с их глаз,

тело покрыто царапинами, оставленными их острыми ногтями во время страстных утех. Кришна уходит, притворяясь обиженным, а подруга уговаривает Радху простить его, ибо свидание с Кришной — высшее счастье в этом мире. И когда в конце дня Кришна вновь появляется и уверяет Радху, что она единственное украшение его жизни, его сокровище в океане бытия, восхваляет ее красоту и просит о сострадании, она, покорная любви, уступает его мольбам и прощает его.

Надев лучшие украшения, звеня браслетами на руках и ногах, с тревогой и блаженством в сердце Радха входит в беседку из лиан, где ждет ее полный радости и нетерпеливо жаждущий сладостных объятий Кришна. Он приглашает Радху пройти вместе с ним все ступени любви, и она с наслаждением отвечает на его все более и более смелые ласки. Счастливый, он пьет нектар ее невнятно лепечущих губ, которые омыты блеском жемчужных зубов, прижимает к своей могучей груди ее высокую отвердевшую грудь, распускает пояс на ее тяжелых бедрах. И когда страсть влюбленных утолена, Радха не может удержаться от восторженных восхвалений Кришне — средоточию всех земных наслаждений, хранителю богов и людей, чье величие и слава простираются во все концы вселенной.

Шрихарша (Sriharsa) [вторая половина XII в.]

Приключения нишадхца (Naisadha-carita)

Эпическая поэма, перелагающая легенду о Нале и Дамаянти из «Махабхараты»

Посреди Индии в горах Виндхья расположена страна Нишадха, и владыкойее был благородный и великодушный царь Нала. Неподалеку от Нишадхи находилась другая страна — Видарбха, и там у царя Бхимы родилась дочь Дамаянти, красавица, равной которой не было ни среди богов, ни среди смертных. В окружении Налы придворные часто славили красоту Дамаянти, в окружении Дамаянти столь же часто восхваляли достоинства Налы, и молодые люди, еще не встретившись, полюбили друг друга. Однажды в царском саду Нале удается поймать златоперого гуся, который обещает, если Нала его отпустит, полететь в Видарбху и рассказать Дамаянти о его любви. Нала отпускает гуся, и тот, выполнив свое обещание, прилетает обратно в Нишадху и, к великой радости Налы, оповещает его об ответной любви Дамаянти.

Когда Дамаянти вошла в пору цветущей юности, царь Бхима по ее просьбе назначает для нее сваямвару — свободный выбор жениха невестой. На сваямвару Дамаянти, привлеченные слухом о ее красоте и прелести, поспешают не только цари из всех пределов земли, но и многие небожители. На пути в Видарбху царь богов Индра, бог огня Агни, владыка вод Варуна и бог смерти Яма встречают Налу и просят его быть их посланцем, который предложил бы Дамаянти выбрать себе в мужья кого-либо из них четверых. Как ни горько Нале принять на себя такое поручение, из чувства почтения к богам он добросовестно его исполняет. Однако Дамаянти, выслушав нишадхца, утешает его признанием, что он ей дорог больше любого бога и она выберет в женихи только его. Божественным зрением проникнув в намерения Дамаянти, Индра, Агни, Варуна и Яма — каждый принимает на сваямваре облик Налы, и Дамаянти, поскольку царь Нишадхи и сам стоит рядом с богами, приходится выбирать между пятью Налами. Сердце подсказывает ей правильное решение: она отличает богов по их немигающему взору, по невянущим цветочным венкам, по незапыленным ногам, не касающимся земли, и решительно указывает на истинного Налу

— в увядшем венке, покрытого пылью и потом. Все соискатели руки Дамаянти, и боги, и цари, признают ее выбор, восхваляют глубину ее чувства, преподносят жениху и невесте богатые дары; и только злой дух Кали, также явившийся на сваямвару, проникается ненавистью к Нале и клянется ему отомстить. Впрочем, рассказ о мести Кали: его вселении в душу Налы, проигрыше Налой царства и всего, что ему принадлежит, во время игры в кости, его безумии и скитаниях по лесу, разлуке с Дамаянти и воссоединении с нею лишь после многих бедствий и страданий — рассказ, подробно поведанный в «Махабхарате», — остается вне рамок поэмы Шрихарши. Она в отличие от «Махабхараты» заканчивается описанием торжественной свадьбы Налы и Дамаянти и их счастливой любви.

ИРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Саги фантастические

Битва при Маг Туиред (Cath Muighe Tuireadh) (XII в.)

На северных островах обитали Племена Богини Дану, постигшие магию, чары и тайное знание. Они обладали четырьмя величайшими сокровищами: копьем Луга, мечом Нуаду, котлом Дагда и камнем Лиа Фаль, который вскрикивал под каждым, кому суждено было править Ирландией. Приплыли Племена Богини на множестве кораблей и сожгли их, едва ступили на землю. Гарь и дым окутали тогда все небо — вот почему считается, что Племена Богини появились из дымных облаков. В первой битве при Маг Туиред сразились они с племенами Фир Болг и обратили их в бегство.

В этой битве Нуаду отрубили руку, и врачеватель Диан Кехт приставил ему руку из серебра. Не мог увечный Нуаду править Ирландией, поэтому начался раздор — и после долгих споров решено было отдать королевскую власть Бресу.

Брес был сыном Элаты, правителя фоморов.

Однажды Эри, женщина из Племен Богини, вышла к морю и вдруг увидела серебряный корабль, а на палубе его стоял воин с золотистыми волосами и в золотом одеянии.

Соединился он с Эри и сказал, что родится у нее сын по имени Эохайд Брес, Эохайд Прекрасный — все, что есть прекрасного в Ирландии, будут сравнивать с этим мальчиком.

Перед тем как исчезнуть, Элата снял с пальца золотое кольцо, наказав не дарить и не продавать его никому, кроме того, кому придется оно впору.

Когда Брес принял королевскую власть, три правителя фоморов — Индех, Элата и Тетра — обложили Ирландию данью. Даже великие мужья несли службу: Огма таскал дрова, а Дагда строил крепости. Многие тогда начали роптать, ибо ножи их больше не покрывались жиром, а изо ртов не пахло хмельным.

Однажды пришел к Бресу филид Племен Богини Корпре и произнес первую в Ирландии песнь поношения — с того дня лишился король своей силы.

Племена Богини постановили передать царство другому, но Брес попросил отсрочку в семь лет. Сделал он это, чтобы собрать мужей из сидов-фоморов и подчинить Ирландию силой, Эри отвела Бреса к холму, с которого некогда увидела серебряный корабль. Она достала золотое кольцо, которое пришлось королю впору на средний палец.

Затем отправилась мать с сыном к фоморам. Элата послал Бреса к Балору и Индеху, возглавлявшим воинство. Вереница кораблей протянулась от Островов Чужеземцев до самой Ирландии — это была грозная и ужасная рать.

А Племена Богини вновь избрали королем Нуаду с Серебряной Рукой. Однажды пришел к воротам Тары воин по имени Самилданах («Искусный во всех ремеслах») — таково было прозвище Луга. Нуаду приказал впустить его, чтобы испытать.

Убедившись в многоискусности воина, Племена Богини решили, что он поможет им избавиться от кабалы фоморов, и Нуаду поменялся с ним местами. Совещался Луг с Дагдой и Огмой, а также с братьями Нуаду — Гоибниу и Диан Кехтом. Обещали им помощь друиды и врачеватели, кузнецы и возницы. Дагда соединился с женщиной по имени Морриган, и та поклялась сокрушить Индеха: иссушить кровь в сердце его и отнять почки доблести. Перед битвой собрались у Луга величайшие из Племени Богини. Кузнец Гоибниу сказал, что ни один выкованный им наконечник не пролетит мимо цели, а пронзенная кожа не срастется вовеки. Диан Кехт сказал, что исцелит любого раненого ирландца. Огма сказал, что лишит жизни треть врагов. Корпре сказал, что будет хулить и порочить фоморов, дабы ослабить стойкость их. Дагда сказал, что пустит в ход чудесную палицу, которая одним концом убивает девятерых, а другим концом — возвращает жизнь.

Когда началась битва при Маг Туиред, короли с вождями не сразу вступили в сражение. Увидели фоморы, что погибшие их не возвращаются, а у Племен Богини сраженные насмерть вновь вступают в бой благодаря искусству Диан Кехта.

Притупленное и треснувшее оружие фоморов пропадало бесследно, а кузнец Гоибниу без устали обновлял копья, мечи и дротики. Не понравилось это фоморам, и подослали они Руадана, сына Бреса и Бриг, дочери Дагды, выведать о кознях Племен Богини. Попытался Руадан убить Гоибниу, но сам пал от руки кузнеца. Выступила тогда вперед Бриг — зарыдала и закричала над телом сына, и это был первый погребальный плач в Ирландии.

Наконец вступили в бой короли и вожди. Ирландцы не хотели пускать в сражение Луга, но тот ускользнул от стражи и встал во главе Племен Богини. Потоками лилась кровь по белым телам храбрых воинов. Страшен был шум схватки, ужасны были вопли героев, когда сшибались они телами, мечами, копьями и щитами.

Балор с Губительным Глазом сразил Нуаду с Серебряной Рукой, и тогда выступил против него сам Луг. Дурной был глаз у Балора: открывался он только на поле брани, когда четверо

воинов поднимали веко проходившей сквозь него гладкой палкой. Луг метнул камень из пращи и вышиб глаз через голову, так что воинство самого Балора узрело его, и трижды девять фоморов полегли рядами. Морриган стала ободрять воинов Племен Богини, призывая сражаться свирепо и беспощадно. Многие вожди и королевские сыновья пали в бою, а простых и незнатных воинов полегло без счета. Битва закончилась бегством фоморов — их прогнали к самому морю. Луг пленил Бреса, и тот взмолился о пощаде. Тогда спросил Луг, как пахать ирландцам, как сеять и как жать, — Брес сказал, что пахать следует во Вторник, засевать поля во Вторник, жать во Вторник. Этим ответом спас Брес свою *жизнь*. А Морриган возвестила о славной победе величайшим вершинам Ирландии, волшебным холмам, устьям рек и могучим водам.

Е. Д Мурашкинцева

Сватовство к Этайн (Tochmarc Etaine) (ок. 1100)

Под этим названием сохранились три саги, известные по «Книге Бурой Коровы» и «Желтой Книге из Лекана» (XIV в.).

I. В былые времена Ирландией правил король из рода Племен Богини по имени Эохайд Оллотар (Эохайд «Отец Всех»). Его также называли Дагдой, ибо он умел творить чудеса и обладал властью над урожаем. Пожелав близости с супругой Элкмара, правителя Бруга, Дагда соединился с ней, когда муж отправился в гости. Дагда рассеял ночную тьму, сделав путь таким долгим, что девять месяцев прошли, словно один день, и до возвращения Элкмара женщина родила сына по имени Энгус.

Дагда отнес мальчика на воспитание в дом Мидира. Энгус превосходил всех юношей прелестным обликом и ловкостью в играх. Его называли также Мак Ок («Юный»), ибо мать его говорила, что воистину молод тот, кто был зачат на рассвете и родился до заката. Энгус думал, что приходится Мидиру сыном и не подозревал о своем родстве с Дагдой. Но однажды обозвали его пасынком, не ведающим отца с матерью, и он в слезах явился к Мидиру. Тогда Мидир привел юношу к Эохайду, дабы признал сына родной отец. Эохайд научил его, как отобрать владения у Элкмара, и Мак Ок стал правителем Бруга.

Через год Мидир навестил своего воспитанника. На поле играли юноши. Вдруг разгорелся между ними спор, и один из них случайно выколол Мидиру глаз прутом из остролиста, но по просьбе Энгуса исцелил его бог-врачеватель Диан Кехт.

Тогда захотел Мидир близости с самой красивой девушкой Ирландии, это была Этайн Эхрайде, дочь правителя северо-

восточного королевства. Мак Ок пришел к нему и предложил выкуп за невесту. Король потребовал очистить от леса двенадцать долин — и по воле Дагды за одну ночь это совершилось. Затем приказал король отвести в море двенадцать рек — и волею Дагды в одну ночь появились реки, о которых прежде никто не слыхивал. Тогда король сказал, что для блага земли сделано достаточно и он хочет получить свою долю — столько золота и серебра, сколько весит сама девушка. Это было сделано, и Мак Ок увел Этайн. Мидир был очень доволен своим приемным сыном.

Прошел год, и Мидир стал собираться домой, где его ожидала супруга. Мак Ок предупредил названого отца, что велики власть и хитрость коварной женщины — сведуща Фуамнах в тайном знании Племен Богини Дану. Когда привел Мидир королевскую дочь, Фуамнах встретила их обоих ласковыми словами и пригласила в свои покои. Этайн села на ложе, а Фуамнах ударила ее прутом из красной рябины, превратив в большую лужу. Жар от очага стянул воду, и выполз оттуда червяк, который стал затем красной мухой. Не было прекраснее этой мухи на свете, а голос ее был слаще песен волынок и рогов. Любую болезнь исцеляли капли, слетавшие с ее крыльев, жажда и голод пропадали у всякого, кто видел ее сияние и ощущал аромат. Когда обходил Мидир свои владения, повсюду сопровождала его муха и оберегала от злых умыслов. Тогда подняла Фуамнах могучий ветер, унесший Этайн.

Семь лет не знала муха покоя — совершенно обессилев, укрылась она на груди Мак Ока. Мак Ок облачил ее в пурпурное одеяние, поселил в стеклянном солнечном покое и стал ухаживать за ней, пока не обрела она прежнюю красоту. Узнав о любви Мак Ока к Этайн, фуамнах вновь наслала вихрь, который принес муху в дом, где пировали люди. Этайн упала в золотую чашу, стоявшую перед супругой Этара, и женщина проглотила ее вместе с питьем. Так была во второй раз зачата Этайн.

Называть ее стали дочь Этара — после первого ее зачатия минуло тысяча и двенадцать лет. А Фуамнах пала от руки Мак Ока, ибо не простил он исчезновения мухи.

II. Правил тогда Ирландией Эохайд Айрем, и подчинились ему все пять королевств страны. Но не было у Эохайда жены, поэтому ирландцы не желали ехать к нему на празднество. Эохайд повелел найти самую прекрасную девушку, к которой еще не прикасался мужчина, и отыскали ему такую — Этайн, дочь Этара. Брат Эохайда Айлиль воспылал к ней страстью и, не смея никому признаться, заболел от тоски. Он был при смерти, когда Эохайд решил объехать свои владения.

Король оставил жену при умирающем брате, чтобы

проследила она за должным исполнением погребальных обрядов. Этайн каждый день приходила к Айлилю, и тому становилось легче. Вскоре поняла она, что причина его болезни любовь. Обещала Этайн исцелить Айлиля, но, не желая позорить короля в его доме, назначила свидание на холме.

Пришел туда человек, во всем похожий на Айлиля, и Этайн утешила его. Наутро Айлиль стал сокрушаться, что проспал встречу, и' Этайн вновь пригласила его на холм. Трижды повторилось это:

Айлиль тщетно пытался бороться со сном, а Этайн утешала того, кто был схож с ним обликом. Наконец потребовала она объяснений, и незнакомец сказал, что зовут его Мидир — он был мужем ее, когда она звалась Этайн Эхрайде, но им пришлось расстаться из-за чар Фаумнах. Этайн ответила, что уйдет с ним, если будет получено согласие Эохайда. Когда вернулась она в королевские покои, Айлиль сказал ей, что полностью исцелился как от болезни, так и от любви. А Эохайд возрадовался, найдя брата живым и здоровым.

III. В ясный летний день поднялся Эохайд Айрем на стены Тары. Вдруг появился перед ним незнакомый воин с золотистыми волосами и голубыми глазами, в пурпурном плаще, с пятиконечным копьем и драгоценным щитом. Сказал воин, что зовут его Мидир и пришел он испытать короля в игре в фидхелл. Достал Мидир доску из чистого серебра с золотыми фигурами — в каждом углу ее блистал драгоценный камень. В заклад выставил Мидир пятьдесят великолепных коней, и Эохайд выиграл их.

На следующий день Мидир поставил на кон пятьдесят свиней-трехлеток, пятьдесят мечей с золотой рукоятью и пятьдесят красноухих коров. Эохайд выиграл и этот заклад. Затем предложил Мидир играть на то, что каждый из них пожелает. Эохайд согласился, но в этот день выиграл Мидир и сказал, что хочет поцеловать Этайн. Эохайд собрал во дворце лучших воинов и храбрейших мужей — обступили они короля с Этайн, когда явился Мидир. Тот обнял Этайн и унес ее с собой через отверстие в крыше, а потом все увидели в небе над Тарой двух лебедей.

По приказу короля стали ирландцы сокрушать волшебные холмы, но обитавшие там сиды сказали, что не похищали они жену Эохайда — чтобы вернуть ее, нужно выбрасывать каждый день слепых щенят и котят. Эохайд так и поступил: Мидир пришел в ярость, но ничего не мог поделать и обещал вернуть Этайн. Привели к королю пятьдесят женщин, похожих на Этайн лицом и одеждой. Долго выбирал среди них Эохайд, и наконец показалось ему, будто он узнает жену. Ирландцы возрадовались, однако Мидир сказал, что это его дочь от Этайн. Так Эохайд

навсегда потерял свою жену, а затем был убит Сигмалом, внуком Мидира.

Е. Д. Мурашкинцева

Саги героические

Сага о Кухудине

Рождение Кухулина

Однажды на землю уладов налетели птицы неведомой породы и стали пожирать все плоды, злаки, траву, всю зелень до самого корня. Тогда, чтобы спасти свое пропитание, улады решают снарядить девять колесниц и пуститься в охоту на птиц. На охоту выезжают и правитель уладов Конхобар и его сестра Дехтире. Вскоре они настигают птиц. Те летят огромной стаей во главе с самой прекрасной птицей на свете. Их всего девятью двадцать, и они разделяются на пары, каждая из которых соединена золотой цепочкой. Неожиданно все птицы, кроме трех, исчезают, и именно за ними и устремляются улады, но тут их настигает ночь, так что и эти три птицы скрываются. Тогда улады распрягают колесницы и отправляют нескольких человек искать какое-нибудь пристанище на ночь. Посланные быстро находят одиноко стоящий новый дом, крытый белыми птичьими перьями. Он внутри никак не отделан и ничем не убран, и в нем нет даже полатей и одеял. Двое хозяев, муж и жена, сидящие в доме, ласково приветствуют вошедших. Несмотря на отсутствие пищи и маленький размер дома, улады решают направиться туда. Они входят в него все, сколько их было, вместе с конями и колесницами, и оказывается, что все это занимает очень мало места в доме. Находят они там и вдоволь пищи и одеял. После того как они располагаются на ночлег, в дверях появляется прекраснейший юноша необычайно высокого роста. Он говорит, что пришло время для ужина, а то, что улады ели раньше, было только закуской. И тогда им подают различные кушанья и напитки, по вкусу и желанию каждого, после чего они, насытившись и захмелев, начинают веселиться. Тогда муж просит Дехтире помочь его жене, рожающей в этот момент в соседней комнате. Дехтире входит к роженице. Вскоре та производит на свет мальчика. Когда улады утром просыпаются, нет больше ни дома, ни хозяев, ни птиц. Они возвращаются домой, захватив с собой новорожденного мальчика.

Он воспитывается при Дехтире, пока не подрастает. В юношеском возрасте он тяжело заболевает и умирает. Очень сильно печалится Дехтире о смерти своего приемного сына. Три дня она ничего не ест и не пьет, а затем ею овладевает

сильнейшая жажда. Дехтире подают чашку с питьем, и, когда она подносит ее к губам, ей кажется, что какой-то крошечный зверек хочет из чашки прыгнуть ей в рот. Остальные же никакого зверька не замечают. Снова подают ей чашку, и в то время, когда она пьет, зверек проскальзывает ей в рот и пробирается внутрь ее. Тот час же Дехтире впадает в сон, длящийся до следующего дня. Во сне ей видится некий муж и возвещает, что ныне она зачала от него. Он также говорит, что именно он создал птиц, создал дом, где ночевали улады, и создал мучившуюся родами женщину. Сам же он принял облик мальчика, который там родился и которого воспитала и недавно оплакивала Дехтире. Теперь же он вернулся в виде маленького зверька, проникшего в ее тело. Затем он назвал свое имя — Луг Длинной Руки, сын Этлена, — и сказал, что от него у Дехтире родится сын по имени Сетанта. После этого Дехтире забеременела. Никто среди уладов не может понять, от кого зачала она, и начинают говорить даже, что виновник — ее брат Конхобар. После этого к Дехтире сватается Суалтам, сын Ройга. И Конхобар отдает ему сестру в жены. Она очень стыдится взойти на его ложе, будучи уже беременной, и начинает бить себя по спине и бедрам, пока — как ей показалось — не освобождается от плода. В этот момент она вновь обретает свою девственность. После этого она поднимается на ложе Суалтама и рожает ему сына величиной с трехлетнего ребенка. Его называют Сетантой, а приемным отцом его становится Кулан-кузнец. Имя Сетанта мальчик носит до тех пор, пока не убивает собаку Кулана и не отслуживает ему за это. С той поры его начинают звать Кухулином.

Болезнь Кухулина

Раз в год все улады собирались на праздник Самайн, и, пока длился этот праздник (целых семь дней), не бывало там ничего, кроме игр, гуляний, пиров и угощений. Любимым же делом собравшихся воинов было похваляться своими победами и подвигами. Раз на такой праздник собрались все улады, кроме Конала Победоносного и Фергуса, сына Ройга. Кухулин решает не начинать без них, так как Фергус — его приемный отец, а Конал — молочный брат. Пока собравшиеся играют в шахматы и слушают песни, на озеро, находящееся неподалеку, слетается стая птиц, прекрасней которых никто не видел во всей Ирландии. Женщин охватывает желание получить их, и они спорят, чей муж окажется ловчее в ловле этих птиц.

Одна из женщин от имени всех просит Кухулина добыть птиц, а когда он начинает ругаться, упрекает его в том, что он является

виновником косоглазия многих влюбленных в него уладских женщин, ибо сам он кривеет на один глаз от ярости во время боя, а женщины делают это для того, чтобы быть похожими на него. Тогда Кухулин совершает такой налет на птиц, что все их лапы и крылья падают в воду. Кухулин с помощью своего возницы Лойга захватывает всех птиц и делит их между женщинами. Каждая получает по две птицы, и только Ингуба, возлюбленная Кухулина, остается без подарка. Ей он обещает в следующий раз поймать самых прекрасных птиц.

Вскоре над озером появляются две птицы, соединенные золотой цепочкой. Они поют так сладко, что все впадают в сон, а Кухулин устремляется на них. Лойг и Ингуба предупреждают его, что в птицах скрывается тайная сила и лучше их не трогать, но Кухулин не может не сдержать своего слова. Он дважды мечет камни в птиц, но дважды промахивается, а затем пронзает крыло одной из них своим копьем. Птицы сразу исчезают, а Кухулин отходит к высокому камню и засыпает. Во сне ему являются две женщины в зеленом и пурпурном плащах и избивают его плетьми почти до смерти. Когда Кухулин пробуждается, он в силах только попросить перенести его на постель в дом. Там он, не вымолвив ни слова, лежит целый год.

Ровно через год, в такой же день Самайна, когда Кухулин все еще находится в постели в окружении нескольких уладов, в дом внезапно входит некий муж и садится прямо напротив Кухулинова ложа. Он говорит, что Кухулина излечат дочери Айда Абрата — Либан и влюбленная в него Фанд, если он поможет их отцу разделаться с врагами. После этого муж неожиданно исчезает, а Кухулин встает с ложа и рассказывает уладам обо всем, что с ним произошло. По совету предводителя уладов Конхобара он отправляется к тому самому камню, где год назад его настигла болезнь, и встречает там женщину в зеленом плаще. Она и оказывается дочерью Аида Абрата по имени Либан и говорит, что пришла просить его о помощи и дружбе по просьбе своей сестры Фанд, которая любит Кухулина и свяжет с ним жизнь, если тот поможет супругу Либан — Лабрайду биться против его врагов. Однако Кухулин не в состоянии отправиться с ней сейчас же и решает сначала послать Лойга, чтобы тот разузнал все про страну, откуда пришла Либан. Лойг отправляется вместе с Либан, встречается и с Фанд, с Лабрайдом, но если Фанд очень любезна с Лойгом и поражает его своей красотой, то Лабрайд нерадостен из-за того, что его ожидает трудная битва с огромным войском. Лабрайд просит Лойга поспешить за Кухулином, и тот возвращается. Он рассказывает Кухулину, что видел множество красивейших женщин и Фанд,

превосходящую красотой всех остальных, Кухулин же во время рассказа своего возницы ощущает, что разум его проясняется и силы прибывают. Он просит Лойга позвать его жену Эмер. Эмер, узнав, что происходит с ее мужем, сначала обвиняет в бездействии уладов, которые никак не ищут средство помочь ему, а затем призывает Кухулина превозмочь себя и встать с постели. Кухулин стряхивает с себя слабость и оцепенение и вновь отправляется к камню, у которого ему было видение. Там он встречает Либан и отправляется вместе с ней к Лабрайду.

Вдвоем они идут взглянуть на вражеское войско, и оно кажется им несметным. Кухулин просит Лабрайда уйти, а рано поутру убивает предводителя их врагов — Эохайда Иула — когда тот идет к ручью умываться. Завязывается битва, и вскоре враги обращаются в бегство. Но Кухулин не может усмирить свою ярость. По совету Лойга Лабрайд готовит три чана холодной воды, чтобы остудить пыл богатыря. После этого Кухулин разделяет ложе с Фанд и проводит возле нее целый месяц, а затем возвращается домой.

Вскоре после возвращения он вновь призывает Фанд на любовное свидание. Но об этом узнает Эмер, берет нож и в сопровождении пятидесяти женщин отправляется в назначенное место, чтобы убить девушку. Кухулин же, увидев Эмер, останавливает ее и запрещает приближаться к Фанд. От этого Эмер впадает в великую скорбь, и пораженный Кухулин обещает никогда не расставаться с ней. Теперь время печалиться Фанд — она покинута и должна вернуться к себе. Однако муж Фанд — Мананнан, покинувший ее, когда она полюбила Кухулина, узнает о происходящем и спешит к Фанд. Встретив мужа, она решает вернуться к нему. Но когда Кухулин видит, что Фанд удаляется с Мананнаном, он впадает в великую скорбь и отправляется в горы, где живет, не принимая пищи и питья. Только посланным Конхобаром ведунам, друидам и певцам удается связать Кухулина, опоить его напитком забвения и привести домой. Такой же напиток дают и Эмер, а Мананнан трясет своим плащом между фанд и Кухулином, чтобы они никогда не встречались.

Смерть Кухулина

Кухулин собирается на битву, но пятьдесят женщин королевского рода преграждают ему путь, чтобы не пустить на новые подвиги. С помощью трех чанов холодной воды им удается охладить его пыл и удержать в этот день от выезда на бой. Но другие женщины укоряют Кухулина в бездействии и призывают защитить их страну. Кухулин снаряжается и подходит к своему

коню, но тот трижды поворачивается к нему левым боком, что предвещает большое несчастье. В ночь накануне похода богиня войны Морриган разбивает колесницу Кухулина, ибо знает, что он уже не вернется домой. Тем не менее Кухулин отправляется в путь. По дороге он навещает свою кормилицу, а затем встречает трех кривых на левый глаз старух, жарящих собачье мясо. На Кухулине лежал зарок — не отказываться от пищи с любого очага, но не есть мяса собаки. Он пытается объехать старух, но они замечают его и приглашают попробовать их пищу, Кухулин ест собачье мясо левой рукой и кладет кости под левую ляжку, от чего они теряют прежнюю крепость. Затем Кухулин вместе со своим возницей Лойгом прибывает к месту битвы.

Тем временем предводитель его врагов Эрк придумывает такую хитрость: все их войска сдвигаются в единую стену и на каждом углу выставляют пару сильнейших воинов и заклинателя, который должен будет попросить Кухулина одолжить ему копье, могущее поразить короля. Приблизившись к вражескому войску, Кухулин сразу ввязывается в битву и так работает копьем и мечом, что равнина становится серой от мозгов им убитых. Вдруг Кухулин видит на краю войска двух борющихся друг с другом воинов и заклинателя, который призывает его разнять дерущихся. Кухулин наносит каждому такой удар, что мозг выступает у них через нос и уши и они падают замертво. Тогда заклинатель просит у него копье, Кухулин отказывается отдать его, но под угрозой быть обесславленным за скупость, соглашается. Один из вражеских воинов — Лугайд — мечет копье в Кухулина и убивает его возницу Лойга. Кухулин отправляется на другой фланг войска и вновь видит двух борющихся. Он разнимает их, отбрасывая в разные стороны с такой силой, что они падают замертво у подножия соседней скалы. Стоящий рядом с ними заклинатель опять просит у него копье, Кухулин вновь отказывается, но под угрозой опозорить всех уладов отдает его. Тогда Эрк мечет копье в Кухулина, но попадает в его коня по имени Серый из Махи. Смертельно раненный конь убегает в Серое озеро, откуда добыл его некогда Кухулин, унося на своей шее половину дышла. Кухулин же упирается ногой в оставшуюся половину дышла и еще раз проезжает через вражеское войско из конца в конец. Опять замечает он двух бойцов, бьющихся друг с другом, разнимает их так же, как и предыдущих, и вновь встречает заклинателя, который просит у него копье. На этот раз Кухулину пришлось отдать его под угрозой опозорить скупостью свой род. Тогда Лугайд берет это копье, мечет его и попадает прямо в Кухулина, да еще так, что внутренности его выпадают на подушку колесницы. Смертельно раненный Кухулин просит у окруживших

его врагов дозволения искупаться в Черном озере, и они разрешают ему. Он с трудом доходит до озера, купается, а затем возвращается к врагам и привязывает себя к высокому камню, не желая умирать лежа или сидя. В этот момент появляется Серый из Махи, чтобы защитить его, пока еще в нем есть душа и исходит луч света от его лба. Зубами он убивает пятьдесят, а каждым из копыт — по тридцать воинов. Долго воины не решаются подойти к Кухулину, думая, что он жив, и только когда птицы садятся на плечи его, Лугайд отсекает ему голову.

Затем войско его отправляется на юг, а он остается искупаться и поесть наловленной им рыбы.

В это время о смерти Кухулина узнает Конал Победоносный. Некогда они заключили договор: тот из них, кто умрет первым, будет отомщен другим. Конал отправляется по следам вражеского войска и вскоре замечает Лугайда. Они договариваются о поединке и разными дорогами прибывают на условленное место. Там Конал сразу ранит Лугайда копьем. Тем не менее их бой продолжается сутки, и только когда конь Конала — Красная Роса — вырывает кусок мяса из тела Лугайда, Коналу удается отрубить ему голову. По возвращении домой улады не устраивают никакого торжества, считая, что все почести принадлежат Кухулину. Он же явился тем женщинам, что удерживали его от выезда на битву: колесница его пронеслась по воздуху, а сам Кухулин, стоя на ней, поет.

А. Р. Курилкин

ИСЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сага об Эгиле (Egils saga Skallagrimssonar) [ок. 1220]

Сальбьярг, дочь Кари, становится женой Ульва по прозвищу Квельдульв («Вечерний волк»). У них рождается два сына — Торольв и Грим.

Харальд по прозвищу Косматый побеждает соседних конунгов и становится единовластным конунгом Норвегии. По его настоянию Квельдульв отправляет к нему сына Торольва; сам же Квельдульв считает, что Харальд причинит много зла его роду, но Торольв может поступать по-своему. И Торольв уезжает.

У человека по имени Бьяргольв есть сын по имени Брюньольв. В старости Бьяргольв берет себе женщину по имени Хильдирид и играет с ней неполную свадьбу, потому что отец ее незнатный человек. У Бьяргольва и Хильдирид рождаются два сына, Харек и Хререк. Бьяргольв умирает, и, как только его выносят из дому, Брюньольв велит Хильдирид с сыновьями ехать прочь. У Брюньольва есть сын по имени Бард, он и сыновья Хильдирид почти ровесники. Бард берет в жены Сигрид, дочь Сигурда.

Осенью к конунгу Харальду прибывают Бард и Торольв, сын Квельдульва, и принимают их хорошо. Они становятся дружинниками конунга.

Зимой Брюньольв умирает, и Бард получает все наследство. В ту же зиму конунг Харальд дает последнюю битву и завладевает всей страной. Торольв и Бард храбро сражаются и получают много ран. Но раны Торольва начинают заживать, а у Барда раны становятся опасными для жизни. И он поручает Торольву жену и сына и отдает все свое имущество. После его смерти Торольв распоряжается в вотчине Барда и сватается к Сигрид, жене Барда, Получив согласие, Торольв устраивает большой свадебный пир, и все видят, что Торольв — человек благородный и щедрый.

К Торольву приезжают сыновья Хильдирид и требуют, чтобы им отдали добро, раньше принадлежавшее Бьяргольву. Торольв же отвечает, что Бард не считал их законными сыновьями, потому что над их матерью было совершено насилие иее привезли в дом как пленницу, Бард не признавал их, и он их не признает. На том разговор и заканчивается.

Зимой Торольв с большой дружиной отправляется к лопарям. Он взыскивает с них дань и в то же время торгует с ними. Торольв добывает уйму добра и становится могущественным человеком.

Летом Торольв приглашает к себе на пир конунга. Конунг

сидит на почетном месте, глядит на многочисленных гостей и молчит. Все видят, что он разгневан.

В день отъезда Торольв зовет конунга на берег и там дарит ему корабль с головой дракона. Конунг и Торольв расстаются как добрые друзья.

Сыновья Хильдирид тоже приглашают конунга к себе на пир. После пира Харек наговаривает конунгу на Торольва — будто тот хочет убить конунга. Конунг верит речам Харека. Потом конунг едет своим путем, а сыновья Хильдирид придумывают себе дело и едут туда же, куда и конунг, встречаются с ним и там и сям, и он всегда с вниманием их выслушивает. И вот уже люди конунга начинают грабить корабли Торольва и притеснять его людей, а Торольв в ответ убивает людей конунга.

Грим же, сын Квельдульва, берет в жены Беру, дочь Ингвара. Гриму двадцать пять лет, но он уже лыс, и его прозывают Скаллагримом («Лысым Гримом»).

Вот раз пирует Торольв со своей дружиной, а конунг предательски нападает на него: окружает его дом и поджигает. Но люди Торольва проламывают стену и выходят вон. Завязывается битва, и в ней погибает Торольв, Его хоронят с подобающими почестями.

Узнает Квельдульв о смерти сына, печалится, ложится в постель, потом снаряжает корабль, плывет в Исландию и умирает в пути. Скаллагрим селится в Исландии.

У Скаллагрима и Беры рождается сын Торольв, похожий на Торольва, сына Квельдульва. Торольв очень веселый, и все его любят.

Родится у Скаллагрима еще сын, и дают ему имя Эгиль. Он подрастает, и видно, что будет он некрасивым и черноволосым, похожим на отца.

Человек по имени Бьярн женится на Торе, сестре Торира, против воли ее брата. Конунг изгоняет Бьярна из Норвегии. Тот отправляется в Исландию и прибивается к Скаллогриму. Там рождается у них дочь Асгерд.

Торольв привязывается к Бьярну. Скаллагрим отправляет послов кТориру, и тот, подчинившись их уговорам, прощает Бьярна. Бьярн возвращается в Норвегию, а дочь его Асгерд остается на воспитании у Скаллагрима.

Весной Торольв и Бьярн снаряжают корабли и отправляются в поход. Осенью они возвращаются с богатой добычей.

Конунг Харальд стареет. Его сын Эйрик по прозванию Кровавая Секира, воспитывается у Торира, и очень к нему расположен.

Бьярн и Торольв едут навестить Торира. Там Торольв дарит

сыну конунга корабль, а тот обещает ему свою дружбу.

Эйрик и Торольв становятся друзьями. Эйрик берет в жены Гуннхильд, она красива, умна и умеет колдовать.

В своей вотчине Скаллагрим устраивает состязание в силе и играх. Семилетний Эгиль проигрывает двенадцатилетнему мальчику, хватает топор и зарубает невольного обидчика, а потом говорит вису (стихотворную фразу).

В двенадцать лет Эгиль уезжает с Торольвом.

Приехав в Норвегию, Торольв с братом отправляются к Бьярну вручить ему дочь его Асгерд. У Торира еще есть сын по имени Аринбьярн. Эгиль дружит с ним, а между братьями дружбы нет.

Вскоре Торольв просит Асгерд, дочь Бьярна, себе в жены. Получив согласие, он едет собирать всех на свадебный пир. А Эгиль заболевает и не может ехать. И Торольв уезжает без него.

Эгиль, выздоровев, едет вдогонку. По дороге он убивает человека конунга. Узнав об этом, конунг приказывает убить Эгиля. Торир выпрашивает у конунга прощение для Эгиля, и Эгиля изгоняют из государства.

Торольв и Эгиль снаряжают большой боевой корабль и совершают несколько походов. Потом они поступают на службу к английскому конунгу Ададьстейну. Адальстейн хитер, он разбивает выступивших против него конунгов. Но в этих сражениях погибает Торольв. Эгиль хоронит брата со всеми почестями. Конунг Адельстейн дарит Эгилю золотое запястье и два сундука с серебром. Эгиль веселеет и говорит вису.

Весной Эгиль отправляется в Норвегию, где узнает, что Торир умер, а наследство его перешло к Аринбьярну. У Аринбьярна Эгиль проводит зиму.

Узнав о смерти Торольва, Асгерд очень печалится. Эгиль сватается к ней, и Асгерд дает согласие. После свадебного пира по совету Аринбьярна Эгиль отплывает в Исландию к Скаллагриму. Эгиль живет у Скаллагрима и занимается вместе с ним хозяйством. Он становится таким же лысым, как и его отец.

Однажды доходит до Эгиля весть, что Бьярн умер, а земли его перешли к зятю его Берганунду, к которому очень благоволят конунг Эйрик и жена его Гуннхильд. Эгиль решает вернуть себе эти земли, и Асгерд едет с ним в Норвегию.

Эгиль выносит дело на тинг, где доказывает, что жена его Асгерд — наследница Бьярна. Берганунд доказывает обратное. В ответ Эгиль говорит вису. Конунг гневается, и Эгиль покидает тинг ни с чем.

Эгиль едет в земли Берганунда, убивает его и одного из сыновей конунга. Имущество, которое он не может увезти, он

предает огню, а потом говорит вису и насылает на Эйрика и его жену Гуннхильд проклятие духов. Затем Эгиль возвращается в Исландию, где занимается хозяйством, ибо Скаллагрим уже стар и немощен. Вскоре Скаллагрим умирает, и все его добро достается Эгилю.

Аринбьярн воспитывает детей конунга и всегда находится подле него. Эгиль является к нему, и Аринбьярн советует ему прийти к конунгу с повинной. Эгиль винится и сочиняет в честь конунга хвалебную песнь. Песнь нравится конунгу, и он разрешает Эгилю уйти от него целым и невредимым, Эгиль идет к Аринбьярну, а потом они прощаются и расстаются друзьями.

Осенью править в Норвегии начинает конунг Хакон. Эгиль решает добиться возвращения себе имущества, которым после Берганунда владеет его брат Атли Короткий. Он является к конунгу Хакону и просит отдать жене его Асгерд имущество, которым некогда владел Бьярн. Хакон благосклонно встречает Эгиля.

Эгиль приезжает к Атли Короткому и вызывает его на тинг. На тинге Эгиль требует вернуть ему имущество Бьерна и предлагает решить тяжбу поединком. В единоборстве Эгиль убивает Атли и говорит вису.

Эгиль едет домой в Исландию. Он везет с чужбины много добра, становится очень богатым человеком и живет в этой стране, никому не причиняя зла. А летом Эгиль и Аринбьярн отправляются в поход, где добывают много добра и скота. Аринбьярн и Эгиль расстаются друзьями.

Зиму Эгиль проводит дома. Бадвард, юный сын Эгиля, тонет в заливе. Узнав о случившемся, Эгиль раскапывает могильный холм Скаллагрима и кладет туда тело Бадварда. Потом он сочиняет поминальную песнь Бадварду. У Эгиля был еще один сын, Гуннар, но он тоже умер. Эгиль справляет тризну по обоим сыновьям.

Эгиль живет в Исландии, там он и стареет. А в Норвегию приходят сыновья Эйрика и воюют с конунгом Хаконом. Аринбьярн становится советником при Харальде, сыне Эйрика, и тот осыпает его почестями. Эгиль складывает в честь Аринбьярна хвалебную песнь.

Постепенно Эгиль, сын Скаллагрима, становится совсем старым, слух его ослабевает, и ноги плохо слушаются. Он сидит у огня и говорит висы. С наступлением осени он заболевает, и болезнь сводит его в могилу. Его хоронят вместе с его оружием и одеянием.

Е. В. Морозова

Сага о людях из Лаксдаля (Laxdoela saga) [середина XIII в.]

В саге рассказывается история восьми поколений одного исландского рода. Центральное место отведено седьмому поколению: связанные с ним события происходили в конце X — начале XI в.

Кетиль Плосконосый занимал высокое положение в Норвегии. Когда конунг Харальд Прекрасноволосый достиг своего наивысшего могущества, Кетиль собрал родичей на совет. Все согласились с тем, что надо покинуть страну Сыновья Кетиля Бьярн и Хельги решили обосноваться в Исландии, о которой слышали много заманчивого. Кетиль сказал, что в его преклонных годах лучше ехать на запад, за море. Он хорошо знал эти места. С Кетилем отправилась его дочь унн Мудрая. В Шотландии он был хорошо принят знатными людьми: ему с родичами предложили поселиться, где они захотят. Сын унн Мудрой Торстейн был удачливым воином и завладел половиной Шотландии. Он стал конунгом, но скотты нарушили уговор и коварно напали на него После смерти отца и гибели сына унн Мудрая тайно приказала построить в лесу корабль, снарядила его и отправилась в путь. Все оставшиеся в живых родичи поехали вместе с ней. Не было другого случая, чтобы женщина спаслась от грозной опасности со столькими спутниками и с таким богатством! Ее сопровождали многие достойные люди, но всех превосходил знатный человек по имени Колль из Долин.

У Торстейна Красного было шесть дочерей и один сын, которого звали Олав фейлан. Унн выдала замуж всех своих внучек, и каждая из них дала начало прославленному роду. В Исландии Унн прежде всего навестила братьев, а потом заняла обширные земли вокруг Брейда-фьорда. Весной Колль женился на Торгерд, дочери Торстейна Красного, — Унн отдала в приданое за ней всю долину Лаксдаль. Наследником же своим она объявила Олава фейлана. В день свадьбы внука Унн внезапно покинула празднество. Наутро Олав зашел к ней в комнату и увидел, что она сидит на постели мертвая. Люди восхищались тем, что Унн сумела сохранить достоинство и величие до дня смерти.

Когда Колль из Долин заболел и умер, его сын Хаскульд был в юных годах. Но Торгерд, дочь Торстейна, мать Хаскульда, была еще молодой и очень красивой женщиной. После смерти Колля она сказала сыну, что не чувствует себя счастливой в Исландии. Хаскульд купил ей полкорабля, и она отплыла с большими

богатствами в Норвегию, где вскоре вышла замуж и родила сына. Мальчику дали имя Хрут. Он был очень хорош собой — как прежде дед его Торстейн и прапрадед Кетиль Плосконосый. После смерти второго мужа Торгерд потянуло обратно в Исландию. Хаскульда она любила больше других детей. Когда Торгерд умерла, Хаскульду досталось всеее добро, хотя половину должен был получить Хрут.

У человека по имени Бьярн была дочь Йорунн — красивая надменная девушка. Хаскульд посватался к ней и получил согласие. Свадьба была великолепной — все гости уехали с богатыми подарками. Хаскульд ни в чем не уступал своему отцу Коллю. У них с Йорунн было несколько детей: сыновей звали Торлейк и Бард, дочерей — Халльгерд и Турид. Все они обещали стать выдающимися людьми. Хаскульд считал унизительным для себя, что дом его выстроен хуже, чем ему бы хотелось. Он купил корабль и поехал за лесом в Норвегию. Живущие там родичи встретили его с распростертыми объятиями. Конунг Хакон был к нему очень милостив: выделил лес, подарил золотое запястье и меч. Хаскульд купил в Норвегии красивую рабыню, хотя купец предупредил его, что она немая. Хаскульд разделил с ней ложе, однако по возвращении в Исландию перестал обращать на нее внимание. А Йорунн сказала, что не будет затевать ссору с наложницей, но для всех лучше, что она глухонемая. В конце зимы женщина родила необычайно красивого мальчика. Хаскульд велел назвать его Олавом, так как незадолго до этого умер его дядя Олав Фейлан. Олав выделялся среди прочих детей, и Хаскульд очень любил его. Однажды Хаскульд услышал, как мать Олава разговаривает с сыном. Подойдя к ним, он попросил женщину не скрывать больше своего имени. Та сказала, что ее зовут Мелькорка и что она дочь Мюркьяртана, короля Ирландии. Хаскульд ответил, что напрасно она так долго утаивала свое высокое происхождение. Йорунн не изменила своего отношения к Мелькорке. Как-то раз Мелькорка разувала Йорунн, а та ударила ее чулками по лицу. Мелькорка рассердилась и разбила Йорунн нос до крови. Хаскульд разнял женщин и поселил Мелькорку отдельно. Вскоре стало видно, что ее сын Олав будет красивее и обходительнее других людей. Хаскульд помог человеку по имени Торд Годди, и в благодарность тот взял Олава на воспитание. Мелькорка считала такое усыновление унизительным, но Хаскульд объяснил, что она недальновидна: у Торда нет детей, и после его смерти Олав унаследует имущество. Олав вырос, стал рослым и сильным. Хаскульд назвал Олаоа Павлином, и это прозвище за ним осталось.

Хрут, брат Хаскульда, был дружинником конунга Харальда.

Мать конунга Гуннхильд ценила его так высоко, что никого не желала с ним сравнивать. Хрут собирался получить большое наследство в Исландии, и конунг подарил ему корабль. Гуннхильд была очень расстроена его отъездом. Когда Хрут приехал к Хаскульду, тот сказал, что мать его не была нищей, когда выходила замуж в Норвегии. В течение трех лет Хрут требовал на тингах свое имущество, и многие полагали, что он в этом споре прав. Потом Хрут угнал у Хаскульда двадцать голов скота и убил двоих слуг. Хаскульд пришел в ярость, но Йорунн посоветовала ему пойти на мировую с братом. Хаскульд тогда отдал Хруту часть наследства, а Хрут возместил причиненный им ущерб. С тех пор они стали ладить, как и подобает родичам.

Мелькорка хотела, чтобы Олав отправился в Ирландию и отыскал своих знатных родичей. Желая помочь сыну, она вышла замуж за Торбьярна Хилого, и тот дал Олаву много товаров. Хаскульду все это не слишком понравилось, но возражать он не стал. Олав вышел в море и вскоре достиг Норвегии. Конунг Харальд принял его очень радушно. Гуннхильд также оказала ему большое внимание из-за его дяди, но люди говорили, что она была бы рада беседовать с ним, даже если бы он не был племянником Хрута, Затем Олав отправился в Ирландию. Мать научила его своему языку и отдала золотой перстень, который отец подарил ей. Король Мюркьяртан признал Олава своим внуком и предложил сделать его наследником, но Олав отказался, не желая вести в будущем войну с королевскими сыновьями. На прощание Мюркьяртан подарил Олаву копье с золотым наконечником и меч искусной работы. Когда Олав вернулся в Норвегию, конунг подарил ему корабль со строевым лесом и одеяние из пурпурной ткани. Путешествие Олава принесло ему большую славу, потому что все узнали о его знатном происхождении и о том, с каким почетом он был принят в Норвегии и Ирландии.

Через год Хаскульд завел разговор о том, что Олаву пора жениться, и сказал, что хочет сосватать ему Торгерд, дочь Эгиля. Олав ответил, что доверяет выбору отца, но ему было бы очень неприятно получить отказ. Хаскульд пошел к Эгилю и попросил руки Торгерд для Олава. Эгиль принял сватовство благожелательно, однако Торгерд заявила, что никогда не выйдет замуж за сына служанки. Узнав об этом, Хаскульд с Олавом снова пришли в палатку Эгиля. На Олаве было пурпурное одеяние, подаренное конунгом Харальдом, а в руках он держал меч короля Мюркьяртана. Увидев красивую нарядную девушку, Олав понял, что это Торгерд. Он сел с ней рядом на скамью, и они проговорили весь день. После этого Торгерд сказала, что не будет

противиться решению отца. Свадебный пир состоялся в доме Хаскульда. Гостей было множество, и все уехали с богатыми дарами. Олав подарил тогда своему тестю драгоценный меч Мюркьяртана, и у Эгиля глаза засверкали от радости. Олав и Торгерд сильно полюбили друг друга. Хозяйство Олава было самым богатым в Лаксдале. Он выстроил себе новый двор и дал ему название Хьярдархольт («Холм, на котором собирается стадо»). Олава все очень любили, потому что он всегда по справедливости улаживал споры. Олав считался самым знатным из сыновей Хаскульда. Когда Хаскульд заболел на старости лет, то послал за сыновьями. Торлейк и Бард, рожденные в браке, должны были разделить наследство, но Хаскульд попросил отдать третью часть Олаву. Торлейк возразил, что у Олава и без того много всякого добра. Тогда Хаскульд подарил Олаву золотое запястье и меч, полученные от конунга Хакона. Затем Хаскульд умер, и братья решили устроить ему пышную тризну. Бард и Олав ладили друг с другом, а Олав и Торлейк враждовали. Наступило лето, люди стали готовиться к тингу, и было ясно, что Олаву будет оказан больший почет, чем его братьям. Когда Олав поднялся на Скалу закона и пригласил всех на тризну в честь Хаскульда, Торлейк с Бардом выразили недовольство — им казалось, что Олав зашел слишком далеко. Тризна была великолепной и принесла большую славу братьям, но Олав все равно был среди них первым. Желая помириться с Торлейком, Олав предложил взять на воспитание его трехлетнего сына Болли. Торлейк согласился, поэтому Болли вырос в Хьярдархольте. Олав с Торгерд любили его не меньше, чем своих детей. Старшего сына Олав назвал Кьяртаном в честь короля Мюркьяртана. Кьяртан был самым красивым из всех мужей, которые когда-либо рождались в Исландии. Он был такой же высокий и сильный, как Эгиль — его дед по матери. Кьяртан во всем достиг совершенства, и люди восторгались им. Он был превосходным воином и пловцом, отличался веселым и добрым нравом. Олав любил его больше других детей. А Болли был первым после Кьяртана по ловкости и силе. Он был высок ростом и красив лицом, всегда богато одевался. Названые братья очень любили друг друга.

Знаменитый норвежский викинг Гейрмунд посватался к Турид, дочери Олава. Олаву этот брак был не по душе, но Торгерд считала его выгодным. Совместная жизнь Гейрмунда и Турид не была счастливой по вине обеих сторон. Через три зимы Турид ушла от Гейрмунда и обманом похитила его меч — клинок этот назывался Фотбит («Ногорез») и никогда не ржавел. Гейрмунд сказал Турид, что Фотбит отнимет жизнь у того мужа, чья смерть будет самой тяжкой утратой для семьи и причиной самых

больших несчастий. Вернувшись домой, Турид подарила меч Болли, который с тех пор с ним не расставался.

В Лаугаре жил человек по имени Освивр. У него было пятеро сыновей и дочь по имени Гудрун. Она была первой среди женщин Исландии по красоте и уму. Как-то раз Гудрун встретила своего родича Геста, который обладал даром провидения. Она рассказала ему четыре своих сна, и Гест растолковал их так: у Гудрун будет четыре мужа — первого она совсем не будет любить и уйдет от него, второго полюбит сильно, но он утонет, третий будет ей не дороже второго, а четвертый станет держать ее в страхе и подчинении. После этого Гест заехал в гости к Олаву. Олав спросил, кто из молодежи станет самым выдающимся человеком, и Гест сказал, что Кьяртан будет прославлен более других. Затем Гест уехал к сыну. Тот спросил, почему у него слезы на глазах. Гест ответил, что придет час, когда у ног Болли будет лежать поверженный им Кьяртан, а затем смерть постигнет и самого Болли.

Освивр просватал свою дочь за Торвальда — человека богатого, но нехраброго. Мнения Гудрун никто не спросил, и она не скрывала своего недовольства. Они прожили вместе две зимы. Потом Гудрун ушла от мужа. В их доме часто бывал человек по имени Торд: люди поговаривали, что между ним и Гудрун любовная связь. Гудрун потребовала, чтобы Торд развелся со своей женой Ауд. Он так и поступил, а затем сыграл свадьбу с Гудрун в Лаугаре. Их совместная жизнь была счастливой, но вскоре корабль Торда разбился на подводных камнях. Гудрун была сильно опечалена смертью Торда.

Олав и Освивр в ту пору очень дружили. Кьяртану нравилось беседовать с Гудрун, потому что она была умна и красноречива. Люди говорили, что Кьяртан и Гудрун подходят друг Другу. Однажды Олав сказал, что очень ценит Гудрун, но у него каждый раз сжимается сердце, когда Кьяртан отправляется в Лаугар. Кьяртан ответил, что дурные предчувствия не всегда сбываются. Он продолжал навещать Гудрун по-прежнему, и Болли всегда сопровождал его. Через год Кьяртану захотелось отправиться в путешествие. Гудрун была очень раздосадована этим решением. Кьяртан попросил, чтобы она ждала его три года. В Норвегии Кьяртан с Болли и их спутники по настоянию конунга Олава приняли новую веру.

Сестра конунга Ингибьярг считалась самой красивой женщиной в стране. Ей очень нравилось беседовать с Кьяртаном, и люди это заме-гили. Летом конунг послал людей в Исландию проповедовать новую веру. Кьяртана он оставил при себе, а Болли решил вернуться домой. Так названые братья впервые расстались.

Болли встретился с Гудрун и ответил на все ее вопросы о Кьяртане, упомянув о большой дружбе между ним и сестрой конунга. Гуд-рун сказала, что это хорошая новость, но при этом покраснела, и люди поняли, что она радуется за Кьяртана не так сильно, как хотела бы показать. Через некоторое время Болли посватался к Гудрун. Та сказала, что не выйдет замуж ни за одного человека, пока жив Кьяртан. Однако Освивр желал этого брака, и Гудрун не посмела перечить отцу. Сыграли свадьбу с большой пышностью. Болли провел зиму в Ааугаре. Его жизнь с женой была не особенно счастливой по вине Гудрун.

Летом Кьяртан попросил конунга Олава отпустить его в Исландию, поскольку все тамошние люди уже приняли христианство. Конунг сказал, что не нарушит слова, хотя Кьяртан мог бы занять самое высокое положение в Норвегии. На прощание Ингибьярг дала Кьяртану вышитый золотом белый головной платок и сказала, что это свадебный подарок для Гудрун, дочери Освивра. Когда Кьяртан взошел на корабль, конунг Олав долго глядел ему вслед, а потом молвил, что нелегко отвратить злой рок — большие несчастья угрожают Кьяртану и его роду.

У Олава и Освивра сохранилась привычка приглашать друг друга в гости. Кьяртан поехал в Лаугар с большой неохотой и вел себя сдержанно. Болли хотел подарить ему коней, но Кьяртан сказал, что не любит лошадей. Названые братья холодно расстались, и Олав был этим очень огорчен. Затем Кьяртан посватался к Хревне, дочери Кальва. Это была очень красивая девушка. На свадьбу Кьяртан подарил жене шитый золотом головной платок — никто в Исландии еще не видел такой дорогой вещи. Кьяртан и Хревна очень привязались друг к другу.

Вскоре Освивр приехал на пир к Олаву. Гудрун попросила Хревну показать платок и долго смотрела на него. Когда гости собирались уезжать, Кьяртан обнаружил, что пропал его меч — подарок конунга. Выяснилось, что украл его Торольв — один из сыновей Освивра. Кьяртан был этим очень задет, но Олав запретил ему затевать распрю с родичами. Через некоторое время люди из Лаксдаля поехали в Лаугар. Кьяртан хотел остаться дома, но уступил просьбам отца. Приняли их очень хорошо. Утром женщины стали одеваться, и Хревна увидела, что исчез ее головной платок. Кьяртан высказал Болли все, что он об этом думает. В ответ Гудрун заметила, что Кьяртану не стоит ворошить потухшие угли, а платок принадлежит не Хревне, а другим людям. Взаимные приглашения с той поры прекратились. Между людьми из Лаксдаля и Лаугара возникла неприкрытая вражда.

Вскоре Кьяртан собрал шестьдесят человек и приехал в Лаугар. Он велел охранять двери и три дня никого не выпускал,

так что всем пришлось справлять нужду прямо в доме. Сыновья Освивра пришли в неистовство: они считали, что Кьяртан нанес бы им меньшую обиду, если бы убил одного или двух слуг. Гудрун говорила мало, но было видно, что она оскорблена больше других. На пасху случилось так, что Кьяртан ехал мимо Лаугара всего с одним провожатым. Гуд-рун настрополила братьев и мужа напасть на него. Кьяртан храбро защищался и нанес сыновьям Освивра большой урон. Болли поначалу не принимал участие в битве, но затем бросился на Кьяртана с мечом. Гудрун была рада, ведь сегодня вечером Хревна не ляжет в постель смеясь. Олав тяжело переживал смерть Кьяртана, однако запретил своим сыновьям трогать Болли. Не посмев ослушаться отца, они убили только тех, кто был вместе с Болли и сыновьями Освивра. Хревна больше не вышла замуж и очень скоро умерла, потому что сердце у нее было разбито от страданий.

Олав обратился за помощью к родичам, и на тинге все сыновья Освивра были объявлены вне закона. От Болли Олав потребовал только виру, и тот охотно уплатил. После смерти Олава Торгерд стала подстрекать сыновей отомстить Болли. Сыновья Олава собрали людей, напали на Болли и убили его. Гудрун была тогда беременна. Вскоре она родила сына и назвала его Болли. Ее старшему сыну Тор-лейку было четыре года, когда убили его отца. Спустя несколько лет к Гудрун стал свататься человек по имени Торгильс. Гудрун сказала, что прежде нужно отомстить за Болли. Торгильс вместе с сыновьями Гуд-рун убил одного из виновников смерти Болли. Несмотря на это, Гуд-рун отказалась от замужества, и Торгильс был очень недоволен. Вскоре его убили прямо на тинге, а Гудрун вышла замуж за могучего хавдинга по имени Торкель. Он добился от сыновей Олава виры за смерть Болли и стал выживать их из Лаксдаля. Гудрун вновь обрела высокое положение. Но однажды корабль Торкеля попал в шторм и затонул. Гудрун мужественно перенесла эту смерть. После всего пережитого она стала очень набожной и первой среди женщин Исландии выучила Псалтырь. Однажды Болли, сын Болли, спросил, кого из своих мужей она больше всего любила. Гудрун сказала, что Торкель был самым могущественным, Болли — самым смелым, Торд — самым умным, а о Торвальде она ничего не хочет говорить. Болли не удовлетворился этим ответом, и Гудрун сказала, что больше всех любила того, кому принесла величайшее горе. Умерла она в глубокой старости и перед смертью ослепла. О потомках ее рассказывается много замечательного в других сагах.

Е. Д. Мурашкинцева

Сага о Гисли, сыне Кислого (Gisla saga Sursonnar) [середина XIII в.]

Основные события, описанные в саге, считаются исторически достоверными, они восходят к 962–978 гг.; висы (стихотворные строфы), приписываемые Гисли, скорей всего сочинены значительно позже.

Торбьёрн женится на Торе, и у них рождаются дети: дочь Тордис, старший сын Торкель и средний Гисли. Неподалеку живет человек по имени Бард, который хочет заполучить дочь Торбьёрна Тордис, а Гисли противится и пронзает его мечом. Торкель отправляется к Скегги Драчуну, родичу Барда, и подстрекает его отомстить за Барда и взять в жены Тордис. Гисли отсекает Скегги ногу, и поединок этот умножает славу Гисли.

Сыновья Скегги ночью подъезжают к дому Торбьёрна и поджигают его. А там, где спали Торбьёрн, и Тордис, и его сыновья, стояли два жбана с кислым молоком. Вот Гисли и те, кто был с ним, хватают козлиные шкуры, макают их в молоко и тушат ими огонь. Потом пробивают стену и убегают в горы. Двенадцать человек сгорают в доме, а те, кто поджег, думают, что сгорели все. А Гисли, Торкель и их люди идут к хутору Скегги и всех там убивают.

Торбьёрн, прозванный Кислым за то, что спасся с помощью кислой сыворотки, умирает, а следом и его жена. Над ними насыпают курган, а сыновья Кислого строят хороший двор в Ястребиной Долине и живут там вместе. Сестру свою Тордис отдают они замуж за Торгрима, и те селятся рядом. Гисли же женится на Ауд, сестре купца-морехода Вестейна.

Вот едут мужчины из Ястребиной Долины на тинг и держатся там вместе. И все гадают, долго ли они так продержатся. Тогда Гисли предлагает Торгриму, Торкелю и Вестейну принять обет побратимства. Но Торгрим отказывается подать руку Вестейну, и Гисли отказывается подать руку Торгриму. И все разъезжаются с тинга.

Торкель ничего не делает по хозяйству, а Гисли работает день и ночь. Однажды Торкель сидит дома и слышит, как болтают его жена Асгер и жена Гисли Ауд. И получается, что Асгерд зналась с Вестей-ном. Ночью в супружеской постели улаживает Асгерд дело с Торкелем. Только Гисли, которому Ауд об этом рассказывает, мрачнеет и говорит, что от судьбы не уйдешь.

Торкель предлагает брату разделить хозяйство, потому что хочет он хозяйствовать вместе с Торгримом, и Гисли соглашается,

ибо ущерба ему от этого нет.

И вот устраивает Гисли у себя пир, и у Торкеля с Торгримом тоже идет пир. Торкель и Торгрим приглашают к себе колдуна Торгрима по прозванью Нос, и тот делает им копье.

Вестейн в это время гостит у Гисли. Как-то ночью идет сильный дождь и начинает течь крыша. Все покидают комнату, Вестейн же спит, потому что на него не капает. Тут кто-то прокрадывается в дом и копьем наносит удар Вестейну прямо в грудь; тот падает у лавки мертвым. Входит Гисли, видит, что произошло, и сам вынимает копье из раны. Вестейна хоронят как подобает, и Гисли произносит горькие висы.

Осенью Торгрим устраивает пир и приглашает много соседей. Все пьют допьяна и ложатся спать. Ночью Гисли берет копье, которым убит Вестейн, идет к Торгриму и убивает его. А так как все гости пьяны, никто ничего не видит, Бёрк, брат Торгрима, извлекает копье. Все справляют тризну по Торгриму. Когда же весть приносят Гисли, он говорит вису.

Бёрк переезжает к Тордис и берет ее в жены. Тордис разгадывает смысл висы Гисли и говорит мужу, что брата его убил Гисли. Торкель предупреждает об этом Гисли, однако в помощи ему отказывает, ибо дорог был ему его зять, сотоварищ и друг Торгрим.

Бёрк на тинге обвиняет Гисли в убийстве Торгрима. Гисли продает свою землю и берет за нее много серебра. Потом он идет к Торкелю и спрашивает, согласен ли тот укрыть его. Торкель отвечает как прежде: он готов дать ему, что требуется, но укрывать не будет.

Гисли объявляют вне закона. Он произносит горестную вису.

Гисли живет вне закона шесть зим, укрываясь в разных местах. Однажды, когда прячется он у жены своей Ауд, видит он сон. Приходят к нему во сне две женщины, одна добрая, другая дурная. А потом входит он в дом, где горят семь огней, и добрая женщина говорит, что огни эти означают, что жить ему осталось семь лет. Проснувшись, Гисли говорит висы.

Бёрк же нанял человека по имени Эйольв и пообещал ему большую награду, если тот выследит и убьет Гисли. Узнав, что Гисли прячется в лесу, Эйольв отправляется на поиски, но не находит его. По возвращении Эйольва ждут одни насмешки.

Гисли идет к Торкелю и снова просит его о помощи, Торкель опять отказывается прятать брата, только дает ему просимое серебро. Гисли отправляется к Торгерд. Женщина эта часто скрывает у себя объявленных вне закона, и у нее есть подземелье с двумя выходами. В нем проводит Гисли зиму.

По весне возвращается Гисли к любимой жене Ауд и говорит

ей печальные висы. Осенью приходит он к Торкелю и последний раз просит его помочь ему. Торкель отвечает то же, что и прежде. Гисли берет у него лодку, а потом говорит, что первым из них будет убит Торкель. На том они и расстаются.

Гисли отправляется на остров к своему двоюродному брату Ингьяльду. Возле острова он переворачивает лодку, будто это он утонул, а сам идет к Ингьяльду и живет у него. До Эйольва доходят слухи, что Гисли не утонул, а прячется на острове. Рассказывает он об этом Бёрку, тот снаряжает пятнадцать человек, и плывут они на остров.

Гисли одурачивает людей Бёрка и уходит в скалы. Бёрк гонится за ним. Гисли разрубает мечом одного из преследователей, но Бёрк ранит Гисли копьем в ногу, и тот теряет силы. Поблизости живет человек по имени Рэв. Он и жена его укрывают Гисли от преследователей.

Поездка эта позорна для Бёрка и упрочает славу Гисли. «И правду говорят, что не родился еще человек столь умелый, как Гисли, и столь бесстрашный. Но не было ему счастья».

Бёрк едет на тинг, и Торкель, сын Кислого, тоже. Там к Торкелю подходят два мальчика, и старший просит показать ему меч. Получив меч, он отсекает Торкелю голову, а потом они убегают, и их не находят. Люди же говорят, что это были сыновья Вестейна. Гибель Торкеля оборачивается для Бёрка стыдом и позором.

Гисли сидит в подвале у Ауд, а к ней приходит Эйольв и сулит гору серебра за то, что она укажет ему, где Гисли. Ауд с размаху швыряет серебро прямо в нос Эйольву, и тот с позором уходит.

Гисли начинают одолевать дурные сны. Так, снится ему, что пришел к нему Эйольв со множеством других людей, а голова у Эйольва волчья. И дерется Гисли с ними со всеми. И произносит Гисли печальные висы, где речь идет о смерти.

Наступает последняя ночь лета, и к убежищу Гисли приходит Эйольв, а с ним еще четырнадцать человек. Вместе с Ауд Гисли забирается на скалу и призывает к себе Эйольва, ибо у него к Гисли счет больше, нежели у людей его. Но Эйольв держится в стороне, людей же его Ауд побивает дубиной, а Гисли рубит мечом и секирой. Тут бросаются в бой двое родичей Эйольва, они разят Гисли копьями, и у того вываливаются внутренности. Подвязав их, Гисли говорит свою последнюю вису, а потом рубит голову родичу Эйольва, падает на него бездыханным и умирает.

Тордис, узнав о смерти брата, пытается убить Эйольва и разводится с Бёрком. Эйольв, недовольный, возвращается домой. Ауд едет в Данию, там принимает крещение и отправляется

паломницей в Рим.

Скрывался Гисли тринадцать лет.

Е. В. Морозова

Сага о Гуннлауге Змеином Языке (Gunnlaugs saga Ormstungu) [ок. 1280]

Сага начинается с рассказа о родителях главных героев. Торстейн, сын Эгиля и внук Скаллагрима, жил в Городище. Человек он был умный и достойный, все любили его. Как-то раз он приютил у себя одного норвежца. Тот очень интересовался снами. Торстейн приснилось, что на крыше его дома сидит красивая лебедь, к которой прилетели два орла — один с гор, а другой с юга. Орлы стали биться между собой и упали замертво, а потом прилетевший с запада сокол увел за собой опечаленную лебедь. Норвежец истолковал сон так: беременная жена Торстейна Йофрид родит девочку необыкновенной красоты, и к ней посватаются два знатных человека с тех сторон, откуда прилетели орлы: оба сильно полюбят ее и будут биться друг с другом до смерти, а затем к ней посватается третий человек, и она выйдет за него замуж. Торстейн был расстроен этим предсказанием и, уезжая на тинг, приказал жене мальчика оставить, а девочку выбросить. Йофрид родила очень красивую девочку и велела пастуху отвезти ее к Торгерд, дочери Эгиля. Когда Торстейн вернулся, Йофрид сказала, что девочку выбросили, как он и велел. Прошло шесть лет, и Торстейн поехал в гости к Олаву Павлину, своему зятю. Сестра Торгерд показала ему Хельгу, попросив прощения за обман. Девочка была красивой, она понравилась Торстейну, и он увез ее с собой. Хельга Красавица выросла у матери с отцом, и все горячо любили ее.

Иллуги Черный жил на Белой реке в Крутояре. Он был вторым по знатности на Городищенском Фьорде после Торстейна, сына Эгиля. Иллуги имел много детей, но в саге говорится только о двоих — Хермунде и Гуннлауге. О Гуннлауге рассказывают, что он рано возмужал, был высок ростом, силен и хорош собой. Он любил сочинять язвительные стихи, и за это его прозвали Змеиным Языком. Хермунда любили больше, чем Гуннлауга. В двенадцать лет Гуннлауг поссорился с отцом, и Торстейн предложил ему пожить в Городище. Гуннлауг учился законам у Торстейна и заслужил всеобщее уважение. Они с Хельгой очень привязались друг к другу. Хельга была так красива, что, по словам сведущих людей, не бывало в Исландии женщин красивее ее. Однажды Гуннлауг попросил Торстейна показать, как обручаются с девушкой, и совершил обряд с Хельгой, но Торстейн предупредил, что это будет только для виду.

На Мшистой Горе жил человек по имени Энунд. У него было

три сына, и все они подавали большие надежды, но особо выделялся среди них Храфн — это был рослый, сильный, красивый юноша, который умел сочинять хорошие стихи. У Энунда было много родичей, и они были самыми уважаемыми людьми на юге.

В течение шести лет Гуннлауг Змеиный Язык жил попеременно то в Городище у Торстейна, то дома в Крутояре. Ему было уже восемнадцать лет, и с отцом они теперь хорошо ладили. Гуннлауг попросил Иллуги отпустить его в путешествие, и тот купил ему полкорабля. Пока корабль снаряжали, Гуннлауг гостил в Городище и много времени проводил с Хельгой. Когда он стал свататься, Торстейн ответил, что надо либо ехать за море, либо жениться — Хельге не пара тот, кто сам не знает, чего хочет. Но Иллуги Черному Торстейн отказать не смог и обещал, что Хельга будет ждать Гуннлауга три года, а если тот в срок не вернется, Торстейн отдаст ее за другого.

Гуннлауг отправился в Норвегию, но ему пришлось уехать оттуда, потому что он разгневал ярла Эйрика своей заносчивостью. Он поплыл в Англию и сочинил хвалебную песнь для конунга Адальрада — за это конунг одарил его пурпурным плащом на меху с золотой отделкой. Потом он убил на поединке известного викинга: этот подвиг принес ему большую славу в Англии и за ее пределами. Конунг из Дублина Сигтрюгг одарил его за хвалебную песнь дорогим плащом и золотым запястьем весом в одну марку. В Гаутланде правил тогда ярл Сигурд. Однажды заспорили гауты с норвежцами, чей ярл лучше. Избранный третейским судьей Гуннлауг сказал вису, в которой воздал хвалу и ярлу Сигурду, и ярлу Эйрику. Норвежцы были очень довольны, а ярд Эйрик, узнав об этом, забыл о своей обиде. В Швеции Гуннлауг встретился с Храфном, сыном Энунда, и подружился с ним. Но на пиру у конунга Олава Гуннлауг захотел первым сказать хвалебную песнь. Храфн назвал ее напыщенной и резкой, как сам Гуннлауг. Гуннлауг назвал песнь Храфна красивой и ничтожной, как сам Храфн. Перед отъездом в Исландию Храфн сказал, что с прежней дружбой покончено и когда-нибудь он тоже осрамит Гуннлауга. Тот ответил, что угроз не боится.

Всю зиму Храфн провел у своего отца, а летом посватался к Хельге. Торстейн отказал ему, сославшись на обещание, данное Гуннлаугу. На следующее лето знатные родичи Храфна стали сватать Хельгу очень настойчиво, говоря, что срок в три года уже прошел. Тогда Торстейн поехал к Иллуги Черному. Тот сказал, что не знает в точности намерений своего сына Гуннлауга. Было решено, что в начале зимы в Городище состоится свадьба, если

Гуннлауг не вернется и не потребует выполнить обещание. Хельга была очень недовольна всем этим уговором.

Гуннлауг из Швеции поехал в Англию, и конунг Адальрад принял его очень хорошо. Датчане тогда угрожали войной, поэтому конунг не хотел отпускать своего дружинника. За полмесяца до начала зимы Гуннлауг высадился в Лавовой бухте, и здесь его вызвал на кулачный бой Торд, сын бонда с равнины. Гуннлауг победил, но вывихнул ногу — и приехал в Крутояр в ту самую субботу, когда в Городище сидели за свадебным пиром. Люди говорят, что невеста была очень печальна. Когда же Хельга узнала, что Гуннлауг вернулся, то стала холодна со своим мужем. В конце зимы они с Гуннлаугом встретились во время праздника, и скальд подарил ей плащ, полученный от конунга Адальрада. Летом все поехали на тинг: там Гуннлауг вызвал Храфна на поединок, но, когда Храфн сломал свой меч, родичи встали между ними. На следующий день был принят закон, что всякие поединки в Исландии отныне запрещаются.

Храфн приехал в Крутояр и предложил Гуннлаугу закончить поединок в Норвегии. Родичам он сказал, что ему нет никакой радости от Хельги и один из них должен погибнуть от руки другого. Когда ярл Эйрик запретил им сражаться в его государстве, они встретились в месте, которое называется Ливангр. Гуннлауг убил спутников Храфна, а Храфн — спутников Гуннлауга. Потом они стали биться двое:

Гуннлауг отрубил Храфну ногу, и тот попросил пить. Гуннлауг принес в шлеме воды, и Храфн нанес ему бесчестный удар в голову, потому что не желал уступить Хельгу Красавицу. Гуннлауг убил Храфна и через три дня сам умер от раны. В это время Иллуги Черному приснился сон, будто пришел к нему окровавленный Гуннлауг и сказал вису о своей смерти. А Энунду во сне явился Храфн.

Летом на альтинге Иллуги потребовал у Энунда виру за то, что Храфн подло поступил с Гуннлаугом. Энунд сказал, что не станет платить, но и за Храфна виры не потребует. Тогда Иллуги убил двух его родичей, а Хермунд, потерявший покой после смерти брата, пронзил копьем одного из племянников. За убийство никто не потребовал виры, и на этом прекратилась распря Иллуги Черного с Энундом из Мшистой Горы.

Торстейн, сын Эгиля, через некоторое время выдал свою дочь Хельгу за достойного и богатого человека по имени Торкель. Но она была к нему мало расположена, потому что не могла забыть Гуннлауга. Самой большой радостью для нее было разостлать и подолгу смотреть на подаренный им плащ. Однажды в дом Торкеля пришла тяжелая болезнь, и Хельга тоже занемогла. Она

велела принести плащ Гуннлауга и пристально на него взглянула, а потом склонилась на руки мужа и умерла. Все очень жалели о ее смерти.

Е. Л Мурашкинцева

Старшая Эдда (Eddadigte) вторая половина XIII в
Сборник древнеисландских песен

Песни о богах

Песнь о Хюмире

Раз боги с охоты возвращаются с добычей и пир затевают, и котла не хватает им. И вот бог Тюр по дружбе Тору, Одина сыну, совет дает добрый: «Живет на востоке… Хюмир премудрый» и хранит он «котлище великий, с версту глубиной».

И вот Тюр и Тор в путь отправляются и, прибыв к месту, козлов своих в стойло ставят, а сами в палаты идут.

Вот появляется Хюмир в палатах, и гости навстречу выходят ему. Хюмир же балку ломает, котлы с нее — счетом восемь — падают, и один только цел остается. Затем трех быков круторогих на стол подают, а Тор целых двух съедает.

Наутро в море идет вместе с Хюмиром Тор, удилища взяв. Насаживает на крючок Тор-победитель голову бычью, в воду забрасывает, а змей, что мир людской опоясал, пасть разевает и заглатывает наживку. Тащит Тор его смело и начинает колотить его, отчего ревет змей и на дно вновь уходит. Хюмир же двух китов, этих вепрей прибоя, поймал, и вот *уже* к берегу правят они. На берегу же, силу Тора проверить желая, приказывает ему Хюмир китов до двора донести.

Доносит Тор китов. Но и этого мало Хюмиру, чтоб силу Тора проверить. Просит он его кубок разбить, и Тор с силой в каменный столб кубок мечет, «…раздроблен был камень кубком на части, но без трещин кубок вернулся к Хюмиру». Тут совет вспоминает Тор: надо в голову Хюмира, ётуна-великана, кубок метнуть, ибо череп его крепче камня. И правда, о голову Хюмира разбивается кубок. Согласен тут великан котел свой отдать, но условием ставит, чтобы искатели котла сами, без чьей-либо помощи, унесли его. Тюр даже сдвинуть котел не может, Тор же берется за край котла, на голову его надевает и идет, бренча о пятки котельными кольцами.

Недалеко отъезжают они, как, обернувшись, видят, что с Хюмиром вместе идет за ними «войско могучее многоголовых». Тогда Тор, сбросив котел, поднимает молот свой Мьёлльнир и всех убивает.

К асам-богам Тор возвращается с котлом, «и асы теперь

каждую зиму досыта пили пиво».

Песнь о Трюме

Тор ото сна встает разъяренный и видит, что молот Мьёлльнир пропал у него. Локи, хитрому богу, говорит он о пропаже своей, а потом идут они к дому Фрейи и просят наряд ее из перьев, чтобы молот сыскать. Дает наряд Фрейя, и шумит перьями Локи, улетая из края асов-богов в край, где живут ётуны-великаны.

Трюм-великан сидит на кургане и из золота плетет ошейник» псам. Видит он Локи и спрашивает его, зачем он в Ётунхейм прибыл. А Локи в ответ ему, не он ли Хлорриди-Тора молот запрятал? Трюм отвечает, что он молот запрятал и отдаст его только тогда, когда в жены ему Фрейю прекрасную отдадут.

Летит Локи обратно и Тору все говорит. Тогда идут они оба к Фрейе, просятее наряд надеть брачный и с ними вместе в Ётунхейм ехать. Но Фрейя отказывается наотрез.

Тогда боги-асы на тинг собираются — думают, как им молот Тора вернуть. И решают брачный наряд на Тора надеть: пышным убором голову накрыть, а грудь украсить ожерельем Брисингов-карликов. Локи ж служанкой Тора в Ётунхейм соглашается ехать.

Завидев их, Трюм говорит, чтоб столы застилали для пира. На пиру Трюм желает невесту поцеловать, но, откинув покров, видит, что сверкают глаза у нее и «пламя из них ярое пышет». Служанка разумная на то отвечает, что «восемь ночей без сна была Фрейя», так торопилась она в край великанов приехать. И вот в нетерпении Трюм, ётунов конунг, приказывает Мьёлльнир нести и на колени невесте его положить, чтобы скорей союз их с ней заключить. Хлорриди-Тор радостно молот могучий хватает и род исполинов весь, вместе с Трюмом, истребляет. «Так Тор завладел молотом снова».

Песни о героях

Песнь о Вёлунде

Жил конунг по имени Нидуд, Двое сыновей было у него и дочь Бедвильд.

Жили три брата — сыновья конунга финнов: Слагфрид, Эгиль и Вёлунд. Рано утром видят они на берегу трех женщин — это были валькирии. Братья в жены берут их, и Вёлунду Чудесная достается. Живут они семь зим, а потом валькирии на битву мчатся и обратно не возвращаются. Отправляются братья искать

их, только Вёлунд дома сидит.

Узнает Нидуд, что Вёлунд один остается, и шлет к нему воинов в кольчугах блестящих. Внутрь жилища воины входят и видят: на лыке кольца подвешены, числом семьсот. Снимают они кольца и снова нанизывают, только одно кольцо утаили. Приходит Вёлунд с охоты, кольца считает и видит, что нет одного. Решает он, что возвратилась валькирия юная и кольцо взяла. Долго сидит он, а потом засыпает; проснувшись же, видит, что крепко веревками связан. Нидуд-конунг меч его забирает, а кольцо золотое, что взято было, дочери Бедвильд своей отдает. А потом конунг приказ отдает; Вёлунду-кузнецу сухожилья подрезать, отвезти на остров далекий и бросить там.

Вёлунд, сидя на острове, месть лелеет. Вот однажды двое Нидуда сыновей к нему приезжают — взглянуть на сокровища, что на острове были. И только склонились братья к ларцу, как Вёлунд головы Прочь отрезает обоим. Чаши в оправе из серебра из черепов их делает и Нидуду посылает; «яхонты глаз» супруге его отправляет; зубы обоих берет и для Бедвильд нагрудные пряжки делает.

Бедвильд идет к нему с просьбой: кольцо поврежденное исправить. Вёлунд пивомее поит и кольцо и девичью честь у нее забирает. А потом, кольцо волшебное получив обратно, в воздух поднимается и к Нидуду направляется.

Нидуд сидит и о сыновьях горюет. Вёлунд ему говорит, что в кузне его может он кожу с голов сыновей найти, а под мехами ноги. Бедвильд же теперь беременной стала от него. И Вёлунд, смеясь, в воздух вновь взлетает, «Нидуд же в горе один остался».

Вторая песнь о Хельги, убийце Хундинга

Конунга Сигмунда сын Хельги зовется, Хагаль — воспитатель его.

Одного конунга воинственного Хундинг зовут, и много у него сыновей. Вражда царит между Сигмундом и Хундингом.

Конунг Хундинг шлет людей к Хагалю, чтобы Хельги найти. А Хельги не может укрыться иначе как рабыней переодеться; и начинает он зерно молоть. Ищут люди Хундинга Хельги повсюду, но не находят. Тут Блинд Злокозненный замечает, что слишком грозно сверкают глаза у рабыни и жернов в руках у нее трещит. Хагальже отвечает, что дива тут нет, ибо конунга дочь жернов вращает; прежде носилась она под облаками и сражаться могла, как смелые викинги, теперь Хельги в плен ее взял.

Спасся Хельги и на корабль боевой отправился. Сразил он конунга Хундинга и с тех пор зваться стал Убийца Хундинга.

У конунга Хёгни дочь есть, Сигрун-валькирия, что по воздуху носится. Просватана Сигрун за Хёдбродда, сына конунга Гранмара. Хельги могучий в это время с сыновьями Хундинга сражается и убивает их. А потом отдыхает под Камнем Орлиным. Туда к нему Сиг-рун прилетает, обнимает его и целует. И Хельги она полюбилась, а дева уж давно любит его, еще прежде чем встретила.

Не боится Хельги гнева Хёгни-конунга и Гранмара-конунга, а идет на них войной и всех сыновей Гранмара убивает, а также конунга Хёгни. Так волею судеб Сигрун-валькирия становится причиной раздора среди родичей.

Женится Хельги на Сигрун, и родятся у них сыновья. Но не суждена долгая жизнь Хельги. Даг, сын Хёгни, Одину-богу жертву приносит, чтобы тот помог ему за отца отомстить. Дает Один Дагу копье, и тем копьем пронзает Даг Хельги. Потом едет Даг в горы и рассказывает Сигрун, что случилось.

Сигрун проклятье на голову брата призывает, Даг же виру за мужа хочет ей заплатить. Сигрун отказывается и холм насыпает на могиле могучего князя Хельги.

Хельги идет прямиком в Вальгаллу, и там Один ему предлагает править наравне с ним.

И вот как-то раз видит служанка Сигрун, как Хельги мертвый с людьми своими к кургану едет. Чудно служанке кажется, и спрашивает она Хельги, уж не света конец ли настал. И тот отвечает, что нет, ибо хоть и шпорит коня он, но не суждено ему домой возвратиться. Дома служанка Сигрун рассказывает, что видела.

Сигрун идет в курган к Хельги: очень рада она видеть мужа, пусть и мертвого. Хельги-мертвец ее упрекает, дескать, повинна она в гибели его. И говорит он, что «отныне в кургане со мною, убитым, знатная дева вместе пребудет!».

Ночь проводит Сигрун в объятиях мертвого, а наутро Хельги и люди его прочь скачут, а Сигрун с служанкой своей домой возвращаются. Скорбит Сигрун о Хельги, и вскоре смертьее к себе забирает.

«В древнее время верили, что люди рождаются вновь, но теперь это считают бабьими сказками. Говорят, что Хельги и Сигрун родились вновь».

Пророчество Грипира

Грипир землями правит, самый мудрейший он средь людей. Ситурд, сын Сигмунда, к нему в палаты является, чтобы узнать, что суждено ему в жизни. Грипир, кто матери Сигурда братом

приходится, Приветливо родича принимает.

И говорит Грипир Сигурду, что будет велик он: сперва за отца отомстит и конунга Хундинга в битве сразит. Потом поразит он Регина-карлика с фафниром-змеем и, Фафнира логово отыскав, нагрузит Коня своего по имени Грани «золота грузом» и к конунгу Гьюки отправится. На горе увидит он в доспехах спящую деву. Острым клинком Сигурд доспехи разрубит, ото сна пробудится дева и научит Сигмунда сына рунам мудрым. Дальше же юности Сигурда видеть Грипир не может.

Чувствует Сигурд, что ожидает жребий печальный его, а потому Грипир не хочет судьбу ему дальше поведать. И вот в уговоры пускается Сигурд, и вновь говорит Грипир.

«Есть дева у Хеймира, ликом прекрасная», Брюнхильд зовутее, она и лишит покоя Сигурда, ибо он полюбит ее. Но едва Сигурд у Гьюки ночь прогостит, сразу забудет он светлую деву. Кознями Грим-хильд коварной будет в жены ему дана светловолосая Гудрун, дочь Гримхильд и Гуннара. И для Гуннара станет он Брюнхильд сватать, обличьем с Гуннаром сменявшись. Но хоть и похож он на Гуннара будет, душа его прежней останется. И будет Сигурд благородный с девою рядом лежать, но будет меч между ними. И осудят люди Сигурда за такой обман девы достойной.

Затем вернутся князья и в палатах Гьюки две свадьбы сыграют: Гуннара с Брюнхильд и Сигурда с Гудрун. К тому времени Гуннар и Сигурд обратно обличья примут свои, но души их прежними останутся.

Будут жить счастливо Сигурд и Гудрун, Брюнхильд же «замужество горьким покажется, она за обман искать будет мести». Гуннару скажет она, что не сдержал клятв своих Сигурд, «когда благородный конунг Гуннар, Гьюки наследник» верил ему. И разгневана будет жена благородная Гудрун; от горя жестоко с Сигурдом она обойдется: убийцами Сигурда станут братья ее.

Гримхильд коварная одна будет в этом повинна.

И речет Грипир печальному Сигурду: «В том утешенье, князь, найдешь ты, что счастья тебе суждено немало: здесь на земле, под солнца жилищем, не будет героя, Сигурду равного!»

Сигурд же ему отвечает: «Простимся счастливо! С судьбой не поспоришь! Ты, Грипир, по-доброму просьбу исполнил; предрек бы ты больше удачи и счастья в жизни моей, если бы мог!»

Е. В. Морозова

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о моем Сиде (El cantar de Mio Cid)

Эпическая анонимная поэма (ок. 1140)

Руй Диас де Бивар, прозванный Сидом, по навету врагов лишился расположения своего сеньора, короля Кастилии Альфонса, и был отправлен им в изгнание. На то, чтобы покинуть кастильские пределы, Сиду дано было девять дней, по истечении которых королевская дружина получала право его убить.

Собрав вассалов и родню, всего шестьдесят человек воинов, Сид отправился сначала в Бургос, но, как ни любили жители города отважного барона, из страха перед Альфонсом они не посмели дать ему пристанище. Только смелый Мартин Антолинес прислал биварцам хлеба и вина, а потом и сам примкнул к дружине Сида.

Даже малочисленную дружину нужно кормить, денег же у Сида не было. Тогда он пошел на хитрость: велел сделать два ларя, обить их кожей, снабдить надежными запорами и наполнить песком. С этими ларями, в которых якобы лежало награбленное Сидом золото, Он отправил Антолинеса к бургосским ростовщикам Иуде и Рахилю, чтобы те взяли лари в залог и снабдили дружину звонкой монетой.

Евреи поверили Антолинесу и отвалили целых шестьсот марок.

Жену, донью Химену, и обеих дочерей Сид доверил аббату дону Санчо, настоятелю монастыря Сан-Педро, а сам, помолившись и нежно простившись с домашними, пустился в путь. По Кастилии тем временем разнеслась весть, что Сид уходит в мавританские земли, и многие отважные воины, охочие до приключений и легкой поживы, устремились ему вослед. У Арлансонского моста к дружине Сида примкнуло целых сто пятнадцать рыцарей, которых тот радостно приветствовал и посулил, что на их долю выпадет множество подвигов и несметных богатств.

На пути изгнанников лежал мавританский город Кастехон. Родственник Сида, Альвар Фаньес Минаия, предложил господину взять город, а сам вызвался тем временем грабить округу. Дерзким налетом Сид взял Кастехон, а вскоре с добычей туда прибыл и Минаия, Добыча была так велика, что при разделе каждому конному досталось сто марок, пешему — пятьдесят. Пленников по дешевке продали в соседние города, чтобы не обременять себя их содержанием. Сиду понравилось в Кастехоне, но долго оставаться здесь было нельзя, ибо местные мавры были

данниками короля Альфонса, и тот рано или поздно осадил бы город и горожанам пришлось бы плохо, так как в крепости не было воды.

Следующий свой лагерь Сид разбил у города Алькосер, и оттуда совершал набеги на окрестные селения. Сам город был хорошо укреплен, и, чтобы взять его, Сид пошел на уловку. Он сделал вид, что снялся со стоянки и отступает. Алькосерцы бросились за ним в погоню, оставив город беззащитным, но тут Сид повернул своих рыцарей, смял преследователей и ворвался в Алькосер.

В страхе перед Сидом жители близлежащих городов запросили помощи у короля Валенсии Тамина, и тот послал на битву с Алькосером три тысячи сарацинов. Выждав немного, Сид с дружиной вышел за городские стены и в жестокой схватке обратил врагов в бегство. Возблагодарив Господа за победу, христиане принялись делить несметные богатства, взятые в лагере неверных.

Добыча была невиданной. Сид призвал к себе Альвара Минайю и велел ехать в Кастилию, с тем чтобы преподнести в дар Альфонсу тридцать лошадей в богатой сбруе, и кроме того, сообщить о славных победах изгнанников. Король принял дар Сида, но сказал Минайе, что еще не настало время простить вассала; зато он позволил всем, кому того захочется, безнаказанно примкнуть к Сидовой дружине.

Сид между тем продал Алькосер маврам за три тысячи марок и отправился дальше, грабя и облагая данью окрестные области. Когда дружина Сида опустошила одно из владений графа Барселонского Раймунда, тот выступил против него в поход с большим войском из христиан и мавров. Дружинники Сида снова одержали верх, Сид же, одолев в поединке самого Раймунда, взял его в плен. По великодушию своему он отпустил пленника без выкупа, забрав у него лишь драгоценный меч, Коладу.

Три года провел Сид в беспрестанных набегах. В дружине у него не осталось ни одного воина, который не мог бы назвать себя богатым, но ему этого было мало. Сид задумал овладеть самой Валенсией. Он обложил город плотным кольцом и девять месяцев вел осаду. На десятый валенсийцы не выдержали и сдались. На долю Сида (а он брал пятую часть от любой добычи) в Валенсии пришлось тридцать тысяч марок.

Король Севильи, разгневанный тем, что гордость неверных — Валенсия находится в руках христиан, послал против Сида войско в тридцать тысяч сарацинов, но и оно было разгромлено кастильцами, которых теперь было уже тридцать шесть сотен. В шатрах бежавших сарацинов дружинники Сида взяли добыта в

три раза больше, чем даже в Валенсии.

Разбогатев, некоторые рыцари стали подумывать о возвращении домой, но Сид издал мудрый приказ, по которому всякий, кто покинет город без его разрешения, лишался всего приобретенного в походе имущества.

Еще раз призвав к себе Альвара Минайю, Сид опять послал его в Кастилию к королю Альфонсу, на этот раз с сотней лошадей. В обмен на этот дар Сид просил своего повелителя дозволить донье Химене с дочерьми, Эльвирой и Соль, последовать в подвластную ему Валенсию, где Сид мудро правил и даже основал епархию во главе с епископом Жеромом.

Когда Минайя с богатым даром предстал перед королем, Альфонс милостиво согласился отпустить дам и обещал, что до границы Кастилии их будет охранять его собственный рыцарский отряд. Довольный, что с честью исполнил поручение господина, Минайя направился в монастырь Сан-Педро, где порадовал донью Химену и дочерей вестью о скором воссоединении с мужем и отцом, а аббату дону Санчо щедро заплатил за хлопоты. А Иуде и Рахилю, которые, несмотря на запрет, заглянули в оставленные им Сидом лари, обнаружили там песок и теперь горько оплакивали свое разорение, посланец Сида обещал сполна возместить убыток.

Каррьонские инфанты, сыновья давнего недруга Сида графа дона Гарсиа, соблазнились несметными богатствами повелителя Валенсии. Хотя инфанты и считали, что Диасы не ровня им, древним графам, они тем не менее решили просить дочерей Сида себе в жены. Минайя обещал передать их просьбу своему господину.

На границе Кастилии дам встретили отряд христиан из Валенсии и две сотни мавров под предводительством Абенгальбона, властителя Молины и друга Сида. С великим почетом они препроводили дам в Валенсию к Сиду, который давно не был так весел и радостен, как при встрече с семьей.

Тем временем марокканский король Юсуф собрал пятьдесят тысяч смелых воинов, переправился через море и высадился неподалеку от Валенсии. Встревоженным женщинам, с крыши алькасара наблюдавшим за тем, как африканские мавры разбивают огромный лагерь, Сид сказал, что Господь никогда не забывает о нем и вот теперь шлет ему в руки приданое для дочерей.

Епископ Жером отслужил мессу, облачился в доспехи и в первых рядах христиан ринулся на мавров. В ожесточенной схватке Сид, как всегда, взял верх и вместе с новой славой стяжал и очередную богатую добычу. Роскошный шатер короля Юсуфа он

предназначил в дар Альфонсу. В битве этой так отличился епископ Жером, что Сид отдал славному клирику половину причитавшейся ему самому пятины.

Из своей доли Сид добавил к шатру двести лошадей и отправил Альфонсу в благодарность за то, что тот отпустил из Кастилии его жену и дочерей. Альфонс весьма благосклонно принял дары и объявил, что уж близок час его примирения с Сидом. Тут инфанты Каррьона, Диего и Фернандо подступили к королю с просьбой просватать за них дочерей Сида Диаса. Возвратившись в Валенсию, Минайя поведал Сиду о предложении короля встретиться с ним для примирения на берегах Тахо, а также о том, что Альфонс просит его отдать дочерей в жены инфантам Каррьона. Сид принял волю своего государя. Встретившись в условленном месте с Альфонсом, Сид рас-» простерся было перед ним ниц, но король потребовал, чтобы тот немедленно встал, ибо не подобало столь славному воину целовать ног» даже величайшему из христианских властителей. Потом король Альфонс во всеуслышание торжественно провозгласил прощение герою и объявил инфантов помолвленными с его дочерьми. Сид, поблагодарив короля, пригласил всех в Валенсию на свадьбу, пообещав, что ни один из гостей не уйдет с пира без богатых подарков.

Две недели гости проводили время за пирами и воинскими забавами; на третью они запросились домой.

Прошло два года в мире и веселии. Зятья жили с Сидом в валенсийском алькасаре, не зная бед и окруженные почетом. Но вот как-то раз стряслась беда — из зверинца вырвался лев. Придворные рыцари немедля бросились к Сиду, который в это время спал и не мог защитить себя. Инфанты же с перепугу опозорились: Фернандо забился под скамейку, а Диего укрылся в дворцовой давильне, где с ног до головы перемазался грязью. Сид же, восстав с ложа, безоружным вышел на льва, схватил его за гриву и водворил обратно в клетку. После этого случая рыцари Сида стали открыто насмехаться над инфантами.

Некоторое время спустя вблизи Валенсии вновь объявилось марокканское войско. Как раз в это время Диего с Фернандо захотелось вместе с женами возвратиться в Кастилию, но Сид упредил исполнение намерения зятьев, пригласив назавтра выйти в поле и сразиться с сарацинами. Отказаться те не могли, но в бою показали себя трусами, о чем, к их счастью, тесть не узнал. В этом бою Сид совершил много подвигов, а в конце его на своем Бабьеке, который прежде принадлежал королю Валенсии, погнался за королем Букаром и хотел предложить тому мир и дружбу, но марокканец, полагаясь на своего коня, отверг

предложение. Сид догнал его и разрубил Коладой пополам. У мертвого Букара он взял меч, прозываемый Тисона и не менее драгоценный, чем Колада. Среди радостного празднества, последовавшего за победой, зятья подошли к Сиду и попросились домой. Сид отпустил их, подарив одному Коладу, другому Тисону и, кроме того, снабдив несметными сокровищами. Но неблагодарные каррьонцы задумали злое: алчные до золота, они не забывали, что по рождению жены намного ниже их и потому недостойны стать госпожами в Каррьоне. Как-то после ночевки в лесу инфанты велели спутникам двигаться вперед, ибо они, мол, желают остаться одни, дабы насладиться с женами любовными утехами. Оставшись наедине с доньей Эльвирой и доньей Соль, коварные инфанты заявили им, что бросят их здесь на съедение зверям и поругание людям. Как ни взывали благородные дамы к милосердию злодеев, те раздели их, избили до полусмерти, а потом как ни в чем не бывало продолжили путь. На счастье, среди спутников инфантов был племянник Сида, Фелес Муньос. Он обеспокоился судьбой двоюродных сестер, вернулся на место ночевки и обнаружил их там, лежащих в беспамятстве.

Инфанты, возвратившись в кастильские пределы, бесстыдно бахвалились оскорблением, которое понес от них славный Сид. Король, узнав о случившемся, воскорбел всей душой. Когда же печальная весть дошла и до Валенсии, разгневанный Сид отправил к Альфонсу посла. Посол передал королю слова Сила о том, что коль скоро именно он просватал донью Эльвиру и донью Соль за недостойных каррьонцев, ему теперь надлежит созвать кортесы для разрешения спора между Сидом и его обидчиками.

Король Альфонс признал, что Сид прав в своем требовании, и вскоре в Толедо явились призванные им графы, бароны и прочая знать. Как ни страшились инфанты встретиться лицом к лицу с Сидом, они вынуждены были прибыть на кортесы. С ними был их отец, хитрый и коварный граф Гарсия.

Сид изложил перед собранием обстоятельства дела и, к радости каррьонцев, потребовал лишь возвратить ему бесценные мечи. С облегчением инфанты вручили Альфонсу Коладу и Тисону. Но судьи уже признали виновность братьев, и тогда Сид потребовал возвратить также и те богатства, какими наделил недостойных зятьев. Волей-неволей каррьонцам пришлось исполнить и это требование. Но напрасно они надеялись, что, получив назад свое добро, Сид успокоится. Тут по его просьбе выступили вперед Педро Бермудес, Мартин Антолинес и Муньо Густиос и потребовали, чтобы каррьонцы в поединках с ними кровью смыли позор, причиненный дочерям Сида. Этого инфанты боялись более всего, но никакие отговорки им не помогли.

Назначили поединок по всем правилам. Благородный дон Педро едва не убил Фернандо, но тот признал себя побежденным; дон Мартин не успел съехаться с Диего, как тот в страхе бежал с ристалища; третий боец от каррьонцев, Асур Гонсалес, раненый, сдался дону Муньо. Так Божий суд определил правых и покарал виноватых.

К Альфонсу же тем временем прибыли послы из Арагона и Наварры с просьбой сосватать дочерей героя Сида за инфантов этих королевств. Вторые браки дочерей Сида оказались несравненно счастливее. Испанские короли и поныне чтят память Сида, своего великого предка.

Д. В. Борисов

Мигель де Сервантес Сааведра (Miguel de Cervantes Saavedra) [1547–1616]

Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha)

Роман (ч. 1-я — 1605. ч. 2-я — 1615)

В неком ламанчском селе жил-был один идальго, чье имущество состояло из фамильного копья, древнего щита, тощей клячи да борзой собаки, фамилия его была не то Кехана, не то Кесада, точно не известно, да и не важно. Лет ему было около пятидесяти, телом он был сухопар, лицом худощав и дни напролет читал рыцарские романы, отчего ум его пришел в полное расстройство, и ему вздумалось сделаться странствующим рыцарем. Он начистил принадлежавшие его предкам доспехи, приделал к шишаку картонное забрало, дал своей старой кляче звучное имя Росинант, а себя переименовал в Дон Кихота Ламанчского. Поскольку странствующий рыцарь обязательно должен быть влюблен, идальго, поразмыслив, избрал себе даму сердца: Альдонсу Лоренсо и нарек ее Дульсинеей Тобосской, ибо родом она была из Тобосо.

Облачившись в свои доспехи, Дон Кихот отправился в путь, воображая себя героем рыцарского романа. Проехав целый день, он устал и направился к постоялому двору, приняв его за замок. Неказистая наружность идальго и его возвышенные речи всех рассмешили, но добродушный хозяин накормил и напоил его, хотя это было нелегко: Дон Кихот ни за что не хотел снимать шлем, мешавший ему есть и пить. Дон Кихот попросил хозяина замка, то есть постоялого двора, посвятить его в рыцари, а перед тем решил провести ночь в бдении над оружием, положив его на водопойное корыто. Хозяин спросил, есть ли у Дон Кихота деньги, но Дон Кихот ни в одном романе не читал про деньги и не взял их с собой. Хозяин разъяснил ему, что хотя такие простые и необходимые вещи, как деньги или чистые сорочки, не упоминаются в романах, это вовсе не значит, что у рыцарей не было ни того, ни другого. Ночью один погонщик хотел напоить мулов и снял с водопойного корыта доспехи Дон Кихота, за что получил удар копьем, так что хозяин, считавший Дон Кихота сумасшедшим, решил поскорее посвятить его в рыцари, чтобы избавиться от столь неудобного постояльца. Он уверил его, что обряд посвящения состоит в подзатыльнике и ударе шпагой по

спине, и после отъезда Дон Кихота произнес на радостях не менее высокопарную (хотя и не столь пространную) речь, чем новоиспеченный рыцарь. Дон Кихот повернул домой, чтобы заластить деньгами и сорочками.

По пути он увидел, как дюжий сельчанин колотит мальчишку-пастуха, Рыцарь вступился за пастушка, и сельчанин обещал не обижать мальчишку и заплатить ему все, что должен. Дон Кихот в восторге от своего благодеяния поехал дальше, а сельчанин, как только заступник обиженных скрылся из глаз, избил пастушка до полусмерти. Встречные купцы, которых Дон Кихот заставлял признать Дульсинею Тобосскую самой прекрасной дамой на свете, стали над ним насмехаться, а когда он ринулся на них с копьем, отдубасили его так, что домой он прибыл избитый и обессиленный.

Священник и цирюльник, односельчане Дон Кихота, с которыми он часто спорил о рыцарских романах, решили сжечь зловредные книги, от которых он повредился в уме. Они просмотрели библиотеку Дон Кихота и почти ничего не оставили от нее, кроме «Амадиса Галльского» и еще нескольких книг. Дон Кихот предложил одному хлебопашцу — Санчо Пансе — стать его оруженосцем и столько ему наговорил и наобещал, что тот согласился. И вот однажды ночью Дон Кихот сел на Росинанта, Санчо, мечтавший стать губернатором острова, — на осла, и они тайком выехали из села.

В дороге им встретились ветряные мельницы, которые Дон Кихот принял за великанов. Когда он бросился на мельницу с копьем, крылоее повернулось и разнесло копье в щепки, а Дон Кихота сбросило на землю. На постоялом дворе, где они остановились переночевать, служанка стала пробираться в темноте к погонщику, с которым договорилась о свидании, но по ошибке наткнулась на Дон Кихота, который решил, что это влюбленная в него дочь хозяина замка. Поднялся переполох, завязалась драка, и Дон Кихоту, а особенно ни в чем не повинному Санчо Пансе, здорово досталось. Когда Дон Кихот, а вслед за ним и Санчо, отказались платить за постой, несколько случившихся там людей стащили Санчо с осла и стали подбрасывать на одеяле, как собаку во время карнавала.

Когда Дон Кихот и Санчо поехали дальше, рыцарь принял стадо баранов за вражескую рать и стал крушить врагов направо и налево, и только град камней, который пастухи обрушили на него, остановил его. Глядя на грустное лицо Дон Кихота, Санчо придумал ему прозвище: Рыцарь Печального Образа. Как-то ночью Дон Кихот и Санчо услышали громкий стук — когда рассвело, оказалось, что это сукновальные молоты. Рыцарь был

смущен, и его жажда подвигов осталась на сей раз неутоленной. Цирюльника, который в дождь надел на голову медный таз, Дон Кихот принял за рыцаря в шлеме Мамбрина, а поскольку Дон Кихот дал клятву завладеть этим шлемом, он отобрал у цирюльника таз и очень возгордился своим подвигом. Затем он освободил каторжников, которых вели на галеры, и потребовал, чтобы они отправились к Дульсинее и передали ей привет отее верного рыцаря, но каторжники не захотели, а когда Дон Кихот стал настаивать, побили его камнями.

В Сьерре Морене один из каторжников — Хинес де Пасамонте — похитил у Санчо осла, и Дон Кихот пообещал отдать Санчо трех из пяти ослов, которые были у него в имении. В горах они нашли чемодан, где оказалось кое-что из белья и кучка золотых монет, и также книжка со стихами. Деньги Дон Кихот отдал Санчо, а книжку взял себе. Хозяином чемодана оказался Карденьо, безумный юноша, который начал рассказывать Дон Кихоту историю своей несчастной любви, но недорассказал, потому что они поссорились из-за того, что Карденьо мимоходом дурно отозвался о королеве Мадасиме.

Дон Кихот написал любовное письмо Дульсинее и записку своей племяннице, где просил ее выдать «подателю первого ослиного векселя» трех ослят, и, побезумствовав для приличия, то есть сняв штаны и несколько раз перекувырнувшись, послал Санчо отнести письма. Оставшись один, Дон Кихот предался покаянию. Он стал думать, чему лучше подражать: буйному помешательству Роланда или меланхолическому помешательству Амадиса. Решив, что Амадис ему ближе, он стал сочинять стихи, посвященные прекрасной Дульсинее.

Санчо Панса по пути домой встретил священника и цирюльника — своих односельчан, и они попросили его показать им письмо Дон Кихота к Дульсинее. Но оказалось, что рыцарь забыл дать ему письма, и Санчо стал цитировать письмо наизусть, перевирая текст так, что вместо «бесстрастная сеньора» у него получилось «безотказная сеньора» и т. п. Священник и цирюльник стали думать, как выманить Дон Кихота из Бедной Стремнины, где он предавался покаянию, и доставить в родную деревню, чтобы там излечить его от помешательства. Они просили Санчо передать Дон Кихоту, что Дульсинея велела ему немедленно явиться к ней, и уверили Санчо, что вся эта затея поможет Дон Кихоту стать если не императором, то хотя бы королем. И Санчо, в ожидании милостей, охотно согласился им помогать.

Санчо поехал к Дон Кихоту, а священник и цирюльник остались ждать его в лесу, но вдруг услышали стихи — это был Карденьо, который поведал им свою горестную повесть с начала

до конца: вероломный друг Фернандо похитил его возлюбленную Лусинду и женился на ней. Когда Карденьо закончил рассказ, послышался грустный голос и появилась прекрасная девушка, переодетая в мужское платье. Это оказалась Доротея, соблазненная Фернандо, который обещал на ней жениться, но покинул ее ради Лусинды. Доротея рассказала, что Лусинда после обручения с Фернандо собирается покончить с собой, ибо считает себя женой Карденьо и дала согласие на брак с Фернандо только по настоянию родителей. Доротея же, узнав, что он не женился на Лусинде, возымела надежду вернуть его, но нигде не могла его найти. Карденьо открыл Доротее, что он и есть истинный супруг Лусинды, и они решили вместе добиваться возвращения «того, что им принадлежит по праву». Карденьо обещал Доротее, что, если Фернандо не вернется к ней, он вызовет его на поединок.

Санчо передал Дон Кихоту, что Дульсинея призывает его к себе, но тот ответил, что не предстанет перед ней, покуда не совершит подвигов, «милости ее достойных». Доротея вызвалась помочь выманить Дон Кихота из лесу и, назвавшись принцессой Микомиконской, сказала, что прибыла из далекой страны, до которой дошел слух о славном рыцаре Дон Кихоте, дабы просить его заступничества. Дон Кихот не мог отказать даме и отправился в Микомикону. Навстречу им попался путник на осле — это был Хинес де Пасамонте, каторжник, которого освободил Дон Кихот и который украл у Санчо осла. Санчо забрал себе осла, и все поздравили его с этой удачей. У источника они увидели мальчика — того самого пастушка, за которого недавно вступился Дон Кихот. Пастушок рассказал, что заступничество идальго вышло ему боком, и проклинал на чем свет стоит всех странствующих рыцарей, чем привел Дон Кихота в ярость.

Добравшись до того самого постоялого двора, где Санчо подбрасывали на одеяле, путники остановились на ночлег. Ночью из чулана, где отдыхал Дон Кихот, выбежал перепуганный Санчо Панса — Дон Кихот во сне сражался с врагами и размахивал мечом во все стороны. Над его изголовьем висели бурдюки с вином, и он, приняв их за великанов, пропорол их и залил все вином, которое Санчо с перепугу принял за кровь.

К постоялому двору подъехала еще одна компания: дама в маске и несколько мужчин. Любопытный священник попытался расспросить слугу о том, кто эти люди, но слуга и сам не знал, он сказал только, что дама, судя по одежде, монахиня или собирается в монастырь, но, видно, не по своей воле, ибо она вздыхала и плакала всю дорогу. Оказалось, что это Лусинда, которая решила удалиться в монастырь, раз не может

соединиться со своим супругом Карденьо, но Фернандо похитил ее оттуда. Увидев дона Фернандо, Доротея бросилась ему в ноги и стала умолять его вернуться к ней. Он внял ее мольбам. Лусинда же радовалась, воссоединившись с Карденьо, и лишь Санчо огорчался, ибо считал Доротею принцессой Микомиконской и надеялся, что она осыплет его господина милостями и ему тоже кое-что перепадет. Дон Кихот считал, что все уладилось благодаря тому, что он победил великана, а когда ему рассказали о продырявленном бурдюке, назвал это чарами злого волшебника.

Священник и цирюльник рассказали всем о помешательстве Дон Кихота, и Доротея с Фернандо решили не бросать его, а доставить в деревню, до которой оставалось не больше двух дней пути. Доротея сказала Дон Кихоту, что счастьем своим она обязана ему, и продолжала играть начатую роль.

К постоялому двору, подъехали мужчина и женщина-мавританка. Мужчина оказался капитаном от инфантерии, попавшим в плен во время битвы при Лепанто. Прекрасная мавританка помогла ему бежать и хотела креститься и стать его женой. Вслед за ними появился судья с дочерью, оказавшийся родным братом капитана и несказанно обрадовавшийся, что капитан, от которого долго не было вестей, жив. Капитан был ограблен в пути французами, но судья нисколько не был смущен его плачевным видом. Ночью Доротея услышала песню погонщика мулов и разбудила дочь судьи Клару, чтобы девушка тоже послушала ее, но оказалось, что певец вовсе не погонщик мулов, а переодетый сын знатных и богатых родителей по имени Луис, влюбленный в Клару. Она не очень знатного происхождения, поэтому влюбленные боялись, что его отец не даст согласия на их брак.

Но тут у постоялого двора показалась новая группа всадников: это отец Луиса снарядил за сыном погоню. Луис, которого слуги отца хотели препроводить домой, отказался ехать с ними и попросил руки Клары.

На постоялый двор прибыл другой цирюльник, тот самый, у которого Дон Кихот отнял «шлем Мамбрина», и стал требовать возвращения своего таза. Началась перепалка, и священник потихоньку отдал ему за таз восемь реалов, чтобы ее прекратить. Меж тем один из случившихся на постоялом дворе стражников узнал Дон Кихота по приметам, ибо его разыскивали как преступника за то, что он освободил каторжников, и священнику стоило большого труда убедить стражников не арестовывать Дон Кихота, поскольку он поврежден в уме. Священник и цирюльник смастерили из палок нечто вроде удобной клетки и сговорились с

одним человеком, который ехал мимо на волах, что он отвезет Дон Кихота в родную деревню. Но потом они выпустили Дон Кихота из клетки под честное слово, и он пытался отобрать у молящихся статую непорочной девы, считая ее знатной сеньорой, нуждающейся в защите.

Наконец Дон Кихот прибыл домой, где ключница и племянница уложили его в постель и стали за ним ухаживать, а Санчо пошел к жене, которой пообещал, что в следующий раз он уж непременно вернется графом или губернатором острова, причем не какого-нибудь захудалого, а самого лучшего.

После того как ключница и племянница целый месяц выхаживали Дон Кихота, священник и цирюльник решили его навестить. Речи его были разумными, и они подумали, что помешательство его прошло, но как только разговор отдаленно коснулся рыцарства, стало ясно, что Дон Кихот неизлечимо болен. Санчо также навестил Дон Кихота и рассказал ему, что из Саламанки вернулся сын их соседа бакалавр Самсон Карраско, который сказал, что вышла в свет история Дон Кихота, написанная Сидом Ахметом Бен-инхали, где описаны все приключения его и Санчо Пансы. Дон Кихот пригласил к себе Самсона Карраско и расспросил его о книге. Бакалавр перечислил все ее достоинства и недостатки и рассказал, что ею зачитываются все от мала до велика, особенно же ее любят слуги.

Дон Кихот и Санчо Панса решили отправиться в новое путешествие, и через несколько дней тайком выехали из деревни. Самсон проводил их и просил Дон Кихота сообщать обо всех своих удачах и неудачах. Дон Кихот по совету Самсона направился в Сарагосу, где должен был состояться рыцарский турнир, но прежде решил заехать в Тобосо, чтобы получить благословение Дульсинеи. Прибыв с Тобосо, Дон Кихот стал спрашивать у Санчо, где дворец Дульсинеи, но Санчо не мог отыскать его в темноте. Он думал, что Дон Кихот знает это сам, но Дон Кихот объяснил ему, что никогда не видел не только дворца Дульсинеи, но и ее самое, ибо влюбился в нее по слухам. Санчо ответил, что видел ее и привез ответ на письмо Дон Кихота. Чтобы обман не открылся, Санчо постарался как можно скорее увезти своего господина из Тобосо и уговорил его подождать в лесу, пока он, Санчо, съездит в город поговорить с Дульсинеей. Он сообразил, что раз Дон Кихот никогда не видел Дульсинею, то можно выдать за нее любую женщину и, увидев трех крестьянок на ослицах, сказал Дон Кихоту, что к нему едет Дульсинея с придворными дамами. Дон Кихот и Санчо пали перед одной из крестьянок на колени, крестьянка же грубо на них прикрикнула. Дон Кихот усмотрел во всей этой истории

колдовство злого волшебника и был весьма опечален, что вместо красавицы сеньоры увидел крестьянку-дурнушку.

В лесу Дон Кихот и Санчо встретили влюбленного в Касильдею Вандальскую Рыцаря Зеркал, который хвастался, что победил самого Дон Кихота. Дон Кихот возмутился и вызвал Рыцаря Зеркал на поединок, по условиям которого побежденный должен был сдаться на милость победителя. Не успел Рыцарь Зеркал приготовиться к бою, как Дон Кихот уже напал на него и чуть не прикончил, но оруженосец Рыцаря Зеркал завопил, что его господин — не кто иной, как Самсон Карраско, который надеялся таким хитроумным способом вернуть Дон Кихота домой. Но, увы, Самсон был побежден, и Дон Кихот, уверенный, что злые волшебники заменили облик Рыцаря Зеркал обликом Самсона Карраско, снова двинулся по дороге в Сарагосу.

В пути их догнал Дьего де Миранда, и два идальго отправились вместе. Навстречу им ехала повозка, в которой везли львов. Дон Кихот потребовал, чтобы клетку с огромным львом открыли, и собрался изрубить льва на куски. Перепуганный сторож открыл клетку, но лев не вышел из нее, бесстрашный же Дон Кихот отныне стал именовать себя Рыцарем Львов. Погостив у дона Дьего, Дон Кихот продолжил путь и прибыл в село, где праздновали свадьбу Китерии Прекрасной и Камачо Богатого.

Перед венчаньем к Китерии подошел Басильо Бедный, сосед Китерии, с детства влюбленный в нее, и у всех на глазах пронзил себе грудь мечом. Он соглашался исповедаться перед смертью, только если священник обвенчает его с Китерией и он умрет ее супругом. Все уговаривали Китерию сжалиться над страдальцем — ведь он вот-вот испустит дух, и Китерия, овдовев, сможет выйти замуж за Камачо. Китерия дала Басильо руку, но, как только их обвенчали, Басильо вскочил на ноги живой и здоровый — он все это подстроил, чтобы жениться на любимой, и она, похоже, была с ним в сговоре. Камачо же по здравом размышлении почел за лучшее не обижаться: зачем ему жена, которая любит другого? Три дня пробыв у новобрачных, Дон Кихот и Санчо двинулись дальше.

Дон Кихот решил спуститься в пещеру Монтесиноса. Санчо и студент-проводник обвязали его веревкой, и он начал спускаться. Когда все сто брасов веревки были размотаны, они подождали с полчаса и начали тянуть веревку, что оказалось так легко, словно на ней не было груза, и лишь последние двадцать брасов тянуть было тяжело. Когда они извлекли Дон Кихота, глаза его были закрыты, и им с трудом удалось растолкать его. Дон Кихот рассказал, что видел в пещере много чудес, видел героев старинных романсов Монтесиноса и Дурандарта, а также

заколдованную Дульсинею, которая даже попросила у него в долг шесть реалов. На сей раз его рассказ показался неправдоподобным даже Санчо, который хорошо знал, что за волшебник заколдовал Дульсинею, но Дон Кихот твердо стоял на своем.

Когда они добрались до постоялого двора, который Дон Кихот, против обыкновения, не счел замком, туда явился маэсе Педро с обезьяной-прорицательницей и райком. Обезьяна узнала Дон Кихота и Санчо Пансу и все о них рассказала, а когда началось представление, Дон Кихот, пожалев благородных героев, бросился с мечом на их преследователей и перебил всех кукол. Правда, потом он щедро заплатил Педро за разрушенный раек, так что тот был не в обиде. На самом деле это был Хинес де Пасамонте, скрывавшийся от властей и занявшийся ремеслом раешника — поэтому он все знал о Дон Кихоте и Санчо; обычно же, прежде чем войти в село, он расспрашивал в окрестностях про его жителей и за небольшую мзду «угадывал» прошлое.

Как-то раз, выехав на закате на зеленый луг, Дон Кихот увидел скопление народа — то была соколиная охота герцога и герцогини. Герцогиня читала книгу о Дон Кихоте и была преисполнена уважения к нему. Она и герцог пригласили его в свой замок и приняли как почетного гостя. Они и их челядь сыграли с Дон Кихотом и Санчо много шуток и не переставали дивиться рассудительности и безумию Дон Кихота, а также смекалке и простодушию Санчо, который в конце концов поверил, что Дульсинея заколдована, хотя сам же выступал в качестве колдуна и сам все это подстроил.

На колеснице к Дон Кихоту прибыл волшебник Мерлин и возвестил, что, для того чтобы расколдовать Дульсинею, Санчо должен добровольно три тысячи триста раз огреть себя плетью по голым ягодицам. Санчо воспротивился, но герцог обещал ему остров, и Санчо согласился, тем более что срок бичевания не был ограничен и можно было это делать постепенно. В замок прибыла графиня Трифальди, она же Горевана, — дуэнья принцессы Метонимии. Волшебник Зло-смрад обратил принцессу и ее мужа Треньбреньо в статуи, а у дуэньи Гореваны и двенадцати других дуэний начали расти бороды. Расколдовать их всех мог только доблестный рыцарь Дон Кихот. Злосмрад обещал прислать за Дон Кихотом коня, который быстро домчит его и Санчо до королевства Кандайя, где доблестный рыцарь сразится с Злосмрадом. Дон Кихот, полный решимости избавить дуэний от бород, вместе с Санчо сел с завязанными глазами на деревянного коня и думал, что они летят по воздуху, меж тем как слуги герцога обдували их воздухом из мехов. «Прилетев» обратно в сад

герцога, они обнаружили послание Злосмрада, где он писал, что Дон Кихот расколдовал всех лишь тем, что на это приключение отважился. Санчо не терпелось посмотреть на лица дуэний без бород, но весь отряд дуэний уже исчез. Санчо стал готовиться к управлению обещанным островом, и Дон Кихот дал ему столько разумных наставлений, что поразил герцога и герцогиню — во всем, что не касалось рыцарства, он «выказывал ум ясный и обширный».

Герцог отправил Санчо с многочисленной свитой в городок, которому надлежало сойти за остров, ибо Санчо не знал, что острова бывают только в море, а не на суше. Там ему торжественно вручили ключи от города и объявили пожизненным губернатором острова Баратарии. Для начала ему предстояло разрешить тяжбу между крестьянином и портным. Крестьянин принес портному сукно и спросил, выйдет ли из него колпак. Услышав, что выйдет, он спросил, не выйдет ли два колпака, а узнав, что выйдет и два, захотел получить три, потом четыре и остановился на пяти. Когда же он пришел получать колпаки, они оказались как раз ему на палец. Он рассердился и отказался платить портному за работу и вдобавок стал требовать назад сукно или деньги за него. Санчо подумал и вынес приговор: портному за работу не платить, крестьянину сукна не возвращать, а колпачки пожертвовать заключенным. Такую же мудрость Санчо проявил и в остальных делах, и все дивились справедливости его приговора.

Когда Санчо сел за уставленный яствами стол, ему ничего не удалось съесть: стоило ему протянуть руку к какому-нибудь блюду, как доктор Педро Нестерпимо де Наука приказывал убрать его, говоря, что оно вредно для здоровья. Санчо написал письмо своей жене Тересе, к которому герцогиня присовокупила письмо от себя и нитку кораллов, а паж герцога доставил письма и подарки Тересе, переполошив всю деревню. Тереса обрадовалась и написала очень разумные ответы, а также послала герцогине полмеры отборных желудей и сыр.

На Баратарию напал неприятель, и Санчо должен был с оружием в руках защищать «остров». Ему принесли два щита и привязали один спереди, а другой сзади так туго, что он не мог пошевелиться. Как только он попытался сдвинуться с места, он упал и остался лежать, зажатый между двумя щитами. Вокруг него бегали, он слышал звон оружия, по его щиту яростно рубили мечом и наконец раздались крики: «Победа! Неприятель разбит!» Все стали поздравлять Санчо с победой, но он, как только его подняли, оседлал осла и поехал к Дон Кихоту, сказав, что десяти дней губернаторства с него довольно, что он не рожден ни для

сражений, ни для богатства и не хочет подчиняться ни нахальному лекарю, ни кому другому. Дон Кихот начал тяготиться праздной жизнью, которую вел у герцога, и вместе с Санчо покинул замок.

На постоялом дворе, где они остановились на ночлег, им повстречались дон Хуан и дон Хоронимо, читавшие анонимную вторую часть Дон Кихота, которую Дон Кихот и Санчо Панса сочли клеветой на себя. Там говорилось, что Дон Кихот разлюбил Дульсинею, меж тем как он любил ее по-прежнему, там было искажено имя жены Санчо и было полно других несообразностей. Узнав, что в этой книге описан турнир в Сарагосе с участием Дон Кихота, изобиловавший всякими глупостями, Дон Кихот решил ехать не в Сарагосу, а в Барселону, чтобы все видели, что Дон Кихот, изображенный в анонимной второй части, — вовсе не тот, которого описал Сид Ахмед Бен-инхали. В Барселоне Дон Кихот сразился с рыцарем Белой Луны и потерпел поражение. Рыцарь Белой Луны, бывший не кем иным, как Самсоном Карраско, потребовал, чтобы Дон Кихот вернулся в свое село и целый год не выезжал оттуда, надеясь, что за это время к нему вернется разум.

По пути домой Дон Кихоту и Санчо пришлось вновь посетить герцогский замок, ибо его владельцы так же помешались на шутках и розыгрышах, как Дон Кихот — на рыцарских романах. В замке стоял катафалк с телом горничной Альтисидоры, якобы умершей от безответной любви к Дон Кихоту. Чтобы ее воскресить, Санчо должен был вытерпеть двадцать четыре щелчка по носу, двенадцать щипков и шесть булавочных уколов. Санчо был очень недоволен:

почему-то и для того, чтобы расколдовать Дульсинею, и для того, чтобы оживить Альтисидору, должен был страдать именно он, не имевший к ним никакого отношения. Но все так уговаривали его, что он в конце концов согласился и вытерпел пытку. Видя, как ожила Альтисидора, Дон Кихот стал торопить Санчо с самобичеванием, дабы расколдовать Дульсинею. Когда он обещал Санчо щедро заплатить за каждый удар, тот охотно стал хлестать себя плетью, но, быстро сообразив, что стоит ночь и они находятся в лесу, стал стегать деревья. При этом он так жалобно стонал, что Дон Кихот разрешил ему остановиться и продолжить бичевание следующей ночью.

На постоялом дворе они встретили Альваро Тарфе, выведенного во второй части подложного «Дон Кихота». Альваро Тарфе признал, что никогда не видел ни Дон Кихота, ни Санчо Пансу, которые стояли перед ним, но видел другого Дон Кихота и другого Санчо Пансу, вовсе на них не похожих. Вернувшись в родное село, Дон Кихот решил на год стать пастухом и

предложил священнику, бакалавру и Санчо Пансе последовать его примеру. Они одобрили его затею и согласились к нему присоединиться. Дон Кихот уже стал переделывать их имена на пасторальный лад, но вскоре занемог. Перед смертью разум его прояснился и он называл себя уже не Дон Кихотом, а Алонсо Кихано. Он проклинал мерзкие рыцарские романы, затуманившие его разум, и умер спокойно и по-христиански, как не умирал ни один странствующий рыцарь.

О. Э. Гриннберг

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Данте Алигьери (Dante Alighieri) [1265–1321]

Божественная комедия (La Divina Commedia)

Поэма (1307–1321)

АД

На полдороге жизни я — Данте — заблудился в дремучем лесу. Страшно, кругом дикие звери — аллегории пороков; деться некуда. И тут является призрак, оказавшийся тенью любимого мною древне-римского поэта Вергилия. Прошу его о помощи. Он обещает увести меня отсюда в странствия по загробному миру, с тем чтобы я увидел Ад, Чистилище и Рай. Я готов следовать за ним.

Да, но по силам ли мне такое путешествие? Я оробел и заколебался. Вергилий укорил меня, рассказав, что сама Беатриче (моя покойная возлюбленная) снизошла к нему из Рая в Ад и просила быть моим проводником в странствиях по загробью. Если так, то нельзя колебаться, нужна решимость. Веди меня, мой учитель и наставник!

Над входом в Ад надпись, отнимающая всякую надежду у входящих. Мы вошли. Здесь, прямо за входом, стонут жалкие души не творивших при жизни ни добра ни зла. Далее река Ахерон, Через нее свирепый Харон перевозит на лодке мертвецов. Нам — с ними. «Но ты же не мертвец!» — гневно кричит мне Харон. Вергилий усмирил его. Поплыли. Издали слышен грохот, дует ветер, сверкнуло пламя. Я лишился чувств…

Первый круг Ада — Лимб. Тут томятся души некрещеных младенцев и славных язычников — воителей, мудрецов, поэтов (в их числе и Вергилия). Они не мучаются, а лишь скорбят, что им как нехристианам нет места в Раю. Мы с Вергилием примкнули к великим поэтам древности, первый из которых Гомер. Степенно шли и говорили о неземном.

У спуска во второй круг подземного царства демон Минос определяет, какого грешника в какое место Ада надлежит низвергнуть. На меня он отреагировал так же, как Харон, и Вергилий так же его усмирил. Мы увидели уносимые адским вихрем души сладострастников (Клеопатра, Елена Прекрасная и др.). Среди них Франческа, и здесь неразлучная со своим любовником. Безмерная взаимная страсть привела их к

трагической гибели. Глубоко сострадая им, я вновь лишился чувств.

В круге третьем свирепствует звероподобный пес Цербер. Залаял было на нас, но Вергилий усмирил и его. Здесь валяются в грязи, под тяжелым ливнем, души грешивших обжорством. Среди них мой земляк, флорентиец Чакко. Мы разговорились о судьбах родного города. Чакко попросил меня напомнить о нем живым людям, когда вернусь на землю.

Демон, охраняющий четвертый круг, где казнят расточителей и скупцов (среди последних много духовных лиц — папы, кардиналы), — Плутос. Вергилию тоже пришлось его осадить, чтобы отвязался. Из четвертого спустились в пятый круг, где мучаются гневные и ленивые, погрязшие в болотах Стигийской низины. Подошли к какой-то башне.

Это целая крепость, вокруг нее обширный водоем, в челне — гребец, демон Флегий. После очередной перебранки сели к нему, плывем. Какой-то грешник попытался уцепиться за борт, я его обругал, а Вергилий отпихнул. Перед нами адский город Дит. Всякая мертвая нечисть мешает нам в него войти. Вергилий, оставив меня (ох, страшно одному!), пошел узнать, в чем дело, вернулся озабоченный, но обнадеженный.

А тут еще и адские фурии перед нами предстали, угрожая. Выручил внезапно явившийся небесный посланник, обуздавший их злобу. Мы вошли в Дит. Всюду объятые пламенем гробницы, из которых доносятся стоны еретиков. По узкой дороге пробираемся между гробницами.

Из одной гробницы вдруг выросла могучая фигура. Это Фарината, мои предки были его политическими противниками. Во мне, услышав мою беседу с Вергилием, он угадал по говору земляка. Гордец, казалось, он презирает всю бездну Ада, Мы заспорили с ним, а тут из соседней гробницы высунулась еще одна голова: да это же отец моего друга Гвидо! Ему померещилось, что я мертвец и что сын его тоже умер, и он в отчаянии упал ниц. Фарината, успокой его; жив Гвидо!

Близ спуска из шестого круга в седьмой, над могилой паны-еретика Анастасия, Вергилий объяснил мне устройство оставшихся трех кругов Ада, сужающихся книзу (к центру земли), и какие грехи в каком поясе какого круга караются.

Седьмой круг сжат горами и охраняем демоном-полубыком Минотавром, грозно заревевшим на нас. Вергилий прикрикнул на него, и мы поспешили отойти подальше. Увидели кипящий кровью поток, в котором варятся тираны и разбойники, а с берега в них кентавры стреляют из луков. Кентавр Несс стал нашим провожатым, рассказал о казнимых насильниках и помог перейти

кипящую реку вброд.

Кругом колючие заросли без зелени. Я сломал какую-то ветку, а из нее заструилась черная кровь, и ствол застонал. Оказывается, эти кусты — души самоубийц (насильников над собственной плотью). Их клюют адские птицы Гарпии, топчут мимо бегущие мертвецы, причиняя им невыносимую боль. Один растоптанный куст попросил меня собрать сломанные сучья и вернуть их ему. Выяснилось, что несчастный — мой земляк. Я выполнил его просьбу, и мы пошли дальше. Видим — песок, на него сверху слетают хлопья огня, опаляя грешников, которые кричат и стонут — все, кроме одного: тот лежит молча. Кто это? Царь Капаней, гордый и мрачный безбожник, сраженный богами за свою строптивость. Он и сейчас верен себе: либо молчит, либо громогласно клянет богов. «Ты сам себе мучитель!» — перекричал его Вергилий…

А вот навстречу нам, мучимые огнем, движутся души новых грешников. Среди них я с трудом узнал моего высокочтимого учителя Брунетто Латини. Он среди тех, кто повинен в склонности к однополой любви. Мы разговорились. Брунетто предсказал, что в мире живых ждет меня слава, но будут и многие тяготы, перед которыми нужно устоять. Учитель завещал мне беречь его главное сочинение, в котором он жив, — «Клад».

И еще трое грешников (грех — тот же) пляшут в огне. Все флорентийцы, бывшие уважаемые граждане. Я поговорил с ними о злосчастиях нашего родного города. Они просили передать живым землякам, что я видел их. Затем Вергилий повел меня к глубокому провалу в восьмой круг. Нас спустит туда адский зверь. Он уже лезет к нам оттуда.

Это пестрый хвостатый Герион. Пока он готовится к спуску, есть еще время посмотреть на последних мучеников седьмого круга — ростовщиков, мающихся в вихре пылающей пыли. С их шей свисают разноцветные кошельки с разными гербами. Разговаривать я с ними не стал. В путь! Усаживаемся с Вергилием верхом на Гериона и — о ужас! — плавно летим в провал, к новым мукам. Спустились. Герион тотчас же улетел.

Восьмой круг разделен на десять рвов, называемых Злопазухами. В первом рву казнятся сводники и соблазнители женщин, во втором — льстецы. Сводников зверски бичуют рогатые бесы, льстецы сидят в жидкой массе смрадного кала — вонь нестерпимая. Кстати, одна шлюха наказана здесь не за то, что блудила, а за то, что льстила любовнику, говоря, что ей хорошо с ним.

Следующий ров (третья пазуха) выложен камнем, пестреющим круглыми дырами, из которых торчат горящие ноги

высокопоставленных духовных лиц, торговавших церковными должностями. Головы же и туловища их зажаты скважинами каменной стены. Их преемники, когда умрут, будут так же на их месте дрыгать пылающими ногами, полностью втеснив в камень своих предшественников. Так объяснил мне папа Орсини, поначалу приняв меня за своего преемника.

В четвертой пазухе мучаются прорицатели, звездочеты, колдуньи. У них скручены шеи так, что, рыдая, они орошают себе слезами не грудь, а зад. Я и сам зарыдал, увидев такое издевательство над людьми, а Вергилий пристыдил меня; грех жалеть грешников! Но и он с сочувствием рассказал мне о своей землячке, прорицательнице Манто, именем которой была названа Мантуя — родина моего славного наставника.

Пятый ров залит кипящей смолой, в которую черти Злохваты, черные, крылатые, бросают взяточников и следят, чтобы те не высовывались, а не то подденут грешника крючьями и отделают самым жестоким образом. У чертей клички: Злохвост, Косокрылый и пр. Часть дальнейшего пути нам придется пройти в их жуткой компании. Они кривляются, показывают языки, их шеф произвел задом оглушительный непристойный звук. Такого я еще не слыхивал! Мы идем с ними вдоль канавы, грешники ныряют в смолу — прячутся, а один замешкался, и его тут же вытащили крючьями, собираясь терзать, но позволили прежде нам побеседовать с ним. Бедняга хитростью усыпил бдительность Злохватов и нырнул обратно — поймать его не успели. Раздраженные черти подрались между собой, двое свалились в смолу. В суматохе мы поспешили удалиться, но не тут-то было! Они летят за нами. Вергилий, подхватив меня, еле-еле успел перебежать в шестую пазуху, где они не хозяева. Здесь лицемеры изнывают под тяжестью свинцовых позолоченных одежд. А вот распятый (прибитый к земле колами) иудейский первосвященник, настаивавший на казни Христа. Его топчут ногами отяжеленные свинцом лицемеры.

Труден был переход: скалистым путем — в седьмую пазуху. Тут обитают воры, кусаемые чудовищными ядовитыми змеями. От этих укусов они рассыпаются в прах, но тут же восстанавливаются в своем обличье. Среди них Ванни Фуччи, обокравший ризницу и сваливший вину на другого. Человек грубый и богохульствующий: Бога послал «на фиг», воздев кверху два кукиша. Тут же на него набросились змеи (люблю их за это). Потом я наблюдал, как некий змей сливался воедино с одним из воров, после чего принял его облик и встал на ноги, а вор уполз, став пресмыкающимся гадом. Чудеса! Таких метаморфоз не отыщете и у Овидия,

Ликуй, Флоренция: эти воры — твое отродье! Стыдно… А в восьмом рву обитают коварные советчики. Среди них улисс (Одиссей), его душа заточена в пламя, способное говорить! Так, мы услышали рассказ Улисса о его гибели: жаждущий познать неведомое, он уплыл с горсткой смельчаков на другой конец света, потерпел кораблекрушение и вместе с друзьями утонул вдали от обитаемого людьми мира,

Другой говорящий пламень, в котором скрыта душа не назвавшего себя по имени лукавого советчика, рассказал мне о своем грехе:

этот советчик помог римскому папе в одном неправедном деле — рассчитывая на то, что папа отпустит ему его прегрешение. К простодушному грешнику небеса терпимее, чем к тем, кто надеется спастись покаянием. Мы перешли в девятый ров, где казнят сеятелей смуты.

Вот они, зачинщики кровавых раздоров и религиозных смут. Дьявол увечит их тяжелым мечом, отсекает носы и уши, дробит черепа. Тут и Магомет, и побуждавший Цезаря к гражданской войне Курион, и обезглавленный воин-трубадур Бертран де Борн (голову в руке несет, как фонарь, а та восклицает: «Горе!»).

Далее я встретил моего родича, сердитого на меня за то, что его насильственная смерть осталась неотомщенной. Затем мы перешли в десятый ров, где алхимики маятся вечным зудом. Один из них был сожжен за то, что шутя хвастался, будто умеет летать, — стал жертвой доноса. В Ад же попал не за это, а как алхимик. Здесь же казнятся те, кто выдавал себя за других людей, фальшивомонетчики и вообще лгуны. Двое из них подрались между собой и потом долго бранились (мастер Адам, подмешивавший медь в золотые монеты, и древний грек Синон, обманувший троянцев). Вергилий упрекнул меня за любопытство, с которым я слушал их.

Наше путешествие по Злопазухам заканчивается. Мы подошли к колодцу, ведущему из восьмого круга Ада в девятый. Там стоят древние гиганты, титаны. В их числе Немврод, злобно крикнувший нам что-то на непонятном языке, и Антей, который по просьбе Вергилия спустил на своей огромной ладони нас на дно колодца, а сам тут же распрямился.

Итак, мы на дне вселенной, близ центра земного шара. Перед нами ледяное озеро, в него вмерзли предавшие своих родных. Одного я случайно задел ногою по голове, тот заорал, а себя назвать отказался. Тогда я вцепился ему в волосы, а тут кто-то окликнул его по имени. Негодяй, теперь я знаю, кто ты, и расскажу о тебе людям! А он: «Ври, что хочешь, про меня и про других!» А вот ледяная яма, в ней один мертвец грызет череп

другому. Спрашиваю: за что? Оторвавшись от своей жертвы, он ответил мне. Он, граф Уголино, мстит предавшему его былому единомышленнику, архиепископу Руджьери, который уморил его и его детей голодом, заточив их в Пизанскую башню. Нестерпимы были их страдания, дети умирали на глазах отца, он умер последним. Позор Пизе! Идем далее. А это кто перед нами? Альбериго? Но он же, насколько я знаю, не умирал, так как же оказался в Аду? Бывает и такое: тело злодея еще живет, а душа уже в преисподней.

В центре земли вмерзший в лед властитель Ада Люцифер, низверженный с небес и продолбивший в падении бездну преисподней, обезображенный, трехликий. Из первой его пасти торчит Иуда, из второй Брут, из третьей Кассий, Он жует их и терзает когтями. Хуже всех приходится самому гнусному предателю — Иуде. От Люцифера тянется скважина, ведущая к поверхности противоположного земного полушария. Мы протиснулись в нее, поднялись на поверхность и увидели звезды.

ЧИСТИЛИЩЕ

Да помогут мне Музы воспеть второе царство! Его страж старец Катон встретил нас неприветливо: кто такие? как смели явиться сюда? Вергилий объяснил и, желая умилостивить Катона, тепло отозвался о его жене Марции. При чем здесь Марция? Пройдите к берегу моря, умыться надо! Мы пошли. Вот она, морская даль. А в прибрежных травах — обильная роса. Ею Вергилий смыл с моего лица копоть покинутого Ада.

Из морской дали к нам плывет управляемый ангелом челн. В нем души усопших, которым посчастливилось не попасть в Ад. Причалили, сошли на берег, и ангел уплыл. Тени прибывших столпились вкруг нас, и в одной я узнал своего друга, певца Козеллу. Хотел обнять его, но ведь тень бесплотна — обнял самого себя. Козелла по моей просьбе запел про любовь, все заслушались, но тут появился Катон, на всех накричал (не делом занялись!), и мы заспешили к горе Чистилища.

Вергилий был недоволен собою: дал повод накричать на себя… Теперь нам нужно разведать предстоящую дорогу. Посмотрим, куда двинутся прибывшие тени. А они сами только что заметили, что я-то не тень: не пропускаю сквозь себя свет. Удивились. Вергилий все им объяснил. «Идите с нами», — пригласили они.

Итак, спешим к подножию чистилищной горы. Но все ли спешат, всем ли так уж не терпится? Вон близ большого камня расположилась группа не очень торопящихся к восхождению

наверх: мол, успеется; лезь тот, кому неймется. Среди этих ленивцев я узнал своего приятеля Белакву. Приятно видеть, что он, и при жизни враг всякой спешки, верен себе.

В предгорьях Чистилища мне довелось общаться с тенями жертв насильственной смерти. Многие из них были изрядными грешниками, но, прощаясь с жизнью, успели искренне покаяться и потому не попали в Ад. То-то досада для дьявола, лишившегося добычи! Он, впрочем, нашел как отыграться: не обретя власти над душою раскаявшегося погибшего грешника, надругался над его убитым телом.

Неподалеку от всего этого мы увидели царственно-величественную тень Сорделло. Он и Вергилий, узнав друг в друге поэтов-земляков (мантуанцев), братски обнялись. Вот пример тебе, Италия, грязный бордель, где напрочь порваны узы братства! Особенно ты, моя Флоренция, хороша, ничего не скажешь… Очнись, посмотри на себя…

Сорделло согласен быть нашим проводником к Чистилищу. Это для него большая честь — помочь высокочтимому Вергилию. Степенно беседуя, мы подошли к цветущей ароматной долине, где, готовясь к ночлегу, расположились тени высокопоставленных особ — европейских государей. Мы издали наблюдали за ними, слушая их согласное пение.

Настал вечерний час, когда желанья влекут отплывших обратно, к любимым, и вспоминаешь горький миг прощанья; когда владеет печаль пилигримом и слышит он, как перезвон далекий плачет навзрыд о дне невозвратимом… В долину отдыха земных властителей заполз было коварный змей соблазна, но прилетевшие ангелы изгнали его.

Я прилег на траву, заснул и во сне был перенесен к вратам Чистилища. Охранявший их ангел семь раз начертал на моем лбу одну и ту же букву — первую в слове «грех» (семь смертных грехов; эти буквы будут поочередно стерты с моего лба по мере восхождения на чистилищную гору). Мы вошли во второе царство загробья, ворота закрылись за нами.

Началось восхождение. Мы в первом круге Чистилища, где искупают свой грех гордецы. В посрамление гордыни здесь воздвигнуты изваяния, воплощающие идею высокого подвига — смирения. А вот и тени очищающихся гордецов: при жизни несгибаемые, здесь они в наказание за свой грех гнутся под тяжестью наваленных на них каменных глыб.

«Отче наш…» — эту молитву пели согбенные гордецы. Среди них — художник-миниатюрист Одериз, при жизни кичившийся своей громкой славой. Теперь, говорит, осознал, что кичиться нечем:

все равны перед лицом смерти — и ветхий старец, и пролепетавший «ням-ням» младенец, а слава приходит и уходит. Чем раньше это поймешь и найдешь в себе силы обуздать свою гордыню, смириться, — тем лучше.

Под ногами у нас барельефы с запечатленными сюжетами наказанной гордыни: низверженные с небес Люцифер и Бриарей, царь Саул, Олоферн и другие. Заканчивается наше пребывание в первом круге. Явившийся ангел стер с моего лба одну из семи букв — в знак того, что грех гордыни мною преодолен. Вергилий улыбнулся мне,

Поднялись во второй круг. Здесь завистники, они временно ослеплены, их бывшие «завидущими» глаза ничего не видят. Вот женщина, из зависти желавшая зла своим землякам и радовавшаяся их неудачам… В этом круге я после смерти буду очищаться недолго, ибо редко и мало кому завидовал. Зато в пройденном круге гордецов — наверное, долго.

Вот они, ослепленные грешники, чью кровь когда-то сжигала зависть. В тишине громоподобно прозвучали слова первого завистника — Каина: «Меня убьет тот, кто встретит!» В страхе я приник к Вергилию, и мудрый вождь сказал мне горькие слова о том, что высший вечный свет недоступен завистникам, увлеченным земными приманками.

Миновали второй круг. Снова нам явился ангел, и вот на моем лбу остались лишь пять букв, от которых предстоит избавиться в дальнейшем. Мы в третьем круге. Перед нашими взорами пронеслось жестокое видение человеческой ярости (толпа забила каменьями кроткого юношу). В этом круге очищаются одержимые гневом.

Даже в потемках Ада не было такой черной мглы, как в этом круге, где смиряется ярость гневных. Один из них, ломбардец Марко, разговорился со мной и высказал мысль о том, что нельзя все происходящее на свете понимать как следствие деятельности высших небесных сил: это значило бы отрицать свободу человеческой воли и снимать с человека ответственность за содеянное им.

Читатель, тебе случалось бродить в горах туманным вечером, когда и солнца почти не видно? Вот так и мы… Я почувствовал прикосновение ангельского крыла к моему лбу — стерта еще одна буква. Мы поднялись в круг четвертый, освещаемые последним лучом заката. Здесь очищаются ленивые, чья любовь к благу была медлительной.

Ленивцы здесь должны стремительно бегать, не допуская никакого потворства своему прижизненному греху. Пусть вдохновляются примерами пресвятой девы Марии, которой

приходилось, как известно, спешить, или Цезаря с его поразительной расторопностью. Пробежали мимо нас, скрылись. Спать хочется. Сплю и вижу сон…

Приснилась омерзительная баба, на моих глазах превратившаяся в красавицу, которая тут же была посрамлена и превращена в еще худшую уродину (вот она, мнимая привлекательность порока!). Исчезла еще одна буква с моего лба: я, значит, победил такой порок, как лень. Поднимаемся в круг пятый — к скупцам и расточителям.

Скупость, алчность, жадность к золоту — отвратительные пороки. Расплавленное золото когда-то влили в глотку одному одержимому жадностью: пей на здоровье! Мне неуютно в окружении скупцов, а тут еще случилось землетрясение. Отчего? По своему невежеству не знаю…

Оказалось, трясение горы вызвано ликованием по поводу того, что одна из душ очистилась и готова к восхождению: это римский поэт Стаций, поклонник Вергилия, обрадовавшийся тому, что отныне будет сопровождать нас в пути к чистилищной вершине.

С моего лба стерта еще одна буква, обозначавшая грех скупости. Кстати, разве Стаций, томившийся в пятом круге, был скуп? Напротив, расточителен, но эти две крайности караются совокупно. Теперь мы в круге шестом, где очищаются чревоугодники. Здесь нехудо бы помнить о том, что христианским подвижникам не было свойственно обжорство.

Бывшим чревоугодникам суждены муки голода: отощали, кожа да кости. Среди них я обнаружил своего покойного друга и земляка Форезе. Поговорили о своем, поругали Флоренцию, Форезе осуждающе отозвался о распутных дамах этого города. Я рассказал приятелю о Вергилии и о своих надеждах увидеть в загробном мире любимую мою Беатриче.

С одним из чревоугодников, бывшим поэтом старой школы, у меня произошел разговор о литературе. Он признал, что мои единомышленники, сторонники «нового сладостного стиля», достигли в любовной поэзии гораздо большего, нежели сам он и близкие к нему мастера. Между тем стерта предпоследняя литера с моего лба, и мне открыт путь в высший, седьмой круг Чистилища.

А я все вспоминаю худых, голодных чревоугодников: как это они так отощали? Ведь это тени, а не тела, им и голодать-то не пристало бы. Вергилии пояснил: тени, хоть и бесплотны, точь-в-точь повторяют очертания подразумеваемых тел (которые исхудали бы без пищи). Здесь же, в седьмом круге, очищаются палимые огнем сладострастники. Они горят, поют и восславляют

примеры воздержания и целомудрия.

Охваченные пламенем сладострастники разделились на две группы: предававшиеся однополой любви и не знавшие меры в двуполых соитиях. Среди последних — поэты Гвидо Гвиницелли и провансалец Арнальд, изысканно приветствовавший нас на своем наречии.

А теперь нам самим надо пройти сквозь стену огня. Я испугался, но мой наставник сказал, что это путь к Беатриче (к Земному Раю, расположенному на вершине чистилищной горы). И вот мы втроем (Стаций с нами) идем, палимые пламенем. Прошли, идем дальше, вечереет, остановились на отдых, я поспал; а когда проснулся, Вергилии обратился ко мне с последним словом напутствия и одобрения, Все, отныне он замолчит…

Мы в Земном Раю, в цветущей, оглашаемой щебетом птиц роще. Я увидел прекрасную донну, поющую и собирающую цветы. Она рассказала, что здесь был золотой век, блюлась невинность, но потом, среди этих цветов и плодов, было погублено в грехе счастье первых людей. Услышав такое, я посмотрел на Вергилия и Стация: оба блаженно улыбались.

О Ева! Тут было так хорошо, ты ж все погубила своим дерзаньем! Мимо нас плывут живые огни, под ними шествуют праведные старцы в белоснежных одеждах, увенчанные розами и лилиями, танцуют чудесные красавицы. Я не мог наглядеться на эту изумительную картину. И вдруг я увидел ее — ту, которую люблю. Потрясенный, я сделал невольное движение, как бы стремясь прижаться к Вергилию. Но он исчез, мой отец и спаситель! Я зарыдал. «Данте, Вергилий не вернется. Но плакать тебе придется не по нему. Вглядись в меня, это я, Беатриче! А ты как попал сюда?» — гневно спросила она. Тут некий голос спросил ее, почему она так строга ко мне. Ответила, что я, прельщенный приманкой наслаждений, был неверен ей послеее смерти. Признаю ли я свою вину? О да, меня душат слезы стыда и раскаяния, я опустил голову. «Подними бороду!» — резко сказала она, не веля отводить от нее глаза. Я лишился чувств, а очнулся погруженным в Лету — реку, дарующую забвение совершенных грехов. Беатриче, взгляни же теперь на того, кто так предан тебе и так стремился к тебе. После десятилетней разлуки я глядел ей в очи, и зрение мое на время померкло от их ослепительного блеска. Прозрев, я увидел много прекрасного в Земном Раю, но вдруг на смену всему этому пришли жестокие видения: чудовища, поругание святыни, распутство.

Беатриче глубоко скорбела, понимая, сколько дурного кроется — в этих явленных нам видениях, но выразила

уверенность в том, что силы добра в конечном счете победят зло. Мы подошли к реке Эвное, попив из которой укрепляешь память о совершенном тобою добре. Я и Стаций омылись в этой реке. Глоток ее сладчайшей воды влил в меня новые силы. Теперь я чист и достоин подняться на звезды.

РАЙ

Из Земного Рая мы с Беатриче вдвоем полетим в Небесный, в недоступные уразумению смертных высоты. Я и не заметил, как взлетели, воззрившись на солнце. Неужели я, оставаясь живым, способен на это? Впрочем, Беатриче этому не удивилась: очистившийся человек духовен, а не отягощенный грехами дух легче эфира.

Друзья, давайте здесь расстанемся — не читайте дальше: пропадете в бескрайности непостижимого! Но если вы неутолимо алчете духовной пищи — тогда вперед, за мной! Мы в первом небе Рая — в небе Луны, которую Беатриче назвала первою звездою; погрузились в ее недра, хотя и трудно представить себе силу, способную вместить одно замкнутое тело (каковым я являюсь) в другое замкнутое тело (в Луну).

В недрах Луны нам встретились души монахинь, похищенных из монастырей и насильно выданных замуж. Не по своей вине, но они не сдержали данного при пострижении обета девственности, и поэтому им недоступны более высокие небеса. Жалеют ли об этом? О нет! Жалеть значило бы не соглашаться с высшей праведной волей.

А все-таки недоумеваю: чем же они виноваты, покорясь насилию? Почему им не подняться выше сферы Луны? Винить надо не жертву, а насильника! Но Беатриче пояснила, что и жертва несет известную ответственность за учиненное над нею насилие, если, сопротивляясь, не проявила героической стойкости.

Неисполнение обета, утверждает Беатриче, практически невозместимо добрыми делами (слишком уж много надо их сделать, искупая вину). Мы полетели на второе небо Рая — к Меркурию. Здесь обитают души честолюбивых праведников. Это уже не тени в отличие от предшествующих обитателей загробного мира, а светы: сияют и лучатся. Один из них вспыхнул особенно ярко, радуясь общению со мною. Оказалось, это римский император, законодатель Юстиниан. Он сознает, что пребывание в сфере Меркурия (и не выше) — предел для него, ибо честолюбцы, делая добрые дела ради собственной славы (то есть любя прежде всего себя), упускали луч истинной любви к

божеству.

Свет Юстиниана слился с хороводом огней — других праведных душ, Я задумался, и ход моих мыслей привел меня к вопросу: зачем Богу-Отцу было жертвовать сыном? Можно же было просто так, верховною волей, простить людям грех Адама! Беатриче пояснила: высшая справедливость требовала, чтобы человечество само искупило свою вину. Оно на это неспособно, и пришлось оплодотворить земную женщину, чтобы сын (Христос), совместив в себе человеческое с божеским, смог это сделать.

Мы перелетели на третье небо — к Венере, где блаженствуют души любвеобильных, сияющие в огненных недрах этой звезды. Один из этих духов-светов — венгерский король Карл Мартелл, который, заговорив со мной, высказал мысль, что человек может реализовать свои способности, лишь действуя на поприще, отвечающем потребностям его натуры: плохо, если прирожденный воин станет священником…

Сладостно сияние других любвеобильных душ. Сколько здесь блаженного света, небесного смеха! А внизу (в Аду) безотрадно и угрюмо густели тени… Один из светов заговорил со мной (трубадур Фолько) — осудил церковные власти, своекорыстных пап и кардиналов. Флоренция — город дьявола. Но ничего, верит он, скоро станет лучше.

Четвертая звезда — Солнце, обиталище мудрецов. Вот сияет дух великого богослова Фомы Аквинского. Он радостно приветствовал меня, показал мне других мудрецов. Их согласное пение напомнило мне церковный благовест.

Фома рассказал мне о Франциске Ассизском — втором (после Христа) супруге Нищеты. Это по его примеру монахи, в том числе его ближайшие ученики, стали ходить босыми. Он прожил святую жизнь и умер — голый человек на голой земле — в лоне Нищеты.

Не только я, но и светы — духи мудрецов — слушали речь Фомы, прекратив петь и кружиться в танце. Затем слово взял францисканец Бонавентура. В ответ на хвалу своему учителю, возданную доминиканцем Фомой, он восславил учителя Фомы — Доминика, земледельца и слугу Христова. Кто теперь продолжил его дело? Достойных нет.

И опять слово взял Фома. Он рассуждает о великих достоинствах царя Соломона: тот попросил себе у Бога ума, мудрости — не для решения богословских вопросов, а чтобы разумно править народом, то есть царской мудрости, каковая и была ему дарована. Люди, не судите друг о друге поспешно! Этот занят добрым делом, тот — злым, но вдруг первый падет, а второй восстанет?

Что будет с обитателями Солнца в судный день, когда духи

обретут плоть? Они настолько ярки и духовны, что трудно представить их материализованными. Закончено наше пребывание здесь, мы прилетели к пятому небу — на Марс, где сверкающие духи воителей за веру расположились в форме креста и звучит сладостный гимн.

Один из светочей, образующих этот дивный крест, не выходя за его пределы, подвигся книзу, ближе ко мне. Это дух моего доблестного прапрадеда, воина Каччагвиды. Приветствовал меня и восхвалил то славное время, в которое он жил на земле и которое — увы! — миновало, сменившись худшим временем.

Я горжусь своим предком, своим происхождением (оказывается, не только на суетной земле можно испытывать такое чувство, но и в Раю!). Каччагвида рассказал мне о себе и о своих предках, родившихся во Флоренции, чей герб — белая лилия — ныне окрашен кровью.

Я хочу узнать у него, ясновидца, о своей дальнейшей судьбе. Что меня ждет впереди? Он ответил, что я буду изгнан из Флоренции, в безотрадных скитаниях познаю горечь чужого хлеба и крутизну чужих лестниц. К моей чести, я не буду якшаться с нечистыми политическими группировками, но сам себе стану партией. В конце же концов противники мои будут посрамлены, а меня ждет триумф.

Каччагвида и Беатриче ободрили меня. Закончено пребывание на Марсе. Теперь — с пятого неба на шестое, с красного Марса на белый Юпитер, где витают души справедливых. Их светы складываются в буквы, в буквы — сначала в призыв к справедливости, а затем в фигуру орла, символ правосудной имперской власти, неведомой, грешной, исстрадавшейся земле, но утвержденной на небесах.

Этот величественный орел вступил со мной в разговор. Он называет себя «я», а мне слышится «мы» (справедливая власть коллегиальна!). Ему понятно то, что сам я никак не могу понять: почему Рай открыт только для христиан? Чем же плох добродетельный индус, вовсе не знающий Христа? Так и не пойму. А и то правда, — признает орел, — что дурной христианин хуже славного перса или эфиопа,

Орел олицетворяет идею справедливости, и у него не когти и не клюв главное, а всезрящее око, составленное из самых достойных светов-духов. Зрачок — душа царя и псалмопевца Давида, в ресницах сияют души дохристианских праведников (а ведь я только что оплошно рассуждал о Рае «только для христиан»? Вот так-то давать волю сомнениям!).

Мы вознеслись к седьмому небу — на Сатурн. Это обитель созерцателей. Беатриче стала еще красивее и ярче. Она не

улыбалась мне — иначе бы вообще испепелила меня и ослепила. Блаженные духи созерцателей безмолвствовали, не пели — иначе бы оглушили меня. Об этом мне сказал священный светоч — богослов Пьетро Дамьяно.

Дух Бенедикта, по имени которого назван один из монашеских орденов, гневно осудил современных своекорыстных монахов. Выслушав его, мы устремились к восьмому небу, к созвездию Близнецов, под которым я родился, впервые увидел солнце и вдохнул воздух Тосканы. С его высоты я взглянул вниз, и взор мой, пройдя сквозь семь посещенных нами райских сфер, упал на смехотворно маленький земной шарик, эту горстку праха со всеми ее реками и горными кручами.

В восьмом небе пылают тысячи огней — это торжествующие духи великих праведников. Упоенное ими, зрение мое усилилось, и теперь даже улыбка Беатриче не ослепит меня. Она дивно улыбнулась мне и вновь побудила меня обратить взоры к светозарным духам, запевшим гимн царице небес — святой деве Марии.

Беатриче попросила апостолов побеседовать со мной. Насколько я проник в таинства священных истин? Апостол Петр спросил меня о сущности веры. Мой ответ: вера — довод в пользу незримого; смертные не могут своими глазами увидеть то, что открывается здесь, в Раю, — но да уверуют они в чудо, не имея наглядных доказательств его истинности. Петр остался доволен моим ответом.

Увижу ли я, автор священной поэмы, родину? Увенчаюсь ли лаврами там, где меня крестили? Апостол Иаков задал мне вопрос о сущности надежды. Мой ответ: надежда — ожидание будущей заслуженной и дарованной Богом славы. Обрадованный Иаков озарился.

На очереди вопрос о любви. Его мне задал апостол Иоанн. Отвечая, я не забыл сказать и о том, что любовь обращает нас к Богу, к слову правды. Все возликовали. Экзамен (что такое Вера, Надежда, Любовь?) успешно завершился. Я увидел лучащуюся душу праотца нашего Адама, недолго жившего в Земном Раю, изгнанного оттуда на землю; после смерти долго томившегося в Лимбе; затем перемещенного сюда.

Четыре света пылают передо мной: три апостола и Адам. Вдруг Петр побагровел и воскликнул: «Земной захвачен трон мой, трон мой, трон мой!» Петру ненавистен его преемник — римский папа. А нам пора уже расставаться с восьмым небом и возноситься в девятое, верховное и кристальное. С неземной радостью, смеясь, Беатриче метнула меня в стремительно вращающуюся сферу и вознеслась сама.

Первое, что я увидел в сфере девятого неба, — это ослепительная точка, символ божества. Вокруг нее вращаются огни — девять концентрических ангельских кругов. Ближайшие к божеству и потому меньшие — серафимы и херувимы, наиболее отдаленные и обширные — архангелы и просто ангелы. На земле привыкли думать, что великое больше малого, но здесь, как видно, все наоборот.

Ангелы, рассказала мне Беатриче, ровесники мироздания. Их стремительное вращение — источник всего того движения, которое совершается во Вселенной. Поторопившиеся отпасть от их сонма были низвержены в Ад, а оставшиеся до сих пор упоенно кружатся в Раю, и не нужно им мыслить, хотеть, помнить: они вполне удовлетворены!

Вознесение в Эмпирей — высшую область Вселенной — последнее. Я опять воззрился на ту, чья возрастающая в Раю красота поднимала меня от высей к высям. Нас окружает чистый свет. Повсюду искры и цветы — это ангелы и блаженные души. Они сливаются в некую сияющую реку, а потом обретают форму огромной райской розы.

Созерцая розу и постигая общий план Рая, я о чем-то хотел спросить Беатриче, но увидел не ее, а ясноокого старца в белом. Он указал наверх. Гляжу — в недосягаемой вышине светится она, и я воззвал к ней: «О донна, оставившая след в Аду, даруя мне помощь! Во всем, что вижу, сознаю твое благо. За тобой я шел от рабства к свободе. Храни меня и впредь, чтобы дух мой достойным тебя освободился от плоти!» Взглянула на меня с улыбкой и повернулась к вечной святыне. Всё.

Старец в белом — святой Бернард. Отныне он мой наставник. Мы продолжаем с ним созерцать розу Эмпирея. В ней сияют и души непорочных младенцев. Это понятно, но почему и в Аду были кое-где души младенцев — не могут же они быть порочными в отличие от этих? Богу виднее, какие потенции — добрые или дурные — в какой младенческой душе заложены. Так пояснил Бернард и начал молиться.

Бернард молился деве Марии за меня — чтобы помогла мне. Потом дал мне знак, чтобы я посмотрел наверх. Всмотревшись, вижу верховный и ярчайший свет. При этом не ослеп, но обрел высшую истину. Созерцаю божество в его светозарном триединстве. И влечет меня к нему Любовь, что движет и солнце и звезды.

А. А. Илюшин

Джованни Боккаччо (Giovanni Boccacio) [1313–1375]

Фьяметта (La Fiammetta)

Повесть (1343, опубл. 1472)

Это история любви, рассказанная героиней по имени Фьяметта, обращенная в первую очередь к влюбленным женщинам, у которых молодая дама ищет сочувствия и понимания.

Прекрасная Фьяметта, красота которой пленяла всех, проводила в непрерывном празднике жизнь; любящий супруг, богатство, почет и уважение — все это даровала ей судьба. Однажды, накануне большого торжества, Фьяметте приснился страшный сон, будто она гуляет в погожий солнечный день по лугу, плетет венки, и вдруг ядовитая змея жалитее под левую грудь; тут же меркнет свет, раздается гром — и наступает пробуждение. В ужасе наша героиня хватается за укушенное место, но, найдя его невредимым, успокаивается. В этот день в храме во время праздничной службы Фьяметта впервые по-настоящему влюбляется, и ее избранник Панфило отвечает взаимностью наее внезапно вспыхнувшее чувство. Наступает пора блаженства и наслаждения. «Скоро весь мир стал мне нипочем, казалось, что головой я достигаю неба», — признается Фьяметта.

Идиллию нарушает неожиданное известие, полученное от отца Панфило. Вдовый старец просит сына приехать к нему во Флоренцию и стать опорой и утешением в конце жизни, так как все братья Панфило умерли и несчастный отец остался один. Фьяметта, безутешная в своем горе, пытается удержать возлюбленного, взывая к его жалости: «Неужели, предпочтя жалость к старому отцу законной жалости ко мне, ты будешь причиной моей смерти?» Но юноша не хочет навлечь на себя жестокие упреки и бесчестье, поэтому он отправляется в путь, обещая вернуться месяца через три-четыре. При прощании Фьяметта лишается чувств, и ее, полуживую от горя, пытается утешить служанка своим рассказом о том, как Панфило рыдал и со слезами целовал лицо госпожи и умолял помочь своей возлюбленной.

Фьяметта, самая верная из влюбленных женщин, ждет возвращения любимого с покорнейшей верой, но вместе с тем в ее сердце закрадывается ревность. Известно, что Флоренция

славится прелестными женщинами, умеющими завлекать в свои сети. Что, если Панфило уже попался в них? Фьяметта, страдая, гонит от себя эти мысли. Каждое утро она поднимается на вышку дома и оттуда наблюдает за солнцем, и чем оно выше, тем ближе кажется ей срок возвращения Панфило. Фьяметта постоянно мысленно беседует с возлюбленным, перечитывает его письма, перебирает принадлежащие ему вещи, а иногда зовет служанку и разговаривает с ней о нем. На смену дневным утешениям приходят ночные. Кто бы поверил, что любовь может научить астрологии? По изменению положения луны Фьяметта определенно могла сказать, какая часть ночи прошла, и непонятно, что было отраднее: наблюдать, как течет время, или, будучи занятой другим делом, увидеть, что оно уже прошло. Когда приблизился срок обещанного Панфило возвращения, влюбленная решила, что ей стоит немного повеселиться, чтобы вернулась несколько стертая скорбью красота. Приготовлены роскошные наряды и драгоценные украшения — так рыцарь к будущей битве готовит нужные ему доспехи.

Но возлюбленного все нет. Фьяметта придумывает оправдания: может быть, отец упросил его остаться подольше. Или что-то случилось в пути. Но больше всего Фьяметту терзала ревность. «Ни одно мирское явление не вечно. Новое всегда больше нравится, нежели виденное, и всегда человек сильнее желает того, чего не имеет, чем того, чем обладает». Так в надежде и в отчаянии прошел месяц. Однажды, во время встречи с монахинями, Фьяметта познакомилась с флорентийским купцом. Одна из монахинь, молодая, красивая, благородного происхождения, спросила купца, не знает ли он Панфило. Получив утвердительный ответ, она стала расспрашивать подробнее, и тут Фьяметта узнала, что Панфило женился. Причем монахиня при этом известии покраснела, опустила глаза, и видно было, что она едва сдерживает слезы. Потрясенная Фьяметта все же не теряет надежды, она хочет верить, что это отец заставил жениться Панфило, но он продолжает любить ее одну. Но смотреть на небо ей больше не хочется, так как она уже не уверена в возвращении любимого. В порыве гнева сожжены письма и испорчены многие его вещи. Некогда прекрасное лицо Фьяметты побледнело, дивная красота померкла, и это наводит уныние на весь дом, дает повод к различным толкам.

Муж, с тревогой наблюдавший за переменами, происходящими с Фьяметтой, предлагает ей поездку на воды, исцеляющие от всевозможных недугов. Кроме того, те места славятся веселым времяпровождением и изысканным обществом. Фьяметта готова исполнить волю супруга, и они отправляются в

путь. Но спасения от любовной лихорадки не существует, тем более что именно в этих местах Фьяметта не раз бывала с Панфило, поэтому нахлынувшие воспоминания лишь бередят рану. Фьяметта принимает участие в различных увеселениях, с притворным умилением наблюдает за влюбленными парами, но это служит лишь источником новых мук. Доктора и супруг, видя ее бледность, сочли недуг неисцелимым и рекомендовали ей вернуться в город, что она и сделала.

Нашей героине случается сидеть в кругу женщин, ведущих беседы о любви, и, жадно прислушиваясь к этим рассказам, она понимает, что не было и нет столь пламенной, столь скрытной, столь горестной любви, как у нее. Она обращается к Судьбе с мольбами и просьбами помочь ей, защитить от ударов: «Жестокая, сжалься надо мною;

смотри, я до того дошла, что стала притчей во языцех там, где прежде славили мою красу».

Прошел год с той поры, как Панфило покинул Фьяметту. Неожиданно из Флоренции возвращается слуга Фьяметты, который рассказывает, что женился вовсе не Панфило, а его отец, Панфиложе влюбился в одну из флорентийских красавиц. Фьяметта, будучи не в силах перенести измену, пытается покончить с собой. К счастью, старая кормилица угадывает намерение своей питомицы и вовремя останавливает ее при попытке броситься с башни. От безысходного горя Фьяметта тяжело заболевает. Мужу объясняют, что отчаяние жены вызвано смертью любимого брата.

В какой-то момент появляется проблеск надежды: кормилица сообщает, что встретила на набережной флорентийского юношу, который будто бы знает Панфило и уверяет, что тот должен вот-вот вернуться. Надежда воскрешает Фьяметту, но радость напрасна. Вскоре выясняется, что сведения ложные, кормилица ошиблась. Фьяметта впадает в прежнюю тоску. Порою она пытается сыскать утешение в сопоставлении своих любовных мук с муками знаменитых ревнивиц древности, как Федра, Гекуба, Клеопатра, Иокаста и другие, но находит, что ее муки во сто крат горше.

Н. Б. Виноградова

Фьезоланские нимфы (Nimfale Fiesolano)

Поэма (1343–1346, опубл. 1477)

В центре поэтического повествования находится трогательная любовная история пастуха и охотника Африко и нимфы Мензолы.

Мы узнаем, что в незапамятные времена во Фьезоле женщины особо чтили богиню Диану, которая покровительствовала целомудрию. Многие родители после рождения детей, кто по обету, а кто в благодарность, отдавали их Диане. Богиня охотно принимала всех в свои леса и рощи. У фьезоланских холмов образовалось девственное содружество, «все там тогда прозванием нимфы величались / И с луком и со стрелами являлись». Богиня часто собирает нимф у светлого ручья или в лесной тени и подолгу беседует с ними о священном девственном обете, об охоте, ловле — излюбленных их занятиях. Диана была мудрой опорой дев, но находиться рядом с ними всегда не могла, так как имела много разных забот — «для всей земли старалась / Дать от обид мужских она покров». Поэтому, уходя, она оставляла с нимфами свою наместницу, которой те беспрекословно Подчинялись.

Однажды в мае богиня приходит держать совет среди своего воинского стана. Она уже в который раз напоминает нимфам, что рядом с ними не должно быть мужчин и каждая обязана себя блюсти, «та ж, кто обольстится, / Та жизни от руки моей лишится». Девушки потрясены угрозами Дианы, но еще больше потрясен юноша Африке, случайный свидетель этого совета. Его взор прикован к одной из нимф, он любуется ее красотой и чувствует в своем сердце огонь любви. Но Диане пора в путь, нимфы следуют за ней, и их внезапное исчезновение обрекает влюбленного на страдания. Единственное, что он успевает узнать, это имя своей возлюбленной — Мензола. Ночью во сне юноше является Венера и благословляет его на поиски прекрасной нимфы, обещая ему свою помощь и поддержку. Ободренный сновидением, влюбленный, едва рассветает, отправляется в горы. Но день проходит напрасно, Мензолы нет, и огорченный Африко возвращается домой. Отец, догадываясь о причине печали сына, рассказывает ему семейное предание. Оказывается, дед юноши погиб от руки Дианы. Богиня-девственница застала его на берегу реки с одной из своих нимф и, разъяренная, пронзила стрелой сердца обоих, а кровь их превратила в чудный источник, сливающийся с рекой. Отец пытается освободить Африко от чар прекрасной нимфы, но уже поздно: юноша страстно влюблен и не склонен к отступлению. Он проводит все свое время у фьезоланских холмов, надеясь на долгожданную встречу, и вскоре мечте его суждено сбыться. Но Мензола сурова: едва завидев юношу, она мечет в него копье, которое, к счастью, вонзается в крепкий дуб. Нимфа же неожиданно скрывается в лесной чаще. Африко безуспешно пытается ее отыскать. Он в страданиях проводит свои дни, ничто не радует его, он отказывается от

пищи, с красивого лица исчезает юношеский румянец. Однажды печальный Африко пас свое стадо и, склонившись над ручьем, беседовал с собственным отражением. Он клял свою судьбу, и слезы рекою лились у него из глаз: «А я, как хворост на огне, сгораю, / И нет спасения мне, нет мукам краю». Но вдруг юноша вспоминает о Венере, обещавшей помочь ему, и решает почтить богиню жертвоприношением, веря в ее благосклонность. Одну овечку из стада он делит на две части (одну часть за себя, другую за Мензолу) и возлагает на костер. Затем встает на колени и с мольбой обращается к богине любви — он просит, чтобы Мензола ответила взаимностью на его чувство. Слова его услышаны, ибо овца в огне поднялась «и часть одна с другой соединилась». Увиденное чудо вселяет в юношу надежду, и он, повеселевший и успокоившийся, погружается в сон. Венера, вновь явившись ему во сне, советует Африко переодеться в женское платье и обманным путем проникнуть к нимфам.

Наутро, вспомнив, что у матери хранится красивый наряд, Африко переодевается в него и отправляется в путь. Ему удается под видом девушки войти в доверие к нимфам, он ласково беседует с ними, а потом они все вместе направляются к ручью. Нимфы раздеваются и заходят в воду, Африко же, после долгих колебаний, тоже следует их примеру. Раздается отчаянный визг, и девушки бросаются врассыпную. А Африко, торжествуя, сжимает в объятиях рыдающую от ужаса Мензолу. Девичество ее против воли похищено, и несчастная призывает смерть, не желая принимать ее от руки Дианы. Африко, не переставая утешать и ласкать возлюбленную, рассказывает ей о своей любви, обещает счастливую жизнь вдвоем и уговаривает ее не бояться Дианиного гнева. Тихо уплывает печаль из сердца Мензолы, и на смену ей приходит любовь. Влюбленные договариваются встречаться у этого же ручья каждый вечер, ибо уже не мыслят жизни друг без друга. Но нимфа, едва оставшись одна, вновь вспоминает о своем позоре и проводит всю ночь в слезах. Африко с нетерпением ждет ее вечером у ручья, но возлюбленная не приходит. Воображение рисует ему разные картины, он терзается, горюет и решает подождать до следующего вечера. Но проходят день, неделя, месяц, а Африко так и не видит дорогого лица любимой. Наступает второй месяц, влюбленный доведен до отчаяния и, придя на место обещанной встречи, обращается к реке с просьбой носить отныне его имя, и вонзает себе в грудь копье. С тех пор люди в память о юноше, погибшем от любви, стали называть реку Африко.

А что же Мензола? Она, умея лицемерить, смогла убедить подруг, что сразила юношу стрелой и спасла свою честь. И с

каждым днем она становилась все спокойнее и тверже. Но от премудрой нимфы Синедеккьи Мензола узнает, что зачала, и решает поселиться отдельно от всех в пещере, надеясь на поддержку Синедеккьи. Меж тем во Фьезоле прибывает Диана, она интересуется у нимф, где ее любимица Мензола, и слышит, что ее давно уже в горах не видно и, может быть, она больна. Богиня в сопровождении трех нимф спускается к пещере. У Мензолы уже родился сын, и она играет с ним у реки. Диана в гневе превращает Мензолу в реку, которую нарекают ее именем, а сына разрешает отдать родителям Африко. Они в нем души не чают, растят младенца с любовью и заботой.

Проходит восемнадцать лет. Прунео (так назвали внука младенца) становится прекрасным юношей. В те времена в Европе появился Атлант и основал город Фьезоле. Всех окрестных жителей он пригласил в свой новый город. Прунео за свои исключительные способности и ум избран правителем, народ его полюбил, и он «весь край, радея постоянно, /Из дикости к порядку обратил». Атлант нашел ему невесту, и род Африко продолжился в десяти сыновьях Прунео. Но в город приходит беда. Римляне разрушают фьезоле, его покидают все жители за исключением потомков Африко, которые там же построили себе дома и в них укрылись. Вскоре наступает мир и возникает новый город — Флоренция. Род Африко прибыл туда и был радушно принят местным населением. Его окружили любовью, почетом и уважением, члены рода породнились с известными флорентийцами и превратились в коренных жителей.

Заключительные строфы поэмы в форме традиционного обращения к всесильному владыке Амуру звучали настоящим гимном любви, преображающей жизнь и человека,

Н. Б. Виноградова

Декамерон (Il Decameron)

Книга новелл (1350–1353, опубл. 1471)

Первый день Декамерона.

«в продолжение коею, после того как автор сообщит, по какому поводу собрались и о чем. говорили между собою лица, которые будут действовать дальше, собравшиеся в день правления Пампинеи толкуют о том, что каждому больше по душе»

В 1348 г. Флоренцию «посетила губительная чума», погибло сто тысяч человек, хотя до этого никто и не предполагал, что в городе столько жителей. Распались родственные и дружеские связи, слуги отказывались служить господам, мертвых не хоронили, а сваливали в ямы, вырытые на церковных кладбищах.

И вот в самый разгар беды, когда город почти опустел, в храме Санта Мария Новелла после божественной литургии встретились семь молодых женщин от восемнадцати до двадцати восьми лет, «связанные между собой дружбой, соседством, родством», «рассудительные, родовитые, красивые, благонравные, пленительные в своей скромности», все в приличествующих «мрачной године траурных одеждах». Не сообщая во избежание кривотолков их истинных имен, атвор называет их Пампинеей, Фьяметтой, Филоменой, Эмилией, Лауреттой, Нейфилой и Элиссой — в соответствии с их душевными качествами.

Напомнив, сколь многих юношей и девушек унесла страшная чума, Пампинея предлагает «благопристойным образом удалиться в загородные имения и заполнить досуг всякого рода развлечениями». Покинув город, где люди в ожидании своего смертного часа предались похоти и разврату, они оградят себя от неприятных переживаний, притом что сами будут вести себя нравственно и достойно. Во Флоренции их ничто не держит: все их близкие погибли.

Дамы одобряют мысль Пампинеи, и Филомена предлагает пригласить с собою мужчин, ибо женщине трудно жить своим умом и советы мужчины ей крайне необходимы. Ей возражает Элисса: дескать, в это время трудно сыскать надежных спутников — близкие частью умерли, частью разъехались кто куда, а обращаться к чужим неприлично. Она предлагает искать иной путь к спасению.

Во время этого разговора в церковь входят трое молодых людей — Панфило, Филострато и Дионео, все миловидные и благовоспитанные, младшему из которых не менее двадцати пяти лет. В числе оказавшихся в церкви дам есть и их возлюбленные, остальные состоят с ними в родстве. Пампинея тут же предлагает пригласить именно их.

Нейфила, залившись краской смущения, высказывается в том смысле, что юноши хороши и умны, но влюблены в некоторых присутствующих дам, и это может бросить тень на их общество. Филомена же возражает, что главное — честно жить, а остальное приложится.

Молодые люди рады приглашению; условившись обо всем, девушки и юноши в сопровождении служанок и слуг на следующее же утро оставляют город. Они прибывают в

живописную местность, где стоит прекрасный дворец, и располагаются там. Слово берет Дионео, самый веселый и остроумный, предлагая развлекаться как кому угодно. Его поддерживает Пампинея, которая предлагает, чтобы кто-то был у них за главного и думал об устройстве их жизни и увеселениях. А чтобы каждый познал и заботы, и радости, связанные с главенством, и чтобы никому не было завидно, следует возлагать это почетное бремя по очереди на каждого. Первого «повелителя» они изберут все вместе, а последующих каждый раз перед вечерней будет назначать тот, кто в этот день был повелителем. Все единодушно избирают Пампинею, и Филомена возлагает ей на голову лавровый венок, который на протяжении последующих дней служит знаком «главенства и королевской власти».

Отдав слугам необходимые распоряжения и попросив всех воздерживаться от сообщения неприятных новостей, Пампинея позволяет всем разойтись; после изысканно сервированного завтрака все принимаются петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, а затем ложатся отдохнуть. В три часа, поднявшись ото сна, все собираются в тенистом уголке сада, и Пампинея предлагает посвятить время рассказам, «ибо один рассказчик способен занять всех слушателей», позволяя в первый день рассказывать «о том, что каждому больше по душе». Дионео испрашивает для себя права каждый раз рассказывать историю по своему выбору, чтобы позабавить общество, уставшее от излишнего умствования, и это право получает.

Первая новелла Первого дня (рассказ Панфило)

Часто, не решаясь напрямую обратиться к Богу, люди обращаются к святым заступникам, которые при жизни соблюдали божественную волю и на небесах пребывают со Всевышним. Однако порой бывает, что люди, введенные в заблуждение молвою, избирают себе такого заступника перед лицом Всемогущего, который Им же осужден на вечную муку. О таком «заступнике» и рассказывается в новелле.

Главный герой — мессер Чеппарелло из Прато, нотариус. Богатый и именитый купец Мушьятто Францези, получив дворянство, переезжает из Парижа в Тоскану вместе с братом французского короля Карлом Безземельным, которого вызывает туда пала Бонифаций. Ему требуется человек, чтобы взыскать долг с бургундцев, славящихся несговорчивостью, злонравием и нечестностью, который мог бы противопоставить их коварству свое, и выбор его падает на мессера Чеппарелло, которого во Франции называют Шалелето. Тот промышляет изготовлением фальшивых документов и лжесвидетельствует; он склочник,

скандалист, убийца, богохульник, пьяница, содомит, вор, грабитель, шулер и злостный игрок в кости. «Худшего человека, чем он, может быть, и не родилось». В благодарность за службу Мушьятто обещает замолвить за Шапелето слово во дворце и выдать изрядную часть суммы, которую тот взыщет.

Поскольку дел у Шапелето нет, средства кончаются, а покровитель его покидает, он «в силу необходимости» соглашается — отправляется в Бургундию, где его никто не знает, и поселяется у выходцев из Флоренции, братьев-ростовщиков.

Внезапно он заболевает, и братья, чувствуя, что конец его близок, обсуждают, как им быть. Выгнать на улицу больного старика нельзя, а между тем он может отказаться от исповеди, и тогда его нельзя будет похоронить по-христиански. Если же он исповедуется, то вскроются такие грехи, которые ни один священник не отпустит, и результат будет тот же. Это может сильно озлобить местных жителей, не одобряющих их промысел, и привести к погрому.

Мессер Шапелето слышит разговор братьев и обещает наилучшим образом устроить и их, и свои дела.

К умирающему приводят славящегося «святой жизнью» старца, и Шапелето приступает к исповеди. На вопрос, когда он в последний раз исповедовался, Шапелето, который не исповедовался никогда, сообщает, что делает это каждую неделю и каждый раз кается во всех грехах, совершенных с рождения. Он и на этот раз настаивает на генеральной исповеди. Старец спрашивает, не грешил ли он с женщинами, и Шапелето отвечает: «Я такой же точно девственник, каким вышел из чрева матери». По поводу чревоугодия нотариус признается: его грех состоял в том, что во время поста пил воду с таким же наслаждением, как пьяница вино, и с аппетитом вкушал постную пищу. Говоря о грехе сребролюбия, Шапелето заявляет, что значительную часть своего богатого наследства пожертвовал на бедных, а затем, занимаясь торговлей, постоянно делился с неимущими. Он признается, что часто гневался, глядя, как люди «ежедневно чинят непотребства, не соблюдая заповедей Господних, и суда Божьего не боятся». Он кается, что злословил, говоря о соседе, то и дело избивавшем жену; однажды не пересчитал сразу денег, вырученных за товар, а оказалось, их больше, чем нужно; не сумев найти их владельца, он употребил излишек на богоугодные дела.

Еще два несущественных греха Шапелето использует как предлог прочесть наставление святому отцу, а затем принимается плакать и сообщает, что однажды обругал мать. Видя его искреннее раскаяние, монах верит ему, отпускает все грехи и

признает его за святого, предлагая похоронить в своем монастыре.

Слушая из-за стены исповедь Шапелето, братья давятся смехом, заключая, что «ничто не в состоянии исправить порочный его нрав: «злодеем прожил всю свою жизнь, злодеем и умирает».

Гроб с телом покойного переносят в монастырскую церковь, где духовник расписывает прихожанам его святость, а когда его хоронят в склепе, туда со всех сторон спешат паломники. Называют его святой Шалелето и «утверждают, что Господь через него явил уже много чудес и продолжает ежедневно являть их всем, кто с верою прибегает к нему».

Вторая новелла Первого дня (рассказ Нейфилы)

В Париже проживает богатый купец Джаннотто ди Чивиньи, человек добрый, честный и справедливый, который общается с купцом-иудеем по имени Абрам и весьма сокрушается, что душа столь достойного человека из-за неправой веры погибнет. Он начинает уговаривать Абрама перейти в христианство, доказывая, что вера христианская в силу своей святости процветает и все шире распространяется, а его, Абрама, вера, оскудевает и сходит на нет. Вначале Абрам не соглашается, но затем, внемля увещеваниям друга, обещает стать христианином, но лишь после того, как посетит Рим и понаблюдает жизнь наместника Бога на земле и его кардиналов.

Такое решение ввергает Джаннотто, знакомого с нравами папского двора, в уныние, и он пытается отговорить Абрама от поездки, однако тот настаивает на своем. В Риме он убеждается, что при папском дворе процветают откровенное распутство, алчность, чревоугодие, корыстолюбие, зависть, гордыня и еще худшие пороки. Возвратившись в Париж, он объявляет о своем намерении креститься, приводя следующий довод: папа, все кардиналы, прелаты и придворные «стремятся стереть с лица земли веру христианскую, и делают это они необычайно старательно, <…> хитроумно и <…> искусно», а между тем вера эта все больше распространяется — значит, ее верно поддерживает Дух Святой. Джаннотто становится его крестным отцом и дает ему имя Джованни.

Третья новелла Первого дня (рассказ Филомены)

Рассказ должен послужить иллюстрацией той мысли, «что глупость часто выводит людей из блаженного состояния и низвергает в пучину зол, тогда как разум вызволяет мудрого из пучины бедствий и дарует ему совершенный и ненарушимый покой».

Действие происходит при дворе Саладина, султана вавилонского, славного своими победами над христианскими и сарацинскими королями, какового казну истощили частые войны и чрезмерная роскошь. В попытке раздобыть денег он решает прибегнуть к помощи еврея Мельхиседека, ростовщика, и хитростью получить от него необходимую сумму.

Призвав еврея, он спрашивает, какой закон тот почитает за истинный: иудейский, сарацинский или христианский. Мудрый еврей, дабы не попасть впросак, рассказывает притчу.

Один человек обладал дорогим перстнем и, желая сохранить его в семье, повелел, чтобы тот из сыновей, который получит перстень, считался его наследником, а остальные почитали бы его за старшего в роду. Так и повелось в той семье. Наконец перстень перешел к человеку, который всех трех своих сыновей любил одинаково и никому не мог отдать предпочтения. Чтобы никого не обижать, он заказал две копии перстня и перед смертью, втайне от остальных, каждому сыну вручил по перстню. После кончины отца все трое притязали на наследство и почет, в доказательство предъявляя перстень, но никто не мог определить, какой же перстень подлинный, и вопрос о наследовании так и остался открытым. То же самое можно сказать и о трех законах, которые Бог-Отец дал трем народам: каждый из них почитает себя наследником, обладателем и исполнителем истинного закона, но кто на самом деле им владеет — этот вопрос открыт.

Поняв, что еврей с честью избежал западни, Саладин открыто просит его о помощи, а затем, сполна взятую сумму возвратив, приближает к себе и предоставляет высокий и почетный пост.

Второй день Декамерона.

«В день правления Филомены предлагаются вниманию рассказы о том, как для людей, подвергавшихся многоразличным испытаниям, в конце концов, сверх всякого ожидания, все хорошо кончалось»

Первая новелла Второго дня (рассказ Нейфилы)

Мораль: «Нередко тот, кто пытается насмехаться над другими, особливо над предметами священными, смеется себе же во вред и сам же бывает осмеян».

После смерти немец из Тревизо по имени Арриго признан святым, и к его мощам, перенесенным в собор, приводят за исцелением калек, слепцов и больных. В это время в Тревизо из

Флоренции приезжают три лицедея: Стекки, Мартеллино и Маркезе, и им хочется поглядеть на мощи святого.

Чтоб пробиться сквозь толпу, Мартеллино притворяется калекой, которого друзья ведут к мощам. В соборе его кладут на мощи, и он делает вид, будто исцелился — разгибает искривленные руки и ноги, — но внезапно его узнает некий флорентиец, который всем раскрывает его обман. Его начинают немилосердно избивать, и тогда Маркезе, чтобы спасти друга, объявляет стражникам, что тот будто бы срезал у него кошелек. Мартеллино хватают и ведут к градоправителю, где кое-кто из присутствовавших в соборе наговаривает на него, что он и у них срезал кошельки. За дело принимается суровый и жестокий судья. Под пыткой Мартеллино соглашается повиниться, но с тем условием, что каждый из жалобщиков укажет, где и когда у него срезали кошелек. Все называют разное время, между тем как Мартеллино только что приехал в этот город. Он пытается строить на этом свою защиту, но судья ничего и слышать не хочет и собирается вздернуть его на виселицу.

Тем временем друзья Мартеллино обращаются за заступничеством к человеку, который пользуется доверием градоправителя. Вызвав Мартеллино к себе и посмеявшись над этим приключением, градоправитель отпускает всех троих восвояси.

Третий день Декамерона.

«В день правления Нейфилы предлагаются вниманию рассказы о том, как люди благодаря хитроумию своему добивались того, о чем они страстно мечтали, или же вновь обретали утраченное»

Восьмая новелла Третьего дня (рассказ Лауретты)

Жену богатого крестьянина Ферондо любит некий аббат. Он обещает ей избавить ее мужа от ревности, а в награду просит разрешения обладать ею, уверяя ее, что «святость от того не умаляется, ибо она пребывает в душе», а он собирается совершить грех плотский. Женщина соглашается.

Аббат поит Ферондо сонным порошком, и он якобы умирает. Его хоронят в склепе, откуда аббат с одним доверенным монахом переносят его в подземелье. Ферондо, который считает, что попал в чистилище, ежедневно подвергается порке якобы за проявленную при жизни ревность, а аббат тем временем развлекается с его женой. Так проходит десять месяцев, и вдруг

аббат узнает, что его любовница беременна. Тогда он решает выпустить ее мужа. Монах сообщает Феронду, что вскоре тот воскреснет и станет отцом ребенка. Вновь усыпив его, аббат с монахом возвращают его в склеп, где тот просыпается и начинает звать на помощь. Все признают, что он воскрес, отчего вера в святость аббата увеличивается, а Феронду излечивается от ревности.

Четвертый день Декамерона.

«В день правления Филострато предлагаются вниманию рассказы о несчастной любви»

Первая новелла Четвертого дня (рассказ Фьяметты)

Гисмонда, дочь принца Салернского Танкреда, рано становится вдовой и, возвратившись в дом отца, не спешит выходить замуж, а присматривает себе достойного возлюбленного. Выбор ее падает на Гвискардо, юношу низкого происхождения, но благородного поведения, слугу в доме отца. Мечтая о тайном свидании, Гисмонда передает ему записку, в которой назначает встречу в заброшенной пещере и объясняет, как туда попасть. Сама она проходит туда по старинной потайной лестнице. Встретившись в пещере, любовники проходят к ней в спальню, где и проводят время. Так они встречаются несколько раз.

Однажды Танкред заходит к дочери, когда та гуляет в саду, и, ожидая ее, случайно засыпает. Не заметив его, Гисмонда приводит в комнату Гвискардо, и Танкред становится свидетелем их любовных утех. Незаметно выбравшись из комнаты, он велит слугам схватить Гвискардо и заточить его в одной из комнат дворца.

На другой день он идет к дочери и, обвинив ее в том, что она отдалась молодчику «самого темного происхождения», предлагает ей сказать что-либо в свою защиту. Женщина гордая, она решает ни о чем отца не просить, а покончить счеты с жизнью, ибо уверена, что возлюбленного ее уже нет в живых. Она искренне признается в своей любви, объясняя ее достоинствами Гвискардо и требованиями плоти, и обвиняет отца в том, что, находясь во власти предрассудков, он упрекает ее не столько в грехопадении, сколько в связи с человеком неблагородным. Она утверждает, что истинное благородство не в происхождении, а в поступках, и даже бедность указывает лишь на отсутствие

средств, но не благородства. Принимая всю вину на себя, она просит отца поступить с ней так же, как он поступил с Гвискардо, в противном случае обещает наложить на себя руки.

Танкред не верит, что дочь способна осуществить угрозу, и, вынув сердце из груди убитого Гвискардо, посылает его Гисмонде в золотом кубке. Гисмонда обращается к сердцу возлюбленного со словами, что недруг подарил ему гробницу, достойную его доблести. Омыв сердце слезами и прижав его к груди, она наливает в кубок яд и до капли выпивает отраву. Раскаявшийся Танкред исполняет последнюю волю дочери и хоронит любовников в одной гробнице.

Пятый день Декамерона.

«В день правления Фьяметты предлагаются вниманию рассказы о том, как влюбленным после мытарств и злоключений в конце концов улыбалось счастье»

Пятая новелла Пятого дня (рассказ Нейфилы)

Гвидотто из Кремоны воспитывает приемную дочь Агнесу; после смерти он поручает ее заботам своего друга, Джакомино из Павии, который переезжает с девочкой в Фаэнцу. Там к ней сватаются двое юношей; Джанноле ди Северино и Мингино ди Минголе. Им отказывают, и они решают похитить девушку силой, для чего вступают в сговор со слугами Джакомино. Однажды Джакомино отлучается вечером из дому. Юноши пробираются туда, и между ними завязывается драка. На шум сбегаются стражники и отводят их в тюрьму.

Наутро родные просят Джакомино не подавать на безрассудных юнцов жалобу. Тот соглашается, заявляя, что девушка — уроженка Фаэнцы, но он не знает, чья она дочь. Ему известно лишь, в каком доме во время разграбления города войсками императора Фридриха была обнаружена девочка. По шраму над левым ухом отец Джанноле Бернабуччо узнает в Агнесе дочь. Правитель города выпускает обоих юношей из тюрьмы, мирит их между собой и выдает Агнесу замуж за Мингино.

Шестой день Декамерона.

«В день правления Элиссы предлагаются вниманию рассказы о том, как люди, уязвленные чьей-либо шуткой, платили тем же или быстрыми и находчивыми ответами предотвращали утрату, опасность и бесчестье»

Первая новелла Шестого дня (рассказ Филомены)

Однажды знатная флорентийка донна Оретта, жена Джери Спины, гуляла в своем имении с дамами и мужчинами, приглашенными к ней на обед, а поскольку до того места, куда они собирались идти пешком, было далеко, один изее спутников предложил: «Позвольте, донна Оретта, рассказать вам презанимательную повесть, и вы не заметите, как дойдете, будто почти все время ехали на коне». Однако рассказчик был настолько неумел и так безнадежно испортил историю, что донна Оретта испытала от этого физическое недомогание. «Мессер! Ваш конь очень уж спотыкается. Будьте любезны, спустите меня», — с очаровательною улыбкою молвила дама. Спутник «сразу уловил намек, обернул его в шутку, сам первый засмеялся и поспешил перейти на другие темы», так и не закончив начатой повести.

Седьмой день Декамерона.

«В день правления Дионео предлагаются вниманию рассказы о тех штуках, какие во имя любви или же ради своего спасения вытворяли со своими догадливыми и недогадливыми мужьями жены»

Седьмая новелла Седьмого дня (рассказ Филомены)

Молодой житель Парижа Лодовико, сын разбогатевшего на торговле флорентийского дворянина, служит при дворе французского короля и однажды от рыцарей, посетивших святые места, слышит о красоте донны Беатриче, жены Эгано де Галуцци из Болоньи. Заочно влюбившись в нее, он просит отца отпустить его в паломничество, а сам тайно приезжает в Болонью. Увидев донну Беатриче, он с первого взгляда влюбляется в нее и решает остаться в Болонье, пока не добьется взаимности, для чего под именем Аникино поступает на службу к Эгано и вскоре входит у того в доверие.

Как-то раз, когда Эгано уезжает на охоту, Аникино открывает Беатриче свои чувства. Беатриче отвечает ему взаимностью и приглашает ночью проникнуть к ней в комнату. Поскольку он

знает, с какой стороны кровати она спит, она предлагает дотронуться до нее, если она будет спать, и тогда сбудутся все его мечты.

Ночью, почувствовав прикосновение Аникино, Беатриче хватает его за руку и начинает так ворочаться в постели, что просыпается Эгано. Аникино, опасаясь ловушки, пытается вырваться, но Беатриче крепко его держит, между тем рассказывая мужу, что его якобы самый верный слуга Аникино назначил ей свидание в полночь в саду.

Предлагая мужу испытать верность слуги, она заставляет его нарядиться в ее платье и выйти в сад, что он и делает.

Сполна насладившись любовником, Беатриче отправляет его в сад с огромной дубиной, чтобы он как следует взгрел Эгано. Аникино обрушивается на хозяина со словами: «Так ты сюда пришла, воображая, что я собирался и собираюсь обмануть моего господина?»

Насилу вырвавшись, Эгано прибегает к жене и рассказывает, что Аникино, оказывается, собирался ее испытать. «Он так тебе предан, что его нельзя не любить и не уважать», — говорит жена. Так Эгано убеждается, какие у него преданные слуга и жена, и благодаря этому случаю Беатриче и Аникино еще много раз предаются любовным утехам.

Восьмой день Декамерона.

«В день правления Лауретты предлагаются вниманию рассказы о том, какие штуки ежедневно вытворяют женщина с мужчиной, мужчина с женщиной и мужчина с мужчиной»

Десятая новелла Восьмого дня (рассказ Дионео)

В Палермо, как и в других портовых городах, существует порядок, по которому приезжающие в город купцы сдают товары на хранение в склад, именуемый таможней. Таможенники выделяют для товара особое помещение и вписывают товар с указанием ценности в таможенную книгу, благодаря чему женщины нечестного поведения легко узнают о средствах купца, чтобы затем заманить его в любовные сети и обчистить до нитки.

Как-то в Палермо по поручению хозяев с большим количеством тканей прибывает флорентиец по имени Никколо да Чиньяно по прозвищу Салабаэтто. Сдав товар на склад, он идет погулять по городу, и на него обращает внимание осведомленная о его финансовом положении некая донна Янкофьоре. Через

сводню она назначает юноше свидание и, когда тот приходит, всячески его ублажает. Они несколько раз встречаются, она дарит ему подарки, ничего не требуя взамен, и наконец узнает, что он продал товар. Тогда она еще ласковее принимает его, затем выходит из комнаты и возвращается в слезах, рассказывая, чтоее брат требует немедленно прислать ему тысячу флоринов, иначе ему отрубят голову. Веря, что перед ним богатая и порядочная женщина, которая вернет долг, он отдает ей пятьсот флоринов, вырученных за ткани. Получив деньги, Янкофьоре тут же теряет к нему интерес, и Салабаэтто понимает, что его обманули.

Чтобы скрыться от преследования хозяев, требующих деньги, он уезжает в Неаполь, где все рассказывает казначею императрицы Константинопольской и другу своей семьи Пьетро делло Каниджано, который предлагает ему некий план действий.

Упаковав множество тюков и купив бочек двадцать из-под оливкового масла, Салабаэтто возвращается в Палермо, где сдает товары на склад, объявляя таможенникам, что не будет трогать эту партию до прибытия следующей. Пронюхав, что прибывший товар стоит не меньше двух тысяч флоринов, а ожидаемый — больше трех, Янкофьоре посылает за купцом.

Салабаэтто делает вид, что рад приглашению, и подтверждает слухи о ценности своих товаров. Чтобы завоевать доверие юноши, она возвращает ему долг, и он с удовольствием проводит с ней время.

Как-то раз он приходит к ней удрученный и говорит, что должен откупиться от корсаров, захвативших вторую партию товара, иначе товар увезут в Монако. Янкофьоре предлагает ему взять деньги у знакомого ростовщика под большие проценты, и Салабаэтто понимает, что она собирается ссудить ему собственные деньги. Он соглашается, обещая обеспечить уплату долга товаром на складе, который немедленно переведет на имя заимодавца. На следующий день доверенный маклер Янкофьоре выдает Салабаэтто тысячу флоринов, и тот, расплатившись с долгами, отбывает в Феррару.

Убедившись, что Салабаэтто в Палермо нет, Янкофьоре велит маклеру взломать склад — в бочках оказывается морская вода, а в тюках — пакля. Оставшись в дураках, она понимает, что «как аукнется, так и откликнется».

Девятый день Декамерона.

«В день правления Эмилии каждый рассказывает о чем угодно и

о чем ему больше нравится»

Третья новелла Девятого дня (рассказ Филострато)

Тетка оставляет живописцу Каландрино в наследство двести лир, и он собирается купить имение, словно не понимает, что «купленной на эту сумму земли хватит только на то, чтобы шарики из нее лепить». Его же приятели Бруно и Буффальмакко хотят деньги эти совместно прокутить и подсылают к нему Нелло, который говорит Каландрино, что тот плохо выглядит. То же самое подтверждают оказавшиеся тут же Буффальмакко и Бруно. По их совету Каландрино ложится в постель и посылает доктору мочу для анализа. Доктор Симоне, которого приятели успели предупредить, сообщает Каландрино, что он забеременел. Не стесняясь доктора, Каландрино кричит на жену: «Это все из-за того, что ты непременно хочешь быть сверху!» Доктор обещает перепуганному Каландрино избавить его от беременности за шесть упитанных каплунов и пять лир мелочью. Приятели от души пируют, а через три дня врач говорит Каландрино, что он здоров. Каландрино превозносит достоинства доктора Симоне, и лишь жена его догадывается, что все это было подстроено.

Десятый день Декамерона.

«В день правления Панфило предлагаются вниманию рассказы о людях, которые проявили щедрость и великодушие как в сердечных, так равно и в иных делах»

Десятая новелла Десятого дня (рассказ Дионео)

Молодого Гвальтьери, старшего в роде маркизов Салуццких, подданные уговаривают жениться, чтобы продолжить род, и даже предлагают подыскать ему невесту, но он соглашается жениться лишь по своему выбору. Он женится на бедной крестьянской девушке по имени Гризельда, предупреждая ее, что ей во всем придется ему угождать; она не должна на него ни за что гневаться и должна во всем слушаться его. Девушка оказывается обаятельной и учтивой, она послушна и предупредительна к мужу, ласкова с подданными, и все ее любят, признавая ее высокие добродетели.

Между тем Гвальтьери решает испытать терпение Гризельды и упрекает ее в том, что она родила не сына, а дочь, чем крайне возмутила придворных, и без того якобы недовольных ее низким происхождением. Несколько дней спустя он подсылает к ней

слугу, который объявляет, что у него приказ умертвить ее дочь. Слуга приносит девочку Гвальтьери, а тот отправляет ее на воспитание родственнице в Болонью, попросив никому не открывать, чья это дочь.

Через некоторое время Гризельда рождает сына, которого муж тоже забирает у нее, а потом заявляет ей, что по настоянию подданных вынужден жениться на другой, а ее изгнать. Она безропотно отдает сына, которого отправляют на воспитание туда же, куда и дочь.

Некоторое время спустя Гвальтьери показывает всем подложные письма, в которых папа якобы разрешает ему расстаться с Гризельдой и жениться на другой, и Гризельда покорно, в одной сорочке, возвращается в родительский дом. Гвальтьери же распускает слухи, будто женится на дочери графа Панаго, и посылает за Гризельдой, чтобы она, как прислуга, навела в доме порядок к приезду гостей. Когда прибывает «невеста» — а Гвальтьери решил выдать за невесту собственную дочь, — Гризельда радушно встречает ее,

Убедившись, что терпение Гризельды неистощимо, растроганный тем, что она говорит только хорошее о девушке, которая должна заменить ее на супружеском ложе, он признается, что просто устроил Гризельде проверку, и объявляет, что его мнимая невеста и ее брат — их собственные дети. Он приближает к себе отца Гризельды, хлебопашца Джаннуколе, который с тех пор живет в его доме, как подобает тестю маркиза. Дочери Гвальтьери подыскивает завидную партию, а супругу свою Гризельду необычайно высоко чтит и живет с ней долго и счастливо. «Отсюда следствие, что и в убогих хижинах обитают небесные созданья, зато в царских чертогах встречаются существа, коим больше подошло бы пасти свиней, нежели повелевать людьми».

Е. Б. Туева

Ворон (Corbaccio)

Поэма (1354–1355? опубл. 1487)

Название произведения символично: ворон — это птица, выклевывающая глаза и мозг, то есть ослепляющая и лишающая разума. О такой любви мы и узнаем из рассказа главного героя.

Итак, отвергнутому влюбленному снится сон. Он оказывается ночью один в мрачной долине и встречает там духа, который предупреждает его о том, что вход в сию долину открыт для каждого, кого влекут сюда сладострастие и безрассудство, но

уйти отсюда нелегко, для этого потребуются и разум и мужество. Наш герой интересуется, как называется столь необычное место, в котором он очутился, и слышит в ответ: есть несколько вариантов названия этой долины — Лабиринт любви, Очарованный дол, Свинарник Венеры; а обитатели этих мест — несчастные, некогда состоявшие при Дворе Любви, но отринутые ею и сосланные сюда в изгнание. Дух обещает помочь влюбленному выбраться из лабиринта, если тот будет с ним откровенен и расскажет историю своей любви. Мы узнаем следующее.

За несколько месяцев до описываемых событий наш герой, сорокалетний философ, тонкий знаток и ценитель поэзии, беседовал со своим приятелем. Речь зашла о выдающихся женщинах. Вначале были упомянуты героини древности, затем собеседники перешли к современницам. Приятель начал восхвалять одну знакомую даму, перечисляя ее достоинства, и пока он разглагольствовал, наш рассказчик думал про себя: «Счастливец тот, кому благосклонная Фортуна подарит любовь столь совершенной дамы». Втайне приняв решение попытать счастья на этом поприще, он стал расспрашивать, как ее имя, какого она звания, где живет, и на все вопросы получил исчерпывающие ответы. Расставшись с приятелем, герой сразу же направляется туда, где надеется ее встретить. Ослепленный красотой той, про которую раньше он только слышал, философ понимает, что попал в сети любви, и решается признаться в своем чувстве. Он пишет письмо и получает ответную записку, суть и форма которой не оставляют сомнений в том, что его приятель, столь горячо расхваливавший природный ум и изысканное красноречие незнакомки, либо сам обманывается в них, либо же хочет обмануть нашего героя. Однако пламя, бушевавшее в груди влюбленного, вовсе от этого не погасло, он понимает, что цель записки — подтолкнуть его на новые письма, которые он тут же и пишет. Но ответа — ни письменного, ни устного — так и не получает.

Удивленный дух перебивает рассказчика: «Если дело дальше не пошло, почему же ты вчера заливался слезами и с такой глубокой скорбью призывал смерть?» Несчастный отвечает, что на грань отчаяния привели его две причины. Во-первых, он осознал, как глупо вел себя, с ходу поверив, будто женщина может обладать столь высокими достоинствами, и, запутавшись в сетях любви, подарил ей свободу и подчинил рассудок, а без этого душа его стала рабой. Во-вторых, обманутый влюбленный разочаровался в своей возлюбленной, когда узнал, что она открыла другим его любовь, и за это он счел ее самой жестокой и коварной из женщин. Одному из своих многочисленных

любовников она показала письма нашего героя, глумясь над ним как над рогоносцем. Любовник распустил сплетни по всей Флоренции, и вскоре несчастный философ стал в городе посмешищем. Дух внимательно выслушал и в ответ изложил свою точку зрения. «Я хорошо понял, — сказал он, — как и в кого ты влюбился и что привело тебя в такое отчаяние. А теперь назову два обстоятельства, которые можно привести тебе в укор: твой возраст и род твоих занятий. Они-то и должны были научить тебя осмотрительности и предостеречь от любовных соблазнов. Тебе следовало бы знать, что любовь иссушает душу, сбивает с пути рассудок, отнимает память, губит способности». Все это я испытал на себе, — продолжил он. — Моя вторая жена, хорошо усвоив искусство обмана, вошла в мой дом под видом кроткой голубки, но вскоре превратилась в змею. Безжалостно притесняя родных, заправляя чуть ли не всеми моими делами и прибирая к рукам доходы, внесла она в дом не мир и покой, а раздор и беду. Однажды неожиданно я увидел в нашем доме ее любовника и понял, что он, увы, не единственный.

С каждым днем все больше приходилось мне терпеть от этой распутницы, которой нипочем были мои укоры, и в сердце моем скопилось столько мук и терзаний, что оно не выдержало. Эта коварная женщина обрадовалась моей смерти; она поселилась рядом с церковью, чтобы скрыться подальше от чужих глаз, и дала волю своей ненасытной похоти. Вот портрет той, в которую ты был влюблен. Случилось так, что я посетил ваш мир как раз на следующую ночь после того, как ты написал своей даме первое письмо. Было уже за полночь, когда я зашел в спальню и увидел ее веселящейся с любовником. Она читала вслух письмо, издеваясь над каждым твоим словом. Вот как потешалась над тобой сия мудрая дама со своим недоумком любовником. Но ты должен понять, что женщина эта не исключение среди других. Все они исполнены коварства, страстное желание властвовать переполняет их, никто не сравнится по злобности и подозрительности с женским полом. И теперь я хочу, чтобы ты отомстил этой недостойной женщине за обиду, что принесет пользу как тебе, так и ей».

Потрясенный герой пытается узнать, почему дух именно этого человека, которого он никогда не знал при жизни, откликнулся на его страдания. На этот вопрос дух отвечает: «Вина, за которую мне велено осудить тебя ради твоего же блага, частично лежит и на мне, так как женщина эта некогда была моей, и никто не мог бы знать всей ее подноготной и поведать тебе об этом так, как я. Вот почему я пришел лечить тебя от болезни».

Герой проснулся, стал размышлять об увиденном и услышанном и принял решение навек расстаться с пагубной любовью.

Н. Б. Виноградова

Франко Саккетги (Franco Sacchetti) [ок. 1330–1400]

Триста новелл (11 Trecentonovelle) (1390-е)

В предисловии к своей книге автор признается, что написал ее, следуя «примеру превосходного флорентийского поэта, мессера Джованни Боккаччо». «Я, флорентиец Франко Саккетги, человек невежественный и грубый, задался мыслью написать предлагаемую вам книгу, собрав в ней рассказы о всех тех необыкновенных случаях, которые, будь то в старину или ныне, имели место, а также о некоторых таких, которые я сам наблюдал и коим был свидетелем, и даже о кое-каких, в которых участвовал сам». В новеллах действуют как реально существовавшие, так и вымышленные лица, часто это очередное воплощение какого-нибудь «бродячего сюжета» или нравоучительная история.

В новелле четвертой мессер Барнабо, властитель миланский, человек жестокий, но не лишенный чувства справедливости, разгневался однажды на аббата, недостаточно хорошо содержавшего порученных его попечению двух легавых собак. Мессер Барнабо потребовал уплаты четырех тысяч флоринов, но, когда аббат взмолился о пощаде, согласился простить ему долг при условии, что тот ответит на четыре следующих вопроса: далеко ли до неба; сколько воды в море; что делается в аду и сколько стоит он сам, мессер Барнабо. Аббат, чтобы выиграть время, попросил отсрочки, и мессер Барнабо, взяв с него обещание вернуться, отпустил его до следующего дня. По дороге аббат встречает мельника, который, видя, как тот огорчен, спрашивает, в чем дело. Выслушав рассказ аббата, мельник решает помочь ему, для чего меняется с ним одеждой, и, сбрив бороду, является к мессеру Барнабо. Переодетый мельник утверждает, что до неба 36 миллионов 854 тысячи 72,5 мили и 22 шага, а на вопрос, как он это докажет, рекомендует проверить, и если он ошибся, пусть его повесят. Воды в море 25 982 миллиона коний,[2] 7 бочек, 12 кружек и 2 стакана, во всяком случае, по его расчетам. В аду же, по утверждению мельника, «режут, четвертуют, хватают крюками и вешают», совсем как на земле. При этом мельник ссылается на Данте и предлагает обратиться к нему для проверки. Цену мессера Барнабо мельник определяет в 29 динариев, а разгневанному мизерностью суммы Барнабо объясняет, что это на один сребреник меньше, чем оценен был Иисус Христос. Догадавшись, что перед ним не аббат, мессер

Барнабо выясняет правду. Выслушав рассказ мельника, он велит ему и впредь оставаться аббатом, а аббата назначает мельником.

Герой шестой новеллы, маркиз Альдобрандино, властитель Феррары, хочет иметь какую-нибудь редкую птицу, чтобы держать ее в клетке. С этой просьбой он обращается к некоему флорентийцу Бассо де ла Пенна, содержавшему в Ферраре гостиницу. Бассо де ла Пенна стар, небольшого роста, пользуется репутацией человека незаурядного и большого шутника. Бассо обещает маркизу выполнить его просьбу. Вернувшись в гостиницу, он зовет плотника и заказывает ему клетку, большую и крепкую, «чтобы она годилась для осла», если Бассо вдруг придет в голову посадить его туда. Как только клетка готова, Бассо входит в нее и велит носильщику отнести себя к маркизу. Маркиз, увидя Бассо в клетке, спрашивает, что это должно значить. Бассо отвечает, что, раздумывая над просьбой маркиза, понял, насколько он сам редкий человек, и решил подарить маркизу себя в качестве самой необычной птицы в мире. Маркиз велит слугам поставить клетку на широкий подоконник и качнуть ее. Бассо восклицает: «Маркиз, я пришел сюда петь, а вы хотите, чтобы я плакал». Маркиз, продержав Бассо целый день на окне, вечером отпускает его, и тот возвращается в свою гостиницу. С той поры маркиз проникается симпатией к Бассо, часто приглашает его к своему столу, нередко приказывает ему петь в клетке и шутит с ним.

В восьмой новелле действует Данте Алигьери. Именно к нему обращается за советом некий весьма ученый, но очень тощий и малорослый генуэзец, который специально приехал для этого в Равенну, Просьба же его состоит в следующем: он влюблен в одну даму, которая ни разу не удостоила его даже взглядом. Данте мог предложить ему только один выход: дождаться, пока возлюбленная им дама забеременеет, так как известно, что в таком состоянии у женщин бывают различные причуды, и возможно, у нее появится склонность к своему робкому и некрасивому поклоннику. Генуэзец был уязвлен, но понял, что его вопрос не заслуживает другого ответа. Данте и генуэзец становятся друзьями. Генуэзец человек умный, но не философ, иначе, мысленно взглянув на себя, мог бы понять, «что красивая женщина, даже самая благопристойная, желает, чтобы тот, кого она любит, имел внешность человека, а не летучей мыши».

В восемьдесят четвертой новелле Саккетти изображает любовный треугольник: жена сьенского живописца Мино заводит себе любовника и принимает его дома, воспользовавшись отсутствием мужа. Неожиданно возвращается Мино, так как один из родственников рассказал ему о позоре, которым покрывает его

жена.

Услышав стук в дверь и видя мужа, жена прячет любовника в мастерской. Мино главным образом раскрашивал распятия, преимущественно резные, поэтому неверная жена советует любовнику лечь на одно из плоских распятий, раскинув руки, и накрывает его холстом, чтобы он в потемках был неотличим от других резных распятий. Мино безуспешно ищет любовника. Рано утром он приходит в мастерскую и, заметив высунувшиеся из-под холста два пальца ноги, догадывается, что именно там лежит человек. Мино выбирает из инструментов, которыми пользуется, вырезая распятия, топорик и приближается к любовнику, чтобы «отрубить у него то главное, что привело его в дом». Молодой человек, поняв намерения Мино, соскакивает со своего места и убегает, крича: «Не шути топором!» Женщине без труда удается переправить любовнику одежду, а когда Мино хочет избить ее, она сама расправляется с ним так, что ему приходится рассказывать соседям, будто на него свалилось распятие. Мино мирится с женой, а про себя думает: «Если жена хочет быть дурной, то все люди на свете не смогут сделать ее хорошей».

В новелле сто тридцать шестой между несколькими флорентийскими художниками во время трапезы разгорается спор, кто лучший живописец после Джотто. Каждый из художников называет какое-нибудь имя, но все вместе сходятся на том, что мастерство это «упало и падает с каждым днем». Им возражает маэстро Альберто, мастерски высекавший из мрамора. Никогда еще, говорит Альберто, «человеческое искусство не было на такой высоте, как сегодня, в особенности же в живописи, а еще более в изготовлении изображений из живого человеческого тела». Собеседники встречают речь Альберто смехом, а он подробно объясняет, что имеет в виду: «Я считаю, что лучшим мастером, который когда-либо писал и создавал, был наш Господь Бог, но мне кажется, что многие разглядели в созданных им фигурах большие недостатки и в настоящее время исправляют их. Кто же эти современные художники, занимающиеся исправлением? Это флорентийские женщины», И далее Альберто поясняет, что только женщины (никакому художнику это не под силу) могут смуглую девицу, подштукатурив там и здесь, сделать «белее лебедя». А если женщина бледна и желта, с помощью краски превратить ее в розу. («Ни один живописец, не исключая Джотто, не мог бы наложить краски лучше их».) Женщины могут привести в порядок «ослиные челюсти», приподнять с помощью ваты покатые плечи, «флорентийские женщины — лучшие мастера кисти и резца из всех когда-либо существовавших на свете, ибо совершенно ясно видно, что они доделывают то, чего

недоделала природа». Когда Альберто обращается к собравшимся, желая узнать их мнение, все в один голос восклицают:

«Да здравствует мессер, который так хорошо рассудил!»

В новелле двести шестнадцатой действует другой маэстро Альберто, «родом из Германии». Однажды этот достойнейший и святой человек, проходя через Ломбардские области, останавливается в поселке на реке По, у некоего бедного человека, державшего гостиницу.

Войдя в дом, чтобы поужинать и переночевать, маэстро Альберто видит множество сетей для ловли рыбы и множество девочек. Распросив хозяина, Альберто узнает, что это его дочери, а рыбной ловлей он добывает себе пропитание.

На следующий день, перед тем как покинуть гостиницу, маэстро Альберто мастерит из дерева рыбу и отдает ее хозяину. Маэстро Альберто велит привязывать ее к сетям на время ловли, чтобы улов был большим. И действительно, благодарный хозяин вскоре убеждается, что подарок маэстро Альберто приводит к нему в сети огромное количество рыбы. Он скоро становится богатым человеком. Но однажды веревочка обрывается, и вода уносит рыбу вниз по реке. Хозяин безуспешно ищет деревянную рыбу, потом пытается ловить без нее, но улов оказывается ничтожным. Он решает добраться до Германии, найти маэстро Альберто и попросить его снова сделать такую же рыбу. Оказавшись у него, хозяин гостиницы становится перед ним на колени и умоляет из жалости к нему и к его дочерям сделать другую рыбу, «дабы к нему вернулась та милость, которую он даровал ему раньше».

Но маэстро Альберто, глядя на него с печалью, отвечает: «Сын мой, я охотно сделал бы то, о чем ты меня просишь, но я не могу этого сделать, ибо должен разъяснить тебе, что, когда я делал данную тебе мною затем рыбу, небо и все планеты были расположены в тот час так, чтобы сообщить ей эту силу…» А такая минута, по словам маэстро Альберто, может теперь случиться не раньше чем через тридцать шесть тысяч лет.

Хозяин гостиницы заливается слезами и жалеет, что не привязывал рыбу железной проволокой — тогда бы она не потерялась. Маэстро Альберто утешает его: «Дорогой мой сын, успокойся, потому что ты не первый не сумел удержать счастье, которое Бог послал тебе; таких людей было много, и они не только не сумели распорядиться и воспользоваться тем коротким временем, которым воспользовался ты, но не сумели даже поймать минуту, когда она им представилась».

После долгих разговоров и утешений хозяин гостиницы возвращается к своей трудной жизни, но часто поглядывает вниз

по течению реки По в надежде увидеть потерянную рыбу.

«Так поступает судьба: она часто кажется веселой взору того, кто умеет ее поймать, и часто тот, кто ловко умеет ее схватить, остается в одной рубашке». Иные хватают ее, но могут удержать лишь недолго, как наш хозяин гостиницы. И вряд ли кому удается вновь обрести счастье, если только он не может подождать тридцать шесть тысяч лет, как сказал маэстро Альберто. И это вполне согласуется с тем, что уже отмечено некоторыми философами, а именно: «что через тридцать шесть тысяч лет свет вернется в то положение, в котором он находится в настоящее время».

В. С. Кулагина-Ярцева

Никколо Макиавелли (Niccolo Machiavelli) [1459–1527]

Мандрагора (Mandragora)

Комедия (1518, опубл. 1524)

Действие происходит во Флоренции. Завязкой служит беседа Каллимако со своим слугой Сиро, обращенная, по сути, к зрителям. Юноша объясняет, почему вернулся в родной город из Парижа, куда его увезли в десятилетнем возрасте. В дружеской компании французы и итальянцы затеяли спор, чьи женщины красивее. И один флорентиец заявил, что мадонна Лукреция, жена мессера Нича Кальфуччи, прелестью своей затмевает всех дам. Желая проверить это, Каллимако отправился во Флоренцию и обнаружил, что земляк ничуть не покривил душой — Лукреция оказалась даже прекраснее, чем он ожидал. Но теперь Каллимако испытывает неслыханные муки: влюбившись до безумия, он обречен томиться неутоленной страстью, поскольку совратить добродетельную Лукрецию невозможно. Остается только одна надежда: за дело взялся хитрец Лигурио — тот самый, что всегда является к обеду и постоянно клянчит деньги.

Лигурио жаждет угодить Каллимако. Поговорив с мужем Лукреции, он убеждается в двух вещах: во-первых, мессер Нича необыкновенно глуп, во-вторых, очень хочет иметь детишек, которых Бог все никак не дает. Нича уже советовался со многими докторами — все в один голос рекомендуют съездить с женой на воды, что совсем не по душе домоседу Нича. Сама же Лукреция дала обет отстоять сорок ранних обеден, но выдержала только двадцать — какой-то жирный священник стал приставать к ней, и с тех пор у нее сильно испортился характер. Лигурио обещает познакомить Нича со знаменитейшим врачом, недавно прибывшим во Флоренцию из Парижа, — по протекции Лигурио тот, быть может, и согласится помочь.

Каллимако в роли доктора производит на мессера Нича неизгладимое впечатление: он великолепно изъясняется по-латыни и в отличие от прочих врачей демонстрирует профессиональный подход к делу: требует принести мочу женщины, дабы выяснить, в состоянии ли она иметь детей. К великой радости Нича, вердикт выносится благоприятный: его супруга непременно понесет, если выпьет настойку мандрагоры. Это вернейшее средство, к которому прибегали французские

короли и герцоги, но есть у него один недостаток — первая ночь смертельно опасна для мужчины. Лигурио предлагает выход:

нужно схватить на улице какого-нибудь бродягу и подложить в постель к Лукреции — тогда вредное действие мандрагоры скажется на нем. Нича горестно вздыхает: нет, жена никогда не согласится, ведь эту набожную дуру пришлось уламывать даже для того, чтобы получить мочу. Однако Лигурио уверен в успехе: в этом святом деле просто обязаны помочь мать Лукреции Сострата и ее духовник фра Тимотео. Сострата с энтузиазмом уговаривает дочь — ради ребенка можно потерпеть, да и речь-то идет о сущем пустяке. Лукреция приходит в ужас: провести ночь с незнакомым мужчиной, которому придется заплатить за это жизнью, — как можно решиться на такое? В любом случае она не пойдет на это без согласия святого отца.

Тогда Нича и Лигурио отправляются к фра Тимотео. Для начала Лигурио запускает пробный шар: одна монашка, родственница мессера Кальфуччи, по случайности забеременела — нельзя ли дать бедняжке такого отвара, чтобы она выкинула? Фра Тимотео охотно соглашается помочь богатому человеку — по его словам, Господь одобряет все, что приносит пользу людям. Отлучившись на минутку, Лигурио возвращается с известием, что надобность в отваре отпала, ибо девица выкинула сама — однако есть возможность совершить другое доброе дело, осчастливив мессера Нича и его жену. Фра Тимотео быстро прикидывает, что сулит ему затея, благодаря которой можно ждать щедрой награды и от любовника, и от мужа — причем оба будут ему благодарны по гроб жизни. Остается только уговорить Лукрецию. И фра Тимотео без особого труда справляется со своей задачей. Лукреция добра и простодушна: монах уверяет ее, что бродяга, возможно, не умрет, но раз опасность такая существует, нужно поберечь мужа. А прелюбодеянием это «таинство» никак нельзя назвать, ибо совершится оно во благо семьи и по приказу супруга, которому должно повиноваться. Грешит не плоть, а воля — во имя продолжения рода дочери Лота некогда совокупились с собственным отцом, и никто их за это не осудил. Лукреция не слишком охотно соглашается с доводами духовника, а Сострата обещает зятю, что сама уложит дочь в постель.

Лигурио спешит с радостной вестью к Каллимако, и тот велит Сиро отнести мессеру Нича пресловутую настойку мандрагоры — сладкое вино с пряностями. Но тут возникает затруднение: Каллимако обязан схватить первого попавшегося оборванца на глазах тупицы мужа — уклониться никак нельзя, ибо Нича может заподозрить неладное. Хитроумный паразит мгновенно находит выход: в роли Каллимако выступит фра Тимотео, а сам юноша,

нацепив накладной нос и скривив на сторону рот, станет прогуливаться возле дома Лукреции. Все происходит в полном соответствии с планом: увидев переодетого монаха, Нича восторгается умением Каллимако менять внешность и голос — Лигурио советует положить в рот восковой шарик, но для начала дает навозный. Пока Нича отплевывается, на улицу выходит Каллимако в драном плаще и с лютней в руках — заговорщики, вооруженные паролем «Святой рогач», набрасываются на него и волокут в дом под радостные восклицания мужа.

На следующий день фра Тимотео, которому не терпится узнать, чем завершилось дело, узнает, что все счастливы. Нича с гордостью повествует о своей предусмотрительности: он самолично раздел и осмотрел уродливого бродягу, который оказался совершенно здоров и на удивление хорошо сложен. Убедившись, что жена и «заместитель» не отлынивают от своих обязанностей, он всю ночь беседовал с Состратой о будущем ребеночке — конечно, это будет мальчик. А оборванца пришлось чуть не пинками поднимать с постели; но, в общем-то, обреченного юношу отчасти даже жаль. Со своей стороны Каллимако рассказывает Лигурио, что Лукреция прекрасно поняла разницу между старым мужем и молодым любовником. Он ей во всем признался, и она увидела в этом Божье знамение — подобное могло произойти только по соизволению небес, поэтому начатое следует непременно продолжить. Беседу прерывает появление мессера Нича: он рассыпается в благодарностях великому доктору, а затем оба они вместе с Лукрецией и Состратой отправляются к фра Тимотео — благодетелю семьи. Супруг «знакомит» свою половину с Каллимако и приказывает окружить этого человека всяческим вниманием как лучшего друга дома. Покорная воле мужа Лукреция заявляет, что Каллимако будет их кумом, ибо без его помощи она никогда бы не понесла ребенка. А довольный монах предлагает всей честной компании вознести молитву за удачное завершение доброго дела.

Е. Д. Мурашкинцева

Джованфранческо Страпарола да Караваджо (Giovanfrancesco Straparola da Caravaggio) [ок. 1480 — после 1557]

Приятные ночи (Le Piacevoli Notti)

Собрание новелл (1550–1553)

Епископ небольшого города Аоди после смерти родственника, миланского герцога Франческо Сфорца, становится одним из претендентов на герцогский престол. Однако превратности бурного времени и ненависть врагов вынуждают его покинуть Милан и обосноваться в своей епископской резиденции в Лоди; но и там, поблизости от Милана, родственники-соперники не оставляют епископа в покое. Тогда он вместе с дочерью, молодой прекрасной вдовой Лукрецией Гонзага, отбывает в Венецию. Здесь, на острове Мурано, отец с дочерью арендуют великолепное палаццо; в этом палаццо вокруг синьоры Лукреции вскоре собирается самое изысканное общество: красивые, образованные, приятные в обхождении девицы и ни в чем не уступающие им кавалеры.

В разгаре грандиозный венецианский карнавал. Дабы сделать времяпрепровождение еще более приятным, прекрасная Лукреция предлагает следующее: пусть каждый вечер после танцев пять девиц, определенных жребием, рассказывают гостям занимательные новеллы и сказки, сопровождая их хитроумными загадками.

Девицы, окружавшие Лукрецию, оказались на редкость бойкими и способными рассказчицами, и потому смогли доставить слушателям превеликое удовольствие своими историями, в равной мере увлекательными и поучительными. Вот только некоторые из них.

Жил некогда в Генуе дворянин по имени Райнальдо Скалья. Видя, что жизнь его клонится к закату, Райнальдо призвал единственного своего сына Салардо и велел ему навсегда сохранить в памяти три наставления и никогда ни за что не отклоняться от них. Наставления же были таковы: сколь бы сильную любовь ни питал Салардо к жене, он никоим образом не должен открывать ей ни одной своей тайны; ни под каким видом не воспитывать как своего сына и делать наследником состояния ребенка, рожденного не от него; ни в коем случае не отдавать себя во власть государя, единодержавно правящего страной.

Не прошло и года после смерти отца, как Салардо взял в жены Теодору, дочь одного из первейших генуэзских дворян. Как ни любили супруги друг друга, Бог не благословил их потомством, и поэтому они решили воспитать как собственного ребенка сына бедной вдовы, прозывавшегося Постумьо. По прошествии известного времени Салардо покинул Геную и поселился в Монферрато, где очень быстро преуспел и стал ближайшим другом здешнего маркиза. Среди радостей и роскоши придворной жизни Салардо пришел к выводу, что его отец на старости лет просто выжил из ума: ведь, нарушив отцовские наставления, он не только нечего не потерял, но, напротив, многое приобрел. Насмехаясь над памятью отца, нечестивый сын задумал нарушить и третье наставление, а заодно и увериться в преданности Теодоры.

Салардо выкрал любимого охотничьего сокола маркиза, отнес его своему другу Франсоэ и попросил спрятать до поры. Возвратясь домой, он убил одного из собственных соколов и велел жене приготовить его на ужин; ей он сказал, что это убитый им сокол маркиза. Покорная Теодора исполнила приказание мужа, однако за столом отказалась притронуться к птице, за что Салардо наградил ее хорошей затрещиной. Наутро, встав спозаранку вся в слезах от понесенной обиды, Теодора поспешила во дворец и рассказала маркизу о злодеянии мужа. Маркиз воспылал гневом и повелел немедленно повесить Салардо, а имущество его поделить на три части: одну — вдове, вторую — сыну, а третью — палачу. Находчивый Постумьо вызвался собственноручно повесить отца, дабы все имущество осталось в семье;

Теодоре его сообразительность пришлась по душе. Салардо, который горько и искренне раскаялся в своей сыновней непочтительности, уже стоял на эшафоте с петлей на шее, когда Франсоэ доставил маркизу неопровержимое доказательство невиновности друга. Маркиз простил Салардо и велел было вместо него повесить Постумьо, однако Салардо уговорил господина отпустить негодяя на все четыре стороны, а в возмещение за имущество, коим тот хотел завладеть, вручил едва не стянувшуюся на его шее петлю. О Постумьо никто больше ничего не слыхал, Теодора укрылась в монастыре и в скором времени умерла там, а Салардо возвратился в Геную, где безмятежно прожил еще многие годы, раздав большую часть своего состояния на угодные Богу дела.

Другая история произошла в Венеции. Жил в этом славном городе торговец по имени Димитрио. Свою молодую жену Полисену он содержал в невиданной для их сословия роскоши, а

все потому, что очень любил ее. Димитрио часто надолго отлучался из дому по торговым делам, смазливая же и балованная бабенка в его отсутствие стала путаться с одним священником. Кто знает, как долго продолжались бы их шашни, если бы не Мануссо, кум и друг Димитрио. Дом Мануссо стоял прямо напротив дома незадачливого торговца, и в один прекрасный вечер он увидел, как священник украдкой прошмыгнул в дверь и как они с хозяйкой занялись тем, что и словами-то называть неудобно.

Когда Димитрио возвратился в Венецию, Мануссо рассказал ему о том, что знал. Димитрио усомнился в правдивости слов друга, однако тот подсказал ему способ, как самому во всем убедиться. И вот как-то раз Димитрио сказал Полисене, что отбывает на Кипр, а сам тайком пробрался из гавани в дом Мануссо. Попозже вечером он вырядился нищим, вымазал лицо грязью и постучался в дверь собственного дома, моля не дать ему замерзнуть в ненастную ночь. Сердобольная служанка пустила нищего и отвела ему для ночлега комнату, соседнюю со спальней Полисены. От сомнений Димитрио не осталось и следа, и рано утром он выскользнул из дома, никем не замеченный.

умывшись и переодевшись, он снова постучался в дверь собственного дома, в ответ на недоумение жены объяснив, что, мол, плохая погода вынудила его вернуться с дороги. Полисена едва успела спрятать священника в сундук с платьями, где тот и притаился, дрожа от страха. Димитрио послал служанку позвать к обеду братьев Полисены, сам же никуда из дому не отлучался. Шурины с радостью откликнулись на приглашение Димитрио. После обеда хозяин стал расписывать, в какой роскоши и довольстве он содержит их сестру, а в доказательство велел Полисене показать братьям все свои бесчисленные драгоценности и наряды. Та, сама не своя, один за другим открывала сундуки, пока наконец вместе с платьями на свет божий не был извлечен священник. Братья Полисены хотели было заколоть его, но Димитрио убедил их в том, что убивать духовную особу, да к тому же когда она в одном белье, нехорошо. Жену он велел шуринам увести прочь. По дороге домой они не сдержали праведного гнева. Прибили бедняжку насмерть.

Узнав о кончине супруги, Димитрио подумал о служанке — она была красавица, добрая и пухленькая. Она стала его обожаемой женой и обладательницей нарядов и драгоценностей покойной Полисены.

Окончив историю о Димитрио и Полисене, Ариадна, как было договорено, загадала загадку: «Три добрых друга как-то пировали / За яствами уставленным столом, <…> / И вот слуга приносит

им в финале / Трех голубей на блюде дорогом. / Всяк своего, не тратясь на слова, / Прибрал, и все-таки осталось два».

Как такое могло быть? Это еще не самая хитроумная из тех загадок, что рассказчицы предлагали собравшимся, но и она поставила их в тупик. А разгадка такова: просто одного из приятелей звали Всяк.

А вот что приключилось как-то на острове Капрая. На этом острове неподалеку от королевского дворца жила бедная вдова с сыном по имени Пьетро, а по прозвищу Дурак. Пьетро был рыбаком, но рыбаком никудышным, и поэтому они с матерью вечно голодали. Как-то раз Дураку повезло и он вытащил из воды большого тунца, который вдруг взмолился человеческим голосом, дескать, отпусти меня, Пьетро, от живого меня тебе больше проку будет, чем от жареного. Сжалился Пьетро и тут же *был* вознагражден — наловил столько рыбы, сколько никогда в жизни не видывал. Когда он возвращался домой с добычей, королевская дочка, Лучана, по своему обыкновению, стала зло потешаться над ним. Не стерпел Дурак, побежал на берег, позвал тунца и велел сделать так, чтобы Лучана забеременела. Прошел положенный срок, и девочка, которой едва исполнилось двенадцать лет, родила очаровательного младенца. Затеяли следствие: во дворец под страхом смерти собрали всех островитян мужского пола старше тринадцати лет. Ко всеобщему удивлению, младенец признал отцом именно Пьетро Дурака.

Король не в силах был перенести такого позора. Он велел посадить Лучану, Пьетро и младенца в просмоленную бочку и бросить в море. Дурак ничуть не испугался и, сидя в бочке, рассказал Лучане о волшебном тунце и о том, откуда взялся младенец. Потом он позвал тунца и приказал слушаться Лучану как его самого. Она же первым делом повелела тунцу выкинуть бочку на берег. Выйдя из бочки и оглядевшись по сторонам, Лучана пожелала, чтобы на берегу был возведен роскошнейший в мире дворец, а Пьетро из грязнули и дурачка превратился в самого красивого и самого мудрого человека на свете. Все ее желания исполнились в мгновение ока.

Король и королева тем временем не могли себе простить, что так жестоко обошлись с дочерью и внуком, и, дабы облегчить душевные муки, отправились в Иерусалим. По пути они завидели прекрасный дворец на острове и велели корабельщикам пристать к берегу. Велика же была их радость, когда они нашли живыми-невредимыми внука и дочь, которая рассказала им всю приключившуюся с ней и Пьетро чудесную историю. Все они потом жили долго и счастливо, а когда король умер, Пьетро стал править его королевством.

В Богемии, начала свою историю следующая рассказчица, жила бедная вдова. Умирая, она оставила в наследство троим сыновьям лишь квашню, доску для разделки хлеба и кошку. Кошка досталась самому младшему — Константино Счастливчику. Пригорюнился Константино: что проку от кошки, когда живот к спине от голода липнет? Но тут кошка сказала, что о пропитании она сама позаботится. Кошка побежала в поле, поймала зайца и с добычей отправилась в королевский дворец. Во дворце ее провели к королю, которому она преподнесла зайца от имени своего господина Константино, добрейшего, красивейшего и могущественнейшего человека на свете. Из уважения к славному господину Константине король пригласил гостью к столу, а та, насытившись сама, ловко тайком набила полную суму яствами для хозяина.

Потом кошка еще не раз ходила во дворец с разными подношениями, но вскоре ей это наскучило, и она попросила хозяина полностью довериться ей, пообещав, что в короткое время сделает его богачом. И вот в один прекрасный день она привела Константино на берег реки к самому королевскому дворцу, раздела донага, столкнула в воду и закричала, что мессер Константино тонет. На крик прибежали придворные, вытащили Константино из воды, дали красивую одежду и отвели к королю. Ему кошка поведала историю о том, как ее господин направлялся во дворец с богатыми дарами, но разбойники, прознав об этом, ограбили и чуть не убили его. Король всячески обласкал гостя и даже выдал за него свою дочь Элизетту. После свадьбы снарядили богатый караван с приданым и под надежной охраной отправили в дом новобрачного. Дома конечно же никакого не было, но кошка все устроила и обо всем позаботилась. Она побежала вперед и кого ни встречала по дороге, всем под страхом смерти приказывала отвечать, что все вокруг принадлежит мессеру Константине Счастливому. Достигнув великолепного замка и обнаружив там малочисленный гарнизон, кошка сказала солдатам, что с минуты на минуту на них должно напасть несметное войско, и что жизнь они могут сохранить единственным способом — назвать своим господином мессера Константине. Так они и сделали. Молодые с удобством расположились в замке, настоящий владелец которого, как вскоре стало известно, скончался на чужбине, не оставив потомства. Когда же умер отец Элизетты, Константино, как зять покойного, по праву занял богемский престол.

Много еще сказок и историй было рассказано во дворце прекрасной Лукреции на острове Мурано за тринадцать карнавальных ночей. На исходе же тринадцатой ночи над

Венецией разнесся колокольный звон, который возвещал конец карнавала и начало Великого поста, призывая благочестивых христиан оставить увеселения ради молитвы и покаяния.

Д. А. Карельский

Лодовико Ариосто (Lodovico Ariosto) [1474–1533]

Комедия о сундуке (La Cassaria; другой перевод — «Шкатулка») (1508)

Действие первой в Италии «ученой» комедии происходит на острове Метеллино, в неопределенные «античные» времена, В стихотворном прологе декларируется, что современные авторы вполне могут потягаться с древними в мастерстве, хотя итальянский язык пока уступает в благозвучии греческому и латыни.

Пьеса начинается с того, что юноша Эрофило приказывает своим рабам отправляться к Филострато и негодует на упрямство Неббья, которому явно не хочется покидать дом. Причины этой коллизии раскрываются в диалоге слуг. Неббья рассказывает Джанде, что у живущего по соседству сводника Лукрано есть две прелестные девицы: в одну из них по уши влюбился Эрофило, а в другую — сын местного бассама (правителя) Каридоро. Торговец заломил цену в надежде сорвать большой куш с богатых молодых людей, однако те целиком зависят от своих отцов. Но вот старик Крисоболо уехал на несколько дней, поручив охрану имущества верному домоправителю, и Эрофило воспользовался случаем: спровадил на время всех рабов, кроме мошенника Вольпино, своего подручного, ключиже отобрал, пустив в ход палку. Теперь влюбленный юнец запустит руку в отцовское добро, а потом свалит вину на злосчастного Неббья. В ответ на эти сетования Джанда советует не перечить хозяйскому сынку, законному наследнику богатства и рабов.

В следующей сцене происходит встреча Эулалии и Кориски с Эрофило и Каридоро. Девушки осыпают юношей упреками — на клятвы и вздохи они щедры, но ничего не делают, чтобы вызволить из неволи своих возлюбленных. Молодые люди жалуются на скупость отцов, но обещают действовать решительно. Каридоро подзадоривает Эрофило: если бы его отец отлучился хоть на день, он бы давно обчистил кладовые. Эрофило заявляет, что ради Эулалии готов на все и сегодня же освободит ее при помощи Вольпино. Влюбленные расходятся, завидев Аукрано. Торговец живым товаром прикидывает, как вытянуть побольше денег за девиц. Очень кстати подвернулся корабль, который завтра или послезавтра отплывает в Сирию. Лукрано при свидетелях договорился с капитаном, чтобы тот взял его на борт

со всеми домочадцами и добром, — узнав об этом, Эрофило раскошелится.

Далее главная роль принадлежит Вольпино и Фульчо — слугам молодых влюбленных. Вольпино излагает свой план: Эрофило должен похитить из отцовской комнаты сундучок, изукрашенный золотом, и тут же заявить о пропаже бассаму. Тем временем приятель Вольпино, переодетый купцом, вручит эту дорогую вещицу своднику в качестве залога за Эулалию. Когда нагрянет стража, Лукрано станет отпираться, но кто же ему поверит? Любой девице красная цена — пятьдесят дукатов, сундук же стоит не меньше тысячи. Сводника наверняка посадят в тюрьму, а затем повесят или даже четвертуют — ко всеобщему удовольствию. После некоторых колебаний Эрофило соглашается, и на сцену выходит еще один слуга — Траппола. Его наряжают в одежду Крисоболо, вручают сундучок и отправляют к Лукрано. Договор совершается быстро, и Тралпола уводит из дома сводника Эулалию.

В это время по улице шествует подвыпившая компания: рабам Эрофило очень понравилось в доме Филострато, где сытно кормят и щедро поят. Только Неббья продолжает ворчать, предчувствуя, что дело добром не кончится и все неприятности посыплются на его голову. Увидев Эулалию с Траппола и смекнув, что сводник продал ее, все дружно решают услужить молодому хозяину и без труда отбивают девушку, наставив Траппола синяков. Вольпино приходит в отчаяние: залог остался у сводника, а Эулалия похищена неизвестными разбойниками. Вольпино просит Эрофило прежде всего вызволить сундук, но все напрасно — безутешный юноша, забыв обо всем, бросается на поиски возлюбленной. Лукрано же торжествует: за ничтожную девку ему отдали сундук филигранной работы, да к тому же набитый золотой парчой! Раньше сводник готовился к отъезду только для вида, но теперь эта уловка ему пригодится — на рассвете он покинет Метеллино навсегда, оставив с носом глупого купца.

Вольпино попадает в ловушку. Хитроумный замысел обернулся против него самого, и в довершение всех несчастий домой возвращается Крисоболо. Старик пребывает в тревоге, справедливо полагая, что от расточительного сына и продувных слуг ничего хорошего ждать нельзя. Вольпино подтверждает худшие его подозрения: осел Неббья недоглядел за хозяйской комнатой, и оттуда вынесли сундук с парчой. Но дело еще можно поправить, поскольку кражу, судя по всему, совершил сосед-сводник. Крисоболо тут же посылает слугу к бассаму Критоне, своему лучшему Другу. Обыск приносит блистательные

результаты: сундук обнаружен в доме Лукрано. Вольпино уже готов перевести дух, но/его подстерегает новая беда: он совсем забыл, что в доме по-прежнему сидит Траппола в хозяйском кафтане. Старик с первого взгляда узнает свое платье. Траппола хватают как вора. Вольпино опознает его — это всем известный немой, который может объясняться только знаками. Сметливый Траппола начинает размахивать руками, а Вольпино переводит: одежду Крисоболо подарил несчастному один из слуг — высокий, поджарый, с большим носом и седой головой. Под это описание идеально подходит Неббья, но тут Крисоболо вспоминает, как пойманный с поличным сводник кричал, будто бы сундук вручил ему некий купец в богатой одежде. Под угрозой виселицы Траппола обретает дар речи и признается, что отдал сундук в залог за девушку по приказу Эрофило и наущению Вольпино. Разъяренный Крисоболо приказывает заковать Вольпино в кандалы, а сыну грозит отцовским проклятием.

Теперь за дело берется Фульчо, которому не терпится доказать, что в хитрости он не уступит никому — даже Вольпино. Для начала слуга Каридоро спешит к Лукрано с дружеским советом уносить как можно скорее ноги — украденный сундук найден при свидетелях, и бассам уже распорядился вздернуть вора. Нагнав на сводника страху, Фульчо отправляется к Эрофило с рассказом о том, что произошло дальше. Лукрано стал умолять о спасении, и Фульчо, поломавшись некоторое время, отвел беднягу к Каридоро, Тот не сразу поддался на уговоры, и Фульчо шепнул своднику, что следует послать за Кориской — в ее присутствии сын бассама станет сговорчивее. Все сладилось отлично: остается выручить из беды Вольпино и раздобыть денег для Лукрано, который хочет бежать, но не может, ибо остался без гроша. Фульчо идет к Крисоболо с известием, что Эрофило впутался в крайне неприятную историю, однако бассам Критоне готов по дружбе закрыть глаза на это дело, если Лукрано не станет подавать жалобу. умилостливить сводника просто — надо лишь заплатить ему за девицу Эулалию, из-за которой разгорелся сыр-бор. Старый скупец, скрепя сердце, расстается с кругленькой суммой и соглашается, чтобы в переговорах со сводником участвовал Вольпино — увы, нет в доме второго такого хитреца, а недотепу сынка любой обведет вокруг пальца!

В конце пьесы Фульчо с полным основанием именует себя полководцем-триумфатором: враги повержены и посрамлены без всякого кровопролития. Избавленный от наказания Вольпино горячо благодарит соратника. Эрофило ликует: благодаря Фульчо он получил не только Эулалию, но и деньги наее содержание. А герой дня предлагает зрителям разойтись по домам — Лукрано

собирается улепетывать, и свидетели ему совершенно не нужны.

Е. Д. Мурашкинцева

Неистовый Роланд (Orlando furioso)

Поэма (1516–1532)

Это необычная поэма — поэма-продолжение. Она начинается почти с полуслова, подхватывая чужой сюжет. Начало ее написал поэт Маттео Боярдо — ни много ни мало шестьдесят девять песен под заглавием «Влюбленный Роланд». Ариосто добавил к ним еще сорок семь своих, а под конец подумывал о том, чтобы продолжать и дальше. Героев в ней не счесть, у каждого свои приключения, сюжетные нити сплетаются в настоящую паутину, и Ариосто с особенным удовольствием обрывает каждое повествование в самый напряженный момент, чтобы сказать: а теперь посмотрим, что делает такой-то…

Главный герой поэмы, Роланд, знаком европейскому читателю уже четыреста или пятьсот лет. За это время сказания о нем сильно переменились.

Во-первых, иным стал фон. В «Песне о Роланде» событием была небольшая война в Пиренеях между Карлом Великим и его испанским соседом — у Боярдо и Ариосто это всесветная война между христианским и мусульманским миром, где на Карла Великого идет император Африки Аграмант, а с ним короли и испанский, и татарский, и черкесский, и несчетные другие, а в миллионном их войске — два героя, каких свет не видел: огромный и дикий Родомонт и благородный рыцарственный Руджьер, о котором еще будет речь. К моменту начала поэмы Ариосто басурманы одолевают, и полчище их стоит уже под самым Парижем.

Во-вторых, иным стал герой. В «Песне о Роланде» он — рыцарь как рыцарь, только самый сильный, честный и доблестный. У Боярдо и Ариосто он вдобавок к этому, с одной стороны, исполин неслыханной силы, способный голыми руками быка разорвать пополам, а с другой стороны, страстный влюбленный, способный от любви потерять рассудок в буквальном смысле слова, — оттого поэма и называется «Неистовый Роланд», Предмет его любви — Анджелика, принцесса из Катая (Китая), прекрасная и легкомысленная, вскружившая голову всему рыцарству на белом свете; у Боярдо из-за нее пылала война по всей Азии, у Ариосто она только что бежала из плена Карла Великого, и Роланд от этого пришел в такое отчаяние, что бросил государя и друзей в осажденном

Париже и поехал по миру искать Анджелику.

В-третьих, иными стали спутники героя. Главные среди них — два его двоюродных брата: удалой Астольф, добрый и легкомысленный авантюрист, и благородный Ринальд, верный паладин Карла, воплощение всех рыцарских доблестей. Ринальд тоже влюблен и тоже в Анджелику, но любовь его — злополучная. Есть в Арденнском лесу на севере Франции два волшебных источника — ключ Любви и ключ Безлюбовья; кто попьет из первого, почувствует любовь, кто из второго — отвращение. И Ринальд и Анджелика испили из того и из другого, только не в лад: сперва Анджелика преследовала своей любовью Ринальда, а он от нее убегал, потом Ринальд стал гоняться за Анджеликой, а она спасалась от него. Но Карлу Великому он служит верно, и Карл из Парижа посылает его за помощью в соседнюю Англию.

У этого Ринальда есть сестра Брадаманта — тоже красавица, тоже воительница, и такая, что когда она в латах, то никто не подумает, будто это женщина, а не мужчина. Влюблена, конечно, и она, и эта любовь в поэме — главная. Влюблена она в супостата, в того самого Руджьера, который лучший из сарацинских рыцарей. Брак их предрешен судьбою, потому что от потомков Руджьера и Брадаманты пойдет знатный род князей Эсте, которые будут править в Ферраре, на родине Ариосто, и которым он посвятит свою поэму. Руджьер и Брадаманта встретились когда-то в бою, долго рубились, дивясь силе и отваге друг друга, а когда устали, остановились и сняли шлемы, то полюбили друг друга с первого взгляда. Но на пути к их соединению много препятствий.

Руджьер — сын от тайного брака христианского рыцаря с сарацинской принцессой. Его воспитывает в Африке волшебник и чернокнижник Атлант. Атлант знает, что его питомец примет крещение, родит славных потомков, но потом погибнет, и поэтому старается нипочем не пускать своего любимца к христианам. У него в горах замок, полный призраков: когда к замку подъезжает рыцарь, Атлант показывает ему призрак его возлюбленной, тот бросается в ворота ей навстречу и надолго остается в плену, тщетно отыскивая свою даму в пустых горницах и переходах. Но у Брадаманты есть волшебный перстень, и эти чары на нее не действуют. Тогда Атлант сажает Руджьера на своего крылатого коня — гиппогрифа, и тот уносит его на другой край света, к другой волшебнице-чернокнижнице — Альцине. Та встречает его в облике юной красавицы, и Руджьер впадает в соблазн: долгие месяцы он живет на ее чудо-острове в роскоши и неге, наслаждаясь ее любовью, и только вмешательство мудрой феи, пекущейся о будущем роде Эсте, возвращает его на путь добродетели. Чары распадаются, красавица Альцина предстает в

подлинном образе порока, гнусном и безобразном, и раскаявшийся Руджьер на том же гиппогрифе летит обратно на запад. Тщетно, здесь опять его подстерегает любящий Атлант и залучает в свой призрачный замок. И пленный Руджьер мечется по его залам в поисках Брадаманты, а рядом пленная Брадаманта мечется по тем же залам в поисках Руджьера, но друг друга они не видят.

Пока Брадаманта и Атлант борются за судьбу Руджьера; пока Ринальд плывет за помощью в Англию и из Англии, а по дороге спасает даму Гиневру, лживо обвиненную в бесчестии; пока Роланд рыщет в поисках Анджелики, а по дороге спасает даму Изабеллу, схваченную разбойниками, и даму Олимпию, брошенную вероломным любовником на необитаемом острове, а потом распятую на скале в жертву морскому чудовищу, — тем временем король Аграмант со своими полчищами окружает Париж и готовится к приступу, а благочестивый император Карл взывает о помощи к Господу. И Господь приказывает архангелу Михаилу: «Лети вниз, найди Безмолвие и найди Распрю: пусть Безмолвие даст Ринальду с англичанами внезапно грянуть с тылу на сарацин и пусть Распря нападет на сарацинский стан и посеет там рознь и смуту, и враги правой веры обессилеют!» Летит архистратиг, ищет, но не там их находит, где искал: Распрю с Ленью, Алчностью и Завистью — средь монахов в монастырях, а Безмолвие — меж разбойников, предателей и тайных убийц. А уж грянул приступ, уж клокочет брань вкруг всех стен, полыхает пламя, уж ворвался в город Родомонт и один крушит всех, прорубаясь от ворот до ворот, льется кровь, летят в воздух руки, плечи, головы. Но Безмолвие ведет к Парижу Ринальда с подмогою — и приступ отбит, и лишь ночь спасает сарацин от поражения. А Распря, чуть пробился Родомонт из города к своим, шепчет ему слух, что любезная его дама Доралиса изменила ему со вторым по силе сарацинским богатырем Мандрикардом — и Родомонт вмиг бросает своих и мчится искать обидчика, кляня женский род, гнусный, коварный и вероломный.

Был в сарацинском стане юный воин по имени Медор. Царь его пал в битве; и когда ночь опустилась на поле боя, вышел Медор с товарищем, чтобы под луною найти его тело среди трупов и похоронить с честью. Их заметили, бросились в погоню, Медор ранен, товарищ его убит, и истечь бы Медору кровью в чаще леса, не явись нежданная спасительница. Это та, с которой началась война, — Анджелика, тайными тропами пробиравшаяся в свой дальний Катай. Случилось чудо: тщеславная, легкомысленная, гнушавшаяся королями и лучшими рыцарями, она пожалела Медора, полюбила его, унесла его в сельскую

хижину, и, пока не исцелилась его рана, они жили там, любя друг друга, как пастух с пастушкою. И Медор, не веря своему счастью, вырезывал ножом на коре деревьев их имена и слова благодарности небу за их любовь. Когда Медор окреп, они продолжают свой путь в Катай, исчезая за горизонтом поэмы, — а надписи, вырезанные на деревьях, остаются. Они-то и стали роковыми: мы в самой середине поэмы — начинается неистовство Роланда.

Роланд, в поисках Анджелики объехав пол-Европы, попадает в эту самую рощу, читает на деревьях эти самые письмена и видит, что Анджелика полюбила другого. Сперва он не верит своим глазам, потом мыслям, потом немеет, потом рыдает, потом хватается за меч, рубит деревья с письменами, рубит скалы по сторонам, — «и настало то самое неистовство, что не видано, и не взвидеть страшней». Он отшвыривает оружие, срывает панцирь, рвет на себе платье; голый, косматый, бежит он по лесам, голыми руками вырывая дубы, утоляя голод сырой медвежатиной, встречных за ноги раздирая пополам, в одиночку сокрушая целые полки. Так — по Франции, так — по Испании, так — через пролив, так — по Африке; и ужасный слух о его судьбе долетает уже и до Карпова двора. А Карлу нелегко, хоть Распря и посеяла рознь в сарацинском стане, хоть Родомонт и перессорился с Мандрикардом, и с другим, и с третьим богатырем, но басурманская рать по-прежнему под Парижем, а у нехристей новые непобедимые воины. Во-первых, это подоспевший неведомо откуда Руджьер — хоть он и любит Брадаманту, но сеньор его — африканский Аграмант, и он должен служить свою вассальную службу. Во-вторых же, это богатырша Марфиза, гроза всего Востока, никогда не снимающая панциря и давшая клятву побить трех сильнейших в мире царей. Без Роланда христианам с ними не справиться; как найти его, как вернуть ему рассудок?

Тут-то и является веселый искатель приключений Астольф, которому все нипочем. Ему везет: у него волшебное копье, само всех сшибающее с седла, у него волшебный рог, обращающий в паническое бегство всякого встречного; у него даже толстая книга с азбучным указателем, как бороться с какими силами и чарами. Когда-то его занесло на край света к соблазнительнице Альцине, и тогда его вызволил Руджьер. Оттуда он поскакал на родину через всю Азию. По дороге он победил чудо-великана, которого как ни разрубишь, он вновь срастется: Астольф отсек ему голову и поскакал прочь, выщипывая на ней волосок за волоском, а безголовое тело бежало, размахивая кулаками, следом; когда выщипнул он тот волос, в котором была великанова жизнь, тело рухнуло и злодей погиб. По дороге он подружился с лихой

Марфизою; побывал на берегу амазонок, где каждый пришлый должен за один день и одну ночь десятерых побить на турнире, а десятерых удоволить в постели; вызволил из их плена славных христианских рыцарей. По дороге он попал даже в Атлантов замок, но и тот не выстоял против его чудного рога: стены развеялись, Атлант погиб, пленники спаслись, а Руджьер и Брадаманта (помните?) увидели наконец друг друга, бросились в объятия, поклялись в верности и разъехались: она — в замок к брату своему Ринальду, а он — в сарацинский стан, дослужить свою службу Аграманту, а потом принять крещение и жениться на милой. Гиппогрифа же, крылатого Атлантова коня, Астольф взял себе и полетел над миром, поглядывая вниз.

Этому беспечному чудаку и довелось спасти Роланда, а для этого сперва попасть в ад и в рай. Из-под облаков он видит эфиопское царство, а в нем царя, которого морят голодом, расхватывая пищу, хищные гарпии — точь-в-точь как в древнем мифе об аргонавтах. Со своим волшебным рогом он прогоняет гарпий прочь, загоняет их в темный ад, а по случаю выслушивает там рассказ одной красавицы, которая была немилосердна к своим поклонникам и вот теперь мучается в аду. Благодарный эфиопский царь показывает Астольфу высокую гору над своим царством: там земной рай, а в нем сидит апостол Иоанн и, по слову Божию, ждет второго пришествия. Астольф взлетает туда, апостол радостно его привечает, рассказывает ему и о будущих судьбах, и о князьях Эсте, и о поэтах, которые их прославят, и о том, как иные обижают поэтов своей скупостью, — *«а.* мне это небезразлично, я ведь сам писатель, написал Евангелие и Откровение». Что же до Роландова рассудка, то он находится на Луне: там, как на Земле, есть горы и долы, и в одном из долов — всё, что потеряно на свете людьми, «от беды ли, от давности ли, от глупости ли». Там тщетная слава монархов, там бесплодные моления влюбленных, лесть льстецов, недолгая милость князей, красота красавиц и ум узников. ум — вещь легкая, будто пар, и поэтому он замкнут в сосудиках, а на них написано, в котором чей. Там они и находят сосуд с надписью «ум Роланда», и другой, поменьше, — «ум Астольфа»; удивился Астольф, вдохнул свой ум и почувствовал, что стал умен, а был не очень. И, восславив благодетельного апостола, не забыв взять с собою ум Роланда, рыцарь верхом на гиппогрифе устремляется обратно на Землю.

А на Земле уже многое переменилось.

Во-первых, рыцари, освобожденные Астольфом на его восточных путях, доскакали уже до Парижа, присоединились к Ринальду, он с их помощью ударил по сарацинам (гром до неба, кровь потоками, головы — с плеч, руки-ноги, отрубленные, —

россыпью), отразил их от Парижа, и победа стала вновь клониться на христианскую сторону. Правда, бьется Ринальд вполсилы, потому что душой его владеет прежняя безответная страсть по Анджелике. Он уже пускается искать ее — но тут начинается аллегория. В Арденнском лесу на него набрасывается чудище Ревность: тысяча очей, тысяча ушей, змеиная пасть, тело кольцами. А на помощь ему встает рыцарь Презрение:

светлый шлем, огненная палица, а за спиною — ключ Безлюбовья, исцеляющий от неразумных страстей. Ринальд пьет, забывает любовное безумие и вновь готов на праведный бой.

Во-вторых, Брадаманта, прослышав, чтоее Руджьер бьется среди сарацин рядом с некой воительницей по имени Марфиза, загорается ревностью и скачет сразиться и с ним и с ней. В темном лесу у неведомой могилы начинают рубиться Брадаманта и Марфиза, одна другой отважнее, а Руджьер тщетно их разнимает. И тут вдруг из могилы раздается голос — голос мертвого волшебника Атланта: «Прочь ревность! Руджьер и Марфиза, вы — брат и сестра, ваш отец — христианский рыцарь; пока жив был, я хранил вас от Христовой веры, но теперь, верно, конец моим трудам». Все проясняется, Руджьерова сестра и Руджьерова подруга заключают друг друга в объятия, Марфиза принимает святое крещение и призывает к тому же Руджьера, но тот медлит — за ним еще последний долг царю Аргаманту. Тот, отчаявшись победить в сражении, хочет решить исход войны поединком: сильнейший против сильнейшего, Руджьер против Ринальда. Расчищено место, принесены клятвы, начинается бой, сердце Брадаманты разрывается между братом и возлюбленным, но тут, как когда-то в «Илиаде» и «Энеиде», чей-то удар нарушает перемирие, начинается общее побоище, христиане одолевают, и Аграмант с немногими своими приспешниками спасается на корабли, чтобы плыть в свою заморскую столицу — Бизерту, что возле Туниса. Он не знает, что под Бизертою ждет его самый страшный враг.

Астольф, слетев с райской горы, собирает войско и спешит по суше и морю ударить с тыла на Аграмантову Бизерту; с ним другие паладины, спасшиеся из Аграмантова плена, — а навстречу им безумный Роланд, дикий, голый — не подойдешь, не схватишь. Навалились впятером, накинули аркан, растянули, связали, снесли к морю, вымыли, и поднес Астольф к его носу сосуд с Роландовым умом. Лишь вдохнул он, прояснились его глаза и речи, и уже он прежний Роланд, и уже свободен от зловредной любви. Подплывают Карловы корабли, христиане идут приступом на Бизерту, город взят — горы трупов и пламя до небес. Аграмант с двумя друзьями спасаются по морю, Роланд с

двумя друзьями их преследуют; на маленьком средиземном острове происходит последний тройной поединок, Аграмант гибнет, Роланд — победитель, войне конец.

Но поэме еще не конец. Руджьер принял святое крещение, он приходит к Карлову двору, он просит руки Брадаманты. Но старый отец Брадаманты против: у Руджьера славное имя, но ни кола ни двора, и он лучше выдаст Брадаманту за принца Леона, наследника Греческой империи. В смертном горе Руджьер едет прочь — помериться силами с соперником. На Дунае принц Леон воюет с булгарами; Руджьер приходит на помощь булгарам, совершает чудеса ратных подвигов, сам Леон любуется неведомым героем на поле боя. Греки хитростью залучают Руджьера в плен, выдают императору, бросают в подземную темницу, — благородный Леон спасает его от верной гибели, воздает ему честь и тайно держит при себе. «Я обязан тебе жизнью, — говорит потрясенный Руджьер, — и отдам ее за тебя в любой миг».

Это не пустые слова. Брадаманта объявляет, что она выйдет лишь за того, кто осилит ее в поединке. Леон грустен: против Брадаманты он не выстоит. И тогда он обращается к Руджьеру: «Поезжай со мной, выйди в поле в моих латах, победи для меня Брадаманту». И Руджьер не выдает себя, он говорит: «Да». На большом поле, пред лицом Карла и всех паладинов, долгий день длится брачный бой: Брадаманта рвется поразить ненавистного жениха, осыпает его тысячей ударов. Руджьер метко отбивает все до единого, но ни одного не наносит сам, чтобы даже нечаянно не поранить возлюбленную. Зрители дивятся, Карл объявляет гостя победителем, Леон в тайном шатре обнимает Руджьера. «Я обязан тебе счастьем, — говорит он, — и отдам тебе все что хочешь в любой миг».

А Руджьеру жизнь не мила: он отдает и коня и латы, а сам уходит в чашу леса умирать от горя. Он и умер бы, не вмешайся добрая фея, пекущаяся о будущем доме Эсте. Аеон находит Руджьера, Руджьер открывается Аеону, благородство соперничает с благородством, Леон отрекается от Брадаманты, правда и любовь торжествуют, Карл и его рыцари рукоплещут. От булгар приходят послы: они просят своего спасителя себе на царство; теперь даже отец Брадаманты не скажет, будто у Руджьера ни кола ни двора. Справляется свадьба, праздник, пиры, турниры, брачный шатер расшит картинами во славу будущих Эсте, но и это еще не развязка.

В последний день является тот, о ком мы почти забыли: Родомонт. По обету он год и день не брал оружия в руки, а теперь прискакал бросить вызов бывшему соратнику своему Руджьеру:

«Ты изменник своему королю, ты христианин, ты недостоин зваться рыцарем». Начинается последний поединок. Конный бой — древки в щепья, щепья до облаков. Пеший бой — кровь сквозь латы, мечи вдребезги, бойцы стиснулись железными руками, оба замерли, и вот Родомонт падает наземь, и кинжал Руджьера — в его забрале. И, как в «Энеиде», к адским берегам «отлетает с хулою его душа, столь когда-то гордая и надменная».

М. Л. Гаспаров

Пьетро Аретино (Pietro Aretino) [1492–1556]

Комедия о придворных нравах (La Cortigiana) (1554)

В прологе Иностранец допытывается у Дворянина, кто сочинил комедию, которую вот-вот будут разыгрывать: называется несколько имен (в числе других Аламанни, Ариосто, Бембо, Тассо), а затем Дворянин объявляет, что пьесу написал Пьетро Аретино. В ней рассказывается о двух проделках, совершенных в Риме, — а этот город живет на иной манер, нежели Афины, — поэтому комический стиль древних авторов не вполне соблюден.

На сцену тут же выходят мессер Мако и его слуга. С первых слов становится ясно: сиенский юноша настолько глуп, что его только ленивый не обманет. Он с ходу сообщает художнику Андреа о своей заветной цели сделаться кардиналом и договориться с королем Франции (с папой, уточняет более практичный слуга). Андреа советует для начала превратиться в придворного, ведь мессер Мако явно делает честь своему отечеству (уроженцы Сиены считались туповатыми). Воодушевленный Мако приказывает купить книжку о придворных у уличного разносчика (слуга приносит сочинение о турках) и заглядывается на красотку в окне: не иначе это герцогиня Римская — надо ею заняться, когда будут освоены придворные манеры.

Появляются слуги Параболано — этот знатный синьор томится от любви, и именно ему суждено стать жертвой второй проделки. Стремянный Россо от души честит своего господина за скупость, самодовольство и лицемерие. Валерио с фламминио порицают хозяина за доверие к проходимцу Россо. Свои качества Россо сразу же и демонстрирует: сговорившись о продаже миног, он сообщает причетчику собора Святого Петра, что в рыбака вселились бесы, — не успев порадоваться тому, как ловко обжулил покупателя, бедняга попадает в лапы церковников.

Мастер Андреа приступает к обучению Мако. усвоить придворные манеры нелегко: нужно уметь сквернословить, быть завистливым и развратным, злоязычным и неблагодарным. Первое действие завершается воплями рыбака, которого едва не убили, изгоняя бесов: несчастный проклинает Рим, а также всех, кто в нем живет, кто его любит и кто в него верит.

В следующих трех действиях интрига развивается в

чередовании сценок из римской жизни. Мастер Андреа объясняет Мако, что Рим — подлинный бардак, фламминио делится наболевшим со стариком Семпронио: в прежние времена служить было одно удовольствие, ибо за это полагалась достойная награда, а теперь все готовы сожрать друг друга. В ответ Семпронио замечает, что сейчас лучше находиться в аду, чем при дворе.

Подслушав, как Параболано повторяет во сне имя Ливии, Россо спешит к Альвидже — своднице, готовой совратить само целомудрие. Альвиджа пребывает в горести: приговорили к сожжениюее наставницу, безобидную старушку, которая виновата только в том, что отравила кума, утопила в реке младенца и свернула шею рогачу, зато в канун Рождества она всегда вела себя безупречно, а в Великий пост ничего себе не позволяла. Выразив сочувствие в этой тяжкой утрате, Россо предлагает заняться делом: Альвиджа вполне может выдать себя за кормилицу Ливии и уверить хозяина, будто красотка сохнет по нему. Валерио также хочет помочь Параболано и советует отправить нежное послание предмету страсти: нынешние женщины впускают любовников прямо в дверь, чуть ли не с ведома мужа — нравы в Италии пали настолько, что даже родные братья и сестры спариваются друг с другом без зазрения совести.

У мастера Андреа свои радости: мессер Мако влюбился в знатную даму — Камиллу и строчит уморительные стихи. Сиенского дурачка наверняка ждет неслыханный успех при дворе, ибо он не просто болван, а болван на двадцать четыре карата. Сговорившись с приятелем Дзоппино, художник уверяет Мако, будто Камилла изнемогает от страсти к нему, но соглашается принять его только в одежде носильщика. Мако охотно меняется платьем со слугой, а нарядившийся испанцем Дзоппино кричит, что по городу объявлено о розыске шпиона Мако, который прибыл из Сиены без паспорта, — губернатор приказал оскопить этого негодяя. Под хохот шутников Мако удирает во все лопатки.

Россо приводит к хозяину Альвиджу. Сводня без труда вымогает у влюбленного ожерелье и расписывает, как томится по нему Ливия — бедняжка с нетерпением ждет ночи, ибо твердо решила либо перестать мучиться, либо умереть. Разговор прерывает появление Мако в одежде носильщика: узнав о его злоключениях, Параболано клянется отомстить бездельнику Андреа. Альвиджа поражается легковерию знатного синьора, — а Россо объясняет, что этот самовлюбленный осел искренне верит, будто любая женщина должна за ним бегать. Альвиджа решает подсунуть ему вместо Ливии жену булочника Арколано — лакомый кусочек, пальчики оближешь! Россо уверяет, что у

господ вкуса меньше, чем у покойников, — все с радостью глотают!

Честные слуги Валерио и Фламминио ведут горестную беседу о современных нравах. Фламминио заявляет, что решил оставить Рим — притон бесчестия и разврата. Жить нужно в Венеции — это святой город, настоящий земной рай, убежище разума, благородства и таланта. Недаром лишь там по заслугам оценили божественного Пьетро Аретино и кудесника Тициана.

Россо сообщает Параболано, что для свидания все готово, однако стыдливая Ливия умоляет поработать с ней в темноте — известное дело, все женщины поначалу ломаются, а потом готовы отдаться хоть на площади Святого Петра. Альвиджа в преддверии бурной ночи спешит повидаться с исповедником и узнает, к великой своей радости, что наставница также успела спасти душу: если старушку и впрямь сожгут, она будет Альвидже хорошей заступницей на том свете, как была на этом.

Мастер Андреа объясняет, что Мако сглупил, ударив в самый неподходящий момент, — ведь прелестная Камилла с нетерпением ждала его! Утомленный слишком долгим обучением, Мако просит переплавить его в придворного поскорее, и Андреа с готовностью ведет подопечного к магистру Меркурио. Мошенники скармливают сиенцу слабительные пилюли и сажают в котел.

Россо просит Альвиджу о маленькой услуге — напакостить ябеднику Валерио. Сводня жалуется Параболано, что негодяй Валерио предупредил брата Ливии — отчаянного головореза, который уже успел укокошить четыре десятка стражников и пятерых приставов. Но ради такого знатного синьора она готова на все — пусть братец Ливии прикончит ее, по крайней мере, можно будет забыть о нищете! Параболано тут же вручает Альвидже алмаз, а изумленного Валерио прогоняет из дома пинками. Альвиджа тем временем сговаривается с Тоньей. Булочница радуется возможности насолить мужу-пьянчужке, а Арколано, почуяв неладное, решает проследить за ретивой женой.

В ожидании вестей от сводни Россо не теряет времени даром: столкнувшись с жидом-старьевщиком, приценивается к атласному жилету и тут же сплавляет незадачливого торговца в руки стражников. Затем расторопный слуга извещает Параболано, что в семь с четвертью его ждут в доме добродетельной мадонны Альвиджи — дело сладилось ко всеобщему удовольствию.

Мессера Мако едва не выворачивает наизнанку от пилюль, но он так доволен операцией, что желает разбить котел — из опасения, как бы другие не воспользовались. Когда же ему подносят вогнутое зеркало, он приходит в ужас — и

успокаивается, только взглянув в обыкновенное зеркало. Заявив, что хочет стать не только кардиналом, но и папой, мессер Мако начинает ломиться в дом приглянувшейся ему красотки, которая, разумеется, не посмеет отказать придворному кавалеру.

В пятом действии все сюжетные линии сходятся. Безутешный Валерио клянет столичные нравы: стоило хозяину проявить немилость, как челядь показала свое истинное лицо — каждый наперебой старается оскорбить и унизить. Тонья, облачаясь в одежду мужа, предается горьким размышлениям о женской доле: сколько приходится терпеть от никудышных и ревнивых мужей! Мастер Андреа и Дзоппино, желая слегка проучить Мако, врываются в дом красотки под видом испанских солдат — бедный сиенец выскакивает из окна в нижнем белье и в очередной раз спасается бегством. Арколано, лишившись штанов, с проклятиями напяливает платье жены и встает в засаду у моста.

Альвиджа приглашает Параболано к своей голубке — бедняжка так боится брата, что явилась в мужской одежде. Параболано устремляется к возлюбленной, а Россо с Альвиджей с наслаждением перемывают ему кости. Затем Россо начинает жаловаться на скудную жизнь в Риме — жаль, что испанцы не стерли этот мерзкий город с лица земли! Услышав вопли Параболано, разглядевшего наконец свою ненаглядную, сводня и мошенник бросаются наутек. Первой хватают Альвиджу, та валит все на Россо, а Тонья твердит, что ее затащили сюда силком. Верный Валерио предлагает хозяину самому рассказать об этой ловкой проделке — тогда над ним будут меньше смеяться. Излечившийся от любви Параболано следует здравому совету и для начала утихомиривает взбешенного Арколано, который жаждет расправиться с неверной женой. Следом за обманутым булочником на сцену врывается мессер Мако в одном белье, а за ним бежит мастер Андреа с одеждой в руках. Художник клянется, что он вовсе не испанец — напротив, ему удалось убить грабителей и отобрать похищенное. Тут же появляется Россо, за которым гонятся рыбак и жид. Слуга молит прощения у Параболано, а тот заявляет, что у прекрасной комедии не должно быть трагического конца: поэтому мессер Мако должен помириться с Андреа, а булочник — признать Тонью верной и добродетельной супругой. Россо заслуживает милости за необыкновенную хитрость, но ему следует расплатиться с рыбаком и жидом. Неугомонная Альвиджа обещает раздобыть для доброго синьора такую милашку, которой Ливия и в подметки не годится. Параболано со смехом отвергает услуги сводни и приглашает всю компанию на ужин, чтобы вместе насладиться этим беспримерным фарсом.

Е. Д. Мурашкинцева

Философ (Il Filosofo)

Комедия (1546)

В прологе автор сообщает, что увидел во сне и побасенку о перуджинце Андреуччо (персонаже пятой новеллы второго дня в «Декамероне» Боккаччо — его именем Аретино в шутку наградил своего героя), и историю лжефилософа, вздумавшего хвастаться рогами, но наказанного за пренебрежение к женскому полу, Вот уже вышли на сцену две кумушки — настало время проверить, обратился ли сон в явь.

Обе сюжетные линии развиваются в пьесе параллельно и никак не связаны друг с другом. Первая начинается женской болтовней: Бетта рассказывает, что сдала комнату скупщику драгоценных камней из Перуджи, зовут его Бокаччо, и денег у него куры не клюют. В ответ Меа восклицает, что этоее бывший хозяин, очень славный человек, — она выросла в его доме!

Вторая сюжетная линия открывается спором Полидоро с Радиккьо: господин толкует о небесном лике своей желанной, тогда как лакей превозносит здоровых, румяных служанок — будь его воля, он бы всех их произвел в графини. Завидев философа, Полидоро спешит удалиться. Платаристотель делится с Сальвадальо мыслями о женской природе: эти скудоумные создания источают мерзость и злобу — воистину мудрецу не следовало бы жениться. Хихикающий в кулак слуга возражает, что его господину стыдиться нечего, поскольку супруга служит ему всего лишь грелкой. Теща философа мона Папа беседует с товаркой о бесчинствах мужчин: нет на земле более паскудного племени — покрыться бы им моровой язвой, сгнить от свища, попасть в руки палачу, угодить в адское пекло!

Меа простодушно выкладывает блуднице Туллии все, что знает о своем земляке: о его жене Санте, сынишке Ренцо и отце, у которого в Риме незаконный ребенок от красавицы Берты — отец Бокаччо вручил ей половинку монеты папской чеканки, а вторую отдал сыну. Туллия, решив поживиться деньгами богатого перуджинца, немедленно отправляет служанку Лизу к Бетте с наказом заманить Бокаччо в гости.

Жена философа Тесса поручает горничной Непителле пригласить на вечер Полидоро, своего любовника. Непителла охотно исполняет поручение, ибо с нерадивыми мужьями церемониться нечего. Радиккьо, пользуясь случаем, заигрывает со служанкой: пока господа тешатся, они могли бы сотворить

славный салатик, ведь ее имя означает «мята», а его — «цикорий».

Лиза расхваливает Бокаччо прелести своей хозяйки. Туллия, едва увидев «братца», заливается горючими слезами, проявляет живой интерес к невестке Санте и племяннику Ренцо, а затем обещает предъявить половинку монеты — жаль, что добрый палаша уже покинул этот мир!

Платаристотель обсуждает с Сальвалальо проблему первосущности, первоинтеллекта и первоидеи, но ученый спор прерывается с появлением взбешенной Тессы.

Размякший Бокаччо остается ночевать у «сестры». Нанятые Туллией стражники пытаются схватить его по ложному обвинению в убийстве. Перуджинец в одной сорочке прыгает в окно и проваливается в нужник. На мольбы отворить дверь Туллия отвечает презрительным отказом, а сутенер Каччадьяволи грозится оторвать Бокаччо голову. Только двое воров проявляют сострадание к несчастному и зовут с собой на дело — хорошо бы ограбить одного покойничка, но для начала следует смыть дерьмо. Бокаччо опускают на веревке в колодец, и в этот момент появляются запыхавшиеся стражники. Появление испарившегося беглеца путает их, и они с воплями разбегаются.

Платаристотель отрывается от размышлений об эрогенности планет. Подслушав, о чем шушукаются служанка с женой, он узнал, что Тесса спуталась с Полидоро. Философ хочет устроить любовникам ловушку, дабы вразумить тешу, которая всегда и во всем защищает свою ненаглядную дочурку, а зятя клеймит.

Притаившиеся воры помогают Бокаччо выбраться из колодца. Затем дружная компания отправляется в церковь Святой Анфисы, где покоится епископ в драгоценном одеянии. Приподняв плиту, воры требуют, чтобы в могилу лез новичок, — когда же тот передает им ризу с посохом, вышибают подпорку. Бокаччо вопит диким голосом, и сообщники уже предвкушают, как бравого перуджинца вздернут, когда на крики сбежится стража, Радиккьо, подстерегающий Непителлу, слышит радостное бормотание Платаристотеля, который сумел-таки заманить Полидоро в свой кабинет и торопится обрадовать этим известием мону Палу. Слуга тут же предупреждает Тессу. У предусмотрительной супруги имеется второй ключ: она приказывает Непителле выпустить любовника, а вместо него привести осла. Освобожденный Полидоро клянется не пропускать отныне ни единой утрени, а на свидания ходить только со светильником. Тем временем торжествующий Платаристотель, подняв с постели тещу, ведет ее к своему дому. Сальвалальо угодливо поддакивает каждому слову хозяина, именуя его светочем премудрости, но мона Папа за словом в карман не лезет, величая зятя ослом. Тесса

бестрепетно выходит на зов мужа, а в переулке как бы случайно показывается Полидоро, мурлыча песенку о любви. Тесса решительно отпирает дверь кабинета: при виде осла Платаристотель бледнеет, а мона Папа проклинает злую судьбу — с каким негодяем пришлось породниться! Тесса же объявляет, что ни секунды не задержится в доме, где ей пришлось пережить столько унижений: из стыдливости она таила беду свою от родни, но теперь может во всем признаться — этот душегуб, возомнивший себя философом, не желает должным образом исполнять супружеские обязанности! Мать и дочь гордо удаляются, а Платаристотелю остается лишь проклинать свое невезение. Провожая домой Полидоро, который едва держится на ногах, Радиккьо наставительно говорит, что от знатных дамочек беды не оберешься — любовь служанок куда лучше и надежнее.

К гробнице епископа направляется очередная троица грабителей — на сей раз в рясах. Судьба им благоприятствует: церковные врата открыты, а возле могилы валяется подпорка. Подбадривая друг друга, взломщики приступают к делу, но тут из-под плиты вырастает призрак, и они бросаются врассыпную. Бокаччо возносит хвалу небесам и клянется немедленно дать тягу из этого города. На его счастье, мимо проходят Бетта и Меа; он рассказывает им, как по милости Туллии едва не умер тремя смертями — сначала среди навозных жуков, потом среди рыб, а напоследок среди червей. Кумушки уводят Бокаччо мыться, и на этом история злополучного перуджинца завершается.

Платаристотель приходит к здравому выводу, что смиренномудрие достойно мыслителя: в конце концов, желание порождается природой женщин, а не похотливостью их мыслей — пусть же Сальвалальо уговорит Тессу вернуться домой. Мать с дочерью смягчаются, услышав, что Платаристотель раскаивается и признает свою вину. философ сравнивает Тессу с Платоновым «Пиром» и Аристотелевой «Политикой», а затем объявляет, что сегодня ночью приступит к зачатию наследника. Мона Папа плачет от умиления, Тесса рыдает от радости, члены семьи получают приглашение на новую свадьбу. Природа торжествует во всем: оставшись наедине со служанкой моны Папы, Сальвалальо идет на штурм девичьей добродетели.

Е. Д. Мурашкинцева

Бенвенуто Чедлини (Benvenuto Cellini) [1500–1571]

Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции (La vita di Benvenuto, di maestro Giovanni Cellini, Florentine, scritta par lui medesimo in Firenze)

Мемуары (1558–1565, опубл. 1728)

Мемуары Бенвенуто Челлини написаны от первого лица. По мнению прославленного ювелира и ваятеля, каждый человек, совершивший нечто доблестное, обязан поведать о себе миру, — но приступать к этому благому делу следует только после сорока лет. Бенвенуто взялся за перо на пятьдесят девятом году жизни, причем твердо решил повествовать лишь о том, что имеет отношение к нему самому. (Читателю записок нужно помнить, что Бенвенуто обладал редкой способностью коверкать как имена собственные, так и географические названия.)

Первая книга посвящена периоду с 1500 по 1539 г. Бенвенуто сообщает, что родился в простой, но знатной семье. В стародавние времена под началом Юлия Цезаря служил храбрейший военачальник по имени Фиорино из Челлино. Когда на реке Арно был заложен город, Цезарь решил назвать его Флоренцией, желая воздать честь соратнику, которого выделял среди всех прочих. Род Челлини имел множество владений, а в Равенне даже замок. Предки самого Бенвенуто жили в Валь д'Амбра, словно вельможи. Однажды им пришлось отправить во Флоренцию юношу Кристофано, поскольку тот затеял распрю с соседями. Его сын Андреа стал весьма сведущ в зодческом деле и обучил этому ремеслу детей. Особенно преуспел в нем Джованни — отец Бенвенуто. Джованни мог бы выбрать себе девушку с богатым приданым, но женился по любви — на мадонне Элизабетте Граначчи. Восемнадцать лет у них не было детей, а затем родилась девочка. Добрый Джованни сына уже не ждал, и, когда мадонна Элизабетта разрешилась от бремени младенцем мужского пола, счастливый отец нарек его «Желанным» (Бенвенуто). Знамения предрекали, что мальчика ждет великое будущее. Ему было всего три года, когда он поймал огромного скорпиона и чудом остался жив. В пять лет он разглядел в пламени очага зверька, похожего на ящерицу, и отец объяснил, что это саламандра, которая на его памяти еще никому вживе не

являлась. А к пятнадцатилетнему возрасту он свершил столько изумительных деяний, что за недостатком места о них лучше умолчать.

Джованни Челлини был прославлен многими искусствами, но более всего любил играть на флейте и старался приохотить к этому старшего сына. Бенвенуто же ненавидел проклятую музыку и брался за инструмент, только чтобы не огорчать доброго отца. Поступив в обучение к золотых дел мастеру Антонио ди Сандро, он превзошел всех прочих юношей в цехе и стал хорошо зарабатывать трудами своими. Случилось так, что сестры обидели его, тайком отдав новые камзол и плащ младшему братишке, — и Бенвенуто с досады ушел из Флоренции в Пизу, но и там продолжал усердно работать. Потом перебрался в Рим, дабы изучать древности, и сделал несколько очень красивых вещиц, стараясь во всем следовать канонам божественного Микеланджело Буонарроти, от которых никогда не отступал. Вернувшись по настоятельной просьбе отца во Флоренцию, он поразил всех своим искусством, но нашлись завистники, которые стали всячески его оговаривать. Бенвенуто не сдержался: ударил одного из них кулаком в висок, а поскольку тот все не унимался и лез в драку, отмахнулся от него кинжалом, не причинив особого вреда. Родичи этого Герардо тут же побежали жаловаться в Совет восьми — Бенвенуто безвинно приговорили к изгнанию, и пришлось снова отправляться в Рим. Одна знатная дама заказала ему оправу для алмазной лилии. А его товарищ Луканьоло — способный ювелир, но рода низкого и подлого — вырезал в это время вазу и хвастался, что получит много золотых монет. Однако Бенвенуто во всем опередил спесивого деревенщину: за безделку ему заплатили куда щедрее, чем за большую вещь, а когда он сам взялся делать вазу для одного епископа, то превзошел Луканьоло и в этом искусстве. Пала Климент, едва увидев вазу, воспылал к Бенвенуто большой любовью. Еще большую славу принесли ему серебряные кувшинчики, которые он выковал для знаменитого хирурга Якомо да Карпи: показывая их, тот рассказывал байки, будто они работы древних мастеров. Это маленькое дельце принесло Бенвенуто большую славу, хотя в деньгах он не слишком много выгадал.

После страшной моровой язвы оставшиеся в живых начали любить Друг друга — так образовалось в Риме содружество ваятелей, живописцев, ювелиров. И великий Микеланджело из Сиены во всеуслышание хвалил Бенвенуто за даровитость — особенно понравилась ему медаль, где был изображен Геркулес, разрывающий пасть льву. Но тут началась война, и содружество распалось. Испанцы под водительством Бурбона подступили к

Риму. Пала Климент в страхе бежал в замок Святого Ангела, и Бенвенуто последовал за ним. Во время осады он был приставлен к пушкам и свершил много подвигов: одним метким выстрелом убил Бурбона, а вторым ранил принца Оранского. Случилось так, что при отдаче свалилась вниз бочка с камнями и едва не зашибла кардинала Фарнезе, Бенвенуто с трудом удалось доказать свою невиновность, хотя было бы много лучше, если бы он тогда же избавился от этого кардинала. Пала Климент так доверял своему ювелиру, что поручил переплавить золотые тиары, дабы спасти их от алчности испанцев. Когда Бенвенуто приехал наконец во Флоренцию, там тоже была чума, и отец велел ему спасаться в Мантуе. По возвращении он узнал, что все родные его умерли — остались только младший брат и одна из сестер. Брат, ставший великим воином, служил у флорентийского герцога Лессандро. В случайной стычке его ранили пулей из аркебузы, и он скончался на руках у Бенвенуто, который выследил убийцу и должным образом отомстил.

Папа тем временем двинулся на Флоренцию войной, и друзья уговорили Бенвенуто покинуть город, дабы не ссориться с его святейшеством. Поначалу все шло прекрасно, и Бенвенуто была дарована должность булавоносца, приносившая двести скудо в год. Но когда он попросил должность в семьсот скудо, вмешались завистники, особенно же усердствовал миланец Помпео, пытавшийся перебить у Бенвенуто заказанную папой чашу. Враги подсунули папе никудышного ювелира Тоббию, и тому было поручено готовить подарок для французского короля. Однажды Бенвенуто ненароком зашиб своего приятеля, а Помпео тут же побежал к папе с известием, будто убит Тоббия. Разгневанный пала распорядился схватить и повесить Бенвенуто, так что пришлось скрываться в Неаполе, пока все не разъяснилось. Климент раскаялся в своей несправедливости, но все равно занемог и вскоре умер, а папой избрали кардинала Фарнезе. Бенвенуто совершенно случайно встретился с Помпео, которого вовсе не хотел убивать, но так уж получилось. Клеветники пытались натравить на него нового папу, но тот сказал, что подобные художники, единственные в своем роде, суду законов не подлежат. Впрочем, Бенвенуто счел за лучшее на время удалиться во Флоренцию, где герцог Лессандро его никак не хотел отпускать, угрожая даже смертью, — однако сам пал жертвой убийцы, а новым герцогом стал Козимо, сын великого Джованни де Медичи. Вернувшись в Рим, Бенвенуто обнаружил, что завистники добились своего — папа, хоть и даровал ему помилование за убийство Помпео, сердцем от него отвратился. Между тем Бенвенуто был уже так прославлен, что его позвал к

себе на службу французский король.

Вместе с верными учениками Бенвенуто отправился в Париж, где получил аудиенцию у монарха. Тем, однако, дело и кончилось: злокозненность врагов и военные действия сделали пребывание во Франции невозможным. Бенвенуто вернулся в Рим и получил множество заказов. Ему пришлось прогнать за безделье одного работника родом из Перуджи, и тот задумал отомстить: нашептал папе, будто бы Бенвенуто похитил драгоценные камни во время осады замка Святого Ангела и имеет теперь состояние в восемьдесят тысяч дукатов. Жадность Паголо да Фарнезе и его сына Пьера Луиджи не знала границ: они приказали заточить Бенвенуто в темницу, а когда обвинение рассыпалось, задумали его непременно уморить. Король Франциск, узнав об этой несправедливости, стал хлопотать через кардинала феррарского, чтобы Бенвенуто отпустили к нему на службу. Кастеллан замка, человек благородный и добрый, отнесся к узнику с величайшим участием: дал возможность свободно гулять по замку и заниматься любимым искусством. В каземате содержался один монах. Воспользовавшись оплошностью Бенвенуто, он выкрал у него воск, чтобы изготовить ключи и сбежать. Бенвенуто клялся всеми святыми, что не повинен в злокозненности монаха, но кастеллан так озлился, что почти потерял рассудок. Бенвенуто стал готовиться к побегу и, устроив все наилучшим образом, спустился вниз на сплетенной из простыней веревке. К несчастью, стена вокруг замка оказалась слишком высокой, и он, сорвавшись, сломал себе ногу. Вдова герцога Лессандро, помня его великие труды, согласилась дать ему приют, но коварные враги не отступились и вновь препроводили Бенвенуто в узилище, невзирая на обещание папы пощадить его. Кастеллан, совершенно свихнувшись, подверг его таким неслыханным мукам, что он уже прощался с жизнью, но тут кардинал феррарский добился от папы согласия освободить безвинно осужденного. В темнице Бенвенуто написал поэму о своих страданиях — этим «капитоло» и завершается первая книга мемуаров.

Во второй книге Бенвенуто рассказывает о своем пребывании при дворе Франциска I и флорентийского герцога Козимо. Отдохнув немного после тягостей заключения, Бенвенуто поехал к кардиналу феррарскому, взяв с собой любимых учеников — Асканио, Паголо-римлянина и Паголо-флорентийца. По дороге один почтовый смотритель вздумал затеять ссору, и Бенвенуто лишь для острастки наставил на него пищаль, но отскочившая рикошетом пуля убила наглеца на месте, а его сыновья, пытаясь отомстить, слегка ранили Паголо-римлянина. Узнав об этом, кардинал феррарский возблагодарил небеса, ибо обещал

французскому королю непременно привезти Бенвенуто. В Париж они добрались без приключений.

Король принял Бенвенуто чрезвычайно милостиво, и это возбудило зависть у кардинала, который стал исподтишка строить козни. Он сказал Бенвенуто, будто король хочет положить ему жалованье в триста скудо, хотя за такие деньги не стоило и выезжать из Рима. Обманутый в своих ожиданиях, Бенвенуто простился с учениками, а те плакали и просили его не оставлять их, но он твердо решил вернуться на родину. Однако вслед за ним послали гонца, и кардинал объявил, что платить ему будут семьсот скудо в год — столько же, сколько получал живописец Леонардо да Винчи. Повидавшись с королем, Бенвенуто выговорил по сто скудо каждому из учеников, а также попросил отдать ему замок Маленький Нель для мастерской. Король охотно согласился, поскольку обитавшие в замке люди даром ели свой хлеб. Бенвенуто пришлось прогнать этих бездельников, зато мастерская получилась на славу, и можно было сразу же взяться за королевский заказ — статую серебряного Юпитера.

В скором времени король со своим двором явился смотреть работу, и все дивились чудесному искусству Бенвенуто. А еще задумал Бенвенуто сделать для короля солонку изумительной красоты и великолепную резную дверь, краше которой эти французы не видывали. К несчастью, ему не пришло в голову добиться расположения госпожи де Тамп, имевшей большое влияние на монарха, и та затаила на него злобу. А людишки, которых он изгнал из замка, возбудили против него тяжбу и так ему досадили, что он подстерег их с кинжалом и научил уму-разуму, однако никого не убил. В довершение всех бед Паголо Миччери, флорентийский ученик, вступил в блуд с натурщицей Катериной, пришлось избить потаскушку до синяков, хотя она еще нужна была для работы. Изменника Паголо Бенвенуто заставил жениться на этой французской шлюхе, а потом каждый день вызывал ее к себе, чтобы рисовать и лепить, а заодно предавался с ней плотской утехе в отместку рогоносцу-мужу. Между тем кардинал феррарский подговорил короля не платить денег Бенвенуто; добрый король не устоял перед искушением, потому что император двигался с войском на Париж и казна опустела. Госпожа де Тамп также продолжала строить козни, и Бенвенуто с болью в сердце решил временно отлучиться в Италию, оставив мастерскую на Асканио и Паголо-римлянина. Королю нашептали, будто он увез с собой три драгоценные вазы, что и сделать-то было невозможно, поскольку закон это воспрещает, поэтому Бенвенуто по первому же требованию отдал эти вазы предателю Асканио.

В 1545 г. Бенвенуто приехал во Флоренцию — единственно для того, чтобы помочь родной сестре и ее шести дочуркам. Герцог принялся расточать ласки, упрашивая его остаться и обещая неслыханные милости. Бенвенуто согласился и горько об этом пожалел. Для мастерской выделили ему жалкий домишко, который пришлось латать на ходу. Придворный ваятель Бандинелло всячески восхвалял свои достоинства, хотя скверные его поделки могли вызвать только усмешку, — зато Бенвенуто превзошел самого себя, отлив из бронзы статую Персея. Это было творение столь прекрасное, что люди не уставали ему дивиться, и Бенвенуто попросил у герцога за работу десять тысяч скудо, а тот с большим скрипом дал всего лишь три. Много раз вспоминал Бенвенуто великодушного и щедрого короля, с которым так легкомысленно расстался, но поправить уже ничего было нельзя, ибо коварные ученики сделали все, чтобы он не смог вернуться. Герцогиня, поначалу защищавшая Бенвенуто перед мужем, страшно рассердилась, когда герцог по его совету отказался дать денег на приглянувшийся ей жемчуг, — Бенвенуто пострадал исключительно за свою честность, ибо не смог утаить от герцога, что камни эти покупать не стоит. В результате новый большой заказ получил бездарный Бандинелло, которому отдали мрамор для статуи Нептуна. Со всех сторон посыпались на Бенвенуто беды: человек по прозвищу Збиетта обманул его в договоре по продаже мызы, а жена этого Збиетты подсыпала, ему в подливку сулемы, так что он едва остался жив, хотя и не сумел изобличить злодеев. Королева французская, навестившая свою родную Флоренцию, хотела было пригласить его в Париж, чтобы он изваял надгробие для ее покойного мужа, — но герцог этому воспрепятствовал. Началась моровая язва, от которой умер принц — лучший из всех Медичи. Лишь когда слезы высохли, Бенвенуто поехал в Пизу. (На этой фразе обрывается вторая книга мемуаров.)

Е. Д. Мурашкинцева

Торквато Тассо (Torquato Tasso) [1544–1595]

Освобожденный Иерусалим (La Gerusalemme Liberata)

Поэма (1575)

Господь Вседержитель со своего небесного престола обратил всевидящий взор на Сирию, где станом стояло крестоносное воинство. Уже шестой год воины Христовы ратоборствовали на Востоке, многие города и царства покорились им, но Святой Град Иерусалим все еще пребывал оплотом неверных. Читая в человеческих сердцах как в раскрытой книге, Он узрел, что из множества славных вождей лишь великий Готфрид Бульонский в полной мере достоин повести крестоносцев на священный подвиг освобождения Гроба Господня. Архангел Гавриил понес Готфриду эту весть, и тот благоговейно принял Божию волю.

Когда Готфрид созвал вождей франков и поведал, что Бог избрал его начальником над ними всеми, в собрании поднялся ропот, ибо многие вожди не уступали Готфриду ни в знатности рода, ни в подвигах на поле брани. Но тут ему в поддержку возвысил голос Петр Пустынник, и все до последнего вняли словам вдохновителя и чтимого советчика воинов, а наутро следующего дня могучая рать, в коей под знаменем Готфрида Бульонского сплотился цвет рыцарства всей Европы, выступила в поход. Восток затрепетал.

И вот уже крестоносцы разбили лагерь в Эммаусе, в виду иерусалимских стен. Здесь к ним в шатры явились послы царя Египта и предложили за богатый выкуп отступиться от Святого Града. Выслушав от Готфрида решительный отказ, один из них отправился восвояси, второй же, черкесский витязь Аргант, горя желанием поскорее обнажить меч против врагов Пророка, поскакал в Иерусалим.

Иерусалимом в ту пору правил царь Аладин, вассал египетского царя и злобный притеснитель христиан. Когда крестоносцы пошли на приступ, войско Аладина встретило их у городских стен, и завязалась жестокая битва, в которой без числа пало нехристей, но и отважных рыцарей полегло немало. Особенно тяжкий урон понесли крестоносцы от могучего Арганта и великой девы-воительницы Клоринды, прибывшей из Персии на подмогу Аладину. С Клориндою в бою сошелся несравненный Танкред и ударом копья разнес ей шлем, но, узрев прекрасный

лик и золотые косы, сраженный любовью, опустил свой меч.

Храбрейший и прекраснейший из рыцарей Европы, сын Италии Ринальд был уже на городской стене, когда Готфрид отдал войску приказ возвращаться в лагерь, ибо не настало еще время пасть Святому Граду.

Видя, что оплот врагов Господних едва не пал, царь преисподней созвал своих бесчисленных слуг — бесов, фурий, химер, языческих богов — и приказал всей темной силой обрушиться на крестоносцев. Слугой дьявола средь прочих был маг Идраот, царь Дамаска. Он повелел дочери своей Армиде, затмившей красотою всех дев Востока, идти в стан Готфрида и, употребив все женское искусство, внести разлад в ряды воинов Христовых.

Армида явилась во стан франков, и ни один из них, кроме Готфрида и Танкреда, не в силах был устоять перед чарами ее красы. Назвавшись принцессой Дамасской, силою и обманом лишенной престола, Армида умоляла вождя крестоносцев дать ей малый отряд отборных рыцарей, дабы с ними свергнуть узурпатора; в обмен она сулила Готфриду союз Дамаска и всяческую помощь. В конце концов Готфрид велел по жребию избрать десятерых храбрецов, но едва зашла речь о том, кто возглавит отряд, предводитель норвежцев Гернанд по наущению беса затеял ссору с Ринальдом и пал от его меча; несравненный Ринальд принужден был отправиться в изгнание.

Обезоруженных любовью рыцарей Армида повела не на Дамаск, а в мрачный замок, стоявший на берегу Мертвого моря, в водах которого не тонут ни железо, ни камень. В стенах *замка,* Армида раскрыла подлинное свое лицо, предложив пленникам либо отречься от Христа и выступить против франков, либо погибнуть; лишь один из рыцарей, презренный Рамбальд, избрал жизнь. Остальных она в кандалах и под надежной охраной отправила царю Египта.

Крестоносцы тем временем вели регулярную осаду, обносили Иерусалим валом, строили машины для штурма, а жители города укрепляли стены. Наскучив бездельем, гордый сын Кавказа Аргант выехал в поле, готовый биться со всяким, кто примет его вызов. Первым на Арганта ринулся отважный Отгон, но скоро был повержен неверным,

Тогда настал черед Танкреда. Два героя сошлись, как некогда Аякс и Гектор у стен Илиона. Жестокий бой длился до самой ночи, так и не выявив победителя, и, когда герольды прервали поединок, израненные бойцы сговорились на рассвете продолжить его.

За поединком с городских стен с замиранием сердца следила

Эрминия, дочь Антиохийского царя. Некогда она была пленницей Танкреда, но благородный Танкред дал принцессе свободу, Эрминии нежеланную, ибо она пылала неодолимой любовью к пленившему ее. Искусная в лекарстве Эрминия вознамерилась проникнуть в стан крестоносцев, дабы излечить раны рыцаря. Для этого она обрезала свои дивные волосы и облачилась в доспех Клоринды, но на подступах к стану ее обнаружили сторожевые и бросились за ней в погоню. Танкред же, возомнив, что то была любезная его сердцу воительница, из-за него подвергшая жизнь опасности, и желая спасти ее от преследователей, тоже пустился вслед за Эрминией. Ее он не догнал и, сбившись с пути, обманом был завлечен в заколдованный замок Армиды, где сделался ее пленником.

Меж тем настало утро и никто не вышел навстречу Арганту. Черкесский витязь принялся поносить трусость франков, но ни один из них не отваживался принять вызов, пока наконец вперед не выехал Раймонд, тулузский граф. Когда победа была уже почти в руках Раймонда, царь тьмы соблазнил лучшего сарацинского лучника выпустить в рыцаря стрелу и сам направил ее полет. Стрела вонзилась в сочлененье лат, но ангел-хранитель спас Раймонда от верной гибели.

Видя, как коварно нарушены законы поединка, крестоносцы ринулись на неверных. Ярость их была столь велика, что они едва было не смяли врага и не ворвались в Иерусалим. Но не этот день был определен Господом для взятия Святого Града, поэтому Он попустил адскому воинству прийти на подмогу неверным и сдержать напор христиан.

Темные силы не оставили замысла сокрушить крестоносцев. Вдохновленный фурией Алекто, султан Солиман с войском кочевников-арабов ночью внезапно напал на лагерь франков. И он бы одержал победу, когда б Господь не послал архангела Михаила, дабы тот лишил неверных помощи ада. Крестоносцы воспряли духом, сомкнули ряды, а тут еще весьма ко времени подоспели рыцари, освобожденные Ринальдом из Армидиного плена. Арабы бежали, бежал и могучий солиман, в битве лишивший жизни многих христианских воинов.

Настал день, и Петр Пустынник благословил Готфрида идти на приступ. Отслужив молебен, крестоносцы под прикрытием осадных машин обступили стены Иерусалима, Неверные яростно сопротивлялись, Клоринда сеяла смерть в рядах христиан своими стрелами, одной из которых был ранен в ногу сам Готфрид. Ангел Божий исцелил вождя, и тот снова вышел на поле боя, но опустившаяся ночная тьма вынудила его дать приказ к отступлению.

Ночью Аргант с Клориндою сделали вылазку к стану франков и подожгли осадные машины смесью, изготовленной магом Исменом. Когда они отступали, преследуемые крестоносцами, защитники города захлопнули ворота, в темноте не заметив, что Клоринда осталась снаружи. Тут с нею в бой вступил Танкред, но воительница была в незнакомых ему доспехах, и рыцарь признал возлюбленную, только нанеся ей смертельный удар. Воспитанная в мусульманской вере, Клоринда знала, однако, что родителиее — христианские властители Эфиопии и что по воле матери ей надлежало бы принять крещение еще в младенчестве. Смертельно раненная, она попросила своего убийцу свершить над ней это таинство и дух испустила уже христианкою.

Дабы кресточосцы не смогли построить новые машины, Исмен впустил сонм бесов в единственный в округе лес. Ни один из рыцарей не дерзнул войти в заколдованную чащу, за исключением Танкреда, но и тому не под силу было развеять зловещие чары мага.

Уныние царило в стане крестоносного воинства, когда Готфриду во сне открылось, что только Ринальд одолеет колдовство и что лишь перед ним дрогнут наконец защитники Иерусалима. В свое время Армида поклялась жестоко отомстить Ринальду, отбившему у нее пленных рыцарей, но едва увидела его, как воспылала неодолимой любовью. Юношу ее красота тоже поразила в самое сердце, и Армида перенеслась с возлюбленным на далекие зачарованные Счастливые острова. К этим-то островам и направились за Ринальдом двое рыцарей: датчанин Карл и Убальд. С помощью доброго волшебника им удалось попасть за океан, воды которого прежде бороздил только улисс. Преодолев множество опасностей и соблазнов, послы Готфрида нашли Ринальда забывшим обо всем средь радостей любви. Но стоило Ринальду увидеть боевой доспех, как он вспомнил о священном долге и без колебаний последовал за Карлом с Убальдом. Взбешенная же Армида помчалась в стан царя египетского, который с набранной по всему Востоку ратью шел на помощь Аладину. Вдохновляя восточных витязей, Армида посулила стать женой тому, кто в бою сразит Ринальда.

И вот Готфрид дает приказ к последнему приступу. В кровавой схватке христиане смяли неверных, из коих самый страшный — непобедимый Аргант — пал от руки Танкреда. Крестоносцы вошли в Святой Град, а Аладин с остатками войска укрылся в Давидовой башне, когда на горизонте поднялись тучи пыли — то шло к Иерусалиму египетское войско.

И снова началась битва, жестокая, ибо рать неверных была сильна. В один из самых тяжелых для христиан моментов к ней

на подмогу вывел воинов из Давидовой башни Аладин, но все было тщетно. С Божией помощью крестоносцы взяли верх, нехристи бежали. Царь египетский стал пленником Готфрида, но тот отпустил его, не желая слышать о богатом выкупе, ибо не торговать он пришел с Востоком, но воевать.

Рассеяв рать неверных, Готфрид со сподвижниками вошел в освобожденный город и, даже не сняв залитых кровью лат, преклонил колена пред Гробом Господним.

Д. А. Карельский

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Автор пересказов И. С. Смирнов

Неизвестный автор

Яньский наследник Дань

Древние повести (I–VI вв.)

Дань, престолонаследник царства Янь, жил заложником в стране Цинь. Тамошний князь глумился над ним, не отпускал домой. Оскорбленный Дань задумал отомстить обидчику. Вырвавшись наконец из плена, он принялся сзывать храбрейших воинов для похода на владыку Цинь. Но планам наследника Даня противился его наставник. Он советовал не нападать на Цинь в одиночку, а привлечь союзников.

«Сердце не может ждать!» — воскликнул наследник. Тогда наставник представил своему повелителю знаменитого мудреца Тянь Гуана, которого приняли при дворе со всем возможным почетом. Три месяца мудрец обдумывал, как помочь Даню, а потом посоветовал из всех храбрецов царства выбрать некоего Цзин Кэ, способного совершить великое дело мести. Наследник принял совет, а мудреца попросил сохранить все в тайне. Тот, оскорбленный недоверием, покончил с собой — заглотнул язык и умер.

Когда Цзин Кэ узнал, что призван исполнить, он разработал специальный план: преподнести правителю Цинь голову его врага и чертеж еще не завоеванной им земли, а потом убить злодея. С тем и отправился в Цинь.

План его почти удался. Когда он уже занес кинжал, чтобы покарать циньского князя, и перечислил все его вины, тот смиренно попросил дозволения перед смертью послушать цитру. Наложница запела, князь вырвался и бросился прочь. Цзин Кэ метнул кинжал, но промахнулся. Зато князь выхватил меч и отсек злоумышленнику обе руки. Как говорится, и за повелителя не отомстил, и подвига не совершил.

Бань Гу

Старинные истории о ханьском У-ди — государе Воинственном

Древние повести (I–VI вв.)

Как-то предсказатель напророчил будущей супруге ханьского императора великую судьбу. Она и вправду родила сына, ставшего государем У-ди.

С детских лет мальчик отличался ясным умом, умел привлечь к себе сердца. Поначалу наследником считался сын наложницы Ли, но на стороне У-ди выступила его теща, сестра императора, и вскоре он был объявлен преемником царствующего государя, а в четырнадцать лет воссел на престол.

Император У-ди страстно интересовался учением о бессмертии, волшебствами и чародейством. Со всех сторон ко двору стекались маги и кудесники. Еще любил он тайные путешествия по стране. Не раз при этом попадал в истории: то разбойники напали, то старик, владелец дорожного подворья, замыслил нападение, и только благородная наложница спасла императора, за что и была пожалована высочайшей наградой. Первому сановнику государя даже пришлось с собой покончить, чтобы отвадить У-ди от подобных приключений.

Государь был весьма любознателен и собирал редкие книги, чудесных зверей и прочие диковины, а придворные поэты воспевали все это в стихах. Да и сам император не гнушался поэзией. Любил он и достойнейших людей привечать при дворе. Правда, и казнил их за малейшую провинность. Цзи Ань пытался образумить государя, но тот не внял советам. Цзи Ань умер с горя.

Мечтая продлить свои дни, У-ди встречался с богиней Запада Сиванму, в садах которой росли персики долголетия. Кроме того, по совету магов содержал во дворце тысячи наложниц, ибо верил, что слияние с женщиной дарует бессмертие.

Однажды, объезжая свои владения, государь узрел красавицу, которая в положенный срок родила ему наследника и вскоре умерла, От гроба ее струился чудесный аромат — наложница не была земной женщиной.

Но как ни старался У-ди достичь бессмертия, в положенный срок он скончался и был захоронен. Говорят, что и после смерти он навещал своих наложниц и делил с ними ложе. Долго еще

случались всякие благовестные знамения. Верно, покойный император сделался небожителем.

Чэнь Сюанью

Жизнеописание Жэнь

Из прозы эпохи Тан (VII— X вв.)

Эту историю слышал я от одного из ее участников, княжеского внука Иня, и запомнил ее почти дословно.

Был у Иня родственник, муж. его двоюродной сестры. Звали его Чжэн. Очень он был охоч до вина и женщин.

Как-то отправились друзья на пирушку. Чжэн внезапно вспомнил о неотложном деле и пустился верхом на осле в южный квартал столицы, пообещав вскоре нагнать приятеля. По пути он повстречал трех женщин, одна из которых оказалась настоящей красавицей. Завязалось знакомство, и спустя время Чжэн уже пировал с новой подругой у нее дома. После бурной ночи он заглянул в ближайшую харчевню и проведал, что спознался с лисицей, которая завлекает мужчин. Однако любовь оказалась сильнее страха, и Чжэн искал новой встречи с красавицей. Наконец он добился, что они стали жить вместе. Тут-то Инь и заинтересовался новой сожительницей друга. Потрясенный ее красотой, он домогался ее любви, но та не уступила. Инь помогал другу и его возлюбленной деньгами, провизией, а красавица нередко устраивала его сердечные дела. Пользуясь ее советами, сумел разбогатеть и Чжэн.

Однажды Чжэну потребовалось отправиться в далекие края по делам службы. Он возмечтал взять с собой Жэнь. Как та ни сопротивлялась, он все-таки настоял на своем. В пути она гордо гарцевала верхом. Когда они проезжали берегом реки, из зарослей выскочила свора собак. Жэнь упала на землю, обернулась лисицей и пустилась наутек. Собаки настигли лису и растерзали. Чжэн и его друг Инь были безутешны. Жаль, что Чжэн, человек недалекий, мало интересовался характером жены — то-то узнал бы о законах перевоплощений да о чудесах!

Ли Гунцзо [770–850]

Правитель Нанькэ

Из прозы эпохи Тан (VII — X вв.)

Фэнь Чуньюй прославился как отважный воин. Был он щедр, гостеприимен, но строптив. Да и вином не гнушался. Потому и разжаловали его с должности заместителя командующего войсками области Хуайнань. А ему все нипочем: поселился в собственном доме, что возле старого-престарого ясеня, и запил пуще прежнего.

Раз его в сильном подпитии двое друзей уложили спать на веранде. Тут и привиделось Чуньюю, что прибыли за ним гонцы звать к правителю страны Хуайнань.

Встретили его там с невиданным почетом. Навстречу вышел первый советник и проводил к повелителю. Тот предложил Чуньюю свою дочь в жены. Вскоре и свадьбу сыграли. Среди многочисленной челяди оказались и два стародавних приятеля Чуньюя, а повелитель в разговоре однажды упомянул о его отце, сгинувшем много лет назад в землях северных варваров. Оказалось, тот — среди подданных владыки страны Хуайнань. Свидеться с ним нельзя, а письмо написать можно. Отец не замедлил с ответом. Всем интересовался и сулил сыну встречу в будущем, даже точный год называл.

Так или иначе, а сделался Чуньюй правителем области Нанькэ, а два его друга — главными помощниками правителя. Двадцать лет управлял он областью, народ его процветал. Но тут случилась война со страной Таньло. Войско возглавил храбрый друг Чаньюя, но был разбит,'занемог и умер. Потом смерть настигла супругу Чаньюя, с которой он прижил пятерых детей. Управлять в Нанькэ остался второй друг, а Чуньюй повез тело жены в столицу, где и совершили обряд похорон. Еще много лет Чуньюй продолжал верой и правдой служить владыке, но тот внезапно заподозрил, что от зятя исходит опасность для страны Хуайнань. А тут еще некий сановник потребовал во избежание беды перенести столицу в другое место. Тогда и повелел владыка Чуньюю отправляться домой, родных проведать, а удивленному зятю объяснил, что пора ему в мир смертных вернуться.

Очнулся Чуньюй на веранде собственного дома и понял, что все это был только сон. И рассказал друзьям о происшедшем. Потом повел их к старому ясеню. За дуплом обнаружился

широченный ход, в котором виднелись горы земли — точь-в-точь городские укрепления и дворцы, где сновали бесчисленные муравьи. Среди них два больших, которым прислуживали муравьи-крохи. Отыскался и холм, где жену Чуньюя схоронили. Словом, все со сном совпало.

А ночью налетела буря, и поутру в дупле муравьев не оказалось. Верно, и впрямь свою столицу в другое место перенесли.

Разузнал он о своих друзьях, помогавших ему в Нанькэ. Один умер от болезней в соседней деревушке, другой находился при смерти. Пораженный всем случившимся, Чуньюй отказался от женщин и вина, увлекся мудростью отшельников. А умер точно в тот год, в который была ему отцом встреча назначена.

Шэнь Цзицзи [VIII в.]

Волшебное изголовье (Записки о случившемся в изголовье)

Из прозы эпохи Тан (VII — X вв.)

В стародавние времена некий даосский монах, старец Люй, постигший тайну бессмертия, повстречался на постоялом дворе с юношей по имени Лу. Они разговорились, и юноша принялся жаловаться на свою злосчастную судьбу: он-де учился столько лет, а все прозябает без великого поприща. Тут его стал одолевать сон, и старец предложил ему свое изголовье из зеленого нефрита с отверстиями по бокам. Не успел юноша голову приклонить, как, озарившись светом, отверстия начали расширяться, и, войдя внутрь, юноша очутился возле собственного дома.

Вскоре он женился, стал день ото дня богатеть, а потом и в чиновничьей карьере преуспел. Сам император его выдвигал. Управляя областью Шэнь, Лу облагодетельствовал местных земледельцев оросительным каналом. Позднее он возвысился до губернатора столичного округа.

Тут в стране случилась военная смута. Однако и на поле брани Лу был удачлив и разбил врага. Император щедро наградил его чинами и титулами. Однако завистники не дремали. Государю донесли, что Лу замыслил измену, и высочайшим повелением его велено было заключить в темницу. Горько пожалел тогда Лу о своем юношеском стремлении на службу!

Не раз еще подстерегали его превратности карьеры, но всякий раз он снова возвышался, пока не одряхлел. Решился он уже сам просить государя об отставке, только тот отказал. Тут Лу и умер.

…И в тот же миг проснулся на волшебном изголовье юноша. Теперь он знал тщету своих мечтаний, и богатства, потерь и удач. Поблагодарил юноша старца и с поклоном удалился.

Юань Чжэнь [779–831]

Жизнеописание Ин-ин

Из прозы эпохи Тан (VII–X вв.)

Не так уж и давно жил студент по имени Чжан, юноша редких достоинств, с утонченной душой. Ему уже и тридцать три года сравнялось, а у него еще не было возлюбленной. Когда друзья дивились его скромности, он говорил в ответ, что просто не встретил покуда ту, которая ответит на его чувства.

Однажды в городе Пу он случайно повстречался со своей дальней родственницей. Оказалось, что та с сыном и дочерью бежала от солдатского бунта, случившегося в их краях, и укрылась в Пу. Чжан сумел через друзей сделать так, чтобы возле дома несчастных беглецов выставили охрану — его родственники боялись потерять свое добро. В благодарность тетушка устроила для Чжана прием, на котором представила своих детей.

Девушке только семнадцать весен минуло. Была она так необыкновенно хороша, добронравна, что и в скромной одежде, без пышной прически ранила сердце молодого человека. Долго думал Чжан, как открыть ей свои чувства, и решил довериться служанке Хун-нян, но та пришла в смущение и только что-то про сватовство лепетала.

А Чжан при мысли о том, как долго протянется сватовство, прямо-таки с ума сходил. Тогда по совету служанки он написал девушке стихи. Вскоре пришел ответ, который показался влюбленному приглашением на свидание. Ночью он прокрался в покой девушки, но встретил с ее стороны резкую отповедь.

Несколько дней он ходил как убитый. Но как-то ночью Ин-ин (таково было прозвание девушки) сама пришла к нему, и с той поры они предавались тайной любви. Ин-ин, хотя и была само совершенство, держалась скромно, редко молвила слово и даже на цитре стыдилась играть,

Пришло время Чжану ехать в столицу. Ин-ин не упрекала возлюбленного, только впервые взяла при нем цитру и сыграла скорбную мелодию, а потом разрыдалась и убежала.

На экзаменах в столице Чжан потерпел неудачу, но домой решил не возвращаться. Он написал возлюбленной письмо и получил ответ. Ин-ин писала о своей вечной любви и великом позоре. Она не надеялась на встречу и посылала Чжану в память о себе яшмовый браслет, ибо яшма тверда и чиста, а браслет не

имеет ни начала, ни конца;

бамбуковую ступку, хранившую следы ее слез, и моток спутанного шелка — знак ее смятенных чувств.

Письмо Ин-ин стало известно кое-кому из друзей Чжана. Они расспрашивали его о случившемся, и он объяснял, что женщины от века служили источником бедствий. У него, мол, не хватило бы добродетели, чтобы одолеть губительные чары, вот он и поборол свое чувство.

Ин-ин выдали замуж, женился и Чжан. Последний привет от нее был в стихах и заканчивался строками: «Любовь, что вы мне подарили, / Отдайте молодой жене».

Ли Фуянь [IX в.]

Гуляка и волшебник

Из прозы эпохи Тан (VII—X вв.)

Молодой повеса и мот, забросив дела семьи, в разгульных тратах не Знал удержу. Пустил все достояние по ветру, и никто из родни не захотел его приютить. Оголодавший, слонялся он по городу, жалуясь и стеная.

Вдруг перед ним возник неизвестный старец и предложил столько денег, сколько тому потребно на безбедную жизнь. Смущенный Ду Цзычунь (а так величали нашего повесу) назвал невеликую сумму, но старец настоял на трех миллионах. Их хватило на двухлетний разгул, а потом Ду опять пошел по миру.

И вновь перед ним предстал старец и снова дал денег — теперь уже десять миллионов. Все благие намерения изменить жизнь враз улетучились, соблазны одолели гуляку, и через два года денег как не бывало.

В третий раз беспутный повеса дал старцу страшную клятву не растратить деньги попусту и получил двадцать миллионов. Благодетель назначил ему встречу через год. Он и вправду остепенился, устроил семейные дела, одарил бедных родственников, обженил братьев, выдал замуж сестер. Так пролетел год.

Встретился Ду со старцем. Они вместе направились в чертоги, которые не могли принадлежать простым смертным. В огромном котле готовилась пилюля бессмертия. Старец, сбросив мирские одеяния, оказался в желтой одежде священнослужителя. Потом взял три пилюли из белого камня, растворил их в вине и дал выпить Ду Цзычуню. Усадил того на тигровую шкуру и предупредил, что, какие бы жуткие картины ни открылись его взору, он не смеет произнести ни слова, ибо все это будет только наваждение, морок.

Едва старец исчез, как на Цзычуня налетели сотни воинов с обнаженными клинками, которые под угрозой смерти требовали, чтобы тот назвал свое имя. Было страшно, но Цзычунь молчал.

Явились свирепые тигры, львы, гадюки и скорпионы, грозившие его сожрать, ужалить, но Цзычунь безмолвствовал. Затем хлынул ливень, грянул гром, засверкали молнии. Казалось, небо рухнет, но Цзычунь не дрогнул. Потом его окружили служители ада — демоны со злобными мордами, и принялись

пугать, водрузив перед Цзычунем кипящий котел. Тогда они взялись за его жену, которая молила мужа о пощаде. Ду Цзычунь безмолвствовал. Ее разрубили на куски. Молчание. Тогда убили и Цзычуня.

Его низвергли в преисподнюю и снова подвергли ужасающим пыткам. Но, помня слова даоса, Цзычунь и тут смолчал. Владыка преисподней повелел ему вновь родиться, но не мужчиной, а женщиной.

Цзычунь родился девочкой, выросшей в редкую красавицу. Но никто не слыхал от нее ни единого слова. Она вышла замуж и родила сына. Муж не верил, что жена его нема. Он задумал заставить ее заговорить. Но та молчала. Тогда в ярости он схватил ребенка и хватил его головой о камень. Позабыв о запрете, мать, не помня себя, закричала отчаянным криком.

Крик еще не замер, как Цзычунь сидел опять на тигровой шкуре, а перед ним стоял старец-даос. Он с грустью признал, что его подопечный сумел отрешиться от всего земного, кроме любви, а значит, ему не бывать бессмертным, а придется и дальше жить человеком.

Цзычунь вернулся к людям, но очень сожалел о нарушенной клятве. Однако старец-даос больше никогда ему не встретился.

Бо Синцзянь [? — 862]

Повесть о красавице Ли

Из прозы эпохи Тан (VII— X вв.)

В стародавние времена подрастал в семье знатного сановника сын, юноша необычайных дарований. Отец гордился им.

Пришла пора отправляться на государственные экзамены в столицу. Юноша въехал в Чанъань через ворота квартала увеселений и тотчас заприметил возле одного из домов красавицу. Похоже, и та отметила молодца. От людей наш герой узнал, что девица Ли жадна и коварна, но все-таки свел с ней знакомство. И она его прямо околдовала. Поселились они вместе. Юноша забросил друзей, занятия, знай по театральным представлениям да по пирушкам расхаживал. Сначала иссякли деньги. Потом пришлось продать лошадей, экипаж, а там и слугам черед пришел.

Красавица, видя, что возлюбленный обнищал, задумала коварный план. Заманила его в дом якобы своей тетки, а сама улизнула под предлогом внезапной болезни матери. Юноша искал ее, но безуспешно. Понял, что его попросту надули. От горя он стал чахнуть, и люди, видя, как близок он к смерти, свезли его в похоронное бюро.

Однако заботами служащих похоронного бюро несчастный постепенно пришел в себя и принялся помогать хозяину. Особенно преуспел он в пении погребальных плачей, стал известен в городе. Вскоре его даже соперничающая похоронная контора сманила, а когда между конкурентами устроили состязание, именно юноша своим пением принес победу новому хозяину.

На беду, отец, оказавшийся по делам в столице, узнал в исполнителе похоронных песнопений собственного сына и в гневе избил его плетьми до полусмерти. Товарищи пытались его выхаживать, но отчаялись: едва живой юноша бродил по городу, прося подаяние. Случайно набрел он на дом своей возлюбленной. Ужаснувшись содеянному, красавица принялась его выхаживать и преуспела. Тогда задумала она вновь приохотить юношу к наукам. Два года изо дня в день заставляла она его заниматься, прежде чем вернулись его былые знания. Еще год ушел на доведение их до блеска. Экзамены юноша сдал так, что слава о нем прогремела по всей стране. Но красавица Ли не успокоилась.

Она заставила возлюбленного трудиться еще усерднее. Наконец, на столичных экзаменах он оказался лучшим и получил высокий государственный пост.

Отправляясь вместе с красавицей Ли к новому месту службы, он повстречал собственного отца, который, восхищенный успехами сына, простил ему все прегрешения. Более того, узнав о том, какую роль сыграла в жизни юноши его возлюбленная, отец настоял на скорейшей их женитьбе. Красавица стала поистине образцовой супругой, а среди их потомков во множестве встречаем мы достойнейших ученых и государственных мужей.

Лэ Ши

Ян Гуйфэй

Новеллы X — XIII вв. Эпоха Сун

Девочка по имени Ян рано осиротела. Царствующий император Сюаньцзун почтилее своей благосклонностью, возвел в звание «гуйфэй» («драгоценной наложницы») и щедро одарил. Дождь милостей пролился и на все семейство Ян, сестра и братья приобрели небывалую 'власть.

Постепенно император перестал посещать прочих дворцовых наложниц. Дни и ночи он проводил с Ян Гуйфэй, ублажая ее представлениями искусных танцоров, музыкантов, жонглеров, фокусников, канатоходцев. Привязанность императора крепла, росло и влияние семьи Ян, с ними уже никто не мог соперничать, Подаркам не было числа.

Несколько раз император за разные провинности пытался отдалить от себя Ян Гуйфэй, но так тосковал без нее, что тотчас возвращал ее во дворец.

Безмятежно текли годы великой любви, пока один из императорских полководцев, Ань Лушань, не поднял мятеж. Тут-то и выяснилось, как ненавидел народ семейство Ян, сравнявшееся по могуществу И богатству с самим государем. В войсках зрело недовольство. Верные императору солдаты сначала расправились с министром из семьи Ян, убив заодно и его сына и прочих родичей. Потом от императора потребовали и жизни Ян Гуйфэй. Только когда бунтовщики увидали мертвое тело ненавистной наложницы, они утихомирились.

Остаток дней император безутешно тосковал по возлюбленной. Все во дворце напоминало о ней. По его велению даос-чародей отправился в загробный мир, где повстречался с Ян Гуйфэй. Он пообещал ей скорое свидание с императором. И в самом деле, вскоре государь скончался и в новой жизни навсегда соединился с драгоценной подругой.

Пятнадцать тысяч люнет

Новеллы X — XIII вв. Эпоха Сун

Еще в древности заметили люди, что жизнь полна превратностей и каждый поступок может повлечь самые

неожиданные последствия. Так, некий ученый, преуспевший на столичных экзаменах, сообщая об этом в письме к жене, необдуманно пошутил, что, мол, заскучал в одиночестве и взял наложницу. Жена пошутила в ответ: заскучала и вышла замуж. Их письма попали в чужие руки, все было понято всерьез, дошло до императора — и ученый лишился высокого поста. Вот вам и шутка! Но наша история о другом.

Некоему Лю не благоприятствовала судьба. С каждым днем дела его шли все хуже: он совсем обеднел. От первой жены, госпожи Ван, детей у него не было. Еще до того как совсем разориться, взял он в дом вторую жену. Все трое жили в любви и согласии и надеялись на лучшие времена.

Раз на дне рождения тестя, отца первой жены, заговорили о бедственном положении семьи. Тесть одолжил зятю пятнадцать связок монет, с тем чтобы тот открыл торговлю, а дочери велел оставаться в родительском доме, покуда у мужа дела не наладятся. Взял Лю деньги и отправился ко второй жене, которая дом сторожила.

По дороге завернул к знакомому посоветоваться, как лучше деньгами распорядиться, и выпил лишнего. Явился домой под хмельком, а на вопрос второй жены возьми да и брякни: мол, продал тебя одному человеку, вот и задаток получил. Сказал и уснул. А вторая жена решила отправиться к своим родителям, чтобы там покупателя поджидать. Но ночью одной идти боязно, вот она и переночевала у соседа-старика, а утром пустилась в путь.

Тем временем в дом спящего мужа забрел некий игрок, проигравшийся в прах. Он мечтал что-нибудь украсть, а тут такая груда денег. Но муж проснулся, хотел крик поднять, только вор схватил топор да и порешил несчастного.

Тело нашли. В убийстве заподозрили вторую жену, которую схватили по дороге к родителям. На беду, у ее случайного попутчика, который шелк продал, в котомке обнаружили ровным счетом пятнадцать связок монет. Судья не захотел вникнуть в дело, все свидетельствовало против подозреваемых. Их казнили.

Между тем первая жена год носила траур, а потом решила переселиться в отчий дом. По дороге она попала в лапы разбойников и, чтобы избежать расправы, согласилась стать женой их предводителя. Жили они счастливо, жена уговорила мужа бросить ужасное ремесло и заняться торговлей. Тот согласился. А однажды признался жене в душегубстве. Из его рассказа женщина поняла, что именно он убийца ее первого мужа. Поспешила она в город к судье и все ему открыла. Разбойника схватили. Он во всем сознался. Когда на лобном

месте голова его скатилась с плеч, вдова принесла ее в жертву своему первому мужу, его второй жене и ее безвинному попутчику.

Вот какие бедствия повлекла за собой случайная шутка!

Лю Фу [XI–XII вв.]

Из «Суждений о нравственном, у зеленых ворот»

Новеллы X — XIII вв. Эпоха Сун

Записки о Сяолянь

Один могущественный человек по прозванию Ли-ланчжун купил как-то по случаю девочку-рабыню тринадцати лет. Оказалось, что ни к музыке, ни к домашней работе она не склонна, так что решил он вернутьее прежней хозяйке. Девочка умолила не делать этого, обещала отблагодарить и со временем не только обучилась пению и танцам, но и сделалась необыкновенной красавицей.

Скоро меж ними возникла страстная любовь.

Как-то среди ночи красавица незаметно исчезла прямо из опочивальни. Ли разгневался, заподозрив тайное любовное свидание. Когда девица явилась утром, он набросился на нее с упреками. Пришлось сознаться, что она не из мира людей, но и не нечисть. В последний день каждой луны должна она представать перед посланцем бога земли. Ли не поверил и в следующий раз задержал деву. Та все равно улизнула, но, возвратившись, показала ему иссеченную спину — ее наказали за опоздание. С тех пор Ли больше не гневался.

Вскоре выяснилось, что дева — искусный лекарь и прорицатель. Когда Ли собрался однажды уехать на год по делам службы, она предсказала смерть его жены, раздоры с чиновниками и отставку. Он уговаривал ее ехать вместе, но та объяснила, что не имеет права отлучаться из здешних мест.

Все случилось, как предсказала красавица. Ли вернулся, и они зажили вместе. Раз Сяолянь поведала, что в прошлом рождении она осквернила себя гнусными наветами, лукавством, оговором, уморила хозяйку, соблазнила хозяина и была в наказание обречена превратиться в лису. Нынче она раскаялась и умоляет Ли после ее скорой смерти выйти за ворота, повстречать охотника на лис и купить у него ту, у которой длинный пурпурный волос в ушах. Эту лису нужно схоронить по людскому обряду.

Все случилось, как сказала Сяолянь. Но и Ли свое обещание исполнил. С той поры место, где захоронил он свою возлюбленную, зовется Лисья гора.

Ван Се — мореход

Некогда юноша по имени Ван Се из богатой семьи, промышлявшей морской торговлей, снарядил корабль и отплыл с товаром в дальние страны. Плыли уже с месяц, когда разыгрался жестокий шторм. Скоро корабль раскололся надвое. Спастись из всей команды удалось одному Ван Се.

Три дня носило его по морю, пока не прибило к земле. Вылез на берег, а навстречу старик со старухой, одетые во все черное. К удивлению Вана, они признали в нем хозяина и господина, расспросили о происшедшем, накормили, обогрели.

Через месяц его представили местному государю.

Прошло еще время, и Ван Се женился на красавице, дочери старика со старухой. Жили они дружно. От жены узнал, что страна здешняя зовется царством Черных одежд, но почему родители называют Ван Се хозяином, жена рассказывать ему не стала — мол, сам обо всем узнает.

Заметил Ван Се, что супруга его с каждым днем делается печальнее, скорую их разлуку предсказывает. И вправду — пришло государево повеление о возвращении гостя домой. На прощание безутешная жена подарила ему волшебное снадобье, способное оживлять мертвых, а государь прислал кошму из птичьего пуха.

Завернулся Ван Се в кошму. Велели ему смежить веки и до самого дома глаз не открывать, чтобы в морскую пучину не рухнуть. Потом окропили водой из местного озера, и только посвист ветра да грохот водяных валов долетали до слуха Ван Се.

Потом все стихло. Он был дома.

Глянул, а на стрехе две ласточки печально посвистывают. Тут-то и понял, что жил в стране ласточек. Домашние подступили с расспросами. Он все им поведал. Заметил, что нигде не видно любимого сына. Оказалось, с полмесяца, как умер. Тогда приказал Ван Се открыть гроб, приложил волшебную пилюлю — дар жены-ласточки. Мальчик враз ожил.

Настала осень. Собрались ласточки улетать. Привязал Ван Се к хвосту одной из них письмо, а весной получил тем же путем ответ. Но больше ласточки никогда не прилетали.

История эта сделалась известна. Даже место, где жил Ван Се, назвали переулком Ласточек.

Чжан Хао — (Под цветами вступает в брак с девицей Ли)

Чжан Хао происходил из семьи богатой и знатной, да и сам

был учености необычайной. Завидный жених! Только он о свадьбе и не помышлял. Устроил у себя в усадьбе дивный сад, встречался с друзьями.

Раз по весне увидал необыкновенную красавицу. Оказалась барышней из усадьбы соседей, семейства Ли. Они разговорились. Скоро почувствовали взаимную склонность. Но на тайную встречу девица не соглашалась — только на свадьбу. Попросила она у юноши что-нибудь на память. Получила стихи, собственноручно им тут же начертанные, воспевавшие их встречу.

Сваха затеяла переговоры, но дело не ладилось. Минул год. Влюбленные истомились друг без друга. Случилось так, что семья Ли собралась уезжать. Барышня сказалась больной, осталась дома, а ночью влюбленные тайно встретились в саду.

Через несколько месяцев отец девушки внезапно получил новое назначение по службе в дальние края. Красавица просила возлюбленного дождаться ее возвращения. Два года не было вестей. А тут вернулся дядя Чжан Хао, который, как узнал, что племянник до сих пор не женат, тотчас затеял свадебный сговор с девицей из знатного рода Сунь. Чжан Хао не смел противоречить.

Нежданно-негаданно возвратилось семейство Ли. Узнала барышня про помолвку суженого и в сердцах упрекнула отца и мать за их прошлую несговорчивость. А вскоре исчезла. Искали повсюду, а нашли на дне колодца. Еле выходили. И сразу заслали к Чжан Хао сваху, но тот уже словом связан.

Пошла тогда барышня в управу и обо всем рассказала. Начали разбираться — похоже, с девицей Ли раньше себя словом связал. А она и стихи его собственноручные предъявила. Так что постановили помолвку с Сунь расторгнуть, а на барышне Ли жениться.

Счастливо прожили они до ста лет и двух талантливых сыновей родили.

Цинь Чунь [XI–XII вв.]

Записки о Теплом источнике

Новеллы X—XIII вв. Эпоха Сун

Случилось однажды некоему Чжан Юю проезжать мимо горы Лишань. Припомнил он историю о государе Сюаньцзуне, красавице Ян Тайчжэнь и полководце Ань Лушане. Сами собой сложились у него стихи,

Заночевал на подворье. Как-то смутно было на сердце. Едва задремал, у постели возникли два посланца в желтом. Явились они по его душу. Один вынул серебряный крюк и пронзил грудь спящего. Чжан Юй не почувствовал боли. Мгновение — и Чжан Юй разделился: один бездыханный лежал на постели, другой следовал за гонцами.

На настойчивые расспросы Чжан Юя ему отвечали, что он приглашен к первой даме земли бессмертных на острове Пэнлай — Ян Тайчжэнь и что причина — в его стихах, написанных при созерцании горы Лишань.

Дворец, куда они прибыли, был поистине прекрасен. Но еще прекрасней оказалась сама дева. Они вместе совершили омовение в Теплом источнике, а потом принялись пировать и беседовать. Чжан расспрашивал деву о стародавних временах, о государе Сюаньцзуне, полководце Ань Лушане. Оказалось, что государь стал небесным праведником и в образе праведного даоса живет ныне на земле.

Чжан Юй не мог от девы глаз отвести, от вина страсть его разгорелась. Но сколько он ни пытался приблизиться к небесной деве, ничего не выходило — словно тысячи веревок его на месте удерживали. Как говорится, не судьба! Красавица, чувствуя его огорчение, пообещала ему новую встречу через два века. В знак расположения преподнесла коробочку со ста благовониями.

Отрок-слуга вывел гостя из дворца. Едва миновали ворота, он с такой силой толкнул Чжан Юя, что тот грохнулся оземь — и словно пробудился. Все происшедшее казалось сном. Но рядом лежала коробочка с благовониями. Аромат был божественный.

На другой день на почтовой станции Теплый источник Чжан Юй на стене начертал стихи о своем необыкновенном путешествии. Через время в пустынном поле мальчик-пастух вручил ему письмо от божественной девы. Прочитал — и еще пуще опечалился. Такая вот история.

История про Тань Гэ (в которой описываются ее дарования и красота)

В восемь лет Тань Гэ осиротела. Взялся воспитывать ее Чжан Вэнь, ремесленник. Пожалел сироту. Красота девочки восхитила управительницу веселого заведения певичку Дин Ваньцин. Стала он ремесленника обхаживать, сулить деньги. Дары засылала. Тот и уступил.

В слезах переселилась Тань Гэ в веселый дом. Но Дин Ваньцин ласкойее опутала, так что страхи отступили. Девочка была не только красива, но и умна и талантлива необычайно. Умела к месту стихи сказать, остроумно строфу продолжить. Поглядеть на нее со всей округи съезжались.

Как-то даже наместник удостоил Тань Гэ совместной прогулки. Сочиняли стихи. Девушка покорила князя. Принялся расспрашивать, она все о себе рассказала, а потом осмелилась с просьбой обратиться, чтобы наместник повелел ее из сословия певичек вычеркнуть — очень ей хотелось замуж выйти. Наместник великодушно согласился.

Тогда Тань Гэ стала подыскивать себе мужа. Приглянулся ей Чжан Чжэн из чайного ведомства. Зажили они вместе. Через два года получил Чжан новое назначение по службе. Расставаясь, клялся подруге в верности. А она меж тем была на сносях.

После отъезда любимого жила Тань Гэ затворницей. Даже соседи виделиее редко. Написала Чжану о своей тоске. Тот не возвращается. Еще год минул — снова написала. Уже и сын подрос.

Чжан читал письма и печалился. Но не мог пойти против воли старших родственников. Еще через год они сговорили ему некую девицу Сунь. Вскоре и свадьбу сыграли. Чжан горевал, лил слезы, но написать Тань Гэ так с духом и не собрался. А она, узнав о его женитьбе, еще одно письмо написала: что мальчик растет, что трудится она не покладая рук, что любит его по-прежнему, но смиряется перед судьбой.

Три года миновало. Жена Чжана занедужила и умерла. Тут случился гость, ездивший по делам на юг. Спросил его Чжан о Тань Гэ, и тот принялся превозносить ее до небес, а некоего Чжана честить, как коварного соблазнителя. устыдился Чжан, признался во всем гостю, пытался оправдываться. Потом решил отправиться в тот город. Приехал, а Тань Гэ перед его носом дверь захлопнула. Начал Чжан каяться, про смерть жены рассказал да про свою вечную любовь. Смягчилась Тань Гэ. Только одно условие поставила: заслать сваху и свадьбу устроить. Чжан все исполнил. В столицу вернулись вместе, а через год у них

и второй сын родился. До конца дней прожили в согласии. Случается же такое!

Гуань Ханьцин [ок. 1230 — ок. 1300]

Обида Доу Э

(Тронувшая Небо и Землю обида Доу Э)
Китайская классическая драма Эпоха Юань (XIII—XIV вв.)

Студент Доу Тяньчжан, с детских лет посвятивший себя учению, одолевший множество книг, тем не менее не добился ни чинов, ни славы. Уже четыре года, как умерла его жена и у него на руках осталась малолетняя дочь. А тут и нищета подступила. Пришлось занять у вдовы ростовщика тетушки Цай двадцать лянов серебра. Теперь нужно возвращать сорок. Денег нет, но тетушка принялась сватов засылать, хочет обженить своего сына. Согласится студент — простит ему долг. К тому же ему срок пришел ехать в столицу сдавать государственные экзамены на чиновничью должность. Приходится отдать горюющую дочь в дом к тетушке Цай.

Минуло тринадцать лет. За эти годы дочь студента, которую теперь зовут Доу Э, успела выйти замуж и овдоветь. Теперь она живет со свекровью. Раз, когда тетушка Цай отправилась собирать долги, один из должников, лекарь Сайлу, заманил ее в заброшенную деревню и попытался задушить. Внезапно появляются старый Чжан и его сын по прозванию Чжан-Осленок. Застигнутый на месте преступления, лекарь убегает. Спасители, узнав, что спасли вдову, живущую с овдовевшей невесткой, предлагают себя в мужья. В противном случае угрожают довести до конца смертоубийство. Тетушка принуждена согласиться, но Доу Э решительно отказывается. Осленок в ярости. Он обещает вскорости настоять на своем.

Лекарь Сайлу раскаивается в содеянном, но боится нового появления кредиторши. Тут появляется Осленок и требует продать ему яду, которым он задумал отравить тетушку Цай, полагая, что тогда Доу Э сделается сговорчивее. Лекарь отказывается, но злоумышленник угрожает отвести его к судье и обвинить в попытке убийства. Напуганный Сайлу продает отраву и поспешно покидает город.

Между тем тетушка занемогла. По ее просьбе Доу Э готовит для больной суп из бараньих кишок. Осленок украдкой всыпает в суп ядовитое снадобье. Неожиданно тетушка отказывается от еды, и суп достается старому крестьянину, отцу Осленка. Старик умирает. Осленок решительно обвиняет в убийстве Доу Э. По его

словам, только выйдя за него замуж, она может избегнуть наказания. Доу Э отказывается.

Дело рассматривает сам правитель области Тао У. Он известен своим лихоимством. По его приказу, несмотря на правдивый рассказ Доу Э, ее бьют палками, но она и тогда не возводит на себя напраслину. Тогда собираются высечь старуху Цай. И тут Доу Э берет вину на себя. Теперь судьба ее решена: отравительницу обезглавят на рыночной площади.

По дороге на казнь Доу Э умоляет палача вести ее по задворкам, чтобы попусту не волновать свекровь. Но встречи избежать не удается. Перед смертью Доу Э рассказывает старухе, как все было на самом деле. Во время казни, подтверждая слова несчастной о ее невиновности, в летнюю пору идет снег, кровь не проливается на землю, а в округе на три года устанавливается засуха.

Через некоторое время в округ приезжает важный чиновник, в обязанности которого входит опрос узников, проверка судебных дел, поиск казнокрадов и взяточников. Это Доу Тяньчжан, отец казненной. Первое же проверяемое им дело оказывается делом Доу Э, но чиновник полагает, что речь идет об однофамилице. Однако во сне ему является дух его дочери, и отец узнает об обстоятельствах безвинной смерти собственного ребенка. Впрочем, даже правдивый рассказ не сразу убеждает Доу Тяньчжана в том, что совершена несправедливость: как неподкупный чиновник, он хочет даже в деле дочери сохранить беспристрастность. Он требует призвать лекаря Сайлу, Чжана-Осленка и старуху Цай. Лекаря нигде не могут сыскать.

Осленок все отрицает. Дух Доу Э бросает ему в лицо обвинение в убийстве отца, но тот настаивает на свидетельстве лекаря, надеясь, что того никогда не найдут. Но лекаря приводят, и он подтверждает вину Осленка. Его поддерживает и старуха Цай. Преступника приговаривают к ужасной казни: прибивают к «деревянному ослу», а потом разрубают на сто двадцать кусков. Наказан и бывший правитель Тао У, и его подручный. Доу Э полностью обелена.

Ма Чжиюань [? — ум. между 1321–1324]

Осень в Ханьском дворце

(Крик одинокого гуся отгоняет сны осенней порою в Ханьском дворце)

Китайская классическая драма Эпоха Юань (XIII–XIV вв.)

Предводитель северных кочевников привел к Великой стене сто тысяч воинов, чтобы назвать себя данником китайского государя, к которому отправил посла с богатыми подарками. Посол должен также просить в жены кочевому владыке китайскую принцессу.

Тем временем хитрый и коварный сановник Мао Яньшоу втерся в доверие к престарелому императору. Тот верит его льстивым речам и прислушивается к советам. Все боятся Мао. Он же, страшась стороннего влияния на владыку, старается, отдалив от него ученых мужей, окружить его красавицами. Поэтому рекомендует собрать во дворце прекраснейших девушек империи. Император радостно соглашается. Он поручает Мао Яньшоу объехать всю страну и присмотреть самых достойных, а чтобы повелитель мог оценить выбор своего посланца, с каждой девушки надлежит писать портрет и препровождать во дворец.

Выполняя поручение, сановник беззастенчиво обирает семьи претенденток, требуя себе щедрых подношений. Все боятся государева посла. Никто не смеет ему отказать. В одном из уездов Мао Яньшоу находит редкостную красавицу по имени Ван Чжаоцзюнь. Она родом из крестьянской семьи, но прекраснее ее нет никого в целом свете. Сановник требует у бедной семьи Ван золота. Тогда дочь будет первенствовать при дворе. Но красавица настолько уверена в своей неотразимости, что отвергает домогательства. В отместку Мао изображает ее на портрете кривоглазой: таких отсылают в самые отдаленные дворцовые покои. Так все и произошло. Император не удостоил Чжаоцзюнь аудиенции. Она тоскует в одиночестве.

Император задумывает обойти свой дворец и поглядеть на девушек, которых до сих пор он не успел удостоить своим вниманием. Слышит: кто-то мастерски играет на лютне. Посылает привести лютнистку. Ван Чжаоцзюнь предстает перед государем. Он ошеломлен ее красотой, интересуется ее происхождением и сожалеет, что до сих пор не встречался с ней. Чжаоцзюнь рассказывает о коварстве Мао Яньшоу, повинного в ее заточении.

Разгневанный повелитель приказывает схватить негодяя и отрубить ему голову. Влюбленный государь жалует красавице имя Минфэй — «любимой наложницы».

В это же время предводитель кочевников узнает, что император отказался пожаловать ему в жены принцессу, мол, она еще слишком юна. Он страшно обижен, ведь всем известно, сколько красавиц окружают государя. Тут-то перед обиженным кочевником появляется бежавший от императорского гнева Мао Яньшоу. Он рассказывает о поразительной красоте Ван Чжаоцзюнь и показывает портрет — на этот раз он изобразил девушку без всяких искажений, и от ее красоты у предводителя захватывает дух. Коварный предатель советует именно ее просить в жены, а в случае отказа двинуть войско кочевников в китайские земли.

Государь совершенно потерял разум от любви. Он оставил дела, дни и ночи проводит в покоях Минфэй. Но министр не может не доложить ему о прибытии посла с требованием отдать Ван Чжаоцзюнь в жены кочевому вождю. Министр предупреждает, что огромное войско готово к нападению, а защититься от него нет возможности: солдаты обучены плохо, нет храбрых генералов, готовых вступить в бой. Требуется спасти страну от вражеского нашествия. Император мечтает получить от своих чиновников совет, как, не выдавая возлюбленную, сохранить мир. Но никто не может ему помочь.

Ван Чжаоцзюнь готова предотвратить войну ценою собственной жизни. Она уговаривает государя поставить интересы государства выше их взаимной любви. Императору приходится согласиться, но он решает сам проводить Минфэй до моста Балинцяо и выпить с ней прощальную чашу вина. Государь и Минфэй со скорбью глядят друг на друга. Наконец они расстаются навсегда.

На границе предводитель кочевников радостно встречает Ван Чжаоцзюнь. Он горд, что китайский император не осмелился пренебречь союзом с ним. Красавица просит разрешения в последний раз поглядеть в южные дали и выпить чашу вина. Она пьет вино и бросается в воды пограничной реки. Никто не успевает прийти ей на помощь. На местеее погребения воздвигается Зеленый холм — на нем вечно зеленеет трава. Предводитель кочевников во всем обвиняет негодяя Мао Яньшоу. Он повелевает схватить его и отвезти к императору на правый суд.

Уже сто дней император не дает аудиенций. Вот и теперь, осенней порой, он грустит одиноко во дворце. Едва задремал — во сне является Чжаоцзюнь, но сюнну опять уводят ее.

Прощальные крики пролетающих гусей рождают еще большую печаль, и еще томительнее воспоминания о коротком счастье. Сановник докладывает, что доставлен изменник Мао Яньшоу. Государь приказывает отрубить ему голову. Тут же устраивается поминальное моление о Минфэй.

Чжэн Тинъюй [? — ок. 1330]

Знак «терпение»

(Монах с мешком пишет знак «терпение»)
Китайская классическая драма Эпоха Юань (XIII–XIV вв.)

Во время проповеди Будды один из святых архатов предался суетным мечтаниям. За это полагались адские муки, но Будда милосердно отправил провинившегося на землю, чтобы тот возродился в человеческом облике. Теперь его зовут Лю Цзюньцзо, он нестоек в вере, может отклониться от праведного пути. Дабы наставить его, послан будда Милэ в образе Монаха с мешком. Кроме того, еще один вероучитель в облике человека по имени Лю Девятый отправлен для того, чтобы побудить Лю Цзюньцзо уйти в монастырь, воспринять учение Большой колесницы, отрешиться от вина, похоти, жадности и гнева. Тогда исполнится срок его искуса.

Лю Цзюньцзо — самый богатый человек в городе, но отличается неимоверной скупостью. В холодный снежный день у ворот его дома замерзает голодный бедняк. Обычно не жалостливый богач, к собственному удивлению, проникается жалостью к несчастному, приглашает его в дом, обогревает и расспрашивает. Обнаруживается, что незнакомец тоже носит фамилию Аю и тоже родом из Лояна. Лю Цзюньцзо предлагает бедняку побрататься и доверяет управление своей закладной лавкой.

Проходит полгода. Принятый в семью богача младшим братом Лю Цзюньцзо исправно заменяет хозяина в закладной лавке: ссужает деньгами, собирает долги. В день рождения благодетеля он решает пригласить его на пир, но, зная скупость названого братца, уверяет, что все угощение и вино приподнесены родными, друзьями и соседями. На даровое празднество Лю Цзюньцзо с радостью соглашается.

В это время появляется Монах с мешком. Он пытается убедить Лю Цзюньцзо в собственной святости, но тот не верит. Тогда Монах рисует ему на ладони иероглиф «терпение». Это одна из заповедей буддизма, отвращающая от мирских помыслов. Однако терпение не входит в число добродетелей Лю. Когда святой вероучитель в облике попрошайки Лю Девятого просит у него денег, он бьет его, и тот умирает. Богач в ужасе, что сделался убийцей. Младший брат обещает взять вину на себя. Тут

возвращается Монах. Он обещает вернуть убитого к жизни, если Лю Цзюньцзо, не сохранивший предписанного ему терпения, пойдет монастырь.

Лю соглашается, но потом просит разрешения жить монахом в хижине в саду за своим домом — ему жаль покидать жену и детишек. Все домашние дела он перепоручает побратиму. Сам он трижды в день ест постное и читает молитвы. Однажды от собственного ребенка он узнает, что в его отсутствие жена что ни день пьет вино и милуется с названым братом. Затворника охватывает гнев. Он решает отомстить, тайком проникает в дом, но вместо ожидаемого любовника обнаруживает за пологом Монаха с мешком. Монах велит Лю терпеть и требует, чтобы тот шел с ним в монастырь, поскольку не сумел жить дома монахом.

В монастыре он слушает наставления, но думы его постоянно возвращаются домой: он скучает без жены и детей, беспокоится об оставленном богатстве. Настоятель — бедный инок Динхуай — внушает, что терпение превыше всего. Необходимо очистить сердце, избавиться от желания и молиться. Но его проповедь не доходит до послушника. К Цзюньцзо по воле наставника приходят его жена и дети. На каждом из них он видит знак «терпение». Потом замечает монаха с двумя женщинами и двумя детьми. Настоятель уверяет, что это первая и вторая жены учителя.

Лю Цзюньцзо в гневе покидает монастырь. Он считает, что его обманули: говорили о святости, а сами преспокойно живут с женами.

Он отправляется домой, а дорогой заворачивает на кладбище навестить могилы предков. Кладбище выглядит непривычно разросшимся. Из разговора со стариком, которого он встречает возле родовых могил, выясняется, что Лю отсутствовал не три месяца, а сто лет. Старик — его внук. Сам Лю вовсе не постарел, и это заслуга Будды. Тут появляется монах, от которого Цзюньцзо узнает, что в предыдущем рождении был архатом со святых небес, за прегрешения низвергнутым на землю. Вся его родня — тоже святые. Монах признается, что тоже не простой монах, а будда Милэ. С молитвенным возгласом на устах Лю падает перед ним ниц.

Неизвестный автор

Убить собаку, чтобы образумить мужа

(Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа)
Китайская классическая драма Эпоха Юань (XIII—XIV вв.)

На день рождения купца Сунь Жуна должны прийти только два его задушевных друга, два прохвоста — Лю Лунцин и Ху Цзычжуань. Жена, накрывшая праздничный стол, с горечью упрекает мужа в том, что не приглашен младший брат, Сунь Чуньэр. Его по наветам двух пройдох отлучили от дома, живет он в заброшенной гончарне.

У Суня-младшего нет денег на подарок. Но не поздравить старшего брата он не может, и приходится идти с пустыми руками. За это тот сначала встречает его попреками, а потом и избивает.

Назавтра праздник — день поминовения. Семейство Сунь собирается навестить родовое кладбище. За компанию Сунь Жун приглашает и дружков-шалопаев. Не дождавшись младшего брата, он совершает жертвенный обряд. Его жена очень недовольна, что муж нарушает традиции, предпочитает чужаков близкой родне, Когда младший Сунь приходит, старший опять начинает его ругать почем зря. Дружки знай науськивают его. И снова он поколачивает брата.

Сунь Жун продолжает выпивать с двумя прохвостами. Он уже изрядно пьян. Дружки нашептывают, что младший, ему на погибель, совершает колдовской обряд. Сунь Жун разражается грубой бранью, и собутыльники уводят его с кладбища домой.

На следующий день троица продолжает попойку, но уже в харчевне. Сунь напивается допьяна, его выволакивают на улицу, где он валится на землю и засыпает. Начинается пурга. Шалопаи боятся ночной стражи, да и вообще не хотят возиться с пьяным. Они решают бросить его на морозе, перед уходом обыскивают и забирают бывшие при нем пять слитков серебра.

В это время по ночной улице возвращается в свою гончарню младший Сунь, который пытался заработать несколько монет перепиской бумаг. Он натыкается на спящего брата. Сразу понимает, что тот выпивал с дружками, которые попросту бросили его. Взваливает старшего на спину и относит домой. Расположенная к нему жена брата кормит его и обещает защитить от нападок мужа. Сунь Жун приходит в себя, обнаруживает

пропажу денег и тотчас принимается обвинять Суня-младшего, а потом выгоняет из дому, заставив стоять во дворе на коленях. Брат едва не замерзает.

Назавтра дружки-проходимцы как ни в чем не бывало являются в дом Суня. Они уверяют, что довели захмелевшего покровителя до самого дома и только тогда передоверили заботам младшего брата, которому только и оставалось, что внести его в дом и уложить в постель. Сунь Жун верит им безоговорочно.

Его жена, Ян Мэйсян, тщетно пытавшаяся вывести двух проходимцев на чистую воду, задумывает хитроумный план. Она покупает у соседки собаку, убивает ее, потом натягивает на нее одежду, нахлобучивает шляпу и бросает у задних ворот. Тем временем троица, снова как следует напившись, возвращается домой. У ворот Сунь прощается с дружками. Те уходят. Главные ворота оказываются заперты, а у задних он натыкается на труп. Спьяну решив, что это убитый, он бросается к жене за советом. Если тайно не захоронить тело, соседи непременно донесут в управу, а там пытать начнут…

Жена подсказывает обратиться за помощью к верным дружкам. Как она и предполагает, те, узнав, в чем дело, в страхе запираются по домам. Зато Сунь-младший соглашается, хотя после всех оскорблений и побоев мог бы и отказаться. Он уносит труп, удивляясь, почему от покойника так несет псиной. Сунь Жун покорён благородством брата.

Суню-младшему поручают приглядывать за закладной лавкой. Дружки-негодяи, понявшие, что дружба теперь врозь и больше вина на дармовщину не попьешь, шантажируют Сунь Жуна, обвиняя его в убийстве и требуя денег за молчание. Тот готов уступить мерзавцам, но младший отговаривает его. Он принимает вину на себя, готов и перед судом оправдаться от облыжного обвинения. Однако судья охотно верит клеветникам. Жене приходится отрыть и предъявить суду убитую собаку. Негодяи обличены. Их приговаривают к девяноста ударам палками каждого. Сунь Жун, благодаря добродетелям жены, избегает наказания за притеснение младшего брата, который теперь назначен уездным чиновником.

Фэн Мэнлун

Путь к Заоблачным Вратам

(Повесть о том, как праведник Ли отправился к Заоблачным Вратам)

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

В стародавние времена некоему Ли Цину, главе обширнейшего семейства, богачу и владельцу нескольких красилен, должно было сравняться семьдесят лет. Чада и домочадцы готовили ему подарки, но старик попросил, чтобы каждый подарил ему отрезок прочной веревки. Никто не знал, что задумал старик, но в назначенный день перед домом выросла гора веревок. Оказалось, Ли Цин собрался спуститься в специальной корзине в пропасть горы Заоблачных Врат, дабы попасть к небожителям. Из веревок сплели канат, соорудили ворот, и старик под причитания родни погрузился в бездну.

Поскольку он исчез без следа, все решили, что он умер. Между тем Ли Цин после долгих мук достиг дворца владыки бессмертных. Поначалу его не хотели оставлять во дворце, но потом смилостивились. Впрочем, ему самому иногда хотелось вернуться на землю, чтобы рассказать родичам об увиденном,

Однажды, когда в стране небожителей было празднество, Ли Цин нарушил наказ — поглядел в запретное окошко и увидал родной город: все его достояние пребывало в полном небрежении, хотя отсутствовал он всего несколько дней. В наказание владыка, бессмертных повелел ему отправляться домой, а с собой дал ему книгу и сообщил таинственное заклятие: «Взирая на камни, иди. Вещей дщице внемли. Подле злата живи. Явится Пэй — уходи!»

На возвратном пути он заблудился и нашел дорогу только благодаря первой строке заклятия. Родного города он не узнал. Да и лица прохожих были ему незнакомы. Понял, что за время его отсутствия миновали десятилетия. Выяснилось, что вся его родня погибла в войнах. Об этом поведал ему слепой сказитель с вещей дощечкой — точно как обещало заклятие. Так что остался он на земле один, как перст, да еще без гроша.

Заглянул в книгу владыки бессмертных, оказалось, это лечебник. Понял Ли Цин, что суждено ему стать лекарем. А поселиться он решил возле лекарственной лавки некоего Цзиня — ведь в заклятии говорилось: «Подле злата живи», а имя «Цзинь» как раз и значило «золото».

Очень скоро Ли-врачеватель стал известен на всю округу. Лечил он детишек, да так, что и на больного глядеть ему не требовалось: отмеривал мерку снадобья — и болезни как не бывало.

Шли годы. Ли Цину исполнилось сто сорок лет. Тут задумал император призвать ко двору всех бессмертных своей страны. Приближенные к трону даосы-небожители сообщили государю, что таковых нынче осталось трое. За каждым снарядили специального гонца. К Ли Цину отправился сановник по имени Пэй Пинь. Познав об этом, вспомнил старец четвертую строку заклятия: «Явится Пэй — уходи» — и решил исчезнуть. Вот что это значило. Собрал он учеников и сообщил, что приближается его смертный час и необходимо, когда дыхание остановится, положить тело в гроб и заколотить крышку. Пожалел он только, что отсутствует его сосед Цзинь, с которым они вот уже семьдесят лет знакомы.

Ученики исполнили все, как велел наставник. А тут как раз и сановник Пэй Пинь прибыл и очень огорчился, узнав о смерти Ли Цина. Правда, раз он умер, значит, никакой это не бессмертный. Все-таки повелел собрать сведения о жизни Ли Цина, но знали о нем мало: ведь сверстников у него совсем не осталось. Разве старик Цзинь мог кое-что рассказать. Вскоре он и сам появился и был весьма удивлен сообщению о смерти соседа. Оказалось, они вчера у южных ворот встретились и тот отправлялся на гору Заоблачных Врат. Да еще письмо и предмет какой-то велел сановнику Пэю передать.

Слушатели надивиться не могли. А Цзинь передал Пэю письмо для государя и яшмовый жезл в подарок. Тут-то и порешил, что нужно вскрыть гроб и дознаться истины. Поспешили в лавку лекаря, подняли крышку, а там только пара туфель да бамбуковый посох и синий дымок клубится. Вдруг — о чудо! — гроб взмыл вверх и исчез в вышине.

На следующий год по стране прокатилась эпидемия язвы. Только город Ли Цина она обошла стороной, видно, еще сохранилась сила его врачевания. А жители города до сегодняшнего дня поклоняются духам на горе Заоблачных Врат.

Мошенник Чжао и его дружки

(Сун Четвертый устроил большие неприятности Чжану по прозвищу Жадная Утроба)

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

В древности известен был несметным богатством некий Ши

Чун. Досталось оно ему по случаю: он помог старому речному дракону победить молодого. За это и получил в награду несметные сокровища. Только он зря ими похвалялся. Позавидовал ему государев родственник да еще и жену его возжелал. По навету завистника богача обезглавили, а жена его, дабы не достаться злодею, бросилась с высокой башни.

А наша история о другом богаче, который старался жить скромно, но все равно кончил плохо. Фамилия его была Чжан, но за невиданную скупость прозвали его Жадная Утроба. Как-то его приказчики подали нищему пару медяков. Так хозяин бросился следом и отобрал подаяние. Некий вор по имени Сун Четвертый задумал наказать жадину и ночью ограбил Чжана. Ни злые псы, ни стражники, ни хитрые запоры и ловушки — ничто его не остановило. Да еще и подпись свою на стене сокровищницы оставил. Бросились сыщики за ним в погоню, только он их перехитрил: больно ловко менял он обличья.

На постоялом дворе повстречал он своего ученика-вора Чжао Чжэна. Тот собирался на промысел в столицу и в доказательство мастерства ухитрился стащить узел с добычей прямо из-под головы учителя. Сун разгневался, но пройдоха сумел повторить свой трюк и вторично ограбил учителя. Пришлось Суну признать ловкость ученика и даже снабдить его рекомендательным письмом к столичному знакомцу. Вот только советовал он не приветить ученичка, а извести его поскорей.

Хитрый Чжао Чжэн прочитал украдкой письмо, но не отступил. Семейство знакомых Суна промышляло торговлей пирожками с человечиной. Смертоубийство было им не в диковину. Только Чжао вместо себя ухитрился их собственного ребенка в постель подложить. Его-то папаша и зарубил собственноручно. Бросился он в погоню за Чжао, и завязалась между ними драка. За тем и застал их Сун Четвертый.

Порешили они вместе промышлять да еще привлечь к делу некоего Ван Сю, прозванного Хворым Котом. Втроем ограбили они дом князя Цяня, унеся самую большую драгоценность — пояс из белого нефрита. На поиски пропажи отрядили сыщика Ма Ханя. Но дерзкий Чжао Чжэн не только сыщика облапошил, но исхитрился передать бумагу с насмешливыми стихами в собственные руки правителя области, да еще и подвески с его пояса срезал.

И еще одну штуку решили мошенники учудить. Нефритовый пояс, украденный у князя, всучили ничего не подозревавшему Чжану — Жадной Утробе, будто бы в залог. Тот при виде драгоценности легко на удочку попался. А князю дали знать, где искать пропажу. Жадину схватили и жестоко пытали. Он

пообещал в три дня указать того, кто ему пояс принес.

Тут воры сообщили Чжану, что его собственные ценности можно отыскать в домах сыщиков Ма и Ван Цзуня. Туда отправились с обыском и нашли награбленное. Сыщиков бросили в темницу и пытали, но это ни к чему не привело.

Поскольку пояс так и не отыскался, разгневанный правитель велел Жадной Утробе возместить князю убытки. Тот не вынес ужасной траты и удавился. Сыщики скоро умерли в узилище. А мошенникам все сошло с рук. Правда, так продолжалось, пока правителем области не назначили Бао по прозванию Драконова Печать. Но об этом мы расскажем в другом месте.

Бунт Ван Синьчжи

(О том, как Ван Синьчжи смертью своей спас всю семью)
Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

Во времена династии Южная Сун многие удостаивались государевых милостей. Но случалось не раз, что достойные мужи так и не встретились со счастливой судьбой.

Богач Ван Шичжун попал под суд за смертоубийство, но как-то выкрутился. Был у него младший брат Ван Синьчжи. Однажды старший брат позволил себе злую шутку, младший разобиделся и покинул дом без гроша в кармане. Поселился он в местечке Мадипо — Конопляный склон, основал плавильное дело и так преуспел, что вскорости подмял под себя всю округу. Даже чиновники его побаивались.

Как раз в это время два брата — Чэн-Барс и Чэн-Тигр потеряли службу и искали, где бы применить свое знание боевых искусств. Обратились за помощью к наставнику Хун Гуну. Тот и посоветовал им поступить к Ван Синьчжи и даже письмом рекомендательным снабдил.

Несколько месяцев братья обучали ратному делу сына Ван Синьчжи, Ван Шисюня, а когда вознамерились покинуть поместье Ванов, хозяин, собиравшийся в столицу, попросил их еще задержаться, открыть молодому человеку секреты воинского мастерства. Еще год миновал, и братья твердо решили уезжать. Но хозяин до сих пор не вернулся, а сын едва наскреб братьям на дорожные расходы, обещая остальную плату за учебу внести после отцова возвращения.

Братья затаили обиду. Сын ничего не заметил и вручил письмо, некогда написанное отцом в ответ на послание наставника Хун Гуна, да так и не отправленное.

Хун Гун тоже не смог их достойно встретить. Жена его была

сварлива и скаредна. Обида братьев еще усилилась. Задумали они оговорить Ван Синьчжи, обвинив его в мятежном умысле. Так и сделали, да еще на письмо Вана сослались в доказательство: мол, обещает Хун Гуну все исполнить, как договорились. Власти задумали проверить донос, но некто Хэ Нэн испугался и, не доехав до поместья Вана, вернулся и подтвердил факт мятежных приготовлений.

Узнав о наветах, Ван Синьчжи понял, что ему не оправдаться перед властями. Он задумал с отрядом храбрецов захватить чиновника Хэ Нэна и заставить его признаться в обмане. Но план его не удался, зато теперь он воистину сделался бунтовщиком. Пришлось скрываться в речных и озерных плавнях. Но сыну и верному слуге повелел он идти с повинной. Вскоре и сам он сдался властям, представив свидетельства того, что был оклеветан. Судья рассмотрел дело, и хотя Ван Синьчжи приговорили к смерти, но и его обидчики получили свое. Главное же, что сын, Ван Шисюнь, отделался недолгой ссылкой и вскоре оказался на свободе.

Семью погибшего брата приютил Ван Шичжун. Он же поднял пришедшее в упадок хозяйство Конопляного склона, а потом передал поместье племяннику. Со временем тело Ван Синьчжи с почетом предали земле, а его сын и внуки добились славы и высоких чинов.

Лин Мэнчу

Заклятие даоса

(Старик-крестьянин постоянно думает о хозяйстве; парень-пастух каждую ночь наслаждается почетом и славой)

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

В давнюю, давнюю пору неподалеку друг от друга жили мудрец-даос Чжуанцзы и некий Мо Гуан, почтенного возраста богатый селянин. А в деревне обретался сирота, нашедший приют у чужих людей. Его и звали Подкидыш. Рос он невеждой, но на него обратил внимание даос и велел ежедневно повторять даосское заклятие, дабы обрести радость во сне.

Подкидыш раз сто повторил таинственные слова, и привиделся ему сон. Будто он — образованный вельможа и зовется не Подкидыш, а Цветущий. И призван ко двору, и написал доклад, высоко оцененный государем. Ездит на гордом коне со свитой. Но тут он проснулся, и видение исчезло.

Как раз в это время богачу Мо понадобился пастух. Он и нанял Подкидыша. Перебрался тот в новое жилище и опять перед сном повторил даосское заклятие. И вновь ему тот же сон привиделся, ровно с того места, на котором прошлым утром прервался.

Так и текла жизнь парня: днем он пас волов, а ночью становился важным вельможей, даже с царской дочерью породнился. Как-то во сне повстречался он с ученым книжником и высокомерно похвалился перед ним своей счастливой судьбой. Проснулся, а наяву со стадом беда приключилась: волы погибли.

Решил Подкидыш; коли во сне радость, в жизни одни огорчания — и перестал читать заклятие. Но тотчас и во сне счастье от него отвернулось, а наяву неудачи продолжались: хозяйская ослица занемогла. Отправился пастух в горы набрать ей целебных трав и под кустом клад обнаружил. Поделился он богатством со своим хозяином, а тот его в дом взял и усыновил.

Теперь все переменилось: днем юноша благоденствовал, зато во сне его терзали кошмары. Богач Мо даже лекаря к нему позвал. Им оказался тот самый даос, что научил юношу заклятью. Объяснил он, что таким способом хотел внушить ему понятие о несовершенстве жизни.

И тогда пришло к Приемышу настоящее прозрение. Решил он бросить богатство и уйти с даосом. Оба они исчезли, как облака в

небе. Верно, юноша сделался небожителем.

Сапог бога Эрлана

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

Рассказывают, что некогда попала во дворец к государю наложница по имени Хань Юйцяо. Но в сердце владыки безраздельно царила красавица Аньфэй. Вот и стала Юйцяо хворать. Тогда, дабы девица здоровье укрепила, решили отдать ее в дом чиновника Ян Цзяню, который рекомендовал ее ко двору.

Приняли гостью приветливо, но она все никак не поправлялась. Задумали они вместе с женой хозяина вознести молитвы местным божествам, среди которых особенно почитался бог Эрлан. Отправились в храм, а покуда монахи произносили полагающиеся слова, госпожа Хань тайком заглянула за полог, где восседал бог. Он был так прекрасен, что девушка сразу возмечтала иметь его своим мужем.

Дома она в укромном месте продолжала молиться Эрлану. Словно бы внявее мольбам, бог предстал перед ней. Он рассказал, что ей покровительствуют небесные силы, что она отмечена Небом и коли не, хочет, то может не возвращаться во дворец.

Когда бог исчез, красавица возмечтала о новом свидании. Преодолев робость, она предложила богу свою любовь, и Эрлан вместе с девушкой взошел на ложе, где они предались ласкам.

Чтобы не возвращаться во дворец, Юйцяо продолжала притворяться хворой. Так и объяснила придворному гонцу, привезшему подарки от государя. Про подарки прознал Эрлан и попросил отдать ему яшмовую опояску. Госпожа радостно согласилась. А потом они вновь предались любви.

Тем временем в доме почуяли неладное. Юйцяо будто бы строго охраняли, но изее флигеля доносились по ночам голоса, да и сама она вдруг сильно похорошела. Разведали — ив самом деле ее гость навещает, похож на духа, да смертный не сумел бы сквозь все запоры проникнуть. Решил Ян Цзянь, хозяин, позвать заклинателя, дабы оберечь государеву деву от порчи. Жена его обо всем Юйцяо предупредила.

Ночью пожаловал Эрлан, а ворожей Ван был уже наготове. Он тотчас подступил к флигелю госпожи Хань с заклинаниями и проклятьями, но бог только раз выстрелил из самострела, и Ван без чувств грохнулся оземь.

Решили пригласить другого ворожея, даоса Паня. Тот пообещал изловить незваного гостя. Вечером пожаловал Эрлан. Тогда даос велел служанке отправиться к госпоже Хань и

назаметно стянуть у ее посетителя самострел. Бог в это время выпивал с красавицей, потому ничего не заметил. Даос смело вошел в покои красавицы. Бог схватился было за самострел, но оружия и след простыл. Он метнулся к окну, а даос успел огреть его дубинкой. Бог исчез, но при этом потерял свой добротный черный сапог из кожи.

Ян решил, что ночной гость — вовсе не бог, а человек, но знакомый с колдовским ремеслом. Порешили его изловить, для чего позвали лучших сыщиков, среди которых славился Жань Гуй. Он исследовал сапог и обнаружил за подкладкой бумагу с именем сапожника. Привели ремесленника. Тот признал свою работу, а для кого тачал сапог, выяснили из книги в его мастерской. Прочли и обомлели. Оказалось, сапоги заказали для одного из высших государевых сановников, главного наставника Цуя!

Дрожа от страха, отправились к Цую — дело-то в государевой наложнице. Сановник осмотрел сапог, призвал слуг, и те припомнили, что сановник сам подарил эти сапоги в числе прочего своему любимому ученику, уезжавшему на должность начальника уезда.

Сыскали этого ученика. Тот поведал, что в пути к месту службы захворал, а поправившись, пошел возблагодарить бога Эрлана. В храме заметил, что у бога с обувкой плоховато. Решил поднести в дар ему пару сапог.

Тогда сыщик Жань Гуй замыслил возле храма поразнюхать. Ходил он под видом бродячего торговца. Вдруг какая-то женщина предложила ему добрую вещь купить. Глянул — сапог точно в пару первому! Купил он его, сравнил с тем, что в управе хранился, и верно — пара. Тут вызнали, что женщина, продавшая сапог, полюбовница настоятеля храма бога Эрлана, а настоятель этот колдовским искусством владеет. Приготовили зелье от колдовства — ив храм. Брызнули зельем да и скрутили злодея.

Под пытками настоятель во всем сознался. Даже яшмовый пояс вернул. За осквернение государевой жены его четвертовали. Госпожу Хань изгнали из дворца. Ей, впрочем, только того и нужно было. Вскоре она вышла замуж за торговца.

Так закончилась история блудодея.

Глиняная беседка

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

Вань был чаеторговцем, а помогал ему Тао по прозванию Железный Монах. Приворовывал он у хозяина лихо. Раз застукал его Вань за подсчетом украденных денег да и выгнал. По всему

городу бывшего слугу вором ославил, так что Железного Монаха никто прислуживать не брал.

Тот уже оголодал до последней крайности, устал проклинать бывшего хозяина, когда случайно услыхал, что дочь Ваня, овдовев, возвращается домой со всем скарбом и малолетним братом. Решил Тао встретитьее первым, может, помочь чем, может, просто о заступничестве попросить.

На дороге Тао окликнул незнакомец. Узнав о делах Железного Монаха, он позвал его с собой. Так Тао оказался в бандитской шайке. Подкрепившись, он пошел на разведку и вскоре доложил новым друзьям, что Вань Сюнян с братом и слугой будут к вечеру, а поклажа у них знатная.

В темном лесу разбойники напали на путников, слугу и мальчика убили, а Вань Сюнян главарь взял себе в жены.

Как-то женщина поинтересовалась именем своего нового мужа, и тот признался, что зовут его Мяо Чжун, а кличка — Десять Драконов. Его подручный по прозванию Меченый был недоволен такой откровенностью, он подозревал, что женщина может донести, и замыслил ее убить. Пришлось главарю увести ее в безопасное место, к своему знакомцу, и там оставить. Знакомец этот объявил несчастной, что Мяо Чжун ее ему продал.

Через несколько дней Вань Сюнян ночью выбралась из дому. Она решила покончить с собой: не могла снести позора. Только приладила петлю, как появился рослый мужчина. Он обещал спасти ее.

Был это известный своей почтительностью Инь Цзун, живший со старухой матерью. Инь Цзун хотел доставить Вань Сюнян домой к отцу. Двинулись они в путь. Когда до города оставалось совсем чуть-чуть, хлынул дождь. Спасаясь от дождя, путники ткнулись в первую попавшуюся дверь… и оказались в доме Меченого. Там же оказался и Мяо Чжун — Десять Драконов.

Разбойники схватились с Инь Цзуном. Каждого он бы одолел, но их было двое. Скоро все было кончено. Бедную Вань Сюнян посадили под замок.

Между тем старый Вань, познав о разбойничьем нападении, о том, что сын и слуга убиты, а дочь исчезла, назначил награду тому, кто поможет наказать злодеев. Живший по соседству старец как раз в эти дни послал своего сына Хэ-га купить игрушек из глины на продажу. Случилось так, что пришел тот за покупками в ту деревню и в тот дом, где Меченый жил. Пока выбирал игрушки, услышал знакомый голос Вань Сюнян, которая молила его о помощи. Со всех ног пустился юноша в город, обо всем рассказал Ваню. Тот написал в управу челобитную, и вооруженные стражники захватили всю разбойничью шайку. Им

бы это не удалось, кабы на пути злодеев не встал окровавленный человек огромного роста — убитый бандитами Инь Цзун!

Всех лиходеев казнили, а в честь Инь Цзуна благодарный Вань воздвиг кумирню.

Красотка Мо просчиталась

(Сестрица Мо, совершив побег, дважды просчиталась, однако ж потом она сочеталась законным браком с Яном Вторым)

Из сборников повестей эпохи Мин (XIV–XVII вв.)

Некий чиновник-письмоводитель был женат на женщине легкомысленной, склонной к любовным связям. Даже после рождения сына она о ребенке не заботилась, а только развлекалась. Как-то муж уехал по делам, жена завела шашни, убежала с полюбовником из дома, захватив с собой сына. В дороге трехлетний малыш начал плакать, нерадивая мать сунула ребенка в траву и с дружком дальше отправилась.

Ребенка подобрал ремесленник Третий Ли. Был он бездетным, родственникам мальчуган очень полюбился.

Тем временем домой вернулся письмоводитель. Пусто. Ни жены, ни сына. Никто ничего не знает. Однажды, проходя случайно мимо дома Третьего Ли, приметил играющего ребенка и признал в нем своего сына. Ли мальчика отдать отказался, твердил, что нашел в траве и теперь ребенок его. Пошли в суд. Судья не поверил Третьему Ли и приказал бить его батогами. Тот стоял на своем. Но когда пытки усилили, он оговорил себя: мол, давно женщину с ребенком присмотрел, ее убил и в реку бросил, а дитя в дом взял. На Третьего Ли тотчас надели тяжелую колодку, поставили на колени. Оставалось только приговор огласить.

Внезапно вокруг все потемнело. Засверкали молнии, загремел гром. Судья рухнул наземь и испустил дух, с чиновников шляпы посрывало, начальство дрожало от страха. Да еще на спине умершего судьи надпись появилась: «Третьего Ли осудили несправедливо!»

Пришлось продолжить дознание. Вскоре Ли оправдали, а там и нерадивую мать отыскали.

Такие случаи в жизни нередки. Вот и красотка Мо завела себе любовника — Яна Второго. Только муж, узнав, мириться с этим не захотел и строго предупредил жену. Тогда любовники задумали побег.

А пока Мо тосковала в одиночестве. Решила выпросить у

мужа разрешение отправиться на богомолье. Тот разрешил. Надо сказать, что был у них родственник — шалопай Юй Шэн, который давно за Мо увивался. Теперь решил не упустить случая. После богомолья заманил ее к себе в дом, напоил вином и достиг цели. Красотка не очень-то и сопротивлялась. Она даже выболтала спьяну о побеге с полюбовником.

Несколько раз назвала Юй Шэна Яном, потом велела лодку к условному дню и часу приготовить.

Юй Шэн к нужному дню пригнал лодку к дому Мо. Та о попойке почти забыла, а о побеге помнила. Торопливо сложила вещи в лодку. Отчалили. Тут только заметила, что бежала не с тем. Но возвращаться поздно.

Муж вернулся домой — не застал жену. Решил, чтоее любовник похитил. Отправился к Яну. Тот отпирался, а когда дела в сыскную управу передали, признался, что замышляли с Мо побег и что с женщиной потом стряслось — не знает. Били его, колотили, но напраслины на себя не возвел.

А беглецы поселились вместе, предавались любовным утехам. Правда, Мо все время Яна Второго вспоминала. Понял Юй, что меж ними лада не будет, и задумал продать женщину в местное веселое заведение. Заманил ее туда обманом, уговорившись предварительно с хозяйкой, и оставил. Узнала Мо, что ее продал дружок, да поздно было.

Как-то случился в тех краях человек из ее родных мест. Принялась Мо о муже расспрашивать, заодно и про Яна Второго все узнала. Мо ему и свою историю поведала. Гость обещал сообщить мужу новость.

Так и сделал. Вместе отправились они в сыскной приказ. Там завели дело о злоумышленной продаже человека. Юй Шэна схватили и бросили в темницу. Он не мог ничего отрицать. Ян Второй подал прошение об освобождении за отсутствием вины. Судья повелел доставить красотку Мо. Началось тщательное дознание.

Юй Шэна били батогами и присудили вернуть деньги, вырученные за продажу подружки. Яна признали невиновным, хотя он и прелюбодействовал. Тут выступил обманутый муж и заявил, что отрекается от распутной жены. Тогда соседи предложили мужу отдать жену Яну Второму. Тот согласился. Составили нужные бумаги, и все, к радости красотки Мо, сладилось в лучшем виде.

Любовники извлекли урок из своих злоключений и прожили вместе достойно до самой кончины.

Цюй Ю [1341–1427]

Записки о пионовом фонаре

Из сборника «Новые рассказы у горящего светильника»

Обычай любоваться фонарями весьма древний.

Некий студент, овдовев, предался тоске и не пошел на празднество. Просто стоял у ворот. Заметил служанку с фонарем в виде пары пионов и красавицу редкой красоты. Хвостом поплелся за ними.

Красавица обратилась к студенту со словом привета, а тот пригласилее к себе в дом. О себе поведала, что потеряла всю родню, круглая сирота, скитается на чужбине вместе со служанкой Цзиньлянь, Началась меж ними любовь.

Старик сосед заподозрил неладное. Подсмотрел: напудренный и студент сидели рядышком под фонарем. Подступил к студенту с расспросами, тот отнекивался. Но, испугавшись, что живет с бесовкой-оборотнем, внял совету старика и отправился искать жилище красотки и служанки.

Под вечер забрел он в храм. Там стоял гроб. С крышки свисала надпись: «Гроб с телом барышни Ли, дочери судьи округа Фынхуа». Рядом — фонарь в виде двух цветков пиона и изваяние служанки. Ужас объял студента.

Бросился он за помощью к премудрому даосу. Тот дал ему волшебные заклинания и не велел ходить в тот храм. С той поры никто к нему не являлся.

Раз, захмелев в гостях, студент все-таки забрел в храм. Девица его уже поджидала. Взяла за руку, повлекла к гробу, крышка приподнялась, и студент с возлюбленной вступили в гроб. Там и помер.

Сосед хватился студента. Нашел тот храм и углядел выглядывавший из-под гробовой крышки кусок платья студента. Вскрыли гроб, а там мертвый студент в объятиях своей мертвой подруги. Так их вместе и схоронили у Западных ворот.

С той поры туманными вечерами поздним прохожим случалось встречать всю троицу: студента с красавицей и служанку при пионовом фонаре. Таких несчастных начинал одолевать недуг, многих он в могилу свел. Все были в страхе. Обратились к даосу. Тот отослал их к бессмертному отшельнику.

Отшельник созвал небесное воинство и повелел ополчиться на нечисть. Оборотней схватили и наказали плетьми. Троица

покаялась. Долго думал даос-отшельник над приговором и приказал: фонарь, испускающий двойной свет, сжечь, всех троих взять под стражу и отправить в самую страшную тюрьму нижней, девятой, преисподней. Стряхнул пыль с рукавов и исчез. Люди даже не успели его отблагодарить.

Жизнеописание Девы в зеленом

Из сборника «Новые рассказы у горящего светильника»

Чжао Юань схоронил родителей. Покуда был он еще не женат, решил отправиться странствовать и постигать науки. Поселился близ озера Сиху.

Случайно познакомился с девушкой, облаченной в зеленые одежды. Сразу вспыхнула взаимная любовь. Только имя свое красавица отказалась назвать, а просила величатьее Девой в зеленом.

Как-то в хмелю Юань пошутил над зеленым платьем возлюбленной. Та обиделась, подумала, он на ее презренное положение наложницы намекает — законные жены облачались в желтое. Пришлось рассказать такую историю.

В прошлой жизни и Юань, и дева служили в богатом доме. Страстно полюбили они друг друга, но по доносу их наказали смертью. Юань возродился в мире людей, а ее занесли в Книгу неприкаянных душ. Теперь понял Юань, что нити их судеб были связаны еще в предыдущем рождении, и стал много нежнее относиться к возлюбленной. А ты услаждала его рассказами и учила играть в шахматы — была она в этом деле великой мастерицей.

Минуло время. Пришло деве время уходить. Занемогла она, а когда собрался Юань кликнуть лекаря, объяснила, что согласно скрижалям судьбы закончилась их супружеская любовь и противиться этому бесполезно. Дева легла на ложе, отвернулась к стене и умерла. В великой скорби совершил Юань похоронные обряды. Только вот гроб показался слишком легким. Открыли — а там лишь зеленое платье, шпильки и серьги. Так и зарыли порожний гроб.

А Юань принял постриг.

Записки о шпильке — золотом фениксе

Из сборника «Новые рассказы у горящею светильника»

Богатые соседи сговорили своих малолетних детей, и в

подарок будущей невесте была преподнесена золотая шпилька в виде феникса.

Вскоре женихова отца перевели на службу в далекий край, и пятнадцать лет от них не доходило ни весточки.

Девушка без суженого затосковала, занемогла и скончалась. В глубокой скорби положили родители тело дочери в гроб, а в прическу воткнули золотую шпильку — память о женихе.

Через два месяца объявился сам жених, молодой господин Цуй. За эти годы он осиротел, и безутешные родители невесты предложили ему кров и пищу. Как-то раз младшая сестра покойной обронила из паланкина золотую шпильку. Цуй хотел вернуть потерю, но не мог пройти на женскую половину дома. Вдруг глубокой ночью сама младшая сестрица явилась — будто бы за шпилькой, а принялась соблазнять молодого человека. Тот противился, но сдался.

Понимая, что долго скрывать любовные встречи им не удастся, решили они бежать из дома к старому верному слуге отца Цуя. Так и сделали. Прошел год. Задумали беглецы вернуться домой, пасть в ноги родителям и вымолить прощение. Первым должен был пойти Цуй, а в доказательство предъявить шпильку-феникс, которую дала ему возлюбленная.

Приемный отец встретил его как ни в чем не бывало. Никак не мог взять в толк оправданий, ибо младшая его дочь уже год как слегла и даже повернуться сама не в силах. Тут Цуй и показал шпильку. В ней признали украшение покойной старшей сестры, которое вместе с ней в гроб положили.

И вдруг появилась младшая дочь. Объяснила, что нить судьбы, связавшая старшую сестру с женихом, еще не порвалась и она, младшая, должна вступить в брак, иначе ее жизнь угаснет. Голос младшей дочери удивительно напоминал голос покойной. Родители пришли в ужас.

Отец принялся укорять вернувшуюся с того света дочь. Та объяснила, что начальник мрака счел ее невиновной и дозволил дожить год отпущенной ей мирской жизни. И она замертво рухнула наземь. Побрызгали тело целебным отваром, и девушка ожила. Как и обещала старшая, недуги и хвори младшей исчезли, а минувших событий она не помнила, словно от тяжелого сна очнулась.

Скоро сыграли свадьбу. Золотую шпильку молодой господин продал, на вырученные деньги накупил всего, что потребно для благодарственного молебства, и поручил монаху-даосу совершить церемонию. После этого во сне ему явилась покойная со словами любви и благими пожеланиями. Странно, не правда ли?

Ли Чжэн [XIV–XV вв.]
Из сборника «Продолжение новых рассказов у горящего светильника»

Записки о ширме с цветами лотоса

Молодой чиновник по имени Ин отправлялся водным путем к месту службы. Лодочник позарился на их добро, сбросил Ина в реку, перебил слуг, а вдову, госпожу Ван, задумал выдать за своего сына.

Молодая госпожа, усыпив покорством бдительность разбойника, через короткое время сбежала и добралась до женского монастыря, где и обрела приют.

Была она добронравна, да к тому же замечательно владела кистью.

Как-то случайный гость, получивший ночлег в монастыре, в благодарность пожертвовал настоятельнице живописный свиток с изображением лотосовых цветов, который та повесила на некрашеную ширму. Госпожа Ван тотчас узнала руку своего мужа. Расспросила настоятельницу о дарителе, та назвала некоего Гу Асю, лодочника.

Вдова написала на свитке стихотворение в память о муже. Вскоре случайный ценитель, восхитившись свитком и стихотворной надписью, купил его вместе с ширмой и преподнес потом одному важному сановнику в городе Сучжоу.

Однажды к тому же сановнику явился торговец и предложил купить четыре скорописных свитка, которые он будто бы собственноручно исполнил. Сановник заинтересовался необычным торговцем-художником. Оказалось, это тот самый Ин, который не утонул в реке, выплыл на берег, где обрел приют у прибрежных людей. Пропитание добывает рисованием и каллиграфией.

Потом Ин углядел свиток с лотосами и узнал свою вещь и руку жены. Сановник пообещал поймать разбойника, а пока поселил Ина в своем доме.

Началось расследование, и вскоре выяснилось имя человека, подарившего свиток монастырю, и имя монахини, сделавшей надпись. Сановник решил пригласить монахиню к себе — якобы для чтения сутр. Его супруга расспросила гостью. Та и в самом деле оказалась женой Ина. За лодочником установили наблюдение, потом схватили, обнаружив при нем все добро Ина. Разбойника казнили, украденное вернули жертве. Ин был

счастлив.

Но пора было и на службу возвращаться. Сановник предложил И ну жениться перед дальней дорогой. Тот отказался — он по-прежнему любил свою жену и надеялся на встречу. Растроганный хозяин решил устроить гостю пышные проводы. Когда все собрались, он пригласил монахиню. Ин узнал свою жену, та — мужа, они обнялись и разрыдались.

Всю жизнь они оставались вместе и всегда благодарили судьбу и людей, которые соединили их после разлуки.

Ночная прогулка по Чанъани

Случилось это в те годы, когда в Поднебесной воцарились мир и спокойствие. В свиту наследника среди прочих входили два ученых выдающегося таланта — князь Тан и князь Вэнь. Было у них в обычае собираться в часы досуга за пиршественным столом, а то и бродить по окрестностям, посещая заброшенные храмы и монастыри.

Однажды надумали они навестить могильные холмы — усыпальницы государей былых династий. Их вызвался сопровождать чиновник местной управы Ума Ци Жэнь. На полдороге конь под Ци Жэнем захромал, и Ци Жэню пришлось отстать. Опустив поводья, он доверился коню. Незаметно стемнело. Местность вокруг была пустынной. Путника начал одолевать страх. Вдруг впереди словно бы огонек во тьме замерцал. Подъехал Ци Жэнь — простая хижина, двери настежь, светильник в хижине вот-вот погаснет.

Слуга позвал хозяев. Появился молодой человек, а потом и его жена — необыкновенная красавица, даром что в простом платье, без румян и белил. Накрыли стол. Утварь небогатая, но весьма изящная. Еда и питье превосходные.

Когда покончили с вином, хозяйка призналась гостю, что они с мужем — люди династии Тан и живут здесь около семи сотен лет. Редко кто забредает в их дом, а потому хотели бы они кое-что поведать гостю.

Оказалось, в стародавние времена жили они в столичном городе Чанъани. Держали блинную, хотя и происходили оба из одного сословия. Просто в смутную пору решили в безвестности схорониться. На беду, некий могущественный вельможа, живший по соседству, влюбился в красавицу блинщицу и силой увез ее в свою усадьбу. Однако та поклялась хранить верность мужу, в княжеских покоях не произносила ни слова, на посулы не поддавались, сохраняя твердость. Так продолжалось месяц. Князь не знал, что предпринять, а женщина только молила отпуститьее

домой.

Слух о случившемся проник в город. Насмешники утверждали, что блинщик добровольно отдал жену князю. Дошло до чиновников, ведавших погодными записями столичных событий. Те, не проверив, все так и записали да кое-что от себя добавили, И разные писаки постарались: насочиняли всяческой напраслины. А на самом деле лишь настойчивые просьбы мужа заставили князя отпустить женщину домой.

Рассказ поразил Ци Жэня. Его удивило, что подобный пример высокой верности прошел мимо внимания поэтов и литераторов. Поразило его и то, как живо до сих пор переживают несчастные нанесенную им обиду. Между тем оскорбленный муж принялся вспоминать тех, кто возвел на него поклеп: все это были люди мелкие, попиравшие долг и обряд. Да и сам князь даже не ведал о добродетели.

Вино было допито, светильник догорел. Хозяева преподнесли гостю свои сочинения, уложили его на лежанке в восточном кабинете. Вскоре забрезжил рассвет, в дальнем храме ударил колокол. Ци Жэнь открыл глаза. Огляделся. Вокруг пусто, никаких строений. Платье его покрыто густой травой и промокло. Лошадь неторопливо жует траву.

Вернулся домой, показал сочинения друзьям. Те восхитились — подлинный стиль эпохи Тан! Велели отпечатать, чтобы на века сохранились.

У Чэнъэнь

Путешествие на Запад (Си ю цзи)

Роман (вторая половина XVI в.)

Сюаньцзан с малолетства был посвящен в монахи, и владело им единственное желание: постичь великое учение Будды. Всемилостивейшая богиня Гуаньинь давно по повелению Будды искала человека, который мог бы съездить за священными книгами и привезти их в Китай. Таким человеком и оказался добродетельный Танский монах Сюаньцзан, отправившийся по воле богини и с соизволения императора на Запад, в далекую Индию.

По дороге монах встретил обезьяну Сунь Укуна. Пятьсот лет назад тот учинил дебош в Небесном дворце, и единственным способом избавиться от наказания было для него паломничество за священными книгами и помощь Сюаньцзану на его трудном пути.

Много препятствий встречалось путникам. Однажды столкнулись они с ужасным оборотнем, сплошь покрытым черной щетиной, со свиным рылом и огромными ушами. Между Сунь Укуном и оборотнем назревала драка, но, познав о цели паломничества, тот присмирел и вызвался сопровождать путешественников. Сюаньцзан дал ему имя Чжу Бацзе.

Танский монах и его ученики, преодолевая козни злых сил, двигались на Запад, покуда путь им не преградила река Текучих песков. Едва паломники приблизились, как река забурлила и из воды выскочило чудовище, безобразное и свирепое на вид. Обезьяна и боров вступили с ним в битву, но никак не могли одолеть. Пришлось просить помощи у самой богини Гуаньинь. Когда путники по наущению богини назвали оборотня его монашеским именем, он тотчас присмирел и вызвался сопровождать их в Индию. Нарекли его Шасэном.

Дни и ночи шли паломники почти без передышки. Много страшных бесовских козней приходилось им избегать. Однажды путь им преградила высоченная гора, обиталище свирепых чудовищ, которые пожирали путников. Сунь Укун отправился на разведку и разузнал: в Лотосовой пещере живут два повелителя демонов, вылавливающие с помощью тайных знаков странствующих монахов.

Между тем и демоны-оборотни не дремали. Они прознали

про наших путников и даже запаслись их изображениями, чтобы случаем не съесть кого другого. Первым наткнулись они на Чжу Бацзе. Завязался жестокий бой. Раз двадцать схватывались противники, но ни один не одолел. Чжу бился не на жизнь, а на смерть. Оборотень кликнул подмогу. Демоны навалились всем скопом и уволокли кабана в пещеру.

Но демонов больше интересовал Танский монах. Двинулись они на поиски да столкнулись с Сунь Укуном. Тот выглядел столь грозно, что демоны перепугались и решили действовать хитростью. Один из них обернулся странствующим даосским монахом и стал звать на помощь. Сюаньцзан попался на удочку. Узнав, что даос повредил ногу, он повелел Сунь Укуну посадить его на закорки и доставить в монастырь.

Обезьяна разгадала демонскую хитрость, но оборотень мигом произнес заклинание, и три тяжеленные горы придавили Суня к земле, Демон тем временем ухватил монаха. Шасэн бросился на выручку. Закипела битва. Тут и Шасэн попался в лапы оборотня, который отволок свою добычу в пещеру. Оставалось изловить обезьяну.

Но Сунь Укун сумел тем временем освободиться от придавивших его гор и принял облик бессмертного даоса. Разыскивавшим его демонам он сказал, что сам разыскивает зловредную обезьяну. Он так заморочил им головы своими трюками, что они добровольно отдали ему волшебную тыкву, с чьей помощью его же и собирались изловить. Боясь наказания, демоны вернулись в пещеру, а Сунь, превратившись в муху, последовал за ними и выведал все их секреты.

Оказалось, что главный талисман — золотой шнур — хранится у старой колдуньи, матери одного из демонов. За ним тотчас снарядили гонцов. Только Сунь Укун всех перехитрил: гонцов прикончил, расправился с колдуньей, а потом, приняв ее облик, проник в пещеру к демонам.

Покуда мнимая колдунья беседовала с хозяевами пещеры, оборотни пронюхали об обмане. Демон по имени Серебрянорогий облачился в доспехи и вступил с Сунь Укуном в бой. У обезьяны был золотой шнур, похищенный у колдуньи, но она не знала тайного заклятья, ведомого демону. Вот тот и сумел скрутить Царя обезьян и привязать его к потолочной балке. Только Сунь, выдернув у себя шерстинку, дунул на нее, она и превратилась в напильник, которым он свои оковы перепилил. А потом и Танского монаха со спутниками освободил.

Но на этом не закончились испытания, выпавшие на долю паломников. Злые силы ополчились на сторонников истинного учения, дабы воспрепятствовать им заполучить священные книги.

Однажды путники увидали громадную гору. Казалось, она затмила солнце и упирается в небесный свод. Внезапно из ущелья вырвалось красное облако, взметнулось ввысь, и в небе запылал огонь. Царь обезьян понял, что их подкараулил злой дух. И в самом деле, здешний оборотень давно поджидал Танского монаха, собираясь его сожрать и сделаться бессмертным. Но он понял, что учителя оберегают храбрые ученики и без хитрости ему не обойтись. Он прикинулся брошенным ребенком и принялся взывать о помощи. Однако Сунь Укун умел распознавать нечистую силу и предупредил Сюаньцзана. Тогда оборотень поднял бешеный ураган. Танский монах не усидел верхом, свалился с коня и тотчас попал в лапы злодея, который мигом умчался с драгоценной добычей. Сунь Укун, хотя и распознал козни нечистой силы, ничего не успел сделать.

Пришлось начать поиски. Царь обезьян вызнал, что оборотня зовут Красный Младенец и обитает он в пещере Огненных облаков. Отправились они туда вместе с Шасэном и вызвали похитителя на бой. Двадцать раз сходились соперники, бились на земле, взмывали в поднебесье. Наконец оборотень пустился наутек, но, оказавшись в своей пещере, произнес заклинание, и тотчас все вокруг запылало страшным пламенем.

Пришлось Сунь Укуну, оседлав облако, мчаться к восточному морю за помощью. Тамошние братья-драконы вызвали ливень, но огонь-то был не простой, а священный, и от воды разгорался все пуще. Оборотень дохнул на Сунь Укуна дымом, и тому пришлось бежать с поля боя, а чтобы вырваться из огненного кольца, Царь обезьян бросился в горный поток. С трудом выловили его оттуда верные соратники — Шасэн и Чжу Бацзе. Победить ужасного оборотня можно было только с помощью богини Гуаньинь. Поскольку Сунь Укун чувствовал себя больным, к богине отправился Чжу Бацзе, но оборотень хитростью заманил его в свою пещеру, затолкал в мешок и подвесил к балке, собираясь скормить своим деткам.

Когда Сунь Укун догадался о происшедшем, он бросился на выручку. В пещеру он проник обманом и, превратившись в муху, уселся на балке неподалеку от мешка с Чжу Бацзе. Оборотень между тем собрался устроить пир. Он надумал сожрать Танского монаха. Нужно было торопиться к богине Гуаньинь за помощью.

Вместе с богиней Царь обезьян возвратился к Огненной пещере и вызвал оборотня на бой. Как тот ни похвалялся, на этот раз ему пришлось туго. Богиня пронзила его тело тысячей мечей, а потом превратила их в крючья, чтобы злодей не выдернул их из себя. Тут Красный Младенец запросил пощады. Сунь Укун и Шасэн бросились в пещеру, перебили всех до единого оборотней

и освободили учителя и Чжу Бацзе.

Немного отдохнув, путники отправились дальше. Прошли весна и лето, настала осень. Паломники ночевали под открытым небом, терпели жажду и голод. Однажды путь им преградила река, очень глубокая и такая широкая, что не было видно противоположного берега. Пришлось попросить помощи у местных жителей. Те рассказали, что живут в довольстве, всего у них вдоволь, но мучает их страшный злодей оборотень, который распоряжается небесной влагой. В обмен на благодатные дожди требует он, чтобы крестьяне приносили ему в жертву детей — всякий раз одного мальчика и одну девочку. Наши пугни к и как раз появились в деревне накануне очередной жертвы, и принести ее должна была семья, приютившая их на ночь.

Помочь беде вызвались Сунь Укун и Чжу Бацзе, которые приняли облик мальчика и девочки и в таком виде предстали перед людоедом. Но едва тот приблизился, набросились на него и принялись охаживать вилами да посохом. Оборотень еле успел скрыться в водах реки.

В подводном дворце он созвал совет, задумав изловить Танского монаха — только так можно было избавиться от его могучих спутников. Решили покрыть реку льдом, а когда паломники начнут переправу, лед треснет и Сюаньцзан окажется на дне. Так и сделали. Узнав, что река стала, путники возликовали — это ведь сильно облегчало переправу. Но все случилось так, как задумал оборотень и его подручные. Танский монах провалился под лед, его схватили и затолкали в ящик, чтобы потом сожрать.

Однако помощники Сюаньцзана не дремали. Сунь Укун бросился к богине Гуаньинь, и та опять пришла паломникам на помощь. Она забросила в реку корзинку на своем золотом поясе и выловила золотую рыбку. Оказалось, что рыбка — это и есть оборотень-людоед. Тем временем Чжу Бацзе и Шасэн, прокладывая себе путь в воде, искали учителя. Все оборотни-рыбы валялись дохлые. Наконец они раскрыли ящик и вызволили Сюаньцзана. А через реку перевезла их огромная черепаха.

Впереди их ждали новые испытания. Чего только не придумывали злые силы, чтобы сбить с истинного пути Танского монаха! Раз дорогу им преградили непроходимые колючие заросли. Чжу Бацзе проговорил заклинание, вырос почти до небес и принялся расчищать проход. Учитель двинулся следом, а остальные помогали Чжу. Казалось, зарослям не будет конца-края. Внезапно перед ними возник старый храм, открылись ворота, и на пороге появился почтенный настоятель. Не успел Сюаньцзан ответить на приветствие, как налетел порыв ветра и

умчал его прочь. А настоятеля и след простыл. Четверо старцев-оборотней, заманивших к себе учителя, были на вид вполне благочестивы. Они даже предложили Танскому монаху почитать друг другу стихи. Вскоре явилась их подруга — Абрикосовая фея и принялась соблазнять Сюаньцзана. Тут и оборотни все в один голос стали уговаривать монаха отказаться от путешествия и жениться на фее. Потом начали угрожать ему. Пришлось учителю позвать на помощь учеников, которые уже давно пытались его разыскать и подоспели как раз вовремя. Старцы и фея куда-то исчезли. Сунь Укун первым догадался обо всем и показал на старые деревья, росшие неподалеку.

Чжу Бацзе, не раздумывая, ударил по ним вилами, а потом подрыл их корни своим рылом. На корнях показалась кровь. Этих оборотней нужно было уничтожить. Иначе, приняв в будущем новый облик, они могли ох как досадить людям.

Итак, Сюаньцзан избежал соблазна и вместе со своими спутниками продолжал путь на Запад. Снова наступило лето. Однажды, когда, изнывая от зноя, путники двигались по обсаженной ивами дороге, перед ними предстала женщина, сообщившая, что впереди — государство, правитель которого уничтожает буддийских монахов. Царь обезьян сразу распознал в женщине богиню Гуаньинь. Потом, обернувшись бабочкой, он полетел в ближний город на разведку. Вскоре на постоялом дворе он увидал, как купцы, укладываясь спать, сняли с себя одежду. Решил Сунь Укун, что путники проникнут в город под видом купцов, и незаметно украл одежду.

Переодевшиеся паломники, выдав себя за торговцев лошадьми, устроились в гостиницу на постой. Правда, они опасались чужих взглядов и потребовали у хозяйки отдельного помещения. Ничего лучше огромного ларя не нашлось. Пришлось устраиваться в нем на ночлег.

Гостиничные слуги состояли в сговоре с разбойниками. Ночью они впустили злоумышленников в гостиничный двор, и те, не найдя лучшей поживы, решили, что ларь полон добра, и вознамерились его похитить. Городская стража пустилась в погоню. Разбойники в страхе бросили добычу и скрылись. Ларь доставили в городскую управу, опечатали, собираясь утром учинить дознание.

Сунь Укун выдернул у себя шерстинку, превратил ее в сверло, высверлил в ларе дырку, обернулся муравьем и выбрался наружу. Принял свой настоящий облик и пустился во дворец. Там он выдрал всю шерсть со своего левого плеча, а каждую шерстинку превратил в точное свое подобие. Произнес заклинание, и вместо посоха явилась тьма-тьмущая острых бритв. Бесчисленные

двойники Сунь Укуна, расхватав бритвы, отправились по городу и во дворец, где обрили всех, начиная с правителя.

Утром во дворце начался переполох: его обитатели вдруг оказались монахами. Правитель сразу понял, что это ему наказание за загубленные монашьи жизни. Пришлось дать торжественную клятву никогда больше не убивать монахов. Тут-то и доложили о найденном ночью ларе. Но теперь правитель встретил паломников с превеликим почетом, и они беспрепятственно продолжили путь.

А однажды оказались странники в гостях у правителя уезда Яшмовых цветов в стране Небесного бамбука. Сыновья правителя возмечтали научиться у спутников Танского монаха боевым искусствам, для чего у оружейника было заказано волшебное оружие. Образцом служили: посох с золотым обручем Сунь Укуна, вилы с девятью зубьями Чжу Бацзе и посох Шасэна, разящий нечистую силу. Вот эти волшебные предметы и похитил прямо из оружейной мастерской оборотень с Барсовой горы из пещеры Пасть тигра,

Как всегда, на разведку отправился Сунь Укун, По дороге на Барсову гору ему повстречались два оборотня. Из подслушанного разговора Царь обезьян понял, что оборотней отправили накупить провизии для пира в честь обретенного оружия. Сунь дунул на них волшебным дыханием, и те замерли на месте, не в силах и пошевелиться. Сунь У кун и Чжу Бацзе приняли обличье заколдованных Сунем оборотней, а Шасэн изображал торговца скотом, с которым у них будто бы не хватило денег расплатиться за покупку. Так они и явились на Барсову гору, гоня перед собой свиней и быков для пира.

Главный оборотень поверил в обман, и наши хитрецы сумели завладеть похищенным оружием. уж тут они никого не пощадили, а расколошматили все бесовское гнездо. Оказалось, все это оборотни разных зверей — тигров, волков, лис, а главарь — оборотень желтого льва. Он сумел спастись и бросился за помощью к своему деду, тоже оборотню-льву. Тот собрал свое войско из оборотней-львов и отправился на битву.

Под стенами города сошлись лицом к лицу спутники Сюаньцзана и оборотни-львы всех мастей. Бой продолжался весь день. К вечеру ослабел Чжу Бацзе, и оборотни его схватили.

На следующий день один из оборотней похитил из города Танского монаха, правителя уезда и его сыновей. А когда Сунь и Шасэн пошли его искать, на них набросился старый оборотень, причем у него разом выросло восемь голов с огромными зубастыми пастями. Каждая вцепилась в наших бойцов, и они оказались в плену.

Ночью Сунь Укун, освободившись от пут, бросился за подмогой. Ему удалось отыскать того, кто некогда был повелителем старого льва — владыку Тайи, что жил во дворце Таинственных скал у Вооточного края неба. Тот, узнав, что Великий мудрец сопровождает Танского монаха на Запад, не раздумывая согласился отправиться на землю, чтобы усмирить Девятиголового льва.

Когда они прибыли к пещере, Сунь выманил оттуда оборотня, а слуга владыки Тайи принялся колотить того что есть мочи. Потом владыка оседлал льва, вспрыгнул на облако и возвратился домой. Сунь Укун выручил пленников, и они все вместе вернулись в город, где в их честь был задан великолепный пир.

Вскоре путники засобирались в дорогу. Им еще нужно было идти и идти, хотя конец их путешествия был уже недалек.

И вот наступил день, когда паломники наконец добрались до цели. Перед ними возвышалась обитель Будды — Чудодейственная гора с древним монастырем и храмом Раскатов грома. Четверо путников, подойдя к престолу Будды, пали ниц, несколько раз ударились лбом о землю и только после этого поведали, что прибыли по велению владыки великого Танского государства, расположенного в восточных землях, за книгами священного учения, дабы распространить его на благо всем живым существам.

Будда тотчас повелел своим приближенным проводить путников в Жемчужную башню и открыть им Драгоценную палату с книгами. Там паломники принялись отбирать нужное — всего они получили пять тысяч сорок восемь тетрадей — столько, сколько дней провели в пути. Это был полный свод буддийского учения. Они аккуратно сложили их, навьючили на коня, и еще осталось книг на одно коромысло. Танский монах отправился возблагодарить Будду за щедрый дар, и паломники пустились в обратный путь.

Впереди их ждали новые испытания. Не успели они приблизиться к Небесной реке, как налетел вихрь, небо потемнело, засверкала молния, закружились песок и камни, разразилась страшная буря, которая стихла только к утру. Сунь Укун первым догадался, что это Земля и Небо не могут примириться с успехом паломничества, божества и духи завидуют, мечтая похитить драгоценную поклажу. Но ничто уже не могло помешать нашим героям.

Следует сказать, что Танский император, отправив Сюаньцзана на Запад, повелел выстроить неподалеку от столицы «Башню для ожидания священных книг» и каждый год на нее поднимался. Взошел он на башню и в день возвращения

паломников. Сначала на западе возникло сияние, потом заструился божественный аромат, и с небес спустились путники.

Сюаньцзан поведал императору, что от столицы до обители Будды так далеко, что за это время четырнадцать раз зимняя стужа сменилась летним зноем. Путь преграждали горные кручи, бурные реки, густые леса. Потом монах представил государю своих верных спутников, и начался великий пир.

Но это еще не все. Паломники должны были получить награды от самого Будды. В один миг доставили их назад к нему во дворец. Всем воздалось по заслугам. Танский монах стал Буддой Добродетельных заслуг сандалового древа, Сунь Укун получил звание Победоносного Будды, Чжу Бацзе — Посланца, очистителя жертвенников, а Шасэн сделался Златотелым архатом.

На этом заканчивается история паломничества Танского монаха и трех его учеников на Запад. Много испытаний выпало на их долю, но они победили зло, и добро восторжествовало!

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вольфрам фон Эшенбах (Wolfram von Eschenbach) [ок. 1170 — ок. 1220]

Парцифаль (Parzival)

Стихотворный рыцарский роман (1198–1210, опубл. 1783)

Анжуйский король погибает на поле битвы. По древнему обычаю трон переходит к старшему сыну. Но тот милостиво предлагает младшему брату Гамурету разделить наследство поровну. Гамурет отказывается от богатства и отправляется в чужие края, чтобы рыцарскими подвигами прославить имя короля. Гамурет предлагает свою помощь властителю Багдада Баруку и одерживает победу за победой. После многих приключений морские волны прибивают корабль Гамурета к берегам королевства мавров под названием Зазаманка. Повсюду юноша видит следы военного поражения. Чернокожая королева Зазаманки — красавица Белакана — просит у него помощи. Рыцарь доблестно сражается с врагами мавров, одерживает победу, добивается любви Белаканы и становится королем Зазаманки. Но вскоре в нем снова просыпается жажда военных подвигов, и он тайно покидает супругу. В его отсутствие у Белаканы рождается сын Фейрефиц, тело которого наполовину черное, наполовину — белое. Гамурет прибывает в Испанию. Королева Герцелойда, желая выбрать себе достойного супруга, посещает рыцарский турнир. Побеждает Гамурет. После долгих и мучительных колебаний он соглашается обвенчаться с Герцелойдой при условии, что она не станет удерживать его в королевстве. Он отправляется в очередной поход и погибает.

У королевы рождается сын Парцифаль. Вместе с ним и несколькими подданными безутешная Герцелойда покидает королевство и уединяется в лесу. Пытаясь уберечь Парцифаля от отцовской участи, она запрещает слугам упоминать имя отца и все, что связано с его происхождением, войнами и рыцарскими подвигами. Мальчик растет на лоне природы, проводя время в невинных забавах. Годы проходят незаметно. Однажды во время охоты Парцифаль встречает в лесу трех всадников. Восхищенный великолепным снаряжением рыцарей, юноша принимает их за богов и падает на колени. Те поднимают его на смех и скрываются. Вскоре перед Парцифалем предстает еще один рыцарь; он так прекрасен, что юноша и его принимает за божество. Граф Ультерек рассказывает Парцифалю о том, что он

преследует троих злоумышленников. Они похитили девушку и, презрев рыцарскую честь, скрылись. Юноша указывает ему, в каком направлении поскакали всадники. Граф увлекает простодушного юношу рассказами о рыцарских подвигах и о жизни при дворе короля Артура и говорит, что Парцифаль тоже может поступить к королю на службу. Юноша приходит к матери и требует коня и доспехи, чтобы отправиться в Нант, к королю Артуру. Встревоженная Герцелойда выбирает для сына старую клячу и шутовской наряд в надежде, что в таком виде упрямого и неотесанного мальчишку не допустят ко двору. На прощание она дает ему наказ: помогать добрым, не знаться с плохими, а если уж он полюбит девушку, то пусть возьмет у нее кольцо. И еще он должен запомнить имя их лютого врага, злодея Леелина, который разорил ее королевство. Обрадованный Парцифаль уезжает, а безутешная мать вскоре умирает от горя.

В лесу юноша видит шатер, а в нем — прекрасную спящую девушку. Недолго думая, он снимает с нее кольцо и целует в губы. Та в ужасе просыпается и прогоняет дерзкого юнца. Вскоре возвращается ее муж — Орилус, видит следы незнакомца и в гневе обвиняетее в измене. Тем временем Парцифаль спешит дальше. Он встречает девушку, рыдающую над убитым женихом, и клянется расправиться с убийцей, герцогом Орилусом. Из рассказа Парцифаля девушка догадывается, кто он, и раскрывает ему тайну его происхождения. Оказывается, что она — его двоюродная сестра, Сигуна, Юноша снова пускается в путь и встречает Итера Красного, двоюродного племянника короля Артура. Тот рассказывает ему, что король лишил его владений; Итер же взял в залог золотой кубок короля и отдаст его лишь при одном условии: он сразится с любым рыцарем из свиты короля, чтобы вернуть себе право на свои земли. Юноша обещает рыцарю передать королю Артуру его просьбу.

Представ перед королем в своем шутовском наряде, Парцифаль требует, чтобы его приняли в королевскую свиту, наивно считая себя готовым для рыцарского служения. Он рассказывает о встрече с Итером Красным и передает королю, что тот жаждет честного единоборства. Чтобы избавиться от докучливого чудака, советник короля предлагает тому отправить его на поединок. Опасаясь за его жизнь и вместе с тем не желая обидеть честолюбивого Парцифаля, король неохотно соглашается. Юноша вступает в поединок и чудом одерживает победу. Надев доспехи убитого рыцаря, юноша отправляется дальше.

Парцифаль приезжает в город, где его радушно принимает князь Гурнеманц Узнав его историю, он решает обучить

неискушенного юношу правилам рыцарского поведения. Он объясняет Парцифалю, что рыцарь не должен позволять себе глупые выходки и без конца задавать никчемные вопросы. усвоив эти полезные советы, Парцифаль отправляется дальше. Он подъезжает к осажденному городу, которым правит племянница Гурнеманца, королева Кондвирамур. Парцифаль побеждает ее врагов и дарует им жизнь при условии, что они отныне станут служить королю Артуру. Добившись любви королевы, Парцифаль женится на ней. Став королем, он живет в счастье и достатке, но тоска по матери заставляет его снова пуститься в путь.

Очутившись в лесу, на берегу озера, Парцифаль видит в окружении рыбаков человека в расшитом золотом королевском одеянии, и тот предлагает ему переночевать в его замке. К изумлению Парцифаля, жители приветствуют его радостными криками. В роскошной заде он видит хозяина замка, Анфортаса. По его виду Парцифаль догадывается, что тот тяжело болен. Внезапно начинают происходить необъяснимые вещи. В зал вбегает оруженосец с окровавленным копьем, и все начинают стонать и плакать. Потом появляются прекрасные девы со светильниками, а за ними — королева, которая вносит священный камень Грааль, от которого исходит чудесное сияние. Когда она ставит его перед Анфортасом, на столах вдруг появляются изысканные кушанья. Парцифаль потрясен всем происходящим, однако он не решается задавать вопросы, помня поучения Гурнеманца. На следующее утро он обнаруживает, что замок опустел, и едет дальше.

В лесу он встречает девушку и узнает в ней свою двоюродную сестру Сигуну. Услышав, что он побывал в Мунсальвеше — так называется замок — и при виде всех чудес не задал королю ни одного вопроса, она осыпает Парцифаля проклятиями. Оказывается, одним своим вопросом он мог исцелить Анфортаса и вернуть былое процветание королевству. Парцифаль в отчаянии продолжает свой путь и встречает ту самую красавицу, с руки которой когда-то дерзко снял кольцо. Ревнивый муж проклял ее, и она скитается по свету, нищая и одетая в рубище. Парцифаль возвращает кольцо и доказывает невиновность девушки.

Тем временем король Артур отправляется в поход и по пути расспрашивает всех о доблестном рыцаре Парцифале, чтобы причислить его к героям Круглого стола. Когда Парцифаля приводит к королю племянник Артура Гаван, внезапно появляется волшебница Кундри. Она рассказывает всем о том, что Парцифаль не воспользовался возможностью исцелить Анфортаса. Теперь для Парцифаля остается одно средство спасти Анфортаса: искупить свою вину подвигами. Кундри рассказывает

о замке Шатель Марвей, где томятся четыреста прекрасных дев, которых взял в плен враг Анфортаса, злодей Клингсор.

Пристыженный и опечаленный, Парцифаль покидает короля Артура. По дороге в Мунсальвеш он встречает богомольцев. В этот святой день — в Страстную пятницу — они призывают молодого рыцаря присоединиться к ним. Но он отказывается, утратив веру в Бога после стольких злоключений и неудач. Но вскоре он раскаивается и исповедуется в своих грехах отшельнику Треврицентy. Оказывается, что этот отшельник — брат Анфортаса и Герцелойды. Он рассказывает Парцифалю историю Анфортаса. Унаследовав чудесный камень Грааль, он жаждал еще большей славы, но в поединке получил рану, которая с тех пор не заживала. Однажды на святом камне появилась надпись: исцелить Анфортаса может рыцарь, который, исполнившись сострадания, задаст ему вопрос о причине его мук. Парцифаль узнает, что после исцеления Анфортаса хранителем Грааля станет тот, чье имя появится на камне.

Тем временем Гаван после многих приключений прибывает в замок Шатель Марвей. Об этом замке рыцарям рассказывала волшебница Кундри. Пройдя все испытания, которые устраивает ему хозяин замка Клингсор, он освобождает пленных красавиц. Теперь Гавану предстоит бой с его давним врагом Грамофланцем. По ошибке он принимает за него своего друга Парцифаля, и они сражаются. Парцифаль начинает одолевать незнакомого ему рыцаря, но внезапно узнает, что это его друг Гаван, Завтра Гаван должен сразиться с Грамофланцем, но он обессилен поединком с Парцифалем. Под видом Гавана Парцифаль втайне от него бьется с Грамофланцем и побеждает.

Парцифаль снова пускается в путь. В чужих краях он вступает в единоборство с повелителем мавров Фейрефицем. Не подозревая о том, что это его сводный брат, сын Гамурета, Парцифаль бьется с ним не на жизнь, а на смерть. Но силы противников равны. Узнав, что они братья, они бросаются в объятья друг другу и вместе отправляются к королю Артуру. Там Парцифаль снова видит волшебницу Кундри, и та торжественно объявляет всем о том, что молодой рыцарь прошел все испытания и искупил свою вину. На камне Грааль появилось его имя. Небеса избрали Парцифаля: отныне он становится хранителем Грааля. Парцифаль с Фейрефицем прибывают в Мунсальвеш, и Парцифаль наконец задает Анфортасу вопрос, которого все так долго ждали. Анфортас исцеляется. В это время в замок приезжает супруга Парцифаля, Кондвирамур, с двумя сыновьями. Фейрефиц принимает святое крещение и женится на сестре Анфортаса. Все в замке празднуют избавление от бедствий,

некогда постигнувших королевство.

А. В. Вигилянская

Песнь о Нибедунгах (Das Nibelungenlied)

Эпическая поэма (ок. 1200)

Нибелунгом звали одного из двух королей, убитых Зигфридом. Затем это имя перешло к самому нидерландскому витязю и его сказочным подданным — хранителям клада. Начиная с двадцать пятой авентюры нибелунгами именуются бургунды.

В чудесных сказаниях минувших дней говорится, что жила в земле бургундов девушка по имени Кримхильда — такая прекрасная и милая, что о ней мечтали все рыцари земли. Причиной многих бедствий стала эта необыкновенная красота.

Кримхильда росла в стольном городе Вормсе под защитой трех братьев-королей, отважных и благородных витязей. Гунтер, Гернот и юный Гизельхер правили Бургундией, опираясь на храбрую дружину и верных вассалов, — самым могущественным из них был Хаген, владетель Тронье. Часами можно было бы рассказывать об этом блестящем дворе, о подвигах бургундских богатырей, об их турнирах, пирах и забавах.

Однажды Кримхильде приснился сон, будто залетел к ней в горницу сокол и на ее глазах заклевали его два орла. Мать Ута сказала дочери, что сокол — это ее будущий супруг, которому суждено погибнуть от руки убийц. Тогда девушка решила не выходить замуж, чтобы не оплакивать потом любимого. Многие сватались к прелестной королевне, но получали отказ. Она наслаждалась покоем, пока славный витязь не повел ее к венцу. За смерть его Кримхильда страшно отомстила своей родне.

У короля Нидерландов Зигмунда был сын Зигфрид — краса и гордость родной страны. Молодой воитель был так смел и хорош собой, что все дамы вздыхали о нем. Прослышав о дивной бургундской деве, Зигфрид вознамерился добиться ее руки. Встревоженные родители умоляли сына не связываться со спесивыми и воинственными бургундами. Но Зигфрид настоял на своем и отправился в далекий путь, взяв с собой всего двенадцать человек. Двор провожал королевича в унынии и тоске — многим сердце подсказывало, что эта затея не доведет до добра.

Когда чужеземные витязи появились в Вормсе, Хаген сразу узнал Зигфрида и посоветовал Гунтеру с почетом принять прославленного героя, который в честном поединке завоевал громадный клад Нибелунгов, меч Бальмунг и плащ-невидимку.

Вдобавок рыцарь этот неуязвим: убив страшного дракона и омывшись в крови, он ороговел так, что никакое оружие его не брало. Зигфрид с ходу предложил Гунтеру поединок в заклад на владения. Всех бургундов взбесил этот надменный вызов, но Хаген, ко всеобщему удивлению, промолчал. Король утихомирил пылкого витязя ласковыми словами, и Зигфрид, опасаясь лишиться Кримхильды, принял приглашение погостить в Вормсе. Год прошел в турнирах и состязаниях: Зигфрид неизменно брал верх, однако ему так и не удалось увидеться с Кримхильдой, хотя девушка тайком следила за ним из окна. Внезапно саксы и датчане объявили войну Гунтеру. Бургунды были захвачены врасплох, и король, следуя совету Хагена, рассказал обо всем Зигфриду. Герой обещал отразить угрозу со своими нидерландцами и в помощь себе попросил лишь дружину бойцов из Тронье. Кичливым саксам и датчанам был дан сокрушительный отпор — Зигфрид собственноручно пленил их вождей, которые дали клятву никогда больше не нападать на бургундов. В награду Гунтер позволил Зигфриду встретиться на пиру с сестрой.

Гунтер мечтал взять в жены королеву Исландии Брюнхильду — могучую деву-воительницу. Зигфрид согласился помочь другу, но взамен потребовал руки Кримхильды. Было решено, что в опасную поездку отправятся четверо — оба короля и Хаген со своим младшим братом Данквартом. Брюнхильда сразу выделила Зигфрида и приветствовала его первым, однако нидерландский герой сказал, что он всего лишь вассал бургундского короля. Гунтеру предстояло одолеть Брюнхильду в трех состязаниях: сильнее метнуть копье и дальше бросить камень, а затем перепрыгнуть его в полном вооружении. Проигравшего витязя, равно как и всех его спутников, ожидала неминуемая смерть. Воспользовавшись плащом-невидимкой, Зигфрид победил Брюнхильду, и гордой деве пришлось смириться: она дала согласие на брак, а исландцам своим объявила, что отныне они являются подданными Гунтера. Чтобы отрезать ей путь к отступлению, Зигфрид съездил за своими вассалами-нибелунгами.

Когда герои с торжеством вернулись в Вормс, Зигфрид напомнил Гунтеру об их уговоре. Две свадьбы сыграли в один день. Брюнхильда сочла, что король унизил сестру, которая стала женой простого вассала. Объяснения Гунтера ее не удовлетворили, и она пригрозила, что не пустит его на ложе, пока не узнает правды. Король попытался взять жену силой, но богатырша связала его и повесила на крюк в спальне. Гунтер вновь обратился к Зигфриду. Тот явился под покровом плаща-

невидимки и усмирил Брюнхильду, сняв с нее пояс и кольцо. Позднее он отдал эти вещи Кримхильде — роковая беспечность, за которую ему дорого пришлось заплатить. А Гунтер овладел богатырской девой, и с этого момента она стала равна по силе всем женщинам. Обе супружеские пары были счастливы в браке. Зигфрид вернулся с молодой женой в Нидерланды, где его с ликованием встретили вассалы и родня. Престарелый Зигмунд с радостью уступил трон сыну. Через десять лет Кримхильда родила наследника, которого нарекли Гунтером в честь дяди. У Брюнхильды также родился сын, и ему дали имя Зигфрид.

Брюнхильда часто задавалась вопросом: отчего золовка так чванится, ведь в мужья ей достался хоть и знатный, но вассал? Королева стала просить Гунтера пригласить Зигфрида с супругой в гости. Тот уступил с большой неохотой и послал гонцов в Нидерланды. Напротив, Зигфрид был рад увидеться с вормсской родней, и даже старик Зигмунд согласился сопровождать его. В празднествах и забавах быстро пролетело десять дней, а на одиннадцатый королевы затеяли спор о том, чей муж доблестнее. Сначала Кримхильда сказала, что Зигфрид без труда мог бы овладеть королевством Гунтера. Брюнхильда возразила на это, что Зигфрид — слуга ее мужа. Кримхильда пришла в ярость; братья никогда не выдали бы ее за вассала, и чтобы доказать всю нелепость этих утверждений, она первой войдет в собор. У врат собора Брюнхильда надменно приказала уступить ей дорогу — жена ленника не должна перечить своей госпоже. Кримхильда бросила, что наложнице ее супруга лучше бы помолчать. Брюнхильда с нетерпением ожидала конца службы, желая опровергнуть ужасное обвинение. Тогда Кримхильда предъявила пояс и кольцо, неосторожно отданные ей Зигфридом. Брюнхильда разрыдалась, а Гунтер призвал Зигфрида к ответу. Тот поклялся, что ничего не рассказывал жене. Честь бургундского короля оказалась под угрозой, и Хаген стал склонять его к мести.

После долгих колебаний Гунтер согласился. Была придумана хитрость, чтобы выведать секрет неуязвимого Зигфрида: ложные гонцы явились в Вормс с известием, что на бургундов вновь идут войной саксы и датчане. Разъяренный Зигфрид рвался в бой с изменниками, а Кримхильда изнемогала от страха за мужа — именно в этот момент к ней явился хитрый Хаген. В надежде защитить мужа, она открылась родичу: когда Зигфрид купался в крови дракона, на спину ему упал липовый лист — ив этом месте герой стал уязвим. Хаген попросил нашить крохотный крестик на кафтан Зигфрида — якобы для того, чтобы лучше оберегать нидерландца в бою. После этого было объявлено, что датчане с саксами позорно отступили, и Гунтер предложил свояку

развлечься охотой. Когда разгоряченный и безоружный Зигфрид склонился над родником, чтобы напиться, Хаген нанес ему предательский удар. Мертвого витязя положили к порогу Кримхильды; утром на него наткнулись слуги, и несчастная сразу же поняла, какое горе обрушилось на нее. Нибелунги и Зигмунд готовы были немедленно рассчитаться с неведомым врагом, а бургунды твердили, что Зигфрид убит в лесу безвестными разбойниками. Лишь Кримхильда не сомневалась, что месть свершил Хаген по наущению Брюнхильды и с ведома Гунтера. Безутешная вдова хотела уехать в Нидерланды, но родичи сумели отговорить ее: она будет там всем чужой и ненавистной из-за родства с бургундами. К негодованию Зигмунда, Кримхильда осталась в Вормсе, а затем Хаген осуществил свой давний замысел: отобрал у вдовы клад Нибелунгов — свадебный подарок мужа. С согласия королей владетель Тронье утопил несметные сокровища в Рейне, и все четверо дали клятву не открывать, где таится клад, пока жив хоть один из них,

Прошло тринадцать лет. Кримхильда жила в горести и одиночестве, оплакивая мужа. Могущественный владыка гуннов Этцель, лишившись супруги Хельхи, стал подумывать о новой женитьбе. Приближенные подсказали ему, что на Рейне живет прекрасная Кримхильда, вдова несравненного Зигфрида. В Вормс отправился маркграф Бехларена Рюдегер — преданный вассал Этцеля. Братья-короли встретили сватовство благосклонно, зато Хаген яростно возражал против этого брака. Но Гунтеру хотелось примириться с сестрой и как-то загладить свою вину перед ней. Оставалось убедить Кримхильду, и Рюдегер поклялся защищать ее от всех врагов. Вдова, помышлявшая только о мести, согласилась. Прощание с родней было холодным — Кримхильда сожалела только о матери и юном Гизельхере.

Молодой женщине предстоял дальний путь. Везде ее принимали с величайшим почетом, ибо Этцель превосходил могуществом всех королей земли. Вскоре Кримхильда завоевала сердца гуннов щедростью и красотой. К великому счастью супруга и подданных, она родила сына — Ортлиб должен был унаследовать двенадцать корон. Не сомневаясь больше в привязанности гуннов, Кримхильда через тринадцать лет после свадьбы подступила к мужу с просьбой — пригласить в гости братьев, чтобы люди не называли ее безродной. Эгцель, радуясь возможности угодить любимой супруге, немедленно послал гонцов на Рейн. Тайно встретившись с ними перед отъездом, Кримхильда научила их, как добиться того, чтобы вместе с братьями приехал и ее заклятый враг. Несмотря на яростные возражения Хагена, бургундские короли согласились поехать к

зятю — владелец Тронье уступил, когда Гернот осмелился упрекнуть его в трусости.

Нибелунги выступили в поход — их было девять сотен витязей и девять тысяч слуг. Вещие девы-русалки предупредили Хагена, что все они, кроме капеллана, погибнут в чужом краю. Владетель Тронье, убив вспыльчивого перевозчика, собственноручно переправил войско через Дунай. Желая проверить предсказание, Хаген столкнул капеллана за борт и попытался утопить шестом, но старый священник сумел добраться до противоположного берега. Тогда Хаген разбил корабль в щепы и приказал соратникам готовиться к неминуемой смерти. Тут на нибелунгов напали баварцы, разъяренные убийством перевозчика, но их натиск был отбит. Зато в Бехларене бургундов встретили радушно, ибо Рюдегер не подозревал о замыслах Кримхильды. Юный Гизельхер обручился с дочерью маркграфа, Гернот получил от него в подарок меч, а Хаген — щит. Бехларенская дружина с радостью отправилась к Этцелю — никто из витязей Рюдегера не знал, что прощается с родней навеки.

Гунны с нетерпением ожидали дорогих гостей. Особенно хотелось всем поглядеть на того, кем был убит Зигфрид. Кримхильда также трепетала от нетерпения — увидев Хагена, она поняла, что час мести пробил. Королева, выйдя навстречу родным, поцеловала лишь одного Гизельхера. Хаген не преминул саркастически это отметить, чем привел Кримхильду в еще большую ярость. А нибелунгов предупредил о нависшей над ними угрозе Дитрих Бернский — могучий витязь, потерявший свое королевство и нашедший приют у Этцеля. При гуннском дворе собралось немало изгнанников: все они были преданы Этцелю и дорого поплатились за свою верность.

Из всех соратников Хаген особо выделял смелого Фолькера, которого прозвали шпильманом за прекрасную игру на скрипке. Выйдя во двор, оба друга уселись на скамью, и Кримхильда заметила их из окна. Она решила воспользоваться удобным случаем и собрала множество гуннов, чтобы поквитаться наконец со своим обидчиком. Высокомерный Хаген не пожелал встать перед королевой и выставил напоказ меч Бадьмунг, отнятый им у мертвого Зигфрида. Кримхильда заплакала от гнева и унижения, однако гунны не решились напасть на отважных витязей. А Хаген велел бургундам не снимать оружия даже в церкви. Изумленный Этцель спросил, кто осмелился обидеть гостей. Хаген ответил, что их никто не оскорблял, просто в Бургундии заведено три дня пировать в полном вооружении. Кримхильда помнила обычаи родной страны, но смолчала из страха прогневить мужа. Тогда

она подговорила Бледеля, брата Этцеля, расправиться с бургундской челядью, которая пировала отдельно под присмотром Данкварта. Обуянная злобой, женщина приказала также привести на торжество малютку Ортлиба.

Бледель напал на почти безоружных слуг. Бургундские храбрецы сражались с невиданной отвагой, но только Данкварту удалось вырваться из этой бойни живым. Прорубив себе дорогу мечом, он ворвался в главный зал с известием о неслыханной измене. В ответ Хаген снес голову Ортлиба с плеч, и тут же разгорелся жестокий бой. Бургунды позволили выйти лишь своим друзьям — Дитриху с его амелунгами и Рюдегеру с бехларенской дружиной. Властитель Берна спас от неминуемой гибели и Этцеля с Кримхильдой. Нибелунги, перебив семь тысяч гуннов, выбросили трупы на лестницу. Тогда в кровавое побоище бросились датчане с саксами — нибелунги перебили и их. День близился к вечеру, и бургунды попросили перенести сражение во двор. Но мстительная Кримхильда потребовала голову Хагена — и даже Гизельхеру не удалось ее смягчить. Этцель приказал поджечь зал, однако герои стали тушить пламя кровью.

Наутро Этцель вновь послал в бой остатки своей дружины. Рюдегер попытался воззвать к Дитриху, но тот сказал, что бургундов уже не спасти — король никогда не простит им смерти сына. Кримхильда же потребовала, чтобы Рюдегер исполнил обет. Тщетно несчастный маркграф умолял не губить его душу: Этцель в ответ твердил о вассальном долге. Началась самая страшная схватка — в бой вступили друзья. Рюдегер отдал Хагену свой щит: растроганный владетель Тронье поклялся не поднимать на него меча, но маркграф пал от руки смертельно раненного им Гернота. Бехларенцы погибли все до единого.

Амелунги, узнав об этом, горько зарыдали и попросили бургундов выдать тело маркграфа. Старый оруженосец Дитриха Хильдебранд пытался сдержать горячую молодежь, но вспыхнула перебранка, а вслед за ней битва. В этом последнем сражении пали все амелунги, а у бургундов в живых осталось только двое — Гунтер и Хаген. Потрясенный Дитрих, в одночасье лишившийся дружины, предложил им сдаться, обещая сохранить жизнь, но Хагена это привело в безумный гнев. Бургунды были уже измучены схваткой. В отчаянном поединке властитель Берна пленил обоих и передал Кримхильде, умоляя пощадить их. Кримхильда пришла в темницу к Хагену с требованием вернуть клад. Владетель Тронье ответил на это, что поклялся не раскрывать тайну, пока жив хоть один из королей. Кримхильда приказала убить Гунтера и принесла Хагену отрубленную голову. Для владетеля Тронье наступил миг торжества: он объявил

«ведьме», что теперь клад не достанется ей никогда. Кримхильда собственноручно отрубила ему голову, и Этцель не смог сдержать рыданий — женской рукой был убит храбрейший из витязей. Старик Хильдебранд в негодовании сразил «дьяволицу» мечом. Так погибли нибелунги — достойнейших и лучших всегда ждет безвременная смерть.

Е. Д. Мурашкинцева

НИДЕРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Эразм Роттердамский (Erasmus Roterdamus) [1469–1536]

Похвала Глупости (Morial Encomium [sive] Stultitial Laus)

Сатирическое сочинение (1509)

Глупость говорит: пусть грубые смертные толкуют о ней, как им угодно, она же дерзает утверждать, что ее божественное присутствие, только оно одно, веселит богов и людей. А посему сейчас будет произнесено похвальное слово Глупости.

Кому, как не Глупости, подобает стать трубачом собственной славы? Ведь леностные и неблагодарные смертные, усердно ее почитая и охотно пользуясь ее благодеяниями, в продолжении стольких веков не удосужились воздать в благодарственной речи похвалу Глупости. И вот она, Глупость, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут Стультицией, а греки Морией, самолично выступает пред всеми во всей своей красе.

Итак, поскольку далеко не всем известно, из какого рода она происходит, то, призвав на помощь Музы, прежде всего излагает Глупость свою родословную. Отец ее — Плутос, который, не во гнев будет сказано Гомеру, Гесиоду и даже самому Юпитеру, есть единственный и подлинный отец богов и людей. Кому он благоволит, тому и дела нет до Юпитера с его громами. И родилась Глупость, пользуясь словами Гомера, не в узах унылого брака, а от вожделения свободной любви. И был в ту пору отецее ловким и бодрым, хмельным от юности, а еще больше — от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру богов.

Рождена Глупость на тех Счастливых островах, где не сеют, не пашут, а в житницы собирают. Нет на этих островах ни старости, ни болезней, и не увидишь там на полях ни волчцов, ни бобов и тому подобной дряни, а лишь лотосы, розы, фиалки и гиацинты. И питали дитя своими сосцами две прелестные нимфы — Метэ-Опьянение и Апедия-Невоспитанность. Теперь же состоят они в свите спутниц и наперсниц Глупости, а с ними и Колакиия-Лесть, и Лета-Забвение, и Мисопония-Лень, и Гедонэ-Наслаждение, и Анойя-Безумие, и Трифэ-Чревоугодие. А вот еще два бога, замешавшиеся в девичий хоровод: Комос-Разгул и Негретос Гипнос-Непробудный сон. С помощью этих верных слуг подчиняет Глупость весь род людской и отдает повеления самим императорам.

Узнав, каков род, каково воспитание и какова свита Глупости, навострите уши и внимайте, какими благами одаряет она богов и людей и как широко простирается ее божественная сила.

Прежде всего — что может быть слаще и драгоценней самой жизни? Но к кому, как не к Глупости, должен взывать мудрец, ежели вдруг возжелает стать отцом? Ведь скажите по совести, какой муж согласился бы надеть на себя узду брака, если бы, по обычаю мудрецов, предварительно взвесил все невзгоды супружеской жизни? А какая женщина допустила бы к себе мужа, если бы подумала и поразмыслила об опасностях и муках родов и о трудностях воспитания детей? Итак, только благодаря хмельной и веселой игре Глупости рождаются на свет и угрюмые философы, и порфироносные государи, и трижды пречистые первосвященники, и даже весь многочисленный рой поэтических богов.

Мало того, все, что есть в жизни приятного, — тоже дар Глупости, и сейчас это будет доказано. Чем была бы земная жизнь, если б лишена была она наслаждений? Сами стоики отнюдь не отворачиваются от наслаждений. Ведь что останется в жизни, кроме печали, скуки и тягот, если не примешать к ней малую толику наслаждения, иначе говоря, если не сдобрить ее глупостью?

Первые годы — самый приятный и веселый возраст в жизни человека. Чем объяснить нашу любовь к детям, если не тем, что мудрость окутала младенцев привлекательным покровом глупости, который, чаруя родителей, вознаграждает их за труды, а малюткам доставляет любовь и опеку, для них необходимые.

За детством следует юность, В чем источник очарования юности, если не в Глупости? Чем меньше умничает мальчик по милости Глупости, тем приятнее он всем и каждому. А чем больше удаляется человек от Глупости, тем меньше остается ему жить, пока не наступит наконец тягостная старость. Никто из смертных не вынес бы старости, если бы Глупость не сжалилась над несчастными и не поспешила бы им на помощь. По ее милости старцы могут считаться недурными собутыльниками, приятными друзьями и даже принимают участие в веселой беседе.

А каковы тощие угрюмцы, придающиеся изучению философии! Не успев стать юношами, они уже состарились, упорные размышления иссушили их жизненные соки. А дурачки, напротив, — гладенькие, беленькие, с холеной шкуркой, настоящие акарнские свинки, никогда не испытают они тягот старости, если только не заразятся ею, общаясь с умниками. Недаром учит народная пословица, что одна только глупость

способна удержать быстро бегущую юность и отдалить постылую старость.

И ведь не найти на земле ни веселья, ни счастья, которые не были бы дарами Глупости. Мужчины, рожденные для дел правления и посему получившие несколько лишних капель разума, сочетаются браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она бестолковостью своей и подсластила тоскливую важность мужского ума. Известно, что женщина вечно будет женщиной, иначе говоря — дурой, но чем привлекают они к себе мужчин, как не Глупостью? В Глупости женщины — высшее блаженство мужчины.

Впрочем, многие мужчины высшее блаженство находят в попойках. Но можно ли представить себе веселый пир без приправы Глупости? Стоит ли обременять чрево снедью и лакомствами, если при этом глаза, уши и дух не услаждаются смехом, играми и шутками? А именно Глупостью заведено все это для блага человеческого рода.

Но, быть может, найдутся люди, которые находят радость лишь в общении с друзьями? Но и тут не обойдется без глупости и легкомыслия. Да что там толковать! Сам Купидон, виновник и родитель всякого сближения между людьми, разве он не слеп и разве не кажется ему безобразное прекрасным? Боже бессмертный, сколько было бы повсеместно разводов или чего другого похуже, если б мужья и жены не скрашивали и не облегчали домашнюю жизнь при помощи лести, шуток, легкомыслия, заблуждения, притворства и прочих спутников Глупости!

Одним словом, без Глупости никакая связь не была бы приятной и прочной: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин — раба, служанка — госпожу, учитель — ученика, жена — мужа, квартирант — домохозяина, ежели бы они не потчевали друг друга медом глупости.

Допусти мудреца на пир — и он тотчас же всех смутит угрюмым молчанием или неуместными расспросами. Позови его на танцы — он запляшет, словно верблюд. Возьми его с собой на какое-нибудь зрелище — он одним своим видом испортит публике всякое удовольствие. Если мудрец вмешается в разговор — всех напугает не хуже волка.

Но обратимся к наукам и искусствам. Не подлежит сомнению, что любая вещь имеет два лица, и лица эти отнюдь не схожи одно с другим: под красотой — безобразие, под ученостью — невежество, под весельем — печаль, под пользой — вред. Устранить ложь — значит испортить все представление, потому что именно лицедейство и притворство приковывает к себе взоры

зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не что иное, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль. И все любят и балуют дурачков. А уж государи, те своих дурачков любят, без всякого сомнения, больше, нежели хмурых мудрецов, ибо у последних два языка, из коих один говорит правду, а другой разглагольствует сообразно времени и обстоятельствам. Истине самой по себе свойственна неотразимая притягательная сила, если только не примешивается к ней ничего обидного, но лишь одним дуракам даровали боги уменье говорить правду, никого не оскорбляя.

Всех счастливее тот, кто всех безумнее. Из этого теста испечены люди, которые любят рассказы о ложных знамениях и чудесах и никак не могут досыта наслушаться басен о призраках, лемурах, выходцах с того света и тому подобной невидали; и чем более расходятся с истиной эти небылицы, тем охотнее им верят. Впрочем, нужно помянуть и о тех, кто, читая ежедневно семь стишков из священной Псалтири, сулит себе за то вечное блаженство. Ну, можно ли быть глупее?

А разве просят люди у святых чего-нибудь не имеющего отношения к Глупости? Взгляните на благодарственные приношения, которыми стены иных храмов украшены вплоть до самой кровли, — увидите ли вы среди них хоть одно пожертвование за избавление от глупости, за то, что приноситель стал чуть-чуть умнее бревна? Так сладко ни о чем не думать, что от всего откажутся люди, только не от Мории.

Не только большинство людей заражено глупостью, но и целые народы. И вот в самообольщении британцы заявляют исключительные притязания на телесную красоту, музыкальное искусство и хороший стол. Французы только себе приписывают приятную обходительность. Итальянцы присвоили себе первенство в изящной литературе и красноречии, а посему пребывают в таком сладостном обольщении, что из всех смертных единственно лишь себя не почитают варварами. Испанцы никому не согласны уступить своей воинской славы. Немцы бахвалятся высоким ростом и знанием магии. Рука об руку с самообольщением идет лесть. Это благодаря ей каждый становится приятнее и милее самому себе, а ведь в этом и состоит наивысшее счастье. Лесть — это мед и приправа во всяком общении между людьми.

Говорят, что заблуждаться — это несчастье; напротив, не заблуждаться — вот величайшее из несчастий! Счастье зависит не от самих вещей, но от нашего мнения о вещах, а знание нередко отнимает радость жизни. Если супруга до крайности безобразна, но мужу своему кажется достойной соперницей Венеры, то не все

ли равно, как если бы она была воистину красавицей?

Итак, либо нет никакой разницы между мудрецами и дураками, либо положение дураков не в пример выгоднее. Во-первых, их счастье, покоящееся на обмане или самообмане, достается им гораздо дешевле, а во-вторых, они могут разделить свое счастье с большинством других людей.

Многие люди всем обязаны Глупости. Есть среди них грамматики, риторы, юристы, философы, поэты, ораторы, а в особенности те, которые марают бумагу разной чушью, ибо кто пишет по-ученому, достоин скорее сожаления, чем зависти. Поглядите, как мучаются такие люди: прибавляют, изменяют, вычеркивают, затем, лет эдак через девять, печатают, все еще недовольные собственным трудом. Прибавьте к этому расстроенное здоровье, увядшую красоту, близорукость, раннюю старость, да всего и не перечислишь. И наш мудролюб мнит себя вознагражденным, ежели похвалят его два-три таких же ученых слепца. Напротив, сколь счастлив сочинитель, послушный внушениям Глупости: он не станет корпеть по ночам, но записывает все, что взбредет ему на ум, ничем не рискуя, кроме нескольких грошей, истраченных на бумагу, и зная заранее, что чем больше вздора будет в его писаниях, тем вернее угодит он большинству, то есть всем дуракам и невеждам. Но всего забавнее, когда глупцы начинают восхвалять глупцов, невежды — невежд, когда они взаимно прославляют друг друга в льстивых посланиях и стихах. Что до богословов, то не лучше ли не прикасаться к этому ядовитому растению, хотя они и в великом долгу у Глупости.

Впрочем, никому нельзя забывать меру и границу, а посему говорит Глупость: «Будьте здравы, рукоплещите, живите, пейте, достославные сопричастники таинств Мории».

Е. В. Морозова

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абулькасим Фирдоуси [ок. 940 — 1020 или 1030]

Сказание о Сиавуше

Из поэтической эпопеи «Шахнаме» (1-я ред. — 994, 2-я ред. — 1010)

Рассказывают, что однажды утренней порой доблестный Тус и прославленный в боях Гив в сопровождении сотни воинов с борзыми и соколами поскакали к равнине Дагуй потешить себя охотой. Настреляв дичи в степи, они отправились в лесок. Вдали показалась девушка. Охотники поспешили к ней. Перед ними предстала стройная как кипарис невиданная красавица. На вопрос Туса, кто она такая, девушка призналась, что ушла из дома из-за отца, который в нетрезвом состоянии грозился убить ее. В разговоре с ней выяснилось, что она из рода шаха Феридуна. С дорогим венцом на голове, верхом на коне покинула она дом. Но конь пал в пути, обессилев, а ее саму оглушили и ограбили разбойники.

Обоим молодцам девица пришлась по сердцу, и между ними разгорелся яростный спор, кому она достанется. Решили вынести его на суд владыки Ирана Кей Кавуса, а тот заявил, что такая красавица достойна только властелина. Девицу посадили на трон и увенчали короной. Когда пришел срок, молодая царица родила сына необыкновенной красоты. Нарекли его Сиавушем.

Младенец рос среди дворцовой роскоши. Однажды пришел из Забула могучий Ростем. Заметив при дворе резвого царевича, попросил он шаха доверить ему воспитание львенка. Шах не видел причины для отказа. Ростем увез Сиавуша в Забул, где под надзором прославленного витязя он был приобщен к дворцовой жизни, получил необходимое для той поры воспитание, превзошел всех своих сверстников в ратном деле.

Пришло время воспитаннику Ростема вернуться к родному очагу. Гонцы принесли Кей Кавусу, отцу царевича, радостную весть. Шах приказал своим военачальникам Тусу и Гиву поскакать навстречу наследнику. Повелитель Ирана гордился своим сыном и молился о нем небесам. Был устроен пышный пир по случаю возвращения царевича.

Неожиданно к Сиавушу подкралась беда: умерла любимая мать. Прошло немного времени, как другая жена отца, Судабе, влюбилась с первого взгляда в молодого красавца. Начались

бесконечные преследования. Судабе неоднократно заманивала юношу в свой дворец, но тщетно. Судабе решилась на весьма рискованный шаг — пожаловалась мужу на якобы бессердечность и невнимание своего пасынка, который игнорирует не только ее, но и своих сестер и, несмотря на неоднократные приглашения, ни разу не удостоил их своим посещением. Кей Кавус, ничего не подозревая, посоветовал сыну быть внимательным к мачехе и ее дочерям, Сиавуш, опасаясь стать жертвой интриг Судабе, попросил отца позволить ему искать общества прославленных воинов. Отец настаивал на своем и второй раз велел Сиавушу навестить сестер. Старый слуга Хирбед повел Сиавуша к женским покоям. В чертоге молодой царевич увидел небывалую роскошь: путь был устлан китайской золотой парчой, трон из чистого золота был украшен драгоценными камнями. На троне, блистая неземной красотой, восседала Судабе. Царица сошла с трона, отвесила низкий поклон и обняла Сиавуша. Тот был смущен. Горячие объятия мачехи показались ему неприличными. Он подошел к своим сестрам и провел с ними немалое время.

Судабе казалось, что она уже близка к цели, и при встрече с мужем расхвалила Сиавуша. Шах предложил подобрать сыну невесту и устроить свадьбу. Судабе решила выдать за царевича одну из своих дочерей. Она во второй раз пригласила в свои покои Сиавуша. Как и при первой встрече, она глубоким поклоном встретила его, усадила на трон и как бы невзначай показала на девиц, сидевших недалеко, и спросила, какая из них больше нравится ему, кого он изберет себе в жены. Сиавуша не прельщала такая затея. Он промолчал. Это подбодрило его собеседницу. Она, не смущаясь, раскрыла свой тайный замысел, говоря: «Да, рядом с солнцем луна не привлекает; пользуйся моей благосклонностью, лови счастье. Возлелей меня до скончания лет, я любви своей не таю, отныне душой и телом я — твоя!» Позабыв о стыде, она крепко обняла царевича и стада страстно целовать его.

Сиавуш побоялся оскорбить ее резкостью и смущенно сказал, что готов стать ее зятем, а столь прекрасной, как она, достоин лишь повелитель, и, добавив: «Тебя я готов почитать, словно милую мать», покинул гарем шаха.

Прошло некоторое время, Судабе вновь повелела призвать к ней Сиавуша и стала опять говорить о своей страсти, о том, как она томится и изнывает от любви к нему. Почувствовав безразличие к себе со стороны Сиавуша, царица перешла к угрозам, заявив: «Если не покоришься, не захочешь меня оживить юной любовью, я тебе отомщу, лишу тебя трона». Такая дерзость вывела из себя юношу. Он в сердцах ответил: «Тому не бывать.

Мне честь дорога, не стану я обманывать отца» — и вознамерился было уйти, но царица вмиг исцарапала себе ланиты, разорвала на себе одежды и стала взывать о помощи. Услышав крик супруги, шах поспешил в гарем. Полуголая царица, смотря в гневные глаза мужа-венценосца, закричала неистово: «Сын твой, озверев от страсти, разорвал на мне одежду, шепча, что он полон любовного огня».

Выслушав жену, шах проявил благоразумие. Он решил спокойно разобраться в случившемся и расспросил Сиавуша. Тот рассказал ему, как все было на самом деле. Шах взял Сиавуша за руки, притянул к себе и обнюхал кудри и одежды сына, а затем, повторив то же самое с Судабе, понял, что нет и следа преступных объятий, о которых говорила царица. Она возводила хулу на безвинного Сиавуша. Однако наказать жену шах побоялся, опасаясь войны сее родней.

Не сумев обмануть мужа, Судабе вновь начала плести хитрые козни. Она призвала колдунью, носившую в себе ребенка, дала ей снадобье, чтобы у той случился выкидыш, а плод собралась выдать за свой, обвинив Сиавуша в убийстве ее ребенка. Колдунья согласилась и, выпив зелье, родила мертвых близнецов, которых царица велела положить в золотую лохань, а сама издала пронзительный крик. Властелин, узнав о постигшей царицу беде, разъярился, но гнева своего не выдал ничем. Наутро он пришел в покои жены и увидел встревоженных слуг и мертворожденных детей. Судабе лила слезы, говоря: «Я ведь говорила тебе о делах злодея».

В душу шаха закрались сомнения. Он обратился к звездочетам с просьбой справедливо рассудить обвинения царицы. Звездочеты трудились неделю, а затем сказали, что не он и царица родители этих детей. Царица вновь стала лить слезы и просить у шаха правосудия. Тогда владыка отдал приказ найти настоящую мать этих детей. Стража вскоре напала на след колдуньи и привела ее к шаху, угрожая петлей и мечом. Та же твердила им в ответ: «Вины за собой не ведаю, нет!» Звездочеты снова подтвердили свое решение. Судабе же сказала, что говорить правду им запретил Сиавуш. Чтобы отогнать от себя подозрения, царевич решается пройти испытание огнем, как велел великий Заратуштра. Развели огромный костер. Пламя бушевало под вопли собравшихся людей. Всем было жаль цветущего юношу.

Появился Сиавуш и сказал: «Да будет небесный свершен приговор! Коль прав я, спасатель меня спасет». Вот вороной конь понес Сиавуша сквозь огонь. Не видно стало ни всадника, ни скакуна. Все замерли и через мгновение радостно грянули: «Прошел сквозь огонь молодой властелин». Справедливость была

восстановлена. Шах решил казнить лгунью, но Сиавуш уговорил его помиловать супругу и не терзать себя. Кей Кавус еще сильнее привязался к сыну.

Тем временем шах Афрасьяб готовился к новым битвам с Ираном. Сиавуш попросил отца разрешить ему возглавить войско, сказав, что ему по плечу сокрушить Афрасьяба и повергнуть в прах вражьи головы. Шах согласился и послал гонца за Ростемом, попросив его быть защитой Сиавушу в предстоящей войне.

Под гром литавр Тус выстроил рать перед дворцом. Шах вручил Сиавушу ключи от сокровищ дворца и воинского снаряжения и поставил под его начало рать из двенадцати тысяч бойцов. После этого шах произнес перед войском напутственную речь.

Вскоре Сиавуш занял Балх и послал эту радостную весть отцу.

Афрасьябу приснился страшный сон, будто вихрь налетел на его войско, опрокинул его царственный стяг и сорвал покров с шатров.

Смерть косила воинов, кровавой горой громоздились тела. Налетели сто тысяч воинов в броне и их предводитель как вихрь на коне, Афрасьяба связали, помчали быстрее огня и бросили к ногам Кей Кавуса. Тот в ярости вонзил кинжал в грудь Афрасьяба, и тут его пробудил собственный крик.

Мобед разгадал его сон: «Могучий владыка, готовься увидеть наяву грозную рать иранцев. Твоя держава будет погублена, родная страна затоплена кровью. Сиавуш изгонит тебя прочь, а если ты победишь Сиавуша, то иранцы, мстя за него, сожгут страну».

Желая предотвратить войну, Афрасьяб отправляет с Гарсивазом караван с богатыми дарами, табун коней и множество рабов, Когда Гарсиваз вошел во дворец, царевич проявил к нему учтивость и усадил у трона, Гарсиваз изложил просьбу своего повелителя о прекращении войны.

Юный полководец Сиавуш, посоветовавшись с Ростемом, решил принять предложенный мир. Гонец сообщил об этом Афрасьябу и добавил, что Сиавуш требует при этом сотню заложников. Условие было принято, и Ростем отправился к Кей Кавусу с вестью о заключении мира.

Однако послание Сиавуша ужалило шаха. Его совсем не обрадовало решение Сиавуша, и он велел передать войско под командование Туса, а самому Сиавушу немедленно возвращаться домой, назвав его при этом «недостойным звания воина». Это оскорбило мудрейшего полководца Ростема, который в присутствии шаха вспыхнул гневом и покинул двор.

Сиавуш излил свое горе двум близким ему богатырям — Зенгу и Бахраму — и признался, что ввязался в войну из-за интриг мачехи, однако сумел вернуть стране две богатейшие области — Согд и Балх, а вместо благодарности подвергся унижению. Сиавуш в гневе возвратил Афрасьябу всех заложников и дары, которые туранцы прислали ему в день победы, войско вверил Бахраму, а сам решил не возвращаться в отчий дом. Вскоре его посланник Зенге прибыл в Туран к Афрасьябу, который оказал ему пышный прием. Узнав о решении Сиавуша, Афрасьяб был потрясен. Он посоветовался с мудрецом Пираном, который очень лестно отозвался об иранском царевиче и предложил повелителю Турана принять Сиавуша как родного сына, окружить его почетом и дать ему в жены свою дочь, исполнив положенный обряд.

Афрасьяб рассудил так: приход к нему Сиавуша — конец войнам; Кей Кавус одряхлел, конец его скор, два престола объединятся, и он станет владыкой огромной страны. Воля повелителя Турана была исполнена немедленно. К Сиавушу был срочно отправлен гонец с дружественным предложением от имени Афрасьяба. Царевич прибыл в стан владыки Турана с тремя сотнями бойцов и частью казны. Кей Кавус был сражен этим известием.

Мудрый Пиран встретил Сиавуша на границе с большим почетом, нарек его своим сыном, и они отправились в столицу Турана. Такой же сердечный прием оказал иранскому царевичу и сам властитель Турана — Афрасьяб. Он, встретив гостя с распростертыми объятиями и горячими поцелуями, был восхищен и покорен Сиавушем и обещал, что отныне Туран преданно будет служить ему.

Сиавуша ввели во дворец, усадили на блестящий трон, устроили в его честь грандиозный пир, а наутро, лишь только он проснулся, преподнесли ему богатые дары Афрасьяба. Чтобы дорогой гость не скучал, придворные устраивали в его честь всевозможные игры и забавы. По приказу правителя для игры отобрали семь наиболее искусных богатырей-всадников, но гость легко их победил. Пальма первенства досталась ему и в стрельбе из лука, и на охоте, куда все отправились во главе с самим Афрасьябом.

Старец Пиран позаботился о семейном благополучии Сиавуша и предложил ему породниться с какой-нибудь из самых знатных семей страны. Царевич, исполненный любви, заявил в ответ: «Хочу породниться с твоей семьей». Была сыграна пышная свадьба. Дочь Пирана Джерир стала первой супругой витязя. Близ милой жены Сиавуш на время забыл о своем суровом отце Кей

Кавусе.

Прошло еще немного времени, и однажды прозорливый Пиран сказал Сиавушу: «Хотя дочь моя стала твоей женой, но ты рожден для другой доли. Тебе подобает породниться с самим владыкой. Его дочь Ферангиз — алмаз, взлелеянный отцом». Сиавуш покорился, говоря: «Если таково повеление творца, то не стоит противиться его воле». Пиран выступил в качестве посредника. Он изложил желание царевича украсить свой дворец и назвать супругой несравненную дочь владыки ферангиз.

Шах задумался. Ему показалось, что Пиран слишком усердствовал, пестуя львенка. К тому же он помнил предсказание жрецов, которые поведали ему, что немало страданий и бед принесет ему внук. Пирану удалось успокоить владыку и получить согласие на женитьбу Сиавуша на его дочери.

Ферангиз нарядили, украсили ее кудри цветами и привели во дворец Сиавуша. Семь дней длилось веселье и звучали музыка и песни. Еще через семь дней Афрасьяб одарил своего зятя драгоценностями и отдал в придачу землю до Чин-моря, на которой были возведены богатые города. Шах повелел также передать ему престол и золотой венец.

По истечении года Афрасьяб предложил Сиавушу объехать свой край до Чина и выбрать себе столицу, где бы он мог поселиться. Сиавуш открыл для себя райский уголок: зеленые равнины, леса, полные дичи. Здесь, в центре славного города, он решил воздвигнуть первый дворец.

Однажды, объезжая округу, Сиавуш обратился к звездочету: «Скажи, буду ли я счастлив в этом блистательном городе или меня сразит горе?» Глава звездочетов промолвил в ответ: «В этом городе нет тебе благодати».

Пирану принесли приказ владыки Турана, в котором он велел собрать дань со всех подвластных ему земель. Пиран, простившись с Сиавушем, отправился выполнять высокое повеление.

Между тем распространилась молва о прекрасном городе — жемчужине страны, который был назван Сиавушкерт. Вернувшись из похода, Пиран посетил этот город. Он пришел в восхищение, дивясь его красотой, и, воздавая хвалу Сиавушу, вручил Ферангиз венец и ожерелье, ослепляющие взор. Затем он отправился в Хотен, чтобы увидеть шаха. Доложив ему о своей миссии, он между прочим рассказал и о величии и красоте города, который построил Сиавуш.

Спустя некоторое время Афрасьяб послал своего брата Гарсиваза посмотреть строительство и поздравить Сиавуша с его удачей. Сиавуш вышел навстречу со своей дружиной, обнял

именитого богатыря и спросил о здоровье шаха.

Наутро гонец сообщил радостную весть: у Сиавуша родился сын. Его нарекли Фаридом. Пиран ликовал, но Гарсиваз подумал: «Дай срок — и Сиавуш вознесется над страной. Ведь он владеет почти всем: и ратью, и троном, и шахской казной». Гарсиваз был сильно встревожен. Вернувшись в столицу, он доложил шаху о том, как вознесся Сиавуш, как к нему идут посланцы Ирана, Чина и Рума, и предупредил брата о возможной для него опасности. Шах заколебался; верить ли всему этому? — и повелел Гарсивазу снова отправиться к Сиавушу и передать ему, чтобы он немедленно прибыл ко двору.

Сиавуш был рад встретиться с владыкой, но Гарсиваз оговорил Афрасьяба и представил дело так, что в результате происков злого духа тот стал враждебен к герою и пылает к нему лютой ненавистью. Сиавуш, помня добро владыки, все же был намерен поехать к нему, но Гарсиваз приводил все новые и новые доводы. Наконец, призвав писца, он написал письмо Афрасьябу, в котором воздал ему хвалу и сообщил, что Ферангиз отягчена бременем и Сиавуш прикован к ее изголовью.

Брат шаха торопился к Афрасьябу, чтобы сообщить очередную ложь о том, что Сиавуш якобы не принял письмо, не вышел навстречу Гарсивазу и вообще настроен враждебно по отношению к Турану и ждет иранских посланцев. Афрасьяб, поверив козням своего брата, вознамерился повести войска и покончить с предполагаемой смутой.

Тем временем, опасаясь за свою жизнь, Сиавуш решает пойти с дружиной в Иран, но в пути его настигает владыка Турана. Почувствовав беду, дружина Сиавуша готова была сразиться, но полководец сказал, что он не станет пятнать свой род войной. Гарсиваз же все настойчивей торопил Афрасьяба начать сражение. Афрасьяб отдал приказ уничтожить войско Сиавуша.

Верный своей клятве, Сиавуш не коснулся ни меча, ни копья. Тысячи иранских бойцов погибли. Тут воин Афрасьяба Гаруй бросил аркан и стянул шею Сиавуша петлей.

Услышав черную весть, супруга Сиавуша Ферангиз бросилась к ногам отца, умоляя о пощаде.

Но шах не внялее мольбам и прогнал прочь, приказав запереть ее в темницу. Убийца Гаруй схватил Сиавуша, поволок его по земле, а затем ударом кинжала поверг его в прах. Гарсиваз приказал извлечь из темницы дочь шаха и забить ее батогами.

Так свершилось злодейство. И в знак этого поднялся над землей вихрь и затмил собой небеса,

Х. Г. Кероглы

Сказание о Сохрабе

Из поэтической эпопеи «Шахнаме» (1-я ред. — 944, 2-я ред. — 1010)

Однажды Ростем, пробудившись чуть свет, наполнил стрелами колчан, оседлал своего могучего скакуна Рехша и помчался к Турану. По дороге булавой разил он онагра, зажарил его на вертеле из ствола дерева, съел целую тушу и, запив водой из родника, заснул богатырским сном. Проснувшись, он окликнул коня, но того и след простыл. Пришлось в доспехах, с оружием брести пешком.

И вот богатырь вступил в Семенган. Правитель города пригласил его быть гостем, провести ночь за чашей вина и не беспокоиться о Рехше, ведь он известен всему свету и скоро отыщется. На встречу с Ростемом царь призвал городскую и ратную знать.

К пиршественному столу повара несли яства, а кравчие разливали вино. Голос певца сливался со сладкозвучным рудом. Порхающие красавицы плясуньи разогнали печаль Ростема. Захмелев и почувствовав усталость, он отправился на приготовленное ему ложе.

Уже было за полночь, когда послышался шепот, тихо открылась дверь и со свечой в руках вошла рабыня, а за ней стройная как кипарис, подобная солнцу красавица. Дрогнуло львиное сердце богатыря. Он молвил ей: «Назови свое имя. Зачем ты пришла полуночной порой?» Красавица ответила, что зовут ее Техмине и что среди царей она не нашла равного ему. «Затмила мне разум всесильная страсть родить от тебя сына, чтобы он был равным тебе по росту, силе и отваге», — сказала красавица и пообещала отыскать резвого Рехша.

Ростем, восхищенный ее красотой, зовет мобеда и велит ему отправиться сватом к владыке-отцу. Царь, соблюдая закон и обычай предков, отдает свою прекрасную дочь за героя. На пир в честь брачного союза была приглашена вся знать.

Оставшись со своей милой супругой наедине, Ростем отдает ей свой амулет, о котором был наслышан весь свет. Вручая его своей подруге, богатырь сказал: «Если судьба пошлет тебе дочь, прикрепи амулет на счастье к ее косе, а если сына — надень ему на руку. Пусть вырастет могучим удальцом, не знающим страха».

Всю ночь Ростем провел со своей луноликой подругой, а когда взошло солнце, прощаясь, прижал ее к своему сердцу, со страстью поцеловал ее в губы, глаза и чело. Печаль расставания застлала ей взор, и с тех пор горе стало ее постоянным

спутником.

Утром семенганский правитель пришел спросить, хорошо ли почивал исполин, и сообщил радостную весть: «Отыскался твой Рехш наконец».

Ростем отправился в Забул. Прошло девять лун, и родился младенец, сияющий как месяц. Техмина нарекла его Сохрабом. Осанкой в Ростема, богатырского роста, к десяти годам он стал самым сильным в крае. Ростем, узнав о рождении сына, послал Тахмине письмо и подарки. О них она рассказала сыну и предупредила его: «О сын мой, об этом не должен узнать враг твоего отца Афрасьяб, правитель Турана». Пришло время, и Сохраб принял решение: собрать рать, низвергнуть шаха Ирана Кей Кавуса и отыскать своего отца. Он сказал матери: «Нужен мне добрый конь». Быстро отыскали коня, рожденного от Рехша. Богатырь ликовал. Подгоняемый нетерпением, он тотчас же оседлал его и двинулся в путь во главе огромного войска.

Вскоре о начавшемся походе Сохраба узнает владыка Турана Афрасьяб. Он посылает ему навстречу двух своих богатырей — Хумана и Бармана с напутствием прибегнуть к хитрости, столкнуть на поле боя Ростема и Сохраба, но чтобы они не узнали друг друга. Афрасьяб замыслил с помощью Сохраба осуществить две цели: устранить непобедимого врага Турана Ростема и одержать победу над Кей Кавусом. Чтобы усыпить бдительность юного богатыря, Афрасьяб щедро одарил его, послав ему десяток коней и мулов, бирюзовый престол с подножием из сверкающей белизной слоновой кости, горящий рубинами царский венец и льстивое письмо: «Когда ты взойдешь на иранский престол, на земле воцарятся мир и счастье. Добудь же венец властелина в борьбе. Я тебе посылаю в помощь двенадцать тысяч бойцов».

Сохраб вместе с дедом поспешил оказать честь приближавшемуся войску и, увидев большую рать, очень обрадовался. Он собрал войско и повел его на Белую крепость — оплот Ирана. Правителем края и крепости был седовласый Гождехем из славного иранского рода. Его красавица дочь Гордаферид прославилась как бесстрашная и дерзкая наездница. Увидев приближающееся войско, навстречу выехал удалой Хеджир, возглавлявший оборону города. Сохраб, поразив его копьем, поверг его наземь, чтобы отрубить голову, но Хеджир, приподняв руку, взмолился о помиловании. Тогда ему связали руки и увели в плен. День померк для иранцев.

Тогда дочь Гождехема облачилась в боевые доспехи, спрятала свои косы под шлем и ринулась на врага, разя его тучей стрел. Увидев, что его бойцы падают рядами, Сохраб поскакал навстречу врагу. Воительница, сменив лук на копье, с разбегу нацелила его

в грудь Сохраба. Разъяренный богатырь сбросил наездницу наземь, но ей удалось вновь вскочить на коня, вдруг по кольчуге скользнула коса девицы. Перед богатырем предстала юная красавица. Удивился герой: коль дева так храбра, какие же у них мужи?! Он взметнул аркан и мгновенно охватил им стан красавицы.

Гордаферид предложила ему мир, богатство и замок, говоря: «Ты добился цели! Теперь мы — твои». Сохраб отпустил ее, и пошли они к крепости. Гождехем с войском поджидал дочь за городской стеной, и едва она вошла в ворота, как они закрылись, а Сохраб остался за воротами. Поднявшись на башню, отважная Гордаферид крикнула Сохрабу: «Эй, доблестный рыцарь! Забудь об осаде и вторжении!» Сохраб же поклялся взять крепость и наказать дерзкую. Было решено начать сражение поутру. Между тем Гождехем послал к шаху гонца с письмом, в котором поведал о случившемся, подробно описал внешний вид и воинские достоинства Сохраба. Сообщил также о том, что они вынуждены оставить город и отступить в глубь края.

Лишь солнце взошло, туранцы сомкнули ряды войск, следуя за своим витязем, ворвались в крепость подобно смерчу. Город-крепость оказался пустым. Гождехем увел воинов через подземный ход, о котором туранцы досель не знали. Жители края предстали перед Сохрабом, прося пощады, и клялись в покорности ему. Но Сохраб не внял их словам. Он стал искать Гордаферид, которая похитила его сердце, промелькнув подобно пери и исчезнув навеки. Днем и ночью горюет богатырь, сжигаемый тайным огнем. Посланник Афрасьяба Хуман, заметив происходящее с Сохрабом, постарался обратить его мысли к войне. Он сказал ему: «В старину никто из владык не бился в плену у страсти. Не охладишь жар своего сердца — жди бесславного поражения». Сохраб понял правоту Хумана.

Тем временем Кей Кавус, получив послание Гождехема, сильно встревожился и решил призвать Ростема на помощь. Он отправил к витязю благородного Гива с посланием. Ростем не сомневался в своей победе в предстоящем бою и продолжал пировать. Только на четвертый день он опомнился и подал знак войску собираться. Рахш тотчас же был оседлан. Все двинулись ко дворцу, прискакали и склонили головы перед шахом. Кей Кавус не ответил на их приветствие. Он был возмущен дерзким поступком Ростема и приказал в сердцах казнить его. Богатырь грозно взглянул на шаха и покрыл его бранью, хлестнул скакуна и помчался прочь. В дело вмешалась знать, уговаривая шаха вернуть Ростема, помня о его заслугах, о том, что Ростем неоднократно спасал ему жизнь. Шах велел вернуть полководца,

успокоить его и умиротворить. Он публично посулил Ростему свое царское благословение. На радостях примирения был устроен пир, а назавтра было решено выступать.

Лишь солнце взошло, Кей Кавус велел громко бить в литавры. Войска возглавили Гив и Тус. Сто тысяч отборных бойцов, одетых в броню, на конях покинули город и раскинулись лагерем перед Белой крепостью. Сохраб, готовый к сражению, выехал на своем резвом коне, но прежде он попросил пленного Хеджира показать ему знаменитых иранских полководцев, в их числе могучего Ростема, ради встречи с которым он начал войну. Но коварный Хеджир обманул его, заявив, что Ростема нет в стане иранцев. Разочарованному Сохрабу ничего не оставалось, как принять бой. Он вскочил на коня и яростно ринулся в бой. Перед шахским шатром, гарцуя на резвом коне, он бросил вызов противнику. Военачальники шаха не смели даже взглянуть на богатыря. Осанка героя, смертоносный меч в его сильных руках повергли их в уныние; объятый смятением, распался строй войска. Стали шептать: «Этот герой сильнее тигра!» Тогда Сохраб стал вызывать самого шаха, насмехаясь над ним.

Венценосец Кей Кавус воззвал к воинам, чтобы те спешно помогли Ростему надеть доспехи и облачить коня. Вот он уже на скакуне и с воинственным кличем несется на встречу с Сохрабом. Богатырский вид противника восхитил многоопытного воина. Дрогнуло и сердце Сохраба; в надежде увидеть в нем своего отца, он воскликнул: «Назови свое имя и скажи, чей ты родом, я думаю, что ты — Ростем, которому великий Нейрем — прадед». увы, его ждало разочарование. Ростем скрыл свое имя, назвав себя скромным воином.

Бой начался короткими копьями, но скоро от них остались обломки. Тогда скрестились мечи. В жарком бою сломались мечи, погнулись палицы, на плечах противников затрещали кольчуги. Силы были исчерпаны, но победа никому не досталась. Решили разъехаться, прекратив бой. Каждый был удивлен силой другого.

Вот уже отдохнули скакуны, соперники вновь сошлись в бою. На этот раз пустили стрелы, но разбить броню Сохраба не удалось, и шкура барса на Ростеме осталась цела. Начался рукопашный бой. Ростем схватил Сохраба за пояс, но смельчак в седле не дрогнул. Схватка длилась долго, силы иссякли, и противники снова разошлись, чтоб, набрав силы, ринуться в бой.

Тревога и сомнение не оставляли Сохраба. Мысль об отце угнетала его, а главное — необъяснимая сила тянула его к Ростему, с кем он вел смертельный бой. Перед новой схваткой Сохраб снова обратился к исполину: «Каков был твой сон и пробуждение твое? Не лучше ли подавить в себе злобу и бросить

клинок? Не лучше ли пировать нам вдвоем? Не надо скрывать свое имя, может быть, ты вождь Забулистана Ростем?»

Но Ростем не мыслил о дружбе с юношей, у которого еще молоко на губах не обсохло и не видел в Сохрабе своего сына. Снова раздался воинственный клич, и враги сошлись на поле боя. Ростем схватил Сохраба за шею, выхватил меч и рассек ему грудь. Сохраб упал на землю, оросивее кровью, и затих с именем Ростема на устах. Ростем оцепенел, перед его взором померк белый свет. Придя в себя, он спросил: «Где знак от Ростема?» Юноша прошептал: «Так, значит, это ты?.. Я звал тебя, но сердце твое не дрогнуло. Расстегни кольчугу на моей груди и найдешь под нею мой амулет».

Увидев амулет, Ростем прильнул к умирающему юноше: «О сын мой родной, о доблестный витязь, ужель ты мною погублен?» Сохраб окровавленными губами прошептал: «Не лей напрасно слезы. Твои слезы тяжелей мне смертных мук. Что проку теперь убиваться тебе? Видно, так судьбе было угодно». Ростем вскочил на Рехша и, рыдая, предстал перед своей ратью. Рассказал им, какое он свершил злодейство, и добавил: «На туранцев нельзя идти войной, им довольно зла, что я причинил». Он схватил меч и хотел рассечь себе грудь, но воины остановили его. Тогда он обратился с просьбой к Годерзу, чтобы тот поскакал к шаху и поведал ему о его горе и попросил прислать целебное зелье, которое хранится у него в крепости. Однако Кей Кавус решил иначе: «Если он спасет сына, мое царство рассыплется в прах». Годерз вернулся ни с чем. Окутав Сохраба плащом из парчи, Ростем собрался ехать к шаху, но, едва занеся ногу в стремя, услышал, как Сохраб издал последний вздох,

Слезы ручьем хлынули из глаз Ростема. Нет большего горя, чем стать сыноубийцей на старости лет.

«Что скажу я, коль спросит о юноше мать?» — горестно подумал он. По воле отца тело Сохраба покрыли багряницею, как властелина. По просьбе Ростема Кей Кавус пообещал положить конец кровавой войне с туранцами. Сраженный горем, Ростем остался на месте ждать брата, который должен был проводить туранцев и оградить в пути от разных бед.

На заре Ростем с дружиной отправился в Забулистан. Люди встречали его в глубокой печали. Знать посыпала голову золой. Гроб внесли под своды чертога и с громкими рыданиями опустили в могилу. Горю матери, потерявшей единственного сына, не было конца, и спустя лишь год она ушла в могилу вслед за ним.

Х. Г. Кероглы

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Луис де Камоэнс (Luis de Camoes) [1524/1525-1580]

Лузиады (Os Lusiadas)

Поэма (1572)

Поэма открывается посвящением королю Себастьяну, после чего автор переходит непосредственно к рассказу об экспедиции Васко да Гамы, в результате которой был открыт морской путь в Индию. дружины Луза — в средние века считалось, что римское название Португалии Лузитания произошло от имени некоего Луза, — отчаливают от родных берегов. Пока герои борются с морской стихией, на Олимпе собираются боги, чтобы решить участь лузитан. Вакх, считающий себя владыкою Индии, опасается потерять свою власть и влияние в этих краях и склоняет богов обречь лузитан на гибель за дерзость, но покровительство Юпитера, Марса и Венеры спасает отважных.

Тем временем путешественники достигают берегов Африки, где к их кораблям подплывают челны с туземцами. От них лузитане узнают, что остров, неподалеку от которого они бросили якорь, называется Мозамбик и что его коренное население привержено исламу, хотя и находится под властью христиан. Туземцы предлагают путешественникам своего кормчего, который поможет им добраться до берегов Индии. На другой день к лузитанам приезжает правитель острова. Выслушав рассказ чужеземцев об их родных местах, о цели их путешествия, он проникается к ним острой завистью и решает захватить их корабли. Вакх, не оставивший, несмотря на решение совета богов, замысла погубить путешественников, принимает обличье мудреца, с мнением которого считается весь Мозамбик, и является к правителю острова, чтобы подбодрить того в решении погубить путешественников. Когда наутро те сходят с корабля на берег, чтобы пополнить запасы пресной воды, их поджидают вооруженные туземцы. Завязывается жестокий бой, из которого португальцы выходят победителями. Тогда правитель Мозамбика посылает к ним гонца с извинениями и кормчего, которому приказано сбить путешественников с пути.

Через некоторое время лузитане подплывают к славящемуся своим богатством острову Килоа, однако покровительствующая им богиня Цитера нарушает спокойствие стихии, и из-за сильного ветра моряки не могут пристать к острову, где их ожидал бы

враждебный прием. Тогда коварный кормчий объявляет, что неподалеку есть еще один остров, Момбаса, где живут христиане, хотя на самом деле он населен непримиримыми и воинственными мусульманами. Подплыв к Момбасе, португальцы бросают якорь. Вскоре появляются мавры, которые приглашают португальцев на берег, но Васко да Гама сначала посылает с ними только двух моряков, дабы те убедились, что на острове действительно живут христиане. Вакх, зорко следящий за путешественниками, на сей раз принимает обличье христианского священника и вводит посланцев в заблуждение. Но когда на следующий день армада направляется к острову, Венера и послушные ей нимфы, подняв страшное волнение на море, преграждают ей путь, Васко да Гама, поняв, что его корабли спасло Провидение, воссылает хвалу небу, а Венера просит Юпитера защитить народ, которому она покровительствует, от происков Вакха. Тронутый ее мольбами, Юпитер открывает ей, что кораблям Васко да Гамы суждено доплыть до берегов Индии и что перед португальцами впоследствии склонятся Мозамбик, Диу, Гоа.

Следующий остров, который встречают путешественники на своем пути, — Малинди, об искренности и честности правителя которого португальцы уже наслышаны. Посланец Васко да Гамы рассказывает королю Малинди о злоключениях путешественников, и исполненный дружелюбия правитель острова на следующий день сам является на корабль Васко да Гамы засвидетельствовать тому свое уважение. Португальцы тепло встречают короля и его свиту, радушно показывают ему весь корабль. Изумленный правитель Малинди интересуется страной, откуда прибыли путешественники, ее историей. Васко да Гама рассказывает о прошлом своей родины, о ее героях, их деяниях, о смене королей, о мужестве португальцев, их завоеваниях, о том, как он сам решился на подобное предприятие. Потрясенный, правитель Малинди устраивает в честь путешественников пышное празднество, после которого они снова отправляются в путь.

Тем временем Вакх, не устающий чинить преграды португальцам, спускается в подводные владения Нептуна и призывает того отомстить лузитанам за дерзкое желание покорить новые земли и моря, посягнув тем самым на власть Нептуна. Вакх не скрывает от владыки моря — он сам опасается португальцев до такой степени, что готов нарушить волю Юпитера и решение совета богов. Возмущенный Нептун соглашается покарать мореходов. Тем временем наступает ночь и сон одолевает путешественников. Чтобы не задремать, один из

них решает вспомнить о подвигах двенадцати португальских кавалеров, которые во времена Жуана I отправились в Англию защищать честь двенадцати английских дам. Рассказ прерывает известие о приближении сильнейшей бури; ее послал Нептун на погибель морякам. Хотя лузитане мужественно и самоотверженно борются со стихией, корабли их готовы пойти ко дну, и тогда Васко да Гама обращается к Провидению с просьбой о помощи. Молитва его услышана — ветер утихает.

Наконец путешественники достигают берегов Индии. Среди толпы, окружившей на берегу посланца Васко да Гамы, оказывается араб, знающий испанский язык. Он поднимается на корабль Васко да Гамы и рассказывает тому об этой земле, ее народе, их верованиях и обычаях. Затем Васко да Гама отправляется к правителю этих земель и предлагает ему заключить соглашение о дружбе и торговле. Пока властитель собирает совет, чтобы решить, какой ответ дать португальцам, те приглашают к себе на корабль Катуала, одного из правителей этих земель. Показывая ему висящие повсюду портреты своих прославленных предков, путешественники еще раз вспоминают свою историю.

Вакх делает еще одну попытку помешать лузитанам: он является во сне одному из индийских мусульман и предостерегает того против чужеземцев. Проснувшись, человек этот собирает единоверцев, и они вместе идут к властелину, перед которым обвиняют португальцев в дурных помыслах и грабежах. Это заставляет властелина задуматься. Он призывает Васко да Гаму и бросает ему в лицо услышанные от своих подданных обвинения, но отважный португалец доказывает свою невиновность и получает разрешение вернуться на корабль. Узнав от одного из мавров, что мусульмане поджидают торговый флот из Мекки, надеясь с его помощью расправиться с португальцами, Васко да Гама принимает решение тут же отправиться в обратный путь, тем более что погода благоприятствует путешествию. Однако он сильно сокрушается, что не смог утвердиться в Индии и заключить с ее властелином выгодный для Португалии союз, Все же цель достигнута — путь к далекой желанной земле разведан.

Венера продолжает заботиться о мореходах и, чтобы дать им отдохновение, посылает на пути прекрасное видение — остров Любви, где обитают радостно встречающие героев нимфы и нереиды. Здесь путешественников ждет радость любви, счастье, покой. На прощание одна из нимф открывает лузитанам будущее: они узнают, как португальцы утвердятся на встреченных им по пути землях и — самое главное — в Индии, что произойдет на их

родине, которая всегда будет славить своих отважных героев. Этим возвышенным славословием в честь участников похода и заканчивается поэма.

Н. А. Матяш

ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдаллах ибн Фарадж [XV в.]

Книга моего деда Коркута

Поэтическая эпопея (1482)

Первая поэма. ПЕСНЬ О БУГАЧ-ХАНЕ, СЫНЕ ДИРСЕ-ХАНА

Байындыр-хан по давно установившейся среди огузов традиции устроил пир для беков. При этом он приказал поставить белые шатры для тех, у кого есть сыновья, красные для тех, у кого нет сыновей, но есть дочь, и черные шатры для бездетных беков. Чтобы сильнее унизить последних, он велел подавать им пищу из мяса черного барана и посадить их на черный войлок.

Так поступили с видным беком Дирсе-ханом, который прибыл со своей дружиной на церемонию. Он в гневе покинул ставку Байындыр-хана. Дома по совету жены Дирсе-хан устроил пир, накормил голодающих, раздал щедрую милостыню, вымаливая таким образом у Бога сына. У него родился сын, которого стали воспитывать так, как было принято у знати. В пятнадцатилетнем возрасте, играя со своими сверстниками, он вдруг увидел свирепого ханского быка, которого вели на площадь. Его товарищи бросили игру и спрятались. Но смелый юноша ударом кулака заставил отступить бросившегося на него разъяренного быка, а затем отрезал ему голову. При бурном восторге огузских беков Коркут нарек его именем Бугач (Бык). По огузской традиции отец выделил сыну наследство и дал ему бекство.

Однако дружинники Дирсе-хана, завидуя смелости юноши и власти, которой он достиг, начали плести вокруг него интриги. Кончилось тем, что Дирсе-хан на охоте смертельно ранил своего Бугача. Мать с трепетом ждала возвращения сына из первого выезда на охоту; готовилась даже, по обычаю огузов, устроить пир по этому случаю. Встретив одного лишь мужа, она бросилась к нему с расспросами и упреками. Не получив ответа, она взяла своих сорок девушек-воительниц и отправилась искать сына,

Юноша лежал в крови, еле отгоняя от себя стервятников. Появился Хызыр и предупредил его, что лекарством от ран может быть сок горных цветов, смешанный с молоком матери, и тут же исчез. Приехала мать, увезла сына, вылечила, но все это держала в тайне от мужа. Юноша окончательно выздоровел. Тем временем

сорок дружинников Дирсе решили покончить с самим ханом: сговорились связать его и передать в руки врагов. Узнав об этом, жена хана обратилась к сыну, рассказала ему о случившемся и попросила выручить отца. Бугач отправился один навстречу злоумышленникам и настиг их на стоянке. Дирсе-хан не узнал сына, попросил у изменников разрешения вступить в бой с юношей, с тем чтобы в случае победы они освободили его. Те согласились. Но юноша вступил в бой с сорока изменниками, часть из них убил, часть взял в плен, а отца освободил. Бугач-хан получил бекство от Байындыр-хана, а Коркут сложил о нем поэму-огузнаме.

Третья поэма. ПЕСНЬ О БАМСЫ-БЕЙРЕКЕ, СЫНЕ КАМ-БУРЫ

Увидев сыновей беков, несущих службу на приеме у Байындыр-хана, Кам-Бура-бек сильно загрустил: ведь у него не было сына. Присутствующие на пиру помолились Богу, чтобы он ниспослал ему сына. Тут же другой бек сказал о своем желании иметь дочь. Беки помолились и за него. При этом оба бека условились поженить своих будущих детей. И вот у Кам-Бура родился сын, которого назвали Бамсы-Бейрек.

Мальчик быстро рос и мужал. В пятнадцать лет он стал богатырем, Однажды со своими сверстниками он отправился на охоту. К нему обратились купцы с жалобой на разбойников. Юноша разгромил отряд разбойников и вернул купцам товары.

Примечательно в этом эпизоде то, что юноша, проявив геройство, обрел право на инициацию по древнейшему обычаю огузов.

Охотясь в другой раз, Бамсы-Бейрек заметил в степи шатры, которые принадлежали помолвленной с ним сверстнице. Деде-Коркут был послан сватом. Сыграли свадьбу, но в первую же брачную ночь правитель крепости Байбурд напал на ставку юноши и увел его в плен. Семнадцать лет Бамсы-Бейрек провел в темнице. Тем временем распустили слух о его смерти, а жену вынудили согласиться на брак с другим молодым беком. Дав согласие, она, однако, отправила купцов на поиски мужа. Последние смогли сообщить Бамсы-Бейреку о случившемся. Бамсы-Бейреку удалось бежать. Недалеко от темницы он обнаружил своего коня и пустился в путь. По дороге встретил певца, который шел на свадьбу, обменяв своего коня на музыкальный инструмент, он пришел на свадьбу, притворившись

юродивым. Своими выходками Бейрек начал забавлять людей, а потом принял участие в состязаниях по стрельбе из лука и вышел победителем. Его выходки понравились Казану. Последний назначил Бейрека беком свадьбы. Пользуясь этим, Бейрек отправился на женскую половину и потребовал, чтобы невеста станцевала для него. Увидев свой перстень на ее пальце, он открылся жене. Свадьба расстроилась. В финале Бейрек нападает на крепость Байбурд и освобождает тридцать девять своих соратников.

Пятая поэма. ПЕСНЬ ОБ УДАЛОМ ДУМРУЛЕ, СЫНЕ ДУХА-КОДЖИ

Некий Делю Думрул, сын Духа-коджи, построил мост над безводным руслом реки и взимал по тридцать три деньги с тех, кто проходил по мосту, и по сорок — с тех, кто не проходил по нему. Он похвалялся, что нет и не было человека, равного ему по силе. Однажды у моста остановилось кочевье. И был среди пришельцев больной джигит, который вскоре скончался. Поднялся плач по нему. Прискакал к кочевью Делю Думрул и спросил, кто убийца джигита. Узнав, что юношу лишил жизни «краснокрылый Азраил», он расспросил о нем и потребовал от Бога, чтобы тот послал к нему Азраила помериться с ним силой. Он хотел наказать его так, чтобы тот больше не осмеливался лишать молодых людей жизни.

Богу не понравилась дерзость Делю Думрула, и он приказал Азраилу отнять у Делю жизнь. Как-то Делю Думрул сидел со своими сорока джигитами и распивал вино. Вдруг появился Азраил. Вне себя от ярости, бек заорал на него, вопрошая, как это он, такой безобразный, явился к нему без предупреждения. Узнав, что перед ним Азраил, Делю Думрул приказал запереть двери и бросился на него с мечом. Азраил, превратившись в голубя, выпорхнул в окошко. Это еще больше распалило Делю Думрула. Он взял своего орла и поскакал за Азраилом. Убив пару голубей, он вернулся домой. И здесь перед ним вновь предстал Азраил. Испуганный конь свалил своего седока. Тут же Азраил сел Делю на грудь и готов был лишить его жизни. На мольбу Делю Думрула пощадить его Азраил ответил, что он всего лишь посланник всемогущего Бога, только Бог дарует и отбирает жизнь. И это было откровением для Делю Думрула. Он попросил Бога сохранить ему жизнь за то, что покорился. Бог велел Азраилу

оставить его в живых, однако взамен потребовал жизнь кого-то другого. Делю Думрул отправился к своим престарелым родителям с просьбой, чтобы кто-либо из них пожертвовал собой за него. Родители не согласились. Тогда Делю Думрул попросил Азраила выполнить последнее его желание: зайти с ним к его жене, чтобы отдать распоряжения перед смертью. Прощаясь с женой, Делю Думрул велел ей выйти замуж, чтобы дети не росли без отца. Жена готова была отдать жизнь за него. Бог, однако, не принял ее душу, а велел Азраилу лишить жизни родителей Делю Думрула, верным же супругам обещал по сто сорок лет жизни.

Шестая поэма. ПЕСНЬ О КАН-ТУРАЛЫ, СЫНЕ КАНГЛЫ-КОДЖИ

В век огузов жил мудрый муж по имени Канглы-коджа. Задумал он женить своего сына Кан-Туралы, а тот предъявил необычные требования к невесте: она должна вставать с постели раньше, чем муж, седлать коня и садиться на него раньше, чем муж, и прежде чем муж нападет на гяуров, она должна напасть на них и принести их головы. Канглы-коджа предложил сыну самому искать себе невесту. Юноша объездил весь огузский мир, но тщетно: он не обнаружил невесты по своему вкусу. Тогда на поиски отправился его отец вместе со старейшинами, и тоже безрезультатно. И вот старики решили отправиться в Трапезунд, у правителя которого была красавица дочь богатырского сложения, способная натянуть двойной лук. Отец девушки объявил, что выдаст дочь за того, кто сумеет одолеть трех зверей: льва, черного быка и черного верблюда.

Услышав о таких страшных условиях, Канглы-коджа решил все это рассказать сыну. «Если он найдет в себе достаточно мужества, то пусть претендует на руку девушки, если нет, то пусть удовлетворится девушкой из огузов», — подумал он.

Кан-Туралы не испугали эти условия. В сопровождении сорока соратников он отправился в Трапезунд и был принят с почестями. Юноша победил зверей. Сыграли свадьбу, но жених решил немедленно вернуться домой и сыграть свадьбу по своим обычаям и только тогда соединиться с возлюбленной.

По дороге домой Кан-Туралы решил отдохнуть. Выбрали подходящее место. Юноша заснул. Сельджан-хатун, невеста Кан-Туралы, опасаясь коварства со стороны отца, надела на себя доспехи и стала наблюдать за дорогой, пока жених спал. Ее

опасения оправдались. Правитель Трапезунда решил вернуть обратно свою дочь и отправил большой отряд следом за Кан-Туралы. Сельджан-хатун быстро разбудила жениха, и они вступили в бой, во время которого она потеряла Кан-Туралы из виду. Девушка нашла его пешего и раненного в глаз. Запекшаяся кровь ослепила его. Они вдвоем бросились на гяуров и истребили всех. По окончании боя Сельджан-хатун посадила на коня раненого жениха и отправилась в дальнейший путь. По дороге Кан-Туралы, боясь опозорить себя тем, что спасся благодаря помощи женщины, решил расправиться с Сельджан-хатун. Она, обиженная нападением жениха, приняла бой и чуть не убила его. Затем состоялось примирение. Кан-Туралы понял, что нашел такую девушку, которую хотел. Снова сыграли свадьбу.

Восьмая поэма. ПЕСНЬ О ТОМ, КАК БАСАТ УБИЛ ДЕПЕГЕЗА

Однажды враг напал на огузов. Становище откочевало. В суматохе был обронен младенец Аруз-коджи. Его подобрала львица и вскормила. Через некоторое время огузы вернулись на свою стоянку. Табунщик сообщил, что ежедневно из камышовых зарослей появляется какое-то существо, которое ходит, как человек, поражает коней и сосет кровь. Аруз узнал в нем своего пропавшего сына, взял его домой, но он то и дело уходил в логово льва. Наконец Деде-Коркут внушил ему, что он человек и ему следует быть с людьми, ездить на скакунах, и дал ему имя Басат.

В другой раз, когда огузы откочевали на летовку, пастух Аруза встретил у источника нескольких пери, поймал одну из них, сошелся с ней, после чего пери улетела, сообщив пастуху, чтобы тот через год пришел и забрал у нее свой «залог». Через год, когда огузы снова прикочевали на летовку, пастух обнаружил у того источника яркую блестящую кучу. Прилетела пери, позвала пастуха, передала ему его «залог» и прибавила: «Ты на огузов навлек гибель».

Пастух стал кидать в кучу камни. Но с каждым ударом она росла. У источника появились огузские беки во главе с Байындыр-ханом. Джигиты начали бить по куче. Но она все росла. Наконец Аруз-коджа коснулся ее шпорами, она лопнула, и из нее вышел мальчик с одним глазом на голове. Аруз взял этого мальчика, принес к себе домой. Пригласили нескольких кормилиц, но всех он погубил: «Раз потянул грудь, взял все молоко, до капли;

другой раз потянул, взял у нее всю кровь; третий раз потянул, взял ее душу». Тогда стали кормить его овечьим молоком. Он рос быстро и стал нападать на детей. Как Аруз ни наказывал его, ничего не помогало. Наконец выгнали Депегеза из дому.

Появилась мать-пери, надела ему на палец перстень. Вышел Депегез за пределы огузского стана, поднялся на высокую гору и сделался разбойником. Он нападал на стада, на людей и всех пожирал. Никто не мог сравниться с ним. Все видные огузские беки, в том числе и всемогущий Казан, потерпели от него поражение. Тогда решили отправить к нему Деде-Коркута для переговоров. Депегез потребовал по шестьдесят человек ежедневно на съедение. Сошлись на том, что огузы будут давать ему по два человека и по пятьсот баранов в день и приставят к нему двух поваров, которые будут готовить ему пищу. Огузы отбирали людей поочередно из каждой семьи. У одной старухи было два сына. Одного забрали, когда же очередь дошла до второго, она взмолилась. Посоветовали ей обратиться к Басату, сыну Аруз-коджи, который славился как богатырь. Басат согласился вступить в единоборство с людоедом, но при первой же попытке сразиться с ним был схвачен, заключен в пещеру и передан в руки поваров. Когда людоед спал, повара указали на единственное его уязвимое место — глаз. Басат накалил вертел и ослепил им Депегеза. Разъяренный людоед, чтобы поймать и наказать врага, встал у входа пещеры; выпуская баранов, он проверял каждого из них, но Басату удалось выбраться из пещеры в шкуре барана. Депегез еще трижды пытался побороть врага (посредством волшебного перстня, заколдованного купола, в который он помещал Басата, и волшебного меча), но тщетно. Наконец Басат убил людоеда его же волшебным мечом.

Х. Г. Кероглы

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алишер Навои [1441–1501]

Стена Искандера

Из «Хамсе» («Пятерицы») — Поэма (1485)

Правитель Рума Файлакус, возвращаясь из дальнего похода домой, заметил на дороге только что родившегося младенца. Мать младенца скончалась при родах. Файлакус приказал похоронить ее, новорожденного же взял с собой, усыновил и определил своим наследником, назвав его Искандером. Прошло время, и Файлакус призвал прославленного ученого и философа Никумахиса в воспитатели наследнику. Никумахис и его сын Аристотель подружились с юношей и остались верными этой дружбе на всю жизнь.

Умер Файлакус. Искандер устроил пышные похороны и с большими почестями проводил его в последний путь.

К этому времени Искандер успел уже проявить свой талант во многих областях. Он преуспел в науках, философии, обрел известность как правдолюбец. В своих поступках он руководствовался лишь справедливостью, был чуток к окружавшим его людям. Зная все эти его качества, народ после смерти Файлакуса единодушно признал его достойным трона отца. Искандер был смущен и одновременно встревожен: сможет ли он заменить столь прославленного царя и оправдать доверие народа. Свое сомнение он выразил публично:

поблагодарив всех, он отказался занять трон отца. Однако после долгих уговоров ему ничего не оставалось, как подчиниться воле судьбы.

Первым добрым начинанием Искандера стала отмена на два года всех податей с населения. Он установил умеренные цены на жизненно важные товары, упорядочил торговлю, установил единицы меры и веса, ввел правила пользования жилищем, одним словом, навел порядок в управлении страной.

Файлакус, потерпев поражение в войне с Ираном, был вынужден платить ему дань в размере тысячи золотых яиц в год. Став правителем страны, Искандер перестал платить Ирану дань. Спустя три года шах Ирана Дарий отправил Искандеру послание с требованием немедленно прислать ему дань за три года. Послание было оставлено без ответа, атмосфера еще сильней нагнеталась. Столкнулись владыки двух мощных держав — Дарий и Искандер.

Первое сражение не выявило победителя. Тем временем Искандеру стало известно о заговоре против Дария. Двое его полководцев вознамерились тайком покончить со своим повелителем. Искандер был страшно возмущен этой вестью. Тем не менее на следующее утро в бою заговорщики смертельно ранили Дария и, оставив его на поле боя, скрылись. Иранские воины в замешательстве разбежались. Искандер велел немедля перенести иранского шаха в свой стан. Дарий успел выразить свою предсмертную мольбу: найти и наказать убийц, проявить милость к его родным и близким, которые не были причастны к войне и не сражались против войск Искандера. Наконец, умирающий Дарий попросил Искандера породниться с ним — жениться на его дочери Равшанак. Этим самым он объединил бы два царства — Иран и Рум.

Искандер же, в свою очередь, объяснил, что к смерти Дария он непричастен, похоронил иранского шаха с подобающими владыке почестями и выполнил все его наказы.

В начальный период царствования Искандер овладел страной Магриб. Он собрал знать, чтобы посоветоваться относительно кандидатуры нового правителя, предъявив при этом свои требования: будущий правитель должен быть справедлив. Ему указали на царевича, который отказался от царствования и переселился на кладбище, где влачил нищенское существование. Искандер повелел доставить его. Привели к нему почти голого человека с двумя костями в руке. Правитель спросил, в чем смысл его поведения, что означают для него эти кости. Нищий промолвил: «Прогуливаясь меж могилами, я нашел эти две кости, но определить, которая из них принадлежала царю, а которая нищему, я не мог».

Выслушав его, Искандер предложил ему правление страной. В ответ нищий выдвинул следующие условия: жить так, чтобы старость не вытеснила молодость, чтобы богатство не обернулось нищетой, а радость — горем. Услышав эти слова, Искандер с грустью признал, что этот нищий морально превосходит правителя.

При походе на Кашмир Искандера ждала большая неожиданность. Возле города широкий проход между горами был закрыт железными воротами, воздвигнутыми кашмирскими чародеями. Искандер созвал совет ученых, которым предстояло раскрыть тайну этого чуда. После долгих препирательств ученые пришли к единому мнению: следует взорвать железные ворота. Но как? Один из участников совещания предложил начинить шары взрывчатыми веществами и бомбить ими город. Падая, шары должны были взорваться и поднять столбы дыма, которые

рассеяли бы чары и открыли проход. Так и сделали. Путь в город был открыт.

После этого завоеватель мира направил свою рать на запад, в страну Адан.

Следующий поход Искандера был в Китай. Узнав об этом, китайский самодержец вышел навстречу во главе огромного войска, Но Искандер не помышлял о нападении на него и кровопролитии и скрылся. Этот поступок вызвал у Хакана недоумение и решимость разгадать эту тайну. На следующее утро, облачившись в одежду посла, Хакан прибыл в стан Искандера и, поприветствовав его, преподнес ему дорогие подарки, среди которых были два зеркала. Одно из них отражало среди большого числа участников приема лишь лицо китайского представителя. Второе зеркало правильно отражало людей, лишь пока они ели, пили и веселились. Как только они наливались допьяна, в зеркале появлялись искаженные фигуры нечеловеческого облика.

Искандер пришел в восторг от увиденного и велел своим ученым, чтобы не осрамиться перед китайцами, создать нечто лучшее. Ученым пришлось трудиться всю зиму, и из сплава меди и стали они сотворили два зеркала. Особое свойство их заключалось в том, что в одном отражалось все, что творится на земле, а в другом — вся девятиярусная вселенная. Искандер был чрезмерно доволен трудом ученых, по достоинству наградил их и вверил им правление Грецией.

Следующий поход Искандер совершил на север. На всем пути следования ему прислуживала китайская красавица, подаренная ему Хаканом. Когда достигли страны Кирвон, местные жители обратились к Искандеру с жалобой на страшных, звериного нрава Яджуджей и просили его избавить их от них. Яджуджи обитали между горой и долиной тьмы. Дважды в году они покидали свое жилище и уничтожали все, что попадалось им на пути, в том числе и людей, которых они заживо сжирали.

Искандер потребовал привести знатных мастеров с Руси, из Сирии и Рума. Они прорыли большие канавы и залили их сплавом из меди, олова, бронзы, железа и свинца. На следующее утро Искандер направил свое войско на Яджуджей и истребил немалое их количество, но досталось и войску Искандера. После этого кровавого побоища мастера строители по приказу Искандера начали возводить стену протяженностью в десять тысяч, а высотою — в пятьсот локтей. При строительстве стены применялись те же металлы и камень. Ее строили в течение шести месяцев, и так был прегражден путь Яджуджам. Войско поднялось на стену и забросало их камнями. Многие из них были

убиты, а оставшиеся разбежались.

После этого похода Искандер вернулся в Рум. Проведя там некоторое время и отдохнув, он начал готовиться к морскому походу. Были сделаны запасы оружия и продуктов на восемь лет. Караван кораблей пустился в плавание по направлению к центру океана, где Искандер со своими людьми бросил якорь. Для исследования дна океана он приказал соорудить из стекла нечто подобное сундуку, погрузился в него, достиг дна и в течение ста дней вел там наблюдение за обитателями водного пространства, исправляя и уточняя все то, что было известно науке. Этот труд завершился тем, что Искандер достиг святости пророка.

Понадобился год плавания, чтобы пророк, как стали величать Искандера, бросил якорь на своей родине. Длительное путешествие не прошло бесследно. Он изнемог, великая мировая держава распалась на мелкие царства, управляемые его многочисленными полководцами.

Почувствовав приближение смерти, Искандер пишет письмо матери, полное сыновней нежности, горя и печали, каясь в том, что не смог подобающе беречь ее. Письмо завершалось наказом не устраивать ему пышных проводов и плача по поводу его кончины. Он просил похоронить его в построенном им городе — Александрии и попросил также не забивать гвоздями гроб, чтобы все видели его руки и поняли бескорыстие его завоеваний: ведь, покинув мир, он ничего не унес с собой.

Х. Г. Кероглы

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Песнь о Роланде (Chanson de Roland)

Героическая эпопея (наиболее ранняя ред. ок. 1170)

Державный император франков великий Карл (тот самый Карл, от имени которого происходит самое слово «король») семь долгих лет сражается с маврами в прекрасной Испании. Он отвоевал у нечестивых уже многие испанские замки. Его верное войско разбило все башни и покорило все грады. Лишь повелитель Сарагосы, царь Марсилий, безбожный слуга Мухаммеда, не желает признать господства Карла. Но скоро гордый владыка Марсилий падет и Сарагоса преклонит главу перед славным императором.

Царь Марсилий созывает своих верных сарацин и просит у них совета, как избежать расправы Карла, властителя прекрасной Франции. Мудрейшие из мавров хранят безмолвие, и лишь один из них, валь-фондский кастелян, не стал молчать. Бланкандрин (так звался мавр) советует обманом добиться мира с Карлом. Марсилий должен послать гонцов с великими дарами и с клятвой в дружбе, он обещает Карлу от имени своего государя верность. Посол доставит императору семьсот верблюдов, четыре сотни мулов, нагруженных арабским золотом и серебром, да так, чтоб Карл смог наградить богатыми дарами своих вассалов и заплатить наемникам. Когда же Карл с великими дарами отправится в обратный путь, пусть Марсилий поклянется последовать через малое время за Карлом и в день святого Михаила принять христианство в Ахене, престольном граде Карла. Заложниками будут к Карлу посланы дети знатнейших сарацин, хотя и ясно, что суждена им гибель, когда вскроется вероломство Марсилия. Французы уйдут домой, и только в Ахенском соборе Мощный Карл в великий день святого Михаила поймет, что маврами он обманут, но будет поздно мстить. Пускай лучше заложники погибнут, но трона не лишится царь Марсилий.

Марсилий согласен с советом Бланкандрина и снаряжает в путь послов к Карлу, обещая им за верную службу в награду богатые поместья. Послы берут в руки ветвь оливы в знак дружбы к королю и отправляются в путь.

Тем временем могучий Карл празднует в плодоносном саду победу над Кордовой. Вокруг него сидят вассалы, играют в кости и в шахматы.

Придя в стан франков, мавры видят Карла на золотом троне, лицо короля гордо и прекрасно, борода его белее снега, а кудри волнами ниспадают на плечи. Послы приветствуют императора.

Они излагают все то, что Марсилий, царь мавров, велел им передать. Внимательно выслушивает Карл гонцов и, поникая челом, погружается в раздумье.

Ярко сверкает солнце над станом франков, когда созывает Карл своих приближенных. Карл хочет знать, что думают бароны, можно ли поверить словам Марсилия, который обещает во всем повиноваться франкам. Бароны, уставшие от долгих походов и тяжелых сражений, желают скорейшего возвращения в родные края, где ждут их прекрасные жены. Но ни один не может посоветовать этого Карлу, так как каждый из них знает о коварстве Марсилия. И все молчат. Лишь один, племянник короля, молодой граф Роланд, выступив из рядов приближенных, начинает уговаривать Карла не верить словам лживого царя мавров. Роланд напоминает королю о недавней измене Марсилия, когда он также обещал верно служить франкам, а сам нарушил свое обещание и предал Карла, убив его послов, славных графов Базана и Базилия. Роланд умоляет своего повелителя как можно скорее идти к стенам непокорной Сарагосы и отомстить Марсилию за смерть славных воинов. Карл поникает челом, наступает зловещая тишина. Не все бароны довольны предложением молодого Роланда. Граф Гвенелон выступает вперед и обращается с речью к собравшимся. Он убеждает всех, что войско Карла и без того уже устало, а завоевано так много, что можно с гордостью стремиться в обратный путь к границам прекрасной Франции. Нет повода не верить маврам, у них нет выхода иного, чем подчиниться Карлу. Другой барон, Немон Баварский, один из лучших вассалов короля, советует Карлу прислушаться к речам Гвенелона и внять мольбам Марсилия. Граф утверждает, что христианский долг велит простить неверных и обратить их к Богу и нет сомнения, что мавры приедут в день святого Михаила в Ахен. Карл обращается к баронам с вопросом, кого послать в Сарагосу с ответом. Граф Роланд готов отправиться к маврам, хоть его совет и отвергнут господином. Карл отказывается отпустить от себя любимого племянника, которому он обязан многими победами. Тогда Немон Баварский охотно предлагает отвезти послание, но и его Карл не желает отпускать. Многие бароны, дабы доказать свою верность, хотят отправиться в путь, один лишь граф Гвенелон молчит. Тогда Роланд выкрикивает Карлу совет: «Пусть едет Гвенелон». Граф Гвенелон испуганно встает и смотрит на собравшихся, но все согласно кивают головами. Безумный граф с угрозой обвиняет Роланда в давнишней ненависти к нему, поскольку он Роланду отчим. Роланд, говорит Гвенелон, давно желает погубить его и вот теперь, воспользовавшись удобным

случаем, посылает на верную гибель. Гвенелон молит Карла не забыть его жену и детей, когда мавры непременно с ним расправятся. Гвенелон сокрушается, что больше не увидит родной Франции. Карл взбешен нерешительностью графа и приказывает ему немедля отправляться в путь. Император протягивает Гвенелону свою перчатку как знак посольских полномочий, но тот роняет ее на землю. Французы понимают, что только себе на горе решили отправить коварного Гвенелона с посольством к врагам, эта ошибка принесет им великое горе, но изменить судьбу уже никто не может.

Граф Гвенелон уходит в свою палатку и выбирает боевые доспехи, собираясь в путь. Недалеко от стана франков Гвенелон нагоняет возвращающееся посольство неверных, которых хитрый Бланкандрин задерживал у Карла как можно дольше, чтобы по дороге сойтись с посланцем императора. Между Гвенелоном и Бланкандрином завязывается долгий разговор, из которого мавр узнает о вражде между Гвенелоном и любимцем Карла Роландом. Бланкандрин удивленно выспрашивает у графа, за что же все франки так любят Роланда. Тогда Гвенелон открывает ему тайну великих побед Карла в Испании: дело в том, что ведет войска Карла во все сражения доблестный Роланд. Много неправды Гвенелон возводит на Роланда, и когда путь посольства доходит до середины, вероломный Гвенелон и хитрый Бланкандрин дают друг другу клятву погубить могучего Роланда.

Проходит день, и Гвенелон уже у стен Сарагосы, его ведут к царю мавров Марсилию. Поклонившись царю, Гвенелон передает ему послание Карла. Карл согласен с миром уйти в свои пределы, но в день святого Михаила он ждет Марсилия в престольном Ахене, и если сарацин ослушаться посмеет, его в цепях доставят в Ахен и предадут там позорной смерти. Марсилий, не ожидавший столь резкого ответа, хватает копье, желая сразить графа, но Гвенелон уворачивается от удара и отходит в сторону. Тогда Бланкандрин обращается к Марсилию с просьбою дослушать посла франков. Гвенелон снова приближается к повелителю неверных и продолжает речь. Он говорит, что гнев царя напрасен, Карл лишь хочет, чтоб Марсилий принял закон Христа, тогда он отдаст ему пол-Испании. Но другую половину Карл отдаст, продолжает предатель, своему племяннику, кичливому графу Роланду. Роланд будет плохим соседом маврам, он будет захватывать соседские земли и всячески притеснять Марсилия. Все беды Испании от одного Роланда, и если Марсилий хочет покоя в своей стране, то должен он не просто послушаться Карла, но также хитростью или обманом погубить его племянника, Роланда. Марсилий рад такому плану, но он не знает, как

справиться с Роландом, и просит Гвенелона придумать средство. Если им удастся погубить Роланда, Марсилий обещает графу за верную службу богатые дары и замки прекрасной Испании.

У Гвенелона план уже давно готов, он точно знает, что Карл захочет оставить кого-нибудь в Испании, чтоб обеспечить покой на завоеванной земле. Карл несомненно попросит именно Роланда остаться на страже, с ним будет совсем небольшой отряд, и в ущелье (король уже будет далеко) Марсилий разобьет Роланда, лишив Карла лучшего вассала. Этот план приходится по душе Марсилию, он зовет Гвенело-на в свои покои и приказывает принести туда дорогие подарки, лучшие меха и украшения, которые новый царский друг отвезет своей супруге в далекую Францию. Вскоре Гвенелона провожают в обратный путь, точно договорившись об исполнении задуманного. Каждый знатный мавр клянется в дружбе предателю-франку и отправляет с ним к Карлу в заложники своих детей.

Граф Гвенелон на заре подъезжает к стану франков и сразу проходит к Карлу. Он принес повелителю множество даров и привел заложников, но главное — Марсилий передал ключи от Сарагосы. Ликуют франки, Карл приказал собраться всем, чтоб сообщить: «Конец войне жестокой. Мы отправляемся домой». Но Карл не хочет оставить Испанию без охраны. Иначе он до Франции и доехать не успеет, как басурманы вновь подымут головы, тогда настанет конец всему, чего добились франки за семь долгих лет войны. Граф Гвенелон подсказывает императору оставить Роланда на страже в ущелье с отрядом храбрых воинов, они встанут за честь франков, если кто-нибудь посмеет пойти против воли Карла. Роланд, услышав, что Гвенелон советует Карлу выбрать именно его, спешит к повелителю и обращается к нему с речью. Он благодарит императора за поручение и говорит, что рад такому назначению и не боится в отличие от Гвенелона погибнуть за Францию и Карла, даже если господин захочет поставить его одного на страже в ущелье. Карл поникает челом и, закрыв лицо руками, вдруг начинает рыдать. Он не хочет расставаться с Роландом, горькое предчувствие гложет императора. Но Роланд уже собирает друзей, которые останутся с ним, когда Карл уведет войска. С ним будут доблестный Готье, Одон, Джерин, архиепископ Турпин и славный витязь Оливьер.

Карл со слезами покидает Испанию и на прощание отдает Роланду свой лук. Он знает, что им уже не суждено встретиться. Изменник Гвенелон повинен в бедах, которые постигнут франков и их императора,

Роланд, собрав свое войско, спускается в ущелье. Он слышит гром барабанов и провожает взглядом уходящих на родину.

Проходит время, Карл уже далеко, Роланд и граф Оливьер поднимаются на высокий холм и видят полчища сарацин. Оливьер упрекает Гвенелона в предательстве и умоляет Роланда трубить в рог. Карл еще может услышать призыв и повернуть войска. Но гордый Роланд не желает помощи и просит воинов бесстрашно идти в бой и одержать победу:

«Храни вас Бог, французы!»

Вновь поднимается Оливьер на холм и видит уже совсем близко мавров, полчища которых все прибывают. Он опять молит Роланда трубить, дабы Карл услышал их зов и повернул назад. Роланд вновь отказывается от позорного безумия. Проходит время, и третий раз Оливьер при виде войск Марсилия падает на колени перед Роландом и просит не губить зря людей, ведь им не справиться с полчищами сарацин. Роланд не хочет ничего слышать, выстраивает войско и с кличем «Монжой» несется в бой. В жестокой битве сошлись французы и войска хитрого Марсилия.

Проходит час, французы рубят неверных, лишь крики и звон оружия раздаются над глухим ущельем. Граф Оливьер мчится по полю с обломком копья, он поражает мавра Мальзарона, за ним Тургиса, Эсторгота. Граф Оливьер уже поразил семьсот неверных. Все жарче бой… Жестокие удары разят и франков и сарацин, но нет у франков свежей силы, а напор врагов не ослабевает.

Марсилий мчится из Сарагосы с огромной ратью, он жаждет встречи с племянником Карла, графом Роландом. Роланд видит приближающегося Марсилия и только теперь окончательно понимает мерзкое предательство своего отчима.

Ужасен бой, Роланд видит, как гибнут молодые франки, и в раскаянии бросается к Оливьеру, он хочет трубить в рог. Но Оливьер только то и говорит, что поздно на помощь Карла звать, теперь император не поможет, стремительно мчится в сечу. Роланд трубит… Кровавой пеной покрывается рот Роланда, раскрылись жилы на висках, и далеко разносится протяжный звук.

Дойдя до границы Франции, Карл слышит рог Роланда, он понимает, что предчувствия его были не напрасны. Император разворачивает войска и несется на помощь племяннику. Все ближе и ближе Карл к месту кровавой битвы, но уже не застать ему никого в живых.

Роланд глядит на горы и равнины… Повсюду смерть и кровь, везде лежат французы, витязь падает на землю в горьких рыданиях.

Проходит время, Роланд вернулся на поле битвы, он бьет сплеча, рассек Фальдрона, многих знатных мавров, ужасна месть Роланда за гибель воинов и за предательство Гвенелона. На поле

битвы он сталкивается с Марсилием, царем всей Сарагосы, и кисть руки ему отсек, царевича и сына Марсилия мечом булатным свалил с коня и заколол копьем. Марсилий в испуге обращается в бегство, но это уже ему не поможет: войска Карла слишком близко.

Настали сумерки. Один халиф на скакуне подлетает к Оливьеру и поражает его в спину булатным копьем. Глядит Роланд на графа Оливьера и понимает, что друг убит. Он ищет взглядом архиепископа, но нет уже рядом никого, войско разбито, день подошел к концу, принеся гибель доблестным франкам.

Идет Роланд один по полю битвы, он чувствует, что силы покинули его, кровью покрыто лицо, прекрасные глаза, померкли, он ничего не видит. Герой падает на траву, закрывает глаза, и последний раз он видит образ Франции прекрасной. Проходит время, и к нему во тьме подкрался мавр испанский и бесчестно поразил. Убит могучий рыцарь, и никогда никто уж не поднимет прекрасный Дюрандаль (так звали меч Роланда), никто не заменит франкам несравненного воителя. Лежит Роланд лицом к врагам под сенью ели. Здесь на рассвете находит его войско Карла. Император с рыданиями падает на колени перед телом племянника и обещает отомстить за него.

Спешат войска скорее в путь, чтобы догнать мавров и дать последний бой поганым.

Раненый Марсилий спасается от гнева императора в столице, в Сарагосе. Он слышит победный клич французов, вошедших в город. Марсилий просит помощи соседей, но все в испуге отвернулись от него, один лишь Балигант готов помочь. Сошлись его войска с войсками Карла, но быстро франки разбили их, оставив сарацин лежать на поле битвы. Карл возвращается на родину, чтобы благочестиво похоронить тела героев и свершить справедливый суд над предателями.

Вся Франция оплакивает великих воинов, нет больше славного Роланда, а без него нет счастья у франков. Все требуют казнить предателя Гвенелона и всех его родных. Но Карл не хочет казнить вассала, не дав ему слова в свое оправдание. Настал день великого суда, Карл призывает к себе предателя. Тогда один из славных франков, Тьедри, просит Карла устроить поединок между ним и родственником Гвенелона, Пинабелем. Если Тьедри победит, Гвенелона казнят, если нет, он будет жить.

Сошлись на поле боя Тьедри могучий и Пинабель непобедимый, мечи подняв, помчались в бой. Долго сражаются герои, но ни тому, ни другому не дается победа. Судьба же распорядилась так, что, когда раненый Тьедри последний раз поднял свой меч над головой Пинабеля, тот, пораженный,

замертво упал на землю и больше уже не очнулся. Суд императора свершен, Гвенелона воины привязывают к скакунам за руки и за ноги и гонят их к воде. Ужасные мучения испытал предатель Гвенелон. Но какая смерть искупит гибель прекрасного Роланда… Горько Карл оплакивает своего любимого вассала.

А. Н. Котрелева

Тристан и Изольда (Le Roman de Tristan et Iseut)

Рыцарский роман (Xll в.)

Королева, супруга Мелиадука, короля Лоонуа, разрешилась от бремени мальчиком и скончалась, едва успев поцеловать сына и наречь его именем Тристан (в пер. с фр. — грустный), ибо рожден он был в печали. Младенца король препоручил Гуверналу, сам же вскоре снова женился. Мальчик рос сильным и красивым, как Ланселот, но мачеха его невзлюбила, и поэтому, опасаясь за жизнь питомца, Гувернал увез его в Галлию, ко двору короля Фарамона. Там Тристан получил подобающее рыцарю воспитание, а двенадцати лет от роду отправился в Корнуэльс на службу к своему дяде королю Марку.

Корнуэльс в ту пору вынужден был каждый год выплачивать Ирландии тяжкую дань: сто девушек, сто юношей и сто чистокровных лошадей. И вот могучий Морхульт, брат ирландской королевы, в очередной раз прибыл к Марку за данью, но тут, ко всеобщему удивлению, юный Тристан вызвал его на поединок. Король Марк посвятил Тристана в рыцари, а местом поединка назначил остров Святого Самсона. Съехавшись, Тристан с Морхультом ранили друг друга копьями; копье Морхульта было отравленным, но прежде чем яд успел подействовать, Тристан с такой силой ударил противника, что рассек ему шлем, а кусок его меча застрял в голове Морхульта. Ирландец бежал и вскоре умер, Корнуэльс же был освобожден от дани.

Тристан очень страдал от раны, и никто ему не мог помочь, пока одна дама не посоветовала поискать исцеления в других землях. Он послушал ее совета и один, без спутников, сел в ладью; ее две недели носило по морю и наконец прибило к ирландскому берегу у замка, в котором жили король Анген и королева, приходившаяся сестрой Морхульту. Скрыв свое подлинное имя и назвавшись Тантрисом, Тристан спросил, нет ли в замке искусного лекаря, король же отвечал, что дочь его, Белокурая Изольда, весьма сведуща в лекарском искусстве. Пока Изольда выхаживала раненого рыцаря, тот успел заметить, что она очень красива.

Когда Тристан уже оправился от раны, в королевстве Ангена объявился страшный змей, ежедневно чинивший разбой и опустошение в окрестностях замка. Тому, кто убьет змея, Анген обещал отдать половину королевства и в жены свою дочь

Изольду. Тристан убил змея, и уже был назначен день свадьбы, но тут один из ирландских рыцарей объявил о том, что меч Тристана имеет щербину, по форме совпадающую с тем куском стали, что извлекли из головы покойного Морхульта. Узнав, кто чуть было не породнился с нею, королева хотела зарубить Тристана его же собственным мечом, но благородный юноша испросил права предстать перед судом короля. Король же не стал казнить Тристана, но велел немедля покинуть пределы своей страны. В Корнуэльсе король Марк возвысил Тристана, сделав начальником и управителем замка и владений, но в скором времени воспылал к нему ненавистью. Долго он думал, как избавиться от Тристана, и наконец объявил, что надумал жениться. Доблестный Тристан прилюдно обещал доставить невесту, и когда король сказал, что его избранница — Изольда Ирландская, он уже не мог взять обратно данного слова и должен был плыть в Ирландию на верную гибель. Корабль, на котором отправились в путь Тристан, Гувернал и еще сорок рыцарей, попал в бурю и был выброшен на берег у замка короля Артура. В тех же краях случилось в ту пору быть и королю Ангену, вместо которого Тристан вышел на бой с исполином Блоамором и победил его. Анген простил Тристану смерть Морхульта и взял с собой в Ирландию, пообещав исполнить любую его просьбу. Тристан попросил у короля Изольду, но не для себя, а для своего дяди и повелителя короля Марка.

Король Анген исполнил просьбу Тристана; Изольду снарядили в путь, а королева дала служанке дочери, Бранжьене, кувшин с любовным напитком, который надлежало испить Марку и Изольде, когда они взойдут на супружеское ложе. На обратном пути сделалась жара, и Тристан велел принести ему с Изольдой холодного вина. По недосмотру юноше с девицей подали кувшин с любовным напитком, они отведали его, и тут же сердца их забились по-иному. Отныне они не могли думать ни о чем, кроме как друг о друге…

Король Марк был в самое сердце поражен красотой Изольды, поэтому свадьбу сыграли немедленно по прибытии невесты в Корнуэльс. Дабы король не заметил провинности Изольды, Гувернал с Бранжьеной придумали сделать так, чтобы первую ночь тот провел с Бранжьеной, которая была девственна. Когда король Марк вошел в опочивальню, Изольда задула свечи, объяснив это старинным ирландским обычаем, и в темноте уступила свое место служанке. Король остался доволен.

Шло время, и ненависть Марка к племяннику вскипала с новой силой, ибо взгляды, какими обменивались Тристан с королевой, не оставляли сомнения в том, что оба они

преисполнены неодолимого взаимного влечения. Марк приставил надзирать за королевой доверенного слугу по имени Одре, но прошло немало времени, пока тот прознал, что Тристан и Изольда видятся наедине в саду. Одре рассказал об этом своему господину, и король, вооружившись луком, засел в кроне лаврового дерева, чтобы самому во всем убедиться. Однако влюбленные вовремя заметили соглядатая и повели предназначенную для его ушей беседу: Тристан якобы недоумевал, отчего Марк так ненавидит его, столь беззаветно любящего своего короля и столь искренне преклоняющегося перед королевой, и спрашивал у Изольды, есть ли способ преодолеть эту ненависть.

Король поддался на хитрость влюбленных; Одре попал в опалу за клевету, а Тристан снова окружен почетом. Одре, однако, не оставил мысли предать Тристана в руки короля. Как-то раз он разбросал в спальне королевы острые косы, и Тристан в темноте порезался о них, сам того не заметив. Изольда почувствовала, что простыни стали мокрыми и липкими от крови, все поняла, отослала возлюбленного, а потом нарочно поранила ногу и закричала, что на нее совершено покушение. Виновным в этом мог быть либо Одре, либо Тристан, но последний столь горячо настаивал на поединке, в котором мог бы доказать свою невиновность, что король прекратил разбирательство из опасения потерять такого верного слугу, как Одре.

В другой раз Одре собрал двадцать рыцарей, имевших зуб на Тристана, спрятал их в соседнем со спальней покое, но Тристан был предупрежден Бранжьеной и без доспехов, с одним мечом бросился на врагов. Те с позором бежали, но Одре отчасти добился своего:

Изольду Марк заточил в высокую башню, в которую не мог проникнуть ни один мужчина. Разлука с возлюбленной причиняла Тристану такие страдания, что он заболел и чуть было не умер, но преданная Бранжьена, дав ему женское платье, все-таки провела юношу к Изольде. Три дня Тристан с Изольдой наслаждались любовью, пока наконец Одре не прознал обо всем и не прислал в башню пятьдесят рыцарей, которые схватили Тристана спящим.

Разгневанный Марк повелел отправить Тристана на костер, а Изольду отдать прокаженным. Однако Тристан по дороге к месту казни сумел вырваться из рук стражи, Изольду же отбил у прокаженных Гувернал. Воссоединившись, влюбленные нашли убежище в Замке Премудрой Девы, что в лесу Моруа. Но недолго длилась их безмятежная жизнь: король Марк прознал, где они скрываются, и в отсутствие Тристана нагрянул в замок и силой

увез Изольду, а Тристан не смог помочь ей, так как в этот день был коварно ранен отравленной стрелой. Бранжьена сказала Тристану, что от такой раны его сможет исцелить только дочь короля Хоэля, Белорукая Изольда. Тристан отправился в Бретань, и там королевская дочь, весьма приглянувшаяся юноше, действительно вылечила его. Не успел Тристан оправиться от раны, как замок Хоэля осадил с большим войском некий граф Агриппа. Возглавив вылазку, Тристан разгромил врагов Хоэля, и король решил в награду выдать за него свою дочь.

Сыграли свадьбу. Когда молодые возлегли на ложе, Тристан вдруг вспомнил другую, Белокурую Изольду, и потому не пошел далее объятий и поцелуев. Не ведая, что существуют другие наслаждения, молодая была вполне счастлива. Королева же Изольда, узнав о женитьбе Тристана, едва не умерла от горя. Он тоже не смог долго переносить разлуку с возлюбленной. В облике сумасшедшего Тристан прибыл в Корнуэльс и, позабавив речами Марка, был оставлен в замке. Здесь он нашел способ открыться Изольде, и целых два месяца влюбленные виделись каждый раз, когда королю случалось отлучиться из замка. Когда пришла пора прощаться, Изольда горько плакала, предчувствуя, что более ей не суждено свидеться с Тристаном. Как-то раз Тристан снова был ранен, и лекари снова не могли помочь ему. Чувствуя себя все хуже и хуже, он послал за Изольдой, велев корабельщику плыть под белыми парусами в случае, если Изольда будет с ним на корабле, и под черными — если нет.

Хитростью корабельщик смог увезти Изольду от Марка и уже вводил свой корабль под белыми парусами в гавань, когда другая Изольда, прознавшая о значении цвета парусов, поспешила к Тристану и сказала, что паруса — черные. Этого Тристан не вынес, и душа отошла из его разорвавшегося сердца.

Сойдя на берег и найдя возлюбленного умершим, Изольда обняла бездыханное тело и тоже умерла. По воле Тристана тело его вместе с телом Изольды отвезли в Корнуэльс. К своему мечу он перед кончиной привязал послание королю Марку, в котором говорилось о нечаянно выпитом любовном напитке. Прочтя послание, король пожалел, что не узнал обо всем раньше, ибо тогда он не преследовал бы влюбленных, бессильных противостоять страсти.

По повелению короля Марка Тристана и Изольду похоронили в одной часовне. Вскоре из могилы Тристана поднялся прекрасный терновый куст и, перекинувшись через часовню, врос в могилу Изольды. Трижды приказывал король срезать этот куст, но всякий раз он являлся на следующий день, столь же прекрасный, что и прежде.

Д. В. Борисов

Кретьен де Труа (Chretien de Troyes) [ок. 1135 — ок. 1183]

Ивэйн, иди Рыцарь со львом (Yvain ou Chevalier au lion)

Рыцарский роман в стихах (между 1176–1181)

На Троицу в палатах благородного и доброго короля Артура пирует блестящая знать. Рыцари ведут приятную беседу с дамами. Как всем известно, в те благословенные времена пылкая нежность и учтивость ценились превыше всего — ныне нравы стали куда грубее, о чистоте никто не помышляет, подлинное чувство побеждено лживостью, влюбленных ослепил порок.

Одна занятная история сменяет другую, и вот слово берет честный Калогренан: он желает поведать друзьям то, что доселе скрывал. Семь лет назад рыцарю довелось попасть в дремучий Броселиадрский лес. Проблуждав целый день, он увидел небольшой уютный замок, где его встретили очень радушно. На следующий день он наткнулся в чаще на косматого клыкастого пастуха, и тот сказал, что в лесу есть источник, возле которого стоит небольшая часовня и возвышается дивная сосна. Меж ветвей на цепочке подвешен ковшик, и, если полить из него на самоцветный камень, поднимется ужасная буря — кто вернется оттуда живым, может считать себя непобедимым. Калогренан немедля поскакал к источнику, нашел сосну с ковшиком и вызвал бурю, о чем теперь очень сожалеет. Едва лишь небо прояснилось, послышался такой страшный грохот, словно мчались десять рыцарей разом. Но появился только один — исполинского обличья и свирепого нрава. Калогренан потерпел сокрушительное поражение и с трудом дотащился до гостеприимного замка — любезные хозяева сделали вид, будто не замечают его позора.

Рассказ Калогренана приводит всех в изумление. Мессер Ивэйн клянется отомстить за бесчестье кузена, но злоязычный сенешаль Кей замечает, что легко бахвалиться после доброго обеда и обильных возлияний. Королева обрывает насмешника, а король объявляет о своем решении отправиться к чудесному источнику и приглашает всех баронов сопровождать его. Задетый за живое, Ивэйн спешит опередить других рыцарей: в тот же вечер он тайно покидает дворец и скачет на поиски Броселиандрского леса. После долгих странствий Ивэйн находит гостеприимный замок, потом звероподобного пастуха и, наконец, источник. Далее все происходит в полном соответствии со словами Калогренана:

поднимается страшная буря, затем появляется разгневанный великан и с бранью бросается на чужака. В отчаянной схватке Ивэйн побеждает своего противника: умирающий рыцарь поворачивает коня, а Ивэйн устремляется следом. Он врывается в незнакомую крепость, и тут на него обрушивается потайная дверь-секира. Железо скользит вдоль спины Ивэйна, перерубив пополам лошадь: сам он остается невредим, но попадает в ловушку. Его спасает красивая девица, которую Ивэйн некогда приветил при дворе Артура. Желая воздать добром за добро, она надевает ему на палец волшебное колечко, чтобы его не нашли вассалы смертельно раненного хозяина замка.

Девица приводит рыцаря в горницу, приказывает сесть на постель и не шевелиться. Везде рыскают оруженосцы и пажи: разрубленного коня они нашли мгновенно, но всадник словно испарился. Застывший на кровати Ивэйн с восторгом смотрит на вошедшую в горницу даму изумительной красоты. Вносят гроб, и дама начинает рыдать, взывая к покойному супругу. На лбу у мертвеца проступает кровь — явный знак, что убийца прячется совсем близко. Вассалы мечутся по комнате, а дама проклинает невидимого врага, называя его подлым трусом, жалким рабом и дьявольским отродьем. Когда похоронный обряд завершается, гроб несут во двор. Вбегает испуганная девица, которая очень тревожилась за Ивэйна. Рыцарь неотрывно глядит в окно. Ивэйн пал жертвой любви — он пылает страстью к своей ненавистнице. Всегда смертельно ранит красота, и от этой сладостной напасти нет щита — она разит острее всякого клинка.

Сначала влюбленный рыцарь корит себя за сумасбродство, но затем решает завоевать прелестную даму, пронзившую ему сердце. Разумная девица, догадавшись о пылких чувствах Ивэйна, заводит о нем беседу со своей госпожой: незачем сокрушаться о мертвом — быть может, Господь пошлет ей лучшего мужа, который сумеет защитить источник. Дама гневно обрывает наперсницу, но любопытство оказывается сильнее, и она спрашивает, к какому роду принадлежит воитель, одолевший ее супруга. Девица, скрасившая Ивэйну заточение, устраивает все наилучшим образом: прекрасная Лодина соглашается выйти замуж за знатного рыцаря, сына короля Уриена. Вассалы единодушно одобряют ее выбор: надежный защитник ей необходим — слава Ивэйна гремит по всей земле, а силу свою он доказал, победив мощного Эскладоса. Рыцарь находится на вершине блаженства — отныне он законный и любимый супруг златовласой красавицы.

Наутро приходит весть, что к роднику приближается король со всей своей свитой. Злоязычный Кей срамит отсутствующего

Ивэйна и заявляет, что сам сразится с рыцарем, унизившим Калогренана. В коротком бою Ивэйн, на радость двору, вышибает насмешника из седла, а затем приглашает короля в свой замок, к прекрасной супруге. Счастливая и гордая Лодина радушно встречает монарха. Приметив разумную девицу, спасшую Ивэйна, Гавэйн изъявляет желание стать рыцарем темноволосой Люнетты.

Семь дней длится пир, но всякому празднеству приходит конец, и вот король уже собирается в обратный путь. Гавэйн принимается склонять друга к ратной жизни: нужно закалиться в турнирах, чтобы быть достойным красавицы жены. Ивэйн обращается за разрешением к супруге: Лодина скрепя сердце отпускает мужа, но повелевает вернуться ровно через год. Ивэйн с тоской покидает свою прекрасную даму.

Год проходит незаметно; Гавэйн всячески развлекает друга, затевая сражения и турниры. Наступает август: король Артур сзывает рыцарей на пир, а Ивэйн внезапно вспоминает о своем обете. Отчаянию его нет предела, и тут ко двору является посланница Лодины: громко обвинив рыцаря в измене, она срывает с его пальца кольцо и передает приказ госпожи не показываться ей больше на глаза. Ивэйн теряет рассудок от горя: разодрав на себе одежду, устремляется в лес, где постепенно дичает. Однажды спящего безумца находит знатная дама. Госпожа де Нуриссон решает помочь несчастному: натирает с головы до ног бальзамом феи Морганы и кладет рядом богатую одежду. Пробудившись, исцеленный Ивэйн поспешно прикрывает наготу. Внезапно до него доносится отчаянный протяжный рык льва, которому вцепился в хвост лютый змей. Ивэйн разрубает гадину на части, а лев со вздохом облегчения преклоняет перед рыцарем колени, признавая его своим господином. Могучий зверь становится верным спутником и оруженосцем Ивэйна.

После двухнедельных странствий рыцарь вновь оказывается у чудесного источника и лишается чувств от горя; лев же, считая его мертвым, пытается покончить с собой. Очнувшись, Ивэйн видит в часовне Люнетту — оклеветанную и приговоренную к смерти на костре. Защитить ее некому, ибо мессер Ивэйн исчез, а мессер Гавэйн отправился на поиски королевы, похищенной подлыми врагами. Рыцарь со львом обещает вступиться за девицу — ему предстоит бой с тремя противниками разом. На глазах собравшейся в ожидании казни толпы Ивэйн побеждает злодеев. Царственная Лодина приглашает израненного героя в замок, но рыцарь говорит, что должен скитаться, пока не искупит вину перед прекрасной дамой — не узнав мужа, Лодина сетует на жестокость его возлюбленной. Ивэйн находит приют в замке господина де Шапороза — отца двух прелестных дочерей.

Вскоре по всей стране разносится весть о подвигах таинственного Рыцаря со львом: он одолел злого великана, спас от гибели родственников Гавэйна и защитил владения госпожи де Нуриссон. Тем временем господин де Шапороз умирает, и старшая сестра отказывает младшей в праве на наследство. Коварная девица спешит заручиться поддержкой, и ей удается склонить на свою сторону Гавэйна, который уже вернулся ко двору. Король Артур, недовольный такой алчностью, ничего не может поделать — у непобедимого Гавэйна нет соперников. Младшая сестрица уповает теперь лишь на Рыцаря со львом и посылает на его поиски свою подругу. Девица находит защитника слабых и угнетенных: узнав о кознях жадной наследницы, Ивэйн охотно соглашается помочь. На пути к королевскому дворцу Рыцарь со львом совершает еще один подвиг: освобождает триста дев, плененных двумя демонами-сатанаилами в замке Злоключенья.

Младшая сестрица тем временем уже совсем изнемогает от горести и отчаяния. Наступает день суда: старшая сестра требует решить дело в свою пользу, поскольку у нее есть защитник, а за младшую вступиться никто не пожелал. Внезапно появляется незнакомый рыцарь и, к великой радости короля Артура, вызывает Гавэйна на бой. Начинается схватка — ужасное сражение, в котором сошлись, не ведая того, лучшие друзья. Они дерутся насмерть: Ивэйн хочет сразить Гавэйна, Гавэйн жаждет убить Ивэйна, Однако силы противников равны — победить они не могут, но и уступать не желают. Тщетно король с королевой пытаются воззвать к совести старшей сестры — упрямая и жадная девица ничего не желает слушать. Но с наступлением ночи поединок все-таки прерывается. Противники вступают в разговор и наконец-то узнают друг друга. Оба приходят в ужас: Ивэйн твердит, что побежден Гавэйном, Гавэйн умоляет признать победителем Ивэйна. Король произносит приговор: сестры должны помириться и справедливо разделить наследство. Внезапно из леса с громким рыком выбегает огромный зверь, и всем становится ясно, кого молва окрестила Рыцарем со львом.

Двор с ликованием приветствует Ивэйна, но того по-прежнему снедает тоска — жить без прекрасной Лодины он не может, а на прощение уже не надеется. Ивэйн решает вернуться к источнику и вновь вызвать бурю. Услышав раскаты грома, Лодина трепещет от страха. Вассалы ее ропщут — в замке не стало житья. Разумная Люнетта напоминает госпоже о Рыцаре со львом, и дама клянется принять его в качестве защитника. Девица мигом отправляется к роднику и находит там Ивэйна. Рыцарь падает ниц перед супругой. Узнав виновного мужа, Лодина приходит в

страшный гнев: лучше уж терпеть ежедневные бури, чем любить того, кто дерзко пренебрег ею. Преисполненный восхищения, Ивэйн говорит, что готов умереть в разлуке, если сердце любимой так непреклонно. Лодина возражает на это, что клятва уже принесена: придется простить Ивэйна, чтобы не погубить душу. Счастливый рыцарь заключает жену в объятия. Странствия его закончились — любовь восторжествовала.

Е. Д. Мурашкинцева

Фаблио (Fabliau)

Средневековые французские басни (XII — начало XIV в.)

О БУРЕНКЕ, ПОПОВСКОЙ КОРОВЕ

Как-то раз пошел один виллан — крестьянин, говоря по-русски, — с женой в воскресенье к обедне. Поп проповедь читает, мол, Господь воздаст сторицею за всякий дар от чистого сердца. Идут мужик с бабой домой, а он и говорит, что, дескать, Буренка у нас не так чтобы много молока давала, что, если мы ее и отведем в дар Богу-то?! А баба согласилась, чего же не отдать. Вывел мужичок Буренку из хлева и за веревочку — к попу: прими, мол, жертву, чем богаты, тем и рады, клянусь, нечего больше дать-то, нечего. Говорит отец Кон-стан, про себя радуется: «Ступай с миром, Господь воздаст тебе, твое достояние умножит. Все бы так радели, так у меня из приходской скотины цельное стадо бы вышло». Виллан домой, а алчный поп своим командует, чтобы, говорит, попривыкла Буренка к нашему лугу, завяжите-ка ее с нашей Белянкой. Связали коров одной веревкой. Которая своя, так той бы траву только щипать, но чужая ведь домой тянет, да во всю мочь тащит, и через поле, через лес, по деревне и другим лугом — к себе домой назад, так Белянку поповскую и затащила. Мужик бабе: «Глянь-ка, говорил ведь батюшка, что воздается сторицею! Вдвое уже выходит! Хлев просторнее ставить время приспело». Какую мораль выведем из сей истории? Умному, если на Бога надеется, пошлется вдвойне и более. А у дурака последнее отнимется. Главное — чтобы в руку шло. Вон поп: кабы знал, где упадет, — соломки бы то подтрусил бы!..

ЗАВЕЩАНИЕ ОСЛА

Между прочим, если человек умеет хорошо зарабатывать и при этом еще и широко жить хочет, никуда ему не деться от клеветников и завистников. Приглядитесь, кто и как у него за столом гуляет — из десяти шесть его очернят при всяком удобном случае, а девять — от зависти готовы помешаться. А при

людях спину перед ним гнут и лебезят.

Я это к тому, что был в одном богатом селе священник. Скопидом был отменный, накопил всего, что только можно, и деньгу большую имел, и из одежды, и прочее. В средствах не стеснялся и зерно, скажем, всегда мог придержать до лучшего времени, когда хорошая цена установится. Главное, однако, был у него замечательный осел. Лет двадцать служил попу на совесть. Не исключаю, что от того все богатство и пошло. И когда он помер, поп его и похоронил на кладбище.

А тамошнего епископа нрав был совсем иной. Он был человек не жадный, а даже тороватый. И любезный к хорошему человеку. Если кто к нему зайдет или заедет — так самое любимое занятие для епископа — с добрым гостем поговорить и закусить, ну а если занедужил — тут ему лучшее лекарство.

Однажды у епископа случился за столом один из доброхотов нашего попа, у него не раз с удовольствием полным и искреннею благодарностью подкармливавшийся. Зашла речь о скупердяйстве и мздоимстве духовенства. Тут этот гость своевременно доводит: так вот и так, если, значит, с умом дело повести, то из нашего попа можно большую иметь выгоду. Что такое? А то, что он осла ведь в священную землю положил, как доброго христианина, бессловесное-то животное. Вскипел епископ от такого над законом надругательства: «Порази его гром, доставить его ко мне немедленно! Штрафовать будем!» Пришел поп. Епископ на него: как он, мол, смел, да за такое преступленье по церковному правилу я тебя в тюрьму. Батюшка просит день на размышление. И не кручинится особенно, потому что на мошну имеет надежду нерушимую. Идет утром к владыке и прихватывает с собою полновесных двадцать ливров. Епископ опять на него — пуще вчерашнего, А *он* ему я вам, говорит, сейчас все по совести, только отойдемте, ваше высокопреосвященство, несколько в сторону, чтобы доверительный разговор был. А сам понимает, что время пришло не брать, а давать, что дать сейчас — прибыльнее. И начинает: что, мол, был у меня осел. Такой работящий — и заметьте, ведь правду говорит, — что я на нем зарабатывал по двадцать су в день. И умница, до того, что, вот видите, завещал вам двадцать ливров на вечное поминовение, чтобы упастись от адского пламени. Епископ, конечно, говорит, что Господь воздаст за смиренный труд и простит пес прегрешения.

Так и нашел управу епископ на богатея попа. И Рютбеф, рассказавший, как было дело, из всего вывел назидание: кто идет к судье со взяткой, может распраыы не бояться, за деньги и осла выкрестят.

О ВИЛЛАНЕ, КОТОРЫЙ ТЯЖБОЙ ПРИОБРЕЛ РАЙ

Если вы не читали сами, то вот что, между прочим, в Писании писано. Один виллан пом. ер в пятницу, рано утром. Помер и лежит, а душа уже из тела вышла вон. Но по некой неизвестной причине не идут за нею пытать ее ни черт, ни ангел. Душа туг же осмелела. Огляделась. В небе архангел Михаил чью-то душу а рай несет. И вилла-нова душа за ними. Святой Петр душу ту принял. И скоро к воротам возвращается. Смотрит — тут пилланова душа. Ты откуда, кто тебя привел, почему без сопровождающего, спрашивает, И говорит: нет у нас в раю места для хамов. А виллан ему: сам ты хам, тоже мне благородный, это, говорит, ты трижды Господа предал, как в Евангелии сказано, и за что тебя Бог в апостолы выбрал! Тебе самому в раю, говорит виллан, делать нечего! Петр ему: мол, ступай прочь, неверный. А сам застыдился, и пошел к апостолу Фоме. Фома рассердился и говорит виллану, что рай принадлежит святым и угодникам светлым, а тебе, неверному, тут места нету. Виллан, однако, дерзко в ответ; это кто же, мол, неверный, если вас именно так и прозвали, потому что все апостолы Воскресшего видели и уверовали, только вы им веры не дали и говорите, что не поверю, пока сам раны не пощупаю. Значит, спрашивает виллан, кто из нас двоих будет неверным? Фома, по виду, как бы устал ругаться и пошел к Павлу. Павел было бегом к воротам, гнать мужика. Мол, где и как ты постился и смирялся и так далее. Ступай, негодный! А мужик-то за свое: знаем мы тебя, лысого, сам ты первый тиран, из-за тебя святого Стефана жиды камнями забили. уныл духом и Павел. Идет, на дороге Фома с Петром совещаются, и решили втроем идти к Богу, ему суд и рассуждение. Поспешил Господь к душе. Почему, спрашивает, ты одна здесь и апостолов моих поносишь, как тебе тут без приговора остаться?! А мужичья душа Всеблагому отвечает: раз апостолы Твои тут, то и мне тут остаться, я от тебя никогда же не отрицался, в Твое по плоти светлое воскресение всегда верил и людей на мучение не приговаривал. Им за такое рай не закрылся, так и мне пусть откроется! Покамест жив был, я бедных привечал, угол всем давал, странников поил и кормил, у огня грел, как умрут — в церковь прах провожал. Грех ли это? Исповедовался я не ложно и смиренно Плоти и Крови твоей причащался. Я сюда попал без помех, и не нарушать же Вам Ваш же закон, по которому кто попал в рай, вечно в нем пребудет! Христос похвалил виллана, что выиграл словесное прение, видно, говорит, хорошо учился.

Из этого дела урок такой: за себя нужно стоять крепко,

потому что хитрость исказила правду, подделка извратила естество, на всех путях торжествует кривда и ловкость человеку теперь нужнее силы.

Т. Н. Котрелев

Роман о Розе (Roman de la Rose)

Гийом де Лоррис (Guillaume de Lorris) 1205–1240
Автор 1-й части поэмы (ок. 1230–1240)
Жан де Мен (Jean de Meun) ок. 1250–1305
Автор 2-й части поэмы (ок. 1275–1280)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Поэт видит во сне, как он ранним майским утром, гуляя, выходит за город, чтобы послушать пение соловья и жаворонка, и оказывается перед неприступными стенами, которые окружают таинственный сад. На стенах он видит изображения различных фигур, которые символизируют Ненависть, Измену, Корыстолюбие, Скупость, Зависть, Уныние, Старость, Время, Лицемерие и Бедность. Они преграждают ему дорогу в сад, но Беззаботность, подруга Утехи, впускает его туда через узенькую дверцу.

Войдя в сад, он видит хоровод, который ведет Веселье, а среди танцующих узнает Красоту, Богатство, Щедрость, Великодушие, Любезность и Юность. Он очарован: его окружают прекрасные цветы и деревья, сказочные птицы оглашают сад любви сладкозвучным пением, всюду царит радость и беззаботное веселье. Гуляя по саду, он приходит к источнику Нарцисса, в котором видит зеркальное отражение всего сада и прекрасные розы. Остановившись перед нераспустившейся розой, он погружается в созерцание. В это время Амур, вооруженный луком и стрелами, который все это время следовал за юношей, куда бы тот ни шел, ранит его пятью стрелами, имена которых — Красота, Простота, Любезность, Радушие и Миловидность.

Пронзенный стрелами Амура, юноша, пылая нежной страстью, объявляет себя вассалом Любви. Амур поучает его, как он должен себя вести, чтобы добиться расположения любимой: ему необходимо отречься от всего низменного, всецело предаться служению даме сердца, выказывать верность и щедрость, а также следить за своей внешностью и манерами. Затем Амур отмыкает своим ключом сердце юноши и знакомит его с посланцами любви: бедами и благами. Блага любви — это Надежда, Сладостная Мысль, Сладкоречие, Сладостный Взор.

Ободренный Благосклонным Приемом, влюбленный

приближается к Розе, но он слишком пылок, и его необдуманное поведение приводит к тому, что появляются стражи Розы: Сопротивление, Страх и Стыд, которые преграждают ему путь. Ослепленный страстью, юноша упрямо пытается добиться взаимности любимой, не слушаясь советов Разума, который, наблюдая за ним со своей высокой башни, призывает к умеренности и воздержанности. Друг подсказывает влюбленному, как утихомирить стражей, а Амур посылает ему на помощь Великодушие и Жалость. Но когда стражи умиротворены и Сопротивление наконец сломлено, на пути юноши встает Целомудренность. Тогда в дело вмешивается Венера, и благодаря ее содействию влюбленному удается поцеловать Розу. Это вызывает гнев стражей: Злоязычие призывает Ревность, они пробуждают Сопротивление и возводят вокруг Розы неприступный замок, в стены которого заключают Благосклонный Прием. Юноша сетует на непостоянство Амура и Фортуны и оплакивает свою горькую участь.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Слово берет Разум: он осуждает пылкого юношу за то, что тот поддался любовной страсти, предостерегает его от лживости и коварства женщин. Лишь по причине своей юности и неопытности влюбленному прощается его легкомысленное поведение. Разум объясняет ему, что любовь по самой своей природе служит цели сохранения и воспроизведения человеческого рода, а сопутствующие ей чувственные радости не должны становиться самоцелью. Однако в этом падшем мире, подверженном порокам и страстям, не сама любовь, а лишь любовные наслаждения привлекают к себе большинство мужчин и женщин. Необходимо стремиться к наивысшей любви, а это — любовь к ближнему.

Влюбленный разочарован речами Разума и не внемлет его советам. Он обращается за помощью к Богатству и просит его освободить из заточения Благосклонный Прием. Но Богатство с негодованием отказывается, ибо Благосклонный Прием никогда не уделял ему внимания.

Тогда Любовь сама решает взять приступом стены замка. Среди ее приближенных присутствуют Скрытность и Притворство, которые пользуются при дворе Любви большим влиянием. Притворство рассказывает Любви о том, как можно добиться цели, действуя лишь обманом и лестью. Друг также убеждает

юношу в том, что Скрытность и Притворство — наилучшие союзницы Любви, и он соглашается с ним.

Тем временем Амур собирает войско, чтобы взять штурмом замок. Желая заручиться поддержкой своей матери, Венеры, он посылает к ней Великодушие и Сладостный Взор. В воздушной колеснице, запряженной стаей голубок, Венера спешит на помощь. Она возмущена тем, что Целомудренность препятствует сближению юноши с Розой, и обещает, что отныне не потерпит, чтобы женщины столь ревностно хранили целомудрие.

Под предводительством Притворства войско Амура захватывает замок: Злоязычие побеждено, Благосклонный Прием освобожден из плена. Но когда влюбленный собирается сорвать Розу, вновь ему препятствуют Сопротивление, Стыд и Страх.

Все это время Природа в неустанных заботах о сохранении жизни трудится в своей кузнице. В исповеди перед Гением Природа говорит о том, что все в этом мире подчинено ее законам. Только люди в погоне за преходящими плотскими радостями зачастую пренебрегают одной из ее важнейших заповедей: плодитесь и размножайтесь. Гений отправляется к войску Любви и передает всем жалобы Природы. Амур облачает Гения в священнические одежды, вручает ему перстень, посох и митру, а Венера дает ему зажженную свечу. Все войско, перед тем как идти на штурм, посылает проклятия Целомудренности. Наконец наступает час битвы: Гений бросает зажженную свечу на крепостную стену, Венера бросает на нее свой факел. Стыд и Страх побеждены и обращаются в бегство. Благосклонный Прием позволяет юноше приблизиться к прекрасной Розе, он срывает ее и — просыпается.

В. В. Рынкевич

Роман о Лисе (Le Roman de Renart)

Памятник городской литературы (середина XIII в.)

Король зверей лев Нобль устраивает прием по случаю праздника Вознесения. Приглашены все звери. Лишь пройдоха Лис дерзнул не явиться на королевский пир. Волк Изенгрин подает льву жалобу на Лиса, своего давнего врага: мошенник изнасиловал жену волка Грызенту. Нобль устраивает судебное разбирательство. Он решает дать Лису шанс исправиться и вместо жестокого наказания приказывает Изенгрину заключить с Лисом мирный договор.

В этот момент звери видят похоронную процессию: петух и куры несут на носилках растерзанную Лисом курицу. Они падают в ноги Ноблю, умоляя его покарать злодея. Разгневанный лев приказывает медведю Бирюку найти Лиса и доставить во дворец. Но хитрому пройдохе удается и его обвести вокруг пальца: он заманивает любителя меда к пчелиному улью, и неуклюжий Бирюк застревает в дупле дуба. Лесник, увидев медведя, созывает людей. Еле живой, забитый палками, бедняга возвращается к Ноблю. Лев разгневан. Он поручает коту Тиберу доставить злодея. Не посмев ослушаться приказа владыки, тот отправляется к Лису. Он решает хитростью и льстивыми речами завлечь преступника во дворец. Но и на этот раз ловкий проныра надувает королевского посланника. Он предлагает ему отправиться вместе на охоту — в амбар к священнику, где много мышей, и в курятник. Кот попадает в западню.

Разъяренный лев решает пойти войной на преступника. Звери отправляются в поход. Подойдя к крепости, где скрылся Лис, они понимают, что не так-то просто преодолеть каменные стены. Но, охваченные жаждой мести, звери все же разбивают лагерь вокруг замка. Целыми днями штурмуют они крепость, но все их усилия тщетны.

Звери, потеряв всякую надежду взять крепость, ложатся спать. Лис же тем временем, потихоньку выбравшись из замка, решает отомстить врагам. Он привязывает хвосты и лапы спящих к стволам деревьев и ложится под бок к королеве. Проснувшись, испуганная львица поднимает крик. Звери, увидев Лиса, пытаются подняться, но не могут сдвинуться с места. Слизняк Медлив, решив всех освободить, сгоряча рубит им хвосты и лапы. Лис уже готов удрать, но в последний момент Медливу удается схватить прохвоста. Наконец-то Лис пленен.

Нобль выносит жестокий, но справедливый приговор —

казнить лгуна и злодея. Жена и сыновья Лиса, узнав, что ему грозит неминуемая гибель, умоляют владыку помиловать преступника, предлагая взамен богатый выкуп. В конце концов лев соглашается простить Лиса, но при условии, что тот оставит свои дерзкие проделки. Обрадованный Лис скрывается, как только с его шеи снимают веревку. Но выясняется, что в толчее и неразберихе Лис совершил еще одно преступление — раздавил мышь. А его уже и след простыл. Нобль приказывает каждому, кто увидит преступника, не дожидаясь судебного разбирательства, расправиться с ним на месте.

Тяжелые времена наступили для Лиса, Он вынужден скитаться, скрываясь от всех. Не так-то легко стало добывать себе пропитание. Но хитрость и смекалка по-прежнему выручают его. То ему удается льстивыми речами выманить у ворона кусок сыра, то он надувает рыбаков, возвращавшихся домой с богатым уловом. На этот раз Лис притворяется мертвым, и простаки кладут его в повозку. Тем временем проныра досыта набивает себе брюхо, да еще и прихватывает часть добычи с собой. То-то радовались его домочадцы!

Тем временем Изенгрин, рыщущий в поисках съестного, подходит к дому Лиса. Учуяв запах жареной рыбы, он, забыв о смертной вражде с Лисом и все его преступления, просит накормить его. Но хитрец говорит волку, что ужин предназначается монахам, а они принимают в свою общину каждого, кто захочет. Изголодавшийся Изенгрин изъявляет желание вступить в Тиронский орден. Лис уверяет волка, что для этого необходимо выстричь тонзуру. Он велит ему просунуть голову в дверную щель и поливает ее кипятком. Когда же волк, измученный этими пытками, напоминает ему о том, что тот обещал его накормить, Лис предлагает Изенгрину самому наловить себе рыбы. Он отводит его на замерзший пруд, привязывает к его хвосту ведро и велит ему опустить его в прорубь. Когда лед замерзает и волк уже не в силах сдвинуться с места, к пруду собираются люди. Увидев волка, они с палками набрасываются на него. Оставшись без хвоста, Изенгрин едва уносит ноги.

Король зверей Нобль внезапно заболевает тяжелой болезнью. Со всего света стекаются к нему прославленные врачеватели, но ни один из них не может помочь льву. Барсук Гринбер, который приходится кузеном Лису, убеждает его, что единственный способ заслужить прощение и добиться благоволения короля — исцелить его. Собрав в чудесном саду целебные травы и обобрав спящего пилигрима, он предстает перед Ноблем. Король разгневан тем, что наглый Лис посмел явиться ему на глаза; но тот объясняет

Ноблю цель своего визита. Он говорит, что для исцеления больного потребуется шкура волка, рога оленя и шерсть кота. Король приказывает слугам исполнить его просьбу. Лис ликует: Изенгрин, олень и кот Тибер — его давние враги и обидчики — теперь опозорены навсегда. С помощью снадобий, приготовленных Лисом, король выздоравливает. Хитрец наконец завоевывает любовь короля.

Лев отправляется на войну с язычниками. Он поручает Лису охранять дворец и назначает его своим наместником. Воспользовавшись отсутствием Нобля, он соблазняет его жену и живет, ни в чем себе не отказывая. Вскоре у него созревает коварный план: он подговаривает гонца объявить зверям, что лев погиб на поле брани. Гонец зачитывает зверям завещание короля, состряпанное мошенником Лисом: после смерти льва трон должен перейти к Лису, а вдова Нобля станет супругой новоиспеченного короля. Скорбь по погибшему государю сменяется радостью: никто не хочет ссориться с новым королем.

Вскоре лев с победой возвращается домой. Он штурмует замок и берет предателя в плен. Петух Шантеклер набрасывается на самозванца, но тот притворяется мертвым, и его сбрасывают в канаву. На мертвечину слетаются вороны, но им не удается полакомиться: Лис отрывает одной из них лапу и убегает. Вороны жалуются королю, и тот посылает к Лису барсука Гринбера. Желая выручить кузена, Гринбер возвращается и рассказывает Ноблю, что на этот раз Лис на самом деле скончался, хотя тот цел и невредим. Звери ликуют, один только лев разочарован и опечален неожиданной кончиной врага.

А. В. Вигилянская

Рютбеф (Rutebeuf) [ок. 1230–1285]

Чудо о Теофиле (Le miracle de Theopfile)

Когда-то эконом одной знаменитой церкви, которого звали Теофил, славился в округе своим достатком, высоким положением и добротой. Но жизнь обошлась с ним жестоко, он потерял все и впал в немилость у кардинала. И вот однажды Теофил, сидя у себя дома, с горечью вспоминал, с какой ревностью он молился раньше за своего покровителя кардинала, который так несправедлив к нему. Эконом был человеком гордым и решил во что бы то ни стало отомстить обидчику. Своими силами сделать это было невозможно, и, поколебавшись, Теофил решил отправиться к могущественному волшебнику Саладину, который умел заклинать дьявола. Саладин встретил Теофила с распростертыми объятиями. Узнав о несчастьях, постигших приятеля, волшебник обещался помочь и велел прийти на следующий день. По дороге домой благочестивый Теофил испугался, что его постигнут вечные муки в наказание за сделку с врагом рода человеческого, но, вспомнив о своих бедах, все-таки решился на свидание с нечистым. Саладин же страшными чарами вызвал дьявола и уговорил его помочь Теофилу.

На следующий день эконом пришел к Саладину даже раньше времени, и тот послал его к дьяволу, строго наказав не произносить христианских молитв по дороге. Представ перед нечистым, Теофил пожаловался на свою судьбу, и супостат ответил, что готов вернуть ему и честь, и богатство, если за это Теофил отдаст ему душу и станет его слугой. Теофил согласился и написал расписку, которую дьявол оставил у себя, приказав эконому быть с той поры жестоким к людям и забыть всякое милосердие. А кардинал, устыдившись своей несправедливости по отношению к Теофилу, решил восстановить его в должности и послал своего слугу Задиру сыскать изгнанного эконома. Обругав Задиру последними словами, Теофил решил, однако, пойти к кардиналу.

И вот Теофил видит полнейшее раскаяние кардинала, но разговаривает со своим господином зло и грубо, хотя принять обратно должность и деньги соглашается, Теофил выходит на улицу и видит своих друзей Петра и Фому. С ними он также обходится круто и, проклиная и оскорбляя их, идет своей дорогой. Но его мучают угрызения совести. После долгих терзаний приходит и покаяние в содеянном. Горюя, прибрел Теофил в капеллу Пресвятой Девы. Пав на колени, он стал усердно молиться за спасение своей души, истекая слезами. Сжалившись над несчастным экономом, Мадонна явилась его

очам и пообещала отнять у дьявола проклятую расписку. Затем Пречистая пошла к врагу рода человеческого и под угрозой расправы отобрала у него бумагу. Вновь представ перед Теофилом, Мадонна повелела ему отдать эту расписку кардиналу, чтобы тот всем в назидание прочелее прихожанам в церкви, дабы знали они, как легко погибнуть душе. Теофил пришел к кардиналу и, рассказав, как все было, вручил ему гнусный договор. Владыка, возрадовавшись спасению слуги, созвал верующих в храм и прочел им бумагу, где содержалась похвальба нечистого, скрепленная кровью Теофила. Услышав о таком чуде, все присутствующие в храме встали и в один голос воскликнули: «Тебя, Бога, хвалим!» Так был посрамлен лукавый бес, искушающий души людей легким богатством и славой.

Т. Н. Котрелев

Пайен из Мезьера (Paiens de Maisieres) [XIII в.]

Мул без узды (La Mule sanz frain)

Повесть-пародия на рыцарский роман (1-я половина XIII в.)

Итак, начинается рассказ: ко двору легендарного короля Артура, где собираются отважные и знатные рыцари, является девушка на муле. Красавица едет «вовсе без узды» и горько плачет. Благородные дамы и рыцари посылают сенешаля Кея узнать, в чем дело. Вскоре Кей возвращается и докладывает: девица печалится о том, что нет у ее мула узды, и ищет она отважного рыцаря, который согласится отыскать эту узду и вернуть ей. А буде таковой найдется и исполнит ее просьбу, она готова стать ему покорною женой.

Восхищенный красотою дамы, Кей просит разрешить ему совершить этот подвиг. Готовый ехать за уздой хоть на край света, Кей желает перед дорогой получить от дамы поцелуй. Однако та отказывает ему: прежде узда, а потом — поцелуй. Не теряя более драгоценного времени, Кей садится на мула, и тот уверенно трусит по знакомой дороге. Вскоре мул сворачивает в лес, полный львов, леопардов и тигров; с громким рыком зверье устремляется «туда, где рыцаря шел путь». Проклиная все на свете, незадачливый сенешаль думает только о том, как бы поскорей унести отсюда ноги. Из почтения к хозяйке мула хищники, проводив взглядами седока, отступают в чащу.

Лес кончился, мул выехал на равнину, и Кей воспрянул духом. Однако радуется он недолго: мул въезжает в ущелье, где на дне копошатся «змеи, тарантулы и пауки», чье смрадное, зловонное дыханье, клубящееся, словно черный дым, столь устрашает Кея, что тот в ужасе готов вернуться в лес к диким зверям. Наконец и это препятствие позади, теперь Кея ждет бурный поток, перебраться через который можно только по мостку. Сенешаль не выдерживает и поворачивает обратно; благодаря мулу он минует невредимым всех гадов и зверье и наконец подъезжает к Артурову дворцу.

Узнав, что он не привез узды, девица в горе рвет *на. себе* волосы. Тронутый ее скорбью, рыцарь Говен просит дозволить ему привезти ей узду. Услышав его слова, девица радостно целует рыцаря: сердце подсказывает ей, что он привезет уздечку. Тем временем сенешаль Кей, «скорбя душой», уезжает со двора; не исполнив взятого на себя рыцарского подвига, он не осмеливается появиться перед королем Артуром.

Мул везет Говена теми же тропами, что и Кея. Завидев знакомого мула и его седока, отважного Говена, звери выбегают

им навстречу. Говен догадывается, что, испугавшись зверья, Кей нарушил слово, данное даме. Сам же Говен бесстрашно едет дальше и с улыбкой на устах минует ущелье ужаса, и смрада, на дне которого клубятся гады.

По узенькой дощечке рыцарь бесстрашно пересекает бурлящий поток и подъезжает к замку, вращающемуся, словно мельничное колесо. Замок окружен глубоким рвом с водой, вокруг рва высится частокол, украшенный человеческими головами; один шест этой страшной ограды еще свободен. Но рыцарь не робеет душой. Въехав на мост, Говен отважно бросается вперед и проникает в замок ценою всего лишь половинки хвоста мула, которая «висеть осталась в воротах». Кругом пусто и тихо. Во дворе его встречает молчаливый карлик; следуя за ним, Говен сталкивается с огромным волосатым вилланом с топором на шее. Виллан предупреждает рыцаря, что добраться до заветной узды будет нелегко; но предостережение это только воспламеняет отвагу героя. Тогда виллан хлопочет о рыцаре, отводит в дом, подает ужин, стелит ложе, а перед сном предлагает игру: сначала Говен срубит ему голову, а потом он — Говену. Рыцарь соглашается, отсекает виллану голову, тот берет ее под мышку и уходит, пообещав завтра явиться за головой Говена.

Утром верный своему слову Говен кладет голову на плаху. Но оказывается, лохматый великан хотел лишь напугать его. Страшный с виду виллан становится верным слугой рыцаря и снаряжает его для схватки со свирепыми львами. Семь щитов разбивают хищники, но все же рыцарь побеждает их. Говен готов получить уздечку, но это только первое испытание. Когда рыцарь отдохнул и сменил доспехи, виллан проводит его в зал, где лежит раненый рыцарь. По обычаю этот рыцарь сражается с каждым, кто приезжает в замок за уздой. Рыцарь побеждает пришельца, отсекает ему голову и сажает ее на кол возле рва. Если же пришелец победит рыцаря, то ему придется отрубить ему голову и самому занять его место. Говен, разумеется, побеждает рыцаря замка, однако великодушно сохраняет ему голову на плечах. Теперь-то лохматый виллан принесет ему уздечку, думает Говен. Но Артурова рыцаря ждет новое испытание: виллан приводит к нему двух огнедышащих змей. Могучим ударом Говен отсекает обоим гадам головы.

Затем к Говену является прежний карлик и от имени своей госпожи приглашает рыцаря разделить с ней трапезу. Говен принимает приглашение, но, не доверяя карлику, требует, чтобы его сопровождал верный виллан. Следуя за своими провожатыми, рыцарь приходит к прекрасной даме. Восторгаясь его отвагой, дама приглашает Говена за стол. Виллан и карлик прислуживают

им, дама радушно угощает героя. Когда же трапеза окончена и слуги унесли воду для омовения рук, Говен просит даму отдать ему уздечку. В ответ та заявляет, что он сражался за ее сестру, а посему она готова отдать ему всю себя, дабы он стал господином и ее, и ее пятидесяти замков. Но рыцарь учтиво отвечает, что «о случившемся известье» обязан он «скорее к королю принесть», а посему немедля должно ему в обратный путь пуститься. Тогда дама указывает ему на серебряный гвоздь, где висит драгоценная узда. Говен снимает узду, прощается с дамой, и виллан подводит ему мула. Дама просит виллана остановить вращение замка, чтобы рыцарь без труда покинул его стены, и тот охотно исполняет ее просьбу,

Проезжая мимо ворот, Говен с удивлением взирает на ликующую толпу: когда он въехал в замок, в нем не было ни души. Виллан разъясняет ему: раньше все эти люди прятались в пещере, потому что боялись диких зверей. Лишь те, кто похрабрей, порою выходили на работу. Теперь же, когда Говен убил всех хищников, они радуются свету, и веселию их нет предела. Речи виллана — большая утеха для Говена.

Вот мул снова перебегает по узенькой доске, сворачивает в смрадное ущелье, въезжает в дремучий лес, где все звери вновь выскакивают ему навстречу — преклонить колена перед доблестным рыцарем. Но Говену недосуг — он спешит в замок Артура.

Говен въезжает на луг перед замком, его из окон замечает королева и ее свита. Все устремляются навстречу отважному рыцарю, а больше всех радуется приезжая дама: она знает, что Говен привез ей узду. Наградив рыцаря поцелуем, она благодарит его за подвиг. «И тут Говен ей без смущенья свои поведал приключенья»: про лес, про яростный поток, про чудный дворец, про карлика и про виллана, про то, как убиты львы, как повержен знаменитый рыцарь, как разом поражены два змея, про трапезу и разговор с сестрой ее, про ликование народа в замке.

Выслушав рассказ Говена, дама просит разрешить ей удалиться, хотя все, включая самого короля, уговаривают ее остаться и выбрать себе господина среди рыцарей Круглого стола. Но дама стоит на своем: она не вольна остаться, как бы ей того ни хотелось. Усевшись на мула, она, отказавшись от провожатых, скачет обратно в лес. На этом рассказ «про девушку на муле, покинувшую вдруг дворец, здесь обретает свой конец».

Е. В. Морозова

Средневековые французские фарсы [XV в.]

Адвокат Пьер Патлен (Maistre Pierre Pathelin)

Адвокат Патлен жалуется Гильеметте, своей жене, что никто уже не нуждается в его услугах. В былые времена от клиентов отбою не было, теперь же он по целым неделям сидит без работы. Прежде они ни в чем себе не отказывали, а теперь вынуждены ходить в отрепьях и питаться сухими хлебными корками. Так жить больше нельзя, необходимо что-то предпринять. Мало ли на свете простаков, которых Патлену — ловкачу и хитрецу — ничего не стоит обвести вокруг пальца!

Адвокат отправляется к суконщику, известному всем своей скупостью. Патлен расхваливает щедрость и доброту его покойного отца, которого сам и в глаза не видел, хотя, по слухам, старик был таким же скрягой, как и его сын. Адвокат вскользь упоминает о том, что отец суконщика никогда не отказывал ему в кредите. Льстивыми речами Патлен располагает к себе угрюмого и недоверчивого суконщика и завоевывает его симпатию. В беседе с ним он невзначай упоминает о том, что сильно разбогател и все подвалы у него полны золота. Он охотно купил бы сукно, но не прихватил с собой денег.

Адвокат обещает дать за сукно тройную цену, но только вечером, когда суконщик придет к нему отужинать.

Патлен возвращается домой с сукном и рассказывает Гильеметте о том, как ловко он надул суконщика. Жена недовольна: она боится, что ее мужу несдобровать, когда обман раскроется. Но хитрый Пат-лен уже придумал, как избежать расплаты. Когда вечером скряга является к нему в дом, предвкушая даровое угощение и радуясь, что так дорого продал свой товар, жена адвоката уверяет суконщика, что муж при смерти и уже несколько недель не выходит из дому. Видно, за сукном приходил кто-то другой и назвался именем ее мужа. Однако суконщик ей не верит и требует денег. Наконец Гильеметта, рыдая, проводит упрямого торговца в комнату Патлена, который ловко разыгрывает перед ним роль умирающего. Тому ничего не остается, как уйти несолоно хлебавши.

Возвращаясь домой, суконщик встречает нерадивого и

плутоватого слугу, который пасет его овец, и на нем срывает свой гнев. Пусть теперь слуга ответит перед судом, куда пропадают овцы: что-то они слишком часто болеют овечьей оспой.

Слуга встревожен, ибо на самом деле это он украл хозяйских овец. Он приходит за помощью к Патлену и просит быть его защитником в суде. Адвокат соглашается, но за высокую плату. Хитрец подговаривает слугу, чтобы тот на все его вопросы по-овечьи блеял, не говоря ни единого слова.

Суконщик, его слуга и адвокат являются в суд. Увидев Патлена, живого и здорового, скряга догадывается, что тот обманул его, и требует вернуть сукно или деньги. Совсем потеряв голову от гнева, он тут же набрасывается и на слугу, который ворует его овец. Суконщик так взбешен, что судье непонятно, кого и в чем тот обвиняет. Адвокат подсказывает судье, что, вероятно, торговец не в своем уме. Но поскольку суконщик требует разбирательства, адвокат приступает к своим обязанностям. Он начинает задавать вопросы слуге, но тот только блеет, как овца. Судье все ясно: перед ним двое умалишенных и ни о каком разбирательстве не может быть и речи.

Довольный таким исходом, слуга в ответ на требование Патлена уплатить ему обещанную сумму блеет по-овечьи. Раздосадованный адвокат вынужден признать, что на этот раз в дураках остался он сам.

Новый Патлен (Le Nouveau Pathelin)

Адвокат Пьер Патлен, плут и мошенник, всем известный своими ловкими и дерзкими выходками, снова ищет очередного простака, чтобы поживиться за его счет. На базарной площади он видит меховщика и решает обмануть его старым, испытанным способом, как однажды он уже провел суконщика. Узнав имя торговца, адвокат выдает себя за близкого друга его покойного отца и вспоминает о том, что не то самого меховщика, не то его родную сестру крестил отец Патлена. Простодушный торговец искренне радуется неожиданной встрече. Патлен приценивается к мехам, чтобы купить их для своего дальнего родственника, священника, но у него с собой нет денег. Поэтому он предлагает отправиться к священнику, с которым меховщик может заключить выгодную сделку. Адвокат якобы для того, чтобы помочь торговцу, взваливает на себя тюк с мехами.

Патлен подходит к священнику, который сидит в

исповедальне, и просит его отпустить грехи его другу, который очень хочет исповедаться. Он объясняет ему, что тот богат, и готов пожертвовать церкви крупную сумму. К несчастью, он не совсем здоров, часто заговаривается и бредит, но пусть это не смущает святого отца. Священник, предвкушая щедрое вознаграждение, обещает Патлену выслушать его страждущего друга.

Адвокат сообщает торговцу, что сделка заключена и меховщику осталось только получить со священника деньги: он должен дождаться своей очереди и зайти в исповедальню, а сам Патлен тем временем закажет обед в ближайшей таверне, чтобы отпраздновать встречу и выгодную продажу всей партии товара. Когда доверчивый торговец заходит в исповедальню, Патлен забирает тюк с мехами и уходит, смеясь над глупостью мнимого родственника.

Наконец меховщик подходит к священнику и требует у него деньги. Тот, помня предостережение адвоката, приступает к исповеди, но торговец и не думает каяться в грехах и настойчиво просит священника рассчитаться с ним за купленные меха. Через некоторое время и священник и торговец понимают, что хитрый Патлен разыграл с ними злую шутку. Меховщик бросается в таверну, но Патлена и след простыл.

Завещание Патлена (Le Testament de Pathelin)

Адвокат Патлен уже не тот полный сил и задора ловкач и пройдоха, каким его знали все в округе. Он состарился, стал больным и немощным и чувствует приближение конца. Когда он был молод, он с легкостью зарабатывал деньги, теперь же силы его на исходе и он никому не нужен. Он по-прежнему занимает должность адвоката в суде, но теперь его клиенты — беднота, поэтому дела его идут неважно. Вместе со своей женой Гильеметтой он доживает свой век в бедности и забвении. Одно утешение осталось ему в жизни — вино.

Он собирается идти в суд, но чувствует себя так плохо, что ему приходится лечь в постель. Решив, что настал его смертный час, Пат-лен посылает Гильеметту за аптекарем и священником. Скоро оба являются к адвокату: один для того, чтобы попытаться вернуть его к жизни, другой — приготовить его к предстоящей встрече со Всевышним. Аптекарь уговаривает Патлена принять порошки и лекарства, но тот отказывается от всех его снадобий и

требует вина. Священник готов принять исповедь умирающего, но тот и слышать не хочет об отпущении грехов и жаждет одного только вина. Гильеметта умоляет мужа подумать о спасении души, но тот не внемлет ее мольбам, Священник просит упрямца вспомнить о всех прегрешениях, которые тот совершил за всю жизнь. Наконец он соглашается поведать святому отцу о своих ловких проделках. Он хвалится тем, что однажды надул жадного суконщика, взяв у него шесть локтей лучшего сукна и не заплатив ни медяка. Однако он отказывается рассказывать о том, как его самого обвел вокруг пальца слуга суконщика, после того как он избавил вора от суда. Видя, что смерть Патлена уже близка, священник отпускает ему грехи. Теперь настало время по всем правилам составить завещание. Но у Патлена ничего нет, и он завещает жене пустую шкатулку без единой монеты, а духовнику — прелести Гильеметты. Прощаясь с миром, в котором для него важнее всего было есть, пить и плутовать, Патлен завещает похоронить себя в винном погребе, под винной бочкой, и испускает дух.

Женатый любовник (Le Ribault Marie)

Между мужем и женой вспыхивает ссора из-за того, что она подозревает его в измене. Разгневанный муж уходит, а жена жалуется соседке. Та обещает подруге разузнать, справедливы ли ее опасения. У них созревает план: когда муж вернется домой, жена притворится встревоженной и в ответ на его вопросы скажет ему, что он страдает неизлечимой болезнью. Потом она приведет с собой служанку, переодетую священником, которая на исповеди постарается выведать у него всю правду.

Приходит муж и требует обед, а жена при виде его начинает рыдать и убиваться. Ей так ловко удается сыграть свою роль, что муж и сам начинает верить, что он опасно болен. Женщина бежит за священником.

Переодетая служанка приступает к исповеди. Испуганный близостью смерти, супруг раскаивается в своих грехах и признается, что действительно изменял жене. Оказывается, что его любовница — дочь соседки. Разгневанные женщины решают раз и навсегда проучить потерявшего всякий стыд сластолюбца. Мнимый священник налагает на грешника епитимью: он должен раздеться донага и на коленях вымаливать у жены прощение. Когда он выполняет это требование, жена и соседка

набрасываются на него с розгами. Пристыженный муж клянется жене в вечной любви и верности и обещает впредь никогда не изменять ей.

Брат Гильбер (Le Frere Guillebert)

Молодая женщина жалуется куме, что ее престарелый супруг не способен погасить пламя ее любовной страсти. Кума советует ей искать утешения на стороне и завести любовника. Их разговор подслушивает монах, брат Гильбер, распутник и сластолюбец. Он предлагает жене старика свои услуги и уверяет ее, что она не пожалеет, если согласится назначить ему свидание. Та приглашает его на следующий день, когда муж уйдет на базар. Монах приходит в назначенный час, но старик неожиданно возвращается за мешком. Жена прячет брата Гильбера под комод, и он ложится на тот самый мешок, за которым вернулся старик. Принимая за мешок висящие на гвозде штаны монаха, он берет их и уходит. Перепуганный монах тоже хочет уйти, но обнаруживает пропажу штанов. Жена в отчаянии, она не знает, что делать, и идет за советом к куме. Та успокаивает ее и говорит, что сможет обвести мужа вокруг пальца. Встретив разъяренного старика, она убеждает его, что штаны, которые он нашел в своем доме, — святыня, ибо их носил святой Франциск. Женщины, страдающие бесплодием, натирают ими живот и бедра, прежде чем возлечь с супругом. Кума уверяет ревнивца, что лишь благодаря этим штанам, которые любезно доставил из монастыря брат Гильбер, его жена забеременела. Старик верит куме и раскаивается в том, что заподозрил жену в измене. Брат Гильбер приходит за штанами и после молитвы позволяет супругам облобызать святыню.

А. В. Вшилянская

Маргарита Наваррская (Marguerite de Navarre) [1492–1549]

Гептамерон (L'Heptameron)

Книга новелл (1558)

Десять благородных кавалеров и дам, ездивших на воды, застряли на обратном пути из-за осенней распутицы и нападений разбойников. Они находят приют в монастыре и ждут, когда рабочие построят мост через разлившуюся реку, что должно занять дней десять — двенадцать. Думая о том, как скоротать время, друзья обращаются за советом к госпоже Уазиль, самой пожилой и почтенной даме из их компании. Та советует читать Священное Писание. Все просят госпожу Уазиль читать им Писание по утрам вслух, в остальное же время решают по примеру геров Боккаччо рассказывать по очереди разные истории и обсуждать их. Незадолго до этого дофин, его супруга и королева Маргарита вместе с несколькими придворными хотели написать книгу, подобную «Декамерону», но не включать в нее ни одной новеллы, в основу которой не было бы положено истинное происшествие. Поскольку более важные дела отвлекли августейших особ от этого намерения, веселая компания решает осуществить их замысел и преподнести августейшим особам получившийся сборник правдивых рассказов.

Новелла восьмая. Молодой человек по имени Борне из графства Аллэ захотел изменить своей добродетельной жене со служанкой. Служанка рассказала госпоже о домогательствах Борне, и та решила проучить похотливого супруга. Она велела служанке назначить ему свидание в гардеробной, где темно, и пришла вместо нее сама. Но Борне посвятил в свои планы относительно служанки приятеля, и тот захотел наведаться к служанке вслед за ним. Борне не мог отказать приятелю и, пробыв у мнимой служанки некоторое время, уступил ему свое место. Приятель развлекался с мнимой служанкой, уверенной, что к ней вернулся муж, до самого утра и на прощание снял у нее с пальца обручальное кольцо. Каково же было удивление Борне, когда на следующий день он увидел на пальце приятеля обручальное кольцо своей жены и понял, какую сам себе подстроил ловушку! А жена, которую он, надеясь на какое-нибудь спасительное недоразумение, спросил, куда она дела кольцо, разбранила его за похотливость, которая заставила бы его даже «козу в чепчике принять за красивейшую девушку на свете». Окончательно убедившись, что сам наставил себе рога, Борне не стал рассказывать жене о том, что второй раз к ней приходил не он и она невольно совершила грех. Приятеля он тоже попросил

молчать, но тайное всегда становится явным, и Борне заслужил прозвище рогоносца, хотя репутация его жены от этого и не пострадала.

Новелла десятая. Благородный юноша Амадур влюбился в дочь графини Арандской Флориду, которой было всего двенадцать лет. Она была очень знатного рода, и у него не было надежды на ней жениться, но разлюбить ее он не мог. Чтобы иметь возможность видеть Флориду почаще, он женился на ее подруге Авантураде и благодаря своему уму и обходительности стал своим человеком в доме графини Арандской. Он узнал, что Флорида любит сына Энрике Арагонского. Чтобы проводить с ней больше времени, он часами слушал ее рассказы о сыне герцога Арагонского, старательно тая свои чувства к ней. И вот однажды, не в силах больше сдерживаться, он признался Флориде в любви. Он не требовал никакой награды за свою верность и преданность, он просто хотел сохранить дружбу Флориды и всю жизнь служить ей. Флорида удивилась: зачем Амадуру просить о том, что он и так имеет? Но Амадур объяснил ей, что боялся выдать себя неосторожным взглядом или словом и дать повод к сплетням, от которых могла пострадать репутация Флориды. Доводы Амадура убедили Флориду в его благородных намерениях, и она успокоилась. Для отвода глаз Амадур начал ухаживать за красавицей Полиной, и вначале Авантурада, а потом и Флорида стали ревновать его к ней. Амадур отправился на войну, а его жена осталась с Флоридой, которая обещала не разлучаться с ней.

Амадур попал в плен, где единственной его отрадой были письма Флориды. Мать решила выдать Флориду за герцога Кардонского, и Флорида покорно вышла замуж за нелюбимого. Сын Энрике Арагонского умер, и Флорида была очень несчастна. Возвратившись из плена, Амадур поселился в доме герцога Кардонского, но вскоре Авантурада умерла, и Амадуру стало неловко там жить. С горя он заболел, и Флорида пришла его навестить. Решив, что многолетняя верность заслуживает награды, Амадур попытался овладеть Флоридой, но это ему не удалось. Добродетельная Флорида, оскорбленная посягательством Амадура на ее честь, разочаровалась в нем и не пожелала его больше видеть. Амадур уехал, но не мог смириться с мыслью, что никогда больше не увидит Флориду. Он попытался привлечь на свою сторону ее мать, графиню Арандскую, которая к нему благоволила.

Амадур вновь отправился на войну и совершил немало подвигов, Года через три он предпринял еще одну попытку завоевать Флориду — приехал к графине Арандской, у которой она в это время гостила, но Флорида вновь отвергла его.

Пользуясь благородством Флориды, не рассказывавшей матери о недостойном поведении Амадура, он поссорил мать с дочерью, и графиня Арандская целых семь лет не разговаривала с Флоридой. Началась война Гренады с Испанией. Муж Флориды, ее брат и Амадур храбро сражались с врагами и погибли славной смертью. Похоронив мужа, Флорида постриглась в монахини, «избрав себе в супруги того, кто спас ее от чрезмерно страстной любви Амадура и от тоски, которая не покидала ее в замужестве».

Новелла тридцать третья. Графу Карлу Ангулемскому доложили, что в одной из деревень около Коньяка живет очень благочестивая девушка, которая, как ни странно, забеременела. Она уверяла всех, что никогда не знала мужчины и не может понять, как это произошло. По ее словам, сотворить это мог только святой дух. Люди верили ей и почитали ее как святую.

Священником в этом приходе был ее брат, человек суровый и немолодой, который после этого случая стал держать сестру взаперти. Граф заподозрил, что здесь кроется какой-то обман, и велел капеллану и судейскому чиновнику произвести расследование. По их указанию священник после мессы во всеуслышание спросил у сестры, как она могла забеременеть и в то же время остаться девственницей. Она ответила, что не знает, и поклялась под страхом вечного проклятия, что ни один мужчина не приближался к ней ближе, чем ее брат. Все поверили ей и успокоились, но когда капеллан и судейский чиновник доложили об этом графу, он, поразмыслив, предположил, что брат и есть ее соблазнитель, ведь «Христос уже приходил к нам на землю и ждать второго Христа мы не должны». Когда священника посадили в тюрьму, он во всем сознался, и после того как его сестра разрешилась от бремени, их обоих сожгли на костре.

Новелла сорок пятая. Обойщик из Тура очень любил свою жену, но это не мешало ему ухаживать и за другими женщинами. И вот он пленился служанкой, однако, чтобы жена не догадалась об этом, нередко вслух бранил девушку за лень. Перед Днем избиения младенцев он сказал жене, что необходимо проучить ленивицу, но, поскольку жена его слишком слаба и жалостлива, он берется сам выпороть служанку. Жена не возражала, и муж купил розги и смочил их в рассоле. Когда настал День избиения младенцев, обойщик встал пораньше, поднялся к служанке и действительно устроил ей «избиение», но вовсе не такое, о каком помышляла жена. Потом он спустился к жене и сказал ей, что негодница долго будет помнить, как он ее проучил. Служанка пожаловалась хозяйке, что ее муж нехорошо с ней поступил, но жена обойщика думала, что служанка имеет в виду порку, и сказала, что обойщик сделал это с ее ведома и согласия.

Служанка, видя, что хозяйка одобряет поведение мужа, решила, что, видно, это не такой уж грех, раз делается по наущению той, кого она считала образцом добродетели. Она не стала более противиться домогательствам хозяина и уже не плакала после «избиения младенцев».

И вот однажды зимой обойщик вывел утром служанку в сад в одной рубашке и стал заниматься с ней любовью. Соседка увидела их в окно и решила обо всем рассказать обманутой жене. Но обойщик вовремя заметил, что соседка наблюдает за ними, и решил перехитрить ее. Он вошел в дом, разбудил жену и вывел ее в сад в одной рубашке, как перед этим выводил служанку. Всласть позабавившись с женой прямо на снегу, он вернулся в дом и уснул. Утром в церкви соседка рассказала жене обойщика, какую сцену она наблюдала из окна, и посоветовала уволить бесстыжую служанку. В ответ жена обойщика стала уверять ее, что это она, а не служанка забавлялась с мужем в саду: мужей ведь надо ублажать — вот она и не стала отказывать мужу в такой невинной просьбе. Дома жена обойщика передала мужу весь свой разговор с соседкой и, ни на минуту не заподозрив мужа в измене, продолжала жить с ним в мире и согласии.

Новелла шестьдесят вторая. Одна дама хотела развлечь другую занятной историей и стала рассказывать свое собственное любовное приключение, делая вид, что речь идет не о ней, а о некой незнакомой даме. Она рассказала, как один молодой дворянин влюбился в жену своего соседа и несколько лет добивался ее взаимности, но безуспешно, ибо, хотя сосед его был стар, а его жена молода, она была добродетельна и хранила верность мужу. Отчаявшись склонить молодую женщину к измене, дворянин решил овладеть ею силой. Однажды, когда муж дамы был в отлучке, он проник к ней в дом на рассвете и кинулся к ней на кровать одетый, не сняв даже сапог со шпорами. Проснувшись, дама страшно перепугалась, но, как ни старалась его образумить, он ничего не хотел слушать и овладел ею силой, пригрозив, что если она кому-нибудь об этом расскажет, то он объявит во всеуслышание, что она сама за ним посылала. Дама была в таком страхе, что не посмела даже звать на помощь. Через некоторое время, услышав, что идут служанки, молодой человек вскочил с постели, чтобы спастись бегством, но впопыхах зацепился шпорой за одеяло и стащил его на пол, оставив даму лежать совершенно обнаженной. И хотя рассказчица говорила якобы о другой даме, она не удержалась и воскликнула: «Вы не поверите, как я удивилась, когда увидала, что лежу совсем голая». Слушательница расхохоталась и сказала: «Ну, как вижу, вы умеете рассказывать занимательные истории!» Незадачливая

рассказчица пыталась было оправдаться и защитить свою честь, но чести этой уже не было и в помине.

Новелла семьдесят первая. Шорник из Амбуаза, видя, что его любимая жена при смерти, так горевал, что сердобольная служанка стала его утешать, да так успешно, что он прямо на глазах умирающей жены повалил ее на кровать и стал ласкать. Не в силах вынести такое непотребство, жена шорника, которая уже два дня не могла вымолвить ни слова, вскричала: «Нет! Нет! Нет! Я еще не умерла!» — и разразилась отчаянной бранью. Гнев прочистил ей горло, и она начала поправляться, «и ни разу с тех пор ей не пришлось упрекать мужа в том, что он ее мало любит».

В начале восьмого дня повествование обрывается.

О. Э. Гринберг

Франсуа Рабле (Francois Rabelais) [1494–1553]

Гаргантюа и Пантагрюэль (Gargantua et Pantagruel)

Роман (кн. 1–4, 1533—1552; кн. 5, опубл. 1564; полное авторство кн. 5 спорно)

Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции. Книга, полная пантагрюэлизма

Обращаясь к достославным пьяницам и досточтимым венерикам, автор приглашает их развлекаться и веселиться, читая его книгу, и просит не забыть за него выпить.

Отца Гаргантюа звали Грангузье, этот великан был большой шутник, всегда пил до дна и любил закусить солененьким. Он женился на Гаргамелле, и она, проносив ребенка во чреве 11 месяцев, объелась на празднике требухой и родила сына-богатыря, который вышел у нее через левое ухо. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что Вакх вышел из бедра Юпитера, а Кастор и Поллукс — из яйца, снесенного и высиженного Ледой. Младенец сразу же заорал:

«Лакать! Лакать!» — на что Грангузье воскликнул: «Ну и здоровенная же она у тебя!» («Ке гран тю а!») — имея в виду глотку, и все решили, что раз это было первое слово отца при рождении сына, то его и надо назвать Гаргантюа. Младенцу дали тяпнуть винца и по доброму христианскому обычаю окрестили. Ребенок был весьма смышленым и, когда ему шел шестой год, уже знал, что лучшая в мире подтирка — пушистый гусенок. Мальчика стали учить грамоте. Его наставниками были Тубал Олоферн, затем Дурако Простофиль, а потом Понократ. Продолжать образование Гаргантюа отправился в Париж, где ему приглянулись колокола собора Богоматери; он унес их к себе, чтобы повесить на шею своей кобыле, и его с трудом удалось уговорить вернуть их на место. Понократ позаботился о том, чтобы Гаргантюа не терял времени даром и занимался с ним даже тогда, когда Гаргантюа умывался, ходил в отхожее место и ел. Однажды лернейские пекари везли в город лепешки. Пастухи Гаргантюа попросили продать им часть лепешек, но пекари не захотели, тогда пастухи отобрали у них лепешки силой. Пекари пожаловались своему королю Пикрохолу, и Пикрохолово воинство напало на пастухов. Грангузье пытался уладить дело миром, но безуспешно, поэтому он призвал на помощь Гаргантюа.

По пути домой Гаргантюа и его друзья разрушили вражеский замок на берегу речки Вед, и весь остаток пути Гаргантюа вычесывал из волос ядра Пикрохоловых пушек, оборонявших замок.

Когда Гаргантюа прибыл в замок отца, в его честь был устроен пир. Повара Оближи, Обглодай и Обсоси показали свое искусство, и угощение было таким вкусным, что Гаргантюа вместе с салатом невзначай проглотил шестерых паломников — по счастью, они застряли у него во рту, и он выковырял их зубочисткой. Грангузье рассказал о своей войне с Пикрохолом и очень хвалил брата Жана Зубодробителя — монаха, одержавшего победу при защите монастырского виноградника. Брат Жан оказался веселым собутыльником, и Гаргантюа с ним сразу подружился. Доблестные воины снарядились в поход. В лесу они наткнулись на разведку Пикрохола под командой графа Улепета. Брат Жан наголову разбил ее и освободил паломников, которых разведчики успели взять в плен. Брат Жан захватил военачальника Пикрохолова войска Фанфарона, но Грангузье отпустил его, Вернувшись к Пикрохолу, Фанфарон стал склонять короля к миру с Грангузье, которого считал теперь самым порядочным человеком на свете, и заколол шпагой Бедокура, назвавшего его предателем. За это Пикрохол велел своим лучникам разорвать фанфарона на части. Тогда Гаргантюа осадил Пикрохола в Ларош-Клермо и разбил его армию. Самому Пикрохолу удалось бежать, и по дороге старая колдунья нагадала ему, что он снова станет королем, когда рак свистнет. Говорят, теперь он живет в Лионе и всех спрашивает, не слыхать ли, чтобы где-нибудь свистнул рак, — видно, все надеется вернуть свое королевство. Гаргантюа был милостив с побежденными и щедро одарил соратников. Для брата Жана он построил Телемское аббатство, не похожее ни на какое другое. Туда допускали и мужчин и женщин — желательно молодых и красивых. Брат Жан отменил обет целомудрия, бедности и послушания и провозгласил, что каждый имеет право сочетаться браком, быть богатым и пользоваться полной свободой. Устав телемитов состоял из единственного правила: делай что хочешь.

Пантагрюэль, король дипсодов, показанный в его доподлинном виде, со всеми его ужасающими деяниями и подвигами, сочинение покойного магистра Алькофрибаса, извлекателя квинтэссенции

В возрасте пятисот двадцати четырех лет Гаргантюа прижил сына со своей женой Бадбек, дочерью короля утопии. Ребенок был таким огромным, что его мать умерла родами. Он появился на

свет во время великой засухи, поэтому получил имя Пантагрюэль («панта» по-гречески означает «все», а «грюэль» на языке агарян означает «жаждущий»). Гаргантюа очень скорбел о смерти жены, но потом решил: «Надо поменьше плакать и побольше пить!» Он занялся воспитанием сына, который был таким силачом, что еще лежа в колыбели разорвал медведя на части. Когда мальчик подрос, отец отправил его учиться. По пути в Париж Пантагрюэль встретил лимузинца, который говорил на такой смеси ученой латыни с французским, что невозможно было понять ни слова. Впрочем, когда рассерженный Пантагрюэль схватил его за горло, лимузинец со страху завопил на обычном французском языке, и тогда Пантагрюэль отпустил его. Прибыв в Париж, Пантагрюэль решил пополнить свое образование и стал читать книги из библиотеки святого Виктора, такие, как «Щелкание приходскими священниками друг друга по носу», «Постоянный альманах для подагриков и венериков» и т. п. Однажды Пантагрюэль встретил во время прогулки рослого человека, избитого до синяков. Пантагрюэль поинтересовался, какие приключения довели незнакомца до столь плачевного состояния, но тот на все вопросы отвечал на разных языках, и Пантагрюэль ничего не мог понять. Только когда незнакомец заговорил наконец по-французски, Пантагрюэль понял, что зовут его Панург и прибыл он из Турции, где был в плену. Пантагрюэль пригласил Панурга в гости и предложил свою дружбу.

В это время шла тяжба между Лижизадом и Пейвино, дело было до того темное, что суд «так же свободно в нем разбирался, как в древневерхненемецком языке». Было решено обратиться за помощью к Пантагрюэлю, который прославился на публичных диспутах. Он первым делом велел уничтожить все бумаги и заставил жалобщиков изложить суть дела устно. Выслушав их бессмысленные речи, он вынес справедливый приговор: ответчик должен «доставить сена и пакли на предмет затыкания гортанных прорех, перекрученных устрицами, пропущенными через решето на колесиках». Все были в восторге от его мудрого решения, включая обе тяжущиеся стороны, что бывает крайне редко. Панург рассказал Пантагрюэлю, как он был в плену у турок. Турки посадили его на вертел, нашпиговав салом, как кролика, и начали жарить, но поджариватель заснул, и Панург, изловчившись, бросил в него головешку от костра. Начался пожар, который спалил весь город, а Панург счастливо спасся и даже уберегся от собак, бросая им куски сала, которыми был нашпигован.

Великий английский ученый Таумаст прибыл в Париж, чтобы повидать Пантагрюэля и подвергнуть испытанию его ученость. Он

предложил вести диспут так, как это намеревался сделать в Риме Пико делла Мирандола, — молча, знаками. Пантагрюэль согласился и всю ночь готовился к диспуту, читая Беду, Прокла, Плотина и других авторов, но Панург, видя его волнение, предложил заменить его на диспуте. Представившись учеником Пантагрюэля, Панург отвечал англичанину так лихо — вынимал из гульфика то бычье ребро, то апельсин, свистел, пыхтел, стучал зубами, выделывал руками разные фортели, — что без труда одолел Таумаста, который сказал, что слава Пантагрюэля недостаточна, ибо не соответствует и тысячной доле того, что есть в действительности. Получив известие о том, что Гаргантюа унесен в страну фей, и о том, что, проведав об этом, дипсоды перешли границу и опустошили утопию, Пантагрюэль срочно покинул Париж.

Вместе с друзьями он уничтожил шестьсот шестьдесят вражеских рыцарей, затопил своей мочой вражеский лагерь, а потом разгромил великанов под предводительством Вурдалака. В этой битве погиб наставник Пантагрюэля Эпистемон, но Панург пришил ему голову на место и оживил. Эпистемон рассказал, что был в аду, видел чертей, беседовал с Люцифером и хорошенько подзакусил. Он видел там Семирамиду, которая ловила вшей у бродяг, папу Сикста, который лечил от дурной болезни, и многих других: все, кто на этом свете были важными господами, влачат жалкое и унизительное существование на том, и наоборот. Эпистемон сожалел, что Панург так быстро вернул его к жизни, ему хотелось подольше побыть в аду. Пантагрюэль вступил в столицу амавротов, женил их короля Анарха на старой шлюхе и сделал его продавцом зеленого соуса. Когда Пантагрюэль со своей ратью ступил в землю дипсодскую, дипсоды обрадовались и поспешили сдаться. Одни лишь альмироды заупрямились, и Пантагрюэль приготовился к наступлению, но тут пошел дождь, его воины затряслись от холода, и Пантагрюэль накрыл свое войско языком, чтобы защитить от дождя. Рассказчик этих правдивых историй укрылся под большим лопухом, а оттуда прошел по языку и угодил Пантагрюэлю прямо в рот, где провел больше полугода, а когда вышел, то рассказал Пантагрюэлю, что все это время ел и пил то же, что и он, «взимая пошлину с самых лакомых кусков, проходивших через его глотку».

Третья книга героических деяний и речений доброго Пантагрюэля, сочинение мэтра Франсуа Рабле, доктора медицины

Покорив Дипсодию, Пантагрюэль переселил туда колонию утопийцев, чтобы возродить, украсить и заселить этот край, а

также привить дипсодам чувство долга и привычку к послушанию. Панургу он пожаловал замок Рагу, дававший как минимум 6789106789 реалов ежегодного дохода, а часто и больше, но Панург за две недели растратил все свои доходы на три года вперед, причем не на какие-нибудь пустяки, а исключительно на попойки и пирушки. Он обещал Пантагрюэлю выплатить все долги к греческим календам (то есть никогда), ибо жизнь без долгов — не жизнь. Кто, как не заимодавец, денно и нощно молится о здоровье и долголетии должника. Панург стал подумывать о женитьбе и спросил совета у Пантагрюэля. Пантагрюэль согласился со всеми его доводами: и с теми, которые за женитьбу, и с теми, которые против, так что вопрос остался открытым. Они решили погадать по Вергилию и, раскрыв книгу наугад, прочли, что там написано, но совершенно по-разному истолковали цитату. То же произошло и тогда, когда Панург рассказал свой сон. По мнению Пантагрюэля, сон Панурга, как и Вергилий, сулил ему быть рогатым, битым и обобранным, Панург же видел в нем предсказание счастливой семейной жизни. Панург обратился к панзуйской сивилле, но и пророчество сивиллы они поняли по-разному. Престарелый поэт Котанмордан, женатый на Сифилитии, написал стихотворение, полное противоречий: «Женись, вступать не вздумай в брак. / <…> Не торопись, но поспешай. / Беги стремглав, замедли шаг. / Женись или нет» и т. д. Ни Эпистемон, ни ученый муж Триппа, ни брат Жан Зубодробитель не смогли разрешить обуревавших Панурга сомнений, Пантагрюэль призвал на совет богослова, лекаря, судью и философа. Богослов и лекарь посоветовали Панургу жениться, если ему этого хочется, а по поводу рогов богослов сказал, что это уж как Богу будет угодно, а лекарь — что рога естественное приложение к браку. Философ на вопрос, жениться Панургу или нет, ответил: «И то и другое», а когда Панург его переспросил: «Ни то ни другое». На все вопросы он дал столь уклончивые ответы, что в конце концов Панург воскликнул: «Я отступаюсь… я зарекаюсь… я сдаюсь. Он неуловим». Пантагрюэль отправился за судьей Бридуа, а его друг Карпалим — за шутом Трибуле. Бридуа в это время находился под судом. Ему было предъявлено обвинение, что он вынес несправедливый приговор с помощью игральных костей. Бридуа, щедро уснащая свою речь латинскими цитатами, оправдывался тем, что уже стар и плохо видит выпавшее количество очков. Пантагрюэль произнес речь в его защиту, и суд под председательством Суесловя оправдал Бридуа. Загадочную фразу шута Трибуле Пантагрюэль и Панург, как водится, поняли по-разному, но Панург обратил внимание, что шут сунул ему пустую

бутылку, и предложил совершить путешествие к оракулу Божественной Бутылки. Пантагрюэль, Панург и их друзья снарядили флотилию, нагрузили корабли изрядным количеством чудо-травы пантагрюэлион и приготовились к отплытию.

Книга четвертая

Корабли вышли в море. На пятый день они встретили судно, плывшее из Фонарии. На борту его были французы, и Панург повздорил с купцом по прозвищу Индюшонок. Чтобы проучить забияку купца, Панург за три турских ливра купил у него одного барана из стада на выбор; выбрав вожака, Панург бросил его за борт. Все бараны стали прыгать в море вслед за вожаком, купец старался помешать им, и в результате один из баранов увлек его за собой в воду и купец утонул. В Прокурации — на земле прокуроров и ябедников — путешественникам не предложили ни поесть, ни попить. Жители этой страны добывали себе деньги на пропитание диковинным способом: они оскорбляли какого-нибудь дворянина до тех пор, пока он не выйдет из терпения и не изобьет их, — тогда они требовали с него кучу денег под страхом тюремного заключения.

Брат Жан спросил, кто хочет получить двадцать золотых экю за то, чтобы его дьявольски избили. От желающих отбою не было, и тот, кому посчастливилось получить взбучку от брата Жана, стал предметом всеобщей зависти. После сильной бури и посещения острова макреонов корабли Пантагрюэля прошли мимо острова Жалкого, где царствовал Постник, и приплыли на остров Дикий, населенный заклятыми врагами Постника — жирными Колбасами. Колбасы, принявшие Пантагрюэля и его друзей за воинов Постника, устроили им засаду. Пантагрюэль приготовился к бою и назначил командовать сражением Колбасореза и Сосисокромса. Эпистемон заметил, что имена полководцев внушают бодрость и уверенность в победе. Брат Жан построил огромную «свинью» и спрятал в нее целое войско отважных поваров, как в Троянского коня. Бой окончился полным поражением Колбас и появлением в небе их божества — огромного серого хряка, сбросившего на землю двадцать семь с лишним бочек горчицы, являющейся целебным бальзамом для Колбас.

Посетив остров Руах, жители которого ничего не ели и не пили, кроме ветра, Пантагрюэль и его спутники высадились на острове папефигов, порабощенных папоманами за то, что один из его обитателей показал фигу портрету папы. В часовне этого острова в купели лежал человек, а три священника стояли вокруг и заклинали бесов. Они рассказали, что этот человек пахарь.

Однажды он вспахал поле и засеял его полбой, но на поле пришел чертенок и потребовал свою долю. Пахарь договорился поделить с ним урожай пополам: чертенку — то, что под землей, а крестьянину — то, что сверху. Когда пришло время собирать урожай, пахарю достались колосья, а чертенку — солома. На следующий год чертенок выбрал то, что сверху, но пахарь посеял репу, и чертенок вновь остался с носом. Тогда чертенок решил царапаться с пахарем с условием, что побежденный теряет свою часть поля. Но когда чертенок пришел к пахарю, его жена с рыданиями рассказала ему, как пахарь для тренировки царапнул ее мизинцем и всю разодрал. В доказательство она задрала юбку и показала рану между ног, так что чертенок почел за лучшее убраться восвояси. Покинув остров папефигов, путешественники прибыли на остров папоманов, жители которого, узнав, что они видели живого папу, приняли их как дорогих гостей и долго расхваливали им изданные папой Священные Декреталии. Отплыв от острова папоманов, Пантагрюэль и его спутники услышали голоса, конское ржание и другие звуки, но, сколько они ни озирались по сторонам, никого не увидели. Лоцман объяснил им, что на границе Ледовитого моря, где они плыли, минувшей зимой произошло сражение. Слова и крики, звон оружия и конское ржание замерзли в воздухе, а теперь, когда зима прошла, оттаяли и стали слышны. Пантагрюэль бросал на палубу пригоршни разноцветных слов, среди которых оказались даже ругательства. Вскоре Пантагрюэлева флотилия прибыла на остров, которым правил всемогущий мессер Гастер. Жители острова, приносили в жертву своему богу всякую снедь, начиная от хлеба и кончая артишоками. Пантагрюэль выяснил, что не кто иной, как Гастер, изобрел все науки и искусства: земледелие — для того, чтобы растить зерно, военное искусство и оружие — чтобы защищать зерно, медицину, астрологию и математику — чтобы хранить зерно. Когда путешественники проплыли мимо острова воров и разбойников, Панург спрятался в трюме, где принял пушистого котищу Салоеда за черта и обмарался от страха. Потом он утверждал, что ничуть не испугался и что он такой молодец против овец, каких свет не видел.

Книга пятая

Путешественники приплыли на остров Звонкий, куда их пустили только после четырехдневного поста, оказавшегося ужасным, ибо в первый день они постились через пень-колоду, во второй — спустя рукава, в третий — во всю мочь, а в четвертый — почем зря. На острове жили только птицы: клирцы, священцы, инокцы, епископцы, кардинцы и один палец. Они пели, когда

слышали звон колокола. Посетив остров железных изделий и остров плутней, Пантагрюэль и его спутники прибыли на остров Застенок, населенный безобразными чудовищами — Пушистыми Котами, которые жили взятками, потребляя их в немереных количествах: к ним в гавань приходили целые корабли, груженные взятками. Вырвавшись из лап злых котов, путешественники посетили еще несколько островов и прибыли в гавань Матеотехнию, где их проводили во дворец королевы Квинтэссенции, которая не ела ничего, кроме некоторых категорий, абстракций, вторичных интенций, антитез и т. п. Прислужники ее доили козла и сливали молоко в решето, ловили сетями ветер, по одежке протягивали ножки и занимались прочими полезными делами. В конце путешествия Пантагрюэль и его друзья прибыли в Фонарию и высадились на острове, где находился оракул Бутылки. Фонарь проводил их в храм, где их провели к принцессе Бакбук — придворной даме Бутылки и верховной жрице при всех ее священнодействиях. Вход в храм Бутылки напомнил автору повествования разрисованный погребок в его родном городе Шиноне, где бывал и Пантагрюэль. В храме они увидели диковинный фонтан с колоннами и изваяниями. Струившаяся из него влага показалась путешественникам холодной ключевой водой, но после сытной закуски, принесенной для того, чтобы прочистить гостям нёбо, напиток показался каждому из них именно тем вином, которое он любил больше всего. После этого Бак-бук спросила, кто хочет услышать слово Божественной Бутылки. Узнав, что это Панург, она увела его в круглую часовню, где в алебастровом фонтане лежала наполовину погруженная в воду Бутылка. Когда Панург пал на колени и пропел ритуальную песню виноградарей, Бакбук что-то бросила в фонтан, отчего в Бутылке послышался шум и раздалось слово: «Тринк». Бакбук достала книгу в серебряном переплете, оказавшуюся бутылкой фалернского вина, и велела Панургу осушить ее единым духом, ибо слово «тринк» означало «пей». На прощание Бакбук вручила Пантагрюэлю письмо к Гаргантюа, и путешественники отправились в обратный путь.

О. Э. Гринберг

Мишель Эйкем де Монтень (Michel Eyquem de Montaigne) [1533–1592]

Опыты (Les Essais)

Философское эссе (кн. 1–2— 1580, кн. 3 — 1588)

Первой книге предпослано обращение к читателю, где Монтень заявляет, что не искал славы и не стремился принести пользу, — это прежде всего «искренняя книга», а предназначена она родным и друзьям, дабы они смогли оживить в памяти его облик и характер, когда придет пора разлуки — уже очень близкой.

КНИГА I (1-57)

Глава 1. **Различными способами можно достичь одного и того же.**

«Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо — человек».

Сердце властителя можно смягчить покорностью. Но известны примеры, когда прямо противоположные качества — отвага и твердость — приводили к такому же результату. Так, Эдуард, принц Уэльский, захватив Лимож, остался глух к мольбам женщин и детей, но пощадил город, восхитившись мужеством трех французских дворян. Император Конрад III простил побежденного герцога Баварского, когда благородные дамы вынесли из осажденной крепости на своих плечах собственных мужей. О себе Монтень говорит, что на него могли бы воздействовать оба способа, — однако по природе своей он так склонен к милосердию, что его скорее обезоружила бы жалость, хотя стоики считают это чувство достойным осуждения.

Глава 14. **О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них.**

«Всякий, кто долго мучается, виноват в этом сам».

Страдания порождаются рассудком. Люди считают смерть и нищету своими злейшими врагами; между тем есть масса примеров, когда смерть представала высшим благом и единственным прибежищем. Не раз бывало, что человек сохранял величайшее присутствие духа перед лицом смерти и, подобно Сократу, пил за здоровье своих друзей. Когда Людовик XI

захватил Аррас, многие были повешены за то, что отказывались кричать «Да здравствует король!». Даже такие низкие душонки, как шуты, не отказываются от балагурства перед казнью. А уж если речь заходит об убеждениях, то их нередко отстаивают ценой жизни, и каждая религия имеет своих мучеников, — так, во время греко-турецких войн многие предпочли умереть мучительной смертью, лишь бы не подвергнуться обряду крещения. Смерти страшится именно рассудок, ибо от жизни ее отделяет лишь мгновение. Легко видеть, что сила действия ума обостряет страдания, — надрез бритвой хирурга ощущается сильнее, нежели удар шпагой, полученный в пылу сражения. А женщины готовы терпеть невероятные муки, если уверены, что это пойдет на пользу их красоте, — все слышали об одной парижской особе, которая приказала содрать с лица кожу в надежде, что новая обретет более свежий вид. Представление о вещах — великая сила. Александр Великий и Цезарь стремились к опасностям с гораздо большим рвением, нежели другие — к безопасности и покою. Не нужда, а изобилие порождает в людях жадность. В справедливости этого утверждения Монтень убедился на собственном опыте. Примерно до двадцати лет он прожил, имея лишь случайные средства, — но тратил деньги весело и беззаботно. Потом у него завелись сбережения, и он стал откладывать излишки, утратив взамен душевное спокойствие. К счастью, некий добрый гений вышиб из его головы весь этот вздор, и он начисто забыл о скопидомстве — и живет теперь приятным, упорядоченным образом, соразмеряя доходы свои с расходами. Любой может поступить так же, ибо каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам об этом думает, И ничем нельзя помочь человеку, если у него нет мужества вытерпеть смерть и вытерпеть жизнь.

КНИГА II (1-37)

Глава 12. Апология Раймунда Сабундского.

«Слюна паршивой дворняжки, забрызгав руку Сократа, может погубить всю его мудрость, все его великие и глубокомысленные идеи, уничтожить их дотла, не оставив и следа от его былого знания».

Человек приписывает себе великую власть и мнит себя центром мироздания. Так мог бы рассуждать глупый гусенок, полагающий, что солнце и звезды светят только для него, а люди

рождены, чтобы служить ему и ухаживать за ним. По суетности воображения человек равняет себя с Богом, тогда как живет среди праха и нечистот. В любой момент его подстерегает гибель, бороться с которой он не в силах. Это жалкое создание не способно управлять даже собой, однако жаждет повелевать вселенной. Бог совершенно непостижим для той крупицы разума, которой обладает человек. Более того, рассудку не дано охватить и реальный мир, ибо все в нем непостоянно и изменчиво. А по способности восприятия человек уступает даже животным: одни превосходят его зрением, другие слухом, третьи — обонянием. Быть может, человек вообще лишен нескольких чувств, но в невежестве своем об этом не подозревает. Кроме того, способности зависят от телесных изменений: для больного вкус вина не тот, что для здорового, а окоченевшие пальцы иначе воспринимают твердость дерева. Ощущения во многом определяются переменами и настроением — в гневе или в радости одно и то же чувство может проявляться по-разному. Наконец, оценки меняются с ходом времени: то, что вчера представлялось истинным, ныне считается ложным, и наоборот. Самому Монтеню не раз доводилось поддерживать мнение, противоположное своему, и он находил такие убедительные аргументы, что отказывался от прежнего суждения. В собственных своих писаниях он порой не может найти изначальный смысл, гадает о том, что хотел сказать, и вносит поправки, которые, возможно, портят и искажают замысел. Так разум либо топчется на месте, либо блуждает и мечется, не находя выхода.

Глава 17. **О сомнении.**

«Всякий всматривается в то, что пред ним; я же всматриваюсь в себя».

Люди создают себе преувеличенное понятие о своих достоинствах — в основе его лежит безоглядная любовь к себе. Разумеется, не следует и принижать себя, ибо приговор должен быть справедлив, Монтень замечает за собой склонность преуменьшать истинную ценность принадлежащего ему и, напротив, преувеличивать ценность всего чужого. Его прельщают государственное устройство и нравы дальних народов. Латынь при всех ее достоинствах внушает ему большее почтение, нежели она того заслуживает. Успешно справившись с каким-нибудь делом, он приписывает это скорее удаче, нежели собственному умению. Поэтому и среди высказываний древних о человеке он охотнее всего принимает самые непримиримые, считая, что назначение философии — обличать людское самомнение и тщеславие. Самого себя полагает он личностью посредственной, и

единственное его отличие от других состоит в том, что он ясно видит все свои недостатки и не придумывает для них оправданий. Монтень завидует тем, кто способен радоваться делу рук своих, ибо собственные писания вызывают у него только досаду. Французский язык у него шероховат и небрежен, а латынь, которой он некогда владел в совершенстве, утратила прежний блеск. Любой рассказ становится под его пером сухим и тусклым — нет в нем умения веселить или подстегивать воображение. Равным образом не удовлетворяет его и собственная внешность, а ведь красота являет собой великую силу, помогающую в общении между людьми. Аристотель пишет, что индийцы и эфиопы, выбирая царей, всегда обращали внимание на рост и красоту, — и они были совершенно правы, ибо высокий, могучий вождь внушает подданным благоговение, а врагов устрашает. Не удовлетворен Монтень и своими душевными качествами, укоряя себя прежде всего за леность и тяжеловесность. Даже те черты его характера, которые нельзя назвать плохими, в этот век совершенно бесполезны: уступчивость и покладистость назовут слабостью и малодушием, честность и совестливость сочтут нелепой щепетильностью и предрассудком. Впрочем, есть некоторые преимущества в испорченном времени, когда молено без особых усилий стать воплощением добродетели: кто не убил отца и не грабил церквей, тот уже человек порядочный и отменно честный. Рядом с древними Монтень кажется себе пигмеем, но в сравнении с людьми своего века он готов признать за собой качества необычные и редкостные, ибо никогда не поступился бы убеждениями своими ради успеха и питает лютую ненависть к новомодной добродетели притворства. В общении с власть имущими он предпочитает быть докучным и нескромным, нежели льстецом и притворщиком, поскольку не обладает гибким умом, чтобы вилять при поставленном прямо вопросе, а память у него слишком слаба, чтобы удержать искаженную истину, — словом, это можно назвать храбростью от слабости. Он умеет отстаивать определенные взгляды, но совершенно не способен их выбирать — ведь всегда находится множество доводов в пользу всякого мнения. И все же менять свои мнения он не любит, поскольку в противоположных суждениях отыскивает такие же слабые места. А ценит он себя за то, в чем другие никогда не признаются, так как никому не хочется прослыть глупым, суждения его о себе обыденны и стары как мир. Всякий ждет похвалы за живость и быстроту ума, но Монтень предпочитает, чтобы его хвалили за строгость мнений и нравов.

Глава 13. **Об опыте.**

«Нет ничего более прекрасного и достойного одобрения, чем должным образом хорошо выполнить свое человеческое назначение».

Нет более естественного стремления, чем жажда овладеть знаниями. И когда недостает способности мыслить, человек обращается к опыту. Но бесконечны разнообразие и изменчивость вещей. Например, во Франции законов больше, нежели во всем остальном мире, однако привело это лишь к тому, что бесконечно расширились возможности для произвола, — лучше бы вообще не иметь законов, чем такое их изобилие. И даже французский язык, столь удобный во всех других случаях жизни, становится темным и невразумительным в договорах или завещаниях. Вообще от множества толкований истина как бы раздробляется и рассеивается. Самые мудрые законы устанавливает природа, и ей следует довериться простейшим образом — в сущности, нет ничего лучше незнания и нежелания знать. Предпочтительнее хорошо понимать себя, чем Цицерона. В жизни Цезаря не найдется столько поучительных примеров, сколько в нашей собственной. Аполлон, бог знания и света, начертал на фронтоне своего храма призыв «Познай самого себя» — и это самый всеобъемлющий совет, который он мог дать людям. Изучая себя, Монтень научился довольно хорошо понимать других людей, и друзья его часто изумлялись тому, что он понимает их жизненные обстоятельства куда лучше, чем они сами. Но мало найдется людей, способных выслушать правду о себе, не обидевшись и не оскорбившись. Монтеня иногда спрашивали, к какой деятельности он ощущает себя пригодным, и он искренне отвечал, что не пригоден ни к чему. И даже радовался этому, поскольку не умел делать ничего, что могло бы превратить его в раба другого человека. Однако Монтень сумел бы высказать своему господину правду о нем самом и обрисовать его нрав, всячески опровергая льстецов. Ибо властителей бесконечно портит окружающая их сволочь, — даже Александр, великий государь и мыслитель, был совершенно беззащитен перед лестью. Равным образом и для здоровья телесного опыт Монтеня чрезвычайно полезен, поскольку предстает в чистом, не испорченном медицинскими ухищрениями виде. Тиберий совершенно справедливо утверждал, что после двадцати лет каждый должен понимать, что для него вредно и что полезно, и, вследствие этого, обходиться без врачей. Больному следует

придерживаться обычного образа жизни и своей привычной пищи — резкие изменения всегда мучительны. Нужно считаться со своими желаниями и склонностями, иначе одну беду придется лечить при помощи другой. Если пить только родниковую воду, если лишить себя движения, воздуха, света, то стоит ли жизнь такой цены? Люди склонны считать, что полезным бывает только неприятное, и все, что не тягостно, кажется им подозрительным. Но организм сам принимает нужное решение. В молодости Монтень любил острые приправы и соусы, когда же они стали вредить желудку, тотчас же их разлюбил. Опыт учит, что люди губят себя нетерпением, между тем у болезней есть строго определенная судьба, и им тоже дается некий срок. Монтень вполне согласен с Крантором, что не следует ни безрассудно сопротивляться болезни, ни безвольно поддаваться ей, — пусть она следует естественному течению в зависимости от свойств своих и людских. А разум всегда придет на помощь: так, Монтеню он внушает, что камни в почках — это всего лишь дань старости, ибо всем органам уже пришло время слабеть и портиться. В сущности, постигшая Монтеня кара очень мягка — это поистине отеческое наказание. Пришла она поздно и мучит в том возрасте, который сам по себе бесплоден. Есть в этой болезни и еще одно преимущество — здесь ни о чем гадать не приходится, тогда как другие недуги донимают тревогами и волнением из-за неясности причин. Пусть крупный камень терзает и разрывает ткани почек, пусть вытекает понемногу с кровью и мочой жизнь, как ненужные и даже вредные нечистоты, — при этом можно испытывать нечто вроде приятного чувства. Не нужно бояться страданий, иначе придется страдать от самой боязни. При мысли о смерти главное утешение состоит в том, что явление это естественное и справедливое, — кто смеет требовать для себя милости в этом отношении? Во всем следует брать пример с Сократа, который умел невозмутимо переносить голод, бедность, непослушание детей, злобный нрав жены, а под конец принял клевету, угнетение, темницу, оковы и яд.

Е. Д. Мурашкинцева

ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
Автор пересказов Е. М. Дьяконова

Неизвестный автор

Повесть о старике Такэтори

Первый японский роман в жанре моногатари (конец IX — начало X в.)

Не в наши дни, а давным-давно жил старик Такэтори, бродил по горам и долам, рубил бамбук и мастерил из них корзины и клетки. И прозвали его Такэтори — тот, кто рубит бамбук. Зашел однажды старик Такэтори в самую глубину бамбуковой чащи и видит: льется из одного деревца сияние, глядь — что за диво! В глубине бамбукового стебля сияет дитя — маленькая девочка, ростом всего в три вершка.

«Видно, суждено ей стать моей дочерью», — сказал старик и понес девочку домой. Она была необычайно красива, но крошечная, и спать ее положили в птичью клетку.

С той самой поры как пойдет старик Такэтори в лес, так найдет чудесный бамбук, в каждом сочленении его — золотые монеты. Так стал он богатеть понемногу. Росла крошечная девочка быстро-быстро и через три месяца превратилась в чудесную девушку. Сделали ей взрослую прическу и нарядили во взрослое платье, прицепили длинный складчатый шлейф-мо. Из-за шелковой занавески девушку не выпускали, берегли и лелеяли. И все в доме озаряла ее чудесная красота. И назвали ее Лучезарной девой, стройной, как бамбук, — Наётакэ-но Кагуя-химэ.

Люди прослышали о несравненной красе Кагуя-химэ, много женихов простого звания и знатных богачей влюблялись в нее с чужих слов и приходили в безвестное селение, и только понапрасну трудились и возвращались ни с чем. Но были упрямцы, что днем и ночью бродили вокруг ее дома, посылали письма, слагали жалобные любовные песни, — не было ответа на их домогательства. Чередой шли дни и месяцы, жаркие, безводные дни сменялись ледяными, снежными, но пятеро самых упорных женихов с надеждой думали, что должна же Кагуя-химэ избрать себе супруга. И вот обратился к ней с речью старик Такэтори: «Дочь моя, мне уже за семьдесят, и в этом мире так повелось, что мужчины сватаются к девушкам, а девушки выходят замуж, семья их множится, дом процветает». «Не по душе мне этот обычай, — отвечает Кагуя-химэ, — не пойду я замуж, пока не узнаю сердце свого жениха, надо испытать их любовь на деле».

Женихи тоже согласились, что мудро она решила, и Кагуя-химэ, задала всем женихам задачи. Одному принцу, Исицукуре, повелела она привезти из Индии каменную чашу, в которую сам Будда собирал подаяние. Принцу Курамоти наказала она принести с волшебной горы Хорай, что в Восточном океане, ветку с золотого дерева с плодами-жемчужинами. Правому министру Абэ-но Мимурадзи заказала платье из далекого Китая, сотканного из шерсти Огненной мыши. Старший советник Отомо-но Миюки чтобы добыл ей камень, сверкающий пятицветным огнем, с шеи дракона. А средний советник Исоноками-но Маро должен подарить ей раковинку ласточки, что помогает легко детей рожать.

Услыхали про эти задачи принцы и сановники, загрустили и пошли восвояси. Принц Исицукури стал ломать голову, как ему быть, как дойти до Индии, где ту каменную чашу найти. И объявил он, что отправляется в Индию, а сам скрылся с людских глаз. Через три года взял он, недолго думая, старую чашу, что, вся покрытая копотью, стояла в храме на Черной горе, положил в мешочек из парчи, привязал к ветке из рукодельных цветов и со стихотворным посланием принес в дар Кагуя-химэ, Прочитала красавица письмо, а там в стихах написано: «Миновал я много / Пустынь и морей, и скал — искал / Эту чашу святую… / День и ночь с коня не слезал, не слезал — / Кровь ланиты мои орошала».

Но девушка сразу же увидела, что не исходит от чаши даже слабого сияния, и вернула ее с уничижительными стихами, а принц бросил чашу перед воротами в сердечной досаде. С тех пор пошла про таких бесстыдников поговорка: «Испить чашу позора».

Принц Курамоти велел передать Кагуя-химэ, что отправился искать золотую ветвь с жемчужинами на гору Хорай, и покинул столицу. Он отплыл на корабле в Восточный океан, но через три дня тайно вернулся, выстроил дом в потаенном месте, поселил в нем золотых дел мастеров и велел сделать такую ветку, как пожелала Лучезарная дева. Через три года он сделал вид, что вернулся в гавань после долгого плавания. Положил принц ветку в дорожный ларец и повез в дар Кагуя-химэ. В народе пошел слух, что принц привез волшебный цветок. Прибыв в дом старика Такэтори, стал принц рассказывать, как носило его по волнам четыреста дней и как высадился он на горе Хорай, сплошь покрытой золотыми и серебряными деревьями, как отломил одну ветвь и с ней поспешил домой. И Такэтори в ответ на его повесть сложил стихи: «День за днем искал я бамбук, / На горе в бессолнечной чаше / Я узлы его разрубал, / Но встречался ты с горем чаще, / Разрубая узлы судьбы».

И стал готовить опочивальню для молодых. Но, как на грех, в

этот час прибыли в дом Такэтори золотых дел мастера, что изготовили ветвь для принца, с требованием заплатить за труды. Как услышала про то Кагуя-химэ, так вернула ветвь обманщику и выгнала принца с позором. Убежал принц Курамоти в горы, и никто его больше никогда не видел. Про таких говорят: «Напрасно он рассыпал жемчужины своего красноречия».

Правый министр Абэ-но Мимурадзи, коему Кагуя-химэ велела найти для нее платье, сотканное из шерсти Огненной мыши, написал письмо китайскому гостю Ван Цину с просьбой купить в Китае эту диковинку. Выполнил просьбу гость и написал, что с большим трудом отыскал платье в храме Западных гор. Обрадовался министр и, сложив руки, поклонился в сторону китайской земли. Платье прибыло в Японию на корабле в драгоценном ларце, а само оно было густо-лазурного цвета, концы шерстинок — золотые. Казалось оно бесценным сокровищем. Очищали эту ткань не водой, а пламенем, в огне она не горела, а становилась еще прекраснее. Отправился министр в роскошном платье к девушке, привязав ларчик к цветущей ветке, а еще к ветке послание привязал: «Страшился я, что в огне / Любви моей безграничной / Сгорит сей дивный наряд, / Но вот он, прими его! / Он отблеском пламени блещет…»

Но Кагуя-химэ, желая испытать жениха, бросила драгоценное платье в огонь, и р-раз! — оно сгорело дотла. Кагуя-химэ вне себя от радости вернула министру пустой ларчик от наряда и в него вложила письмо: «Ведь знал же ты наперед, / Что в пламени без остатка / Сгорит сей дивный наряд. / Зачем же, скажи, так долго / Питал ты огонь любви?»

И неудачливый жених со стыдом воротился домой. Про таких говорят: «Погорело его дело, дымом пошло».

Старший советник Отомо-но Миюки собрал своих домочадцев и сказал: «На шее дракона сверкает драгоценный камень. Кто добудет его, может просить все, что пожелает, Драконы обитают в глубине гор и морей и, вылетая оттуда, носятся по небу. Надо подстрелить одного и снять с него драгоценный камень».

Слуги и домочадцы повиновались и отправились на поиски. Но, выйдя за ворота, разбрелись в разные стороны со словами: «Придет же в голову такая блажь». А старший советник в ожидании слуг выстроил для Кагуя-химэ роскошный дворец с золотыми и серебряными узорами. День и ночь ждал он своих слуг, но они не появлялись, тогда он сам сел на корабль и пустился по морям. И тут налетела на корабль страшная буря с громом и молнией, и подумал старший советник: «Все потому, что вознамерился я убить дракона. Но теперь я и волоска на нем не трону. Только пощади!» Буря немного утихла, но старший

советник был так измучен страхом, что, хотя корабль благополучно пристал к родному берегу, он выглядел как злой бес: ветром надуло ему какую-то болезнь, живот вздулся горой, глаза стали как красные сливы. С трудом дотащили его до дому, и слуги сразу вернулись и сказали ему: «Сам видишь, как трудно победить дракона и отнять у него разноцветный камень». Пошли в народе толки, и появилось слово «трусливый», потому как старший советник все время тер свои красные, как сливы, глаза.

Средний советник Исоноками-но Маро задал слугам задачу: разыскать в гнездах ласточек раковину, что дарует легкие роды, и слуги сказали, что нужно следить за ласточками у поварни, где их великое множество. Не одна, так другая начнет класть яйца, тут и можно добыть целебную раковину. Велел средний советник построить сторожевые вышки и посадить на них слуг, но ласточки испугались и улетели. Тогда решили посадить одного слугу в корзину и поднимать его к гнездам, лишь только ласточка решится снести яйцо. Но тут сам средний советник захотел подняться в корзине к самой кровле, где жили ласточки. На веревках его подняли на самый верх, и он, опустив руки в гнездо, нащупал что-то твердое и закричал: «Нашел, тяните». А слуги слишком сильно дернули за веревку, и она порвалась, и упал средний советник прямо на крышку большого трехногого котла для варки риса. Насилу пришел в себя, разжал руку, а там всего лишь твердый катышек птичьего помета. И тут он жалобно застонал: «Ах, эта злая раковина! На беду, полез я». А людям показалось: «Ах, все это злого рока вина. Все бесполезно». Все дни напролет средний советник сокрушался, что не достал заветной раковины, и наконец совсем ослабел и лишился жизни. Кагуя-химэ услышала о конце среднего советника и взгрустнула немного.

Наконец сам император услышал о Кагуя-химэ иее несравненной красе. Повелел он своей придворной даме отправиться в дом старика Такэтори и все разузнать о Лучезарной деве. Захотела придворная дама сама взглянуть на барышню, но та наотрез отказалась повиноваться посланнице императора, и пришлось той ни с чем возвратиться во дворец. Тогда император призвал к себе старика Такэтори и повелел ему уговорить Кагуя-химэ показаться при дворе. Но Лучезарная дева снова наотрез отказалась. Тогда вознамерился государь поехать на охоту в те места, где находился дом старика Такэтори, и будто случайно познакомиться с Кагуя-химэ. Император выехал на охоту, вошел, словно без умысла, в дом Такэтори и увидел девушку, сияющую несказанной красой. Хоть и закрылась она проворно рукавом, но успел разглядеть ее государь и воскликнул в восторге: «Больше я

с ней никогда не расстанусь!»

Кагуя-химэ не хотела подчиниться и просила-молила не забирать ее во дворец, говоря, что она не человек, а существо из другого мира. Но подали паланкин, и только хотели посадить в него Кагуя-химэ, как она начала таять, таять — и одна тень от нее осталась, И тогда отступился император — и она тотчас же приняла прежний вид.

Удалясь во дворец, император со слезами на глазах сложил: «Миг расставанья настал, / Но я в нерешимости медлю… / Ах, чувствую, ноги мои / Воле моей непокорны, / Как и ты, Кагуя-химэ!»

А она послала ему в ответ: «Под бедной сельскою кровлей, / Поросшей дикой травой, / Прошли мои ранние годы. / Не манит сердце меня / В высокий царский чертог».

Так продолжали они обмениваться грустными посланиями целых три года. Тогда люди стали замечать, что каждый раз во время полнолуния Кагуя-химэ становится задумчивой и грустной, и не советовали ей долго смотреть на лунный диск. Но она все смотрела и смотрела, и наш мир казался ей унылым. Но в темные ночи она была весела и беззаботна. Однажды в пятнадцатую ночь восьмого месяца, когда луна становится самой яркой в году, она со слезами поведала своим родителям, что на самом деле она — жительница лунного царства и была изгнана на землю, чтобы искупить грех, а теперь настало время возвратиться. Там, в лунной столице, ждут меня родные мать и отец, но знаю я, как будете вы скорбеть, и не радуюсь возвращению в родные края, а печалюсь.

Прознал император про то, что за Кагуя-химэ явятся небожители и унесут ее на луну, и повелел начальникам шести полков императорской стражи охранять Лучезарную деву. Старик Такэтори спрятал Кагуя-химэ в чулане, войска окружили дом, но в час Мыши в пятнадцатую ночь восьмой луны весь дом озарился сиянием, на облаках спустились неведомые небесные существа, и ни стрелы, ни мечи не могли остановить их. Все запертые двери распахнулись сами собой, и Кагуя-химэ вышла из дома, обливаясь слезами. Жалко ей было оставлять приемных родителей. Небожитель протянул ей наряд из птичьих перьев и напиток бессмертия, она же, зная, что стоит ей облечься в это платье, как она утратит все человеческое, написала императору письмо и с напитком бессмертия послала: «Разлуки миг настал, / Сейчас надену я / Пернатую одежду, /Но вспомнился мне ты — / И плачет сердце».

Затем Кагуя-химэ села в летучую колесницу и в сопровождении сотни посланцев улетела в небо. Опечаленный

император отнес сосуд с напитком бессмертия на гору Фудзи и зажег его; так и горит он там до сих пор.

Неизвестный автор

Повесть о прекрасной Отикубо

Из первых японских романов в жанре моногатари (X в.)

Жил когда-то в старину средний советник по имени Минамото-но Тадаёри, и было у него много красивых дочерей, которых он любил и лелеял в роскошных покоях. И была у него еще одна дочь, нелюбимая, ее мать он когда-то навещал, но она давно умерла. А у его главной супруги было жестокое сердце, она невзлюбила падчерицу и поселила ее в маленькой каморке — отикубо, отсюда пошло и имя девушки — Отикубо, которая в своей семье всегда чувствовала себя одинокой и беззащитной. У нее был только один друг — молоденькая служанка Акоги. Отикубо красиво играла на цитре и отлично владела иглой, и потому мачеха вечно заставляла ее обшивать весь дом, что было не под силу хрупкой барышне. Ее даже лишили общества любимой служанки, но той удалось найти себе супруга — меченосца Корэнари. А у того был знакомец — младший начальник левой гвардии Митиёри. Прослышав о несчастьях Отикубо, он вознамерился свести с ней знакомство и стал посылать ей нежные послания в стихах, но она не отвечала. И вот однажды, когда мачеха с отцом и со всеми домочадцами отправились на праздник, а Отикубо и Акоги остались дома одни, меченосец привел в дом Митиёри, и тот попытался добитьсяее благосклонности, но она, застыдившись бедного платья с прорехами, могла только плакать и с трудом прошептала прощальное стихотворение: «Ты полон печали… / В устах моих замер ответ. / И вторит рыданью / Крик петуха поутру. / Утру я нескоро слезы».

Но голос у нее был такой нежный, что Митиёри окончательно влюбился. Настало утро, и ему пришлось удалиться. Отикубо плакала одна в своей жалкой каморке, и Акоги принялась украшать, чем могла, ее бедную комнату: ведь ни ширмы, ни занавесей, ни красивых платьев у барышни не было. Но служанка воскурила ароматные палочки, заняла одежду у тетки, раздобыла занавес, а когда Митиёри утром уходил из дома — нашелся и красивый тазик для умывания, и вкусные вещи на завтрак. Но утром Митиёри удалился, а ведь предстояла еще третья свадебная ночь, которая должна обставляться особенно торжественно. Бросилась служанка писать письма тетке с просьбой испечь

рисовые колобки, а та, догадавшись, в чем дело, прислала целую корзину свадебных колобков и печеньем миниатюрного размера с душистыми травами — все завернуто в белоснежную бумагу!

Настоящее «угощение третьей ночи». Но в ту ночь шел сильный дождь, и Митиёри колебался: ехать или не ехать, а тут принесли послание от барышни: «Ах, часто в былые дни / Роняла я росинки слез / И смерть звала к себе напрасно, / Но дождь печальной этой ночи / Сильней намочит рукава».

Прочитав его, Митиёри скинул богатое платье, оделся во что похуже и с одним только меченосцем отправился в путь пешком под огромным зонтом. Долго и с приключениями добирались они в полной тьме. Отикубо, думая, что она уже так скоро покинута, рыдала в подушки. Тут появился Митиёри, но в каком виде! Весь мокрый, грязный. Но, увидев рисовые колобки, которыми всегда в старину угощали новобрачных, растрогался. Поутру в усадьбе послышался шум — это вернулись господа и слуги. Отикубо и Акоги не помнили себя от испуга. Мачеха, конечно, заглянула к Отикубо и сразу поняла, что что-то изменилось: в каморке приятно пахло, перед постелью висел занавес, девушка принаряжена. Митиёри посмотрел в щелку и увидел даму довольно приятного вида, если бы не густые, насупленные брови. Мачеха позарилась на красивое зеркало Отикубо, доставшееся ей от матери, и, схватив его, удалилась со словами: «А тебе я куплю другое». Митиёри же думал: «Как необыкновенно мила и добра Отикубо». Вернувшись домой, он написал ей нежное письмо, и она ответила чудесным стихотворением, и меченосец взялся доставить его по адресу, но случайно обронил в покоях сестры Отикубо. Та с любопытством прочла любовные излияния и узнала изящный почерк сиротки. Мачеха сразу же проведала про письмо и испугалась: надо воспрепятствовать браку Отикубо, а то потеряешь отличную бесплатную швею. И еще пуще стала ненавидеть бедную барышню, забрасывать ее работой, а Митиёри, узнав, как она обращается с Отикубо, очень рассердился: «Как же вы терпите?» Отикубо отвечала словами из песни, что она «цветок дикой груши и что гора не укроет ее от горя». А в доме началась ужасная спешка, надо было скорее сшить нарядный костюм для зятя, и все, и мачеха и отец, подгоняли дочь: скорее, скорее. И ругали на чем свет стоит, и все это Митиёри слышал, лежа за занавесом, а сердце Отикубо разрывалось от горя. Она принялась за шитье, а Митиёри стал помогать ей натягивать ткань, они обменивались нежными речами. А злая мачеха, толстая, как шар, с волосами редкими, похожими на крысиные хвостики, подслушала под дверью и, увидев в щелку красивого молодого человека в белом шелковом платье, а под верхним платьем — в

ярко-алом нижнем одеянии лощеного шелка и снизу шлейф цвета чайной розы, — возгорелась страшной злобой и задумала извести бедную Отикубо. Ее оговорили перед отцом и заперли в тесную кладовку, оставили без еды. А в довершение всего злая мачеха надумала отдать барышню престарелому дядюшке, все еще охочему до молоденьких девушек. Митиёри томился в тоске, через Акоги они могли тайком только обмениваться грустными посланиями. Вот что написал ей Митиёри:

«Пока не угасла жизнь, / Надежда во мне не угаснет. / Мы свидимся вновь с тобой! / Но ты говоришь: я умру! / Увы! Жестокое слово!»

Наступила ночь, и безжалостная мачеха привела в кладовку дядюшку, пылающего от любовного томления. Отикубо могла только плакать от такой любовной напасти, но Акоги надоумила ее сказаться тяжело больной. Митиёри страдал и не знал, что делать, ворота усадьбы были на запоре. Меченосец начал подумывать о том, чтобы уйти в монахи. На другую ночь Акоги сумела заклинить дверь кладовки так, чтобы дрянной старикашка, не смог проникнуть внутрь, и тот бился-бился, но ноги у него замерзли на голом полу, и к тому же прохватил его понос, и он поспешно удалился. Наутро прислал письмо: «Смеются люди надо мной. / Меня «засохшим деревом» зовут. / Но ты не верь пустым речам. / Согреет весенним, ласковым теплом, / Прекрасным цветом снова зацвету».

Утром все семейство, с отцом и мачехой во главе, со слугами и домочадцами, отправилось на праздник в святилища Камо, и Митиёри не стал ждать ни минуты. Он запряг экипаж, окна в них завесил простыми занавесками цвета опавших листьев и поспешил в путь под охраной многочисленных слуг. Меченосец ехал впереди на коне. Прибыв в дом мачехи, Митиёри бегом бросился к кладовке, меченосец помог выломать дверь, Отикубо очутилась в объятиях Митиёри, Акоги ухватила теткины вещи, ларец для гребней, и экипаж вылетел из ворот на крыльях радости. Не захотела Акоги, чтобы мачеха думала, что Отикубо побывала в руках у дядюшки, и она оставила его любовное послание на столе. Приехав в дом Митиёри, влюбленные не могли наговориться и до слез хохотали над незадачливым старикашкой, которого в ответственный момент прохватил понос. Отец же с мачехой, вернувшись домой и обнаружив кладовку пустой, пришли в страшную ярость. Только младший сынок Сабуро сказал, что с Отикубо поступили дурно. Куда пропала Отикубо, никто не знал.

Мачеха, задумав выдать замуж одну дочь, послала сваху к Митиёри, и тот, желая отомстить злой ведьме, решил для вида

согласиться, а потом выдать за себя другого человека, чтобы нанести ей страшное оскорбление. У Митиёри был двоюродный брат по прозванию Беломордый Конек, дурак каких мало, лицо у него было лошадиное, непонятной белизны, а нос выступал каким-то удивительным образом. В день свадьбы с дочерью мачехи, хоть и жаль ему было ни в чем не повинную девушку, но ненависть к мачехе взяла верх, он вместо себя послал своего братца, чье уродство и глупость в изящном наряде не сразу бросалось в глаза, а слава Митиёри как блестящего светского кавалера помогла делу. Но очень скоро все выяснилось, и мачеха словно разума лишилась от горя: уж очень зятек был дурен собой, сам щуплый, а нос двумя огромными дырками смотрит высоко в небо.

В доме же Митиёри жизнь текла своим чередом все счастливее и беззаботнее, Акоги стала домоправительницей, и ее тонкая фигурка сновала по всему дому, она даже получила новое имя — Эмон. Митиёри пользовался благоволением императора, он дарил ему платья пурпурного цвета, овеянные ароматами, со своего плеча. И Отикубо могла показать свое искусство, она шила парадные платья для матери Митиёри, изящной дамы, и для его сестры — супруги императора. Все были восхищены покроем, подбором цветов. Мать Митиёри пригласила Отикубо — а она уже носила дитя во чреве — на галерею, крытую кипарисовой корой, полюбоваться на праздник святилища Камо, и Отикубо, явившись, затмила всех своей красотой, по-детски невинным видом, чудесным нарядом из пурпурного шелка, затканного узорами, а поверх него — другим, окрашенным соком красных и синих цветов.

Наконец Отикубо разрешилась от бремени сыном-первенцем, а через год принесла еще одного сына. Отец Митиёри и он сам получили при дворе высокие должности и считали, что Отикубо принесла им счастье. Отец же Отикубо постарел, утратил влияние при дворе, зятья, которыми он гордился, покинули его, а Беломордый Конек только позорил. Он думал, что Отикубо исчезла или умерла. Отец и мачеха решили сменить дом, который приносил им несчастье, и восстановили и навели блеск в старом доме, что некогда принадлежал покойной матери Отикубо. Дом убрали покрасивее и собрались переезжать, но тут про это прознал Митиёри, и стало ему ясно, что дом сей принадлежит Отикубо, у нее и грамоты все в порядке. Решил он злую мачеху с дочерьми в дом не впускать и сам торжественно переехал. Митиёри ликовал, а в доме мачехи все пришло в уныние, Акоги тоже радовалась, только Отикубо горько плакала и жалела старика отца, умоляя вернуть ему дом. Тогда и Митиёри

сжалился над ним и ни в чем не повинными сестрами и младшеньким Сабуро и пригласил их к себе. Старик несказанно обрадовался, увидев дочь, а еще больше — счастливой перемене в ее судьбе, он с ужасом вспоминал о своей прежней жестокости к дочери и удивлялся своей слепоте. Старика наградили прекрасными подарками — настоящими сокровищами — и стали о нем так заботиться, что и словами нельзя описать. Устроили в его честь чтение сутры Лотоса, пригласили много именитых гостей, восемь дней монахи читали свитки, сборища становились все многолюднее день ото дня, сама супруга императора прислала драгоценные четки на алтарь Будды. Ширмы в пиршественном зале были украшены двенадцатью чудесными картинами по числу лун в году. Все сыновья старика были награждены чинами и званиями, а дочерей благополучно выдали замуж за знатных и достойных людей, так что и сама злая мачеха смягчилась, тем более что и ей подарили просторный дом и великое множество нарядов и всяческой утвари, В общем, все сложилось благополучно, а Акоги, говорят, дожила до двухсот лет.

Сэй Сёнагон [966—1017]

Записки у изголовья

Жанр дзуйхицу (букв. «вслед за кистью», XI в.)

Эту книгу завет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома…

Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь.

Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда в воздухе носятся бесчисленные светлячки…

Осенью — сумерки.

Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны, по три, по четыре, по две, спешат к своим гнездам — какое грустное очарование! Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад…

Зимою — раннее утро.

Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли — так и чувствуешь зиму!

Прекрасна пора четвертой луны во время празднества Камо. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному и более светлому. Нижние одежды — из белого шелка. Так и веет прохладой, негустая листва на деревьях молодо зеленеет. А вечером набегут легкие облака, где-то в отдалении прячется крик кукушки, такой неясный, словно чудится тебе… Но как волнует он сердце! Молодые девушки — участницы торжественного шествия — уже вымыли и причесали волосы, в доме царит предпраздничная суета — то завязки порвались, то сандалии не те. Матери, тетки, сестры — все парадно убранные — сопровождают девушек, каждая прилично своему рангу. Блистательная процессия!

Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова несхожи, а смысл один. Речь монаха. Речь мужчины. Речь женщины.

Немногословие прекрасно.

Госпожа кошка, служившая при дворе, почтительно

именовалась госпожой мёбу, государыня особенно любила ее. Однажды мамка, приставленная к госпоже кошке, прикрикнула на нее, когда та дремала на солнышке, и велела собаке Окинамаро укусить ее. Глупый пес бросился на кошку, а та улизнула в покои императора — и шмыг к нему за пазуху. Император удивился, велел наказать нерадивую мамку, а пса побить и сослать на Собачий остров. Пса выгнали за ворота. Совсем недавно, в третий день третьей луны, он горделиво шествовал в процессии, голова украшена цветами персика, а на спине — ветка цветущей вишни. В полдень услышали мы жалобный вой собаки, то Окинамаро потихоньку вернулся из ссылки. На него набросились и снова выкинули. В полночь какой-то пес, опухший, избитый до неузнаваемости, оказался под верандой. Приближенные государыни гадали и не могли понять, он или не он. А бедный пес задрожал, слезы так и потекли из его глаз. Значит, все-таки Окинамаро, Положив зеркало, я воскликнула: «Окинамаро!» И пес радостно залаял, государыня улыбнулась, и сам император пожаловал к нам, узнав, что случилось, и простил собачку. Как он заплакал, услыхав слова сердечного участия! А ведь это была простая собака.

То, что наводит уныние.

Собака, которая воет среди белого дня.

Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны.

Комната для родов, где умер ребенок.

Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг тихий стук в дверь. Сердце твое забилось сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал, но оказывается, там не тот, кого ты ждешь, а человек, совершенно безразличный тебе.

Или вот еще.

В оживленный дом ревнителя моды приносят стихотворение в старом вкусе, без особых красот, сочиненное в минуту скуки стариком, безнадежно отставшим от века.

Долгие дожди в последний месяц года.

То, над чем посмеиваются.

Обвалившаяся ограда.

Человек, который прослыл большим добряком.

То, что докучает.

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если можешь с ним не считаться, спровадишь его побыстрее без долгих церемоний. А если гость — человек значительный?

Растираешь палочку туши, а к тушечнице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух: скрип-скрип.

То, что дорого как воспоминание. Засохшие листья мальвы. Игрушечная утварь для кукол.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто был тебе дорог.

То, что радует сердце,

Сердце радуется, когда пишешь на белой, чистой бумаге такой тонкой кистью, что кажется, она и следов не оставит. Крученые мягкие нити прекрасного шелка. Глоток воды посреди ночи, когда очнешься ото сна.

Цветы на ветках деревьев.

Прекраснее всего весенний цвет красных оттенков: от бледно-розового до густо-алого. В темной зелени померанца ослепительно алеют цветы. С чем сравнить их прелесть на другое утро после дождя. Померанец неразлучен с кукушкой и тем особенно дорог людям. Цветок груши весьма скромен, но в Китае о нем слагают стихи. Вглядишься — ив самом деле на концах его лепестков лежит розовый отсвет, такой легкий, что кажется, глаза тебя обманывают.

То, что утонченно красиво.

Белая накидка, подбитая белым, поверх бледно-лилового платья.

Яйца дикого гуся.

Осыпанный снегом сливовый цвет.

Миловидный ребенок, который ест землянику.

В пору седьмой луны дуют вихри, шумят дожди. Почти все время стоит холодная погода, забудешь о летнем веере. Но очень приятно бывает подремать днем, набросив на голову одежду на тонкой ватной подкладке, еще хранящую слабый запах пота.

То, что в разладе друг с другом. Снег на жалкой лачуге.

Беззубая женщина кусает сливу и морщится: кисло. Женщина из самых низов общества надела на себя пурпурные шаровары. В наше время, впрочем, видишь это на каждом шагу.

Мужчину должен сопровождать эскорт. Самые обворожительные красавцы ничего не стоят в моих глазах, если за ними не следует свита.

Ребенок играл с самодельным луком и хлыстиком. Он был прелестен! Мне так хотелось остановить экипаж и обнять его.

Покидая на рассвете возлюбленную, мужчина не должен слишком заботиться о своем наряде. В минуту расставания он, полный сожаления, медлит подняться с любовного ложа. Дама торопит его уйти: уже светло, увидят! Но он был бы счастлив, если бы утро никогда не пришло. А ведь случается, что иной любовник выскакивает утром, как ужаленный. На прощание бросает только: «Ну, я пошел!»

Травы.

Трава омодака — «высокомерная».

Трава микури. Трава «циновка для пиявок». Мох, молодые ростки на проталинах. Плющ. Кислица причудлива на вид, ее изображают на парче.

Как жаль мне траву «смятение сердца».

Темы стихов. Столица. Ползучая лоза… Трава микури. Жеребенок. Град.

То, что родит тревогу.

Приезжаешь безлунной ночью в незнакомый дом. Огонь в светильниках не зажигают, чтобы лица женщин оставались скрытыми от посторонних глаз, и ты садишься рядом с невидимыми людьми.

Была ясная, лунная ночь. Императрица сидела неподалеку от веранды. Фрейлина услаждала ее игрой на лютне. Дамы смеялись и разговаривали. Но я, прислонившись к одному из столов веранды, оставалась безмолвной.

«Почему ты молчишь? — спросила государыня. — Скажи хоть слово. Мне грустно».

«Я лишь созерцаю сокровенное сердце осенней луны», — ответила я.

«Да, именно это ты и должна была сказать», — молвила государыня.

Я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства? И все же нашлись благосклонные читатели, которые говорили мне: «Это прекрасно!» Я была изумлена.

Неизвестный автор

Великое Зерцало

Жанр рэкиси моногатари — историческое повествование (XI или XII в.)

Побывал я недавно в храме Облачного Леса, где происходила церемония объяснений сутры Цветка Закона, и встретил там двух удивительных старцев, они были старше годами, чем обычные люди. Одному было сто девяносто лет, другому — сто восемьдесят. В храме толпилось множество народу, монахи и миряне, слуги и служивые, важные господа и простой люд. Но наставник — толкователь сутр не появлялся, и все терпеливо ожидали. Тут слово за слово, и старцы принялись вспоминать прошлое — ведь они пережили тринадцать императорских правлений и видели, и помнили всех придворных и императоров. Все присутствующие придвинулись поближе, чтобы тоже послушать рассказы о старине. Когда еще услышишь такое! Старцам, а звали их Ёцуги и Сигэки, очень хотелось вспоминать о том, что происходило в старину, они говорили, что в древности люди, если им хотелось говорить, а нельзя было, выкапывали яму и в нее рассказывали свои секреты.

Как забавно было смотреть на старца Ёцуги, когда он раскрывал желтый веер с десятью планками из черного дерева хурмы и важно посмеивался. Он собрался поведать собравшимся о счастливой судьбе его светлости господина Митинаги из могущественного рода Фудзивара, превзошедшего всех в мире. Дело это трудное, великое, и потому придется ему по порядку рассказать о многих императорах и императрицах, министрах и высших сановниках. И тогда прояснится ход вещей в мире. А говорить Ёцуги будет только о том, что сам слышал и видел.

Обрадовались собравшиеся в храме и придвинулись еще ближе к старцам. А Ёцуги вещал: «С самого сотворения мира один за другим до нынешнего правления сменилось, кроме семи поколений богов, шестьдесят восемь поколений императоров. Первый был император Лзимму, но о тех отдаленных временах никто не помнит. Я же сам свидетель того времени, когда в первый день третьей луны третьего года Кадзё, в год младшего брата огня и коня взошел на престол император Монтоку и правил миром восемь лет. Его матушке, императрице Годзё, были посвящены прекрасные стихи прославленного поэта Аривара

Нарихира. Как прекрасна и изящна была жизнь в старину! Не то что сейчас».

Сигэки сказал: «Ты поднес зеркало, и в нем отразились многочисленные судьбы людей знатных и знаменитых. У нас такое чувство, будто утреннее солнце ярко осветило нас, стоящих перед мраком долгих лет. Я теперь как зеркало в шкатулке для гребней, что лежит брошенное в женских покоях. В нем трудно что-нибудь разглядеть. Когда мы стоим против вас, подобно отполированному зеркалу, то прозреваем прошлое и будущее, судьбы, характеры и формы».

Ёцуги сложил так: «Я — старое зеркало, / И прозревают во мне / Императоры, их потомки — / Чередою — / Не скрыт ни один».

Ёцуги рассказывал: «Левый министр Моротада был пятым сыном благородного Тадахиры. У него была дочь неизъяснимой прелести. Когда она собиралась во дворец и садилась в коляску, то волосы ее тянулись через весь двор до главного столба в зале приемов, а если под волосы подложить белую бумагу, то ни кусочка не будет видно. уголки ее глаз были немного опущены, что было очень изящно. Как-то император узнал, что сия юная особа знает наизусть знаменитую антологию «Собрание старых и новых песен Японии», и решил испытать ее. Он спрятал книгу и наизусть прочитал начальные строки Предисловия, «Песни Ямато…», и она легко продолжила и потом читала стихи из всех разделов, и никаких расхождений с текстом не было. Услыхав об этом, благородный господин ее отец, левый министр Моротада, облачился в парадные одежды, вымыл руки и повелел повсюду читать сутры и сам молился за нее. А император полюбил дочь Моротады необыкновенной любовью, самолично учил ее играть на цитре, но потом, говорят, любовь его совсем прошла. Она же родила сына, всем сын был хорош и собою прекрасен, но скорбен главою. Так что сын великого правителя и внук славного мужа левого министра Моротады оказался слабоумным — это поистине удивительно!»

Ёцуги рассказывал: «Когда император-монах Сандзё был еще жив, то все было хорошо, но когда он скончался, то для опального принца все изменилось и стало не так, как бывало. Придворные не являлись к нему и не предавались вместе с ним развлечениям, никто не служил ему. Не было никого, кто разделил бы с ним часы скуки, и он мог только рассеянно предаваться воспоминаниям о лучших временах. Придворные стали пугливы и, страшась гнева нового императора, обходили стороной покои принца. И челядинцы в доме сочли, что служить ему затруднительно, и самые низшие слуги ведомства дворцового

порядка считали зазорным убирать в его покоях, и потому трава густо разрослась в его саду, а жилище обветшало. Редкие придворные, что иногда навещали его, советовали ему самому отречься от наследства и сложить с себя сан, прежде чем его заставят сделать это. И когда посланный могущественного Митинаги из рода Фудзивара явился к принцу, тот сообщил ему, что решил постричься в монахи: «Мне не дано знать сроки моего пребывания в сане наследного принца и свою судьбу в этом мире. Сложив с себя сан, я утолю свое сердце и стану подвижником на пути Будды, отправлюсь в паломничество и буду пребывать в мире и спокойствии».

Митинага, боясь, что принц может передумать, явился к нему в сопровождении своих сыновей и многочисленной блестящей свиты, со скороходами и верховыми передовыми. Выход его был многолюден и шумен, и, должно быть, на сердце у принца, хотя он и решился, было неспокойно. Господин Митинага понимал его чувства и сам прислуживал ему за столом, подавал блюда, своими руками вытирал столик. Утратив же свой высокий сан, бывший принц тяжко оплакивал потерю и вскоре скончался».

Ёцуги рассказывал: «Один старший советник был от природы искусен в изготовлении вещей. Государь в то время был еще совсем юн годами, и изволил он как-то повелеть своим придворным принести ему новых игрушек. И все бросились искать разные диковинки — золотые и серебряные, лаковые и резные — и принесли малолетнему императору целую гору красивейших игрушек. Старший советник же смастерил волчок, и прицепил к нему пурпурного цвета шнуры, и закрутил перед императором, и тот стал бегать за волчком кругами и веселиться. И стала эта игрушка его постоянной забавой, а на гору дорогих диковинок он и не взглянул, А еще придворные делали веера из золотой и серебряной бумаги с блестками, а планки — из ароматного дерева с разными вычурами, писали на несказанно красивой бумаге редкие стихи. Старший советник же взял для веера простую желтоватую бумагу с водяным знаком и, «сдерживая кисть», изумительно написал «травяным письмом» несколько поэтических слов. И все пришли в восхищение, а государь вложил этот веер в свою ручную шкатулку и часто им любовался».

Ёцуги рассказывал: «Однажды давным-давно государь отправился в путешествие верхом и взял с собой юного пажа из рода Фудзивара, государь изволил забавляться игрой на цитре, а играли на ней с помощью особых когтей, надеваемых на пальцы. Так вот император сии когти где-то в пути изволил обронить, и как ни искали их, найти не могли. А в путешествии другие когти

было не достать, и тогда государь повелел пажу оставаться в том месте и когти непременно найти. А сам повернул коня и поехал во дворец. Бедный паж положил много трудов, чтобы те когти найти, но их нигде не было. Вернуться же ни с чем было нельзя, и дал мальчик обет Будде, что на том месте, где обнаружатся когти, он построит храм. Как такое желание могло зародиться в столь юном сердце? Видно, все это было предопределено: и то, что император обронит когти, и то, что повелит пажу искать их. Такова история храма Горакудзи. Его задумал построить совсем юный отрок, что, конечно, удивительно».

Ёцуги рассказывал: «От дочери принца родились два мальчика, как два стройные деревца, собою прекрасны и умны, выросли и стали младшими военачальниками при дворе, господами, «срывающими цветы». Однажды в год старшего брата Дерева и Собаки разразилось жестокое поветрие, и старший брат скончался утром, а младший — вечером. Можно только представить себе, каковы были чувства матери, у которой в течение дня умерли двое детей. Младший брат долгие годы ревностно выполнял законы Будды и, умирая, сказал своей матери: «Когда я скончаюсь, не делайте с моим телом ничего, что подобает в таких случаях, просто почитайте надо мной сутру Цветка Закона, и я непременно вернусь». Сие завещание мать его не то что забыла, но поскольку была не в себе после смерти двоих, то кто-то другой из домашних поворачивал изголовье к западу и прочее, что полагалось, и потому он не смог возвратиться. Позже он привиделся во сне своей матери и обратился к ней со стихами, ибо он был прекрасный стихотворец: «Обещала мне крепко, / Но как же могла ты забыть, / Что я скоро вернусь / С берегов Реки / Пересеченной».

И как же она пожалела об этом! Младший сын был редкостной красоты, и в будущих поколениях вряд ли появится кто-нибудь его превосходящий. Он всегда был слегка небрежен в одежде, но намного элегантней всех тех, кто старался изо всех сил. Он не обращал внимания на людей, а только бормотал под нос сутру Цветка Закона, но с каким непревзойденным изяществом перебирал он хрустальные четки! Старший брат был тоже пригож, но намного грубее младшего. Как-то раз уже после смерти они явились во сне одному ученому монаху, и тот стал расспрашивать их о судьбе в обители смерти и рассказывать, как матушка горюет о младшем брате, а тот ответил, ласково улыбаясь: «То, что мы называем дождями, / Это лотосы, рассыпавшиеся ковром. / Почему же / От слез влажны рукава / В моем доме родном?»

Придворные помнили, как однажды во время снегопада

младший брат посетил левого министра и сломал в его саду ветку сливы, отягченную снегом, он встряхнул ее, и снег медленно осыпался хлопьями на его платье, а поскольку изнанка его платья была блекло-желтой, а рукава, когда он срывал ветку, вывернулись наизнанку, то снег запятнал их, и весь он в снегу так сиял красотой, что некоторые даже прослезились. Это было исполнено столь печального очарования!

Ёцуги рассказывал: «Один император был одержим злым духом и часто пребывал в дурном настроении и иногда мог совсем забыть себя и предстать в смешном виде перед подданными, но он умел слагать прекрасные песни, люди передавали их из уст в уста, и никто не мог сравниться с ним в поэзии. Он окружал себя только изысканными вещами, я удостоился лицезреть его тушечницу, которую он пожертвовал на чтение сутр, когда заболел Шестой принц: на берегу моря была изображена гора Хорай, длиннорукие и длинноногие существа, и все выделано с необыкновенным искусством. Великолепие его утвари не поддается описанию. Его обувь выносили показывать народу. Он весьма искусно писал картины, умел с неподражаемым искусством рисовать тушью катящиеся колеса экипажа, а однажды изобразил обычаи, принятые в богатых домах и у простолюдинов, да так, что все залюбовались».

Не было конца историям Ёцуги, другой старец Сигэки вторил ему, и прочие люди, служивые, монахи, слуги, тоже вспоминали подробности и добавляли, что знали, о жизни замечательных людей Японии. И старцы не переставали повторять: «Как счастливо мы встретились. Мы открыли мешок, что годами оставался закрытым, и разорвали все прорехи, и все истории вырвались наружу и стали достоянием мужчин и женщин. Был такой случай. Однажды человек святой жизни, желавший посвятить себя служению Будде, но колебавшийся, прибыл в столицу и увидел, как министр является ко двору в блестящем одеянии, как бегут впереди него слуги и телохранители, а вокруг шествуют подданные, и подумал, что, видно, это первый человек в столице. Но когда министр предстал перед Митинага из рода Фудзивара, человеком незаурядной воли и ума, могущественным и непреклонным, святой человек понял, что именно он превосходит всех. Но вот появилась процессия и возгласили прибытие императора, и по тому, как его ожидали и принимали и как вносили священный паланкин, как ему оказывали уважение, святой человек понял, что первый человек в столице и в Японии — это микадо. Но когда император, сойдя на землю, преклонил колени перед ликом Будды в зале Амида и сотворил молитву, святой сказал: «Да, нет никого, кто был бы выше Будды, вера моя

теперь безмерно укрепилась».

Камо-но Тёмэй [1153–1216]

Записки из кельи (Ходзёки)

Жанр дзуйхицу (букв. «вслед за кистью», 1212)

Струи уходящей реки… Они непрерывны; но они — все не те же, прежние воды. По заводям плывущие пузырьки пены… они то исчезнут, то свяжутся вновь, но долго пробыть — не дано им. Люди, что нарождаются, что умирают… откуда приходят они и куда уходят? И сам хозяин, и его жилище, оба уходят они, соперничая друг с другом в непрочности своего бытия, совсем что роса на вьюнках: то роса опадет, а цветок остается, но на раннем солнце засохнет; то цветок увядает, а роса еще не исчезла. Однако хоть и не исчезла она, вечера ей не дождаться.

С той поры, как я стал понимать смысл вещей, прошло уже более чем сорок весен и осеней, и за это время накопилось много необычного, чему я был свидетелем.

Как-то давно в неспокойную, ветреную ночь в столице начался пожар, огонь, переходя то туда, то сюда, развернулся широким краем, как будто раскрыли складной веер. Дома заволакивались дымом, вблизи стлалось пламя, в небеса летел пепел, оторвавшиеся языки пламени перелетали через кварталы, люди же… одни задыхались, другие, объятые огнем, умирали на месте. Мужчин и женщин, знатных сановников, простого люда погибло много тысяч, до трети домов в столице сгорело.

Однажды в столице поднялся страшный вихрь, те дома, которые он охватывал своим дуновением, рушились мгновенно, крыши слетали с домов, как листья осенью, щепки и черепица неслись, как пыль, голосов людей не было слышно от страшного грохота. Многие люди считали, что такой вихрь — провозвестник грядущих несчастий.

В тот же год приключилось неожиданно перенесение столицы. Государь, сановники, министры перебрались в землю Сэтцу, в город Нанива, и вслед за ними всякий спешил переехать, и только те, кто потерпел в жизни неудачу, оставался в старой, полуразрушенной столице, быстро приходившей в упадок. Дома ломались и сплавлялись по реке Ёдогава. Город на глазах превращался в поле. Прежнее селение — в запустенье, новый город еще не готов, пуст и уныл.

Затем, давно это было и точно не помню когда, два года был голод. Засуха, ураганы и наводнения. Пахали, сеяли, но жатвы не

было, и моления, и особые богослужения не помогали. Жизнь столичного города зависит от деревни, деревни же опустели, золотом и богатыми вещами больше не дорожили, по дорогам бродило множество нищих. На следующий год стало еще хуже, прибавились болезни, поветрия. Люди умирали на улицах без счета. Дровосеки в горах ослабели от голода, и не стало топлива, принялись ломать дома и разбивать статуи Будд» страшно было видеть на досках на базаре золотой узор или киноварь. На улицах распространилось зловоние от трупов. Если мужчина любил женщину, он умирал раньше ее, родители — раньше младенцев, потому что отдавали им все, что имели. Так, в столице умерло не меньше сорока двух тысяч человек.

Затем случилось сильное землетрясение: горы распались и погребли под собой реки; море затопило сушу, земля разверзлась, и вода, бурля, поднималась из расселин. В столице ни один храм, ни одна пагода не остались целыми. Пыль носилась как густой дым. Гул от сотрясения почвы был совсем что гром. Люди гибли и в домах, и на улицах — нет крыльев, значит, улететь в небо невозможно. Из всех ужасов на свете самое ужасное — землетрясение! А как страшна гибель раздавленных детей. Сильные удары прекратились, но толчки продолжались еще месяца три.

Вот какова горечь жизни в этом мире, а сколько страданий выпадает на долю наших сердец. Вот люди, что пребывают в зависимом положении: случится радость — они не могут громко смеяться, грустно на сердце — не могут рыдать. Совсем как воробьи у гнезда коршуна. А как презирают их люди из богатых домов и ни во что не ставят, — вся душа поднимается при мысли об этом. Кто беден — у того столько горя: привяжешься к кому-нибудь, будешь полонен любовью; будешь жить, как все, — радости не будет, не будешь поступать, как все, — будешь похож на безумца. Где же поселиться, каким делом заняться?

Вот и я сам. Был у меня по наследству дом, но судьба моя переменилась, и я все потерял, и вот сплел себе простую хижину. Тридцать с лишним лет я страдал от ветра, дождя, наводнений, боялся разбойников. И само собой постиг, как ничтожна наша жизнь. Ушел я из дома, отвратился от суетного мира. Не было у меня ни близких, ни чинов, ни наград.

Теперь уж много весен и осеней провел я в облаках горы Охараяма! Келья моя совсем мала и тесна. Стоит там изображение будды Амида, в шкатулках — собрание стихов, музыкальных пьес, инструменты бива и кото. Есть столик для письма, жаровня. В садике лекарственные травы. Вокруг деревья, есть водоем. Плющ скрывает все следы. Весной — волны

глициний, как лиловые облака. Летом слушаешь кукушку. Осенью цикады поют о непрочности мира. Зимой — снег. По утрам слежу за лодками на реке, играю, взбираясь на вершины, собираю хворост, молюсь, храню молчание, Ночью вспоминаю друзей. Сейчас мои друзья — музыка, луна, цветы. Плащ мой из пеньки, пища проста. Нет у меня зависти, страха, беспокойства. Существо мое — что облачко, плывущее по небу.

Нидзё [1253-?]

Непрошеная повесть

Роман (начало XIV в.)

Как только рассеялась туманная дымка праздничного новогоднего утра, придворные дамы, служившие во дворце Томикодзи, появились в зале приемов, соперничая друг с другом в блеске нарядов. В то утро на мне было семислойное нижнее одеяние — цвет изменялся от бледно-розового до темно-красного: сверху платье пурпурного цвета, а еще одно светло-зеленое и красная накидка с рукавами. Верхнее платье было заткано узором с ветками цветущей сливы над изгородью в китайском духе. Обряд подношения праздничной чарки императору исполнял мой отец, старший государственный советник. Когда я вернулась к себе, то увидела письмо, к нему были приложены восемь тонких нижних одеяний, накидки, верхние платья разных расцветок. К рукаву одного из них был приколот лист бумаги со стихами: «Если нам не дано, / как птицам, бок о бок парящим, / крылья соединить, — / пусть хотя бы наряд журавлиный / о любви напомнит порою!»

Но я завернула шелка обратно и послала со стихотворением: «Ах, пристало ли мне / в златотканые платья рядиться, / доверяясь любви? / Как бы после в слезах горючих / не пришлось омыть те одежды».

Государь сообщил, что намеревается посетить нашу усадьбу в связи с переменой места, так предписывали астрологи во избежание несчастья. В моей спальне поставили роскошные ширмы, воскурили благовония, нарядили меня в белое платье и пурпурную раздвоенную юбку-хакама. Отец поучал меня, что я должна быть мягкой, уступчивой и повиноваться государю во всем. Но я не понимала, о чем все его наставления, и уснула крепким сном около жаровни с углем, ощущая только смутное недовольство. Когда я среди ночи внезапно проснулась, то увидела рядом с собой государя, он говорил, что полюбил меня еще ребенком и долгие годы скрывал свои чувства, но вот пришла пора. Я ужасно смутилась и ничего не могла отвечать. Когда же расстроенный государь отбыл, то мне стало казаться, что это не государь, а какой-то новый, неизвестный мне человек, с которым нельзя разговаривать просто, как прежде. И мне стало жаль себя до слез. Тут принесли письмо от государя, а я даже не смогла

ответить, к тому же подоспело послание от него, Юки-но Акэбоно, Снежного Рассвета: «О, если к другому / склонишься ты сердцем, то знай: / в тоске безутешной / я, должно быть, погибну скоро, / словно дым на ветру растаю…»

На следующий день государь снова пожаловал, и хотя я не в силах была ему отвечать, все свершилось по его воле, и с горечью смотрела я на ясный месяц. Ночь просветлела, ударил рассветный колокол. Государь клялся мне, что наша связь не прервется никогда. Луна клонилась к западу, облака протянулись на восточном склоне неба, и государь был прекрасен в зеленом платье и светло-серой накидке. «Вот он каков, союз мужчин и женщин», — подумала я. Вспомнились мне строчки из «Повести о принце Гэндзи»: «Из-за любви государя промокли от слез рукава…» Месяц совсем побелел, а я стояла, обессилевшая от слез, провожая государя, и он внезапно подхватил меня на руки и посадил в карету. Так он увез меня во дворец Томикодзи. Государь проводил со мной ночь за ночью, но мне было странно, отчего в душе моей живет образ того, кто написал мне: «О, если к другому / склонишься ты сердцем, то знай…»

Когда же я возвратилась домой, то почему-то стала с нетерпением ждать посланий от государя. Но во дворце заработали злые языки, государыня относилась ко мне все хуже и хуже.

Скоро наступила осень, и у государыни родилась дочь-принцесса. Захворал и скончался родитель государя, с его кончиной, казалось, тучи закрыли небо, народ погрузился в скорбь, яркие наряды сменились траурными одеждами, а тело покойного императора перевезли в храм для сожжения. умолкли все голоса в столице, казалось, цветы сливы расцветут черным цветом. Вскоре срок заупокойных молебствований кончился, и все возвратились в столицу, настала пятая луна, когда рукава всегда влажны от весенних дождей. Я почувствовала, что в тягости, и отец мой, горько оплакивавший кончину государя и хотевший последовать за ним, узнав об этом, решился не умирать. Хотя государь был со мной ласков, я не знала, сколько времени продлится его любовь. Отцу же становилось все хуже и хуже, на смертном одре он печалился о моей участи, что будет с сироткой, коли покинет ее государь, и наказал мне в этом случае постричься в монахини. Скоро тело отца превратилось в бесплотный дым. Настала осень. Просыпаясь среди долгой осенней ночи, я прислушивалась к унылому постукиванию деревянных вальков, тосковала по покойному отцу. Государь на 57-й день со дня его смерти прислал мне хрустальные четки, привязанные к цветку шафрана, изготовленного из золота и

серебра, а к нему был прикреплен лист бумаги со стихами: «В осеннюю пору / всегда выпадает роса, / рукав увлажняя, — /но сегодня много обильней / россыпь росная на одеждах…»

Я ответила, что благодарю и что, конечно, отец на том свете радуется государевой ласке.

Меня навещал друг семьи Акэбоно, Снежный Рассвет, с ним можно было беседовать о чем угодно, иногда досиживали до утра. Он стал нашептывать мне о любви, да так нежно и страстно, что я не устояла, и только боялась, как бы государь не увидел нашу встречу во сне. Утром мы обменялись стихотворениями. Жила я в ту пору в доме кормилицы, довольно бесцеремонной особы, да еще ее муж и сыновья целый день шумели и галдели до поздней ночи. Так что когда появлялся Акэбоно, мне было совестно за громкие крики и грохот рисовой ступки. Но не было и не будет для меня дороже воспоминаний, чем об этих, в сущности, мучительных встречах. Любовь наша становилась все сильнее, и мне не хотелось возвращаться во дворец к государю. Но государь настоял, и в начале одиннадцатой луны пришлось мне переехать во дворец, где мне все перестало нравиться. И тогда я втайне перебралась в убогую обитель Дайго к монахине-настоятельнице. Бедно и скромно жили мы, как в конце двенадцатой луны ночью пожаловал государь. Он выглядел изысканно и прекрасно в темном одеянии на белом снегу при ущербном месяце. Государь отбыл, а на моем рукаве остались слезинки печали. На рассвете он прислал мне письмо: «Прощание с тобой наполнило мою душу дотоле не изведанным очарованием печали…» В обители темно, замерзла падающая из желоба вода, стоит глубокая тишина, лишь вдали стук дровосека.

Неожиданно — стук в дверь, глядь — а это Акэбоно, Снежный Рассвет. Снег валил, погребая все вокруг под собой, жутко завывал ветер. Акэбоно раздавал подарки, и день прошел как сплошной праздник. Когда он уехал, боль разлуки была нестерпимой. Во второй луне я почувствовала приближение родов. Государь был в то время весьма озабочен делами трона, но он все же повелел монастырю Добра и Мира молиться о благополучном разрешении от бремени. Роды прошли хорошо, родился младенец-принц, но я терзалась мыслями об отце и своем возлюбленном Акэбоно. Тот снова навестил меня при свете унылой зимней луны. Мне все казалось, что кричат ночные птицы, а то были уже птички рассветные, стало светло, выходить от меня было опасно, и мы провели день вдвоем, и тут принесли ласковое письмо от государя. Обнаружилось, что я снова понесла от Акэбоно. Страшась людских взоров, я покинула дворец и затворилась у себя, сказавшись тяжело больной. Государь слал

гонцов, но я отговаривалась, что болезнь заразная. Ребенок родился втайне, только Акэбоно и две служанки были со мной. Акэбоно сам отрезал мечом пуповину. Я посмотрела на девочку: глазки, волосики, и только тогда поняла, что такое материнская любовь. Но дитя мое унесли от меня навсегда. И так случилось, что потеряла я маленького принца, что жил в доме моего дяди, он исчез, как росинка с листа травы. Я оплакивала отца и мальчика-принца, оплакивала дочь, горевала, что Акэбоно покидал меня по утрам, ревновала государя к другим женщинам — такова была моя жизнь в ту пору. Я мечтала о горной глуши, о странствиях: «О, если бы мне / там, в Ёсино, в пустыни горной, / приют обрести — / чтобы в нем отдыхать порою / от забот и горестей мира!..»

Государь увлекался разными женщинами, то принцессой, то одной молодой художницей, и увлеченья его были мимолетны, но все равно причиняли мне боль. Мне исполнилось восемнадцать лет, многие знатные сановники посылали мне нежные послания, один настоятель храма воспылал ко мне неистовой страстью, но она была мне противна. Он осыпал меня письмами и весьма искусными стихами, подстраивал свидания — одно свидание даже произошло перед алтарем Будды, — и одно время я было поддалась, но затем написала ему: «Что ж, если однажды / изменятся чувства мои! / Ты видишь, как блекнет / любовь, исчезая бесследно, / подобно росе на рассвете?..»

Я заболела, и мне казалось, что это он своими проклятиями наслал на меня хворь.

Как-то раз государь проиграл старшему брату состязание в стрельбе из лука и в наказание должен был представить брату всех придворных дам, прислуживающих при дворе. Нас переодели мальчиками в изящнейшие наряды и повелели играть в мяч в Померанцевом саду. Мячи были красные, оплетенные серебряной и золотой нитью. Затем дамы разыгрывали сценки из «Повести о принце Гэндзи». Я уже было совсем решила отречься от мира, но заметила, что опять понесла. Тогда я скрылась в обители Дайго, и никто не мог найти меня — ни государь, ни Акэбоно. Жизнь в миру мне постыла, сожаления о прошлом томили душу. уныло и мрачно текла моя жизнь, хотя государь разыскал меня и принудил вернуться во дворец. Акэбоно, который был моей первой настоящей любовью, постепенно отдалился от меня. Я размышляла о том, что меня ждет, ведь жизнь подобна недолговечной росе.

Настоятель, который все так же неистово любил меня, скончался, прислав предсмертные стихи: «Вспоминая тебя, / ухожу я из жизни с надеждой, / что хоть дым от костра, / на

котором сгорю бесследно, / к твоему потянется дому. — И приписал; — Но, дымом вознесясь в пустоту, я буду по-прежнему льнуть к тебе». Даже государь прислал мне соболезнование: «Ведь он так любил тебя…» Я же затворилась в храме. Государь отдалился от меня сердцем, государыня на дух не переносила меня, Акэбоно разлюбил, пришлось покинуть дворец, где я провела много лет. Мне было не жаль расставаться с суетным миром, и я поселилась в храме Гион и стала монахиней. Меня звали во дворец, но я понимала, что душевная скорбь всюду пребудет со мной. И я отправилась в далекое странствие по храмам и пещерам отшельников и очутилась в городе Камакура, где правил сёгун. Всем хороша была великолепная столица сёгуна, но мне казалось, что недостает ей поэзии и изящества. Так жила я в уединении, когда узнала, что скончался государь. В глазах у меня потемнело, и я бросилась назад, в старую столицу, чтобы хоть неузнанной побывать на похоронах. Когда я увидела дымок его погребального костра, все померкло в моей жизни. Поистине невозможно изменить то, что предначертано человеку законом кармы.

Примечание переписчика: «В этом месте рукопись отрезана, и что написано дальше — неизвестно».

Неизвестный автор [XIII в.]

Повесть о доме Тайра (Хэйкэ моногатари)

Жанр повествования о ратных делах

Много было в мире князей, всесильных и жестоких, но всех превзошел потомок старинного рода князь Киёмори Тайра, правитель-инок из усадьбы Рокухара, — о его деяниях, о его правлении молва идет такая, что поистине не описать словами. Шесть поколений дома Тайра исполняли должность правителей в различных землях, однако высокой чести являться ко двору никто из них не удостоился. Отец Киёмори Тайра Тадамори прославился тем, что воздвиг храм Долголетия, в который поместил тысячу и одно изваяние Будды, и храм сей настолько пришелся всем по душе, что государь на радостях даровал Тадамори право являться ко двору. Только собрался было Тадамори представиться государю, как придворные завистники порешили напасть на непрошеного гостя. Тадамори же, прознав про это, взял во дворец свой меч, наводивший ужас на супостатов, хотя во дворце следовало быть безоружным. Когда все приглашенные собрались, он медленно вытащил меч, приложил к щеке и застыл неподвижно — в свете светильников лезвие горело, как лед, и вид у Тадамори был столь грозен, что никто не осмелился напасть на него. Но жалобы посыпались на него, все придворные выражали государю свое возмущение, и он уж было вознамерился закрыть для Тайра ворота дворца, но тут Тадамори вынул свой меч и почтительно передал государю: в черных лакированных ножнах лежал деревянный меч, оклеенный серебряной фольгой. Государь рассмеялся и похвалил За дальновидность и хитроумие. Тадамори отличался и на пути поэзии.

Сын Тадамори, Киёмори, славно сражался за государя и покарал мятежников, он получил придворные должности и наконец чин главного министра и право въезжать в карете, запряженной волом, в запретный императорский город. Закон гласил, что главный министр — наставник императора, пример всему государству, он правит страной. Говорят, произошло все это благодаря благоволению бога Кумано. Киёмори ехал как-то морем на богомолье, и вдруг огромный морской судак прыгнул сам в его ладью. Один монах сказал, что это знамение бога Кумано и следует приготовить и съесть эту рыбу, что и было

сделано, с тех пор счастье во всем улыбалось Киёмори. Он обрел невиданную власть, а все потому, что правитель-инок Киёмори Тайра собрал триста отроков и взял к себе на службу. Им подрезали волосы в кружок, сделали прическу «кабуро» и одели в красные куртки. День и ночь они бродили по улицам и выискивали в городе крамолу, чуть только что увидят или услышат, что кто-нибудь поносит дом Тайра, сразу с криком кабуро бросаются на человека и тащат в усадьбу Рокухара. Всюду ходили кабуро без спроса, перед ними даже лошади сами сворачивали с дороги.

Весь род Тайра благоденствовал. Казалось, что те, кто не принадлежит к роду Тайра, недостойны того, чтобы называться людьми. Дочери Киёмори тоже процветали, одна — супруга императора, другая — супруга регента, воспитательница младенца-императора. Сколько у них было поместий, земель, ярких нарядов, слуг и челядинцев! Из шестидесяти шести японских провинций владели они тридцатью. Усадьба Тайра — Рокухара по роскоши и великолепию превосходила любой императорский двор. Золото, яшма, атлас, драгоценные камни, благородные кони, разукрашенные экипажи, всегда оживленно и многолюдно.

В день совершеннолетия императора Такакура, когда он пожаловал на празднество в дом своих августейших родителей, случилось несколько странных происшествий: в разгар молений с горы Мужей слетели три голубя и в ветвях померанцевого дерева затеяли драку и заклевали друг друга до смерти. «Близится смута», — сказали знающие люди. А еще в огромную криптомерию, в дупле которой был устроен алтарь, ударила молния, и вспыхнул пожар. А все потому, что все в мире происходило по усмотрению дома Тайра, и боги воспротивились этому. Против Тайра восстали монахи священной горы Хиэй, так как Тайра наносили им незаслуженные обиды. Когда-то император говорил: «Три вещи мне неподвластны — воды реки Камо, игральные кости и монахи горы Хиэй». Монахи собрали множество чернецов, послушников и служек из синтоистских храмов и устремились к императорскому дворцу. Им навстречу выслали два войска — Тайра и Ёсифуса Минамото. Минамото повел себя мудро и сумел усовестить бунтующих монахов, он был прославленным воином и прекрасным стихотворцем. Тогда монахи ринулись на войско Тайра, и многие погибли под их святотатственными стрелами. Стоны и вопли поднимались к самому небу, побросав ковчеги, монахи побежали назад.

Настоятеля монастыря горы Хиэй, почтенного святого человека, изгнали из столицы далеко, в край Идзу. Оракул горы

возвестил устами одного отрока, что он покинет эти места, если свершится столь злое дело: никто за всю историю не смел покуситься на настоятеля горы Хиэй. Тогда монахи бросились в столицу и силой отбили настоятеля. Правитель-инок Киёмори Тайра пришел в ярость, и многих схватили и погубили по его приказу, слуг государевых, знатных сановников, Но этого показалось ему мало, он облачился в кафтан из черной парчи, облегающий черный панцирь, взял в руки прославленную алебарду. Сия алебарда досталась ему необычным путем. Как-то заночевал он в храме, и приснилось ему, что богиня вручила ему короткую алебарду. Но то был не сон: проснувшись, увидел он, что рядом с ним лежит алебарда. С этой алебардой отправился он к сыну своему, разумному Сигэмори, и сказал, что заговор устроил государь, а потому следует заточить его в отдаленной усадьбе. Но Сигэмори отвечал, что, видно, приходит конец его, Киёмори, счастливой судьбе, раз вознамерился он сеять смуту в стране Японии, позабыв про заветы Будды и про Пять Постоянств — человеколюбие, долг, ритуалы, мудрость и верность. Призвал его сменить доспехи на подобающую ему рясу монаха. Сигэмори боялся нарушить свой долг по отношению к монарху и сыновний долг и потому просил отца отрубить ему голову. И отступил Киёмори, а государь сказал, что Сигэмори не в первый раз являет величие души. Но многие сановники были сосланы в ссылку на остров Демонов и в другие ужасные места. Другие владетельные князья стали возмущаться всевластием и жестокостью Тайра. Все чины и должности при дворе получали только сановники из этого рода, а другим сановникам, воинам был только один путь — в монахи, а их челядинцев, слуг и домочадцев ждала незавидная участь. Погибли многие верные слуги государя, гнев неотступно терзал его душу. Мрачен был государь. А правитель-инок Киёмори с подозрением относился к государю. И вот должна была разрешиться от бремени дочь Киёмори, супруга императора Такакура, но тяжко заболела, и роды были трудными. Все во дворце в страхе молились, Киёмори отпустил на волю ссыльных и возносил моления, но ничего не помогало, дочь только слабела. Тогда на помощь пришел государь Го-Сиракава, он стал произносить заклинания перед занавесом, за которым лежала императрица, и сразу же мучения ее кончились и родился мальчик-принц. И пребывавший в смятении правитель-инок Киёмори возликовал, хотя появление принца на свет сопровождали дурные предзнаменования.

В пятую луну на столицу налетел страшный смерч. Сметая все на своем пути, смерч опрокидывал тяжелые ворота, балки, перекладины, столбы вперемешку крутились в воздухе. Государь

понял, что бедствие это случилось неспроста, и повелел монахам вопросить оракула, и тот возвестил: «Стране угрожает опасность, захиреет учение Будды, придет в упадок власть государей, и наступит нескончаемая кровопролитная смута».

Сигэмори отправился на богомолье, услыхав мрачное предсказание, и по дороге въехал на коне в реку, и белые одежды его от воды потемнели и стали будто траурные. Вскоре он заболел и, приняв монашеский сан, скончался, оплакиваемый всеми близкими. Многие горевали о его ранней гибели: «Наша маленькая Япония слишком тесное вместилище для столь высокого духа», А еще говорили, что он единственный мог смягчить жестокость Киёмори Тайра и только благодаря ему страна пребывала в покое. Какие же начнутся смуты? Что будет? Перед смертью Сигэмори, увидев вещий сон о гибели дома Тайра, передал траурный меч своему брату Корэмори и наказал одеть его на похоронах Киёмори, потому что предвидел гибель своего рода.

После смерти Сигэмори Киёмори, пребывая в гневе, задумал ещеболее упрочить свою и так беспредельную власть. Он разом лишил должности знатнейших вельмож государства, повелев им оставаться в своих усадьбах безвыездно, а другим отправиться в ссылку. Один из них, бывший главный министр, искусный музыкант и любитель изящного, был сослан в далекий край Тоса, но он решил, что для человека утонченного не все ли равно, где любоваться луной, и не очень расстраивался. Сельские жители, хотя и слушали его игру и пение, не могли оценить их совершенство, но его слушал бог местного храма, и когда он заиграл «Ароматный ветерок», в воздухе поплыло благоухание, а когда запел гимн «Молю тебя, прости мне грех…», то стены храма содрогнулись.

В конце концов и государь Го-Сиракава был отправлен в ссылку, что повергло его сына императора Такакуру в большое горе. Тогда и его сместили с трона и возвели на престол внука Киёмори, малолетнего принца. Так Киёмори стал дедом императора, его усадьба стала еще более роскошной, а его самураи разоделись еще в более пышные платья.

В это время в столице тихо и незаметно жил второй по старшинству сын государя Го-Сиракава — Мотихито, он был прекрасным каллиграфом и обладал многими дарованиями и достоин был занять престол. Он сочинял стихи, играл на флейте, и жизнь его проходила в унылом уединении. К нему наведался Ёримаса Минамото, важный царедворец, принявший духовный сан, и стал уговаривать его поднять восстание, свергнуть дом Тайра и занять престол, а к нему примкнет множество вассалов и

сторонников Минамото. К тому же один предсказатель прочел на челе Мотихито, что суждено ему воссесть на престол. Тогда обратился принц Мотихито с воззванием к сторонникам Минамото объединиться, но Киёмори проведал про это, и принцу пришлось срочно бежать из столицы в женском платье к монахам обители Миидэра. Монахи не знали, что делать: очень сильны были Тайра, двадцать лет по всей стране покорно гнутся перед ними травы и деревья, а звезда Минамото тем временем угасла. Они решили собрать все силы и ударить по усадьбе Рокухара, но сначала укрепили свою обитель, построили частоколы, возвели стены, вырыли рвы. Воинов в Рокухара было больше десятка тысяч, а монахов не более тысячи. Монахи Святой горы отказались следовать за принцем. Тогда принц с тысячью своих соратников отправился в город Нару, а воины Тайра пустились вдогонку. На мосту через реку, что обломился под тяжестью конников, разгорелась первая битва между Тайра и Минамото. Множество воинов Тайра погибло в волнах реки, но и люди Минамото тонули в бурных весенних волнах, и пешие, и всадники. В разноцветных панцирях — красных, алых, светло-зеленых — они то погружались, то всплывали, то вновь исчезали под водой, словно красные кленовые листья, когда дыхание осенней бури срывает их и несет к реке, Погибли в битве и принц, и Ёримаса Минамото, сраженные стрелами могучих воинов Тайра. К тому же Тайра решили проучить монахов обители Миидэра и жестоко расправились с ними, а обитель сожгли. Люди говорили, что злодеяния Тайра достигли предела, считали, сколько вельмож, царедворцев, монахов он сослал, загубил. Да еще перенес столицу на новое место, что принесло людям неисчислимые страдания, ведь старая столица была чудо как хороша. Но спорить с Киёмори было некому: ведь новому государю было всего три года. Старая столица уже покинута, в ней все пришло в запустение, поросло травой, заглохло, а в новой жизнь еще не устроена… Начали строить новый дворец, и жители устремились на новые места в Фукухару, славящуюся красотой лунных ночей.

В новом дворце Киёмори снились дурные сны: он видел горы черепов под окнами дворца, да еще, как назло, исчезла бесследно короткая алебарда, подаренная ему богиней, видно, близится к концу величие Тайра. Тем временем начал собирать силы находившийся в ссылке Ёритомо Минамото. Сторонники Минамото говорили о том, что в доме Тайра один лишь покойный Сигэмори был духом тверд, благороден и умом обширен. Сейчас же у них не сыщется никого, кто достоин был бы управлять страной. Нельзя терять времени понапрасну, нужно поднять

мятеж против Тайра. Недаром сказано: «Отвергая дары Небес, навлечешь на себя их гнев». Ёритомо Минамото все медлил и колебался: боялся страшной участи в случае поражения. Но опальный государь Го-Сиракава поддержал его начинания высочайшим указом, которым повелевал ему начать битву с Тайра. Ёритомо поместил указ в парчовый футляр, повесил на шею и не расставался с ним даже в битвах.

В новой столице Фукухара Тайра готовились к сражению с Минамото. Кавалеры прощались с дамами, сожалевшими об их отъезде, парочки обменивались изящными стихотворениями. Полководцу Тайра — Корэмори, сыну Сигэмори, исполнилось двадцать три года. Кисть живописца бессильна передать красоту его облика и великолепие доспехов! Конь у него был серый в яблоках. Он ехал в лакированном черном седле — по черному лаку золотые блестки. За ним войско Тайра — шлемы, панцири, луки и стрелы, мечи, седла и конская сбруя — все искрилось и сверкало. То было поистине великолепное зрелище. Воины, покидая столицу, давали три обета: забыть дом свой, забыть о жене и детях, забыть о собственной жизни.

За Ёритомо стояло несколько сотен тысяч воинов из Восьми Восточных Земель. Жители равнины реки Фудзи в страхе бежали, покинув свои жилища. Потревоженные птицы улетели с насиженных мест. Воины Минамото издали троекратный боевой клич, так что содрогнулись земля и небо. И воины Тайра бежали в страхе, так что в их стане не осталось ни одного человека.

Ёритомо сказал: «В этой победе нет моей заслуги, это великий бодхисатва Хатиман ниспослал нам эту победу».

Киёмори Тайра был в ярости, когда Корэмори вернулся в новую столицу. Решено было не возвращаться на новое место, так как Фукухара не принесла счастья Тайра. Теперь все в безумной спешке заселяли старые, порушенные дома. Тайра, хоть и боялся монахов Святой горы, вознамерился сжечь старые монастыри священного города Нара, рассадники мятежа. Разгромлены были святые храмы, золотые изваяния Будд повергнуты в пыль. Надолго погрузились в скорбь души людские! Множество монахов приняло смерть от огня.

Не утихала военная смута в восточных землях, погибли монастыри и храмы в старой столице, скончался прежний император Такакура, вместе с дымом погребального костра вознесся к Небу, как весенний туман. Император питал особое пристрастие к багряным осенним листьям и целыми днями готов был любоваться прекрасным зрелищем. Это был мудрый правитель, явившийся в наше гиблое время. Но, увы, так уж устроен мир человеческий.

Тем временем объявился отпрыск дома Минамото — юный Ёсиката. Вознамерился он положить конец владычеству Тайра. Вскоре из-за злодеяний Тайра весь восток и север отделились от него. Тайра приказал всем своим сподвижникам выступить на усмирение востока и севера. Но тут правитель-инок Киёмори Тайра тяжко заболел, страшный жар обуял его; когда его поливали водой, она, шипя, испарялась. Те струи, что не касались тела, пылали огнем, все заволок темный дым, пламя, крутясь, поднималось к небу. Супруга еле могла приблизиться к Киёмори, превозмогая нестерпимый жар, исходящий от него. Наконец он скончался и пустился в последний путь к Горе Смерти и к Реке Трех Дорог, в подземное царство, откуда нет возврата. Был Киёмори могуч и властен, но и он в одночасье превратился в прах.

Государь Го-Сиракава вернулся в столицу, стали восстанавливать храмы и монастыри города Нара. В это время Минамото с приспешниками подступили с боями к столичному округу. Решено было послать им наперерез войска Тайра. Им удалось разбить передовые отряды Минамото, но ясно стало, что вечное счастье Тайра им изменило. Среди ночи налетел ужасный вихрь, хлынул дождь, из-за туч раздался громовой голос: «Приспешники злодея Тайры, бросьте оружие. Не будет вам победы!» Но воины Тайра упорствовали. А тем временем объединились войска Ёритомо и Ёсинака, и стали Минамото вдвое сильнее. Но и к Тайра поспешили со всех сторон тучи самураев, и набралось их больше ста тысяч. Встретились войска Тайра и Минамото не на широкой равнине, но Минамото, уступавшие числом Тайра, хитростью заманили их в горы. Стали лицом к лицу оба войска. Солнце клонилось к закату, и оттеснили Минамото врага к огромной пропасти Курикара. Грянули голоса сорока тысяч всадников, и горы дружно рухнули от их крика. Тайра оказались в ловушке, семьдесят тысяч всадников рухнули в пропасть, и все погибли.

Но Тайра сумели собрать новое войско и, дав передышку людям и коням, стали боевым лагерем в местечке Синохара, что на севере. Долго сражались они с войском Минамото, много воинов с обеих сторон пало в битве, но наконец Минамото с большим трудом взяли верх, и Тайра бежали с поля боя. Только один статный витязь продолжал сражаться и после жестокого боя с героями Минамото уступил и был убит. Оказалось, что то верный старец Санэмори, святой жизни человек, окрасил голову в черный цвет и вышел сражаться за своего сюзерена. Почтительно склонили головы перед благородным врагом воины Минамото. Всего же свыше ста тысяч воинов Тайра вышло стройными рядами

из столицы, и только двадцать тысяч возвратились обратно.

Но Минамото не дремали, и скоро большим войском явились к северному пределу столицы. «Они объединились с монахами и вот-вот нагрянут в столицу», — говорили перепуганные обитатели усадьбы Рокухара. Хотелось им скрыться куда-нибудь, но в Японии уже не осталось для них спокойного места, негде было им обрести мир и покой. Выступил тогда Корэмори из усадьбы Рокухара навстречу врагу, а саму усадьбу предали огню, и не ее одну: сами сожгли, уходя, больше двадцати усадеб своих вассалов с дворцами и садами и более пяти тысяч жилищ простых людей. Плакала супруга Корэмори, его дети и слуги. Цунэмаса, дворецкий императрицы, прощаясь со своим учителем, настоятелем храма Добра и Мира, обменялся с ним прощальными стихотворениями. «О горная вишня! / Печально цветенье твое — / чуть раньше, чуть позже / суждено с цветами расстаться / всем деревьям, старым и юным…»

А ответ был таков: «Давно уж ночами / походной одежды рукав / стелю в изголовье / и гадаю, в какие дали / заведет дорога скитальца…»

Разлука всегда печальна, что же чувствуют люди, расставаясь навеки? Как обычно, в пути изголовье из трав насквозь отсырело от влаги, — кто скажет, то роса была или слезы? Император оставил свои покои и отправился к морю, принцы и принцессы укрылись в горных храмах, Тайра уже бежали, а Минамото еще не пришли: столица опустела. Тайра обосновались далеко на юге, на острове, в городе Цукуси, там же находилась резиденция малолетнего императора, внука Киёмори, но и оттуда пришлось им бежать, ибо настигали их Минамото. Бежали они через каменистые отроги гор, по песчаной равнине, и из пораненных ног алые капли падали на песок. Сын Сигэмори, кавалер с нежной душой, лунной ночью долго утешался пением стихов, игрой на флейте, а потом, вознеся моление Будде, бросился в море.

Государь Го-Сиракава пожаловал Ёритомо титул сёгуна, великого полководца, покорителя варваров. Но в столице обосновался не он, а море. Супруга его еще долго ждала писем, узнав же правду, упала замертво. Князь Ёритомо в Камакуре, услыхав эту весть, сожалел о славном воине, хоть и враге.

А затем в столице свершилось восхождение на престол нового императора, и впервые в истории без священных регалий — меча, зерцала и яшмы. Тайра продолжали предпринимать мелкие вылазки силами пятисот — тысячи воинов. Но походы эти приносили лишь разорение казне и несчастья народу. Боги отвергли род Тайра, сам государь от них отвернулся, покинув столицу, превратились они в скитальцев, блуждающих по воле

волн в море. Но покончить с ними не удавалось, и Есицунэ Минамото решил не возвращаться в столицу, пока не разгромит всех Тайра окончательно и не прогонит их на остров Демонов, в Китай и в Индию. Он снарядил корабли и при сильном попутном ветре отправился к острову, где укрепились Тайра и откуда они совершали свои набеги. Всю ночь напролет неслись они по волнам, не зажигая огней. Прибыв в город Тайра — Цукуси, они напали на них в час отлива, когда вода доходила лишь до бабок коням, бежать по морю на кораблях было нельзя — слишком низко стояла вода. Много погибло тогда самураев Тайра. Показалась на море разукрашенная ладья, а в ней прекрасная девица в блестящем наряде с веером. Она знаками показала, что надо попасть в веер меткой стрелой. Ладья плясала на волнах далеко от берега, и в веер попасть было очень трудно. Один меткий стрелок, вассал Минамото, въехал на коне далеко в море, прицелился и, молясь богу Хатиману, выпустил стрелу. Она с гудением пролетела над морем, и звук ее раздался над всем заливом. Вонзилась стрела в алый веер с золотым ободком, и он, трепеща, поднялся в воздух и упал в синие волны. С волнением смотрели на это с далеких судов Тайра, а с суши — воины Минамото. Победа досталась Минамото, а Тайра либо погибли в сражении, либо бросились в море, либо уплыли неведомо куда.

И снова дом Тайра сумел подняться из руин, собрать войска и дать бой в заливе Данноура. У Минамото было более трех тысяч кораблей, у Тайра — тысяча. Морские течения бушевали в проливе, суда сносило течением, сверху от криков воинов проснулись боги, снизу обитатели глубин — драконы. Корабли сталкивались, и самураи, обнажив мечи, рвались на врагов, рубили налево и направо. Казалось, Тайра возьмут верх, их стрелы летели лавиной, поражая врагов. Но воины Минамото перепрыгнули на корабли Тайра, кормчие и гребцы, убитые, лежали на дне. На одном корабле находился малолетний император, внук Киёмори Тайра, отрок восьми лет, прекрасный собой, сияние его красоты озаряло все вокруг. С ним — его мать, вдова покойного государя, она приготовилась к смерти. Император сложил вместе прелестные маленькие ладошки, поклонился восходу, прочел молитву. Он заливался слезами, но его мать, чтобы утешить, сказала ему: «Там, на дне, найдем мы другую столицу». И погрузилась с ним в волны моря, обвязав вокруг пояса, императорский меч. О скорбная, скорбная участь! Алые знамена плыли по алым от крови волнам, как кленовые листья в осенних реках, опустелые суда носились по морю. Много самураев попало в плен, погибло, утонуло. Злосчастная весна злосчастного года, когда сам император погрузился на дно

морское. Священное зерцало, доставшееся императорам от самой богини солнца Аматэрасу, и драгоценная яшма вернулись в столицу, меч же утонул в море и погиб безвозвратно. Стал меч навсегда достоянием бога Дракона в бездонных морских глубинах.

Пленные Тайра прибыли в столицу. Их везли по улицам в каретах, в белых траурных одеяниях. Знатные сановники, славные воины изменились до неузнаваемости, они сидели опустив головы, предаваясь отчаянию. Люди еще не забыли, как они процветали, и ныне, при виде столь жалкого состояния тех, кто еще так недавно внушал каждому страх и трепет, все невольно думали: уж не во сне ли все это им снится? Не было ни единого человека, кто не утирал бы рукавом слезы, плакал даже грубый сердцем простой народ. Немало людей в толпе стояли с опущенной головой, закрыв лицо руками. Всего три года назад эти люди, блестящие царедворцы, ехали по улицам в сопровождении сотен слуг, блистали пышными одеяниями, сияние их нарядов, казалось, затмевало солнце!

Отец и сын, оба храбрые самураи Тайра, ехали в этих каретах, их отвезли в далекую усадьбу, на сердце у обоих лежала тяжесть. Они молчали, не притрагивались к пище, только лили слезы. Наступила ночь, они легли рядом, и отец бережно прикрыл сына широким рукавом своего кафтана, Стражники, увидев это, сказали: «Отцовская любовь сильнее всего на свете, будь то простолюдин или знатный вельможа». И суровые воины прослезились.

Ёритомо Минамото получил второй придворный ранг — великая честь, а священное зерцало было водворено в императорский дворец. Дом Тайра сгинул, главные военачальники были казнены, мирная жизнь вступала в свои права.

Но начались пересуды в Камакуре: вассалы докладывали Ёритомо, что младший брат его Ёсицунэ прочит себя на его место и себе приписывает всю славу победы над Тайра. И тут приключилось великое землетрясение: рушились все строения, и императорский дворец, и кумирни японских богов, и буддийские храмы, усадьбы вельмож и хижины простолюдинов. Небо померкло, земля разверзлась. Сам государь и вассалы замирали от страха и возносили молитвы. Люди с сердцем и с совестью говорили, что малолетний император покинул столицу и погрузился в море, министров и вельмож на позор возят по улицам, а потом казнят, головы их вывешаны у врат темницы. С древних времен и до наших дней грозен был гнев мертвых духов. Что теперь будет с нами?

Но Ёритомо возненавидел брата своего и слушал наветы вассалов, хоть и клялся Ёсицунэ ему в верности, и пришлось ему бежать. О скорбный наш мир, где расцвет сменяется увяданием так же быстро, как вечер приходит на смену утру! А случились все эти беды только из-за того, что правитель-инок Киёмори Тайра всю Поднебесную средь четырех морей сжимал в своей деснице, выше себя — не боялся даже самого государя, ниже себя — не заботился о народе, казнил, ссылал, поступал своевольно, не стыдился ни людей, ни белого света. И воочию явилась тут истина: «За грехи отцов — возмездие детям!»

notes

Примечания

1

Более подробно принципы построения настоящего издания изложены в предисловии к тому «Русская литература XIX века».

2

Кония — старинная мера, равная = 500 бочкам.